Дети пространства

В. Вагнер И. Емельянова

20 мая 2014 г.

Оглавление

Пролог **7**

1 Настоящая европейская вечеринка **10**

2 Кино не будет **22**

3 Лаборатория Шварцвассера **37**

4 Тревога-П **48**

5 Роттердамский порт **61**

6 Fleet in being **66**

7 antispace.org **72**

8 Бальное платье Элен **84**

9 Космических оккупантов приглашали? **88**

10 Пират должен кормить крабов **100**

11 Транспортник «Марианна» **104**

12 Урок невесомости **109**

13 Прогулка в Шёнбрунне **113**

14 Маленький золотой дракон **118**

15 Посадка **123**

16 Андреа Фаррани **133**

17 Старт «Марианны» **143**

18 Остающиеся на Земле **155**

19 Любительское кино и техническая эстетика **157**

20 Ноутбук Торвальдыча **161**

21 Карл и Лада **165**

22 Генетическая коррекция **170**

23 Интервью **178**

24 Станция Сириус **186**

25 Бразильский художник **201**

26 Экобиостанция Сигма Дракона-d **208**

27 Игра в драконов **225**

28 Рукопись, найденная в ноутбуке **228**

29 Золото Рейна **248**

30 Скачок в цивилизованный космос **253**

31 Луна с неба **257**

32 Встреча старых друзей **272**

33 Мертвый город Клавиус **276**

34 Кусок системной платы **293**

35 А всё-таки полетим на Марс **298**

36 Разлука, разлука **306**

37 Старейший из обитаемых миров **313**

38 Как беззаконная комета **329**

39 Мельдилорн **334**

40 Анджей Краковски и пески Марса **339**

41 Чайные гонки **347**

42 Бета Южной Гидры **349**

43 Прогулки по Лерне **355**

44 Остров Кота-в-Сапогах **376**

45 В гостях у Оссэ и Ниссе **386**

46 Гертруда Марсианская **399**

47 Возвращение в Клавиус **406**

48 Текущий ремонт **408**

49 Бой Терри с драконом **415**

50 Пироги бабушки Тордис **421**

51 Алые паруса **424**

52 Прогулка под Фобосом **427**

53 Оверсан **430**

54 Атмосферное давление **435**

55 В университете Бордо **440**

56 Последний житель Клавиуса **445**

57 Дневник трансгуманиста **451**

58 На краю бассейна **461**

59 Сделка века **467**

60 Экскурсия в Мадуродам **471**

61 Дым отечества **474**

62 Абитуриенты **485**

63 Ильма Линдсней, профессор этнографии **490**

64 Dumpfmaschinenmuseum **505**

65 Мозаика летнего полдня **514**

66 Лавинная опасность **518**

67 Там, в маленьком кафе **527**

68 Хчыагнул **531**

69 Лемурийские горы **542**

70 Хыгр Айол **550**

71 Маяк на краю Агнула **558**

72 Аэростоп **561**

73 Король, он и голый — король **566**

74 Via de Catta **570**

75 Люди и собаки болота **577**

76 Охотники на киллинхенов **588**

77 Лейтенант Фицрой **595**

78 Опера «Экспансия» **598**

Эпилог **605**

Пролог

Флиттер медленно поднимался над островом Бали. То есть это для флиттера медленно, разгоняясь с ускорением всего-то полтора g. Больше не рекомендуется, если на борту есть раненые, а обстановка мирная.

Пилот, первокурсник Военно-Космической Академии Джек Летайр, следил за цифрами скорости, сменявшимися на встроенном в очки экране, ожидая, когда те достигнут нужных для баллистического перелёта домой трёх тысяч метров в секунду. И одновременно поглядывал на пассажиров.

Вот Ринка, подмастерье-медик, нависла над лежащим без сознания Келли Лависко. Что же она делает, дура! Вдруг упадёт на него при полутора g, а у него и так три ребра сломаны! Хотя нет, там рядом Ким Лэнсер с четвёртого курса, он подстрахует. Полторы Ринки — это килограммов пятьдесят, не больше, здоровый шестнадцатилетний курсант как-нибудь удержит.

Смешная она, эта Ринка. Перед стартом — вынь да положь ей связь с ее мастером! А где я ей связь возьму, если остров наглухо укрыт облаком вулканического пепла, да ещё насыщенного электричеством, словно шерсть кота, которого гладил целый класс школьников? Единственное, что тут можно – подняться выше облака, постаравшись не набрать пепла в движки. Что, кстати, мы сейчас и сделали.

К тому же вокруг полно старшекурсников. Офицерский медминимум сдают в конце второго курса, значит, все курсан-

ты третьего и четвёртого года обучения должны разбираться в медицине лучше, чем подмастерье.

— Рина, тебе ещё связь нужна? Теперь она есть.

Мара Лависко бросила на Джека выразительный взгляд сквозь забрало каски — не отвлекайся, мол. А почему бы и не отвлечься? Облако пепла пройдено, активный участок скоро закончится, автопилот сам выключит движок, когда наберётся необходимая скорость.

И чего она сидит в каске, когда все остальные их уже сняли?

А, понятно — пилота контролирует. С тактического монитора каски это делать гораздо удобнее, чем через маленькие экранчики очков.

Ещё минута, и двигатели отключились. На борту наступила невесомость, шарниры пилотского кресла разблокировались, и оно стало вращающимся. Чем Джек и воспользовался, развернувшись на нем в сторону салона:

— Мара, послушай, а они вообще люди?

— Кто?

— Земляне.

— А что в них не так? Сам-то ты кто?

В Порт-Шамбале не считалось зазорным припоминать человеку его истинное происхождение. Приёмыш из приюта так приёмыш, всё равно ведь знает, что ничем не хуже остальных. Тем более недавно у Джека объявился то ли дедушка, то ли двоюродный дядюшка.

— Ну смотри... Во-первых, совершенно немыслимый идиотизм с этим извержением вулкана. Как-то не по-человечески откладывать эвакуацию, несмотря на однозначный прогноз, и дожидаться, чтобы спасатели таскали туристов прямо из-под раскалённой тучи. Потом вообще все наши отношения с ними — ни туристы из Галактики практически не бывают на Земле, ни земляне никуда не летают. На всей планете с десятью миллиардами населения единственный космодром — наша маленькая военная база. При этом мы обеспечиваем их связью, спутниковой съёмкой и так далее, а они строят нам корабли. Как вообще

называются такие отношения?

— Симбиоз, — подала голос Ринка, как раз закончившая аккуратно пристёгивать ремнями Келли, чтобы тот никуда не уплыл с кресла в невесомости.

— А по-моему, больше похоже на скотоводство, — возразил Джек.

Мара задумалась. Недавно сданный курс новейшей истории Галактики ничем не мог помочь ответить на вопрос мальчишки. Да, там было про события 2098 года, которые привели к разрыву колоний с матерью-Землёй, а также про предъявленный Земле в 2208 ультиматум шияаров и свалившуюся тем на голову Третью Арктурианскую эскадру... Впрочем, это уже не совсем история — эскадрой командовал дедушка Тадек, который сейчас в отставке и возглавляет Военно-Космическую Академию.

Однако всё это не проливало никакой ясности на вопрос, чем земляне отличаются от спейсиан, и почему отношения между теми и другими такие странные.

Но когда тебе ещё нет шестнадцати, очень хочется почувствовать себя взрослой. А по спейсианским понятиям взрослый отличается от ребёнка тем, что ребёнок задаёт вопросы, а взрослый ищет ответы самостоятельно.

Глава 1

Настоящая европейская вечеринка

Элен стояла под козырьком около станции подземки и напряжённо всматривалась в текущий мимо поток людей. Это занятие было для неё непривычным — обычно, наоборот, ждать её приходилось парням. А уж Келли за всю историю их знакомства ни разу не опаздывал. Впрочем, судя по часам на крыше здания с другой стороны площади, до назначенного срока оставалась ещё минута.

Это тоже был несколько необычный опыт. Видимо, пунктуальность Келли оказалась заразной.

Но вот сквозь серую осеннюю морось, загнавшую Элен под козырёк, мелькнули знакомые зеркальные очки на пол-лица. Коротко стриженые тёмные, слегка курчавые волосы, темно-синяя куртка... Но что это? Под знакомой курткой явно девичья фигура. Да и ростом её обладательница явно не с Келли.

Элен уже было перевела взгляд дальше вдоль людского потока, но девушка явно направилась к ней. Остановилась рядом, посмотрела на неё (или сквозь неё, в очках не разберёшь) и спросила:

— Вы Элен Арети?

— Да...

— Я Мара, сестра Келли. Он просил передать, что сегодня не сможет прийти. Позвонить вам не получилось — похоже, у вас телефон разряжен.

Элен сунула руку в сумочку и принялась там рыться, пока не ухватила телефон за ремешок и не вытащила его на свет божий. Аппарат действительно был выключен, а при попытке включить слабо пискнул и снова помер.

Девушка подняла глаза на собеседницу:

— А что случилось с Келли?

— А, — махнула рукой та. — Ничего такого, с чем современная медицина не справится за неделю. Ну, ожоги тридцати процентов кожи, ну, два сломанных ребра и рука...

— Как так?

— Видела в двухчасовых новостях сюжет про остров Бали? — Мара как-то незаметно перешла на «ты». — Извержение вулкана, накрывшее курорт. Вот там, когда мы вытаскивали несчастных курортников, его и приложило вулканической бомбой. Предупреждали же их вулканологи, что в течение ближайшего месяца опасность критическая. Нет, скрыли, потому что закрыть курорт даже на месяц — значит потерять деньги! В результате нас срывают с занятий, в диспетчерской за всю вахту отдувается один Мишель, вулканологи тоже вместо того, чтобы заниматься своей работой, помогают нам таскать курортников из подвалов. У нас один флиттер разбит, второй повреждён и три человека в регваннах. Но всех вытащили. А местные спасатели прилетели к шапочному разбору. Только и сумели, что отснять для новостей язык лавы, ползущей по коттеджам, и потерять лопасть винта. Ещё и их спасать пришлось.

— Погоди, погоди... остров Бали — это где-то на другом конце Земли?

— Ага, в Индонезии.

— И как же вы с Келли...

— А Келли никогда не рассказывал тебе, где живёт? Тебе что-нибудь говорит название Порт-Шамбала?

— Шамбала... это где-то в Китае? Или в Индии?

— Примерно. В Гималаях, как раз на границе того и другого. Оттуда до Бали гораздо ближе, чем досюда, — Мара улыбнулась одними краешками губ. — А вообще мы в двадцать третьем веке живём. На этой планете нет двух точек, удалённых друг от друга больше, чем на двадцать мегаметров. Всё в пределах часа баллистического полёта.

У Элен окончательно пошла кругом голова. Какой бы там ни был век на дворе, идея мотаться на свидание с девушкой за шесть часовых поясов как-то не укладывалась в её сознании. И уж тем более идея отправиться через четверть планеты лишь ради того, чтобы предупредить девушку брата, что тот не сможет прийти...

И вообще, так не бывает. Спасатели летают на вертолётах, а не на каких-то непонятных флиттерах, а баллистический полёт — что-то из области атомно-военных страшилок века этак двадцатого. Помнится, на стажировку в Принстон Элен летела через Атлантику на обычном самолёте, и заняло это часов восемь.

— А можно его навестить? — осторожно спросила она, прикидывая — тут-то мы всё и разузнаем, и про баллистический полет, и про порт в Шамбале...

— Можно, он наверняка будет рад, — весело ответила Мара. — Но, увы, не сегодня... — Она на секунду задумалась: — Не раньше послезавтра. Его из регванны только послезавтра выпустят.

— Откуда?

— Ну вы и живете в ваших городах! — в голосе Мары проскользнула снисходительная нотка. — У вас можно дожить до гулянья с парнями, но так и не узнать, что такое регенерационная ванна. А я впервые попала в регванну в десять лет.

Элен окинула Мару критическим взглядом. Фигура вполне оформившаяся, но в лице, во всяком случае, в той части, которая не закрыта очками, чувствуется что-то неуловимо детское. Одежда, похоже, форменная, стрижка короткая, мальчишеская. Пластика движений... какая-то нечеловеческая, дви-

гается как кошка или даже тигрица — плавно, экономно, уверенно. Не похоже ни на подростковую угловатость, ни на отточенную грацию взрослой девушки. Впрочем, у Келли тоже замечалось что-то подобное.

— А сколько тебе сейчас?

— Пятнадцать. Да, а куда вы с Келли собирались пойти? В театр?

— Нет, на вечеринку к одним моим знакомым.

— А без него ты туда пойдёшь?

— Конечно. Очень жаль, что не смогу его им представить.

— А можно мне с тобой? Никогда в жизни не была на настоящей европейской вечеринке! Вот только костюм у меня, наверное, неподходящий...

— Костюм простят. У нас сейчас мода на мужской стиль, половина девушек так ходит. Но тебя не хватятся?

— Хватятся? Это как? — Мара наморщила лоб. — А, это в том смысле, что девушка в пятнадцать лет не должна в полночь шляться неизвестно где и неизвестно с кем? Не хватятся. Во-первых, я известно где. У меня с аккумуляторами всё в порядке, и если кому-то надо, он в любой момент определит мои координаты с точностью до метра. Во-вторых, по нашим понятиям я уже почти взрослая, и шляться неизвестно с кем — моё полное право, чуть ли не обязанность. Этнографический отчёт писать придётся — это без вопросов. Но опять же зачёт по этнографии сдавать надо...

— Всё-таки ты инопланетянка.

— Я?! Нет, я в Порт-Шамбале родилась. Это Келли у нас инопланетянин. Он родился на Лемурии, то есть Арктуре-е.

«Всё страньше и страньше», — подумала Элен. — Ну да ничего. Привести к Рандью эту девушку с её наивной откровенностью будет гораздо забавнее, чем Келли, который умеет не афишировать свою необычность.

По дороге Элен призналась своей спутнице:

— Это будет не совсем традиционная венская вечеринка. Рандью не австрийцы, они французы, переехали в Вену каких-

то пятнадцать лет назад, когда Поль получил место в нашем университете. В науке давно без разницы, француз ты, немец или хорват. А Жанна — журналистка, пишет по-французски, в основном для женевских и лозаннских изданий. И гости тоже будут в основном из университета или из журналистской тусовки. Так что там соберётся совершенно космополитическое сборище.

— Мне ещё рано вникать в такие тонкости, — успокоила её Мара. — Я вообще, кроме Сибири и северной Индии, нигде на Земле толком не бывала.

* * *

Над столом в комнате Мишеля висела модель космического корабля. Мара пригляделась:

— Это же старина «Лиддел-Гарт»?

— Да, — ответил мальчик, польщенный интересом родительской гостьи к его модели.

— Ух ты, даже заплата на боевой рубке видна. Я помню, как она образовалась...

— Да? — удивился Мишель. — А вот я не помню. Вроде я все серии «Звёздного патруля» смотрел... в семнадцатой заплаты ещё не было, а в следующей — появилась. Или были какие-то серии, которых по телеку не показывали, только на дисках распространяли?

— Этого действительно не могли показывать. Ты же видел, что в титрах сериала только имя Пауля Эрлиха, оператора, а ни актёров, ни даже режиссёра нет?

— Ну да. Ребята говорят, что Эрлих — гений компьютерной анимации. Сам сочиняет, сам рисует, сам голоса синтезирует, а типажи для членов экипажа где-то на улицах подсмотрел.

— Ну надо же, целую теорию придумали! — усмехнулась Мара. — На самом деле Эрлих — военный корреспондент, а сериал — документальный от первого до последнего кадра. Когда мы получили эту пробоину, Эрлиха приложило шлемом о

переборку. Потом он помогал нам ее заваривать. А потом выяснилось, что в камере, встроенной в шлем, от удара раскололась матрица. Он тогда чуть не плакал. Вот, посмотри!

Мара сняла свои очки и отдала Мишелю. На внутренней стороне стёкол, как на экране, двигалось изображение: Пауль Эрлих в скафандре, но без шлема сидел за монитором. На экране монитора творилось что-то ужасное — нечёткое изображение было разбито на куски резкими тёмными линиями, снизу вообще чёрный треугольник на полкадра...

— Естественно, такую запись в эфир не пустишь. А кадров с тактических мониторов и локаторов, которые Эрлих постоянно таскает у штурманов, оказалось недостаточно. Тем более что в тот раз «Лиддел-Гарт» шёл без эскорта, и заснять подлёт ракеты было некому.

— А откуда у тебя эти кадры?

— Вот этими самыми очками и сняла. Хотя нет, предыдущими — тогдашние очки мне сейчас были бы малы. Вот поставь семнадцатую серию и дай мне перемотку.

Мара прокрутила почти полфильма и остановила кадр на эпизоде, где из какого-то то ли вентиляционного трубопровода, то ли кабельного колодца вылезает девочка-юнга лет двенадцати.

— Похоже на меня три года назад?

Мишель с сомнением оглядел уже сложившуюся фигуру Мары, потом ещё совсем детскую фигурку девочки на экране.

— И сколько же лет тебе тогда было?

— Двенадцать. Как тебе сейчас.

— Везёт людям — в двенадцать лет делом занимаются! А я только в школу ходи и в «Галактические империи» играй. И то родители ругаются, что я провожу за компом слишком много времени.

— А кто ты в «Галактических империях»?

— Mirandu, сокращённо от Мишель Рандью. А ты тоже играешь?

— Нет, я её модерирую. Я там demiurg24... Стоп, так это

ты — автор программы наведения противоракет «Василиск»?

— Да, я. Только толку-то? Не успел выиграть с ней двух боев, как ею повооружались все остальные. Вот почему, как только загрузишь программу в свои ракеты, она сразу же становится доступна всем игрокам?

— А ты больше на контрразведке экономь. У тебя не то что программу — линкор накануне решающей битвы сведут.

— Деньгами неинтересно. Вот если бы можно было перса специального сочинить. Вроде Шерлока Холмса или капитана Сегуры...

— А ты характеры своим персонажам на ROOP-е пишешь? — удивилась Мара. Она полагала, что язык программирования, встроенный в «Галактические Империи» худо-бедно подходит для наведения тупых противоракет, но создание на нём чего-то более сложного, хотя бы собеседника, скрашивающего скуку межпланетных вахт — занятие исключительно занудное.

— Ага. Это гораздо интереснее, чем тупо прокачивать им скиллы. И быстрее, кстати.

— Ну вообще, прямо чудеса в решете! Я думала, что такое возможно только на Тау-Цети-е или ещё в какой молодой колонии. Но чтобы на Земле, с её десятью миллиардами населения, мир оказался настолько тесен! Только представь: полгода назад программа «Василиск» спасла жизнь моему брату. Три месяца назад брат познакомился с Элен. И вот сегодня Элен приводит меня в гости – а ведь собиралась его самого! – к людям, сын которых написал эту программу!

— Ты хочешь сказать, что мою программу используют в настоящих противоракетах?! — у Мишеля глаза на лоб полезли.

— Ага. Именно для этого «Галактические Империи» и заведены — чтобы десятки тысяч людей пробовали свои силы в написании программ управления оружием. А лучшие мы потом отбираем и используем в настоящих боях.

— Хорошо устроились, — с досадой произнёс Мишель. — Программы себе получаете, и ни гроша за это не платите...

— А вот и неправда! — перебила его Мара. — Сколько у тебя сейчас на счету галактических кредитов? Или думаешь, что на планете, которую ты захватил полгода назад, месторождение титана появилось просто так, на ровном месте? А ведь деньги из игры можно выводить. В отличие от большинства прочих ваших онлайновых игр, в «Галактические Империи» вводить деньги нельзя, а вот выводить — пожалуйста.

— И как? Своей кредитки у меня нет. А родители и так не одобряют, что я с компа не слезаю. Разницы между писанием программ в «Галактических Империях» и какой-нибудь стрелялкой-бегалкой для дошкольников, они не понимают и понимать не хотят. И даже если я как-нибудь сниму деньги и принесу домой, они скорее решат, что я их украл.

— Да, родители — это проблема. А как они относятся к попыткам заработать на карманные расходы?

— В каникулы они пытались пристроить меня на автозаправку, но мне там не понравилось. Они считают, что я плохо умею общаться с людьми, и мне надо этому учиться.

— Ну, все устроены по-разному — кому-то с людьми общаться, а кому-то и программы писать. Второе у тебя неплохо получается. Пожалуй, я бы могла подыскать тебе пару мест, где можно подработать программистом. Правда, это не будет работа с космическим оружием..

— Во время учебного года мне вряд ли позволят. Скажут — сиди лучше историю учи. У меня с ней проблемы.

— У mirandu, и вдруг проблемы с историей? Расскажу остальным демиургам, под столами валяться будут. У тебя же талант к стратегии! А история, насколько я знаю, наполовину состоит из стратегии, а наполовину из политической интриги, что то же самое, вид сбоку.

— Но я никак не могу запомнить все эти даты. . .

— Потому, что неправильно пытаешься запомнить. Знаешь что, загляни-ка вот на этот сайт, пройди тестирование и выбери себе курс всеобщей истории. В объёме вашей школьной программы всю историю можно выучить за месяц.

— Откуда ты знаешь???

— Я сама её так учила. Месяц в восемь лет и ещё месяц в четырнадцать. Потому что в восемь лет ещё непонятно кое-что из области отношений мужчин и женщин. А это играет очень важную роль, особенно в допромышленный период, поэтому приходится переучивать. Но тебе уже двенадцать, и ты с детства смотришь ваше телевидение, так что можешь учить по программе для четырнадцатилетних.

— И это бесплатно?

— Не совсем. Но уж заплатить на нашем же сайте кредитами «Галактических Империй» — никаких проблем.

— А зачем психологический тест?

— У вас всё ещё держится какая-то средневековая идея, что всех людей можно учить одинаково. На самом деле разные люди лучше усваивают по-разному поданные знания. А у нас нет времени на то, чтобы учиться по пятнадцать-шестнадцать лет, как вы. Мы учимся восемь лет — с пяти до девяти и с двенадцати до шестнадцати.

От разговора с Мишелем Мару отвлёк звонок в дверь. Хозяйка пошла открывать, а любопытная спейсианка тут же высунулась в коридор следом за нею.

На пороге возник худощавый человек довольно высокого роста, поздоровался с хозяйкой – и тут заметил за её спиной гостью. Внимательно всмотревшись ей в лицо, он вытащил из кармана наладонник, что-то там поискал, поглядел на Мару, на экран, опять на Мару...

— Девушка, скажите пожалуйста, что вы делали на острове Бали восемь часов назад? — спросил он, подняв глаза от экрана.

— Как что? — фыркнула Мара, приняв такое отсутствие условностей как должное. — Лекции прогуливала, разумеется. Всю Академию с занятий сняли. Младших — пилотами флиттеров, старших в десант, — она переместилась поближе к новому гостю, пытаясь увидеть, что у него на экране наладонника: — А чья у вас видеозапись? Джеффри Хоббарта, или кто-то из

туристов снимал? Я вроде не видела, чтобы у кого-то из них была видеокамера.

— Хоббарта, — гость ещё раз внимательно посмотрен на Мару. — А что, в этой суматохе было время заметить, кто снимает, а кто нет?

Мара слегка замешкалась с ответом, и в образовавшуюся паузу вклинилась Жанна:

— Вы же ещё не представлены друг другу! Знакомьтесь: Анджей Краковски, журналист. Мара Лависко...

— Курсант четвёртого курса Военно-Космической Академии, — отрапортовала Мара, демонстративно приняв стойку «смирно».

— Жанна, — Анджей перевёл взгляд на хозяйку, — как тебе удалось заполучить сюда такую гостью?

— Вообще-то Элен собиралась привести сюда своего нового молодого человека, — слегка растерянно улыбнулась Жанна. — А вместо этого привела Мару.

— И на Хоббартовской записи прекрасно видно, почему так получилось, — пояснила девушка. — Давайте покажу.

Анджей наконец сдался и уступил наладонник. Мара отмотала запись на нужное место: на экране парень в форме Космического флота вытаскивает кого-то из полузасыпанного пеплом дома — и в этот момент у самого его бока падает вулканическая бомба.

— Смотрите, вот этим самым булыжником Келли и приложило. А кое у кого телефон в сумочке разрядился, и вместо того, чтобы позвонить и отменить встречу, пришлось лететь сюда. А раз уж я добралась до Европы...

Анджей повесил на вешалку свой плащ, и вся компания переместилась в гостиную. Жанна пригласила всех за стол, на котором красовались высокие хрустальные бокалы. Хозяин дома открыл бутылку белого вина с простой черно-белой этикеткой и начал разливать.

— Мне не надо, — Мара накрыла ладонью свой бокал. — Мне ещё домой лететь.

— Зря, — заметила Элен. — Такое вино, как у Рандью, мало где попробуешь. И вообще, кто заметит один бокал?

— Нюхом чую, что зря. Даже по запаху слышно, что это настоящий мускат, с лозы, а не какая-нибудь клеточная культура. Но ведь заметят. Систему жизнеобеспечения флиттера не обманешь — заблокирует доступ к управлению и повезёт меня домой на автопилоте. Вся Академия смеяться будет. Лучше уж я чаем обойдусь. Кстати, откуда такое вино?

— У Поля есть знакомый виноградарь где-то под Айзенштадтом, — пояснила Жанна. — Мы в те места каждую осень ездим и запасаемся местным вином на целый год.

Понемногу за разговорами дело дошло до сладкого. И тут Мара вдруг заявила, что сегодня чай заваривает она, и извлекла из рюкзака плоскую пластиковую коробочку. Когда она торжественно внесла в гостиную большой металлический чайник и разлила по чашкам темно-красную ароматную жидкость, это произвело среди гостей куда больший фурор, чем австрийское вино, к которому все, кроме Мары, более-менее привыкли.

— А это откуда? — поинтересовалась Жанна.

Мара ухмыльнулась:

— У кого-то знакомые виноградники под Айзенштадтом, а у кого-то — знакомая чайная плантация под Симлой. Кстати, рецепт заваривания тоже оттуда, передавался из поколения в поколение со времён английского владычества.

Когда гости собрались расходиться, Анджей подошёл к Маре:

— Не уделите ли мне некоторое время? Мне бы хотелось расспросить вас по поводу событий на Бали.

— С удовольствием. Вообще-то у меня есть куча видеоматериалов, которые я буду рада передать профессиональному журналисту. Но не на наладоннике же это дело монтировать.

— Надеюсь, у меня дома найдётся подходящая аппаратура. Если только у вас нет предубеждений против посещения холостяцкого дома в такое время суток.

— Я скоро совсем запутаюсь, где на этой планете какое вре-

мя суток. Но, полагаю, часа три на ногах ещё продержусь. Это далеко отсюда?

— Где-то полчаса от Зюдбанхоф на электричке.

— Тогда придётся воспользоваться моим флиттером. Он, конечно, найдёт меня и сам, но гонять флиттеры над городами в автоматическом режиме не рекомендуется.

Мара решительно повела Анджея к станции метро, а потом за угол, где в узком переулке среди обычных машин стояла сигарообразная конструкция длиной раза в полтора больше приличного лимузина, но при этом вдвое уже. Вместо колёс она опиралась на какие-то лапы. При приближении хозяйки в кокпите включился свет, и фонарь кабины мягко откинулся.

— Садитесь на заднее сиденье, — сказала Мара и, легко перемахнув через борт, уселась на переднее.

Анджей оперся на оба борта, словно это была байдарка, и взобрался в кокпит. Сиденье, мягко зажужжав, обхватило его спину.

— Пристёгиваться не обязательно, — сказала Мара. — Полетим низко и медленно.

Машина плавно поднялась со своего места, взлетела над крышами домов метров на сто и взяла курс на Лизинг. Похоже, под категорию «медленно» с точки зрения Мары подпадало всё, что медленнее скорости звука — буквально через несколько минут флиттер пошёл на посадку перед домом Анджея.

Глава 2

Кино не будет

В понедельник Анджей проснулся с тяжёлой головой. Вроде вчера у Рандью пили чисто символически. И что же было потом? Потом он притащил домой эту девушку, Мару. Нет, сексом они точно не занимались — она явно не из тех, кто прыгает в постель к мужчине в первый день знакомства. Но почему же тогда ощущение, будто его выжали, как тряпку?

Ах, да — до двух часов монтировали видеоролик. За всю свою журналистскую карьеру Анджей не мог припомнить такой интенсивной работы. И вроде бы сидел в кресле и только изредка подавал советы... Мара тоже сидела в стороне от компьютера, не пользуясь ни клавиатурой, ни мышью. Экстрасенс она, что ли? Нет, вряд ли. Скорее у неё вся одежда набита электроникой. Помнится, на вечеринке она что-то говорила про экраны в очках.

Анджей заварил себе кофе и запустил ролик. Хм, весь дикторский текст явно его голосом. В упор не помнится, чтобы диктовал. Да и когда? За три часа смонтировать сорокаминутный ролик... Нет, голос явно синтезированный. И интонация чуть-чуть не соответствует сюжету, тон для лёгкого флирта, а не для жёсткого триллера с детективным уклоном, каким получился ролик. Впрочем, понятно — откуда бы ещё Маре набрать сэмплов его голоса, кроме разговоров во время вечеринки? Это

что же, она всё, что видит и слышит — пишет? Хотя с курсанта ВКФ станется.

А вообще так даже лучше. Интонация вполне подходящая для морской травли или экспедиционных баек у костра. У тех, кто понимает, создаст ощущение причастности диктора к событиям.

Ладно, пора просыпаться и куда-нибудь пристраивать получившийся ролик.

Тут в голову Анджею пришла ещё одна мысль. Он потянулся к телефону и набрал номер.

— Привет, полярный волк.

— Привет, газетная крыса.

— Слушай, Майк, тебе что-нибудь говорит фамилия Лависко?

— Э-э...

— А в сочетании с названием Порт-Шамбала?

— А, припоминаю. Был у меня года три назад практикант из ВКФ, Келли Лависко. Водил всё, что движется. Странный он какой-то — вроде молодой парнишка, лет шестнадцати, а глаза жёсткие, как у ветерана. Говорят, он потом там у них карьеру сделал, и сейчас чуть ли не комендант Порт-Шамбала.

— А про его сестру ты что-нибудь знаешь?

— Младшую? Вроде показывал фото девчушки лет двенадцати в замасленном хэбэ, вылезающей из какой-то трубы в звездолёте.

— Ох, видел бы ты её сейчас. Когда ей столько же лет, сколько братцу тогда...

Майк помолчал, потом поцокал языком.

— Да, чувствую, представил, — ухмыльнулся Анджей. — С воображением у тебя было всегда хорошо.

* * *

В среду в полседьмого утра Элен разбудил телефонный звонок. Не открывая глаз, она протянула руку и схватила телефон, лежавший на тумбочке.

— Лависко-пятая. С добрым утром, — раздался из телефона до безобразия бодрый голос. — Элен, ты ещё не отказалась от идеи навестить Келли?

— Не в такую же рань, — сонно пробормотала Элен, села на постели и помотала головой. Когда будят таким бодрым и решительным голосом, шансов на успешное сопротивление у сонного человека нет.

— У нас здесь почти полдень, — возразила Мара. — А Келли нельзя сейчас по ночам с девушками гулять. Только днём.

— Но мне на занятия...

— К которому часу?

— К десяти.

— Тогда, если занятия совсем не прогуливаются, могу к десяти привезти тебя обратно. Дольше шести вечера, в смысле двенадцати по-вашему, всё равно не получится. В общем, двадцать минут тебе на сборы.

Без пяти семь в спешке собравшаяся Элен вышла из подъезда и увидела прямо перед ним флиттер с откинутым фонарём. Мара сидела на борту рядом с пилотским сиденьем, заложив ногу за ногу.

— Долго тебя ещё ждать?

— А что ты хочешь? Ты меня разбудила и дала двадцать минут на сборы. Обычно я собираюсь раза в три дольше. Я же не военный лётчик

— Действительно, — Мара хмыкнула. — Я совершенно отвыкла, что бывают люди, которые никуда не торопятся по утрам. Ладно, садись, полетели.

Флиттер почти бесшумно поднялся над крышами, развернулся носом вертикально вверх, и Элен вдавило в сиденье.

— Ох, а нельзя ли помягче?

— Нельзя. Потерпи пять минут — активный участок кончится, начнётся невесомость.

Впрочем, перегрузка не лишила Элен дара речи:

— А почему ты, когда мне звонила, так официально представлялась? «Лависко-пятая, с добрым утром».

— Знаешь, — Мара скосила на Элен глаз через зеркало заднего вида, не отворачивась от приборной доски. — Я не так часто звоню малознакомым людям. Поэтому от стеснения сбилась на шаблон коммуникации, вбитый в Академии.

— Это вас так учат, в первой же реплике вываливать на собеседника важную информацию? Как мешком по голове.

— Конечно. Если радиосигнал до собеседника идёт минут десять, времени на обмен всякими ритуальными репликами вроде «Привет!», «Как дела?» может уйти безумно много. Поэтому, если звонишь по делу, тему этого дела надо объявить в первой же реплике.

— А почему ты пятая?

— Потому что. Традиция такая, если в военном флоте служат люди с одинаковой фамилией, не важно, родственники или нет, то к фамилии добавляется порядковый номер. Дедушка Тадек — Лависко-первый, папа — второй, дядя Генрик — третий, Келли — четвёртый

— А мама у тебя во флоте не служит?

— Служит, но она под своей фамилией, а не под папиной. У нас нечасто меняют фамилии, выходя замуж.

Когда перегрузка прекратилась, Элен наконец смогла оглядеться по сторонам. Небо было абсолютно чёрным и звёздным, и в нем медленно поворачивался гигантский бело-голубой шар.

— Какая сейчас высота? — спросила Элен.

— Не высота, а расстояние до планеты. Высота — это когда в атмосфере, — уточнила Мара. — Расстояние сейчас 0,3.

— Ноль три чего?

— Мегаметра, естественно. Не в парсеках же тут мерять.

— А почему Земля над головой?

— Потому что мы на дневной стороне, и флиттер повернут днищем к Солнцу. Не хочу, чтобы ты прилетела к Келли вся обгоревшая, — Мара чуть усмехнулась. — А то придётся тебя в регванну засовывать. Ладно, любуйся, а я займусь навигацией. Надо запросить у диспетчера посадочный коридор.

Минут через десять, когда зрелище проплывающего над

фонарём земного шара успело Элен порядком поднадоесть, Мара скомандовала приготовиться к торможению. Через несколько секунд Элен опять вдавило в кресло. Впрочем, на этот раз то ли перегрузка была слабее, то ли Элен уже привыкла, поэтому она была в состоянии замечать то, что происходит вокруг.

Поначалу не происходило ничего. Небо оставалось таким же чёрным и звёздным, Земли не было видно — она висела где-то за хвостом флиттера. Потом небо понемногу начало синеть, звезды исчезли. Ещё через минуту перегрузка прекратилась, флиттер развернулся параллельно земле и полетел уже как обычный летательный аппарат, а не по баллистической траектории. Однако небо при этом оставалось темно-синим, а не голубым, как обычно.

— Нас спустили в четвёртом квадрате, так что придётся потратить несколько минут на подлёт к городу, — пояснила Мара — Эх, это ночью надо видеть! Впрочем, может быть, ещё увидишь.

— А сейчас мы на какой высоте? — спросила Элен.

— Двенадцать тысяч сто. Смотри, вон впереди...

Впереди огромной белой пилой громоздился заснеженный хребет, а у его подножия на сером каменистом плато сияла огромная зеленовато-голубая жемчужина.

— Вот это и есть Порт-Шамбала. Город накрыт куполом, потому что иначе дышать здесь было бы трудновато — это плато на высоте больше шести тысяч.

Мара направила флиттер к земле у самого края купола. Коснувшись земли, тот на какой-то миг остановился, а потом неизвестная сила потащила его боком вперёд и втащила в открывшуюся нишу. Затем открылись ворота с другой стороны, и флиттер въехал на площадку, уставленную другими флиттерами и прочими странными аппаратами.

— Ну вот и прибыли, — Мара откинула фонарь. Площадка была окружена буйной растительностью. — Идём, — она решительно направилась к небольшому просвету в кустах, который оказался дорожкой, посыпанной зелёным щебнем.

— Далеко идти?

— Не очень. В Порт-Шамбала всё рядом, не дальше трех километров. Но никакого городского транспорта под куполом нет.

Элен с трудом поспевала за Марой. Дорожка прихотливо извивалась, то поднимаясь на невысокие холмы, то спускаясь в ложбины, по которым звенели ручейки, образуя каскады прудов. По сторонам сквозь кусты просвечивали небольшие коттеджи.

— Я думала, в космопорте всё должно быть из стекла и металла, — заметила Элен.

— Вот уж нет, спасибо! — Мара сморщила нос. — Стекла и металла нам на работе хватает, а жить мы предпочитаем среди зелени и дерева. Здесь же не космопорт, а жилой посёлок... А вот мы и пришли.

От дорожки ответвлялась узкая тропинка, ведущая к калитке, украшенной деревянными резными столбами. На двускатной крыше, соединяющей столбы, горделиво восседал огромный рыже-белый кот. Когда Элен проходила через калитку, он протянул лапу вниз, явно желая добраться до заколки в её волосах.

— Терри, не балуй, — не оборачиваясь, сказала Мара, идущая впереди. — А то за хвост оттаскаю.

Во дворе возвышался деревянный дом с резными наличниками. «По-моему, стилизация под северорусскую архитектуру», — подумала Элен. Мара решительно поднялась на крыльцо, Элен последовала за ней.

— Привет, братец, — с порога сказала Мара. — Работаешь? А врач тебе что велел?

Войдя в комнату вслед за Марой, Элен увидела, что Келли сидит в кресле за огромным письменным столом, одетый в совершенно не форменную клетчатую фланелевую рубашку, и разговаривает с кем-то по видеофону.

— Не могу же я базу оставить... — обернулся он к сестре.

— Можешь-можешь. Смотри, кого я привезла.

— Ой! — Келли обернулся к экрану: — Извините, профессор, у меня гости.

* * *

Доставив Элен обратно, Мара позвонила Анджею:

— Раз уж я в Вене, может, встретимся? Если я ничего не путаю, у тебя сейчас должен быть обеденный перерыв.

— Давай. В летнем кафе на Ротентурмштрассе?

— У самой Штефансплац? Там же у вас сплошная пешеходная зона, флиттер не припаркуешь.

— Оставь его на набережной Франца-Иосифа, около «Святого Георгия и Дракона». Как раз одновременно доберёмся.

Когда Анджей подошёл к кафе, из-за углового столика на него блеснули знакомые зеркальные очки. Столик, правда, был девственно чист — сделать заказ Мара ещё не успела.

— Как дела с проталкиванием ролика на ти-ви? — поинтересовалась она.

— Знаешь, странно. Вчера утром я отправил его на Евроньюс. Сначала Шнаббер за него ухватился, обещал как штык в воскресный обзор событий в мире, а сегодня с утра позвонил и отказался. Говорит, не укладывается — слишком много событий в Европе, чтобы посвящать Бали аж сорок минут. Сунулся на BBC... вот сейчас уже после твоего звонка связались и тоже отказались. Причем отказывались таким извиняющимся тоном... Если китайцы не возьмут, останется разве что в блоге выложить.

Мара задумалась. А может быть, не задумалась, а советовалась со своими очками-компьютером. Как бы то ни было, через минуту она вернулась в окружающую реальность и сказала:

— Пожалуй, с китайцами даже связываться не стоит. И в твоём блоге выкладывать тоже не стоит. Давай лучше ты в нем дашь ссылку на ролик на сайте Академии. Держи, — в кармане у Анджея пискнул наладонник, принимая сообщение со ссылкой. — Вот прямо сейчас доставай наладонник и пиши. А то сутки с половиной уже потеряли, тема перестанет быть

актуальной. И думаю, на тебя будут давить, чтобы ты убрал эту ссылку.

— Это ещё почему?

— Припомни, когда в последний раз Евроньюс и BBC отказывались брать у тебя материалы.

— Месяц назад было дело.

— А как они себя при этом вели? Тебе их поведение не показалось странным?

— С чего бы? Сюжет действительно вышел неудачно, Шнаббер раскритиковал его в пух и прах.

— А сейчас показалось. И если ты возьмёшь Шнаббера за воротник и как следует потрясёшь, он сначала будет долго вилять, а потом признается, что ему позвонили из каких-то высших сфер.

— Можно подумать, ты знакома со Шнаббером, — усмехнулся Анджей.

— Только по выпускам новостей, которые он ведёт. Но я знакома с тобой. А сейчас ещё по-быстрому проглядела статистику твоих разговоров со Шнаббером.

— И кто тебе разрешил?

— А кто мне запретит? Последние десять лет почти все мобильные работают через спутниковую сеть Терранет. Она наша, в смысле ВКФ-овская, и я там сегодня дежурный системный администратор. К записям разговоров у меня просто так доступа нет — нужен либо хороший повод, либо превышение служебных полномочий. Но анализ статистики звонков вполне входит в мои обязанности.

— Так вот откуда в ролике взялась запись переговоров Хоббарта с владельцами курорта...

— Нет, не оттуда. Хоббарт поставил своему звонку статус официального предупреждения, поэтому сразу же после звонка запись была опубликована на сайте Терранета. Кстати, вот тебе ссылка ещё и на неё. Про это мало кто знает, но все звонки, связанные с предупреждениями о чрезвычайных ситуациях, немедленно публикуются.

— А на тебя не попытаются надавить?

— Пусть попробуют. Через кого бы? Через преподавателей Академии? Так они мне за этот ролик сегодня поставили зачёт по курсу «PR-технологии». Через коменданта базы? Так комендант базы сейчас Келли, то есть, можно сказать, главный герой этого ролика. Разумеется, он слегка повозмущался насчёт финала, где Элен ждёт его под дождём у подземки, но, он мне, в конце концов, брат родной.

— Значит, правду говорит Майк Стивенс, что твой брат карьеру сделал?

— Профессор Стивенс? Ты и с ним знаком? Интересные у тебя знакомства — Хоббарта знаешь, Стивенса знаешь. Может быть, и Вагабова тоже?

— Не то чтобы знаю — пару раз интервью брал, не более того. Это у Стивенса в Мак-Мёрдо я целый месяц просидел, а на лунную базу кто ж корреспондента пустит? Так что там с карьерой твоего брата-то?

— Ничего особенного. Выпуск позапрошлого года, очередное звание в этом году. Просто нынешняя кампания выгребла с Земли буквально весь личный состав. Келли остался здесь единственным действующим офицером, потому и исполняет обязанности коменданта. А обслуживанием Терранета и радарных станций вообще занимаются курсанты.

— А кто исполнял обязанности коменданта, пока Келли лежал в регванне?

— «Если на обитаемой планете не остаётся ни одного действующего офицера, обязанности коменданта базы в мирных условиях исполняет ректор местной Военно-Космической Академии. В случае боевых действий командование принимает староста старшего курса», — процитировала Мара положение устава и вдруг осеклась: — Уй, черт!

— В глаза бы тебе посмотреть, — вздохнул Анджей. — Староста старшего курса — это ты, что ли?

— Я, — расслабилась Мара.

— Внезапно осознала ответственность?

— Да нет, проехали. Келли уже выпустили из регванны, и случись что, общее командование, во всяком случае, он мне точно не отдаст. Просто я подумала — если об этом узнает Элен, я не знаю, как смогу доказать ей, что у нас не феодализм, и Земля не вотчина рода Лависко. Если уж в случае ранения Келли командование переходит ко мне, хотя я девчонка и курсант.

— А на самом деле у вас что?

— Конечно, какие-то признаки СУ-2 есть. В вооружённых силах их не может не быть.

— Какого ещё СУ-2?

— Это термин из теории социальных систем управления, которую разработал Сергей Щеглов в начале XXI века. Чему вас вообще в школе по истории учат? Впрочем, об этом надо у Миранду спрашивать, а не у тебя, — Мара рассмеялась. — А так вообще-то у нас вполне нормальная армия, вроде тех, какие были в державах XX–XXI веков. Объединенный Военно-Космический Флот человечества.

— А кто назначает главнокомандующего?

— Совет ректоров Военно-Космических Академий всех обитаемых планет.

— А откуда берутся ректоры?

— Так же, как в земных университетах — выбираются преподавателями. И вообще, что это мы всё о моем да о моем? Расскажи лучше, что в нынешнем сезоне хорошего в Опере. Интересно же как-нибудь сходить в Венскую Оперу!

— Эй, нельзя же так обламывать журналиста, почуявшего свежую информацию! — Анджей даже не знал, смеяться ему или обижаться.

— Ещё как можно, — отозвалась Мара. — База космического флота существует на Земле уже почти двадцать лет, и абсолютно никому это не интересно. Сенсации из этого ты всё равно не сделаешь.

— А до того?

— До того Земля как-то выпадала из сферы деятельности

Объединённого Человечества. Колонии были сами по себе, материнская планета сама по себе. И почти никто на ней не интересовался космосом. Можешь как-нибудь спросить у Вагабова, насколько двадцать лет назад было сложно организовать планетологическую экспедицию на любую из планет Солнечной системы. Это теперь мы его планетологов по демпинговым ценам возим.

— А откуда вообще взялось это самое Объединённое человечество?

— Надо же, у вас и об этом забыли? В конце XXI века был изобретён межзвёздный двигатель, и тогда Землю покинули несколько миллионов человек, которым было на ней тесно. Прошло это тихо и незаметно. Автоматизированное производство уже тогда было вполне развито для того, чтобы без большого напряжения для экономики построить несколько сотен звездолетов, а потом развернуть такое же производство на вновь освоенных планетах. Сначала предполагалось торговать с Землёй полезными ископаемыми, но это оказалось слишком накладно. А по такой цене Земле это было невыгодно — проще найти заменители здесь, чем возить даже редкие элементы за полсотни парсеков. Поэтому больше ста лет контакты Земли и колоний были практически сведены к нулю. А потом мы столкнулись с Врагом, и нам понадобилась база в Солнечной системе. Да и промышленный потенциал Земли по-прежнему намного мощнее, чем даже у самых древних колоний типа системы Арктура.

— А что сказали тогдашние правительства?

— А что они могли сказать? У них не было ничего сопоставимого ни с объединенным флотом колоний, ни с флотом Врага. И был ультиматум шияаров. Наштамповать боевых кораблей недолго, но где взять конструкторские разработки и, самое главное, обученные экипажи? Собственно, вариантов было два: либо подчиниться Врагу, либо вступить на правах одной из заселённых людьми планет в Объединённое Человечество и принять базу ВКФ. Тогдашние политики сумели сде-

лать второе так, что почти никто ничего не заметил. — Мара подпёрла подбородок кулаком. — А сейчас, смотри, получается очень странная картина: миллиарды людей смотрят «Звёздный патруль», десятки тысяч играют в «Галактические империи» и производят там крайне ценный в Галактике продукт — управляющие программы для космического оружия. И при этом все убеждены, что это не всерьёз, так, фантастика. Даже то, что все достижения колоний доступны для землян, мало кого интересует. У вас до сих пор через океан летают рейсовые винтовые самолёты на аккумуляторах, почти не изменившиеся со времён Экспансии, в то время как на любой другой планете основной вид межконтинентального транспорта — флиттер. Даже службы по борьбе с чрезвычайными ситуациями во всем мире, кроме Австралии, пользуются вертолётами. Да что тут говорить, когда даже сеть спутниковой связи и навигации двадцать лет назад дышала на ладан! Когда появились мы и развернули Терранет, давно выработавшие двойной и тройной ресурс платформы на стационарной орбите были попросту заброшены. Мы их сейчас на металлолом собираем, чтобы кораблям не мешали, — она снова хихикнула. — Причём Терранет обслуживают всего человек сорок курсантов, part-time. А те старые коммуникационные сети обслуживали десятки тысяч человек. И большая часть из них, представляешь, не умела ничего, кроме как администрировать компьютеры!

— Вроде профессия как профессия, — недоуменно пожал плечами Анджей.

— Не знаю. Программировать — это да, способности нужны, талант, а администрировать — это любой уметь должен. Это вроде как мыть посуду или расставлять мебель в комнате.

— Если вдуматься, на Земле есть профессиональные дизайнеры интерьеров, — кивнул Анджей. — А посуду вполне можно вымыть в машине.

— Вот ведь! Проживёшь всю жизнь на планете и не знаешь, какими странными вещами тут люди занимаются! А люди, которые профессионально подбирают книги в домашнюю

библиотеку, тоже бывают?

— А как же! Есть у меня знакомые, у них офис на Марияхильферштрассе, с огромной вывеской «Дизайн души». Подбор стиля музыки, книг, увлечений... Но вообще взаимно: двадцать лет пользуюсь услугами Терранета, но только сегодня узнал, что там всего сорок сотрудников, да и те студенты на полставки.

— Так ведь работает! — с гордостью произнесла Мара. — Знаешь, что такое идеальная техническая система? Это когда системы нет, а функция выполняется. Правда, Терранету пока до идеальности далеко, — она вздохнула. — Сегодня вот опять надо корректировать орбиты аж четырем спутникам. Вот догуляю здесь до полуночи, по-вашему шести вечера, и полечу над Норвегией спутник ловить.

— Что, прямо на флиттере?

— А на чем? Не корвет же туда гонять. Терранетовские спутники — они маленькие, можно на заднее сиденье загнать, и на поверхность свезти.

В воображении Анджея мелькнула страница «Нэйшнл Джиогрэфик» с заголовком «Наш корреспондент на орбитах Терранета».

— А можно с тобой напроситься?

— Не в этот раз, — помотала головой Мара. — Где я в Вене скафандр на твой размер возьму? А у флиттера нет шлюзовой камеры — если вылезать наружу, надо выпускать весь воздух из кабины. И домой мотаться тоже не хочется. Я уже и так сегодня три раза летала по этому маршруту. Шесть баллистических перелётов за день — многовато будет.

— А там надо выходить в открытый космос?

— Угу. У этого спутника годичный регламент. Батарейку поменять, эрозию корпуса проверить, орбиту поправить. Ладно, пошли отсюда, а то я ещё хочу успеть повидаться с младшим Рандью.

— Интересно, что это ты в нём нашла?

— Да уж что нашла, то нашла. Предъявлю сегодня то, что

нашла, профессору Шварцвассеру в Техническом Университете, может, ему тоже понравится. А парню будет проще объяснить родителям, откуда у него берутся деньги. Шварцвассер сказал, что хорошо знает Поля Рандью, — Неожиданно Мара посмотрела Анджею прямо в глаза, насколько это вообще можно было понять за ее очками. — А вообще совершенно новое ощущение — общаться с человеком, который смотрит тебе в рот и считает героем только потому, что три года назад в поле зрение камеры Эрлиха попала труба, из которой ты вылезала после профилактики кабелей. У нас, чтоб на меня так посмотрели младшекурсники, нужно совершить что-то на грани дисциплинарного взыскания. И этого самого взыскания не получить. То есть — чтобы на разборе твои действия признали правильными.

* * *

Альфонсо Цаппи, владелец курорта, разрушенного извержением вулкана, позвонил главе «семьи», контролирующей его бизнес:

— Джузеппе, сделай что-нибудь с этим роликом, который расползся по всей сети. Мне и без того в долги влезать, курорт восстанавливать, а тут ещё всю клиентуру отобьют.

— Слушай, Альфонсо, — произнёс Джузеппе с такой интонацией, словно в сотый раз объяснял что-то пятилетнему внуку. — Загляни уже в чертов блог чертова журналиста и прочитай URL-ку этого ролика.

— Он у меня и так открыт. people.ena.spc/lavisko5/bali-explosion.html

— Хотя бы теперь ты понял, с кем связался?

— Не понял. Залез я на этот www.ena.spc, написано Earth Naval Academy. Какая-то мореходная школа с громким названием «Земная».

— Альфонсо, ты кретин. Naval – это не Navigational. Это академия военного флота. Того самого военного флота космических колонистов, который двадцать лет назад завоевал Зем-

лю, хотя об этом никто не помнит. Отдельно обрати внимание, что там Лависко-пять. Насколько я знаю, семейка Лависко держит Солнечную систему. Лависко-дед — ректор этой самой ENA, Лависко-папаша — адмирал, командир эскадры. Кто такой Лависко-дядюшка, он же Лависко-третий, я толком не знаю, но Лависко-сын, четвёртый номер, остался комендантом Солнечной системы, пока эскадра где-то воюет. Ролик склепала его сестрёнка, Лависко-пятая, ещё курсант этой самой ENA. И из ролика чётко следует, что, таская твоих постояльцев из-под вулканических бомб, Лависко-четвертый получил харрошие ожоги. А у него как минимум один корвет на орбите, десяток полуатмосферных истребителей и хрен знает сколько десантников. Во всяком случае, их было достаточно, чтобы вытащить из подвалов всех твоих туристов. Думаешь, если он попросит выдать тебя в поджаренном виде, я у него спрошу что-нибудь, кроме «с кровью или с корочкой, сэр?» На твоём месте я бы сидел, как мышь под веником, и думал, где взять деньги, чтобы расплатиться с долгами, а не пытался наехать на младшую дочку самой могущественной семьи на планете.

Глава 3

Лаборатория Шварцвассера

Похоже, Мишель Рандью проделал кое-какую домашнюю работу. Ибо, пока они с Марой шли до Венского Технического Университета, а это буквально один квартал от Карлсплац, он засыпал Мару вопросами про быт и образ жизни пришельцев из космоса. Больше всего его интересовало, как подростки от десяти до двенадцати лет между начальной и старшей школой проводят три года в статусе подмастерья и занимаются настоящей работой вместе со взрослыми.

— Не думай, что работать подмастерьем — это так уж здорово, — отозвалась Мара. — Как я сама служила юнгой на линкоре, вспоминать не буду, до сих пор об одной мысли о той истории ребра болят. Лучше я тебе про Ринку расскажу. Это буквально на днях было. Она подмастерье-медик, казалось бы, самая мирная профессия, более мирная — только учитель. И тут объявляют у нас в Академии тревогу по случаю извержения на Бали. Мы уже собираемся грузиться на флиттеры, Келли как командир спасательной операции звонит в госпиталь — так и так, число участников шестьдесят человек, ожидаемый риск такой-то, в общем, готовьтесь. В приёмном покое в этот момент сидит Хань Сяо. И спрашивает: «Может, с вами медика

послать?» Келли ей: «Кого ты пошлёшь? Барбара на плановой операции, Илайдж после дежурства отсыпается, а ты на дежурстве. Тут двадцать минут лету, будем работать по схеме с прямой эвакуацией.» Разумеется, слегка кривит душой — двадцать минут лета-то баллистического, и Сяо прекрасно это понимает. «Ну давай хоть подмастерье с большим чемоданом отправлю.» — «А кто у тебя подмастерье?» — «Рина Веррен». — «Ладно, отправляй. Только давай пришлю к тебе за чемоданом пару курсантов. Нечего двенадцатилетней девчонке самой большой чемодан таскать.»

В общем, оказалась она с нами во флиттере. В поле ее, конечно, никто не пустил. Так и сидела, принимала туристов. Кстати, очень хорошее решение оказалось: туристы как видят подростков в качестве пилота и парамедика, так сразу успокаиваются, что настоящей опасности нет. Знали бы они, что первокурсник в пилотском кресле и подмастерье-парамедик — это от безысходности, больше никого в Порт-Шамбала просто не осталось. И всё бы ничего, но Келли уже в самом конце операции приложило вулканической бомбой. Хорошо так приложило, иные от близкого разрыва снаряда легче отделываются.

Естественно, девчонка, прежде чем начать его обрабатывать, хочет мастера на видеосвязь. А связи-то и нету. Вулканический пепел глушит все, что только можно. Базиль на обратном пути его вообще в движки флиттера набрал, пришлось Диане подменять его за штурвалом, а то первокурсник на флиттере с забитой пеплом турбиной нипочем бы не сел. Ну да не о том речь. Надо обрабатывать раненых с тяжёлыми ожогами и переломами, а связи-то и нет. Пришлось девочке самой крутиться. Конечно, мы за ней присматривали. Все ведь в пределах офицерского медминимума, так что старшекурсники могли бы это не хуже сделать.

В общем, довезли мы всех, кого надо, до Порт-Шамбала и сдали в госпиталь. Трое попали в регванны: Келли с прямым попаданием, одна девчонка с третьего с ожогом предплечья, да ещё один парень с нашего курса сильно ободрался, вытас-

кивая кого-то через разбитое окно. А я пошла отмокать в бассейне, благо не мне присматривать за чисткой движков второго флиттера. Сижу в гидромассаже, расслабляюсь, очки на бортике. Вдруг звонок. Звонит Джек Летайр, тот первокурсник, который пилотировал наш флиттер и ухитрился не забить движки пеплом: «Мара, что делать, тут Ринка в регванну плачет.» Показывает картинку со своих очков — сидит девчонка, уткнувшись лицом в крышку регванны, и плечи трясутся. Я выскакиваю из бассейна, одеваюсь по нормативу раз и бегу в госпиталь...

— А почему он тебе позвонил? — перебил Мару Мишель.

— А кому ещё? Родителей сейчас ни у кого из нас под рукой нет. Эскадра где-то воюет. Я на его месте позвонила бы дедушке Тадеку, но это мне он дедушка, а ему — адмирал Лависко-первый, ректор Академии. Вроде неудобно беспокоить. Кто-нибудь из моих однокурсников позвонил бы Розе Лемман, которая читала у нас психологию и работу с личным составом. Но это на третьем курсе, Джек ее ещё просто не знает. Остаётся непосредственный начальник по последней операции. А после ранения Келли командование приняла я.

На бегу звоню Сяо — так и так, а что, около регванны Келли в самом деле нужен пост? И если да, то зачем там Рина, если она и так в рейде вымоталась? Получается вроде как обеспокоенная ближайшая родственница больного. Выясняется, что пост не нужен, а Ринка просто искала место, где можно поплакать в одиночестве. Ха! Так тебе и дадут в Порт-Шамбала поплакать в одиночестве. Если есть серьёзные причины для слез, будешь плакать в компании. Вот и тут Джек зачем-то ее выследил.

Я при входе в госпиталь успокаиваю дыхание, подхожу туда и начинаю выяснять, что к чему. Она лепечет что-то невнятное про маму. И тут я вспоминаю, что она же Веррен! Дочь Алисы Веррен, погибшей три года назад в системе Gliese 556! Алиса тогда довела буквально пережёванный корвет до эскадры и, судя по показаниям чёрного ящика скафандра, умерла

в тот момент, когда стыковочный узел выполнял стягивание. Рубка там была нафиг забаррикадирована обломками, так что сменить ее никто не мог. Прорубились туда только через полчаса после стыковки, когда с «Сунь-цзы» приволокли сварочное оборудование — свое-то у них в лепёшку раскатало.

Непонятно, правда, причём здесь регванна. Что Алису Веррен откачивать бесполезно, поняли сразу, как только вскрыли рубку. А Рина тогда ещё только заканчивала школу и видеть этого никак не могла. Потом осознаю, что это могла видеть Сяо. Она тогда как раз служила на «Сунь-цзы». И думаю, не просто так взяла Ринку в подмастерья, когда перевелась в госпиталь Порт-Шамбалы.

И вот как объяснить двенадцатилетней девчонке, что если нет связи, это не значит, что мастер тебя бросил, хотя и обещал быть на связи? Мастер у тебя не Джеффри Хоббарт и в вулканическом пепле не разбирается.

Короче, говорю Джеку: «Хватай ее на руки и тащи в бассейн. Будем оттаивать в горячей воде.» «А почему я?» — шёпотом интересуется тот. «Потому что когда девочку тащит на руках взрослая женщина, это вроде как малышка на ручках у мамы. А когда девушку несёт парень-ровесник — она взрослая женщина, ее мужчины на руках носят.» Джек посмотрел на меня скептически, мол, тоже мне взрослая женщина, но ничего не сказал. Дотащил он Ринку, загрузили мы ее в ту же самую гидромассажную ванну и стали пытаться разговорить. Когда человек плачет, первое дело — дать ему выговориться.

В общем, утешили мы ее где-то как-то, а потом я подсказала Джеку отвести ее на причал, накормить мороженым в кафе-автомате. Тоже признак взрослости — причальное кафе не то чтобы дешёвое, и вообще нечего детям шляться по причалу. «А ты?» — опять шёпотом спрашивает он. «А я пойду писать отчёт о спасательной операции. Чтобы вам же призовые начислили.»

— А деньги-то у него были? — опять вставил вопрос Мишель.

— Как не быть, если он уже в старшей школе учится и

стипендию получает. Правда, на экономическую самостоятельность пока не сдал — обычно на нее сдают курсе на третьем, так что распоряжаться может только карманными деньгами. Но на призовые это не распространяется, по традиции родители или опекуны на них лапу не накладывают. Сумел получить награду – имеешь право потратить, как считаешь нужным. А Джеку за этот рейд досталось немало призовых — из трёх флиттеров только его машина вернулась целой и невредимой. Флиттеру Базиля пришлось перебирать движки, а флиттер Ганса вообще вдребезги разбит вулканической бомбой. Хотя Ганс не виноват, это чистое невезение, и за то, что у него никто не пострадал, тоже кое-что получил. Так что Джек в тот момент мог спокойно тратить все свои карманные деньги.

* * *

Лаборатория промышленных систем управления была самым весёлым местом в Венском Технологическом университете. Там вечно собиралась компания студентов и аспирантов, начиная с первокурсников, и решала довольно интересные задачки. Те, кто работал в лаборатории подольше, знали, что эти задачки зачастую бывают совершенно не учебными, и решение их периодически можно потрогать руками.

Но сейчас в лаборатории было необычно тихо и скучно. Четвёртая пара. Даже руководитель лаборатории, профессор Шварцвассер, вёл какой-то практикум на факультете CS. В помещении пребывал один-единственный человек — аспирант Карл Кроппке, который, откинувшись в кресле, созерцал несколько настенных мониторов и пытался решить сложную логистическую задачу: как совместить в пространстве корпус строящегося двадцатипятитысячетонного космического линкора, отсеки которого монтируют в Комсомольске-на-Амуре, со всей его начинкой, производившейся в основном в Тайбэе и Шанхае.

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Войдите, — сказал Карл.

На пороге появилась девушка, одетая в стиле не то чтобы совсем милитари, не в камуфляже все-таки, и не то чтобы просто унисекс — все-таки в ее темно-синем кителе и брюках было что-то неуловимо военное. Может быть, это стиль нэви? Лицо девушки было скрыто под огромными зеркальными очками.

Следом за нею вошёл мальчишка лет двенадцати, в котором Карл не заметил ничего необычного. Обычный венский паренёк, может быть, даже встречавшийся Карлу на улицах города. Стреляет глазами во все стороны, пытаясь разглядеть всё — настенные мониторы, развешенные над компьютерами юмористические распечатки, плоттер формата A0, из которого свисает лист забытого кем-то чертежа, модели космических кораблей, аккуратно развешенные под потолком...

— Шварцвассер ещё на занятиях? — спросила девушка.

— Да, но пара должна кончиться с минуты на минуту.

— Я знаю.

В этот момент мальчишка дёрнул за рукав свою спутницу:

— Ой, Мара, смотри, сколько здесь моделей кораблей!

— Вижу. Похоже, всё, что строилось на Земле за последние двадцать лет.

— И ты действительно можешь опознать все? Без подсказки, без очков?

Девушка сняла очки, отдала их мальчишке и начала называть названия и типы. Карл протянул ей лазерную указку, она поблагодарила коротким кивком. С указкой дело пошло быстрее.

— Ну как, всё правильно? — спросила девушка, когда модели закончились, устремив на Карла большие серые глаза с длинными ресницами.

— Вроде всё... Признаюсь честно, я сам не помню их все наизусть. Это модели Шварцвассера. Но он как-то говорил, будто бы здесь все, что когда-либо строилось на Земле.

— Все-таки не «когда-либо». Кораблей времён Экспансии тут нет, — девушка ещё раз внимательно посмотрела на Карла: — О, а я вас помню. Вы Карл Кроппке, специалист по про-

граммированию ремонтных роботов.

Карл замялся. Назвать специалистом по программированию ремонтных роботов его могли один раз в жизни, и тот эпизод ему не слишком хотелось бы вспоминать. Хотя это был единственный раз, когда Карл побывал в настоящем космосе. Лежащий на низкой орбите над медленно поворачивающимся шаром Земли огромный линкор «Лиддел-Гарт», уродливая заплата на боевой рубке, тесные отсеки двойной обшивки, в которых ремонтные роботы вели себя совсем не так, как на симуляторе...

Собственно, этот эпизод с заплатой, которую экипаж линкора варил вручную, был огромным провалом лаборатории, Венского Технологического Университета и вообще земной промышленности. Карл, правда, принимал участие в основном в ликвидации последствий. Он был тогда на втором курсе, но уже успел себя зарекомендовать в лаборатории. Но где тогда его могла видеть эта девушка?

Видимо, она прочла этот вопрос на его лице:

— Я Мара Лависко. Четыре года назад я служила на «Лиддел-Гарте» юнгой.

Карл покраснел ещё сильнее, вспомнив эту компанию детишек — трёх девочек, Лауру, Мару и Ладу, и двух мальчишек — Мишеля и Кима. В отсеках двойной обшивки и всяких кабельных колодцах они чувствовали себя как рыба в воде и учили неуклюжего студента, впервые попавшего в космос, правильно перемещаться в невесомости.

Неловкое молчание было прервано появлением в лаборатории профессора Шварцвассера.

— Привет, Мара, — обратился он к девушке, как к старой знакомой. — Это и есть твоё юное дарование? Знакомься, Карл — перед тобой великий и ужасный mirandu, автор программы «Василиск» и правитель одной из самых преуспевающих Галактических Империй. В обычной жизни — Мишель Рандью, венский школьник.

Что нужно делать с новичками, которые, попав в лабора-

торию, жутко стесняются, Карл уже давно знал. Поэтому потащил Мишеля к монитору, открыл исходники «Василиска» и стал задавать вопросы. Он не сомневался, что через несколько часов Мишель будет чувствовать себя здесь одним из своих, как случалось с каждым, в том числе и с первокурсником Карлом Кроппке пять лет назад. Но вот Мара — нечто совсем другое, она вряд ли собирается становиться здесь своей. Она представитель заказчика. Она оттуда, а не отсюда.

Тем временем Мара, успевшая отобрать у Миранду свои очки и надеть их, продолжила беседу с профессором, устроившись в кресле в уголке отдыха, рядом с кофеваркой.

— Мара, зачем ты тогда так резко оторвала брата от беседы со мной? Понимаю — врачи, режим, то да сё, но мы же просто общались. . .

— Потому что Келли только выпусти из регванны, как он сразу начинает лезть в работу. Что я потом маме скажу, когда вернётся эскадра? Сломанные ребра регванна до конца не залечивает, по себе знаю. И вообще Келли слишком много на себя берет. Понимаю, что народу у нас сильно не хватает, но, скажем, взаимодействие с вами он вполне мог бы перекинуть на кого-нибудь из нас, старшекурсников. Правда, вот возьму и отберу у него контакты с судостроительной программой, пусть летает в Вену только с девушкой гулять.

Когда Карл в очередной раз поднял глаза от монитора, Мары в помещении уже не было. Профессор разбирался с двумя уже знакомыми Карлу студентками-первокурсницами, а прочие завсегдатаи лаборатории уже оккупировали большую часть рабочих мест.

— У тебя ещё не пересохло в горле? — спросил Карл у Мишеля.

— Пересохло, — отозвался тот.

— Тогда пойдём, нальём по чашке чаю. Не стесняйся, здесь это запросто.

Они переместились от монитора к кофеварке.

— Послушай, Карл, — вдруг сменил тему Мишель. — А по-

чему в фантастике для того, чтобы попасть в другую звёздную систему, надо лететь от звезды, а в «Галактических империях» — к звезде?

— Видишь ли, — начал объяснять Карл, — обычно в фантастике описывают не реальный космос, а просто некий абстрактный мир, где планеты играют роль городов, а пространство — сельской местности, как ее представляют себе горожане. Этакий неинтересный пустырь, разделяющий значимые места.

Однако в реальности мир устроен несколько по-другому. Например, планета — это очень много. Даже на Земле, где десять миллиардов населения и семьдесят процентов планеты покрыто океаном, есть куча мест, где можно идти несколько дней и не встретить ни одного человека. При этом планеты — песчинки по сравнению с межпланетными расстояниями, а те — ничто по сравнению с межзвёздными. На планете расстояния все-таки более соразмерны. К примеру, типичный житель Вены, который ездит на работу на машине, за три–четыре года проедет на ней расстояние, равное окружности экватора. А тут за четыре года радиосигнал только дойдёт до Толимана. Космические же корабли летают в тысячи раз медленнее радиосигнала. Опять же есть теория относительности, которая не позволяет разогнать объект, имеющий массу, до скорости, близкой к скорости света. Поэтому летать между звёздами в обычном пространстве не получается. Нужны гиперскачки. Обычно фантасты описывают, что для скачка требуется полное отсутствие поблизости крупных масс, но это нужно лишь для того, чтобы сохранить привычную им топологию пространства. Получается, чтобы попасть к другой звезде, надо улететь от своей подальше, потом — крибле-крабле-бумс! — магическим способом пропускаем неинтересное пустое пространство и вот уже начинаем приближаться к звезде назначения. Примерно так же, как едет поезд — от вокзала на окраину, потом по некой местности, мимо лесов и полей, потом въезжает в другой город. Просто потому, что в межзвёздном пространстве, в отличие от незаселенной местности, нет вообще ничего, писатели

заменяют перелёт в этом пустом пространстве на скачок.

На самом же деле чем сильнее пространство искривлено гравитацией, тем легче совершить скачок. Современные двигатели не позволяют совершать скачки в гравитационном поле Земли, и даже в окрестности Юпитера это самоубийство. Нужно подойти к Солнцу намного ближе орбиты Меркурия. А дальше всё просто. Проколов пространство, ты почти мгновенно перемещаешься по направлению от центра притяжения, пока не попадёшь в точку пространства, где потенциал поля тяготения такой же, как в точке отправления. Закон сохранения энергии.

Когда-то считали, что перемещение быстрее скорости света невозможно, поскольку если у нас есть два объекта, движущиеся навстречу друг другу, и между ними передаются сообщения со сверхсветовой скоростью, то можно сделать так, чтобы ответ на сообщение пришёл раньше его отправки. Этот парадокс называется «тахионный антителефон».

Но оказывается, для того, чтобы сохранить принцип причинности, вовсе не обязательно запрещать любое движение быстрее скорости света. Достаточно запретить только движение между сближающимися объектами и только с такими скоростями, чтобы можно было вернуться в прошлое.

Поэтому хотя скачок с точки зрения экипажа корабля и мгновенен, с точки зрения внешнего наблюдателя он может занять несколько часов. Причём скорость сближения звёзд влияет на это время гораздо сильнее, чем расстояние.

— А почему все скачковые корабли такие большие? — продолжал допрос Мишель.

— Большие? Я бы не сказал. Вот, скажем, — Карл указал на одну из моделей, висящих под потолком, — корвет класса «Бартоломео Диаш». Полторы тысячи тонн сухой массы, полтораста метров длины. На первый взгляд он огромен. Ты думаешь, там внутри так уж много места для экипажа? Каждый из двух ярусов жилой палубы, вот этого колечка, около тысячи квадратных метров. А экипаж из тридцати человек

проводит там многие месяцы. А в основном корпусе двигатели, баки, орудия. И вообще там почти весь полёт невесомость. Стоять можно только на жилой палубе, которую специально для этого раскручивают, чтобы центробежная сила прижимала все предметы к полу.

Ну и расстояние между полюсами Ангстрёма должно быть по меньшей мере метров сто, а то изгибающие нагрузки при скачке будут слишком велики.

Глава 4

Тревога-П

Мара позвонила Анджею часов в одиннадцать вечера:

— Ты ещё не расстался с мыслью сделать репортаж о Терранете? А то я через час заступаю на суточное дежурство и ещё успею тебя подхватить. Можешь просидеть у меня за спиной всё дежурство, но предупреждаю — будет скучно.

— А спутники будут?

— Будут. На мою долю сегодня две штуки.

— Тогда собираюсь.

— Через двадцать минут перед твоим домом.

Похоже, баллистический перелёт совсем не впечатлил Анджея. Во всяком случае, засыпать Мару вопросами он не стал.

После приземления в Порт-Шамбале Мара потащила Анджея в невысокое здание совсем рядом с посадочной площадкой.

— Это центральная диспетчерская Земли. Отсюда мы управляем всем космическим движением в системе, в том числе и спутниками Терранета.

Войдя в здание, Анджей увидел в просторном холле троих ребят в такой же, как у Мары, форме.

— Знакомьтесь, — представила его Мара. — Это Анджей Краковски — первый в истории землянин, который заинтересовался, чем мы занимаемся тут, в Порт-Шамбала. Анджей,

а это Мишель, Лаура и Ким, наша сегодняшняя смена. Сейчас мы с Кимом пойдём принимать смену, наша вахта первая. Просьба не мешать нам пятнадцать минут, пока идёт утренняя диагностика, потом можно будет просочиться в диспетчерскую и посмотреть, чем мы занимаемся. Впрочем, у тебя же ещё вечер, так что имеет смысл пойти в комнату отдыха и поспать часа три-четыре — потом пойдут более интересные развлечения.

С этими словами Мара решительно взялась за тяжёлую дверь.

— Если я землянин, то вы тогда кто? — слегка растерянно спросил Анджей, когда дверь захлопнулась.

— Мы спейсиане, — ответил Мишель. — Хотя родились все здесь, в Порт-Шамбала. Торговцы ещё говорят «нектон», но в ВКФ почему-то не любят этого жаргона — «бентос», «планктон», «нектон». А вообще пошли пока в комнату отдыха. Если Мара сказала поспать, лучше поспать. Потом действительно скучно не покажется.

— А вы что будете делать?

— Подождём окончания приёмки вахты и, если не возникнет ничего срочного, полетим делать плановую профилактику. А в десять сменим Мару и Кима, и уже они полетят делать профилактику своим спутникам.

Комната отдыха Анджею понравилась: приятный полумрак, слабый ночник освещает столик с кофеваркой и чашками, тишина. Плюхнувшись на кровать с мягчайшим гидроматрасом, он сам не заметил, как заснул, не дождавшись приглашения в диспетчерскую.

Проснулся он оттого, что Мара трясла его за плечо:

— Просыпайся. Давай подберём тебе скафандр, и полетели.

Сама процедура отлова спутника не произвела на Анджея большого впечатления. Может быть, какой-нибудь любитель компьютерных игр про космос оценил бы нетривиальные маневры в атмосфере, которые Мара предпринимала для того, чтобы как можно быстрее выйти на орбиту с нужным накло-

нением, или филигранную точность, с которой она вывешивала флиттер в нескольких сантиметрах от спутника. Но Анджей в таких вещах не разбирался. Полетели и полетели. В космическом полете должны быть перегрузки, и вот они есть. Наиболее ярким впечатлением оказалось висеть в пространстве, отделенным от бескрайнего Космоса только стеклом гермошлема, пока Мара, перегнувшись через борт флиттера, копается в недрах спутника.

— О, сейчас пройдём над Большим Барьерным рифом, — сказала Мара после того, как они закончили со вторым спутником, закрыли фонарь и наддули кабину воздухом. — И запас времени почти час. Хочешь искупаться в океане?

— Поздней осенью?

— Во-первых, здесь весна, а не осень, во-вторых, на северном конце Большого Рифа нет сезонов. И есть база австралийских спасателей, с которыми мы дружим. Так что можно приземлиться там, полчасика поплавать, а потом по баллистической в Порт-Шамбала. Как раз к двум часам успеем.

Флиттер снизился над небольшим коралловым островком, покрытым густой зеленью. В разрыве зелени ярко-белым коралловым песком сияла посадочная площадка, на которой стояло несколько флиттеров. После посадки Анджей увидел скрытые в тени деревьев домики из кораллового известняка.

Мара вылезла из скафандра, запихнула его под сиденье и решительно направилась куда-то по тропинке, посыпанной белым песком.

— Флиттер запирать не будешь?

— А зачем? Тут все свои, не угонят. А если оставить фонарь закрытым, он раскалится.

На тропинке им встретился загорелый человек в одних шортах, с которым Мара вежливо поздоровалась, а потом заметила Анджею:

— Хорошо им тут в одних шортах ходить. Привыкли уже к своему солнцу. А я так не рискну – даже за полчаса можно сгореть. Только раздеться и сразу в воду.

Пляж на атолле представлял собой узкую полоску, выходившую в лагуну, где практически не было волнения. Уже в пяти метрах от воды начинались густые тенистые деревья. Метрах в десяти от выхода тропинки громоздилась скала, на которой была оборудована вышка для прыжков.

Мара решительно скинула с себя одежду и побежала к вышке. Анджей задержался, наблюдая за нею.

Она была абсолютно обнажена, но в её движениях не было никакого сексуального подтекста — просто радость движения, наслаждение возможностями собственного тела. Впрочем, от этого девушка становилась только привлекательнее. Наконец она добралась до вершины скалы, пробежала по трамплину и рыбкой прыгнула в воду. Тогда Анджей тоже скинул с себя одежду и вбежал в воду со стороны пляжа. Вода была тёплая, как в бассейне, и безумно прозрачная.

В несколько гребков он подплыл к подножию вышки, но Мары уже там не было — ее голова мелькала где-то в середине лагуны. К тому моменту, как он её догнал, она уже поворачивала к берегу.

— А в открытый океан не поплывём?

— Времени мало. Надо прилетать сюда на целый день, или хотя бы часа на четыре. Полезли на берег, а то не успеем пообедать перед вахтой.

Времени действительно было в обрез. В Порт-Шамбала они приземлились без семи два. Мара успела только прихватить тарелки и отправилась в диспетчерскую вместе с ними. Анджей же остался обедать в комнате отдыха вместе с Мишелем и Лаурой, сменившимися с вахты.

— Что, опять Мара весь запас времени на купание потратила? — спросил Мишель. — Любит она воду, прямо выдра. Где на этот раз?

— На Большом Барьерном Рифе. А что она еду с собой потащила, не против правил?

— Да нет. Лишь бы на экран смотреть не забывала. Сейчас на дежурстве все равно делать нечего. Вот когда вся эс-

кадра маневрирует в околоземном пространстве, да ещё пяток транспортов — тогда другое дело, а сейчас, кроме Терранета, и следить-то не за чем. Там хорошо если два звонка за всю вахту требуют внимания диспетчера, с остальными робот справляется.

Ребята доели обед и запихнули тарелки в посудомоечную машину.

— Пошли, что ли, пока имперцев погоняем, — предложил Мишель Лауре.

— Ты гоняй, а я лучше навигацией займусь. Что-то я завтрашнего зачёта боюсь.

Анджей просочился в диспетчерскую вместе с отдыхающей сменой. Ребята уселись за свободные пульты и начали делать на них что-то, явно не имеющее отношения к собственно диспетчерской службе.

— Уже доела? – подошёл Анджей к Маре. – Давай тарелки отнесу.

— Спасибо.

Когда он вернулся обратно, все четверо оживлённо что-то обсуждали, впрочем, не забывая поглядывать на экраны. Через некоторое время Анджей понял, о чем речь: обсуждалась игра «Галактические Империи», причём так, как венские мальчишки могли бы обсуждать чемпионат мира по футболу или какой-нибудь телесериал — что-то, что делают совсем другие люди, но за чем интересно наблюдать.

— Полагаю, Империя Миранду сегодня-завтра вынесет Королевство Элендиля, — высказался Мишель.

— Вряд ли, — возразила Лаура. — С какой бы стати Миранду продавать Элендилю новейшую противоракетную программу, если он собирается с ним воевать?

— Что? — оторвался от экрана Ким. — Миранду «Василиск-2» продал? Он что, с ума сошёл?

— Да нет, — вставила Мара. — Очень логичный ход с его стороны. Элендиль уже многих достал, и в ближайшие дни если не Сильвара, то Талассократ устроят ему полномасштабную

войну. А с Миранду последние два месяца никто связываться не хочет, при его-то экономике. Но сейчас боевые испытания «Василиска-2» ему гораздо важнее любых галактических политических раскладов. А сама Империя Миранду ближайшие несколько месяцев будет вести себя тише воды, ниже травы. Где это видано, чтобы искин начал лезть на рожон без санкции хозяина? Даже если этот искин писал Миранду.

— Ты что-то знаешь про то, что случилось с Миранду в реале?

— Ага. Не далее как в среду лично свела его к Шварцвассеру. Так что теперь голова у него забита не космическими боями, а вентиляционной системой Лимерикского фаба.

— Что ты натворила! — встрял Ким. — Чем мы будем воевать после выпуска, если Миранду начнёт вместо оружейных программ заниматься всякой фигней?

— Лучше подумай, на чем будет выполняться уже написанный «Василиск-2», если им не удастся наладить в Лимерике выпуск процессоров Q-16. Отсутствие на Земле современных микроэлектронных мощностей — единственное, что тормозит судостроительную программу.

— А импортировать из-под Арктура?

— Под Арктуром своя судостроительная программа. И вообще производительность фаба на астероиде Ланькова в десять раз меньше, чем у Лимерика. Система Арктура в любом случае даст нам меньше, чем наклепает Восток за антарктическое лето. Но даже если исхитриться перевести Восток на круглогодичный режим работы, он наштампует нужное количество хорошо если к сентябрю. А нам надо в мае.

Анджей понял, что с компьютерной игры разговор как-то плавно перетёк в обсуждение вполне реальных космических кораблей. Что Миранду — это игровой ник сына Поля Рандью, он тоже понял. Но как связаны между собой эти три вещи?

Анджей огляделся по сторонам и увидел висящий на стене портрет какого-то смуглолицего человека в форме, слегка отличающейся от формы курсантов.

— Кто это? — спросил он у Мишеля.

— Вы не знаете? — искренне удивился тот. — Я думал, что памятники капитану Раджагни стоят во всех крупных городах Земли. Это же тот человек, который доставил в систему Арктура сообщение о появлении в Солнечной Системе разведчика шияаров. Если бы он не рискнул своим кораблём и не сжёг весь запас топлива при подходе к точке скачка, арктурианская эскадра ни за что не смогла бы появиться в окрестностях Земли до истечения срока ультиматума. Но здесь он висит не поэтому, а как основатель Терранета. В благодарность за своевременно доставленное сообщение адмирал Арсеньев устроил ему контракт на доставку с Авалона комплекта спутников СНМ[1]. Потом, правда, выяснилось, что Земле одного комплекта мало, так что сейчас у нас летают четыре.

Тем временем Мара что-то внимательно разглядывала на выведенном на экран спутниковом снимке Малаккского пролива.

— Мишель, погляди, — резко бросила она. — Очень мне не нравится этот катер.

Поверх снимка появились стрелки траекторий движения.

— Может, пошлём туда барражировщика? Я бы слетал.

— Без санкции Келли?

— Звони ему. По-моему, пора объявлять тревогу-П.

Мара нажала какую-то кнопку и заговорила в микрофон:

— Келли, тревога П-3. В Малаккском проливе замечен подозрительный катер. Предлагаю послать звено барражировщиков. Пилоты Карсак-третий и Джоунс-шестая. Расчётное время встречи катера с лайнером-целью: пятнадцать тридцать восемь. Расчётное время прибытия звена в район цели по нормативу три: пятнадцать тридцать семь тридцать.

— Принято. Поправка — пилоты Лависко-четвёртый и Карсак-третий.

---

[1]СНМ — связь, навигация, мониторинг. Многоцелевые спутники, обслуживающие людей на поверхности планеты.

— Мишель, на выход по нормативу три, — скомандовала Мара. — Пойдёшь ведомым у Келли.

— Ну вот, — шмыгнула носом Лаура. — Вечно твой братец перехватит из-под носа самое интересное.

— Ладно тебе, — отозвался Ким от своего терминала. — Через полгода получишь погоны, будешь сама ходить ведущим. А то боевой вылет из одних курсантов — как-то несерьёзно

На его экране засветилась мелкомасштабная карта Юго-Восточной Азии с ярко-синей ниточкой баллистической траектории от Порт-Шамбалы до Малаккского пролива.

— Мара, я веду барражировщиков, — бросил он, — а ты выходи на связь с целью.

На терминале Мары открылось ещё одно окно, в котором появилось смуглое лицо пожилого моряка, вероятно, китайца или малайца.

— Добрый вечер, капитан Тсенг. Центральная диспетчерская Космофлота Земли, оператор Лависко-пятая. Вашему кораблю объявляется тревога П-3. Объект должен быть виден на вашем локаторе — курсовой угол право, 160, расстояние 10 миль. Если можно, установите этот аппарат так, чтобы он наблюдал море на правой раковине, и мы имели картинку не только со спутников. РВП наших сил 15:38. Постарайтесь до этого момента не допустить прямого контакта с объектом.

— Что такое «тревога-П»? — спросил Анджей у Лауры, которая единственная сейчас не была по уши занята делом.

— Пиратская тревога. Система анализа изображений засекла подозрительный катер, который нацелился на перехват круизного лайнера в Малаккском проливе. Мы предупредили капитана и отправили туда пару полуатмосферных истребителей. Будь это какие-нибудь контрабандисты, капитан лайнера дал бы отбой, сказав, что знает этот катер и его не боится, – она наморщила лоб. – Вообще странно. Тревоги-П не было уже лет пять. Земные преступники успели выучить, что лозунг ВКФ — «Пират должен кормить крабов», и если в зоне ответственности городской полиции можно творить что угодно, то в откры-

том море лучше быть стопроцентно законопослушным. Интересно, что такое везёт этот лайнер, если они решили рискнуть? Или кого такого?

— Значит, контрабандистов вы не ловите?

— Не просят, вот и не ловим. Ваши правила торговли и границы — ваше внутреннее дело. А когда кто-то в кого-то стреляет, это уже дело Объединённого человечества.

Лаура села за свободный терминал и начала копаться в сети, собирая информацию о лайнере. Несколько минут прошли в полной тишине, пока Мара не воскликнула:

— Черт, они не успевают!

На её экране было отчётливо видно, что катер увеличил ход, нагнал лайнер и начал перерезать ему курс.

— Капитан Тсенг, перенацельте камеру на правый крамбол.

Несмотря на паршивое качество картинки с камеры телефона Тсенга, было видно, что палуба катера заполнена вооружёнными людьми. В динамиках послышался грохот предупредительного выстрела по курсу судна.

— Келли, Мишель, тревога П-ноль. Они дали предупредительный выстрел.

— Принято. Атакую с параболы.

Ещё через несколько секунд катер вдруг на мгновение стал нерезким, потом люди на палубе попадали, надстройки как-то оплыли, а из недр машинного отделения повалил дым. В динамики ударил двойной грохот истребителей, на сверхзвуковой скорости развернувшихся над лайнером.

— Что это было? — спросил Анджей.

— Трехдюймовая шрапнель из гауссовки на скорости три километра в секунду. Из катера сделали сито.

На экране помянутый катер тем временем уже почти погрузился в воду.

— Интересно, откуда они тут взялись такие наглые, — сказал Ким, после чего все трое начали работу. Сначала на экране появилась карта с маршрутом катера, начиная с точки выхода из какой-то укромной бухты. Потом крупномасштабные сним-

ки этой бухты, в которой обнаружилось что-то вроде небольшого поместья. Потом снимки начали неуловимо меняться. Ким остановил изображение в тот момент, когда рядом с одним из сараев оказалась громоздкая гусеничная машина, выкрашенная в камуфляжный цвет.

— Смотри, какая у них штука имеется. Интересно, откуда он такое взял. Самопал или антиквариат?

— Идентифицируется как «Шилка». Ух ты! Двадцатый век, Советский Союз. Ну и раритет!

— Зачем им скорострельная зенитная боевая машина? Нас, что ли, в гости ждали?

— С нами обломятся — нет у них таблиц стрельб по полуатмосферным истребителям. Да и дальность выстрела там не сказать, чтобы очень большая. Бортовые гауссовки подальнобойнее будут. И вообще в XX веке быстрее 3М не летали, зато боялись электромагнитного импульса от ядерного взрыва. Поэтому баллистический вычислитель там небось релейный или вообще механический, он просто не успеет. А вот полицейским вертолётам туда лучше не соваться. Да и по катерам она очень неплохо отработает.

Пока Ким и Мара обсуждали антикварную зенитную установку, неизвестно как попавшую в руки малайского плантатора, Лаура анализировала какие-то столбцы скучных цифр и имён. Но теперь она взяла инициативу в свои руки:

— Поместье принадлежит некоему Ли Чангу. Телефон, зарегистрированный на это имя, в момент отправления катера находился на территории поместья. Статистика переговоров телефонов, находившихся на катере, с телефонами на территории поместья говорит о том, что, похоже, пираты довольно давно работают на этого Ли. А значит, он крупная шишка в местной мафии, и в полиции Куала-Лумпура должны его знать. Кто у нас там контакт?

— Комиссар Вонг, — ответила Мара. — Звоню.

На экране появилось лицо пожилого китайца с аккуратной клиновидной бородкой.

— Добрый день, комиссар. Дежурный диспетчер Порт-Шамбала Лависко-пятая. Комиссар, вам говорит что-нибудь имя Ли Чанг?

— Да, известная персона. А что?

— Полтора часа назад из поместья этого самого Ли, координаты такие-то, вышел катер, попытавшийся совершить пиратское нападение на лайнер в Малаккском проливе. Самого Ли на борту, естественно, не было, но в поместье находится он или хотя бы принадлежащий ему телефон с номером +60-130-038-66-65. Вот мы тут думаем — попадает это дело в нашу компетенцию или вы сами справитесь? Да, в поместье имеется скорострельная зенитная пушка на гусеничном шасси.

— А, этот антиквариат? Про него я знаю. Пожалуй, я ему позвоню и сделаю строгое внушение от имени полиции, что такими вещами заниматься нехорошо. Для того, чтобы отдать его под суд как организатора пиратского нападения, увы, ваших данных недостаточно. Боюсь, не обойтись без свидетельских показаний непосредственных исполнителей, а уж я-то знаю, как вы с ними обращаетесь...

— Разрешите промониторить ваш звонок Ли Чангу, а то у нас тут корреспондент сидит.

— Пожалуйста.

— Спасибо, до свидания.

Через несколько минут комиссар вновь появился на экране, но на этот раз в соседнем окошке возник ещё один представительный пожилой человек китайской наружности.

— Чанг, ты в курсе, что у тебя большие неприятности?

— От кого? Не верю, что вы что-то на меня накопали.

— Мы ничего не накопали, но пиратством-то в открытом море зачем было заниматься? Теперь тобой заинтересовался ВКФ.

— Ну очень хотелось. На этом лайнере уплыл в Европу Джузеппе Альмини. В Европу за ним тянуться у меня руки коротки, а его посадку на лайнер в Нанкине мои люди прошляпили. А ВКФ... Я же в курсе, что сейчас у них нет ре-

альных сил в Солнечной Системе. Человек сорок курсантов и один-единственный зелёный лейтенант при них в качестве вожатого. Скаутский лагерь, а не военный флот.

— Как видишь, этих скаутов вполне хватило, чтобы утопить твой катер. А уж если они возьмутся за тебя, то не будут разводить канитель типа «все, что вы скажете, может быть использовано против вас».

— Ты же знаешь систему обороны моего поместья.

— Слушай, лучше продал бы ты свой зенитный танк русским в Кубинку. Они тебе за этот антиквариат отвалят кучу денег. Машина XX века, да на ходу.

— Думаешь, два десятка курсантов возьмут меня без потерь?

— Понимаешь, твоё положение гораздо хуже, чем если бы против тебя была полностью укомплектованная эскадра. Смотри, есть курсанты, ещё не нюхавшие пороха и потому нахальные. И есть при них Келли Лависко, который прекрасно понимает, что папы и мамы этих курсантов — офицеры куда старше его по званию и выслуге. Думаешь, ему захочется проверять, способен ли ты нанести им потери, и отвечать перед старшими по званию за царапины на драгоценных шкурках их чад? Да он попросту выжжет с орбиты все, что может сопротивляться, потом все, что ему покажется способным сопротивляться, потом все, что покажется просто подозрительным, и только после этого отправит своих жаждущих подвигов скаутов с метёлочками собирать вещественные доказательства. Оценил перспективы? Так что лучше выстрой личный состав на плацу и прими вертолёт с нашей инспекцией. Про нас ты, по крайней мере, знаешь, что мы чтим уголовно-процессуальный кодекс. А что написано в боевом уставе ВКФ про пиратские базы, укомплектованные самоходными зенитными пушками, ты не знаешь, и я тоже.

— О'кей, присылай свою инспекцию. Обязуюсь вести себя законопослушно и гавриков своих построю.

Разговор был окончен.

— Как только ты умудряешься вежливо общаться с комис-

саром Вонгом? — спросила Лаура. — Он ведь приложил нас похлеще, чем этот якудза.

— Во-первых, не якудза, — с умным видом отозвалась Мара. — Якудза — это в Японии, а это, очевидно, триады — китайская мафия в Индокитае. Во-вторых, ну и пусть приложил — зато у мафиозо поджилки затряслись от обрисованных перспектив. Понимаю, обидно, когда ты можешь из гауссовки с километра пересчитать все смотровые щели в этой «Шилке» и заодно с той же дистанции погасить сигару господину Ли Чангу, не оцарапав ему носа, а означенный Ли Чанг ни в грош не ставит тебя как сухопутную военную силу. Но десант на это поместье, да с целью захвата пленных — это не полевая война. В ближнем бою превосходство в оружии роли не играет, а доля случая очень высока. Так что пусть комиссар сам разбирается со своими подопечными. Мирно. У него получится. И именно потому, что на периферии сознания мафиозо будет маячить тень «Сюркуфа», — Мара ухмыльнулась. — Это только мы с тобой знаем, что при его износе корпуса в атмосферу на нем лучше вообще не соваться.

Глава 5

Роттердамский порт

Элен Арети возилась в сиротском приюте, затерянном в портовых кварталах Роттердама. Что подвигло ее на участие в волонтёрской программе, связанной с сиротами, она и сама не понимала. Когда-то давно, ещё при первом знакомстве, Келли рассказал ей про волонтёров, помогающих сиротам, она зачем-то решила пойти туда — и сама не заметила, как прижилась.

А ведь было время, когда в развитых странах не было сиротских приютов. В первой половине XXI века всех сирот разбирали приёмные родители. Но потом научились лечить генетические заболевания, бездетных пар стало меньше. Да ещё многие люди стали жить поодиночке. И если воспитывать своего ребёнка мать-одиночка или вдовец имеют полное право, то чтобы одиночке позволили усыновить сироту — дело неслыханное.

Хорошо бы, конечно, чтобы тут появился Келли. Иногда люди из Порт-Шамбалы посещали эти приюты и забирали из них детей не старше четырёх лет. Побывав в Порт-Шамбале, Элен узнала, что этой программе уже больше десяти лет, и усыновлённые дети растут в спейсианских семьях наравне с родными.

Но у Келли пока нет своей семьи (а плохо ли это?), поэтому вряд ли его принесёт сюда. Да и вообще сейчас в Порт-

Шамбале практически нет взрослых семейных людей. Персонал госпиталя, да преподаватели Академии, по большей части пенсионного возраста, да несколько человек, явно прибившихся к городу уже после его постройки: хозяин китайского ресторанчика, где Келли кормил ее ужином, старый армянин, мастер по мелкому ремонту, и смотритель аквапарка, производивший впечатление настоящего тибетского буддийского гуру. Этот смотритель замечательно присматривал за детишками постарше. Но чтобы он кого-нибудь усыновил?

Все остальные взрослые жители города под куполом — действующие офицеры и где-то воюют вместе с эскадрой.

Элен уже третий час возилась с детишками, которые явно соскучились по вниманию старших — у персонала тут хватало сил только на основные жизненные потребности подопечных, и вдруг на пороге появился кто-то в курсантской форме ВКФ.

— Привет, Элен! — раздался знакомый голос.

Ну почему там, где хочется увидеть Келли, в последнее время всегда оказывается его младшая сестра?

Мара скинула с плеча довольно увесистый рюкзак и стала извлекать из него игрушки. Почему-то в основном эти игрушки были не для малышей, а для ребят школьного возраста, которым совершенно не светило усыновление спейсианами.

Ещё через час Элен засобиралась домой.

— Давай подкину тебя в Вену, — предложила Мара.

— У меня здесь, в Роттердаме, вещи в гостинице.

— Тогда хоть до гостиницы.

— А до нее я и пешком дойду.

— Уверена? Время-то уже тёмное, а портовые кварталы, мягко скажем, не самое благополучное место в городе. Пошли вместе.

Убедившись, что так просто от Мары не отделаться, Элен уступила. По дороге они болтали о совершенно посторонних вещах, обсуждая знакомых Элен по волонтёрской организации, которых, как оказалось, Мара тоже прекрасно знает.

Вдруг спейсианка замолчала и остановилась на полушаге,

будто прислушиваясь. И точно — из-за мусорных ящиков вывалилась ватага местной шпаны:

— Вим, глянь — телки!

Их было человек пять. Типичная небольшая молодёжная банда. Элен резко пожалела, что не приняла предложение Мары насчёт флиттера. Теперь ещё и её втравила в неприятности...

— Мальчики, вас старшие ещё не научили, что такое Антверпенский договор? — Мара стояла, уперев руки в боки, и спокойно смотрела на кривляющуюся шпану.

— Смотри, Ян, ещё выпендривается. Тут тебе не Антверпен, тут Роттердам. Глянь, телка, что у меня есть! — один из парней вытащил финку и покрутил ею.

— Какие молодцы! — усмехнулась Мара. — Сами ножичек достали, сами помахали. Мне теперь и доказывать не придётся, что вы нам угрожали, только запись показать.

В этот момент из проулка нетвёрдой походкой пьяного появился мужчина постарше, лет двадцати пяти.

— Смотри, Петер, — обратился к нему один из пацанов, — мы тут двух телок в угол зажали, а они ещё и надсмехаются.

Петер взглянул на девушек — и тут лицо его вытянулось и побледнело. Элен никогда в жизни не видела, чтобы человек так стремительно, прямо на глазах трезвел. Через несколько секунд он смог восстановить контроль над собой настолько, чтобы начать говорить. Говорил он долго, и, хотя голландский язык достаточно близок к немецкому, Элен узнала только некоторые корни явно неприличного свойства.

Где-то на середине монолога шпана осознала, что он не шутит.

— Теперь брысь отсюда, а я буду извиняться, — закончил Петер. Шпана моментально исполнила его приказ. Петер же действительно начал в витиеватых выражениях извиняться перед Марой за то, что взрослое преступное сообщество роттердамского порта вовремя не довело до шпаны знание о существовании границ, которые не следует переходить.

— Ладно, считаем инцидент исчерпанным, — бросила Мара и засунула правую руку за отворот куртки. — Пошли, Элен.

Девушка усилием воли уняла дрожь в коленках и последовала за ней, запоздало сообразив, что всё это время в руке у спейсианки был довольно внушительный пистолет.

— Слушай, а чего этот громила так перетрусил? — наконец смогла выдавить Элен, когда они выбрались на ярко освещённые улицы центра.

— Понял, что я настоящая, — пояснила Мара как нечто само собой разумеющееся.

— Как настоящая? А какая ещё ты могла быть?

— В смысле, на самом деле из Порт-Шамбалы, а не местная девчонка, нацепившая что-то похожее на форму ВКФ, чтобы отпугивать шпану.

— Интересно, а как он это понял?

— Точно не знаю. Бандиты и дикари как-то умеют определять уровень адреналина в крови противника. Нюхом чуют, наверное.

— При чем здесь уровень адреналина? Ты была на удивление спокойна.

— В этом всё и дело. Ты — боялась. Это нормальная реакция безоружной женщины при встрече с толпой шпаны. А я испытывала лёгкую брезгливость. Типа, вот настреляю, потом с полицией объясняться, пистолет чистить. Ситуация-то несложная, много раз тренированная, противник слабенький, слегка под газом, без оружия.

— Как без оружия? Он же ножом размахивал!

— Это для вашей полиции нож — оружие. А для нас — инструмент, подручное средство в драке. У них ещё водопроводная труба могла быть или отвёртка — это что, тоже оружие?

— Ладно, допустим, ты настоящая и можешь перестрелять эту шпану. Но громила тут при чем? Он-то чего испугался?

— Шестнадцатого параграфа Антверпенского договора. Вернее, даже не его, а того, что его испугается местная полиция. А полиции нафиг не надо конфликтов с Объединенным

Человечеством, поэтому после инцидента со стрельбой они бы тут носом землю рыли, желая показать, что наводят порядок. И наверняка этот Петер имел весьма серьёзные шансы оказаться в кутузке.

— А что, были прецеденты?

— В первые годы после основания Порт-Шамбалы были. И конфликты с полицией были. А последние лет десять не было.

— Слушай, а почему тогда до сих пор продолжают существовать подобные кварталы, если навести порядок так просто?

— Ты об этом меня спрашиваешь? Вас десять миллиардов, нас в Порт-Шамбала меньше пяти тысяч, а сейчас, когда эскадра в походе, и пяти сотен не наберётся. Как-нибудь сами разгребайте свои мусорные завалы, которые у вас называются политикой.

Глава 6

Fleet in being

Полю Рандью позвонила учительница истории его сына:

— Вы не могли бы подсказать, какой дополнительный курс взяли Мишелю?

— Да вроде ничего не брал. А что?

— Понимаете, ещё неделю назад он откровенно бездельничал на уроках. А в прошлый раз его поведение резко изменилось. Он задавал дополнительные вопросы, которые, признаться, почти поставили меня в тупик. А на этот раз я задала ему доклад о Трафальгарской битве — так у меня было впечатление, будто он прочёл самого Мэхэна. И что самое удивительное, его приятели, которые обычно не интересуются ничем, кроме компьютерных игр, активно участвовали в обсуждении.

— Вообще-то тактика и стратегия морских сражений имеет прямое отношение к компьютерным играм. Насколько я помню, основное увлечение сына — «Галактические Империи» — как раз относится к разряду стратегических игр. Просто раньше он как-то не соотносил это со школьным курсом истории. А Мэхэна он действительно читал. У меня в домашней библиотеке есть «Влияние морских сил на Французскую революцию и империю». Как раз вчера он его у меня и выпросил. И действительно сказал, что для подготовки доклада по истории...

Положив трубку, Поль задумчиво хмыкнул, поднялся из-за

рабочего стола и заглянул в комнату сына. Тот сидел за компьютером и сосредоточенно размышлял над текстом, открытым в какой-то незнакомой программе, увешанной разнообразными тулбарами, панелями с закладками и вспомогательными окнами. В заголовке окна значилось «Эклиптика».

— Что за «Эклиптика»? — спросил Поль. — Новая космическая игра?

— Нет, это профессиональная среда разработки программ, — ответил Мишель, очень довольный интересом отца к тому, что он делает.

— Откуда она у тебя? — поинтересовался Поль, прикидывая в уме, сколько это может стоить.

— С сайта разработчиков, естественно. Откуда же ещё её брать, как не от создателей?

— Но ведь профессиональные программы стоят кучу денег...

— Далеко не всегда. Профессиональные инструменты программистов обычно абсолютно бесплатны. За них расплачиваются, внося какие-нибудь усовершенствования и публикуя их, это уже лет двести так устроено.

«Все страньше и страньше...» — подумал Поль.

— А что ты такое пишешь?

— Так, мелочи. Серьёзные вещи профессор Шварцвассер мне пока не доверяет. Это всего лишь система управления вакуумными насосами и пылевыми фильтрами для Лимерикского завода микросхем. Оказалось, что существующая система еле-еле тянет двенадцать девяток, а для производства навигационных процессоров для крупных боевых кораблей вынь да положь четырнадцать. Мы тут подумали и пришли к выводу, что можно попытаться обеспечить это только за счёт программы, не меняя самих насосов и фильтров. Они там такие же, как на фабе Восток, но тот находится в Антарктиде — там пыли практически нет и давление воздуха вдвое меньше. Но Восток может работать только три месяца в году — когда там полярная ночь, получается слишком большой перепад температур. А до

марта кораблестроительная программа точно не успеет выполниться, поэтому надо задействовать какой-то из фабов в умеренных широтах. Пока пробуем Лимерик. Да, кстати, пап, давай купим мне настенный монитор на пятьдесят четыре дюйма, а то на этот технологическая схема фаба еле влезает. Шварцвассер обещал, что выдаст аванс под апгрейд рабочего места. Но поскольку у меня нет своей карточки, нужно будет дать ему твои реквизиты счета.

Поль прислонился к косяку двери. До сих пор он был уверен, что компьютерные игрушки сына — это не более чем игрушки, но Ганса Шварцвассера из Технологического университета он прекрасно знал и глубоко уважал как человека, который занимается реальным производством, а не перекладыванием бумажек, к которым, в общем-то, можно отнести и историю — собственное дело жизни Поля.

— Пойду позвоню Шварцвассеру, — сказал он и вышел из комнаты, после чего Мишель как ни в чем не бывало вернулся к экрану.

— Привет, Ганс, — бросил Поль в трубку. — Что у тебя за финансовые игры с моим сыном?

— С твоим сыном? Поль Рандью... Так Мишель Рандью — это твой сын?! Ну да, я взял его на работу. Помнится, ты жаловался, что пора бы научить парня зарабатывать деньги, а ты всё не знаешь, куда его можно пристроить. Скажи спасибо младшей Лависко, это она его ко мне притащила. Если бы ты знал, как сложно сейчас найти толкового программиста, готового заниматься какой-нибудь рутиной вроде контроля окружающей среды на производственной линии! А у твоего парня глаза горят, как будто его пустили в пилотское кресло.

— Да, а мне он тут жаловался, что ты доверяешь ему всякую ерунду вроде вакуумных насосов.

— Это он явно прибедняется. Он прекрасно знает, сколько народу куда старше и опытнее его обломало себе зубы о задачу выпуска процессоров для боевых кораблей в умеренных широтах. В ВКФ уже всерьёз подумывали о том, чтобы строить фаб

на Луне. В системе Арктура они так и делают — держат фаб на каком-то мелком безатмосферном спутнике. И тут приходит двенадцатилетний мальчишка и выдаёт ИДЕЮ.

— Как раз в идею я готов поверить. Воображение у него богатое. А как насчёт реализации?

— Я читал исходники «Василиска». Это можно ставить на боевые корабли. И уже ставят. А теперь прикинь: я тут с ног сбиваюсь, чтобы найти среди младшекурсников или старшеклассников людей, из которых можно вырастить приличных программистов. И вдруг выясняется, что сын моего старого приятеля по клубу исторического фехтования — уже сложившийся специалист, чьи программы восемь месяцев как стоят на боевых кораблях. А он на свои заработки даже мороженого купить не может, потому что злые родители не верят, что его игрушки имеют какую-то ценность. Более того, ещё неделю назад он не знал, что деньги, заработанные в «Галактических Империях», можно тратить на образовательные курсы по программе военно-космических академий.

— Так вот откуда Мэхэн... — выдохнул Поль.

— Мэхэн? Я знаю только линейный корабль ВКФ с таким названием.

— Был в XIX веке такой адмирал и военный историк. Тут Мишель выпросил у меня его книгу и сделал доклад по истории наполеоновских войн, который очаровал его учительницу. До сих пор мне было жутко стыдно перед ней, что у меня, профессионального историка, сын на грани неуспеваемости по этому предмету.

— Да, точно, и должен быть военный историк. Эту серию у них неофициально называют «теоретики». Помню, там ещё были «Клаузевиц», «Лиддел-Гарт», «Вегеций», а то, для чего делаются процессоры, будет называться «Переслегин».

— Погоди, «Лиддел-Гарт» – это же корабль из сериала «Звёздный Патруль». У сына над столом висит модель с воот такенной заплатой на рубке.

— Реальный корабль. Из стали и титана. И заплата реаль-

ная. Мне тогда душу вынули за то, что алгоритмы ремонтных роботов оказались недостаточно эффективными, и экипажу пришлось вручную ставить заплату. Я там все отсеки двойной обшивки излазил, разбираясь, что не так. Куда пролез, конечно. Вообще-то обслуживанием многих отсеков у них занимаются юнги, ребятишки вроде твоего. Если младшая Лависко ещё к тебе забредёт, порасспроси ее — она на «Лиддел-Гарте» три года отслужила. Там мы с ней и познакомились.

Мир в голове Поля со скрипом переворачивался. Ещё вчера он был уверен, что «Звёздный патруль» — фантастика, его сын — шалопай, который не интересуется ничем, кроме компьютерных игр, а Мара с её чаем и очками — девчонка, случайно попавшая в компанию старших по возрасту и отчаянно пытающаяся соответствовать. Теперь выясняется, что его сын — сложившийся программист, программы которого ставят на боевые корабли, Мара три года отслужила на реальном боевом линкоре «Лиддел-Гарт», а добрейший Ганс имеет прямое отношение к производству космического оружия. Более того, есть какая-то кораблестроительная программа, для которой не хватает существующих мощностей земной промышленности.

И вообще что-то в земной истории не так. Когда он был студентом, у Земли не было никакого военно-космического флота. Была эпоха процветания, постиндустриальное общество, и никакого интереса к космосу. Время от времени из этого космоса прилетали корабли с земных колоний, основанных сто лет назад, привозили всякие диковинки, увозили продукцию земного шоу-бизнеса. Собственно, потому Поль и занялся в свое время историей, что считал: все звёздные часы человечества уже в прошлом.

— Мишель, а ты не пытался попросить Мару устроить тебе экскурсию на настоящий «Лиддел-Гарт»? — поинтересовался он, вернувшись в комнату сына.

— Ты что! Знаешь, как космонавты суеверны? Сейчас можно проситься только на «Сюркуф», других кораблей на орбите нет. А договариваться насчёт чего-нибудь в отношении

корабля, который сейчас в боевом походе — дурная примета. Можно накликать, что он оттуда не вернётся. И вообще просто экскурсия — это неинтересно. Вот на приёмные испытания «Василиска-2» я обязательно напрошусь. Не знаю, будет это «Сюркуф» или какой-нибудь из новых корветов, но там я буду не абы кто, на кого даже юнги смотрят свысока, а представитель разработчика.

Глава 7

antispace.org

«Все чудесатее и чудесатее», — думал Поль Рандью, рассматривая материалы сайта `www.antispace.org`.

Сначала он честно попытался разобраться в последних двадцати годах истории Земли, пользуясь своими профессиональными навыками поиска информации. Очень скоро обнаружилось, что в Сети есть только два места, в которых признается существование на белом свете такого места, как Порт-Шамбала, и такой организации, как Военно-Космический Флот Объединённого человечества. Первым был, естественно, www.navy.spc — официальный сайт военно-космической базы «Порт-Шамбала». Там в разделе «История базы» лежала масса интересных материалов, но для начала Поль счёл их заведомо пропагандистскими и ангажированными. В принципе, перекрёстный анализ позволяет извлечь уйму ценной информации и из таких источников, но всё же стоит поискать более непредвзятые.

Однако их-то в сети и не оказалось. Обнаружился только сайт противников космической оккупации Земли antispace.org — с эпиграфами из «Стальных Пещер» Азимова и махровой конспирологией. Больше половины материалов представляло собой бесконечное обсуждение, кто такие шияары и представляли ли они реальную опасность для Земли. Из

более-менее достоверных фактических данных там были только ссылки на `dl.ena.spc/xenology` — сайт дистанционного обучения Военно-Космической Академии Земли. Даже ролик о появлении в Солнечной Системе корабля шияаров, предъявившего ультиматум, лежал на сайте Военно-Космической Академии — правда, в разделе «Новейшая История», со ссылкой на какое-то арктурианское новостное агентство.

Все это как-то плохо укладывалось в голове у Поля, поэтому, встретив Шварцвассера на тренировке по фехтованию, он насел на него с расспросами.

— Да что ты паришься? — отозвался профессор. — Какая разница, кто кого завоевал? С появлением спейсиан на Земле начался какой-никакой технический прогресс. Двадцать лет назад невозможно было выбить хоть какие-то средства на замену позарез необходимых геостационарных спутников. А сейчас спейсиане подкидывают нам столько интересных технических задачек. . .

— Но как же свобода, независимость, демократия?

— А что, твою свободу кто-то ограничивает? Выборы муниципалитета отменили? Или ты попытался съездить в турпоездку на Арктур-е, и тебя не пустили? Дело в том, что политическое положение Земли в Галактике на самой Земле не волнует никого, кроме кучки параноиков с antispace.org и небольшого числа технократов вроде меня. Нам это положение даёт интересную работу. Антиспейсовцы волнуются просто по велению души. А остальным оно до лампочки. И тебе до сих пор было до лампочки. Что ты вдруг вскинулся? Увидел красивую и загадочную девушку? Успокойся, у тебя жена есть.

Тем не менее внять разумному совету и успокоиться Поль Рандью не смог. Поэтому стал искать выходы на другую сторону.

* * *

Внутриигровой чат в «Галактических Империях» был местом, где серьёзных игровых вопросов обсуждать не полага-

лось. Потому что в реальной Вселенной мгновенной связи не существовало, и самым быстрым способом доставить сообщение под соседнюю звезду был курьерский корабль. Так что чат был для игроков, а не для персонажей.

Поэтому, увидев, в чате пользователя demiurg24, Мишель Рандью ни секунды не сомневался, стоит ли начинать обсуждать с ним тему из внешнего мира.

```
<mirandu> demiurg24: Мара, мои предки приглашали
тебя на завтра?
<demiurg24> mirandu: Приглашали
<mirandu> Учти, что они собираются устроить тебе
... перекрёстный допрос. Они нарыли в сети какую-то
... бредятину под названием antispace.org и теперь
... уверены, что вы - злобные инопланетяне,
... покорившие Землю.
<demiurg24> А, антиспейс? Прикольная штука. Как-нибудь
... на досуге посмотри, где оно хостится. Короче,
... спасибо.  Praemonitus praemunitus.
<mirandu> Это по-каковски?
<demiurg24> По-латыни. Ты ещё не добрался в своих
... исторических штудиях до Древнего Рима?
<mirandu> Я же историю изучаю, а не мёртвые языки.
<demiurg24> Латынь - язык андедный. Живее всех живых.
... Тем более тебе с родным французским просто будет.
<mirandu> Злая ты и ехидная.
<demiurg24> Ага. Кстати, не забудь предупредить об
... этом родителей. Ещё посмотрим, кто кого съест.
```

Мишель открыл прямо поверх игры окно командной строки и набрал команду:

```
$ traceroute www.antispace.org

traceroute to www.antispace.org (4681:3212:99:12::22:35), 30 hops max 40 byte packets
1  router.paul-randeue.name (3123:589:6Adf:13::CAE2:1)  0.148 ms  0.110 ms  0.107 ms
2  c001-s1345.sat.terranet.spc (9FFF:1EFC:CAAF::1:541) 12.409 ms  13.004 ms 11.386 ms
3  c004-s0985.sat.terranet.spc (9FFF:1EFC:CAAF::4:3D9) 24.500 ms  27.102 ms  23.808 ms
4  gw1.shambala.net (4681:3212:99:1::2:CCC) 38.714 ms 35.399ms 36.902 ms
5  hosting.terranet.net (4681:3212:99:3::23:186) 35.320 ms 39.150ms 37.276 ms
6  www.antispace.org (4681:3212:99:12::22:35) 40.715 ms 38.720 ms 42.725 ms
```

Результат его несколько удивил. И он набрал ещё одну команду:

```
$ whois -h whois.apnic.net 4681:3212:99:12::22:35
# Information related to 4861:3212:99::/56

inet6num: 4861:3212:99::/56
netname: SHAMBALA
descr: Port-Shambala space navy base network
country: SPC
admin-c: PSADM-APNIC
tech-c: PSADM-APNIC
mnt-by: PSNET-MNT
source: APNIC

role: Port-Shambala hostmaster
address: Port-Shambala NOC
address: Earth Space Operation Control Center
address: Port-Shambala
e-mail: hostmaster@navy.spc
```

Сомневаться не приходилось. Сайт antispace.org был расположен по IP-адресу, выделенному дата-центру Порт-Шамбала.

* * *

В гостиной Рандью собралось всё то же общество, что и в прошлый раз. Добавился только Алекс Оттерван, основатель antispace.org. Мара ещё не появилась — её задерживали какие-то дела, хотя по времени Порт-Шамбалы была уже почти полночь.

— Интересно, где Мара? — спросила Элен.

— Сейчас выясним, — ответил Анджей и набрал какой-то длинный номер на своем коммуникаторе. — Ага, в районе Зальцбурга, скорость полтора километра в секунду. Минут через десять будет.

— Она дала тебе доступ к своему местоположению? — удивилась Жанна. Насколько ей было известно, запрашивать местоположение далеко не всегда разрешали даже мужья жёнам, а дети-подростки очень часто протестовали против включения родителями этой функции и отказывались носить телефон.

— Понимаешь, они другие, — ответил Анджей. — Ничего она мне не давала. Только намекнула, что у всех жителей Порт-Шамбалы эти данные абсолютно открыты. Если честно, она и телефона-то мне не давала. Просто звонила пару раз.

Оттерван слегка насторожился. Большую часть компании он видел в первый раз в жизни. На эту вечеринку его пригласил Анджей, с которым он был шапочно знаком по паре круглых столов на космические темы. Оттервана туда приглашали как одного из немногочисленных на Земле сторонников расширения присутствия в космосе, Краковски — как журналиста, пишущего о всякой экстремальной науке: полярниках, вулканологах, ну и планетологах заодно. «Будет интересно», — сказал Анджей. Ага, уже интересно. Оказывается, есть некая девушка из Порт-Шамбалы, телефон которой он знает на память, и тот факт, что он имеет доступ к её координатам, вызывает удивление скорее в плане «не думала, что у них уже зашло настолько далеко».

— Интересно, — размышляла вслух Элен, — а где кончается «они другие» и начинается конкретная Мара или конкретный Келли? Рядом с Марой мне бывает очень не по себе. Она какая-то резкая, бросается действовать быстрее, чем я успеваю подумать. Мне кажется, она может даже убить.

Мишель Рандью, сидевший за компьютером в своей комнате, не особенно вслушивался в разговоры взрослых, но эта реплика не могла оставить его равнодушным.

— Если бы она не могла убить, то была бы профессионально непригодна как офицер ВОЕННОГО флота, — пробормотал он себе под нос, но взрослые в соседней комнате его не услышали.

— Ни разу не видел, как Мара кого-нибудь убивала, — заметил Анджей. — А вот твой Келли на моих глазах убил человек

двадцать.

— Это как?! — удивилась Элен.

— Видела во вторник ролик про нападение пиратов на лайнер в новостях BBC?

— И где там был Келли? Ролик кончился на том месте, где пираты дают предупредительный выстрел по лайнеру.

— А Келли в это время оттормаживался на баллистической траектории. Через пять секунд после того места, где обрезали ролик, он вышел на дистанцию выстрела. Но в BBC решили, что вид палубы катера после того, как туда влепили шрапнельный заряд из трехдюймовой гауссовки, слишком неаппетитен для показа прайм-тайм. А ведь фотопулеметы космического истребителя дают куда более высокое качество картинки, чем мобильник капитана лайнера, с которого и был снят основной материал для этого ролика.

— Но ведь спасти корабль от пиратов — благородное дело!

— Естественно. Однако благородство совершенно не отменяет того, что это была стрельба на поражение по живым людям.

Элен задумалась, вспоминая свою первую встречу с Келли. Теплый вечер в конце июня, летние сумерки, Пратер залит огнями. Она сидит на парапете набережной, отделённая от освещённых аттракционов тенистыми деревьями. На душе — безнадёжно погано, хоть в Дунай бросайся. Не важно уже, что тогда её привело в такое состояние, но ощущение от этого настроения она отчётливо помнит до сих пор.

Мимо по набережной идут какие-то люди. Иногда торопятся куда-то в одиночку, но чаще компаниями. От них доносятся шутки, смех, гитарные аккорды или музыка из плейеров И никому нет дела до экзистенциального страдания Элен Арети.

Вдруг около её тумбы остановился парень в огромных зеркальных очках (зачем ему такие, летней ночью-то?) и спросил:

— Девушка, не подскажете, как пройти отсюда в Шёнбрунн?

У Элен аж дыхание перехватило. В Шёнбрунн? Это же,

можно сказать, другой конец Вены!

Самое забавное, в Шёнбрунн Келли этой ночью все-таки попал. Как-то так получилось, что они с Элен до утра бродили по улицам Вены, любовались на формы Хундертвассерхауза, совершенно нереальные в сумерках летней ночи, слушали орган на всенощной в Святом Стефане – и дошли таки до Шёнбрунна всего лишь с парой привалов в каких-то летних кафе. Днём раньше Элен ни за что бы не поверила, что способна дойти ногами от Пратера до Шёнбрунна.

За время этой прогулки вся её тоска непонятным образом рассеялась, как дым. Причём создалось впечатление, что этому странному парню от неё не было надо ничего, кроме экскурсии по городу. Шёл мимо, увидел, что человеку плохо, и ненавязчиво помог... или спас. Прощаясь, он оставил ей телефон, предоставив самой решать, продолжать знакомство или нет.

От воспоминаний Элен оторвал вопрос Анджея:

— Кстати, кто-нибудь находил хотя бы одно изображение шияара за пределами домена .spc?

— Откуда? — спросил Поль Рандью. — Мне удалось докопаться до видеозаписи, переданной с корабля, предъявлявшего ультиматум. Но даже там не было изображения говорящего, да и голос, скорее всего, был синтезированный. Только батальные сцены общим планом. А больше шияаров в Солнечной Системе не было. Так что они могли попасть в кадр разве что в «Галактическом Патруле». Но что-то я там не припомню сцен абордажных боев... Вот на сайте Военно-Космической Академии в разделе `history/colonies` есть куча материалов по 47 Ursae Majoris. Похоже, это единственное место, где людям довелось сталкиваться с шияарами врукопашную.

* * *

Мара появилась на пороге, как всегда, весёлая и деятельная. Первым делом она вытащила из кармана куртки какую-то микросхему и вручила её Мишелю, открывшему дверь:

— Держи, заработал.

— Что это?

— Чип из первой партии, выпущенной Лимерикским фабом по технологической норме 5.

— Процессор?

— Хуже — это AXS-14, System on chip. Там внутри все: и процессор, и память, и всякие интерфейсы. На самом деле это платформа для твоих «Василисков». Только сервоприводы подключить осталось.

— И в ней процессор четырнадцатого класса?

— По-моему, их там то ли четыре, то ли восемь.

На секунду Мишель задумался, а потом бросился в свою комнату. Через пару секунд он выкопал из кучи хлама на столе телефон и торопливо заговорил в него:

— Привет, Ганс. Посмотри в сети спеки на чип AXS-14. По питанию Рут его потянет? Да знаю я, что гражданского применения у этих чипов нет. Неважно, сколько он стоит, я его в руках держу! Подарили. Потому что я отлаживал систему вентиляции на фабе, где их делают.

— Уже нашёл применение для этой штучки? — спросила Мара, когда он отложил телефон. — Интересно, какое?

— Пока секрет. Вот сделаем — расскажу и даже покажу.

— О, здравствуй, — в коридор из комнаты выглянула Жанна. — Наконец-то ты появилась.

— Надо же было дать вам время на подготовку заговора.

Жанна не нашлась с ответом, и Мара проследовала в комнату с ехидной ухмылкой во весь рот.

— Знакомьтесь, — представила Жанна. — Алекс Оттерван, Мара Лависко.

— Космический оккупант, — добавила Мара, ухмыльнувшись ещё ехиднее. — Очень приятно познакомиться со столь талантливым писателем-фантастом. Поль, у вас в доме есть принтер? Хочу автограф Алекса на какой-нибудь распечатке с antispace.org.

* * *

— Мара, а ты когда-нибудь видела живого шияара?

— Горячий лёд видела. По телевизору, правда, люди при таких давлениях не живут. А вот сухой воды и живого шияара не видела, — Мара широко улыбнулась. — Потому что шияары — это не жизнь, а нежить. Реплицирующиеся роботы. Откуда они взялись, пока не удалось установить, но на тот момент, когда мы с ними столкнулись, они уже освоили астероидные пояса в нескольких десятках звёздных систем. И отношение к биологическим существам у них — обезьяна должна сидеть на дереве. А если обезьяне хочется не сидеть на дереве, а подняться хотя бы к границам тропосферы, не говоря уже о космосе, такую обезьяну надо немедленно отстрелить. Функционирующих шияаров — да, видела. Был случай, когда между мной и шияаром была только пара сотен метров вакуума. И обломки в руках держала.

— А что было дальше с тем шияаром? — поинтересовалась Элен.

— Ничего хорошего. Ему влепили подкалиберный в движок, и получился небольшой термоядерный взрыв. Несколько обломков прилетело в нашу сторону. И всё бы ничего, не будь уже в броне пробоины, которую я в тот момент как раз собралась заваривать. Через нее-то я на него и смотрела. Я успела закрыться пластырем как щитом, и взрывом меня не обожгло. Но потом прямо в пластырь пришёл здоровенный кусок бурового манипулятора — шияар был астероидным харвестером. Этот кусок отбросил меня от пробоины вместе с пластырем на повреждённую ферму каркаса и порвал мне скафандр на боку. Пришлось заваривать пробоину на скорость: что быстрее — я восстановлю герметичность отсека, и его можно будет наддуть, или у меня из скафандра выйдет весь кислород.

— И как, успела?

— Ну я же сижу здесь, живая, значит, успела, — Мара поморщилась. — Правда, когда отсек уже наддулся и блокировка с люка была снята, кому-то в пилотской рубке взбрело в голову врубить движки на полную тягу и совершить маневр уклоне-

ния на двух g. А я как раз вылезала в люк. Не удержалась, естественно, и приложилась другим боком о свежеприваренную заплату. Ещё два ребра сломала. Потом неделю в регванне отлёживалась

— Ещё два?!

— А что ты думаешь — удар, который пробивает скафандр, оставляет в целости то, что под ним? Вообще-то скафандры делаются из более прочных материалов, чем наши кожа и кости.

— А что стало бы с тем шияаром, если бы его не подстрелили? — поинтересовался Алекс Оттерван.

— Пролетел бы эту пару сотен метров и подорвал свой движок вплотную к обшивке. В корабле образовался бы кратер диаметром метров десять, а я бы попала в самый эпицентр.

— Мирный астероидный харвестер?

— Они все мирные, пока людей в системе нет. А увидят человека — сразу перестают быть мирными. А там они вообще были как пчелы из разорённого улья, потому что их матку мы тогда уже оприходовали. Большая матка была, закопалась в двадцатикилометровый астероид да настолько в него вросла, что у нее были демонтированы даже маневровые движки, не то что скачковые. Просто большой роботизированный завод по выпуску рабочих шияаров в пещерах, пронизавших весь астероид.

* * *

— Интересно, а почему в вашей Академии нет курсантов с Земли? — спросил Анджей.

— Почему нет? С Кимом Лэнсером я тебя знакомила. Он приёмыш из земного детского дома, попал в Порт-Шамбалу в возрасте четырёх лет. Обратил внимание, что я — Лависко-пятая, Мишель — Карсак-четвертый, Лаура вообще шестая, а Ким — Лэнсер-первый? Вернее, просто Лэнсер, без номера.

Неожиданно Мара ухмыльнулась:

— Кстати, Алекс, а почему у вас на антиспейсе нет материалов о том, как злые спейсиане похищают христианских младен-

цев из сиротских приютов на предмет выпить из них кровь? Чего стоило бы одно интервью с Винсентом Спонджем, который десять лет не вспоминал о своем внуке, родители которого погибли в авиакатастрофе, а когда вспомнил, то обнаружил его в Военно-Космической Академии... Координаты Спонджа могу подкинуть. И координаты Джека Летайра, внука, тоже, — она снова повернулась к Анджею. — Вообще сирот из детских домов у нас в Порт-Шамбале сейчас примерно столько же, сколько родных детей. Больше как-то не очень получается.

— Я не про сирот из детских домов. А про тех, кто поступил в более-менее сознательном возрасте.

— А где на Земле взять подростков двенадцати лет, которые не только закончили начальное образование, но и отработали три года чьими-нибудь подмастерьями? Это на Лемурии таких полно или в Мире Толимана. Кстати, на большинстве обитаемых планет даже старшеклассник лет восьми-девяти почти наверняка умеет водить авиетку и с шансами самостоятельно летает на ней в школу. А уж подросток возраста подмастерья — наверняка. Поэтому его с первого курса можно учить водить флиттер. У вас почему-то всячески избегают давать подросткам настоящие транспортные средства. А у нас считается так: кто не совершил первого самостоятельного полёта раньше первого сексуального опыта, тот для космоса потерян. Такому только в фермеры идти.

* * *

— Значит, в субботу вся ваша команда устраивает встречу? — спросила Мара Алекса Оттервана. — А можно и мне поучаствовать? Очень интересно увидеть лицом к лицу людей, которые выдвигают про нас такие интересные гипотезы. И вашим, наверное, будет интересно посмотреть на живого «космического оккупанта».

— Пожалуйста, никаких проблем. Наши встречи совершенно открытые. Только дело в том, что мы устраиваем встречу в туристском приюте на вершине Хохшваб.

Мара на секунду задумалась — вернее, полезла в сеть через очки.

— А, это такой природный резерват в двух десятках километров к северу от Брук ан дер Мура?

— Он самый.

— А там парковаться можно, или надо где-нибудь у подножья, в насёленке?

— По-моему, туда закрыт доступ любому транспорту. Только пешком.

— Это сложнее. Придётся отпрашиваться с занятий. Впрочем, можно устроить нашей группе горную тренировку в Альпах. Вас не напряжёт, если наших там будет четверо?

— Никаких проблем. В субботу в шесть часов вечера ждём вашу компанию в приюте Хохшваб.

Глава 8

Бальное платье Элен

«В увлечении классическими танцами есть определённый снобизм. Но всё же хорошо, что в Вене можно посещать не банальные дискотеки, а вечера вальса, — думала Линда Раштен, подпирая стену на университетском балу. — Конечно, лучше приходить на такие вечера со своим парнем, но что поделать, если его нет.»

Неделю назад она крепко разругалась с Карлом Кроппке и решила, что между ними всё кончено. Что ж, может, удастся познакомиться с кем-нибудь на этом самом балу... Хотя, конечно, наряд у неё далеко не самый выигрышный. Всё-таки постдок, весь доход которого — зарплата по гранту, не может позволить себе особо модничать. А если ещё и работа настолько затягивает, что некогда не то что шить — бегать по распродажам, так и приходится идти на танцы в строгой юбке, купленной некогда к защите диссертации.

Вдруг в зал вплыло совершенно шикарное бальное платье в стиле эпохи Марии-Терезии. Платье было настолько ослепительным, что Линда далеко не сразу разглядела, на ком оно надето, но когда разглядела, удивилась ещё больше. Она прекрасно знала, что стипендия Элен Арети ещё меньше ее собственных доходов. И тут такая роскошь!

Подойдя к Линде, Элен поинтересовалась, какие танцы уже

объявляли, и есть ли сегодня интересные партнёры.

Линда собралась с силами и как ни в чём не бывало спросила:

— А где это ты такое платье отхватила? И почём?

— Сама удивляюсь, почему раньше так не делала. — Элен назвала цифру, вполне соизмеримую со стоимостью до неприличия банальной юбки Линды. — Оказывается, есть возможность сделать единичный заказ на фабрике-автомате. Получится даже дешевле, чем покупать готовое — минус аренда магазина, минус зарплата продавцов, минус прибыли владельца розничной сети. Нужно только предоставить готовую программу для их роботов. Но опять же в сети есть сайты, где можно скачать программу на любой фасон, надо только подставить параметры своей фигуры. И это тоже можно сделать даром, на собственном компьютере — нужна только приставка с двумя камерами, знаешь, какие используют для игр с управлением жестами. Пять минут покрутилась перед камерой, полчаса порылась в каталоге, и через три дня мне по почте прислали платье.

— А откуда ты узнала, что так можно?

— Сестра моего парня подсказала. Он недавно получил травму во время одной спасательной операции, и я навестила его. Родителей у него дома не было, они где-то в командировке, а с сестрой познакомилась. К сожалению, притащить его сюда сегодня я не смогла, у него опять дела. А твой Карл где?

— Мы с ним разбежались. Представляешь, оказалось, что его лаборатория работает на космических оккупантов. Делает что-то для военно-космического флота. Не могу же я гулять с коллаборационистом!

— Тогда со мной ты, наверное, вообще разговаривать перестанешь.

— Это почему?

— Потому что мой парень носит офицерский китель ВКФ, а дом, где я его навещала, находится в Порт-Шамбале. Если то, что парень работает в кораблестроительной программе, для

тебя уже повод для ссоры, то что ты скажешь про подругу, которая гуляет с «космическим оккупантом»?

Линда задумалась. Элен она знала давно. Проще было поверить в то, что космические оккупанты в личной жизни вполне нормальные люди, чем в то, что Элен Арети будет торговать своим телом.

— Нет, не перестану. Личная жизнь есть личная жизнь. Как говорят русские, любовь зла, полюбишь и... ну, скажем, оккупанта.

К счастью для Линды, Элен не знала этой русской поговорки, а то могла бы и обидеться. А так они продолжили болтовню в перерывах между танцами. Поэтому Линде было с кем поделиться своими проблемами, которые волновали её куда больше, чем бальное платье или отношения с парнями.

— Понимаешь, Элен, шеф почти дозрел до того, чтобы прикрыть всё наше направление.

— Что, ничего не получается?

— Наоборот, получается слишком уж круто. Если эта технология выйдет из-под контроля, то чума четырнадцатого века или испанский грипп начала двадцатого покажутся детским утренником. Но если технологию удастся приручить, многие из наследственных болезней, которые сейчас лечатся только жутко дорогими методами, не покрывающимися никакой страховкой, можно будет вылечить раз и навсегда. А какие перспективы откроются для адаптации при колонизации планет! В свое время шеф где-то добывал статьи из баз публикаций космических оккупантов. Что они там только ни делали, чтобы не дать косным фермерам, боящимся генной модификации, вымереть от необычного аминокислотного состава местных белков! К примеру, на планете Беты Южной Гидры такая эпопея была... — Линда тяжело вздохнула. — Но шеф боится проводить эксперименты в биосфере, заселённой десятью миллиардами людей. Спонсоры предлагали ему под лабораторию старинную атомную электростанцию начала XXI века, откуда давно снято всё радиоактивное, а средства предотвращения утечки, рас-

считанные на падение самолёта, остались на месте. Но ему всё равно страшно…

Глава 9

Космических оккупантов приглашали?

Большая часть антиспейсовцев добралась до приюта часам к четырем. Над хребтом уже нависли облака, и последнюю часть пути пришлось проделать в густом тумане.

Слегка отдохнув после десятикилометровой прогулки по горам, достаточно утомительной для горожанина, они наконец приступили к обеду. В этот момент дверь обеденного зала, выходившая прямо на улицу, открылась, и на пороге в клубах тумана появились четверо в камуфляжных комбинезонах и касках с фиолетово-сияющими забралами, увешанные всевозможным снаряжением и, похоже, даже оружием.

— Космических оккупантов приглашали? — первый из вошедших снял каску и оказался Марой. — Мишель, Лаура, Ким, — представила она остальных по мере того, как они тоже снимали каски. — Интересно, а душ здесь есть?

Душа не оказалось — туристские приюты в Альпах представляли собой аттракцион для любителей экстрима, поэтому тут старательно поддерживались бытовые условия чуть ли не XIX века. Впрочем, курсантов это не огорчило. Мишель с Кимом добыли на кухне котёл горячей воды, все четверо сбросили одежду, выскочили на улицу и, не обращая внимания на

промозглый туман и пронизывающий ветер, стали обливаться водой и растираться колючим, перележавшим лето снегом с ближайшего снежника. После чего откуда-то из кучи снаряжения были извлечены безупречно отглаженные брюки и кители, и спустя несколько минут четвёрка приобрела тот вид, какой курсанты космофлота имеют в цивилизованных местах, и в каком Алекс уже видел Мару.

— Признайтесь, а вы ведь не из Бухберга сюда топали, — поинтересовался Курт Тельгоффер, когда ребята расселись за столом с кружками горячего чая. Курт был большим любителем горного туризма, излазившим все Альпы, именно он и придумал устраивать сборища антиспейсовцев в таких вот приютах.

— Конечно, нет, — усмехнулся Мишель. — За кого вы принимаете наших преподавателей? Из Айзенэрца.

— Что? Траверз хребта Хохшваб с полной выкладкой? — глаза Курта округлились. — И за сколько?

— В восемь утра вышли, — курсант окинул взглядом Курта, щеголявшего дорогими горными ботинками и пуховыми альпинистскими штанами. — Нам ещё вторая половина приключения предстоит — ночной переход до Зеебергсаттеля. Не хочешь присоединиться?

— И кто вас ночью выпустит?

— А кто нас остановит? Мы же космические оккупанты. Наша ТБ — дело нашего начальства и больше ничьё

— У вас небось инфракрасные очки... — протянул Курт.

— Без подсветки на горной тропе от них толку ноль целых хрен десятых. А кто ж нам такое позволит? Мы готовимся к войне с противником, для которого инфракрасная подсветка заметна в той же мере, что и обычный фонарь. В инфракрасные очки можно только на домики в долине любоваться, но их и в видимом диапазоне прекрасно видно. Так что — всего-навсего обычные ноктовизоры с фотоумножителями. А уж запасной ноктовизор мы найдём. Скажи спасибо вашим лавинщикам.

— При чем здесь лавинщики?

— При том. Они не выдали на маршруте ни одной точки, где было бы безопасно использовать светошумовые боеприпасы. Иначе по дороге нас обязательно угостили бы чем-то подобным, чисто в порядке тренировки. А от светошумового боеприпаса ноктовизоры вылетают только так, поэтому в боекомплекте всегда есть несколько запасных сенсоров.

— Сенсор ладно, а экран?

— Ещё проще. Мы идём в касках, но и обычные очки у каждого с собой, так что можем поделиться.

— Знаешь, я подумаю над этим предложением, — серьёзно произнёс Курт. — Такая возможность выпадает не каждый сезон...

— Так, — вступил в разговор Ким, — у кого здесь ещё какие хобби? Любители пулевой стрельбы есть?

— А что? — подняла голову сидевшая в углу Линда Раштен.

Ким посмотрел на невысокую рыжую девушку с двумя торчащими, словно рожки, косичками, на первый взгляд самую безобидную из всей компании:

— Могу дать подержать в руках гауссовку. Правда, попробовать в деле — вряд ли. Меньше, чем за три километра, по мишеням из неё стрелять неинтересно — замучаемся оборудовать рубеж.

— Как вам наши горы? — полюбопытствовал Курт.

— Круто, такого я ещё не видел, — с жаром отозвался Ким. — В Гималаях этого нет. Тут идёшь, а под ногами живая история. Спускаешься на перевал — стоит камень с доской: «На этом месте в 1805 году была остановлена наполеоновская армия». До сих пор что-то подобное я видел только на таёжных учениях в Центральной России, где почти в каждом мелком городке на постаменте торчит танк времён Второй Мировой. Но это абстрактные танки, вроде как противоградовые зенитки в Армении, их не воспринимаешь как часть истории. За ними нет конкретного боевого эпизода. Хотя местные, наверное, воспринимают.

— А где Базиль Лундквист? — поинтересовался Мишель.

— Увы, он не посещает очные сборища, — вздохнул Оттерван.

— А кто из вас пишет под псевдонимом Айзек Бромберг?

— Почему вы считаете, что это псевдоним? — удивилась Линда, подняв глаза от гауссовки Кима.

— А как же? Это ведь персонаж довольно известных фантастических романов XX века. Вот вы на каждом шагу цитируете Азимова и Хайнлайна, а у нас Стругацкие или Розов не менее популярны.

Спейсиане задумались, вспоминая, кого ещё из активистов форума antispace.org они хотели бы увидеть. Получалось так, что те, кто собирается в горных приютах, и те, кто активен на сайте — две почти не пересекающиеся группы, объединённые только личностью Алекса Оттервана.

— Обидно, что их здесь нет, — сказал Мишель. — А то я так хотел спросить у Лундквиста, за что он нас настолько не любит.

— Как за что? — вскинулся Курт. — Вы же лишили Землю выхода в космос.

— Мы лишили?! — удивилась Мара. — Мы, в смысле Солярная эскадра ВКФ и база Порт-Шамбала, появились здесь в 2208 году. Сколько функционирующих космических кораблей имелось у Земли за год до того?

Недоуменные взгляды были ей ответом.

— Один, — припечатала Мара. — Назывался он «Индевор» и принадлежал Международному Институту Солнечной Системы. А где он, по-вашему, был построен?

— Вроде у Земли кораблестроительные мощности где-то на Дальнем Востоке, — отозвался Курт.

— Э-э, нет. «Индевор» был построен в Сильверхавне, Авалон, под Арктуром. И его предшественник «Челленджер» там же. А последний до Антверпенского договора корабль земного происхождения, «Ермак», вышел на ходовые испытания в 2110 году. После этого космические корабли на Земле не строились,

и Институт Солнечной Системы был вынужден покупать корабли на замену изношенным у арктурианских торговцев на Марсе. А вот после восьмого года на Земле появились те самые мощности в Комсомольске-на-Амуре, на которых построены уже больше полусотни кораблей. У Шварцвассера в лаборатории весь потолок увешан моделями. Так что мы отнюдь не лишили Землю космического флота, скорее наоборот. Опять же можете поинтересоваться в Институте Солнечной Системы, когда было легче забросить экспедицию куда-нибудь на Титан — сейчас, когда у старшекурсников ВКА постоянно лётная практика, или двадцать лет назад, когда на весь институт был один корабль.

— А ещё вы монополизировали всю спутниковую связь, — гнул свое Курт.

— Честной конкуренцией. Кто мешал земным фирмам использовать современные низкоорбитальные спутники вместо того, чтобы держать этот металлолом на геостационарной орбите?

— Разъезжаете тут на флиттерах по всей планете, а мы летаем на винтовых самолётах со скоростью 650 километров в час.

— Что-то я не помню в Антверпенском договоре статьи, запрещающей землянам использовать флиттеры. Австралийские спасатели вон используют. А запрет на частные космические транспортные средства с термоядерным двигателем, равно как и запрет на аккумуляторы с энергоёмкостью больше удельной теплоты сгорания бензина, придумали не мы. Это ваш собственный закон 2125 года.

— По-моему, вы не любите нас не за то, что мы вас оккупировали, — вступил в разговор Ким. — А за то, что мы этого не сделали. Вот ровно за то и не любите, что мы не ввели здесь своих порядков и не заставили земные правительства отменить законы, ограничивающие свободу передвижения и пользования всякой техникой.

* * *

— Это чьё? — Лаура заметила гитару, прислонённую к одному из столиков. — Можно, я сыграю?

— Давай. Интересно, что вы поёте, — отозвалась Линда.

— Ради такого дела могу спеть что-нибудь из нашей с вами общей предыстории. Написанное до Экспансии. Вот, например, в России двадцатого века понаписано много хороших песен.

Это была практически домашняя заготовка. На самом деле Лаура просто увлекалась русской авторской песней третьей четверти XX века.

— Раз мы в горах, — подыграл ей Мишель, — спой чего-нибудь альпинистское.

— А может быть, что-нибудь космическое? — робко спросила Линда.

— Ну раз хозяйка гитары просит... — Лаура поставила ногу на свободный стул, оперла гитару о колено и взяла несколько аккордов.

Ночами долго курят астрономы,
Колышет космос звезды-ковыли,
Там в океане пламя неземного,
Вскипают бури неземной любви.

Какой корабль, надеждой окружённый,
Рванётся разузнать, что там в огне?
Какие убиваться будут жены
Сгоревших в неразгаданной стране?

— Ну что? — спросил Мишель. — Верите, что это написано ещё до первого полёта человека в космос[1]?

Ким подошёл к Мишелю и сказал ему несколько слов на ухо. Тот кивнул. Потом ещё несколько слов Лауре — та тоже кивнула и сыграла несколько жёстких аккордов.

— А сейчас мы споём вам песню тех, за кого вы нас, как нам кажется, принимаете, — объявил Ким.

[1]эта песня написана Ю. Визбором в 1960 году. прим. авт.

Рукою шаря, словно нищий,[2]
Прожектор нас в тумане ищет.
Мы к вашим временным жилищам
Спешим из тьмы.
И у последнего порога
Нам командир внушает строго,
Что в небе нет ни звёзд, ни Бога —
Есть только мы!

И я мотор врубаю слепо,
И мне луна мигает слева,
Лечу без женщины и хлеба,
Невидим, невесом.
Сегодня смерть приходит с неба,
Сегодня смерть приходит с неба,
Сегодня смерть приходит с неба —
И мы её несём!

— А на самом деле вы какие? — поинтересовалась Линда.
— Например, вот такие, — ответила Лаура.

Не пожелай ни дождика, ни снега,[3]
А пожелай, чтоб было нам светло.
В полглобуса локаторное небо
Полмира проплывает под крылом.
Плывут леса и города.
А вы куда, ребята, вы куда?
— А хоть куда, а хоть в десант.
Такое звание — курсант.

И рассекая синие пространства,
Пересекая жёлтый свет луны,
Выходят на задание курсанты,
Летающие парни — летуны.
Мигнёт далёкая звезда:

[2] А.М. Городницкий. Песня американских лётчиков
[3] Ю. Визбор, «Курсант»

А вы куда? Ребята, вы куда?
— А хоть куда, за небеса.
Такое звание — курсант.

— А «за небеса» — имеется в виду гиперскачок? — поинтересовалась Линда Раштен.

— Вряд ли. Это середина двадцатого века. Тогда не было никаких гиперскачков. А сейчас уже из песни слова не выкинешь. Пришлось брать в качестве неофициального гимна нашей ВКА как есть.

— А почему «летающие парни»? У вас, как я погляжу, поровну парней и девчонок.

— Потому что в XX веке в СССР девчонок в военную авиацию в мирное время не брали. Зато во время Второй Мировой целых три женских полка было.

* * *

— А каково это — стрелять по живым противникам? — спросила Линда Лауру.

— Как бы тебе сказать... Мы все пока ещё не очень пробовали. Наш боевой опыт в основном в должности юнги. А у юнги какая работа — в тебя стреляют, а ты пробоины завариваешь. Это где-то там в рубке сидит пилот и выполняет маневры уклонения, а в плутонгах — артиллеристы, которые стреляют. А мы только со сварочными аппаратами и монтажной пеной... — она на секунду задумалась, а потом её глаза хитро блеснули. — О, давай Мишеля спросим. Он тут на днях на пиратов ходил. Правда, ведомым, стрелять не пришлось, но всё же. Если бы Келли промазал, добивать противника пришлось бы Мишелю.

— Рассказывать бесполезно, — Мишель сразу же полез куда-то за роликом с курсовой камеры своего истребителя. — Показывать, в общем-то, тоже, но хоть что-то. Вот, смотри, — он остановил изображение, выведенное на висящий на стене

обеденного зала телевизор. — Тут в углу всякие цифры — скорость, ускорение, высота. Это мы оттормаживаемся. Без фанатизма, на 3g. Полуатмосферный истребитель вообще-то и на десяти может, но тогда пилот точно отключится. Вот в поле зрения хвост ведущего, а вот там, внизу, лайнер и катер, — он снова пустил ролик. — Вот Мара с диспетчерского пульта даёт инфу про предупредительный выстрел. Ну не видно с трёх километров выстрела из автомата. Вот Келли сообщает, что атакует с параболы. Смотри на цифры ускорения — я притормозил, потому что отдача бросит его прямо на меня. А он наоборот, уменьшил угол атаки — пушка в истребителе вдоль фюзеляжа, ему надо смотреть носом на цель. Вот он выстрелил, вот разрыв шрапнельного снаряда, вот попадание. Вот здесь мы начали разворачиваться, высота уже никакая. Это реальный blackout, 8g, в горизонтальный полет истребитель выводит уже автомат. А на этом кадре лучше всего видно, что получается с пиратами после попадания шрапнели.

— Жуть какая, — Линду передёрнуло. — По телевизору этого не показывали.

— Разумеется, не показывали. Телевизор все-таки дети смотрят, а данный кадр, э-э, несколько неаппетитный.

— А когда вы служили в юнгах, там что, не было неаппетитных картинок?

— Так то в юнгах. Это возраст подмастерья, а они по нашим понятиям уже не дети, 300–400 мегасекунд. На самых что ни на есть мирных планетах фермерские подмастерья помогают разделывать туши и выделывать шкуры, а это зрелище тоже не самое аппетитное.

* * *

— Хм, — внезапно сказала Мара. — Мишель, глянь-ка вот на это.

— Забавно, — ответил Мишель. — Алекс, тебе известно имя комиссара Максхорста?

— А, это тот тип, который докапывался до нашего сайта. Я так и не понял, почему он тогда так резко сдал назад. А с чего вдруг вы о нем вспомнили?

— Понятно, почему сдал, — сердито проворчала Мара. — Келли позвонил его начальнику и долго выяснял, было ли у него заявление от командования ВКФ по поводу клеветы, размещённой на вашем сайте. Поскольку заявления не было, то и причин для расследования как-то сразу не оказалось. А вспомнили мы потому, что этот друг во главе восемнадцати полицейских выдвигается сюда со стороны Бухберга. Ничего, сейчас я ему устрою, — Мара замерла на секунду, видимо, делая что-то со своими очками.

— Алло, комиссар Максхорст, с вами говорит командир тактической группы четвёртого курса Военно-Космической Академии Лависко-пятая. Не могли бы вы объяснить, что означают маневры вашего подразделения численностью восемнадцать человек в непосредственной близости от нашего места дислокации?

— А почему, собственно, я должен что-то объяснять?

— Вообще-то действия вооружённого подразделения численностью порядка взвода в малонаселённой местности уже вызывают внимание у службы наблюдения ВКФ. А уж тем более в районе проведения плановых учений курсантов ВКА.

— Каких ещё плановых учений?

— В данный момент в приюте «Хохшваб» дислоцирована тактическая группа курсантов ВКА, проходящих горно-альпинистскую подготовку.

— Но у нас есть сведения, что именно в этом приюте устроено собрание подпольной группы antispace.org.

— Да, есть тут такие. Мы с ними мило общаемся. Не беспокойтесь, ситуация под контролем. Сейчас здесь находятся вполне достаточные силы с соответствующей десантной подготовкой и полным вооружением. Впрочем, если вы хотите устроить своим полицейским горно-альпинистскую подготовку, мы с удовольствием побегаем с вами по горам.

* * *

— Современная медицина, конечно, вещь хорошая, — рассказывала Мара, — но до нее ещё надо успеть дотащить. Тут в прошлом году одна компания оззи[4] попёрлась на Аннапурну без кислорода. Они психи. Лично я ни за что не полезу выше пяти тысяч без скафандра — хватит с меня юнговских воспоминаний, как я порвала его в пробитом отсеке двойной обшивки. Надышалась вакуумом на всю оставшуюся жизнь. А эти — добровольно лезут. Вообще там были те ещё лоси, они бы и влезли, и слезли. Но тут, как по заказу, пурга. А пурга в Гималаях — это пурга в Гималаях. Это когда ты летишь на флиттере и осознаешь, что при всей его энерговооружённости, при всех его локаторах решаешь, сядешь ты тут благополучно или приложишься о скалу и превратишься в маленькую термоядерную бомбу, ни разу не ты и не твой автопилот, а древнеиндийский бог Индра. То есть в Порт-Шамбале в крайнем случае можно почувствовать себя корветом и садиться на озеро. А когда надо вытаскивать с горы обормотов, приходится садиться не туда, куда удобно, а туда, откуда их вывозить. Вот и играешь с Индрой в бадминтон флиттером с собственной тушкой внутри.

* * *

— Такие вещи при нашей работе приходится знать как Mirabile futurum, — заметил Мишель.

— Mirabile что? — удивилась Линда.

— Ой, они нас двадцать лет изучают и не знают, что такое Mirabile futurum! — рассмеялась Мара. — Давайте им споем. Хором, как на первом курсе в Зале Космоса. Лаура, сыграешь?

— Я пас, — откликнулся Мишель. — У меня голос ломается. А это вам не какая-нибудь бардовская песня, здесь как следует надо. Может, лучше запись включим?

---

[4] aussie — жаргонное название австралийцев

— Да я вроде справлюсь, — отозвался Ким. — Троих, конечно, маловато, но ничего.

Мара и Ким встали в ряд по бокам от Лауры, выпрямились. Лаура начала мелодию и спустя несколько аккордов запела:

Audio vocem de mirabili futuro
Matutinam vocem, rore humidam
Audio vocem, et pericula ventura
Turbant mentem, sicut puero cuidam

Теперь вступили все трое:

Mirabile futurum, ne esto mihi durum,
Ne esto mihi durum, ne esto durum.
Origine ex pura ad optimum futurum,
Ad optimum futurum iam nunc egressus sum.

— Это что, хорал? — спросил удивленный Курт.

— Почти, — улыбнулась Лаура. — На самом деле это песня из русского детского фильма XX века, которую потом по приколу перевели на латынь.[5] Но получилось здорово. У нас сложилась традиция начинать с этой песни любое крупное дело. Например, перед отлётом межзвёздного корабля всегда её слушают.

[5]музыка Е. Крылатова, слова Ю. Энтина, латинский перевод Ю. Стасюка

Глава 10

Пират должен кормить крабов

Комиссар Максхорст был окончательно дезориентирован.

С одной стороны, бургомистр требовал от него не спускать глаз с этих самых антиспейсовцев, чтобы их деятельность паче чаяния не вызвала резкой реакции спейсиан. Правительство Европы откровенно боялось ссориться с Порт-Шамбалой, поскольку было очевидно, что противопоставить что-либо противнику, контролирующему околоземное пространство и всю мобильную связь на Земле, Европа не может. Даже мягкие экономические санкции со стороны командования базы ВКФ, вроде подъёма тарифов Терранета раза этак в четыре, вызвали бы хаос в европейской экономике.

С другой стороны, почему-то реакцию со стороны спейсиан вызывают как раз попытки хоть как-то воздействовать на antispace.org. Попытка закрыть сайт привела к тому, что от местного провайдера он переехал на хостинговые сервера Терранет, под крылышко к тем самым спейсианам, против которых вроде бы направлен. Когда же попытались взять за жабры создателя сайта Алекса Оттервана, последовал звонок из Порт-Шамбалы самому полицай-президенту, и кто-то из офицеров ВКФ в весьма резких тонах стал выяснять, какого черта

полиция пытается возбудить дело о клевете в адрес спейсиан, если от них не поступало заявления. «Вы понимаете, что ваши неуклюжие действия в защиту нашего имиджа повредят этому самому имиджу сильнее, чем десять таких сайтов?» Можно подумать, у них есть какой-то имидж, кроме образа злобных космических оккупантов...

Насколько Максхорст разбирался в спейсианских знаках различия, офицер на показанной ему видеозаписи был максимум лейтенантом, да и лет ему на вид было не более двадцати пяти. Но при этом он попросту построил шефа в три шеренги. Вежливо, абсолютно корректно, но так, как будто перед ним курсант, а не полковник полиции с тридцатилетней выслугой.

Теперь же, когда попытались ненавязчиво проверить, что делает эта компания в уединённом альпийском приюте, туда буквально с неба свалилась тактическая группа Академии со своими горными учениями. В Гималаях им места мало. Мы, говорит, с ними мило общаемся. Судя по голосу — девчонка из курсантов. А туда же — «действия вооружённого подразделения численностью порядка взвода в малонаселённой местности уже вызывают внимание у службы наблюдения ВКФ».

Вернувшись в Вену утром воскресенья, Максхорст пригласил в хоригер своего учителя, отставного комиссара Ахеншау, уже чуть ли не двадцать лет разводившего цветочки в палисаднике небольшого коттеджа в Мария-Энзердорф, и за бокалом молодого вина изложил ему данный эпизод.

— Да, Каспар, ты попал, — подумав, высказался старик. — Положение у тебя хуже не придумаешь. Дело в том, что сам по себе antispace.org — совершенно безобидная тусовка конспирологов. И спейсиане это прекрасно знают. Однако по нашим действиям в отношении этих конспирологов они судят о нас. О всех землянах как едином народе. И бургомистр это прекрасно понимает. Но с его точки зрения эти ребята — возмутители спокойствия, которых надо бы поприжать, чтоб не высовывались. Мы больше века, со времён той самой Экспансии, взращивали идею порядка и спокойствия, так как считали, что иначе

невозможно прокормить десять миллиардов на одной планете. А они выросли в куда более разнообразной среде и считают разнообразие мнений условием, необходимым для выживания, — Ахеншау вздохнул. — Опять же подумай, а кто у нас на Земле вообще задумывается о существовании спейсиан? Допустим, высшие полицейские чины и региональные власти в курсе, что есть такой военно-космический флот, который можно просить о помощи в случае стихийных бедствий, и представители которого имеют право носить оружие где угодно на Земле. Допустим, есть всякие спасательные службы, полярники, вулканологи и прочие, кто иногда взаимодействует с ними. Есть кучка технических специалистов, которые обслуживают автоматизированные производства, выполняющие заказы спейсиан. И все. Остальным десяти миллиардам глубоко наплевать, есть жизнь на планетах Арктура или нет. Им наплевать даже на то, есть ли жизнь на Марсе. При таком раскладе я бы на месте спейсиан очень ценил ребят с antispace.org, которые хотя бы замечают их существование. И похоже, именно это они и делают.

— Настолько ценить своих верных врагов, чтобы защищать их от полиции вооружённой силой? — не поверил Максхорст.

— Какой такой вооружённой силой? Ты её видел своими глазами? А если видел, почему тогда я не наблюдаю в твоём лбу дырки от пули из гауссовки?

— Ну как же? «Тактическая группа», «плановые учения»... в общем, наговорила такого, что я и в самом деле почувствовал на лбу точку от лазерного целеуказателя.

— Дело было в приюте Хохшваб? У меня там есть приятель. Давай ему позвоним и спросим, — Ахеншау вытащил из кармана дорогой, но сильно потёртый телефон-миникомпьютер и набрал номер. — Значит, четверо в камуфляже и касках? С ружьями в человеческий рост? А кто-нибудь из них в 18:45 выдвигался с оружием к склону в сторону Бухберга? Нет? Как пришли и переоделись, так и сидели до десяти часов? Так, а вот это повтори ещё раз. Приглашали, говоришь? А эти туристы у тебя уже не в первый раз?..

Старый полицейский отложил коммуникатор.

— Смотри, Каспар, какая интересная картинка получается. Действительно, тактическая группа с полной выкладкой и при оружии. Причём не просто так, а, похоже, заранее договорились с антиспейсовцами. Во всяком случае, вошли в приют они со словами «Космических оккупантов приглашали?» Но по поводу точки от лазера на лбу ты погорячился. Сидели там, отдыхали, разговаривали. Никто из них даже не подумал выйти из приюта и посмотреть на тебя в ноктовизор — отследили по спутниковой картинке, позвонили, выяснили и успокоились, — он снова вздохнул. — Хотя, думаю, если бы ты туда пришёл, пожалуй, стали бы работать мешать. Постоянно напоминать тебе, что у сидящих там «туристов» есть всяческие права, и на самом деле предъявить им тебе нечего. И вообще, Каспар... завёл бы ты себе аквариум с крабами.

— Зачем?

— А вот посмотри, что недавно прислал мне один коллега из Куала-Лумпура, — Ахеншау опять взялся за свой старомодный телефон и, порывшись в меню, запустил видеоролик. На экране два человека китайской наружности беседовали на фоне большого аквариума:

— А это тебе зачем, Ли?

— Ты же знаешь, Вонг, я человек дисциплинированный. Если Келли Лависко говорит, что пират должен кормить крабов, кто такой дядюшка Чанг, чтоб ему противоречить? Пожалуйста, вот крабы, вот я их кормлю.

С этими словами Ли Чанг взял щепотку какого-то корма из блюдечка на стекле, наполовину перекрывающем аквариум, и сыпанул в открытую часть.

— Вот видишь, — пояснил Ахеншау. — Они там, в Юго-Восточной Азии, свято уверены, что тот, кто перешёл дорогу спейсианам, вскоре будет кормить крабов.

Глава 11

Транспортник «Марианна»

```
From: marianna-ark!watch
To: world!dispatcher
Subject: Заявка на посадку

Sir!

Корабль Марианна, порт приписки Арктур/Му/Му-Сити,
прибыл в пространство вашей системы.

Имеем пассажира назначением Земля. Расчётное время
прибытия на парковочную орбиту Земли - через 4
мегасекунды.

Прошу зарезервировать посадочный слот.

Вахтенный штурман Лада Пантелеева <marianna-ark!ladap>

Приложение:

Пассажирская роль:
```

Пассажир: Андреа Фаррани
Место отправления: Арктур/Му/Му-сити
Место назначения: Сол/Земля/Порт-Шамбала
Цель поездки: туризм
Обратный билет: нет
Срок пребывания: не менее 30 мегасекунд

* * *

From: earth!dispatcher
To: marianna-ark!watch
Subject: Re: Заявка на посадку

Sir!

Ваша заявка принята. Номер в посадочной очереди - первый. Номер посадочного слота будет согласован после достижения вами дистанции интерактивной связи.

Вахтенный диспетчер Мара Лависко-5 <earth!lavisko5>

* * *

From: earth!lavisko5
To: marianna-ark!ladap
Subject: Привет от старых знакомых

Лада, привет!

Это действительно ты? Ты же выпустилась? А мне ещё десяток мегасекунд.

Пришли фотку, нам с ребятами интересно, какая ты стала.

Мара.

Отправив письма по межпланетной связи, Мара подняла голову от экрана и окликнула Кима:

— Помнишь рыжую Ладку, которая служила с нами юнгой на «Лиддел-Гарте»? Она ещё потом не захотела в военный флот и пошла в толиманскую торговую космоходку.

— Угу, — отозвался Ким, не поднимая головы.

— Она уже выпустилась. Нам ещё полгода грызть гранит науки, а она уже, подумать страшно, вахтенный штурман на тысячетонной галоше.

— Покажи письмо! — перегнулась через её плечо Лаура. — Э, да тут все интереснее. Черт с ней, с вашей Ладкой, даже если Ким четыре года назад её за косички дёргал. Ты на пассажирскую роль посмотри. Интересно, это ТА САМАЯ Андреа Фаррани, или в Му-Сити есть две тётки с таким именем?

— Та самая — это которая?

— Ты что? Можно подумать, ты никогда арктурианских опер не смотрела!

— А-а… Знаешь, я предпочитаю земные. Их больше, и можно смотреть не в записи. Но всё равно, Андреа Фаррани на Земле – это круто!

* * *

Через то время, которое требуется радиосигналу, чтобы дважды преодолеть полтораста гигаметров от Земли до скачковой зоны в гигаметре от Солнца, то есть минут примерно через двадцать, пришёл ответ от Лады.

```
From: marianna-ark!ladap
To: earth!lavisko5
Subject: Re: Привет от старых знакомых
Attachment: img_4477.jpg

Мара, привет!

Это действительно я. Передавай привет Киму. Интересно,
```

он такой же обормот, как в бытность юнгой, или все-таки поумнел?

Кстати, как он пишется по вашим правилам - lancer1 или просто lancer?

Да, у нас выпуск был по толиманскому календарю, поэтому оказался на сезон раньше, чем у вас. И я уже успела устроиться на проходящее арктурианское судно.

Кстати, на вашей Земле вообще водятся безработные торговые космонавты? А то нам срочно нужен механик, а два следующих захода у нас вообще не цивилизации, а черт знает что - орбитальная станция Сириус и запаркованная планета под Сигмой Дракона. Там мы точно никого не найдём

С торгфлотовским приветом, Лада

* * *

Мара задумалась, потом вызвала на экран список сотрудников лаборатории Шварцвассера и ткнула курсором в один телефонных номеров:

— Карл, привет! Тут такая оказия образовалась... Хочешь в космос?

— Надолго?

— Ну... стандартный контракт в торгфлоте на сто мегасекунд, то есть чуть больше трех лет, а там видно будет. Понимаешь, в Солнечную Систему пришёл тысячетонник «Марианна», и им нужен механик. Движки там такие же, как на корветах класса «Карачава», ты на них собаку съел и кошкой закусил, так что справишься.

— Решаться надо сразу?

— Вообще у тебя есть минимум месяц, пока они дойдут до Земли из точки скачка. Но я бы на твоём месте не тянула.

Неохота подсовывать хорошим знакомым человека, который видел космический корабль только на стапелях, а за месяц можно тебя слегка поднатаскать. «Сюркуф» пока что никуда с орбиты не собирается, там, правда, движки предыдущей модели, зато невесомость настоящая. Я договорюсь.

— Мара, я тебя при встрече расцелую! Спасибо!

«И я тебе даже это позволю, романтик чертов, — подумала Мара. — Вот сплавлю тебя Ладке, и клейся к ней, сколько влезет. Если только вообще не потеряешь интерес к женскому полу от обилия впечатлений.»

Карл Кроппке, аспирант Венского Технического Университета, давно и безуспешно ухаживал за Марой — наверное, с самого первого ее появления в лаборатории Шварцвассера, то есть уже месяца три как. Парень он в принципе был неплохой, но почему-то Маре казалось, что ему интересна не столько она сама, сколько возможность соприкоснуться хоть с чем-то космическим...

* * *

```
From: earth!lavisko5
To: marianna-ark!ladap
Subject: Механик (Was: Привет от старых знакомых)

Привет, Лада!

С пилотом было бы сложнее, а механика найти не
проблема.  У Земли очень мощная судостроительная
программа, и делается она ни разу не силами
Порт-Шамбалы. Так что инженеров, в совершенстве
знающих современные корабли, тут хватает.

Одного кандидата я уже присмотрела.

Мара
```

Глава 12

Урок невесомости

Карл выбрался из узкого люка в машинном отделении «Сюркуфа», выскользнул из лёгкого скафандра, утяжелённого противорадиационной защитой, бросил тот плавать в невесомости и с наслаждением потянулся. Лёгкое течение воздуха, создаваемое системой вентиляции, понесло Карла и скафандр в разные стороны.

— Ты в невесомости не очень-то расслабляйся, — Мишель Карсак, вылезший из того же люка непосредственно перед Карлом и уже успевший закрепить свой скафандр в соответствующей нише, поймал Карла за ногу и подтянул к стене, где можно ухватиться руками. — А то завтра начнём учить тебя работам в вакууме — унесёт, лови тебя потом где-нибудь в радиационном поясе. В общем, крепи скафандр, потом лови Марку где-то в районе второго плутонга среднего калибра и тащи в кают-компанию, а то уже обедать пора.

Карл выбрался в коридор и двинулся вдоль него, перебирая руками скобы на стене. В большей части помещений корабля, висящего на орбите, царила невесомость. Только на жилой палубе за счёт центробежной силы создавалась тяжесть примерно уровня лунной.

«Устроить мне дополнительную прогулку в невесомости на другой конец корабля — это у Мишеля, конечно, добрая идея, —

думал Карл, скользя вдоль стены коридора. — Но до чего же хочется оказаться в месте, где можно стоять на ногах!»

Почти целую вахту они с Мишелем делали профилактику главным двигателям «Сюркуфа». Карл на своей шкуре прочувствовал, что двигатели старого корабля — совсем не то, что на стапеле или даже после ходовых испытаний. За несколько десятилетий службы «Сюркуфа» конструкции в реакторном отсеке нахватали достаточно нейтронов, чтобы начать заметно излучать. Поэтому, невзирая на то, что корабль не включал двигатели уже пару месяцев, находиться вблизи них можно было только с защитой. Мало того, процессы захвата нейтронов и радиоактивного распада заметно изменили химический состав обмоток, и температура перехода в сверхпроводящее состояние снизилась на пять градусов — предел для системы охлаждения этого типа. По-хорошему двигатели пора было менять. Но, как рассказывал Мишель, корпус корвета был ещё в худшем состоянии, чем двигатели, поэтому списывать «Сюркуф» имело смысл только весь целиком. Вот как только пройдут ходовые испытания «Маринеско» и «Орельяна», которые уже почти достроены, так сразу ставить их на боевое дежурство, а «Сюркуф» — то ли на Луну, то ли на высокую орбиту захоронения.

Сдача новых корветов должна была состояться со дня на день. Карл надеялся увидеть их в строю ещё до отлёта того грузовика, на который несколько опрометчиво завербовался.

Тем не менее спейсиане почему-то тратили уйму усилий на поддержание «Сюркуфа» в состоянии боеготовности. Сегодня, например, на нем работали две группы четвёртого курса и почти весь третий, в основном занимаясь переборкой всего, что можно перебрать. Карл, которому не хватало в первую очередь практики в невесомости и в вакууме, естественным образом влился в эту команду.

Правда, надежда на то, что это позволит чаще видеться с Марой, не оправдалась — она как-то всё время ускользала, оставляя Карла то на Мишеля Карсака, то на Кима Лэнсера, то ещё на кого-то из ребят-четверокурсников.

Тем временем Карл добрался до второго плутонга. Бронированный кожух автомата наведения был снят и аккуратно принайтовлен к переборке. Из автомата торчали две ноги в шерстяных носках — излюбленная обувка спейсиан для невесомости — и раздавалось негромкое пение:

Британия, Британия,
Владычица морей,
Однако Аквитания
Нам все-таки милей...

Карл дёрнул за левую ногу.

— А, что? — спросила Мара, отвлекаясь от чего-то безумно увлекательного там, внутри автомата.

— Да говорят, уже обеденный перерыв.

Мара на секунду замерла, видимо, оценивая оставшийся объем работ.

— Ладно, пошли, — оттолкнувшись обеими руками, она медленно выплыла из автомата. — Там возни ещё на полчаса, не меньше. Помоги только крышку на место надеть.

— Зачем? Все равно после обеда снимать.

— А вдруг боевая тревога?

В боевую тревогу в окрестностях Земли Карл верил слабо — за двадцать лет таковая имела место ровно один раз. Но раз тут такой порядок... Он ухватился за тяжёлый кожух, упёрся ногами в стену и медленно-медленно стал его двигать. Через пару минут тот был загнан на место и закреплён четырьмя болтами.

— А ты уже навострился двигать предметы в невесомости, — заметила Мара.

— Завтра Мишель обещает выгулять меня в вакууме, — похвастался Карл.

— Давай фокус покажу, а то хочется на обед побыстрее попасть, — сказала Мара. — Бери меня за руку, и прыгаем изо всей силы вдоль коридора.

Подобный прыжок показался Карлу весьма рискованным — ещё улетишь обратно в машинное отделение. Но проявлять излишнюю осмотрительность в присутствии девушки он не решился.

Когда они пролетали мимо люка, ведущего на жилую палубу, Мара слегка оттолкнула Карла, не выпуская его руки, и за счёт отдачи оказалась на расстоянии руки от скобы, за которую можно ухватиться. Рывок был довольно сильный, но им удалось не разнять руки.

— Вот, так гораздо быстрее. Но обязательно прыгать вдвоём, тогда изменение позы обеспечивает достаточную манёвренность

— Я бы так не рискнул.

— И не рискуй. Ты же не пилот. Вот после пары сотен часов на тренажёрах и стольких же в настоящем флиттере или полуатмосферном истребителе уже можно так развлекаться. И то видел бы меня Келли — уши бы надрал за то, что перед парнем выпендриваюсь.

Они уже спустились по «спице» колеса жилой палубы достаточно далеко, чтобы начал чувствоваться вес.

— А ты выпендриваешься? По-моему, ты меня старательно избегаешь.

— Ну... я бы и перед девчонкой-новичком так же выпендривалась. А тебя я избегаю, потому что у тебя времени в обрез. Если вместо того, чтобы осваивать технику работы в невесомости, ты будешь ко мне клеиться, что я потом Ладке скажу?

На этом месте ноги Карла коснулись ворсистого пластика жилой палубы, а его ноздрей достиг запах обеда, и он решил не уточнять, доставляют ли Маре удовольствие его ухаживания.

Глава 13

Прогулка в Шёнбрунне

На Вену опустилась золотая осень.

По этому поводу Анджей вытащил Мару на прогулку по венским паркам. Чтобы не беспокоиться по поводу флиттера, оставленного без присмотра, Мара припарковала его во дворе коттеджа Анджея.

Может быть, Поль Рандью и не согласился бы с некоторыми байками из истории Вены, которые рассказывал Анджей во время этой прогулки, объявив их недостоверными городскими легендами. Однако Мара была в восхищении и задумалась над тем, какое путешествие можно было бы устроить Анджею взамен, чтобы отдариться за эту красоту. Разве что межпланетное... Она не осознавала, что это уже был ответный подарок — за спутники и Барьерный Риф.

Где-то на пути от дворца Шёнбрунн к Тиролергартену, где регулярный парк Шёнбрунна переходит в полудикий Максинг-парк, Анджей и Мара оказались одни на аллее. Не только ни одного гуляющего по парку человека в пределах видимости, но и ни одного заслуживающего рассказа объекта. Анджей замолчал, переводя дух, и смотрел при этом исключительно на Мару.

— По-моему, тебе хочется обнять меня за талию, — вдруг сказала она, ехидно скосив глаз.

Анджей на миг задумался. И ведь правда, хочется. Телепатка чертова. Он протянул руку, держа её в нескольких сантиметрах от синего кителя:

— А ты не возражаешь?

— Не возражаю, если ты знаешь, где у девушки граница талии.

Подобное высказывание в адрес мужчины вдвое старше Анджей счёл почти возмутительным. Но через несколько секунд, когда его рука, уже плотно прижимавшая Мару, немножко сдвинулась вверх, она упёрлась во что-то твёрдое у нее под мышкой.

— Ага, не знаешь! — улыбнулась Мара. — Граница талии у спейсианки проходит на полтора сантиметра ниже кобуры.

— Вот интересно... — задумчиво проговорил Анджей. — А во сколько лет у вас, спейсиан, наступает возраст согласия?

Внезапно Мара напряглась всем телом так, что чуть не вырвалась из его объятий.

— Значит, как туристов на Бали таскать из-под развалин, я взрослая. Как спутники ловить, я взрослая. А как с парнями обниматься... — она замолчала и через секунду прижалась щекой к его плечу. — Прости... Видимо, я все-таки недостаточно взрослая, чтобы быть уверенной в собственной взрослости. Или со шварцвассеровскими студентами переобщалась...

Анджею показалось, что она чуть не плачет. Он взял ее голову в ладони и наклонился к ней — просто приласкать, осушить слезы. Но эти чертовы спейсианские очки скрыли слезы, если они и были. И вдруг губы их соприкоснулись, и это было как удар молнии для обоих.

— А мне понравилось. Вот, — с ехидной улыбкой заявила Мара, когда они наконец оторвались друг от друга.

— И что теперь? — слегка недоуменно спросил Анджей.

— Не знаю, — Мара внезапно стала серьёзной. — Мне почему-то кажется, что я над тобой жестоко издеваюсь.

— Это почему?

— Да так... По этой части у меня почему-то всё получается

по-идиотски. У нас нет понятия совершеннолетия как такового. Есть десяток отдельных прав, которые можно получить, сдав экзамен. Экзамен на право заниматься сексом можно сдавать, начиная с момента, когда это физиологически возможно. Но обычно никто не торопится. Хотя считается, что к моменту окончания высшей школы этот экзамен должен быть сдан. Как правило, его сдают, когда на горизонте появляется кандидат. А я сдала этот экзамен полгода назад, не имея в виду никакого конкретного парня, ради которого мне могло бы понадобиться это право. И всё из зависти. У Лауры с Мишелем их детская дружба перешла во что-то другое, и они решили, что надо бы экзамен сдать. Не могла же я позволить, чтобы Лаура хоть в чем-то меня обошла! Я пошла и тоже сдала этот экзамен. А потом соблазнила одного парня, приятеля брата. Потому что мало иметь право, надо же его реализовать. На следующий день хотела похвастаться перед Лаурой, но увидела, какими глазами она смотрит на Мишеля, и поняла, что сделала что-то совершенно не то. А что именно не то, не понимала до сегодняшнего дня. До этого твоего поцелуя, — Мара шмыгнула носом. — Теперь ты... Ты с первой встречи смотришь на меня не просто как на человека, а как на женщину. А уж после того купания на Барьерном Рифе просто раздеваешь взглядом каждый раз. И мне это нравится. Но я чувствую, что ещё один такой поцелуй, и ты будешь готов дать мне клятву «Пока смерть не разлучит нас». Ты гораздо старше, у вас в этом возрасте уже принято создавать семью и заводить детей. А я ещё Академию не закончила, мне пока замуж рано, мне карьеру делать надо. Вот получу в марте погоны, затем назначение на какой-нибудь корабль — и улечу. В лучшем случае на годы, если какой-нибудь шияар не окажется удачливее меня, — она чуть отвернулась, отводя взгляд, словно забыв, что за очками Анджею не разглядеть ее глаз. — У нас вообще считается, что юношеские привязанности неустойчивы. Поэтому я боюсь, что через полгода ты мне надоешь. А я тебе — нет. И ты будешь страдать. И если тебе не нужна девушка, кото-

рая в собственную верность не верит, лучше сразу пошли меня подальше. Твои же нервы целее будут. Вот такая я маленькая стерва. Делай со мной, что хочешь... — к концу этого монолога Мара уже явственно всхлипывала.

Получив такой карт-бланш, Анджей подхватил девушку на руки, прокружился с ней оборота три вокруг себя и крепко поцеловал. Когда он поставил ее на парковую дорожку, она уже улыбалась.

— По-моему, после таких откровений тебя надо долго отпаивать чаем, — усмехнулся Анджей. — Пойдём, отсюда до моего дома полчаса быстрым шагом.

— Ты думаешь, мы с тобой сейчас в состоянии идти быстрым шагом? Хотя... Давай действительно пойдём быстрым шагом, а не в обнимку.

Они вышли из парка и молча пошли по узкой улочке, утопавшей в старых деревьях почти так же, как только что покинутая парковая аллея.

Минут через пять Анджей сказал в пространство:

— Никогда не думал, что можно обниматься и целоваться с девушкой, у которой ни разу не видел цвета глаз. Ты даже в лагуне купалась в очках. Всю тебя я видел, а глаза — нет.

— Анджей, ты невнимателен, — рассмеялась Мара. — Ты полдня просидел рядом со мной в диспетчерской и не обратил внимания, что там мы все были без очков. А то вообще ужасная картина получается: всякие антиспейсовцы в Хохшвабе мои глаза видели, а ты, который мечтает посмотреть в них с нашей второй встречи — помнишь, в кафе около Штефансплац? — так в них и не заглянул.

Наконец они подошли к дому Анджея.

— Ну как, ты решил? — вдруг спросила Мара, когда они вошли в гостиную.

— Что я должен был решить? — удивился Анджей.

— Что мы делаем дальше. Или ты берёшь меня прямо сейчас, или пьём чай и разбегаемся.

— А третьего варианта не предусмотрено?

— Какого? Сначала чай, потом секс?

— Нет. В смысле сегодня пьём чай и все, но отношения на этом не прерываем.

— Я вообще-то не имела в виду «разбегаемся навсегда»...

— Тогда я пошёл ставить чайник.

Когда Анджей вернулся в гостиную, Мара сидела за столом спиной к окну, очки её лежали на столе.

— Интересно, почему ты выбрала именно это место?

— Отсюда видны часы, которые у тебя на книжной полке. Очки-то я сняла.

— Ты же вроде никуда не торопилась.

— Как сказать... Учти, что для меня сейчас на шесть часов позже, чем для тебя, потому что в Порт-Шамбале уже два часа ночи. Но вообще дело даже не в этом. Это дурная космонавтская привычка — всё время контролировать время и ещё десяток каких-нибудь параметров... И все-таки чего ты испугался?

— Испугался?!

— А как ещё это называется, когда после таких поцелуев не хотят продолжения?

— Мара, я тебе вот что скажу, только постарайся не обидеться. Если хочешь затащить мужчину в постель — не стоит перед этим вываливать на него свои психологические проблемы. Так ты ставишь меня в позицию старшего товарища, от которого ожидается совет, утешение, что угодно, только не интимные отношения. А близость — это отношения между равными, а не между старшим и младшим.

— Ну и задачки ты задаёшь. Стань в позицию равного с человеком вдвое старше тебя...

— Если ты воспринимаешь это как задачку, то у тебя получится. Это совсем другой подход, чем то, что ты мне сегодня устроила со своим «по этой части у меня всё по-идиотски». Окажись ты у меня в постели с таким настроением, это было бы ещё более по-идиотски. Так что давай не будем торопиться, ладно?

Глава 14

Маленький золотой дракон

Мишель Рандью появился в лаборатории Шварцвассера, с золотым дракончиком размером с кошку на плече.

— Знакомьтесь, это Рут[1].

Дракон изящно выгнул шею и оглядел собравшихся.

— А он огнедышащий?

— Нет, конечно! Это сильно усложнило бы конструкцию и повысило требования к энергетике.

Рут развернул крылья, снялся с плеча Мишеля и совершил круг по комнате, потом вдруг резко спикировал и полез куда-то под стол.

— Розетку увидел, — пояснил Мишель. — Он же все-таки робот, у него пищевой рефлекс на электричество.

— Ты его сам сделал? — поинтересовался Шварцвассер.

— Нет, вся механика и кинематика — Ганса Пфельце, моего одноклассника. Мой только софт.

— Приведи, что ли, этого Ганса как-нибудь сюда, познакомиться, — задумчиво сказал Шварцвассер, наблюдая за эволюциями дракончика, который увлечённо гонялся за лопастями потолочного вентилятора.

[1] Латиницей он пишется как Ruth

— А почему, собственно, вам пришла мысль сделать именно дракона? — поинтересовалась Мара. — Почему не пикирующий бомбардировщик второй мировой войны с куда более простой кинематикой, не дельфина и не механическую кошку?

— Это всё Эльза, — пояснил Мишель. — Она всегда мечтала завести котёнка, но у её мамы аллергия на шерсть, поэтому тащить кошек в дом нельзя. Я как-то предложил ей завести маленького дракончика, потому что у драконов нет шерсти, только чешуя. Эльза было обиделась, решила, что я издеваюсь, и мы с Гансом по этому поводу чуть не подрались. Но потом до него дошло, что он вполне в состоянии изготовить робота-дракона. Правда, та программа поведения, которую я для него написал, оказалась слишком ресурсоёмкой. Поначалу Рут управлялся с внешнего компьютера по вайфаю и был исключительно домашним животным — отпустить его от точки доступа дальше двадцати метров было невозможно. Как-то мы приволокли его в школу, похвастаться, так ребята его накрыли медным тазом в буквальном смысле слова — отгородили тазом от антенны, и он потерял сознание. Но после того, как мы вставили в него AXS-14 с Лимерикского фаба, получилось вполне самостоятельное существо.

* * *

Макс Вессель поднял голову от партитуры и увидел на подоконнике небольшого золотистого дракончика. «Ну вот, — подумал он. — Не успеешь заняться постановкой „Кольца Нибелунгов”, как драконы начинают прямо в окно лезть. . . »

— Рут, Рут! — донёсся с улицы звонкий девичий голос. — Куда ты запропастился?

Дракончик повернул голову на голос, расправил крылья, слетел с подоконника и приземлился на плечо девочке лет двенадцати, стоящей посреди двора и держащей за руль велосипед. Девочку Макс узнал — Эльза из восемнадцатой квартиры, дочка хозяйки зеленной лавки в соседнем доме.

Он постарался выкинуть из головы этот случай, но грациозные движения дракончика не давали ему покоя. Вот бы на сцену такого Фафнира...

Через пару дней, заглянув в лавку Эльзиной матушки, он опять вспомнил про это странное существо.

— Фрау Ротхард, не скажете ли, откуда у вашей дочки такой странный любимец?

— А, Рут? Это робот. Его ей сделали ребята-одноклассники. Понимаете, она всю жизнь мечтала завести котёнка или щенка, а у меня аллергия на шерсть, и совершенно невозможно завести настоящее животное. Вот друзья и собрали ей игрушку с совершенно кошачьими повадками. А он что, к вам в окно залетел?

— Нет, конечно. Он у вас довольно воспитанный.

— Да уж, этот неслух! Раньше хуже было. Он был как-то связан с домашним компьютером и не выходил за пределы квартиры. Но недавно мальчишки как-то его усовершенствовали, и теперь Эльза разве что в школу с ним не таскается.

Дело начало приобретать интересный оборот. Если эти ребята смогли в домашних условиях изготовить дракона размером с кошку, то может быть, если дать им возможности театральных мастерских...

— А можно как-нибудь связаться с этими мальчишками?

— А вам тоже такого зверя захотелось?

— Да, только побольше. Метров пять длиной. На сцену.

— Ну... Эмилию Пфельце вы, пожалуй, не знаете. А вот с Жанной Рандью вроде должны быть знакомы. Это её сын и придумал этот несносный характер.

С Жанной Рандью Макс был знаком шапочно — когда-то давно она брала у него интервью, и с тех пор, встречаясь на улице, они здоровались. Невозможно же приятельствовать со всеми обитателями многоэтажного квартала.

Однако судьба оказалась на его стороне. Не успел он обдумать перспективы восстановления полузабытого знакомства, как фрау Ротхард воскликнула:

— А вот и он, лёгок на помине! Мишель, тут герр Вессель интересуется твоими летающими игрушками.

— Какими игрушками? — удивился Миранду. В его представлении летающей игрушкой была скорее противоракета с программой «Василиск», чем Рут.

— Да той, которую вы с Гансом подарили моей дочке.

— А вы что, занимаетесь производством игрушек? — поинтересовался Мишель.

— Нет, я работаю в Опере, — ответил Вессель, решив не уточнять, кем именно. — Мы собираемся ставить оперу «Зигфрид», а там на сцене должен быть дракон. И то, что я видел у Эльзы, похоже на настоящего дракона куда больше, чем любая из конструкций в известных мне постановках.

— Но ведь такой дракон должен быть большим.

— Это да. Однако если вы сумели сделать маленького... У нас есть довольно неплохие мастерские.

— Как-то не очень верю, что такое можно сделать в театральных мастерских. Давайте лучше обратимся в Технологический Университет к профессору Шварцвассеру.

— А почему именно к нему?

— Потому что я подрабатываю у него в лаборатории и немного представляю себе ее возможности. Можно прямо сейчас сходить, тут идти-то десять минут. Я только покупки домой занесу.

В отличие от Мишеля Рандью Шварцвассер знал, кто такой Макс Вессель, и был весьма польщен вниманием главного дирижёра Венской Оперы к своей лаборатории. Что до его студентов и сотрудников, то они, может, и не знали Весселя в лицо, но представление о содержании «Кольца Нибелунгов» вполне имели. Поэтому откуда-то из угла сразу же прозвучало:

— Только дракон? А русалкам плавать? А валькириям летать?

Кто-то тут же смоделировал на компьютере эффектный выход Логе из огня; кто-то задумался над трансформациями Альбериха и возможностью пройти по радуге; кто-то предложил

оформить старение и омоложение богов световыми эффектами.

Вессель немного растерялся. Он всего лишь хотел поставить «Кольцо» в классическом стиле... но что такое классический стиль в случае «Кольца», которое по сюжету набито богами, драконами и чудесными превращениями? Легко показать всё это в фильме — монтаж позволяет сделать что угодно, — но возможность совместить сюжетные чудеса с магией театрального представления дирижёра заворожила.

Кто из студентов первым выдал формулировку «технологический мифореализм», история не сохранила. Но потом Вессель вспоминал, что эта формула, ставшая слоганом постановки, родилась именно во время его первого визита в лабораторию Шварцвассера.

Когда же он попытался робко заикнуться о том, что бюджет у него большой, но всё же несоизмерим с бюджетом кораблестроительной программы ВКФ, тут же посыпались предложения по удешевлению. Например, не покупать новые сверхпроводящие катушки для магнитного поля, в котором предлагалось летать валькириям, а снять их с двигателей флиттера, разбитого на острове Бали.

Глава 15

Посадка

В день, когда «Марианна» должна была совершить посадку на Земле, Карл сидел в библиотеке Военно-Космической Академии и зубрил «Матросский минимум этнографии Галактики» — набор обычаев и правил, которые надо знать каждому, кто собрался сходить на берег на разнообразных заселённых людьми планетах.

Задача была непростая: учебник писался в расчёте на людей, выросших в колониях, а учебника для землян в природе не существовало. Общими усилиями старшекурсники ВКА скомпилировали из имеющихся баз данных что-то, что гордо назвали «инверсной этнографией Европы» — описание различий быта Порт-Шамбалы и Европы, ориентированное на восприятие европейца. Но Карл прекрасно понимал, что этот текст имеет уровень студенческой курсовой, а не учебника, написанного ведущим специалистом в вопросе.

Вдруг в библиотеку заглянул Ким:

— Карл, идём в порт, там твой корабль садится.

— А как же учёба?

— Какая нафиг учёба? Первый корабль на нашей захолустной планете за три месяца! Вся Порт-Шамбала соберётся

Карл последовал за Кимом к зданию диспетчерской. У подножия здания располагалась огромная застеклённая терраса,

выходящая на ледниковое озеро. Здесь уже собралось довольно много народу. Ким и Карл подошли к Маре, Мишелю и Лауре, стоявшим около одного из закрытых выходов, оборудованных гибким рукавом, вроде как в крупных земных аэропортах.

Через некоторое время кто-то воскликнул: «Летит!»

Над дальним концом озера тянул за собой инверсионный след самолётик, неразличимый на таком расстоянии. Но уже через полминуты он стал вполне различим: бесхвостка по схеме «несущий корпус», без чёткого перехода между корпусом и толстыми крыльями. Ещё немного — корабль плюхнулся в озеро, проглиссировал по нему и наконец приблизился на расстояние, позволяющее оценить его размеры.

Карл ахнул: машина, которая только что на его глазах выполняла в воздухе изящные маневры, вблизи оказалась огромной. В принципе размеры транспорта-тысячетонника были сравнимы с размерами больших пассажирских самолётов. Всего лишь раза в два длиннее трёхсотместного аэробуса. Но вблизи он смотрелся гораздо внушительнее.

«Сюркуф», на котором Карл изучал работу в невесомости и вакууме, подобного впечатления не производил. Корабль, болтающийся на орбите, имеет право быть большим. Но нечто, садящееся на озеро по-самолётному... «Интересно, — подумал Карл, — на что похоже, когда сюда садится „Лиддел-Гарт" или ещё что-нибудь тысяч на двадцать пять тонн?»

— Оператор пятого выхода, выдвигайте переходной коридор, — прогремела под потолком команда по громкой связи.

Мара откинула крышку с пульта управления выходом и взялась за джойстик. Длинная гофрированная труба начала раздвигаться.

Тем временем корабль приблизился к одетому в бетон берегу у подножия террасы и, выпустив из ниш в обшивке какие-то манипуляторы, ухватился ими за причальные кнехты. Направляемый Марой переходной коридор состыковался с люком на обшивке.

— Пятый коридор, есть контакт, — доложила она. Через

несколько секунд: — Есть стягивание... Есть давление.

Люки открылись, и из корабля в переходной коридор двинулись люди. Когда первые несколько человек вышли из коридора на террасу, Мара ухватила за локоть свою ровесницу в форме торгового космофлота и оттащила в сторону.

— Ладка, привет.

— Привет. О, да вы все здесь. Привет, Ким, привет, Мишель.

— А теперь знакомься, — Мара сделала небрежный жест: — Карл Кроппке, кандидат в механики к вам. Карл, а это Лада Пантелеева, третий штурман твоего будущего корабля.

В этот момент толпа встречающих буквально взорвалась вспышками фотоаппаратов и аплодисментами

— Что это такое? — удивился Карл.

— Не что, а кто, — усмехнулась Лада. — Андреа Фаррани встречают.

Около выхода из переходного туннеля стояла невысокая рыжеволосая женщина и махала рукой встречающим. Из толпы выскочили несколько подростков, судя по всему, младшекурсников ВКА, с огромными букетами.

— А кто она такая?

— Ну ты даёшь! — изумилась Лада, но тут же осеклась на полуслове: — Ах да, ты же землянин. У вас тут своя культурная жизнь. А Андреа Фаррани — звезда арктурианской оперы. Её вся Галактика знает. О, — продолжила она, — а вот и мастер. Карл, пойдём, представлю тебя капитану.

Однако капитан «Марианны» как-то мало заинтересовался будущим третьим механиком и тут же спихнул Карла его предполагаемому непосредственному начальству.

Старшим механиком на «Марианне» была женщина, которая показалась Карлу заметно старше его — но насколько? Поди разбери, то ли тридцать, то ли пятьдесят, навскидку не скажешь. Звали ее Алина.

К удивлению Карла, для собеседования она повела его не на корабль, а к столикам небольшого кафе-автомата тут же на причале. Карл назвал бы это кафе открытым, но здесь весь

причал был крытой террасой. Скорее это заведение напоминало кафе в каком-нибудь гипермаркете.

Алина попыталась заказать чашечку кофе, но автомат вывернул на экран длиннейшее меню разнообразных сортов, да ещё и с указанием, который какого урожая. Спейсианка слегка растерянно огляделась по сторонам, но никого, кроме Карла, под рукой не было.

— Что значит это многообразие? — наконец поинтересовалась она у него. — Я хочу просто кофе, а мне тут предлагают. . .

Карл уже был немного знаком с этим кафе-автоматом. Хотя флиттеры к «Сюркуфу» или в Вену обычно вылетали с другой площадки, пару раз ему приходилось что-нибудь здесь перехватывать, ожидая, когда соберётся вахта на орбиту.

— Понимаете, это кафе устроено специально, чтобы похвастаться, чем богата Земля. Поэтому тут двадцать сортов кофе и восемь способов его приготовления. С чаем ещё хуже. Ну вот возьмите, к примеру, «суматру», двойной капуччино. Пожалуй, это то, что надо для продолжительной беседы.

Себе Карл взял чашку дарджилинга. По его мнению, чай лучше подходил к ситуации.

— Вот ведь колыбель человечества, — продолжала ворчать Алина. — Все не как у людей. На нормальной планете заходишь в портовый кабак, там сидит такой специальный человек, кабатчик, который всё про всех знает — когда кто прилетел, куда кто улетает, где что продают. А тут автомат поставили.

— Автомат — хорошая штука, лишнего не скажет, — подал голос кто-то из проходящих мимо аборигенов Порт-Шамбалы. — Здесь все-таки военная база. Держи мы тут нормального кабатчика, плакал бы режим секретности.

Карл с Алиной расположились за столиком, и началось собеседование. Через полчаса к столику подошёл капитан с большим бокалом пива, уселся сбоку и долго прислушивался к разговору, не вмешиваясь. Ещё через некоторое время, когда Карл уже взмок, пытаясь не ударить в грязь лицом, Алина вдруг повернулась к капитану:

— Руслан, ну как он, по-твоему?

— Он-то нам подойдёт, а вот подойдём ли мы ему?

— А чем вы можете мне не подойти? — удивился Карл.

— Понимаете, молодой человек, вы всю жизнь прожили в городе. Опыта нахождения в одной и той же тесной компании в течение нескольких месяцев у вас нет. А мы в случае чего даже не сможем списать вас на берег раньше, чем через полгода.

— Что ж, я готов рискнуть.

— Мы тоже, — капитан глубоко вздохнул. — Другого механика всё равно взять негде. Выпускника ВКА нам не отдадут, на Марсе сейчас тоже нет никаких кандидатур. А у нас две научные станции в качестве ближайших портов захода.

Капитан оглянулся вокруг и остановил взгляд на своем третьем штурмане, сидевшем за соседним столиком в компании курсантов ВКА.

— Лада, — позвал он, — тебе всё равно через десять минут идти помогать Джилли с разгрузкой. Отведи новобранца на корабль, там Педро как раз консервирует машину. Пусть посмотрит, а заодно и поможет, если что.

Перед тем, как переступить комингс люка и ступить на палубу «Марианны», Лада произнесла загадочным тоном:

— Пожалуйте бриться, вот мой пароход. . .

Карл озадачено потрогал свои чисто выбритые щеки.

— Это цитата из старинной моряцкой песни, — рассмеялась девушка. — Там дальше было: «Ты с нами поплавай хоть самую малость, а после, товарищ, сердись на Торгфлот[1]».

После этого она устроила Карлу краткую экскурсию вдоль фюзеляжа «Марианны» — от входного люка, который был почти рядом с пилотажной рубкой, до машинного отделения, расположенного в хвосте.

— А где же жилая палуба? — спросил Карл, когда они уже подошли к люку машинного отделения. Он привык, что на всех кораблях, которые он проектировал, да и на «Сюркуфе» тоже,

[1]На самом деле имеется виду песня Ю. Визбора. И Лада перевирает цитату. У Визбора было про Тралфлот. — Прим. авт.

была кольцеобразная жилая палуба, на которой в полете с помощью центробежной силы создавалась искусственная гравитация.

— Ишь чего захотел — жилую палубу! У нас не фрегат, а торговец-тысячетонник. Пока на орбиту не выйдем, не будет тебе жилой палубы. Она у нас надувная, сейчас сдута и упакована. Зато мы можем садиться не только на воду, но и при особой нужде на полосу. Правда, на нее садиться — на глиссаде семь потов сойдёт

— А где же вы будете жить всё время стоянки?

— В порту, в бордингаузе. Кстати, там и места гораздо больше.

* * *

Часом раньше Лада, отправив Карла к начальству, спросила у курсантов:

— А где здесь можно спокойно посидеть с чашечкой кофе?

— Да тут же — вон столики, — ответил Ким. — А чего это ты не носишься колбасой по всяким грузовым делам, корректировке лоций или что там у вас ещё полагается делать третьему штурману?

— Ещё набегаюсь. У меня мой законный пилотский час. Не знаю, как у вас в ВКФ, а у нас в Торгфлоте тот, кто сажал корабль на планету в цивилизованном космопорту, час после посадки честно отдыхает. Я как зацепилась манипуляторами за палы, так сразу сдала «Марианну» старпому Джилли и вперёд, на выход вместе с пассажирами, — Лада отхлебнула из своей чашки. — Скажите, ребята, а чего это в вашей Порт-Шамбале глиссада такая негуманная? Планета как планета, океанов полно, g в районе десяти, а космопорт в каком-то узком озере на высоте, где атмосфера разрежена вдвое. Да ещё и заход с севера на юг. Тормозишься как человек, с запада на восток, а потом делай поворот на девяносто градусов.

— Это у нас ещё самая гуманная глиссада в Солнечной системе, — возразила Лаура. — Ты на Марсе не садилась. Там

атмосфера вообще ни фига не держит, и садиться надо на бетон.

— Слушай, ты вообще сажала сюда что-нибудь тяжелее двадцатиместного флиттера?

Лаура отмолчалась. Пока не вступили в строй новые корветы, отрабатывать посадку тяжёлых кораблей на планету четверокурсникам было не на чем. Старик «Сюркуф» попросту не выдержал бы грубого обращения новичков.

— Понимаешь, — разъяснил Мишель, — двадцать лет назад место для военной базы выбиралось из соображений не слишком стеснять землян. Это плоскогорье им нафиг не нужно, а побережья океанов у них заняты практически все.

* * *

Карл взялся лично показать будущим коллегам родную Вену. Разумеется, путешествие закончилось в хоригере.

— Что-то молодо вы выглядите, девушка, — с подозрением взглянул на Ладу официант. — У вас айди есть?

Лада прекрасно поняла, что он имеет в виду. Лекцию о странных обычаях Земли, связанных с понятием «совершеннолетие», она прослушала ещё в Порт-Шамбале. Однако и по спейсианским понятиям она получила взрослый статус буквально только что — право несения самостоятельных вахт во время скачка капитан подписал ей уже в Солнечной Системе. А в такой ситуации новоиспечённый судоводитель не может не поприкалываться.

— Ай-ди? А что это такое? Я это, немного не местная, местного сленга не разумею.

— Паспорт у вас есть?

— Passe porte? Портовый пропуск? Нет у меня никакого портового пропуска. Нас на космодроме из корабля без всяких пропусков выпускают.

— Ну хоть какой-то документ. Хотя бы водительские права. . .

— А, судоводительские права! Это есть, — Лада достала из внутреннего кармана кителя небольшую темно-синюю книжечку.

Официант внимательно изучил этот ранее невиданный документ. Фотография, цветная трёхмерная, вполне соответствует. Выдано Толиманским училищем космофлота. Дата рождения 15 брюмера 180 года. 9 прериаля 201 года присвоена квалификация штурмана межзвёздного плавания. На 8101,7 мегасекунде присвоено право несения самостоятельной скачковой вахты.

— Это по какому же календарю?

— По толиманскому. В земной, извините, пересчитывать не буду. Я, конечно, штурман, но помнить наизусть все правила пересчёта календарей в портах захода не обязана.

— Ладно, судя по этому документу, вам явно больше девятнадцати, так что имеете право пить вино, — официант махнул рукой и удалился.

— И сколько длится год на Толимане? — поинтересовался Карл.

— Двадцать четыре мегасекунды, против земных тридцати одной с половиной.

— А что бы ты ему сказала, если бы была с планеты, где год продолжительнее земного?

— Так бы и сказала. И пусть сам считает. Наверняка собьётся и решит, что право несения самостоятельных вахт — достаточный аргумент, чтобы разрешить пить вино. Не бета-лист же ему показывать.

— А что такое бета-лист?

Лада вытащила из того же кармана небольшую пластиковую карточку. На одной стороне имелось штук шесть ее фотографий — от совсем детской, лет этак трёх, до явно недавней — и ещё оставалась парочка свободных клеток. На другой стороне был список, каждая позиция в котором начиналась словом «Право». У всех позиций в списке, кроме последней, стояла жирная галочка и дата.

Карл вчитался. «Право на самостоятельное передвижение в населённом пункте, 3 вантоза 185 года α Cen», «Право на безнадзорное нахождение в контролируемой среде, 21 фруктидора 185», «Право на распоряжение расходными деньгами, 14 плювиоза 191», «Право на употребление легальных наркотических веществ, 7946,0Мс», «Право на экономическую самостоятельность, 5 жерминаля 198», «Право на занятия сексом, 15 нивоза 199».

Без галочки оставался только один пункт «Право на материнство».

— А почему все даты в годах, а одна в мегасекундах?

— А это зависит от того, где сдан зачёт. Если дома, то ставят дату по местному календарю, если в космосе, то в мегасекундах.

Карл прикинул кое-что в уме.

— Но, послушай, если право на самостоятельное несение вахты ты получила только что, значит, право пить вино — полтораста мегасекунд назад. Сколько ж тебе лет тогда было?

— Смотря по какому календарю, — ухмыльнулась Лада. — Вообще это был возраст подмастерья. А подмастерьем я служила в ВКФ. Там к этому зачету очень легко относятся, поскольку устав очень строгий и больше нормы все равно не употребишь. Но с другой стороны, если на планете родители могут и без зачёта налить ребёнку бокал шампанского, то тут всё строго. А назревало полгигасекунды запуска «Лиддел-Гарта». Вот все тогдашние юнги и получили это право.

— А чего право на материнство не получила?

— Куда торопиться? Найду мужа, соберусь заводить ребёнка, тогда и сдам.

— А почему эта штука называется бета-лист?

— Потому что эту систему, в которой надо сдавать зачёты на подобные гражданские права, после четырёх лет начальной школы три года работать подмастерьем, а потом уже получать профессиональное образование, придумали под Бетой Южной Гидры. Кстати, единственная система из заселённых людьми,

где почему-то гордятся греческой буквой в названии. Мы никогда не скажем «Альфа Центавра», только «Толиман». А они с гордостью именуют себя бетанцами.

— Но даты у тебя в документе как раз с греческой буквой.

— А это уже стандарт для документов. Все локальные летоисчисления называются по земным названиям соответствующих звёзд

Глава 16

Андреа Фаррани

После первой репетиции, на которой валькирии реально летали над сценой, Вессель появился в лаборатории Шварцвассера в расстроенных чувствах.

На роль Брунгильды он пригласил не кого-нибудь, а саму Сильвию Уэст. Суперзвезда вагнерианской сцены дала было согласие, но, увидев такой набор технологических новшеств, заявила, что она артистка оперы, а не цирка, и наотрез отказалась летать «на этих идиотских катушках». А другой сопоставимой кандидатки на эту роль у него не было.

Услышав эту грустную историю, Мара оторвалась от монитора, за которым что-то обсуждала с одним из студентов, и сказала:

— А вы Андреа Фаррани пригласите.

— А кто это такая? — Вессель, конечно, знал всех заметных певиц, но имя Андреа Фаррани слышал впервые.

Мара тут же вытащила на экран несколько клипов. Нельзя сказать, что аудиосистема рабочей станции в лаборатории обладала достаточно высоким качеством, но Весселю хватило, чтобы оценить профессионализм певицы. Слушая хорошо знакомые Liebestod Изольды и Балладу Сэнты, дирижёр недоумевал: он вроде бы знал всех мировых певиц-вагнерианок подобного уровня — откуда же взялась эта невысокая, сухощавая

рыженькая женщина с голосом, в котором слышен звон стекла и стали?

Театр тоже совершенно незнакомый. И ни одного знакомого лица на сцене.

И что-то ещё было не так в Liebestod. Эту арию Андреа исполняла не в театре, а на берегу моря, на фоне заката, склоняясь над Тристаном у самой кромки волн, мягко набегающих на песок.

Вессель перемотал клип на начало и пустил ещё раз. Что-то не так. Море как море, песок как песок, но всё равно остаётся какое-то впечатление нереальности происходящего.

— А почему здесь два солнца? — раздался из-за его спины голос Мишеля Рандью.

Тут наконец до Весселя дошло. Почти от самой спины певицы по волнам тянулись две закатные дорожки к двум солнцам, освещающим её, словно софиты на сцене.

— Это в Мире Толимана снимали, — пояснила Мара. — Решили, что это, типа, символично: Тристан и Изольда — две звезды.

— А она сама откуда? — спросил Вессель.

— Из-под Арктура. Арктур-е — самая старая колония, и там есть единственный в Галактике оперный театр. А Фаррани — его примадонна.

— К-как единственный в Галактике? — изумлённо переспросил сбитый с толку Вессель. — А как же моя опера, Метрополитан, Ла Скала?..

— Так они же на Земле, — беззаботно ответила Мара.

— А Земля у нас теперь что, в Малом Магеллановом Облаке? — прозвучал удивленный голос кого-то из студентов.

— Ну вот как-то так получилось, что мы сами по себе, а вы сами по себе, — пожала плечами Мара. — Мы тут уже двадцать лет, я родилась и выросла в Порт-Шамбале, но всё равно почему-то для меня Арктур-е — более своя цивилизация, чем Земля. Даже туристов из колоний на Земле бывают единицы в год. Хотя слетать из-под Арктура под Ахирд или тот же То-

лиман — достаточно распространённое развлечение. Или наоборот, с какой-нибудь молодой колонии поехать учиться или развлекаться на Лемурию.

— А толку с этого? — спросил ещё кто-то. — Даже если сейчас в Солнечной системе есть транспорт, собирающийся отправиться в систему Арктура, ответ от этой Андреа придёт только месяца через четыре. И вряд ли арктурианская примадонна оставит свой театр ради того, чтобы спеть Брунгильду в Венской Опере.

— Так она сейчас на Земле, — Мара оторвалась от компьютера и развернулась к Весселю. — Позавчера я ей лично прокатный флиттер выдавала. Как написано в анкете, «цель визита — познакомиться с современным земным оперным искусством». Могу скинуть ей запрос на звонок. Надо?

— Хм… — Вессель смотрел, как Фаррани исполняет танец Саломеи. Какая-то нечеловеческая, хищная пластика. И этот странный сероватый загар — Вессель счёл бы его малоудачным гримом или эффектом света, если бы он не повторялся во всех клипах, в том числе снятых на природе. — Она обладает достаточно необычной внешностью. Может получиться весьма интересный эффект. Остаются две проблемы: первая — уговорить эту галактическую примадонну снизойти до моей скромной земной оперы, и вторая — обеспечить сборы со спектаклей, в которых главную роль исполняет не знаменитая суперзвезда, а какая-то никому не известная певица. Да ещё и спейсианка.

* * *

— Во всем, что касается культуры, мы безнадёжно отстаём от Земли, — со вздохом произнесла Фаррани.

— Слава Богу, хоть в чем-то мы выглядим прилично в глазах спейсиан, — облегчённо вздохнул Вессель. На самом деле он был безумно горд, что спейсиане признают первенство Земли не в «чем-то», а в деле его жизни.

— Среди эмигрантов с Земли были певцы и музыканты из разных стран, которые и организовали наш театр. Но во вто-

ром поколении спейсиан никто не счёл музыку достойным занятием — шло активное освоение планеты, всех интересовало только это. Мы чуть было вообще не остались без всякой музыкальной традиции, но в третьем поколении снова появились музыканты, нашлось несколько певцов. Вот, взгляните, — Фаррани достала фотографию и показала Весселю. На фото совсем молодая Андреа стояла на сцене рядом с очень пожилой женщиной. — Я пою Эльзу в «Лоэнгрине», а Ортруд поёт Магда Ицикович. Это она учила меня петь.

Кто такая Магда Ицикович, Вессель знал. Она блистала на оперной сцене в конце двадцать первого века, но отличалась страшно неудобным характером — не то чтобы требовала себе всего внимания, но имела склонность придираться к каждой мелочи. Потом она вроде бы резко сошла со сцены и куда-то делась. Вот, значит, куда.

— Но позвольте, сколько же ей здесь лет? — Вессель вдруг осознал, что слава Магды Ицикович пришлась на конец двадцать первого века, а сейчас вообще-то уже пошла вторая четверть двадцать третьего.

— Сто девятнадцать.

— И в этом возрасте она ещё пела?

Фаррани улыбнулась:

— Она говорила, что не может уйти на пенсию — петь некому. Умерла в театре, в своей гримёрке после спектакля.

— Получается, вы были знакомы с человеком, на глазах у которого прошла вся история вашей планеты?

Фаррани задумалась.

— Для нас в этом нет ничего необычного — ведь эта самая история насчитывает лишь чуть больше ста лет. Не то что на Земле. Тут везде история. На каждом шагу. На пути сюда я проходила мимо собора Святого Стефана... знаете, своими глазами смотреть на здание, которому тысяча лет — вот это история!

— А для нас как раз в этом нет ничего необычного. — Вессель почувствовал, что эта спейсианка гораздо симпатичнее

ему, чем та нахальная малолетка из лаборатории Шварцвассера. Впрочем, ничего удивительного: Фаррани — взрослая образованная женщина, без сомнения, привыкшая давать интервью и встречаться с публикой. Она обязана уметь себя вести. А та девушка из Порт-Шамбалы — просто маленькая дикарка. — Никого не удивляет существование таких древностей, как, например, пирамиды или Стоунхендж. Все привыкли.

— Пирамиды, Стоунхендж — это не то. Они — наследие какого-то народа, которого больше нет. Артефактов аборигенов Арктура у нас тоже выше крыши, что на Лемурии, что на безатмосферных астероидах. А меня как раз больше всего восхищает непрерывность цивилизации. Вот уже тысячу лет кто-то каждый день ходит молиться в Святого Стефана. Более того, если вдруг перенести сюда тех, кто ходил в него тысячу лет назад, вы, наверное, смогли бы понять их язык.

— Я как-то не задумывался об этом. А ведь в самом деле, зданию Оперы уже двести пятьдесят лет, и это только считая с момента восстановления после американских бомбардировок, — Вессель тряхнул головой.

— Двести пятьдесят? — переспросила арктурианка. — Вроде же со Второй Мировой прошло заметно больше времени.

Вессель на секунду задумался.

— Да, конечно, двести семьдесят. Двести пятьдесят было тогда, когда я только пришёл в Оперу работать. Знаете, есть такой анекдот про альпийских пастухов. Ведёт пастух по горам туристов и рассказывает: «Вот этой скале десять миллионов пятнадцать лет». Туристы удивляются: «Откуда такая точность», а пастух говорит: «Пятнадцать лет назад приезжали геологи, и сказали что скале ровно десять миллионов». Вот я, чтобы не уподобиться этому пастуху, и не пытался вносить поправок в запомненную цифру «четверть тысячелетия».

Но давайте вернёмся к опере. У меня не было времени подробно познакомиться с вашими записями, но я просмотрел ряд клипов и видел «Тристана и Изольду». Вы — я хочу сказать, ваш театр — ставите серьёзные оперы.

— Вы считаете наш уровень достойным? — арктурианская примадонна прямо засветилась. — Честно говоря, мне было немного стыдно идти на встречу с вами. Я же знаю, как спейсиане относятся к землянам — как взрослые внуки к своим стареньким дедушкам. Но мне, в отличие от военных и инженеров, нечем хвастаться перед ними. Я — лучшая певица системы Арктура, во всей Галактике никто не может ничему меня научить. Но я же слушала записи великих земных певцов и знаю, что далека от подобного совершенства. Поэтому я приехала на Землю учиться.

— И у кого же, если не секрет?

— У кого получится. Вообще-то я не собиралась обнародовать факт своего прибытия из Галактики вне Порт-Шамбалы. Я просто рассчитывала побывать в земных театрах, послушать лучших современных певцов, особенно Сильвию Уэст, — в этом месте Вессель подавил вздох. — Послушать мастер-классы ваших преподавателей, у кого-нибудь из них позаниматься. Если удастся, поучиться в Италии.

Слово «Италия» Андреа произнесла с мечтательно-восхищенным трепетом.

— Ох, далась вам, певицам, эта Италия, — снова вздохнул Вессель. — Можно подумать, мы тут, в Вене, мало ставим и Верди, и Доницетти, и Пуччини. Вот и моей супруге тоже как предложили главную роль в Ла Скала, так фьюить, и Италия. Уже третий месяц живём на два дома.

Андреа на секунду задумалась. Репертуар и состав Ла Скала в этом сезоне она представляла себе довольно неплохо. Кто же из примадонн — жена Весселя?

Дирижёр заметил ее замешательство:

— Опера — это далеко не поп-эстрада. Вокруг нас не вьются папарацци, вынюхивая мельчайшие подробности наших биографий. Так что факт свадьбы Линды Юргенсон и Макса Весселя вполне мог ускользнуть от вашего внимания.

— А почему на два дома? — удивилась арктурианка. — Отсюда до Милана меньше тысячи километров.

— Три с половиной часа на скоростном поезде. И всего три поезда в сутки. Поэтому я могу приехать в Милан только в свой выходной. И она в Вену — тоже. У нее, конечно, выходных чуточку побольше, но всё-таки.

— И вы потратили свой выходной на меня? — всплеснула руками Фаррани, сообразив, что земляне, даже отнюдь не бедные, вроде Весселя, почему-то не пользуются персональными флиттерами. — Это надо срочно исправить! Вену вы мне уже показали, давайте продолжим нашу экскурсию в Милане. На моем флиттере это десять-пятнадцать минут.

Если в процессе прогулки по Вене Фаррани больше слушала, чем говорила, то в полете ее как будто прорвало. Непривычный к перегрузкам и невесомости Вессель был практически не способен говорить, и даже услышанное воспринимал через два слова на третье.

— Тысяча километров — это ерунда. Вот у меня муж — терраформист, так его регулярно уносит в командировки на полгода, а то и больше, в другие миры, куда даже по телефону не позвонишь. Конечно, письма мы пишем друг другу каждый день. Да только что толку, если за эти полгода туда придёт от силы три корабля? Получаешь сразу полсотни писем, а потом два месяца опять ничего...

В Милане Вессель познакомил Фаррани с Линдой, добыл ей контрамарку на «Тоску», где Линда пела главную роль, до самого начала спектакля показывал ей город, а когда представление началось, с облегчением устроился за столиком в ресторане «Иль Маркезино». Арктурианка буквально загоняла его, и он подозревал, что это ещё не все.

Так оно и вышло. После спектакля Линда, несмотря на усталость и позднее время, потащила Фаррани к себе в гости. В Милане она снимала небольшую двухкомнатную квартиру. Во время кратковременных приездов Весселю вполне хватало там места, но уложить спать ещё и гостью, по мнению дирижёра, было слегка затруднительно. Впрочем, обеих певиц это совершенно не пугало. За лёгким ужином они замечательно нашли

общий язык.

Неожиданно Линда проявила интерес к древним обитателям системы Арктура. Как оказалось, на Земле в данный момент не было человека, который смог бы удовлетворить этот интерес лучше, чем Андреа.

— У нас вся планета бредит Древними, — рассказывала она. — Ведь наша колония выросла из археологической экспедиции, изучавшей наследие Древних. Да и независимость мы получили благодаря им — стоило только намекнуть, что мы восстановили несколько фортов космической обороны, оставшихся от Древних, как у земных правительств сразу пропало желание вмешиваться в наши дела. И вообще у нас их сооружения на каждом шагу. Умели же строить! По последним данным, последний птицечеловек покинул Лемурию более миллиона лет назад, а некоторые мосты и дамбы — стоят.

— Интересно, а от их литературы что-нибудь сохранилось?

— А как же! Книги — это первое, что искали наши археологи. В первую очередь, конечно, учебники, но и художественная литература попадалась. Сейчас уже расшифрованы основные языки поздней эпохи, от которой сохранилась большая часть материалов.

— А философия?

— Что удивительно, философии у них практически не было. Видимо, раса, которая умеет двигать планеты, не нуждается в философии. Они ведь переместили свою родную планету, которую мы называем Лемурией, с третьего места на пятое, чтобы спасти ее, когда Арктур стал превращаться в гигант. Сейчас, правда, наша планета четвёртая, поскольку самую внутреннюю планету, аналог вашего Меркурия, Арктур уже поглотил. И ещё они сделали обитаемыми два спутника пятой планеты — Атлантис и Авалон.

— А почему они ушли?

— Никто не знает, — Андреа улыбнулась. — Записки они не оставили. Но, если вдуматься, та рифтовая долина в Африке, где появились на свет первые люди, сейчас тоже не слишком

плотно заселена. Возможно, они просто переросли стадию жизни на планетах.

— А что известно про их музыку? — встрял в разговор Весселъ, слегка раздосадованный тем, что его совсем забыли.

— О, много чего, — воодушевилась Андреа. — Техническим цивилизациям свойственно изобретать звуко- и видеозапись гораздо раньше, чем учиться двигать планеты, поэтому осталась уйма записей, учебников, нот. Разбираться с их музыкой безумно интересно. Она такая нечеловеческая, хотя очень красивая. Однако на большинстве земных инструментов сыграть это невозможно. Они делили октаву на 22 тона, а не на 12, как мы. Хотите, покажу, на что это похоже – спою вам арию Хариссы из оперы «Падение Хчыагнула»?

Певица встала из-за стола, отошла к стене и запела.

Это действительно было что-то инопланетное. Ладно бы абсолютно незнакомый язык — мало ли на Земле языков, которых не знает даже очень эрудированный европеец — но мелодия... Местами проскальзывало что-то похожее на шотландский фолк, который поют под волынку, местами на тайские песни, но и то, и другое отличалось от того, что пела Фаррани, примерно как детские песенки от оперной арии. За этой вещью чувствовалась многотысячелетняя музыкальная традиция, причём другая, чуждая.

Закончив петь, Фаррани вернулась за стол.

— Впечатляет? А теперь представьте себе это в нормальном театре, с полноценным оркестром. Конечно, нам приходится держать два комплекта оркестровых инструментов — земные и арктурианские, но, по-моему, оно того стоит.

Разговор продолжился беседой о репертуаре арктурианского театра. Весселя несколько удивило, что под Арктуром совсем не ставят итальянские оперы, и он прямо спросил об этом Андреа.

— Понимаете, это наша страшная трагедия, — ответила она. — У нас уже полвека назад пресеклась итальянская певческая школа. Колония, народу мало, певцов ещё меньше, а

способных преподавателей вообще можно по пальцам пересчитать. Один несчастный случай, погибают два человека — и все, школе конец, — Андреа подпёрла подбородок кулачком. — У меня есть две профессиональные мечты. Одна — спеть Аиду. Но для этого надо научиться петь так, как положено в опере Верди, ведь зритель будет сравнивать с записями лучших театров Земли. Собственно, это и привело меня на Землю.

— А вторая? — поинтересовалась Линда.

— Вторая гораздо сложнее: восстановить постановку «Экспансии». Сейчас, насколько я знаю, на Земле не ставят классических опер, написанных менее трехсот лет назад. А у нас на Лемурии есть опера, написанная всего семьдесят лет назад и посвящённая началу колонизации космоса. Написала её Магда Ицикович, моя наставница, поэтому в память о ней мне очень хочется восстановить эту постановку. Но она тоже писалась под итальянскую, а не под вагнеровскую школу. Ширин Ансари я точно не спою. Вот Линда бы могла. В «Экспансии» мне разве что Сильму Типпельберг петь. Кстати, тогда, семьдесят лет назад, её пела сама Магда.

— А что вы скажете про партию Брунгильды? — спросил Вессель.

— Увы, полноценную постановку «Кольца» нашему театру ещё долго не потянуть. Разве только меня пригласят в какую-нибудь земную...

— Именно это я и хочу сделать! — решительно заявил Вессель. — Собственно, это было главное, ради чего я договаривался о встрече с вами. Но мы общаемся уже двенадцать часов, а я всё не мог решиться сказать об этом.

Глава 17

Старт «Марианны»

И вот настал день отлёта. Личные вещи уже перенесены на борт корабля из бордингауза, где Карл последние несколько дней жил вместе с остальными, груз лежит в трюмах, баки для рабочего тела заполнены чистейшей водой ледникового озера.

Экипаж собрался на причале — и вдруг, неожиданно для Карла, капитан повёл своих людей куда-то в не открывавшиеся ранее ворота. За ними оказался огромный полутёмный зал, нечто среднее между планетарием и готическим собором.

— Это храм Космоса, — шёпотом пояснила Лада. — По традиции перед отлётом надо прослушать хорал.

Маленькая шеренга экипажа «Марианны» терялась в огромном полутёмном зале, рассчитанном не иначе как на весь личный состав эскадры. На тёмном куполе вспыхнули звезды, среди которых оранжевой линией был прочерчен курс «Марианны» от Земли до той точки где-то внутри орбиты Меркурия, откуда должен производиться гиперпространственный скачок к Сириусу. Секунду спустя подсветка выхватила из тьмы трубы органа. Раздались мощные аккорды, и вступил хор детских голосов:

Audio vocem de mirabili futuro
Matutinam vocem, rore humidam
Audio vocem, et pericula ventura

Turbant mentem, sicut puero cuidam

Когда хорал кончился, Карл почувствовал внутри какую-то лёгкость, готовность воспарить к звёздам даже без тяжёлых крыльев «Марианны».

Наконец экипаж поднялся на борт своего корабля. Большая часть заняла противоперегрузочные кресла в тесном маленьком салоне, чуть в нос от того люка, к которому был присоединён выходной коридор причала. Капитан и Лада направились ещё дальше в нос, в пилотажную рубку, а Карла поманила в корму Алина — на взлёте с планеты вахту в машине положено нести вдвоём. Вполне подходящий момент для первого дежурства новичка.

Нельзя сказать, чтобы в машинном отделении «Марианны» что-то было в новинку для Карла. За последние несколько дней он, готовя корабль к полёту, перебрал здесь всё чуть ли не по винтику. Но одно дело работы по стояночному расписанию, когда реактор заглушён, и энергия подаётся на корабль по кабелю из порта, и совсем другое — ходовая вахта.

Карл устроился за пультом вахтенного механика, уже привычным движением подогнал по фигуре противоперегрузочное кресло. Алина уселась за дублирующий пульт и вооружилась довольно громоздкой пластиковой картой «молитвы» — списка вещей, которые надо выполнить или проверить перед стартом.

— Обмотки реактора, — диктовала она.

— Норма, — отвечал Карл, глядя на соответствующие индикаторы своего пульта.

— Реактор на старт.

Карл нажал кнопку, и картинка реактора на дисплее окрасилась сначала в синий цвет, потом в красный и наконец в ярко-белый.

— Есть зажигание.

— Генераторы запустить.

Ещё одно нажатие кнопки, и через несколько секунд уже можно докладывать:

— Напряжение в норме.

— Доклад на мостик.

Карл нажал кнопку на ларингофоне:

— Машина готова к переходу на автономное энергоснабжение.

— Есть переход на автономное энергоснабжение, — откликнулась в наушники Лада.

— Компрессоры воздухозаборников.

Компрессоры, позволяющие подать в рабочие камеры главных двигателей забортный воздух вместо рабочего тела из баков, раскручивались несколько дольше. Но вот и они вошли в рабочий режим.

— Доклад на мостик.

— Ходовая подсистема к старту готова.

«Марианну» мягко качнуло — швартовочные манипуляторы оттолкнулись от пирса. Тонко засвистели маневровые двигатели, разворачивая тушу корабля, весившего сейчас не тысячу тонн, а все три вместе с набранной в баки водой, на взлётный курс вдоль длинного озера.

Ещё несколько секунд «Марианна» неподвижно покачивалась на воде — видимо, пилоты обменивались последними репликами с диспетчером. Потом басовито взревел главный двигатель, и корабль двинулся по озёрной глади, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. На потолке машинного отделения засверкали солнечные зайчики от волн, поднятых разгоняющейся махиной.

Вот характер качки резко изменился, и Карла ощутимо вдавило в кресло. Вышли на редан. Ещё немного — и «Марианна» грузно оторвалась от воды и начала медленно разворачивать нос к востоку. В иллюминатор правого борта можно было бросить последний взгляд на купол Порт-Шамбалы.

Двигатель опять сменил тон своей нескончаемой песни, и Карла снова вдавило в кресло. Теперь уже надолго — до тех пор, пока корабль не наберёт свои 11 километров в секунду.

Оставалось только сидеть и следить за тем, как меняется режим работы двигателей. Сначала отключаются компрес-

соры, и воздухозаборники начинают работать в прямоточном режиме; потом в дополнение к воздуху в рабочие камеры поступает вода из баков; потом, где-то уже на высоте километров в семьдесят, воздухозаборники вообще прекращают работу, и из самолёта корабль превращается в ракету.

Наконец двигатели смолкли, и в корабле наступила невесомость.

— Дуй-ка ты в салон, — сказала Карлу Алина. — Я тут и одна вполне справлюсь, а там сейчас начнётся аврал, пора уже разворачивать жилую палубу.

Карл уже наловчился перемещаться в невесомости, поэтому вполне успел к началу аврала. Тем более, что развёртывание жилой палубы — это не свёртывание. Достаточно подать воздух в свёрнутые в специальных отсеках кевларовые конструкции, как они расправятся и примут вид бублика, вернее, колеса с шестью спицами, охватывающего корабль кольцом пятидесятиметрового диаметра.

Внутри «бублик» оказался двухпалубной конструкцией вроде салона большого пассажирского самолёта. На верхней палубе располагались в основном общие помещения, а внизу — одноместные каюты вполне приличного размера.

Собственно, аврал представлял собой в основном перетаскивание по этим трубам-спицам разнообразного барахла, начиная от камбузного оборудования и кончая спортивными тренажёрами, место которому в полете — на жилой палубе, где есть гравитация. Когда всё это было водворено на свои места, бублик раскрутили, и внутри его обода стало можно стоять. Карл понял, что напрасно удивлялся тесноте помещений на «Марианне» — объёмы жилой палубы были сравнимы со всеми вместе взятыми остальными помещениями, кроме баков для рабочего тела. Кстати, что касается рабочего тела: зачем-то потребовалось перекачать несколько десятков тонн воды из баков в три бассейна, равномерно распределённых по окружности бублика. В результате появились места, где для того, чтобы попасть в следующий отсек, нужно было пройти по узкому мостику над

водой.

Наконец аврал кончился, и жилая палуба приобрела тот вид, который ей предстояло иметь до самой сигмы Дракона.

К удивлению Карла, в коридорах и общих помещениях оказалось довольно много живых растений, на которые в общей сложности приходилось, наверное, несколько центнеров земли в горшках. А также некоторое количество картин, разрисованных циновок и прочих предметов, явно не обязательных для быта космического корабля.

Весь экипаж, кто не был на вахте, расползся по своим каютам. Когда общие помещения благоустроены, можно заняться и личными.

Карл несколько ошалело стоял в кают-компании, рассматривая двухметровую пальму и думая, сколько же усилий потребовала её упаковка, чтобы она пережила посадку и взлёт. В этот момент кто-то потёрся сзади о его ноги. Карл наклонился и увидел крупного серо-полосатого, очень пушистого кота. Он подхватил животное на руки и начал чесать за ушами:

— Привет, мурлыка. Это твою шёрстку я позавчера выгребал из фильтров системы регенерации воздуха?

Как ни странно, при очень плотном общении с экипажем «Марианны», а также с самой «Марианной» во время стоянки, повстречаться с котом он до сих пор не успел.

В таком положении его и застала сменившаяся с вахты Лада — стоящего столбом посреди кают-компании с котом на руках.

— Ты в какую каюту заселился? — с порога спросила она.

— Ещё ни в какую. Пока то, пока сё... С котом вот знакомлюсь.

— Он представился?

— Нет.

— Придётся мне его представить. Его зовут Линкси. Потому что на ушах у него кисточки, — Лада почесала помянутые уши. — А вообще он настоящий мейн-кун. Если я возьму его за передние лапы и буду держать на вытянутых руках, хвост

коснётся пола. Только он очень не любит такого обращения. Но вообще хватит зверя тиранить, пошли обустраиваться. Если ты ещё не выбрал себе каюту, слева от моей есть свободная.

Внезапно Карл сообразил, что не имеет ни малейшего представления о том, что такое «обустраиваться». О чем и сообщил несколько обескураженным тоном.

— Ну как же! Где твои вещи? Там, куда ты их погрузил в порту, в багажном отсеке рядом с салоном. Там же рядом каптёрка, где Афанасьич выдаёт мебель, постельное белье и прочие полезные вещи. Пошли, помогу всё это приволочь и устроиться, — Лада решительно потащила новичка к трубе-переходу в корпус корабля.

К удивлению Карла, вход в трубу был не в потолке, а градусов под тридцать к вертикали.

— Это почему? — спросил он.

— Так Джилли уже дал ход. Понимаешь ли, для таких кораблей, как мы, нормальный межпланетный перелёт не инерциальный, потому что слишком долго, а с двигателем в режиме малой тяги. А термоядерный двигатель в режиме малой тяги может работать сутками и развивает ускорение примерно в метр на секунду в квадрате. Плюс ещё примерно полтора метра даёт центробежная сила. В сумме на жилой палубе получается около двух, и ускорение направлено наискосок, наружу и назад. Так гораздо удобнее лазить по трубам, чем вертикально.

Боцман с труднопроизносимым русским именем Вячеслав Афанасьевич уже начал нервничать:

— Куда ты запропастился? У меня других дел нет, тебя ждать, все уже давно свое разобрали. Спасибо, Лада, что привела его.

Буквально через минуту Карл оказался обладателем складного стола, надувной кровати и надувного кресла, подвешиваемого к потолку чехла для одежды вместо шкафа, складной полки для всяких мелочей и настенного экрана.

— Компрессор где-то юнги таскают, — пояснил Афанасьич. — Сейчас выясним, где черти носят этих обормотов, и

попросим зайти к тебе. Куда, в семнадцатую? — он не глядя нажал несколько кнопок на правом наушнике: — Пит, ты сейчас где? У Алины? Когда там докачаешь, загляни в семнадцатую, к новому третьему механику.

Вся эта гора вещей при ускорении метр в секунду за секунду вела себя совершенно непривычно, и если бы не помощь Лады, Карл вряд ли протащил бы её несколько метров до перехода на жилую палубу, не рассыпав. Работать в невесомости его худо-бедно научили, а вот погрузочно-разгрузочным работам при гравитации меньше лунной — нет.

К тому же гравитация в основном корпусе была направлена точно к хвосту корабля. Карл уже как-то привык, что «Марианна» — это такой большой гидросамолёт, и низ у него там, где реданы. А теперь низ внезапно стал там, где машинное отделение. Это ж, сменившись с вахты, придётся больше полусотни метров карабкаться вверх из машинного к входу на жилую палубу...

— Теперь подожди, — сказала Лада, когда Карл уже порывался сунуться в первую попавшуюся переходную трубу. — Дождись, пока мимо нас поедет четвёртый переход — он ближе всего к нашим каютам.

И было ещё десять тысяч мелочей, которые необходимо знать, чтобы превратить тканевую выгородку внутри надувного бублика в комфортабельное жилье, в котором и проходит большая часть жизни торгфлотовского космонавта. Например, маленький гонг, подвешенный около двери. Стучать-то в надувную дверь невозможно, а вламываться без приглашения — неприлично, поэтому на всех дверях кают висели колокольчики или гонги.

Пока происходила расстановка мебели, Карл задал совершенно не относящийся к делу вопрос:

— Слушай, а почему у кота такое англосаксонское имя — Линкси? У вас вроде почти весь экипаж русский, и на корабле разговаривают по-русски, а кота назвали не Barsik и не Scharik, а Lynxy.

— Насчёт того, что весь экипаж русский, это ты зря. Если уж на то пошло, все мы тут не более русские, чем Нейл Армстронг шотландец — наши предки уже больше века как не живут на Земле. Язык Торгфлота — да, почему-то получился русским. Говорят, на заре Экспансии были и англоязычные корабли, и даже испаноязычные, но постепенно перевелись. А вот в колониях могут быть поселения с преобладанием почти любого земного языка. Но даже в этом смысле у нас тут русская только Алина, она выросла в бентосной семье и попала в нектон только в возрасте подмастерья. Я, Афанасьич, мастер и Герхард — потомственный нектон. А Линкси — он вообще Торвальдыча кот. Торвальдыч страшно гордился своими викингскими предками и своим родным исландским языком, это у него хобби такое было.

Сочетание вполне германского имени Торвальд с русским суффиксом окончательно запутало Карла, и он потребовал объяснений.

— Служил до недавнего времени на «Марианне» стармех Гуннар Торвальдсон. Прадед его был родом из Исландии. А у исландцев -сон — это не фамилия, как у англосаксов, а больше похоже на русское отчество, поэтому на флоте он быстро стал Гуннар Торвальдыч. Когда я пришла на «Марианну», ему было уже больше трех гигасекунд. Мощный старик, живая история Торгфлота. И ещё художник. Видел, как стены в кают-компании расписаны под джунгли? Его работа, — Лада потупила взгляд. — Только он умер в предыдущем рейсе, который Толиман — Солнце. Гиперскачок — довольно большая нагрузка на организм, и у стариков сердце часто не выдерживает именно в момент скачка. Думаешь, почему нам срочно понадобился механик в Солнечной Системе? Взлетали с Мира Толимана — было три механика, пришли на Землю — два.

Карл уже привычно пересчитал гигасекунды в земные годы.

— И кто ж его выпустил в рейс, старика за девяносто со слабым сердцем?

— А кто его остановит? Ты пойми, мы же спейсиане. Мы здесь дома. А там, — она махнула рукой куда-то в сторону стены, что должно было означать уплывающую вдаль Землю, — только гости. Нельзя лишать человека смысла жизни лишь ради того, чтобы растянуть эту жизнь на пару лишних лет.

В этот момент в незакрытую дверь просочились двое юнг с маленьким компрессором в руках, воткнули его в розетку и быстро накачали кровать, кресло, межкаютные перегородки и выходившую в коридор стенку.

— Эти стенки не просто так, — пояснила Лада. — Там внутри какая-то хитрая система ячеек, так что, если накачать их воздухом, они становятся звуконепроницаемыми. А если стравить воздух — совсем плоские и не мешают складывать палубу.

Карл критически осмотрел каюту и всё же остался не очень доволен ею. Как-то пусто, никакой индивидуальности.

— Ничего, — усмехнулась Лада, правильно расшифровав его выражение лица. — Каких-то несколько рейсов, и забьёшь свою нору всякой ерундой. Хочешь, загляни ко мне. У меня это всего второй рейс на «Марианне»...

В каюте у Лады царил полнейший беспорядок. Мебель уже была накачана, чехол для одежды подвешен, но на кровати валялась куча всяких тряпок, а на столе лежал раскрытый чемодан. Зато на стене красовался огромный, где-то полтора на два метра, вид морского залива. Похоже, это была фотография, каким-то образом отпечатанная прямо на гибкой внешней стене жилой палубы.

— Ой, я и забыла, что ещё не всё в порядок привела! — смутилась Лада. — Ну ничего, зато сейчас попрошу тебя помочь. Ты же выше меня на пятнадцать сантиметров.

Через полчаса тут действительно стало на что посмотреть. Всего лишь несколько драпировок и занавесок, и совершенно аскетическая каюта, похожая на внутренность какой-то надувной игрушки, превратилась во вполне уютное жилье.

— Неплохо получилось, — подвёл итог Карл. — Но, послушай, у тебя ведь это тоже первый полет. Вторая планета. Где

ты успела этому научиться?

— Это надо впитывать с молоком матери, — ехидно улыбнулась Лада. — Мы же тут почти все — потомственные космонавты. Ничего, старту к восьмому тоже научишься и обрастёшь всякими компактными безделушками. Я-то с детства видела, как мама обустраивает любую каюту или комнату, а потом ещё юнгой служила, тоже насмотрелась на людей. Да и в космоходке у нас по девчонкам ходили всякие сборники советов, как лучше обустроить свою каюту. Парни-то об этом обычно вспоминают, только уже поселившись в этой самой каюте, — она снова ухмыльнулась. — Ладно, выметайся отсюда — через килосекунду обед, надо же мне после вахты переодеться. И ты тоже переоденься во что-нибудь цивильное, у нас в кают-компании не принято сидеть в рабочем.

Карл вернулся в каюту, скинул с себя рабочую форму и надел светло-синюю рубашку и тёмные брюки. Едва он вышел в коридор, как из своей каюты пулей выскочила Лада в джинсах и футболке с какой-то непонятной сюрреалистической картинкой. Добежав до люка, ведущего на верхнюю палубу жилого отсека, она резко оттолкнулась и, не пользуясь трапом, птицей взлетела на высоту трёх метров.

Карл кое-что прикинул в уме и прыгнул с места. Чуть-чуть не рассчитал — пришлось цепляться за край люка руками и выходить наверх жимом. При силе тяжести в пять раз меньше земной это было несложно. Но впечатление на девушку он, похоже, произвёл

В кают-компании уже собрался экипаж, свободный от вахты, то есть все, кроме старпома Джилли и второго механика Альвареса. Во главе длинного стола стояла кок Сюзи, блондинка весьма внушительных форм, одетая в форменный белый халат и поварской колпак, с поварёшкой в руке. Перед ней на столе возвышался огромный термос, выкрашенный почему-то в темно-синий цвет.

— Сегодня у нас суп из акульих плавников по рецепту дядюшки Чжана, шеф-повара ресторана «Звёздный дракон» в

Порт-Шамбале, — важно объявила она.

— Интересно, когда она успела приготовить? — шёпотом спросил у Лады Карл, вспомнив, как буквально час назад таскал и подключал камбузное оборудование.

— А никогда, — таким же шёпотом ответила Лада. — Его готовил тот самый китаец в Порт-Шамбале, а на борт взяли готовый. Так часто делают при старте, поскольку понятно, что пока активный участок да аврал по развёртыванию жилой палубы, экипаж успеет проголодаться.

Кроме супа, обед в этот раз состоял только из огромной порции салата. Это тоже вызвало у Карла некоторое удивление:

— И что, это оправдано — таскать в космос такое количество свежих овощей?

— Подумай, ты же механик, систему регенерации знаешь лучше меня, — объяснила Лада. — Овощи и фрукты состоят из воды на девяносто процентов. А любая вода всё равно рано или поздно попадёт через регенераторы в баки рабочего тела. Какая нафиг разница, брать воду на борт в виде вкусной еды или перед взлётом тысячами тонн зачерпывать из гидроаэродрома?

После обеда Алина поймала Карла и стала объяснять систему учёта времени:

— Смотри, суточный цикл у нас сто килосекунд, это несколько больше, чем ты привык. Вахты — двадцать килосекунд через сорок. Это даже удобно. Вот на земных кораблях приходилось вводить полувахты, чтобы один и тот же человек не стоял всегда в одно и то же время. Но смотри, спать надо не меньше тридцати килосекунд. Я, конечно, понимаю, что по молодости больше двадцати пяти ты спать не будешь, но если хоть раз придёшь на вахту не выспавшись, попрошу Герхарда выписать тебе снотворное. В общем, через десять килосекунд меняешь Педро.

Карл посмотрел на свои новые космические часы, купленные в Порт-Шамбале. Вроде обычные электронные, но на дис-

плее две строчки цифр. В верхней четыре помельче, одна покрупнее — мегасекунды и сотни килосекунд, внизу три покрупнее, две помельче. И всё это вместе было одним большим числом — количеством секунд с полуночи 1 января 1970 года по Гринвичу. А третьей строчкой бежало привычное Карлу земное время — по часовому поясу Китая, по которому жила Порт-Шамбала.

Глава 18

Остающиеся на Земле

Анджей и Мара сидели за столиком причального кафе-автомата и сквозь огромные окна причальной галереи наблюдали, как на темнеющем восточном небе медленно карабкается вверх яркая звёздочка выхлопа двигателей «Марианны». Провожающие уже разошлись, они были на причале одни. Только в динамиках за стойкой кафе ещё звучала заказанная кем-то песня:

> Когда уходим мы к неведомым высотам,[1]
> За нами в небе след искрящийся лежит.
> И первая любовь с названием «работа»
> Останется при нас оставшуюся жизнь.

— Вот и Карл улетел, — нарушил молчание Анджей. — Простой студент-технарь из лаборатории Шварцвассера взял и отправился в Галактику. А я, который всю жизнь считал себя лёгким на подъем, сижу здесь.

— Какие проблемы? — откликнулась Мара. — Не последний корабль в Солнечной системе. Позавчера вон вышел из скачка толиманский грузовик назначением под Арктур.

— Но я же не специалист по корабельным двигателям, меня в экипаж не возьмут.

[1] Ю. Визбор, «Работа».

— Ты журналист. В обитаемых мирах это довольно востребованная профессия. А пассажирский билет стоит не запредельную сумму. До Арктура тебе точно хватит, а там заработаешь. Там явно не откажутся увидеть себя глазами землянина. Да и лекции о Земле можно читать...

В динамиках пел хрипловатый мужской голос:

Механик наш смеётся[2]
И курит, как всегда.
Смеётся, смеётся,
А пламя в топке бьётся,
И кто-то расстаётся
С любовью навсегда...

— Ты так легко предлагаешь мне куда-то уехать от тебя на годы?

— А кто я такая, чтоб мешать тебе путешествовать? Я нэви в третьем поколении, космонавт в седьмом. Я просто не представляю себе другой жизни. В кино видела, в книжках читала, но не представляю. Все вокруг меня живут именно так — люди встречаются, между ними вспыхивают какие-то яркие отношения, а потом каждый уходит в свой рейс, и годами только от барменов в провинциальных космопортах и узнают, что дорогой им человек been there, done this. Бывает, узнают, что никогда больше не встретятся с этим человеком. Это плата за право летать. И если я сама не собираюсь отказываться от этого права, то тем более не вправе мешать тебе. Если я тебя полюбила, значит, в тебе тоже живёт чувство полёта

Мара замолчала, и над столиком повисла неловкая тишина. Только древний бард пел:

Разлука, разлука,
Дрожит в окне звезда.
Разлука, разлука,
Ночные города...

[2]Ю. Визбор «Разлука».

Глава 19

Любительское кино и техническая эстетика

— Алло, Карл, — спросила Лада по внутрикорабельному телефону. — Ты случайно не разбираешься в вашем земном андеграундном искусстве?

— В чем-чем?

— Например, в непрофессиональном кино с cinematron.org или в текстах с Самиздата.

— Ну ты как спросишь… А зачем вам это надо?

— Понимаешь, Келли Лависко слил нам бэкапы этих сайтов. Полные. Сказал, что это куча навоза, где попадаются жемчужные зерна, которыми, собственно, и питается интеллектуальная элита Земли. Я тут пытаюсь разобраться и составить какие-то плейлисты, которые можно будет толкать в колониях, но получается, прямо скажем, плохо. Объёмы какие-то сатанинские. У вас что, все десять миллиардов только тем и занимаются, что снимают кино и пишут книги?

— Интересно, а как это соотносится с законами о копирайте? — усмехнулся Карл.

— Какие законы о копирайте, когда мы уже за пределами земной атмосферы? И кстати, как ты думаешь, откуда в Порт-Шамбале бэкапы этих сайтов? Да потому, что в Порт-Шамбале

они и хостятся. Рядом с antispace.org. Его, кстати, нам тоже скинули. Мы в штурманской уже все поржали, теперь ваша, механиков, очередь. А почему они хостятся в Порт-Шамбале? Правильно, потому что любой, кто заявит требование что-то удалить с хостящегося там сайта, будет послан комендантом базы далеко и надолго. Дробинки пересчитывать в шрапнельном заряде главного калибра «Сюркуфа» или ещё куда-то в этом роде. В общем, приходи в картографическую рубку, мы там разбираем эти завалы.

Карл уже вполне освоился с расположением помещений на «Марианне», поэтому до картографической рубки добрался без труда. Кроме Лады, он там обнаружил старпома Джилли.

— Ну и как разбираться во всем этом хозяйстве? Здесь сотни тысяч фильмов.

— Обычно, — пояснил Карл. — Берёшь какой-нибудь фильм, который заведомо знаешь, и выбираешь «Люди, которые смотрели этот фильм, смотрели также...».

— Да, но здесь у нас не работающий сайт, а бэкап.

— Ну, бэкап базы данных тоже должен быть.

— Ага, есть, сейчас посмотрим. Блин, ну кто ж так проектирует высоконагруженные базы?!

Карл взглянул Ладе через плечо. На экране была ER-диаграмма базы данных сайта cinematron.org.

— Обычное дело. Наверняка они какой-нибудь ORM использовали.

— Чего-чего?

— Object-relational mapping. Такой фреймворк для быстрой разработки в объектно-ориентированной среде.

— Нифига ж себе! Сайт, на который, по уверениям Келли, регулярно ходит больше народу, чем всё население системы Арктура — и сделан на какой-то хрени для быстрого прототипирования!

— А у вас, что, не используют средств быстрого прототипирования?

— Почему не используют? Используют, только по назначе-

нию.

— А у нас на Земле, как правило, потом не переделывают. Особенно в вебе. Пипл хавает.

— Почти на любой планете, пока ты будешь дожидаться ответа от системы палочек и бечёвочек, тебя самого схавают. Это там, где каждый квадратный сантиметр настолько цивилизован, как на Земле, можно позволить себе жить в карточных домиках.

— А на Лемурии? Она ведь куда цивилизованней Земли.

— На Лемурии говорят, что при попытке выдать конструкцию из слюней и резинки от трусов за техническое решение к тебе явится призрак какого-нибудь древнего арктурианца и заявит, что твоё грубое надругательство над технической эстетикой заставляет его переворачиваться в гробу. А он за миллион лет уже привык лежать там спокойно.

— И что?

— Что делают призраки с живыми, над которыми хотят грубо надругаться? Говорят, что никого из тех, к кому в первые годы колонизации приходили такие призраки, никто больше не видел. А с тех пор на Лемурии научились не оскорблять техно-эстетические чувства покойных арктурианцев... Ладно, я вроде разобралась, что тут к чему у вашего древнеанглийского монаха[1].

— Тогда сначала вытаскивай те фильмы, по которым больше всего комментариев за последний месяц.

— Угу... Ой, что здесь Маркина курсовая по пиару делает?

— Чего-чего?

— Да вот смотри. «Катастрофа на острове Бали. Взгляд изнутри». Документальный фильм. Режиссёр — Мара Лависко, автор сценария — Анджей Краковски. Дикторский текст читает Анджей Краковски.

— Вообще-то катастрофа на Бали и тем более замалчивание её официальной прессой наделало довольно много шума. Но при чём здесь Мара?

---

[1] был такой монах-поэт в XII веке, звали Орм

— Как при чём, если она тогда таскала туристов из-под вулканических бомб вместе с другими курсантами? А ещё там хорошо приложило её братца. Потому она и сделала такой злой фильм... Интересно, в эту базу попадают все курсовые курсантов Академии по пиару? — Лада набрала в строчке поиска одно имя, потом другое... — Так, Кима нет, Мишеля нет, а Лаура есть. Вот, пожалуйста: Лаура Джоунс, «Андреа Фаррани — звезда галактической оперы». Интересно, а самой Андреа это показали? Вообще какая-то гендерная дискриминация получается, — она хихикнула. — Работы девчонок есть, а парней — нет.

— Возможно, парням больше нравится актёрское амплуа, — вмешался Джилли. — Смотри, вот тебе Мишель Карсак в ролике Анджея Краковски «Перехват пиратской атаки в Молуккском проливе».

— Ага, актёрское... Мишель мне уже жаловался на Келли в этом рейде — не пустил его ведущим, пошёл сам, пострелять не дал. Знаю я этих Лависко. В конце концов, когда я служила юнгой на «Лиддел-Гарте», Лависко-третий был моим непосредственным начальником.

На следующий день Джилли попытался было уговорить Алину освободить Карла от вахты. Однако ничего не получилось.

— Если корабль не вернётся из рейса, никакого дохода не будет, — решительно заявила «бабка». — У меня и так нехватка вахтенных механиков. К моменту скачка третий механик должен быть готов стоять самостоятельную вахту. А времени вам ещё хватит. Когда будем крутиться в системах Сириуса и Сигмы Дракона, тогда и разберёте свой контент по полочкам.

Глава 20

Ноутбук Торвальдыча

— А зачем в комплект оборудования каюты входит большой экран? — спросил Карл у Лады. — Он же вроде ни к чему не подключается.

— Очень просто: берёшь свой ноут, подключаешь к нему экран и смотришь кино или работаешь на большом экране.

— И что, у каждого члена экипажа есть ноутбук?

— Конечно. Это входит в стандартный комплект, с которым являются на борт. Нужно же где-то хранить свои воспоминания, а то в голове не уместятся.

— Что ж меня никто не предупредил? — расстроился Карл.

— Вояки потому что. У них порядки несколько другие, секретность там всякая. А расширителем памяти у них очки работают. Ничего, в ближайшем порту захода купишь себе ноут... — Лада резко осеклась. — Упс, ближайшие-то заходы у нас ни разу не порты! Орбитальная Сириуса, где нет никакого производства, и экобиостанция Сигма Дракона. Это тебе до самой Беты Гидры перебиваться без собственного ноута... — она на секунду задумалась. — О, есть идея! У Афанасьича же в каптёрке хранится ноутбук Торвальдыча.

— И что, это нормально — вот так взять ноутбук покойного члена экипажа и отдать новичку? — недоуменно выговорил Карл. — У Торвальдсона хоть родственники какие-то остались?

— Родственники Торвальдыча? — переспросила Лада. — Да у него полная Галактика родственников. Я ему родственница, потому что тётя Лена, папина сестра, замужем за его внуком. Кэп ему родственник, потому что женат на его внучке. Джилли вообще ему прямой правнук. Даже у вас на Земле есть его родня — адмирал Лависко женат на Тордис Гуннардоттир. Проще сказать, кто ему не родственник: у нас в экипаже — ты и Алина, потому что вы из бентоса. И то про Алину я не уверена. Она в нектоне уже давно, так что, пока нас тут носит по глухим системам, где не с кем обменяться новостями, ее сын вполне мог жениться на девушке из какой-нибудь старинной нектонной семьи. А чтобы у старинной нектонной семьи да не было родства с Гуннаром Торвальдсоном...

— Кстати, почему ноутбук хранится у боцмана, а не у Синтии?

— А потому что так получилось, что Афанасьич — ближайший родственник ближайшего наследника. Он брат третьей жены Торвальдыча.

Лада не успокоилась, пока не вызвонила Афанасьича и не притащила от него десятидюймовый ноутбук в потёртом корпусе из магниевого сплава. Когда она открыла крышку, компьютер немедленно включился, на экране появились какие-то окна. Сначала Карл подумал, что на персональном ноутбуке не предусмотрены пароли и прочие средства защиты, но оказалось, что машинка просто опознала Ладу в лицо с помощью видеокамеры.

— Понимаешь, я немного помогала Торвальдычу разбирать его архивы, поэтому он завёл меня на своем компе. Иначе пришлось бы Синтию звать. У корабельного сисадмина всегда должен быть доступ к компам членов экипажа, на всякий случай. Ну вот, теперь я и тебя тут завела. Ты вообще умеешь обращаться с системой Оникс?

— Да вроде умею. Это же та самая система, которую в ВКФ ставят на всякие технологические контроллеры.

— А с ее интерфейсом?

— Знаю, что надо нажать Jump-S, откроется окно командной строки. А там как с технологическим контроллером. Разберусь как-нибудь.

— И как вы с этим вашим «разберусь как-нибудь» ухитряетесь делать таких классных роботов? Нажми Jump-T и честно пройди вводный курс. А я пока пойду, я сегодня ещё не отработала положенное число посадок на симуляторе.

Карл взялся за встроенный учебник. Надо сказать, это был шедевр. На Земле Карл ни разу не сталкивался с такими образцами популярной технической литературы. Учебник был рассчитан на продвинутого ребёнка, только-только выучившегося бегло читать — но и ему, дипломированному инженеру, специально копавшемуся в истории компьютеров, совершенно не хотелось пропускать главы, хотя электронный учебник это позволял. Это был текст, который хотелось смаковать, а то и заучивать наизусть и цитировать.

Что же до самого предмета, то после первых десяти-пятнадцати страниц Карл уже был готов задать себе извечный спейсианский вопрос: «Почему земляне такие странные?» Интерфейс был организован на совершенно других принципах, чем принято на Земле. Но простое прочтение этих явно сформулированных принципов вызывало чёткое ощущение, что работать с компьютером надо именно так.

И ведь в основу интерфейса Аметист не было положено ничего такого, что не было бы известно на Земле. Большая часть этих принципов была сформулирована ещё в XX веке людьми, которые почитались отцами современной земной Computer Science — Виртом, Кнутом, Раскиным, Бузеном. Но похоже, на Земле их почитали, и даже читали, но не следовали их заветам. А спейсиане — следовали.

Через некоторое время Карл обнаружил, что изложение концепции сопровождается не только пояснением, какие кнопки зачем нажимать, но и ссылкой на подробное описание того, как это устроено, от которого ссылки вели уже непосредственно на исходный код программы. И зачитался.

При работе со студентами ему часто приходилось читать исходные тексты их учебных программ. Ученические, некрасивые, нелогичные. А тут был вылизанный код рабочей системы, над которым работали поколения лучших программистов колоний.

Карл давно подозревал, что система обучения программированию на Земле, основанная только на том, чтобы писать код, в чем-то ущербна. Хороший стиль программист, как и писатель, может приобрести, только читая много текста, написанного старшими коллегами. Однако на Земле далеко не все исходные тексты были доступны для изучения — фирмы-производители норовили объявить их своей коммерческой тайной. И хотя объем свободных, доступных для изучения текстов был очень велик, это предпочитали замалчивать даже в технических университетах.

Через два часа Лада заглянула к нему в каюту и увидела, чем он занят.

— Ага, — сказала она, — всё как в том анекдоте.

— В каком?

— Едет в мотриссе в Му-Сити парень с длинными волосами, собранными в хвост, в растянутом свитере, читает что-то на ноутбуке и заразительно смеётся. Непрерывно. Рядом сидит капитан Военно-Космического Флота, в форме, застёгнутой на все пуговицы, чисто выбритый и вообще весь такой солидный. Долго крепится, потом не выдерживает и заглядывает парню через плечо. Видит там исходник драйвера видеокамеры от какой-то древней, ещё до Экспансии, операционной системы. Говорит: «Э, парень, ты не над тем смеёшься. Лучше почитай, как у них сделан VFS layer.»

Глава 21

Карл и Лада

Карл и Лада занимались на тренажёрах в спортивном зале «Марианны». На космическом корабле с его ослабленной гравитацией по принципу «лишь бы суп из ложки не выливался» ежедневные физические упражнения были не роскошью, а необходимостью, поэтому обычно в спортзале отиралась чуть ли не треть небольшого экипажа. Но в этот раз третий механик и третий штурман тренировались вдвоём.

— Интересно, — вдруг задумчиво спросила Лада, не переставая качать тренажёр, — почему это весь экипаж считает, что я с тобой сплю?

От удивления Карл чуть не выпустил из рук штангу своего тренажёра, рискуя получить ею по голове.

— А с чего ты взяла, что так считает весь экипаж?

— Да то Алина даёт психологические советы на правах старшей женщины в экипаже, то Герхард спрашивает, не пора ли мне подобрать противозачаточное, то Сюзи интересуется, чем землянин отличается в постели от нормального человека. . .

— А что, это почему-то плохо?

— Да нет, в общем. Просто обидно, что все навоображали себе черт-те чего, а мы с тобой даже не целовались.

— Это легко исправить, — бодро сказал Карл. Он как раз

закончил серию упражнений и слез с тренажёра.

— Исправить то, что они навоображали? — Лада сделала невинное лицо.

— Нет, то, что мы не целовались, — он подошёл к девушке на расстояние вытянутой руки.

— Э-э, стой! Сначала ответь на вопрос.

— Честно-честно ответить? Скажу так: ты возишься со мной, как кошка с котёнком. По-моему, мы проводим вместе чуть ли не всё время вне вахт. А обычно такое поведение свидетельствует о романтических чувствах.

— Но я ничего такого не имела в виду... — Лада аж покраснела, хотя обрати кто-то на это внимание, наверняка стала бы уверять, что это от нагрузки на тренажёре. — Просто должен же кто-то помочь освоиться новичку.

— Ага-ага. А если новичок в полтора раза старше тебя, почувствовать себя его наставником очень полезно для чувства собственного достоинства.

— Ты злой.

— Значит, угадал. Ну так что, будем целоваться?

С видом, будто она делает ему огромное одолжение, девушка поднялась с тренажёра и позволила обнять себя за плечи.

— Только не тащи меня в постель прямо сию секунду, — сказала Лада, когда они наконец разлепили губы. — Дай я ещё немножко подумаю. И всё равно после тренировки надо искупаться, а через две килосекунды на вахту... — она направилась к двери в душевую, на ходу стаскивая с себя футболку.

Иногда спейсианское отношение к обнажённому телу невероятно злило Карла. Спейсианам просто не приходило в голову сделать отдельные душевые или раздевалки для мужчин и женщин. Да и купальные костюмы в аквапарке Порт-Шамбалы или в маленьких бассейнах «Марианны» тоже както не были популярны.

Казалось бы, нет ничего такого в том, чтобы не стесняться друг друга в душе или бассейне. В Европе тоже полно нудистских пляжей. Но почему-то так складывалось, что среди

спейсиан Карл всё время оказывался рядом с желанной, но недосягаемой девушкой.

* * *

— Все никак не привыкну, что я уже взрослая, и у меня есть своя собственная каюта, куда можно пригласить парня, — Лада разлеглась на кровати в совершенно гедонистической позе, со стаканом сока в руке, а Карл сидел в кресле, повёрнутом в сторону кровати, и любовался ею. — Вообще-то Нью-Бостон, где я училась, довольно пуританское комьюнити, поэтому общежития в Толиманской космоходке с четырёхместными комнатами, а мужской и женский корпуса отдельно. Там вообще добропорядочность доходит до того, что когда девушка с парнем хотят снять номер на двоих в гостинице, у них могут спросить бета-листы.

— И что будет, если у кого-нибудь не окажется там галочки?

— Предложат два одноместных номера со скидкой по цене одного двухместного. Все же понимают, что у студентов с деньгами так себе. Поэтому если людям надо именно переночевать, этот вариант их устроит. Есть такой принцип: заботиться о чужом благе надо за свой счёт. То есть хочешь помочь людям — помогай, а не создавай дополнительных трудностей. Так что просто не пустить — нельзя.

* * *

— И почему жизнь на этом корабле состоит из сплошных тренировок? — спросил Карл в пространство, отработав очередную серию упражнений на тренажёре. — На рабочем месте сплошные вводные на всякие нештатные ситуации, а придёшь на жилую палубу — сразу беги в спортзал.

— А жизнь вообще так устроена, — откликнулась Лада, накручивая велоэргометр. — Человек всё время готовится к тому, что будет не здесь и не сейчас. А потом как-нибудь наступает то самое здесь и сейчас, и человек мечтает только о том,

чтобы оно скорее кончилось. Думаешь, мне легче? Посадка на тренажёре перед вахтой, посадка после вахты. Плюс ещё тренировки по расчёту скачка. Правда, с тебя по физподготовке больше требуют — случись что на глиссаде или на взлёте, я буду крутить штурвал, а тебе придётся оторваться от кресла и куда-то лезть при двойной перегрузке.

Она на минуту остановилась, переключая режим на тренажёре

— Нам в космоходке рассказывали в свое время: жил в начале XXI века человек по имени Сергей Сотников. Двенадцать лет в умирающем посёлке он каждый день чистил полосу заброшенного аэродрома — вдруг понадобится кому. И через двенадцать лет над этим посёлком вдруг терпит аварию пассажирский самолёт, семьдесят человек на борту. А в тех самолётах в полете не были возможны ни какой-то серьёзный ремонт, ни даже диагностика, так что, если у тебя отказала электросистема, садись как хочешь: без привода, без радара и даже без механизации крыла. Шасси как-то сумели выпустить, спасибо и на том. А тут эта полоса, давно не обозначенная ни на каких картах, без всякого радиооборудования, но это как раз пофигу — всё равно на борту ничего не работает. В итоге сели, все живы, и даже самолёт потом починили и перегнали в нормальный аэропорт. Вот так вот, — прибавила она со значением и снова нажала на педали. — А ещё есть такая философия, что человек постоянно живёт ожиданием. Сначала он учится в школе, мечтает стать хотя бы подмастерьем. Потом становится подмастерьем и мечтает стать настоящим специалистом. Потом учится в высшей школе. Потом мечтает встретить свою любовь. И так далее, и тому подобное. А потом уже вокруг толпа внуков, а человек всё ещё думает, что настоящая жизнь впереди... Хотя так бывает редко. Обычно к такому возрасту у человека накапливается достаточно моментов, которые можно вспоминать и осознавать, что тогда-то и было то самое «здесь и сейчас», к которому он готовился всю предыдущую жизнь. Если такое случается с подмастерьем, это называется «шедевр».

А если с взрослым человеком… то так и надо. Справился — молодец.

Неожиданно Лада вздохнула:

— Правда, после того, как Мара Лависко получила свой шедевр, я и поняла, что не хочу в военный флот. Летать — ещё как хочу. Но чтобы вот так грудь под осколки подставлять — нет уж, спасибо.

Глава 22

Генетическая коррекция

— Интересно, можем ли мы что-нибудь сделать для мамы Ганса? — спросила Мара Шварцвассера, когда за Мишелем Рандью и Гансом Пфельце захлопнулась дверь лаборатории. — Вроде бы болезнь Шарко — тривиальное генетическое нарушение. От этого лечат.

— Лечить-то лечат, но генетическая коррекция на Земле стоит слишком дорого и не покрывается большинством страховок. Потому что при заключении страховки сразу видно, нужна она человеку или нет, а страховщики не дураки, чтобы заключать заведомо проигрышные контракты.

— Но вы даёте своим сотрудникам страховку первого класса. Она покрывает любое лечение, доступное современной науке. И у любого класса страховки может быть категория «а», которая распространяет ее на ближайших родственников. Уж на мать однозначно.

— Ещё бы мы с ваших-то космических денег не давали сотрудникам страховку первого класса! Твой братец первый из нас душу вытрясет за то, что критически важные сотрудники не получают должного лечения. Но один-а... Это страховка для миллионеров. Тебя точно не посадят на месяц без берега, или как там у вас наказывают курсантов за растрату казённых денег?

— Если вы оформите ее не для всего состава, а только для несовершеннолетних, думаю, отбрехаюсь как-нибудь. Сколько у вас в лаборатории несовершеннолетних, кроме Мишеля с Гансом? По-моему, двое или трое, да и тем осталось меньше года. Ну, отсижу месяц без увольнений... она-то не месяц мучается, а уже десять лет. За месяц как раз сэкономлю на амортизации флиттера примерно столько, сколько стоит генокоррекция, — Мара невесело усмехнулась. — Вообще ваша экономика — это что-то чудовищное. Производственных мощностей вполне достаточно, чтобы обеспечить всеобщее изобилие, медицинских мощностей хватило бы на бесплатную медицину всем и каждому, но вокруг этого зачем-то накручиваются всякие экономические игры, в результате которых людей заставляют буквально физически страдать. Под какой-нибудь Тау-Цети, где нет ни одного отделения генокоррекции, местная община встанет на уши, но отправит человека с такой болезнью лечиться под Толиман или Арктур. Выбьет субсидию из планетарного правительства, или договорится с экипажем корабля насчёт бесплатного проезда. На торговых кораблях тоже не звери служат. А здесь всем на всех пофиг...

На следующий день Ганс Пфельце прибежал домой из Технологического Университета весь сияющий и показал маме пластиковую карточку:

— Смотри, что у меня есть!

— Что это? — бегло, без особого интереса глянула Эмилия. — Скидочную карточку где-то нашёл?

— Нет, это медстраховка. Класса один-а. То есть генокоррекция включена и распространяется на всех ближайших родственников. То есть на тебя.

Тяжело вздохнув, Эмилия опустилась на стул, здоровой рукой взяла у сына карточку и поднесла к глазам. И правда, страховка. Оформлена на Иоганна Пфельце. Категория 1а.

— Ты, мам, не тяни, а прямо завтра, пока я в школе, сходи в университетскую клинику да прикрепись. Ребята в лаборатории сказали, что это лучшая в Вене клиника по генокоррекции.

На следующий день Эмилия спросила сына:

— Справишься тут две недели без меня? Мне предложили ложиться прямо завтра.

— Ну что ты, мам! Маленький я, что ли?

А ещё через пару дней Ганса, идущего домой из лаборатории Шварцвассера, подловила во дворе фрау Розалинда, местная омбудсменша. Ганс хорошо ее знал — неполная семья, да ещё с матерью-инвалидом, была регулярным объектом опеки. Иногда через эту въедливую тётку Гансу перепадали полезные вещи вроде бесплатных билетов в театр.

— Ты это откуда в такую поздноту?

— Да вот, устроился подрабатывать.

— А учиться это тебе не мешает?

— Скорее помогает. Там народ образованный, если что, всегда можно попросить, чтобы объяснили.

— А мама как?

— Лечится.

— Это от чего же?

— Ну я ж вам говорю: я устроился подрабатывать. А там всем несовершеннолетним сотрудникам положена страховка класса один-а, — в этом месте фрау Розалинда чуть не села прямо на асфальт. У нее, уважаемой муниципальной чиновницы, была страховка класса 3 без всяких «а». — И по этой страховке маме сейчас делают генокоррекцию. Позавчера легла.

— Так, но если она в больнице, кто присматривает за тобой?

— А зачем за мной присматривать? Я учусь, работаю, а домашнее хозяйство и так три последних года было на мне. Куда маме с её рукой-то...

— Нет, так не пойдёт, — решительно произнесла фрау Розалинда. — Идём-ка со мной.

Ганс быстро выхватил из чехла телефон и нажал «тревожную» кнопку. Тревожные звонки от работающих по судостроительной программе маршрутизировались прямо в диспетчерскую Порт-Шамбалы.

К несчастью, дежурным диспетчером оказался Ким Лэнсер. Услышав, что кого-то из сотрудников Шварцвассера поймали омбудсмены, он мгновенно вспомнил собственное приютское детство, и небольшое недоразумение выросло в его глазах до прямой агрессии земных бюрократов против контракторов Порт-Шамбалы. В результате была объявлена боевая тревога, и третья группа четвёртого курса ВКА приготовилась к вылету в качестве десанта.

Однако на десант в населённое место требовалась санкция командира базы. А его в это позднее время, два часа ночи по Порт-Шамбале, где-то носит. В Вене с девушкой гуляет.

— Отставить десантную группу! — будучи оторван от поцелуев с Элен где-то на набережной Пратера, Келли был страшен в гневе. — Ким, ты уже двенадцать лет как не приютский мальчишка, мог бы и не дёргаться с такой силой. От меня до места происшествия от силы пять километров, разберусь сам. А Маре передай, что за благотворительность, последствия которой приходится разгребать мне, я ей лично уши надеру.

Естественно, в такой ситуации любые ограничения на перегон флиттеров в автоматическом режиме были отброшены, и уже через пять минут флиттер с Келли и Элен приземлился прямо посреди того двора, где Ганс упорно сопротивлялся попыткам его куда-то увести.

Ещё в полете Келли успел позвонить Шварцвассеру — и убедился, что тот совершенно не горит желанием не то что вступать в конфликт с органами опеки, а вообще лишний раз напоминать им, что в Вене есть лаборатория, где не только младшекурсников, но и школьников заставляют заниматься настоящим производительным трудом.

Однако, пока Келли представлялся и думал, какие аргументы применить и не зря ли он отменил вылет десантной группы, Шварцвассер позвонил Весселю.

— Макс, вы сейчас дома? Ваш Фафнир в опасности. Мать Ганса Пфельце положили в больницу, и теперь омбудсмены хотят на месяц забрать мальчишку в приют. Вы вроде соседи, не

изобразите ли местную общественность?

Вессель выглянул в окно, увидел стоящий поперек двора флиттер и группу людей рядом с ним, набросил куртку и рванулся на улицу.

— Фрау Розалинда, вы патриотка нашего города? — спросил он, подойдя к помянутой группе.

— А что? — вскинулась чиновница.

— Вы понимаете, что если сейчас выключите Ганса из работы, то сорвёте мне новую постановку в Опере?

— А он что, поёт? — хмыкнула Розалинда.

— Нет, он робототехник. И без него у меня не будет Фафнира.

Тем временем к компании посреди двора присоединилась идущая из своей лавки мать Эльзы.

— Фрау Ротхард, вы же знаете всех в округе, — обратился к ней Вессель. — Подтвердите, что Ганс вполне взрослый парень и спокойно может две недели прожить один в квартире.

— Что с Эмилией? — сразу сообразила зеленщица.

— У нас наконец появилась возможность вылечить маму, — пояснил Ганс.

— Это у вас в опере, герр Вессель, дают бутафорам страховку один-а? — поинтересовалась фрау Розалинда.

— Нет, — наконец вставил реплику Келли. — Это у нас дают страховку класса один контракторам Военно-Космического Флота. А несовершеннолетним — один-а.

— Ах, тут ещё и военные заказы! — с издёвкой протянула фрау Розалинда. — Интересно, почему тогда вы, господин офицер, до сих пор не потребовали безоговорочного подчинения именем Объединённого человечества?

— Зачем же сразу идти на конфликт? — усмехнулся Келли. — Мы все тут нормальные люди, можем договориться. Хотя, надо сказать, мне уже пришлось остановить своего подчинённого, который почти успел объявить боевую тревогу. Впрочем, парня можно понять — он сам из приютских. А здесь, сами видите, есть куча взрослых людей, которым небезразлич-

на судьба Ганса Пфельце, причём живущих в том же доме. Я думаю, вы вполне можете положиться на то, что соседи присмотрят за ним.

— Если надо, я возьму его к себе, пока Эмилия в больнице, — сказала фрау Ротхард. — Где одна, там и двое.

— Лучше к Рандью, — возразила Элен. — Все-таки ребята уже большие, и мальчику с девочкой, пожалуй, не стоит жить в одной комнате.

— Где те Рандью? — упёрла руки в бока фрау Ротхард. — А я уже здесь.

— Сейчас Жанне позвоню, — Элен потянула из сумочки телефон.

Почему-то фрау Розалинда очень боялась прессы. Она была готова сопротивляться сопляку в офицерской форме, терпеть укоры дирижёра Оперы и даже схлестнуться в поединке воль с зеленщицей, неформальным лидером всего квартала. Но чтобы свидетелем всего этого стала ещё и журналистка...

— Но я же не могу нарушать инструкции, — отступила она на последний рубеж своей обороны.

— О, — ухмыльнулся Келли. — Как раз ради бюрократических формальностей я легко нарисую вам какую-нибудь бумажку от имени Объединённого человечества. Главное, вы сами убедились, что в приют Гансу не надо, а уж как прикрыть это от начальства, мы разберёмся

Он вытащил из-под сиденья флиттера планшет, извлёк оттуда обычный бумажный блокнот, достал из кармана ручку и стал писать: «Общедоступно, не для публикации. Приказ № (тут он на секунду задумался) 1248-26. Приказываю назначить госпожу Алису Ротхард исполняющей обязанности опекуна несовершеннолетнего Ганса Пфельце на время лечения его матери Эмилии Пфельце. Комендант Солнечной системы, старший лейтенант Келли Лависко-четвёртый»

Вырвав листок из блокнота, он протянул его фрау Розалинде:

— Если у вашего начальства будут какие-то вопросы насчёт

подлинности данного приказа, пусть заглянет на www.navy.spc. Там его можно будет найти по номеру.

Фрау Розалинда сунула листок в свою папку и, облегчённо вздохнув, ретировалась. Ганс, спросив разрешения у новоназначенной опекунши, убежал домой. Разошлись по домам и фрау Ротхард с Весселем. Посреди двора рядом с флиттером остались только Келли и Элен, застывшая столбом и смотревшая на своего парня с нескрываемым удивлением.

— Что с тобой, Элен? — Келли дотронулся до ее плеча.

— Ты никогда не говорил мне о том, кто ты такой, — ее удивлению не было предела. — Прямо чувствую себя в сказке про Гаруна-аль-Рашида.

— Меньше общайся с конспирологами с antispace.org. Я ведь всё знаю, Мара рассказывала мне про ваши посиделки с Алексом Оттерваном. Военный комендант — это далеко не абсолютный монарх. Тем более если на эту должность назначают лейтенантов. А вообще, — Келли ухмыльнулся, — надо бы слить Оттервану фото этого листочка из блокнота, а то сестрёнка никак не может убедить его, что спейсиане похищают младенцев.

Удивление на лице Элен сменилось выражением лёгкой обиды:

— Ну вот, опять надсмехаешься... Я серьёзно, а ты опять всё перевёл в шутку.

— Так к вашей земной бюрократии невозможно относиться серьёзно, иначе с ума сойдёшь. Только смешивать это с конспирологией вроде Оттервана. Они ведь всерьёз верят, что если попытаются возражать, мы применим силу.

— А что ты там говорил про подчинённого, которого пришлось останавливать?

— Это Ким Лэнсер, однокурсник Мары. Его забрали из приюта в четыре года, и он до сих пор уверен, что ваша система призрения беспризорных детей — что-то ужасное, хуже пиратов Молуккского пролива. Я ему так и сказал: через полгода производство в мичманы, а ты всё воюешь с детскими страхами. Ещё буку бы под кроватью из гауссовки отстреливал.

— И тем не менее ты не говорил мне, что командуешь всей Солнечной системой, — не сдавалась Элен.

— Так когда мы с тобой познакомились, я и не командовал. Лейтенант, командир роя дронов-истребителей, в отпуске по ранению. А потом вместо дронов, которые хотя бы выполняют команды, мне подсунули обормотов-курсантов во главе с родной сестрой. Что об этом рассказывать?

Под аркой послышались торопливые лёгкие шаги. Келли обернулся. Элен проследила направление его взгляда: во двор быстрым шагом входила Жанна Рандью, задержавшаяся на работе. Необычное транспортное средство посреди двора привлекло её внимание. Узнав в стоящей рядом с флиттером девушке Элен, она подошла поближе:

— Привет! А это и есть твой Келли, с которым ты нас никак не познакомишь?

— Да, он самый, — кивнула Элен. — Келли, это Жанна Рандью, Жанна, это Келли Лависко... комендант Солнечной системы, — прибавила она с лёгким вызовом.

Жанна застыла столбом, уперев взгляд в Келли.

— Девушки, у вас в Вене девять часов вечера. По гималайскому времени это три часа ночи, — прервал неуютное молчание Келли. — А мне в шесть утра стоило бы поприсутствовать на смене терранетовских вахт. Так что, Жанна, если хотите, чтобы я ответил вам на какие-то вопросы, приглашайте меня в дом и поите чаем, а лучше кофе.

Глава 23

Интервью

Устроившись у Жанны на кухне, Келли задал вопрос:

— А вы сейчас беседуете со мной как журналист или как обеспокоенная мама Мишеля Рандью, который впутался во что-то военно-секретное?

Жанна задумалась:

— Скорее все-таки как журналист.

— Тогда включите видеозапись. А то потом всегда возникают проблемы с тем, что не так запомнили. Когда есть возможность при превращении интервью в текст прокрутить нужный момент на записи, оно надёжнее.

Ноутбук с камерой был установлен на кухонном столе, и Келли убедился, что в поле зрения попадает то, что надо. За это время Жанна собралась с мыслями и задала первый вопрос:

— Келли, расскажите, почему вы другие.

— Хороший вопрос, — отозвался он. — Почему вода мокрая, а железо холодное? Почему Солнце — жёлтый карлик, а Арктур — оранжевый гигант? Что значит «другие»? И кто «мы» — жители Порт-Шамбалы, офицеры ВКФ в целом или вообще все спейсиане?

Жанна задумалась.

— Пока я знакома только с вами и вашей сестрой, а вы

двое, насколько я знаю, и то, и другое, и третье сразу. А в чем другие? Ну вот, к примеру, мы очень не любим давать кому-то доступ к данным о нашем положении — а у вас они открыты на весь белый свет. Это свойственно спейсианам вообще или жителям Порт-Шамбалы? Или: Мара, когда пришла к нам в гости, тут же обратила внимание на Мишеля и нашла с ним общий язык. Чтобы девушка студенческого возраста обратила внимание на сына-школьника своих случайных знакомых...

— По нашим меркам Мишель уже не школьник. Он подмастерье, близкий к возрасту, когда пора поступать в высшую школу. То есть уже достаточно большой человек, чтобы быть интересным как личность. А когда ты видишь в чьей-то комнате модель корабля, на котором отслужил три года, вроде это и не совсем чужой. Есть повод познакомиться. В своё время мне было куда труднее придумать повод для знакомства с Элен. А потом выясняется, что у человека есть проблемы, а у тебя — их решение. Ну и что теперь, сидеть на этом решении, как скаргамлук на гнезде? Вы ещё спросите, почему мы на острове Бали таскали туристов из-под вулканических бомб. Да по той же причине, по какой кот себе спину вылизывает — потому что могли. Яванские спасатели со своими тормозными вертолётами не могли, Хоббарт не мог — у него не было ни людей, ни транспорта, — а мы могли. Хотя мне, конечно, по вылезании из регванны крепко влетело за такие потери.

— И на Землю вы тоже пришли по этой же причине?

— Нет, это элементарная стратегия. Всё-таки большая часть наших миров колонизирована с Земли в эпоху Экспансии. Они образуют в пространстве такой немного неправильный шарик с Солнцем в центре. Ну и зачем нам в этом центре шияры? А чтобы шияров в центре не было, там должна быть наша военная база. К тому же у Земли очень мощная промышленность. При этом, когда мы, вернее, наши родители — мне-то было года три, когда меня сюда привезли, — устраивали базу, её постарались устроить так, чтобы как можно меньше мешать землянам.

— А почему?

— Потому что наши предки немножко обижены на землян. Попытка оккупации Лемурии в 2098, история с Торвальдом Бьорнсоном в 2123... в общем, Земля считалась таким местом, куда лучше без нужды не соваться. Но это какая-то грустная и неинтересная тема.

— Хорошо, давайте вернёмся к детям. Насколько я поняла Мару, дети у вас работают уже лет с десяти. А зачем это нужно?

— Как зачем? Если я хочу, чтобы моя сестра к шестнадцати годам выросла в толкового офицера, которому я могу доверить прикрывать свою заднюю полусферу, то в десять лет она должна исползать на брюхе все коммуникации на корабле, в двенадцать — куролесить на флиттере, а в пятнадцать — нести диспетчерские вахты.

— Но зачем так рано? Почему бы не ползать по переходам в восемнадцать, а вахты нести в двадцать три?

— А до этого им что делать? Вы на своего Мишеля посмотрите. В двенадцать лет не иметь возможности делать что-то настоящее безумно скучно. Оттого они у вас и сбиваются в молодёжные банды, колются всякой фигней и уходят в виртуальные миры, что в реальном мире места для них нет. Впрочем, может быть, у вас его действительно нет. Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, что вас тут десять миллиардов. У нас там нет ни одной планеты, где жило бы больше двадцати миллионов, — Келли пожал плечами. — А потом аккурат в этом возрасте начинается гормональная перестройка с романтическими чувствами и всем прочим. Это хуже урагана. И одно дело, когда этот внутренний ураган настигает подростка, который знает, что надо делать по любую сторону от мушки, умеет справляться с наружными ураганами за бортом флиттера и знает, сколько пота обменивается на одну монету, а другое, когда вдруг всё это случается с ребёнком, который ещё не успел приобрести никакого жизненного опыта...

— А что это была за попытка отбить Ганса у омбудсменов

военной силой?

— Это был Ким, — лицо Келли приобрело какое-то мечтательное выражение. — Маленький Друг Всего Мира. Помнится, я второй год учился в школе, когда мама приволокла домой это чудушко, и у моей сестрёнки появился братик-ровесник. Это я тогда придумал ему такое прозвище, потому что и ему самому, и Маре читать это было ещё рано. Мне самому, наверное, тоже было рановато, но кого из Лависко когда это останавливало? После чего дедушка Тадек стал старым ламой, а папа — полковником Крейтоном. Хотя папа, как раз тогда получивший кап-раз и крейсер «Нельсон», слегка обижался, когда дедушка звал его «полковник без полка», — он негромко рассмеялся. — А я сам очень рассчитывал на роль Хари-бабу... да нос не дорос. Кстати, дедушка до сих пор зовёт Кима «чела». Учеников у адмирала Лависко-первого уйма, вся Академия, а чела — один.

Келли перевёл дух и скосился в сторону камеры.

— Ким был первым приёмышем-сиротой в Порт-Шамбале. Одна гениальная тётка-психолог в Абердине додумалась, что наша база — единственное сообщество в цивилизованном мире, где есть шанс на успешное врастание в общество мальчика, мать которого застрелили у него на глазах в его три года, а потом его ещё долго третировали дети в приюте. Но это мама рассказала мне уже сильно позже. А тогда я не мог понять, откуда вообще такое берётся. Как может ребёнок, человеческий детёныш, выглядеть как ёжик, свернувшийся клубком, или загнанный в угол крысёнок? У любой кошки в Порт-Шамбале и то больше собственного достоинства... бездомных кошек земных городов я тогда ещё ни разу не видел, — Келли вздохнул. — Нам потребовалось больше года, чтобы Ким оттаял, стал нормальным мальчишкой, таким же, как все его ровесники. Мама очень переживала по этому поводу: декретный отпуск у нее кончался, так как Мара уже подросла, надо улетать — а как бросить ребёнка, который только-только поверил, что у него опять есть мама? Причём не просто бросить, а уйти в боевой

рейд, откуда запросто можно не вернуться. Нам с Марой было как-то проще — мы росли в Порт-Шамбале и привыкли к тому, что все родители время от времени улетают в рейд... А сейчас парень уже вырос. Кстати, детская игра в киплинговского тёзку как-то на нём сказалась — он лучший аналитик последних трех выпусков. Но «омбудсмен» для него всё ещё звучит почти как «пират».

— Кстати, о пиратах. Неужели с тем катером в Молуккском проливе нельзя было поступить менее жёстко? Высадить группу захвата, арестовать, судить?

— Эх, как бы это объяснить... С одной стороны, мы не успевали. Ну нету у меня в Порт-Шамбале группы захвата в бронескафандрах и в постоянной готовности номер раз. У меня сейчас вообще нет строевых офицеров, одни курсанты и преподаватели-отставники. Мы с Мишелем вылетели по нормативу три, и то чуть не опоздали. А десантную группу можно было поднять разве что по нормативу пять. Это значит — пираты успели бы высадиться на лайнер, взять заложников, в итоге всё равно пришлось бы стрелять, но с шансами, что пострадают гражданские. А с другой стороны... это пираты. С ними просто психологически невозможно цацкаться.

Лицо Келли отвердело.

— Понимаете ли, Военному флоту не так уж много лет. Больше, правда, чем мне самому, но мой отец родился тогда, когда дедушка ещё был обычным капитаном торгового корабля. А до этого торговые корабли водили по космосу ещё четыре поколения моих предков. Теперь представьте себе: огромный космос, никакой связи на межзвёздных расстояниях, по звёздным системам раскиданы колонии, которые посещаются кораблями хорошо если раз в год. И вот в этом заводятся пираты. С космическим кораблём, который сам себе и плазменная пушка, и средство доставки. Они же запросто могут поработить целую планету, а люди потом будут гадать, куда деваются корабли — то ли штурман не рассчитал скачка, то ли метеорит на курсе попался, то ли пилот не справился с ветром в атмосфере...

Поэтому за двадцать второй век в Торгфлоте выработалось железное правило: пират должен жить ровно столько, сколько требуется, чтобы навести на него оружие. Это уже культурный стереотип. Как брать вилку в левую руку, если в правой нож, — он сделал небольшую паузу. — Лет триста назад один поэт писал:

Да, прямо скажем, этот край
Нельзя назвать дорогой в рай.
Здесь жёстко спать,
Здесь трудно жить,
Здесь можно голову сложить.
Здесь, приступив к любым делам,
Мы мир делили пополам:
Врага встречаешь — уничтожь.
Друзей встречаешь — поделись.[1]

И мы привыкли, что мир устроен именно так. Как космос, так и планеты. А на Земле оно как-то по-другому. Потому мы и построили Порт-Шамбалу так, чтобы жизнь земной цивилизации и операции эскадры почти не влияли друг на друга. Нас ведь всегда было мало. Личный состав эскадры вместе с госпиталем и Академией — меньше пяти тысяч человек, а вас тут — десять миллиардов. Допустим, у нас есть военная сила, с помощью которой мы можем что-то требовать от ваших правительств. Но для того, чтобы мирно распространять наш образ жизни, мало не только нас в Порт-Шамбале, но и всех пятидесяти миров. Вас всё равно в тридцать раз больше.

— Но в последнее время ситуация изменилась. Почему?

— Мара подросла. Её поколение — первое, родившееся здесь, в Порт-Шамбале. Я сам при желании могу сказать, что я вообще-то лемуриец, а здесь как бы в гостях. Но Мара, Мишель, Лаура — для них это родная планета. Когда они начинают осмысливать своё место в мире, то уже не могут отмахнуться от того, что на этой же планете живут совсем другие

[1] К. Симонов, Мурманские дневники

люди. А ведь есть ещё такие, как Ким. На четвёртом курсе он один, но на младших приёмышей больше — всего в Академии наберётся не меньше полусотни, а сколько-то ещё подрастает в юнгах. Как будут позиционировать себя они, родившиеся в земных городах, выброшенные вами, можно сказать, на помойку и подобранные нами?

— А как вы думаете, сильно ли изменится от этого общество?

— Да вряд ли. Конечно, у вашего общества есть один большой недостаток: оно стремится всё упорядочить и зарегулировать. А с жизнью так поступать ни в коем случае нельзя. Когда мне было лет шесть, дедушка учил меня фехтовать и объяснял, что шпагу в руке надо держать, как птицу: слишком слабо — улетит, слишком сильно — задушишь. А когда я подрос, то понял, что это касается не только фехтования. Везде, где человек взаимодействует с чем-то или кем-то другим — с морем, с атмосферой, с другими людьми — всегда есть точка между порядком и хаосом, которая оптимальна. Попытаешься зажать сильнее — задушишь, слишком отпустишь — вырвется.

Он снова сделал паузу, словно пытаясь подобрать нужные слова.

— У нас в колониях допускают гораздо больше хаоса, чем здесь у вас. Честно говоря, не совсем понимаю, чем вызвано такое ваше стремление все упорядочить. Понятно, что борьба с хаосом естественна для человека — но на то ведь ему и дан разум, чтобы ограничивать свои естественные желания, когда инструменты, созданные этим разумом, позволяют удовлетворить их слишком уж хорошо. Скажем, есть у человека тяга к сладкому — но все взрослые люди знают, что не надо переедать сладкого, если не хочешь испортить фигуру. Однако почему-то в земной культуре отсутствует представление о том, что переесть порядка столь же вредно. Собственно, только от избытка порядка и могут возникнуть какие-то проблемы. А так-то Земля настолько разнообразна, что может, не заметив, впитать все несколько сотен спейсианских культур, которые

успели сложиться на пятидесяти освоенных людьми мирах.

Глава 24

Станция Сириус

— Держись, — предупредила Алина. — Сейчас будет скачок.

Держаться, впрочем, было особенно незачем. На мгновение у Карла закружилась голова. А потом в иллюминатор, где до этого лишь блестела точечками пара далёких звёзд, вдруг хлынул ослепительно яркий голубоватый свет близкой звёздной поверхности.

«Марианна» резко ударила двигателями ориентации и повернулась к звезде зеркальными тепловыми щитами, которые на протяжении нескольких последних дней закрывали корабль от близкого Солнца. В иллюминатор вплыл столь же ослепительно яркий голубоватый кружок.

— Теперь до конца вахты штурмана будут выжимать из двигателей всё, что только можно, а мы — следить, чтобы двигатели это выдали, — Алина поморщилась. — Не люблю перелётов между сближающимися звёздами.

Когда Карл сменился с вахты и поднялся на жилую палубу, у выхода из переходного тоннеля его ожидали трое корабельных юнг, а на заднем плане скромно подпирала стенку Лада с большим хрустальным бокалом в руке.

— Держи, — Майк, старший из юнг, протянул ему ароматическую свечку и большую лупу.

— Это ещё зачем?

— Как зачем? Посвящение в звездолётчики. Ты же в первый раз под лучами чужой звезды.

— Ни фига себе чужой! Это же Сириус. Я его с детства на небе вижу. Если в хороший телескоп, с Земли даже можно сфотографировать диск.

— Все равно. Надо зажечь свечку от луча чужой звезды и с нею в руках три раза обойти жилую палубу по окружности.

— Интересно, зажигать от А или от В?

— В за щитами, так что зажигай от А, — подала голос Лада. — И скажи спасибо, что я вывела корабль около В. А то пришлось бы ждать, пока отойдём от звезды достаточно далеко, чтоб убрать щиты, потому что свечку положено зажигать от центрального тела системы.

Карл взял лупу и стал сосредоточенно фокусировать лучи Сириуса на фитиле. Через некоторое время появился голубоватый дымок, потом вспыхнул маленький огонёк.

— Ура! Получилось! — хором заорали юнги.

— А теперь я буду ругаться, — с трудом сдерживая смех, произнесла Лада. — Нецелевой расход кислорода, всю палубу задымили, сейчас пожарная сигнализация сработает... — она закрыла рот рукой, чтобы не прыснуть.

— Но ведь это ритуал? — озадаченно выговорил Карл.

— Это тоже часть ритуала. Новичок ходит со свечкой, как бы случайно встречает штурмана, и штурман ругается, — Лада вся затряслась от сдерживаемого смеха и чуть не разлила темно-коричневую жидкость в своём бокале.

— Что это у тебя за бокал? — полюбопытствовал Карл.

— А ты думаешь, только у тебя сегодня первый скачок? У тебя — вообще первый, а у меня — первый самостоятельный. Сама рассчитывала, сама вахту сидела. Даже мастер над душой не стоял. Только в конце вахты пришёл и налил коньяку из своих рук.

— А мне? Я ведь тоже был на вахте.

— Ты пока ещё стажер, Алина с тебя глаз не спускала. Вот следующий скачок будет твой без остатка. Правда, механикам

после скачка наливают не коньяку, а неразбавленного спирту. — Лада пригубила из своего бокала. — Между прочим, такое ощущение, что в Торговом флоте уже лет десять никого не причащали настоящим французским коньяком с Земли!

* * *

Карл вошёл в машинное отделение принимать вахту и увидел, что Алина сидит за пультом и вертит в руках какой-то странный предмет.

— Что это ты делаешь? — спросил он.

— Да вот прикидываю, а не получится ли у нас обойтись здесь без дозаправки рабочим телом. В системе Сириуса вода, аммиак и метан безумно дороги. А на нормальных планетах вода бесплатна.

Тут Карл наконец опознал предмет, который вертела в руках Алина. Это было старинное механическое счётное приспособление, Rechenschieber, однажды виденное им в музее. Правда, то, что держала Алина, заслуживало звания экспоната куда больше, чем та штамповка из пластика в витрине Венского музея техники. Сама линейка была сделана из какого-то твёрдого дерева, оклеенного полосками перламутра, по которому и были нанесены шкалы, бегунок же производил впечатление ювелирного изделия, оправы, приготовленной под драгоценный камень. Причём, судя по налёту патины в углублениях, он действительно был откован из какого-то сплава серебра.

— А это зачем?

Действительно, было несколько странно использовать механическую считалку, сидя за мощным компьютером, на экране которого светилась таблица с расчётами предстоящих маневров, начиная с отстыковки от орбитальной станции Сириус и кончая тормозным импульсом при сходе с орбиты Сигмы Дракона-d.

— Привычка, — слегка усмехнулась Алина. — Трудное детство, понимаешь ли, паровые игрушки.

Теперь уже не только выражение лица, но и вся фигура Карла выражала непонимание и удивление.

— Я выросла под Осануэва, — пояснила Алина. — Или, может быть, тебе больше скажет название 47 Большой Медведицы?

— Система, захваченная шияарами?

— Она. Они вбомбили нас в XIX век ещё до моего рождения. Поэтому там, где на нормальных планетах дети паяют сервоприводы к стандартным микроконтроллерам и соревнуются в написании интеллектуальных алгоритмов поведения механических зверюшек, мы паяли из медных трубок водотрубные котлы на спиртовках и делали паровозики и пароходики.

На нормальной с его точки зрения планете Карл знал только двух детей, которые развлекаются подобным образом — всё тех же вундеркиндов Мишеля Рандью и Ганса Пфельце. Но может в колониях всё по-другому...

Алина между тем продолжала:

— Военный флот ворвался в нашу систему, когда я уже года два работала подмастерьем. Как мне тогда удалось пристроиться юнгой на «Клаузевиц», сама не понимаю. Понятно, что у них были потери в личном составе, которые хотелось пополнить на месте, но желающих хватало и без меня. Сражаться с шияарами у нас хотел каждый второй, — она непроизвольно стиснула зубы. — А потом я провалилась на экзаменах в Толиманскую Военную Академию. Трояк по Computer Science и трояк по пилотированию. К счастью, на механический факультет торговой космоходки вступительного по пилотированию не было — зато был тест на инженерную смекалку. И тут у меня оказалось большое преимущество. Люди, выросшие на развитых планетах, обычно без процессора не могут даже поддерживать уровень воды в аквариуме — а я впервые взяла в руки процессор уже на «Клаузевице». Не то чтобы у нас их совсем не было, но очень мало, и они были невоспроизводимы, так что школьников и подмастерий к ним не подпускали.

— Но эта линейка явно не серийного производства.

— Это подарок. Трогательное воспоминание о первой детской любви. Один мальчик сделал её своими руками и подарил мне, когда эскадра покидала систему Осануэвы. Он был на пару лет старше меня и уже учился в инженерном колледже... сейчас он в нём преподаёт.

— Значит, ерунду говорят земные курсанты ВКФ, что тот, кто получил первый сексуальный опыт до первого самостоятельного полёта, потерян для космоса?

— Да что ты, какой сексуальный опыт в возрасте подмастерья! Это была типичная детская романтическая влюблённость. По сути, разница со школьной дружбой лишь в том, что подростки уже осознают, что они разного пола. И кстати, с самостоятельными полётами у нас под Осануэва было не так уж плохо. На экзамен по пилотированию в военно-космическую академию не хватило, но сказать, что на момент попадания в юнги я ни разу в жизни не летала, нельзя.

* * *

Примерно через месяц «Марианна» приблизилась к станции настолько, что её стало возможно разглядеть без телескопа.

Как-то в свою вахту Лада пригласила Карла в пилотскую рубку, чтобы показать станцию во всей красе. Это было небольшим нарушением правил, но на торговых кораблях на такие вещи смотрели сквозь пальцы.

Больше всего эта конструкция напоминала Карлу мачту с прожектором, оторванную от какого-нибудь морского корабля — здоровенный цилиндр около километра в диаметре и примерно такой же высоты. Над одним торцом цилиндра было расположено огромное плоское зеркало, обращённое к Сириусу B, а с противоположного торца поперёк цилиндра была закреплена длинная то ли труба, то ли ферма, длина которой превосходила диаметр цилиндра раз в пять.

— Самый большой астрономический объект, созданный людьми, — похвасталась Лада.

— А почему бы не сказать «самый большой искусственный астрономический объект»?

— Потому что это будет неправда. В системе Арктура есть такая же бочка, только в четыре раза больше. Но она создана не людьми, а арктурианцами.

— А зачем этой кастрюле ручка?

— Там стоят всякие астрономические приборы, которым мешает вращение жилого модуля. Это с той стороны, которая подлиннее. А с той, которая покороче, мы будем швартоваться.

— А полуоткрытая крышка?

— Это зеркало. Понимаешь ли, по законам небесной механики ось вращения быстро вращающегося объекта должна всё время смотреть в одном направлении. А станция вращается вокруг Сириуса B. Поэтому ось вращения станции не может всё время смотреть на звезду. А именно это требуется, чтобы в бочку всё время попадал свет. Поэтому ось бочки смотрит строго перпендикулярно плоскости орбиты, а над бочкой повешено зеркало. Оно много легче бочки и не вращается, так что не нужно большой силы, чтобы разворачивать его к звезде по мере движения бочки по орбите — можно повесить пару грузиков на достаточно длинных тросах, и приливные силы сами развернут. Кстати, те же противовесы разворачивают и штангу с астрономическими приборами.

Некоторое время Карл любовался этим грандиозным сооружением, а потом Лада выставила его из рубки, сказав, что ей надо корректировать траекторию.

Ещё через пару вахт «Марианна» состыковалась со станцией. Произошло это в дежурство капитана, но почему-то за пультом управления двигателями ориентации опять оказалась Лада. Карл даже подумал, что старшие товарищи безбожно эксплуатируют девушку, но, подумав ещё раз, понял, что от этой «эксплуатации» её пришлось бы оттаскивать за уши, причём она отбивалась бы руками и ногами. Мастер старательно делал из Лады пилота-практика, при первой же возможности

доверяя ей новую задачу — посадка на Землю, взлёт с неё, скачок, стыковка. Впрочем, точно так же поступала Алина с самим Карлом. Додумав эту мысль, Карл захлопнул забрало скафандра и полез в шлюз подключать корабль к инфраструктурным сетям станции.

Почему-то после стыковки «пилотского часа» не полагалось. Да и вообще жилая палуба осталась развёрнутой, так что ни в каких бордингаузах экипаж не нуждался. Поэтому в увольнение на станцию Карл с Ладой пошли только через сто килосекунд после стыковки.

Для того, чтобы попасть во вращающуюся часть станции, нужно было преодолеть почти два километра по безгравитационной трубе — отнюдь не сто пятьдесят метров коридора на «Сюркуфе». К счастью, конструкторы станции предусмотрели такую потребность и устроили в главном коридоре что-то вроде горнолыжного канатно-кресельного подъёмника. Уцепившись за эластичную петлю, привязанную к бесконечному тросу, можно было минут за десять добраться от причалов до камеры перехода.

Сама камера отличалась от аналогичной на «Сюркуфе» разве что размерами. Грузовые люки тут были рассчитаны на сорокафутовый контейнер. Однако, выбравшись через маленький пассажирский люк, человек попадал не в узкую трубу, ведущую в область с искусственной гравитацией, а в огромное пустое пространство. На противоположном торце сияло прозрачное окно, куда зеркало подавало свет Сириуса B, а вокруг со всех сторон на километровом расстоянии была земля — какие-то речки и озера, дорожки, домики, прямоугольники возделанной земли, даже, кажется, сады или парки.

Мизерное здесь, у самого центра, ускорение потихоньку сносило наших героев ко дну галереи из прозрачного пластика, окружавшей камеру перехода. Здесь была конечная станция лифта. Ещё минут десять спуска на лифте с постепенно нарастающим весом, и вот Карл наконец ступил на землю этого искусственного небесного тела. Здесь сила тяжести была прак-

тически земной.

Карл слегка удивился тому, насколько легко перенёс возврат к земной тяжести после нескольких недель лунной на «Марианне». Видимо, комплексы тренировок у спейсиан за столетие были предельно чётко выверены.

— Так, — сказала Лада, — я, конечно, никогда здесь не была, но рассказов слышала немало. Мы спустились на третьем лифте, значит, по этой дорожке должны прийти в «Белую кувшинку». Это студенческое кафе, то, что нам надо. Не идти же в «Розового слона», где тусуются профессора, — она ухмыльнулась. — Если верить слухам, там каждый день объявляют табу на какую-нибудь астрономическую тему — то на астрофизику белых карликов, то на планетогенез, чтобы профессора хоть иногда отвлекались от работы.

Извилистая тропинка привела их на берег заросшего пруда. Над водой нависала терраса — как сначала показалось Карлу, дощатая, но, присмотревшись, он понял, что это искусно стилизованный пластик. Строительный лес на станцию пришлось бы везти с какой-нибудь обитаемой планеты, а пластик можно было произвести и из местных материалов.

Едва они зашли в кафе, как от одного из столиков немедленно замахал рукой рыжий бородатый парень в футболке с каким-то легкомысленным рисунком:

— О, Лада! Что ты здесь делаешь?

— Что-что, — слегка ворчливо отозвалась Лада. — Вожу вам всякое барахло. Я ж после космоходки пошла работать по специальности, а не в высокую науку, как некоторые. Карл, знакомься, это Бьорн Витшерна. Учился у нас в космоходке на пару курсов старше меня, а потом решил, что с такой фамилией ему только Сириус B изучать, и подался в фундаментальную астрофизику. Бьорн, а это наш третий механик Карл Кроппке. Между прочим, самый натуральный землянин.

Бьорн протянул руку для рукопожатия.

— Что интересного вы нам привезли? — спросил он, обращаясь преимущественно к Ладе, когда космонавты расположи-

лись за столиком.

— Ну… контейнеров пять всякой мелочи с Толимана, потом на Земле догрузили контейнер настоящих земных вин и всяких непортящихся продуктов вроде орехов и кофе. Но это понятно, такой груз где угодно с руками оторвут. И ещё целых четыре контейнера каких-то «венских кузнечиков».

— Четыре контейнера «венских кузнечиков»? Вау! Теперь я точно защищу бакалаврскую раньше Бьорна! — аж подпрыгнула на месте четвёртая за их столиком, девушка, представленная Бьорном как Мелинда.

— А что такое «венский кузнечик»? — удивилась Лада.

— «Венский кузнечик» — это круто! — Мелинда продолжала фонтанировать энтузиазмом. — Самая крутая в Галактике машина для работы с оортовскими объектами после шияарского астероидного харвестера.

— Ну, насколько я помню из своей службы юнгой в ВКФ, от шияарских харвестеров человеческим планетологам толку не было и нет. Может, они и круты, но делиться собранными знаниями с людьми совершенно не расположены. Карл, ты что-нибудь знаешь про этих кузнечиков?

— Если я правильно понял, речь идёт о планетологическом роботе TUW-315.

— Ага, они самые, — подтвердила Мелинда.

— Между прочим, тема моей дипломной работы, — похвастался Карл. — Задачи для ВКФ Шварцвассер тогда мне ещё не очень доверял, а вот разработку для Вагабова позволил сделать полностью самостоятельно.

— Что?! — изумилась Мелинда. — Так ты и есть тот самый Карл Кроппке из Венского Технологического? Третьим механиком на обычном трампе?

— А кто мне хотя бы второго даст? Я ж судостроитель, а не эксплуатационник. А мне давно безумно хотелось самому попробовать, как летают те корабли, которые я проектирую.

Почему-то эта причина показалась остальным вполне уважительной для смены профессии. Правда, Мелинда попыта-

лась переманить Карла робототехником к себе в экспедицию, но быстро отстала, приняв объяснение, что он хочет побывать на разных обитаемых планетах.

— А что, здесь университет? — спросил Карл. — Профессора, студенты, бакалаврские диссертации... До сих пор я думал, что высшая школа у вас — что-то вроде толиманской космоходки, то есть по земным понятиям скорее средняя.

— Не совсем университет, — отозвалась Мелинда. — Здесь узкоспециализированный научный центр. Университетом считается место, где ведутся исследования минимум по четырем разным направлениям, а здесь, считай, только одно. Но вообще у нас университеты — не учебные заведения, а места, где занимаются наукой. Причём лучше, когда сразу кучей её направлений, чтоб была возможность общения между разными специалистами. В этом плане у нас не лучшее место — кроме звёздной астрофизики и планетогенеза, здесь разве что специалисты по искусственным экосистемам, но у них с нами нет почти никаких точек пересечения. Но зато тут настоящий белый карлик и такие протопланетные облака, каких нет ни в одной обитаемой системе, — она непроизвольно расплылась в довольной улыбке. — А взрослого учить — только время терять. В высшей школе должны были научить приобретать знания самостоятельно. А от научного руководителя требуется только общее руководство, передача живого опыта. В основном на тему, кто есть кто в данной области.

— И что, никаких лекций, семинаров?

— Как же без семинаров? Надо же сообщить людям результаты. Завтра я как раз докладываю про мою новую методику исследований облаков квазикометных объектов. Кстати, слушай, если ты спец по венским кузнечикам, приходи. В четыре часа дня, под Фонарём. Тебе будет интересно, как применяются твои железки, а нам, может, посоветуешь чего полезного.

— Не знаю, будет ли у меня завтра увольнение, — замялся Карл.

— Попробую это устроить, — Бьорн оторвался от планшета,

лежащего рядом с тарелкой. — У вас ведь кэпом Руслан Ахметдинов? Лемурийская космоходка, выпуск 204 года? Вроде мой шеф должен быть с ним знаком, — он вытащил телефон и начал набирать номер.

Так и получилось, что на следующий день у Карла опять было увольнение, но на этот раз с ним отправилась не Лада, а Синтия, у которой тема автономных роботов вызывала профессиональный интерес.

Фонарь оказался своеобразной достопримечательностью Станции Сириус. Просто чугунный литой уличный фонарь, стилизованный под старину, стоящий на большой круглой площадке в парке. В него даже была ввинчена аутентичная копия старинной лампочки накаливания. Как объяснила космонавтам Мелинда, когда-то давно его поставили в качестве символа неизвестно чего высокого, однако вся молодёжь станции была уверена, что это в первую очередь источник эмпирических коэффициентов для необоснованных гипотез: «Откуда взялась эта цифра? — От Фонаря».

На Станции никогда не было дождей — диаметр бочки слишком мал для того, чтобы сформировать приличные дождевые облака. Поэтому многое из того, что на настоящих планетах делается в помещениях, здесь происходило под открытым небом. К примеру, семинары устраивали в парке на подобных площадках.

Семинар был посвящён теме, вполне понятной для Карла — действиям роя автономных роботов в облаке оортовских объектов. Это было очень похоже на действия ВКФ-овских дронов-истребителей при прочёсывании астероидных поясов, так любимых шияарами. Поэтому Карл активно включился в дискуссию, приводя разнообразные примеры от хрестоматийной битвы за Осануэву и до недавних действий в системе Gliese 556, периодически вворачивая ещё и изобретения игроков в «Галактические Империи».

— Послушайте, молодой человек, откуда у вас такие подробные сведения о недавних кампаниях ВКФ? — вдруг спросил его

пожилой смуглый дядечка, который, в отличие от большинства присутствующих, носил не футболку, а светлую рубашку и щеголял наглаженными складками на брюках. — И эти, как вы говорите, симуляции? Вы же вроде с торгового корабля.

— Понимаете, я не всегда был торговым космонавтом, — отозвался Карл. — Уже довольно давно я занимаюсь в основном военным судостроением, а в этом деле приходится следить за всеми новинками тактики. Поэтому у нас в Венском Технологическом никогда не жалели сил для разбора действий эскадр из Порт-Шамбалы.

— Но Порт-Шамбала — это же в Солнечной системе?

— Да и Вена вообще-то тоже. В Австрии, на Земле...

— Вы землянин?!! — пожилой учёный буквально подпрыгнул на месте и, не дождавшись ответа, куда-то испарился.

Поскольку семинар уже распался на отдельные кулуарные беседы, Карл отловил Мелинду и спросил, что это был за тип.

— Это профессор Каямура из-под Хары[1], — пояснила она. — У него такой пунктик: он боится землян. Почему-то он считает, что если вас десять миллиардов, а по всем колониям и двухсот миллионов не наберётся, то рано или поздно вы хлынете в космос громадной волной, заполоните все колонии и введёте свои странные обычаи вроде запрета носить оружие и требования купаться обязательно в специальной одёжке. И вот теперь он получил подтверждение своим страхам. Первый землянин, нанявшийся в Торгфлот, — она хихикнула. — А ведь он собирался возвращаться домой на вашем корабле.

На следующий день «Марианна» отчалила от станции Сириус, неся на борту на трех человек больше. Кроме Каямуры, летевшего домой с пересадкой на Бете Южной Гидры, пассажирами стали двое подростков, у которых окончился стаж подмастерья и пришла пора поступать в высшую школу. Если в Порт-Шамбале имелась хотя бы Военно-Космическая Академия, то на станции Сириус высших школ не было совсем, поэтому ребятам предстояло четыре года прожить в интернате

[1]Хара — β Гончих Псов, G0V, 27 св. лет от Солнца

на какой-нибудь цивилизованной планете.

В кают-компании во время обеда Каямура опять завёл речь о своем пунктике:

— Вы представляете — их десять миллиардов! В пятьдесят раз больше, чем население всех пятидесяти обитаемых планет. Если вдруг им надоест сидеть на своей планете, они запросто заполонят весь обитаемый Космос.

— За двадцать лет существования на Земле базы ВКФ я первый, кому надоело сидеть на Земле, — возразил Карл. — И я, во-первых, уже пять лет работаю по контрактам Порт-Шамбалы, во-вторых, перед полётом со мной месяц возились два старших курса Военно-Космической Академии, чтобы хоть как-то подготовить меня к жизни в галактической культуре. Так что я не стал бы рассчитывать на большое количество эмигрантов с Земли. Все, кто хотел, уже покинули ее во времена Экспансии. Остаётся лишь небольшое количество чудаков, которые возникают в каждом поколении по естественным законам рекомбинации генов. До сих пор система образования Земли вполне успешно справлялась с переработкой этих чудаков. Но даже если вдруг перестанет, то, скорее всего, вы получите десятки, максимум сотни тысяч человек в год. Столько Объединённое человечество вполне переварит, тем более что заметная часть этих людей будет стремиться воспринять культуру колонистов, а не нести в Галактику свою. А тех, кто хочет нести в Космос свою культуру, можно отправлять на планеты вроде той, к которой мы сейчас направляемся. На давно исследованные, но не колонизированные из-за недостатка людей.

* * *

Карл отдыхал после вахты, когда ему вдруг позвонила Синтия:

— Привет! Слушай, у тебя вроде большой опыт работы с роботами, передвигающимися в невесомости?

— Есть немного, а что?

— Зайди ко мне. Тут юнги придумали что-то странное. Вроде чисто программное решение, но оно скорее по твоей части, чем по моей. Чую, что-то они не то сочинили, но объяснить, в чём они неправы, не могу.

Карл встал с кровати и отправился в каюту Синтии. Та занимала две каюты, расположенные рядом. Одна из них была жилой, а вторая — рабочим местом системного администратора корабельных компьютеров. Там и ожидали Карла корабельные юнги и примкнувший к ним Сайто, бывший подмастерье со станции Сириус, направлявшийся теперь в высшую школу в родном Мире Хары.

Юнг на «Марианне» было трое: двое мальчишек, Майк и Пит, которым вскоре предстояло поступать в космоходку, и Лючия, примерно на земной год помладше. У всех троих уже была чётко выражена специализация. Майк явно целился в пилоты. Пит постоянно вертелся в районе машинного отделения, и Карл почти считал его своим личным учеником, хотя, конечно, официальным его мастером значилась Алина. Лючия же была верной помощницей Сюзи и безраздельной хозяйкой всех роботов-пылесосов на жилой палубе, хотя возни с гидропоникой системы жизнеобеспечения в основном корпусе тоже не избегала.

На стене у Синтии висели в три ряда девять довольно небольших, 21-дюймовых мониторов. Карл пригляделся к картинкам на них. Вот забавно — сколько раз он сам пользовался методом девяти экранов из теории Альтшуллера, сколько учил этому студентов Шварцвассера, но никогда в жизни ему не приходило в голову собрать конструкцию из девяти физических мониторов. А для Синтии это, похоже, был стандартный приём работы.

На экранах было показано ровно то, что полагалось по ТРИЗ. Внутренность основного корпуса корабля — надсистема. Робот-уборщик для безгравитационной среды — система. Его поворотные вентиляторы — подсистема.

Пит взял лазерную указку и начал объяснять пришедшую в

голову юнгам идею усовершенствования алгоритмов поведения робота. В идее явно было что-то от «венских кузнечиков».

— Сайто, это ты придумал? — спросил Карл.

— Нет, я только рассказал, как работают роботы в облаке Оорта. А придумала Лючия.

Приди эта идея в голову Питу, Карл, пожалуй, мог бы расстроиться. А помочь младшему товарищу, тем более девочке, довести до практической реализации пусть и неправильную идею — вполне достойная учебная работа.

— Ребята, у каждой проблемы обязательно есть простое, очевидное, но неправильное решение. Вот и тут: вы не учли, что в корабле, в отличие от облака Оорта, есть воздух. И не просто воздух, а вентиляция, которая заставляет этот воздух довольно быстро перемещаться. Поэтому ваше улучшение приведёт к тому, что в узостях, где скорость воздушного потока увеличивается, робот будет биться о стены.

Глава 25

Бразильский художник

Мара позвонила Анджею, чтобы договориться о встрече во время ее следующего визита в Вену.

— Понимаешь, у меня тут командировка в Рио-де-Жанейро, — сокрушенно отозвался Анджей. — В результате меня не будет в Вене всю неделю.

— А что ты собрался делать в Рио?

— Брать интервью у Жозе Перейры. Та ещё задачка. Старик не жалует корреспондентов.

— Жозе Перейра? Это который художник?

— Не знал, что ты интересуешься художественным стилем модерн-классик.

— Да нет, я только чтобы сдать зачёт по мировой художественной культуре. Но Перейра у нас в курсе есть. По-моему, единственный из ныне живущих землян. Забавно. А ты что, всю неделю собираешься вести правильную осаду дома Перейры? Люнеты, апроши, контрапроши, минные галереи?

— Вроде того. Ты ещё учти, что добираться из Европы до Рио через Мехико — почти сутки.

— Ну, блин, у тебя, можно сказать, единственного на всей Земле есть девушка с персональным флиттером, а ты не пользуешься личным положением в служебных целях! И вообще Перейру надо брать лихим кавалерийским наскоком. Сейчас

подумаю, как именно, соберу разведданные и перезвоню тебе.

— А что, за эту операцию тебе тоже поставят какой-то зачёт?

— Не, это я так, из любви к искусству. В смысле, к модерново-классической живописи.

Через полтора часа она позвонила Анджею опять:

— Всё, у меня есть план. Собирайся, через полчаса буду у тебя, и летим в Рио вместе.

— А что за план?

— Расскажу, пока будем лететь в Бразилию.

Когда флиттер на пути в Рио отработал активный участок, и в кабине наступила невесомость, Анджей потребовал:

— Давай рассказывай.

Мара нажала кнопку в подлокотнике кресла и развернулась лицом к нему.

— Значит, так: модернового реалиста надо ловить на живца. Он моментально клюнет на необычное. А живцом могу поработать я. Я же прекрасно знаю, какая у меня пластика после всех курсов по десантной подготовке и вакуумным работам. Насколько мне удалось выяснить, Перейра в этот сезон целыми днями сидит с блокнотом на лавочке на Авенида Атлантика и ловит типажи среди прохожих. Сегодня он, или, во всяком случае, его телефон, появился там за пятнадцать минут до моего старта из Порт-Шамбалы, а значит, он проторчит там ещё часа два. Поэтому делаем так: паркуемся в стороне от пляжа, выходим пешком на Авенида Атлантика, дальше ты садишься на лавочку рядом с ним и караулишь мою одежду, а я бегу купаться. Давно мечтала искупаться на Копакабане, да всё как-то не складывалось. Его наверняка заинтересует моя манера двигаться. Вот тебе и завязка для разговора. А если спросит, почему ты не пошёл купаться вместе со мной, объяснишь, что я попросила тебя посторожить мой пистолет. А то подмышечная кобура как-то очень плохо сочетается с бикини, — Мара довольно ухмыльнулась. — Хочешь, скину тебе на наладонник пяток видеороликов про меня, может, покажешь ему, если при-

дётся к слову.

Отбор и перегонка роликов заняли почти всё время полёта. Наконец Мара решительно отвернулась к пульту управления и, как будто нечаянно задев тумблер, включила музыку. Кабина заполнилась гитарными аккордами и мужским голосом:

Она занимается айкидо,
А я в это время пьянствую водку.
Она всё знает от и до,
А я улетаю от нее в Находку.[1]

Ни стихи, ни исполнитель были совершенно не знакомы Анджею. По особенностям языка и набору реалий это можно было отнести к началу XXI века. Но тема уж как-то больно отчётливо перекликалась с сегодняшним днём...

Анджей всмотрелся в спину девушки, не выражает ли она ехидство, но ничего, кроме сосредоточенности на управлении флиттером, разглядеть не смог.

Мара посадила флиттер в паре кварталов от пляжа, и к Авенида Атлантика они вышли чинно, под ручку. Вот и скамейка, на которой под большим пляжным зонтиком устроился художник со старомодным бумажным блокнотом в руках.

Мара в несколько секунд освободилась от одежды, оставшись в очках и весьма смелом купальнике-бикини, после чего колесом прошлась по тротуару с воплем: «Ура, я на Копакабане!» — и, коротко бросив своему кавалеру: «Покарауль тут мои шмотки!» — перепрыгнула через парапет и лёгкой трусцой побежала к океану.

— Нечасто увидишь человека, который умеет так радоваться жизни, — раздался ворчливый голос художника. — Молодой человек, вы ведь знакомы с этой девушкой?

— Да, дон Жозе.

— Ах, вы ещё и меня знаете?

— Вы человек известный. Некоторые вон уже ваше творчество в школе изучают, — Анджей кивнул в сторону океана.

[1] Песня Анатолия Лазарева на стихи Андрея Акопянца.

— Ах, даже так? Не знал, не знал. А что ещё изучают в той школе?

— Думаю, вас, как знатока человеческой пластики, могут заинтересовать их физкультурные умения. Вот, взгляните, — Анджей вытащил из кармана наладонник и поставил первый из Мариных клипов. Это была самая обычная тренировка по фехтованию, Мара против Кима.

— Ага, вижу, слева ваша подруга. А справа — несомненно, парень.

— Возможно, про этого парня вы даже слышали. Помните, лет пятнадцать назад была такая активистка-правозащитница Оливия Лэнсер?

— А, это которую зверски убили на глазах малолетнего сына?

— Ну да. А на фехтовальной дорожке — тот самый сын, Ким Лэнсер.

— И что, юноше, пережившему в детстве такой стресс, доверяют рапиру?

— Если бы только рапиру! Насколько я знаю, новейший космический корвет «Франсиско де Орельяна», на данный момент наиболее разрушительную боевую машину в Солнечной Системе, на днях выводил на ходовые испытания именно Ким. Мара по этому поводу очень расстроилась, но что поделать, если оценка за упражнения на симуляторе у него оказалась выше на сотую долю балла... Кстати, об оружии, — Анджей запустил другой ролик, — вот это уже занятие по современной тактике. К сожалению, как и при фехтовании, экипировка сильно мешает наблюдать их движения.

Следующий ролик заинтересовал Перейру куда больше. В нем те же курсанты, одетые в лёгкие, не сковывающие движений трико, исполняли что-то вроде танца. Вот только участники этого танца парили в воздухе, отталкиваясь то друг от друга, то от стен, а порой бросали друг другу какие-то ленты, видимо, довольно прочные.

— Это где? — удивлённо спросил художник.

— Пустой ангар какого-то тяжёлого военного корабля. Мара говорила мне, какого именно, но я забыл название. А поскольку сейчас все эти корабли где-то далеко в боевом походе, у меня не было случая научиться их различать.

— Так это, значит, Военно-Космический флот...

— Да, Мара — курсант Военно-Космической Академии. Именно оттуда берётся несколько необычный набор двигательных навыков.

В этот момент на Анджея полетели брызги солёной воды — неслышно подкравшаяся Мара резко тряхнула мокрыми волосами.

— Ага, мужики, как обычно, рассматривают картинки, а на оригинал не обращают ни малейшего внимания!

— Нет, почему же, сеньорита, — несмело возразил художник. — Я как раз хотел пригласить вас попозировать...

— Сколько угодно, — решительно ответила Мара. — Но услуга за услугу. Я помогаю вам делать вашу работу — позирую, а вы помогаете Анджею делать его работу — даёте интервью.

— Это правда? — повернулся художник к журналисту.

— Увы, да. Я журналист, и мне заказали интервью у вас. Хотя вообще-то искусство — совсем не моя специализация. Обычно я имею дело с какими-нибудь биологами, полярниками, на худой конец с промышленными альпинистами...

— Я тоже в некоторой степени промышленный альпинист, — захорохорился Перейра. — Помнится, лет двадцать назад я лично возглавлял реставрацию вон той статуи, — он указал на знаменитое изваяние Иисуса, господствующее над городом.

Пока мужчины обсуждали этот животрепещущий вопрос, Мара успела влезть в тельняшку, вытащила из-под нее части купальника и не спеша надевала остальную одежду.

— Давайте переместимся в вашу мастерскую, или где вы обычно работаете. Не посреди же улицы мне вам позировать.

— А вы, сеньорита, согласитесь позировать в стиле ню?

— Никаких вопросов. В нашей культуре, в отличие от мно-

гих земных, нет табу на обнажённое тело. Анджей уже видел, как мы с другими нашими девчонками купаемся без одежды там, где это не может никого смутить. А если какие-то моралисты попытаются до вас докопаться, выясняя, была ли совершеннолетней ваша модель, то есть такая штука, как Антверпенский договор 2208 года. Там, насколько я помню, в шестнадцатой статье, все земные правительства согласились на то, что не будут применять в отношении спейсиан свои законы, если те нарушают права, признаваемые за людьми на других планетах. И если окажутся не в состоянии сами отловить и выдать командованию базы тех, кто преступно посягал на такие права спейсиан, не будут препятствовать ВКФ самостоятельно отлавливать таких преступников. Так что, если напомнить этим моралистам, что право выставлять или не выставлять напоказ собственное тело — это одно из прав, признаваемых за людьми на всех обитаемых планетах, то они утрутся.

— Кстати, Мара, я до сих пор не знаю, почему договор антверпенский, — вспомнил Анджей.

— Столица Европы в Брюсселе, но не сажать же было трёхтысячетонный крейсер в Верготедок, — усмехнулась Мара. — Поэтому заключать договор нужно было в каком-нибудь морском порту. А Антверпен — ближайший порт к Брюсселю. Конечно, можно было выбрать Гаагу, Копенгаген или Лондон. Но вообще-то это была маленькая месть. Земные правительства слишком долго не считали колонистов договороспособной стороной, поэтому, когда появилась возможность диктовать им условия, им предложили подписывать договор в портовом кабаке.

Через несколько часов удовлетворённый Перейра отложил грифель в сторону. За это время он успел сделать пару десятков эскизов. В процессе работы он почти непрерывно беседовал с Анджеем, а Мара в основном отмалчивалась, делая вид, что разговор мешает ей позировать.

— Теперь, прежде чем отпустить, надо напоить вас мате, — произнёс художник, вставая.

Когда гости уселись за стол, Перейра вдруг нырнул обратно в мастерскую и через минуту появился, неся в руках небольшую картину размером примерно в стандартный бумажный лист.

— Если я не ослышался, один из новых кораблей вашей эскадры называется «Франсиско де Орельяна»? — спросил он у Мары.

— Да, есть такой.

— Это мой любимый персонаж южноамериканской истории. Поэтому надеюсь, что экипаж этого корабля с благодарностью примет в дар небольшой портрет.

На картине был изображён мужчина в латах образца XVI века на фоне широкой реки. Из-за края полотна выглядывал бушприт небольшого парусника.

Мара искренне поблагодарила художника, решив, что кто, бы ни оказался старшим офицером «Орельяны», он точно не откажется повесить в кают-компании картину кисти Перейры.

Глава 26

Экобиостанция Сигма Дракона-d

После скачка в систему Сигмы Дракона Карл получил свой стакан спирта за первую самостоятельную скачковую вахту. Ладу немножко позабавило то, что человек уже отстоял самостоятельную вахту, а травинки из чужого мира ещё не сжевал. Потому что станция Сириус миром не считалась.

Сигма Дракона-d миром считалась, хотя колонией ещё не была. Лет десять назад планету обследовала комплексная планетологическая экспедиция, наметила места для городов и полей, подсчитала запасы полезных ископаемых в наиболее легкодоступных месторождениях, подготовила проспект колонизации… и положила его в архив.

Теперь планета ждала, когда наберётся тысяч десять желающих покинуть обжитые миры и строить свой собственный. Тем временем на ней обитала команда из десятка человек, которая собирала ряд наблюдений о климате и экосистемах, а также занималась адаптацией к условиям планеты различных культурных растений.

После маневров в районе точки скачка воды в баках осталось в обрез, только-только на работу системы жизнеобеспечения. Пришлось даже понизить уровень воды в бассейнах, так

что теперь глубина там была Карлу не с головой, а всего лишь по шею. Впрочем, это не мешало ему радостно плескаться в бассейне после каждого занятия на тренажёрах.

По предварительным расчётам Алины получалось, что для выхода на орбиту Сигмы Дракона-d придётся полностью осушить бассейны. Но если учесть, что сразу после выхода на орбиту надо готовиться к посадке и сворачивать жилую палубу, это не должно было создать дискомфорта экипажу и пассажирам.

Но человек предполагает, а Космос, или, в данном случае — планетарная погода, располагает. До выхода на орбиту оставалось ещё двое суток, когда вдруг прервалась связь с планетой. Болтавшиеся над нею спутники отвечали, а сама планета — нет. Серж вытащил из спутников свежие снимки того района, где располагалась база, но на них была видна только огромная облачная воронка. Похоже, базу накрыло тайфуном.

Капитан, Джилли и Алина посовещались и решили объявить базу терпящей бедствие. Поэтому вода из бассейнов сразу же пошла в сопло, а аврал по сворачиванию жилой палубы в нарушение обычных правил был объявлен ещё на гиперболической траектории подхода к планете.

В течение шести десятков килосекунд весь экипаж занимался вытаскиванием оборудования и закреплением его в кладовых, сдуванием надувных перегородок, вычисткой завалявшегося мусора, в общем, подготовкой палубы к упаковке. Потом воздух из палубы был откачан, и начался вакуумный аврал по укладке огромного кевларового бублика под щиты в специальные отсеки. Участия в аврале не принимали лишь юнги, не имевшие допуска к вакуумным работам, радист и все трое пилотов. Радист по-прежнему пытался пробить сигналом штормовые облака и связаться с базой, а пилоты готовились к посадке на «немую» планету, к тому же в сложных метеоусловиях.

К счастью, к тому моменту, когда «Марианна» начала аэродинамическое торможение, чуть ли не в 180° от базы, тайфун

уже ушёл. Удалось получить снимок с одного из спутников, на котором можно было разглядеть, что вроде не всё так плохо — река не забита плавучим мусором, крайне опасным для садящегося корабля, здания базы стоят.

Не успел экипаж «Марианны» порадоваться этому сообщению, как на корабль обрушилась четырёхкратная перегрузка — и через несколько минут прекратилась. Корабль вышел из атмосферы, но скорость его уже была не гиперболической, а эллиптической. Спустя десяток килосекунд ему снова предстояло встретиться с атмосферой, на этот раз нырнув на самое её дно.

Пользуясь передышкой, старпом Джилли формировал аварийную группу. Все равно экипаж в полном составе сидел в салоне, поскольку жилая палуба была свёрнута. По традиции в группу были включены сам Джилли, Афанасьич, а также Герхард как судовой врач. Неожиданно для Карла, его тоже пригласили в эту группу — по ходу дела могло потребоваться перепрограммирование ремонтных роботов, поэтому был нужен хороший робототехник.

Пятым в группу вошёл Каямура. Хотя планеты земного типа были не его специализацией, космонавты с большим пиететом относились к умению профессора-планетолога действовать на незнакомых планетах.

Члены группы надели лёгкие скафандры, закрепили на них аварийное снаряжение. Карл сунул в нагрудный карман ноутбук Торвальдыча — если что, лучше уж работать с роботами с привычной консоли.

Сразу после этого раздался предупреждающий сигнал. «Марианна» готовилась ещё раз коснуться атмосферы, и уже не просто притормозиться, а погрузиться в нее и идти на посадку. Все, включая аварийную группу, опять пристегнулись к креслам в салоне. На передней стенке вспыхнул большой экран, на который транслировалось изображение с камер в рубке. Фактически сейчас весь экипаж, кроме Сержа и Алины, занятых на своих постах, видел то же самое, что и пилоты.

Наконец корабль пробил лёгкие, максимум четырёхбалль-

ные перистые облака и с очень небольшой скоростью, километров четыреста в час, пошёл на высоте менее километра над руслом широкой реки, рассекавшей густые леса. Вот под крылом мелькнула расчищенная от леса поляна, а на ней несколько домиков. Услышав гул корабельных двигателей, из одного домика выскочил человек и замахал руками. Потом из трубы повалил густой дым.

— Ага, направление ветра показывают, — раздался из динамиков салона голос капитана. — Садимся вниз по течению.

«Марианна» качнула крыльями, поворачиваясь направо, потом ещё раз направо, и начала снижаться над широким плёсом. Касание, пробег, переход с глиссирования в водоизмещающий режим — и вот уже она, как довольно неповоротливый крупный корабль, не спеша ползёт к берегу.

В этот момент на береговом откосе появился человек и начал размахивать флажками.

Очевидно, большая часть экипажа свободно читала флажный семафор. А вот Карл как-то не удосужился его освоить. Впрочем, писал он явно не слова, а кодовые комбинации какого-то сигнального свода.

— Все целы, особых разрушений нет, — облегчённо вздохнул Джилли. — Только нарушено снабжение энергией и сорвана антенна. Вполне можно было подождать на орбите, пока они починят антенну и выйдут на связь. Ну да ладно, поможем ребятам. Аварийная группа, на выход!

Карл вслед за Каямурой поднялся на крышу корпуса, и в лицо ему ударил свежий речной ветер. Чуть сзади выхода из салона открылись громоздкие створки первого трюма. Афанасьич легко спрыгнул туда и через несколько секунд оказался за пультом небольшого крана с суставчатой стрелой. Стрела была жёлтая, и на этом фоне кто-то зелёной краской нарисовал эльфа-лучника, чем-то похожего на Герхарда, и написал: «Не стой под стрелой!»

Афанасьич зацепил краном оранжевый пластиковый тюк. Карл мгновенно понял, что это такое, спрыгнул внутрь трю-

ма и через несколько секунд выбрался обратно со шлангом от компрессора в руке. Тем временем Афанасьич опустил надувной понтон на крыло, поверхность которого была в полуметре от воды. Пока Лада выбирала место для стоянки, разворачивала корабль вверх по течению и отдавала якорь, две моторных лодки и большой понтон-катамаран, способный поднять двадцатифутовый контейнер, уже были готовы к спуску.

И вот лодка идёт к берегу. Бьётся в надувные борта короткая речная волна, негромко гудит подвесной мотор на корме, в лицо летят брызги, срываемые ветром с гребней. Джилли на корме, у руля. Перед ним три универсальных ремонтных робота-ведроида — так их прозвали за то, что с виду они похожи на пятидесятилитровые бочки, стоящие стоймя на маленьких гусеницах.

«Куда я попал? — думал Карл, сидя на аварийном стокиловаттном генераторе. — Девственная планета, едва не сбросившая с себя единственное человеческое поселение. Река в полтора раза шире Дуная, лёгкий скафандр, брызги в лицо. А рядом сидит Каямура, человек, который считает землян врагами всего, что ему дорого, и вот сейчас вместе с ним мы отправляемся кого-то спасать. Мог ли я ещё полгода назад представить себе, что угожу в такой приключенческий сюжет? Был же тихим мирным кабинетным инженером. . . »

Лодка ткнулась носом в берег. Афанасьич ухватился за генератор. Карл вскочил, взялся за агрегат с другой стороны, и они почти бегом поволокли машину в полцентнера весом вверх по песчаному откосу, в котором было вытоптано что-то вроде лестницы, чисто символически укреплённой какими-то ветками.

Взбежав наверх, они почти уронили генератор на землю. Карл озабоченно оглянулся на обрыв: его не оставляло ощущение, что ведроиды, созданные для перемещения в узких технологических отсеках космического корабля, окажутся беспомощны на естественной поверхности планеты. Но нет, они довольно бодро лезли по откосу вслед за людьми, успешно пре-

одолевали крутые ступеньки, помогая себе манипуляторами.

К Афанасьичу подошёл местный парень, тот самый, который семафорил флажками садящемуся кораблю. Короткий обмен репликами, и они уже тащат генератор к столбу с распределительным щитом.

Карл занялся запуском машины — у малогабаритного термоядерного генератора это не столь уж тривиальный процесс, тем более что его аварийная версия оснащена минимумом электроники, чтобы не быть выведенной из строя электромагнитным импульсом. Афанасьич полез в щит присоединять кабель зажимами-крокодилами, и через несколько минут, наблюдая за подёргивающейся стрелкой амперметра, Карл представлял себе, как где-то в этих небольших домиках раскручиваются компрессоры холодильников, загружаются компьютеры, прогреваются выходные каскады радиопередатчиков космической связи...

— А где ваш-то резерв? — спросил Афанасьич. — Должен же у вас быть резервный генератор.

Местный безнадёжно махнул рукой куда-то за домики.

Карл посмотрел в указанную сторону и сначала не понял, что там такое — какая-то мешанина листьев, веток, щепок, листов металла, по которой лазают два человека со странно тарахтящими цепными пилами, а рядом ещё один тянет трос к маленькому трактору. Через пару секунд он сообразил, в чем дело: на этом месте стоял небольшой сарайчик, на который рухнуло развесистое вековое дерево. Сейчас аборигены распиливали его на отдельные ветки и оттаскивали в сторону, желая добраться до содержимого сарайчика.

Карл свистнул одного из ведроидов и подошёл к сарайчику. Заклиненная дверь уже была вырвана с мясом, и можно было увидеть стоящий внутри аварийный генератор.

С удивлением Карл понял, что это машинка с двигателем внутреннего сгорания. Весила она примерно столько же, сколько только что пущенный в ход аварийный генератор «Марианны», а мощности давала раз в десять меньше. Плоский бак для

горючего, располагавшийся в верхней части агрегата, был погнут и пробит ветками дерева. Под агрегатом темнела лужа, издававшая противный сивушный запах.

— По-моему, это ремонтируется... — задумчиво сказал Карл себе под нос.

— Что? — моментально отозвался абориген, возившийся с трактором.

— Генератор, говорю, ремонтируется. Похоже, бак принял весь удар на себя, а механика не пострадала.

— Точно? — абориген нырнул под ствол, нависший над дверным косяком. — Помоги-ка мне его вытащить.

Вдвоём они выволокли агрегат из сарайчика. Осмотрев его со всех сторон, Карл понял, что положение несколько хуже, чем ему показалось сначала, но отступаться от своих слов не собирался. На кораблях ВКФ после боев с шияарами и не такое чинили.

— Есть у вас руководство по ремонту этой штуковины?

— Где-то есть. В компьютере. Пока не поднимем питание, не добудешь, — тракторист явно ещё не знал, что привезённый с корабля аварийный генератор уже запущен.

Карл потянул ноутбук из нагрудного кармана. Базовая станция беспроводной сети уже поднялась, и ноутбук с лёгкостью подключился к ней. Естественно, никаких паролей, никаких защит. Зачем, если на всей планете нет ни одного постороннего? Вот местный файловый сервер, тоже уже загрузился. Ага, а вот и документация на технику. Естественно, у руководства по ремонту в качестве приложения имеется программа для универсальных ремонтных роботов. Вот сейчас мы и зальём ее в ведроида. Только надо поменять блок обращения с механически повреждёнными деталями со стандартного «оторвать как попало и выбросить» на взятую с боевого корабля библиотеку аккуратной разборки для последующего ремонта.

Карл огляделся вокруг, пытаясь понять, куда его занесло. Несколько бревенчатых домиков с крышами из профилированного алюминиевого листа, дощатые сараи, всё это опутано про-

ходящими по воздуху электрическими проводами, кусочки явно возделанной земли, обнесённые проволочными изгородями с бубенчиками — видимо, для отпугивания местного зверья.

— Что, в первый раз такое видишь? — подошёл к нему Джилли. — А ведь большая часть населения колоний примерно так и живёт. Малая ГЭС для электричества, ферментер для подвижной техники и сплошная природа кругом. Правда, обычно люди всё же селятся деревнями по десять-двадцать домов — вместе легче. Ну и, естественно, на заселённых планетах есть возможность сесть на авиетку и слетать в город, где рынок, больница и сервисное бюро по технически сложным товарам, поэтому никто не держит в сарае силуминовый фаббер. А здесь, пока не прилетит кто-то типа нас, не жди никакой помощи, — он сокрушенно вздохнул. — Ладно, твой робот без тебя справится? Тогда пошли, поможем чинить их ГЭС.

— А что у них тут заливают в качестве топлива? — Карл принюхался к баку, который робот уже успел отвинтить от генератора.

Прежде чем Джилли успел ответить, отреагировал тракторист:

— Слушай, парень, ты откуда? Из-под Процио́на, что ли? Где ещё можно дорасти до бритья и ни разу в жизни не видать бутанолового ферментера?

— Нет, я с Земли.

— Да все мы с какой-нибудь земли. Ну, кроме некоторых из-под Беты Гидры, которые с воды. Я, например, с Земли Ольги Лазаревой, это под Ахирдом[1].

— Да нет, я с той Земли, которая под Солнцем.

— В Солнечной системе обитаемая планета вроде называется Марс. И там тоже, как под Процио́ном, живут под куполами. А Земля с большой буквы — это которую в школе по истории проходят? Помнится, с ней было что-то не так...

— Можно и так сказать. Но тем не менее я именно оттуда.

[1] Ахирд – η Кассиопеи, G0V, 19.2 световых лет от Солнца

— Тогда любуйся, — тракторист показал на цилиндрическое сооружение, сложенное из камней на цементе, чуть выше пояса и примерно полутораметрового диаметра. Сверху его прикрывала эмалированная крышка, явно сделанная на каком-то более серьёзном предприятии, чем силуминовый фаббер в сарае. — Кидаешь туда всякую органику, а там живут специальные бактерии, которые сбраживают ее не в этиловый, а в изобутиловый спирт. Он лучше подходит в качестве моторного топлива, к тому же перегонять не надо — сам всплывает на поверхность. Там достаточно хитрый флотационный сепаратор, который отделяет его от воды. Энергии почти не требует, только воздух прокачивай. Вон, — он пнул ногой валяющийся рядом с ферментером ножной насос. — Пока электричества не было, подкачивали вот этим, чтоб бактерии не передохли.

— А что именно не так с Землёй? — спросил тракторист, когда Карл оценил ферментер.

— Не знаю, что не так с вашей спейсианской точки зрения. Для меня там все так. И вообще лучше спроси вон у того дядьки, — Карл, давя ухмылку, указал на Каямуру, который вместе с прочей аварийной группой с «Марианны» ждал, пока Карл и тракторист закончат разбираться с роботом. — Это профессор Каямура, известный планетолог, он занимается земной угрозой дольше, чем я живу на свете.

ГЭС располагалась в полукилометре от посёлка, на небольшой быстрой речушке, впадающей в огромную реку, послужившую «Марианне» гидроаэродромом. К ней вела просека с наезженной колеёй, а по ней шёл ряд деревянных столбов с неизолированными алюминиевыми проводами, которые крепились на что-то вроде стеклянных рюмок на вбитых в столбы крюках. Ураган вывернул четыре столба и в шести местах уронил на провода деревья. Пострадала и сама плотина, а водовод, подающий воду к турбине, забился плавучим мусором.

Здесь роботам было нечего делать — на работу в воде, да ещё при сильном течении, они были совершенно не рассчитаны. Пришлось лезть в воду людям. Карла неприятно удивило, на-

сколько холодна вода в этой речке, текущей с ближних гор — она ощутимо холодила даже через лёгкий скафандр. Однако местные жители лезли в воду, раздевшись догола. Правда, на берегу водохранилища они развели здоровенный костёр из наломанных ураганом сучьев и каждые несколько минут выскакивали греться около него.

К обеду удалось более-менее расчистить водовод к турбине и затвор для спуска воды. Вода пошла по положенному ей пути. Но оставалась ещё работа по восстановлению повреждённой плотины и ремонт линии электропередачи.

На обед вся команда вернулась в посёлок. Очень вовремя — робот как раз закончил возиться с генератором, осталось только заварить бак, пробитый суком. На эту операцию искусственного интеллекта уже не хватало, и Карлу пришлось взять дело в свои руки. Он раздобыл у тракториста Мигеля некоторое количество ненужных железяк и, пользуясь сварочным аппаратом робота, соорудил из них хитрую конструкцию, похожую не то на самовар, не то на кальян. Налил воды, набил чашечку сухими листьями, в изобилии валявшимися под ногами, и зажёг.

— Что это ты делаешь? — спросил Мигель.

— Понимаешь, просто так варить топливный бак опасно — могут взорваться пары топлива. Надо наполнить его инертным газом. Детандера у вас, само собой, нет, зато горючей органики полно. Значит, самый легкодоступный негорючий газ — охлаждённый дым. Вот я и сварганил нечто вроде кальяна.

— Чего-чего?

— Много лет назад у разных народов на Земле в качестве отдыха было популярно вдыхание дыма разных наркотических растений, и для производства такого дыма изобретали всякие приспособления. Например, кальян отличается тем, что дым пропускается через воду, чтобы не был слишком горячим. Самое то, что нам сейчас нужно.

Он присоединил к кальяну ножной насос, снятый Мигелем с ферментера, когда обнаружилось, что космонавты дали ток

со своего генератора, и начал накачивать в бак получившийся дым. Через пятнадцать минут ремонт был завершён. Мигель приволок ведро бутанола, его залили в бак, и Карл торжественно дёрнул за верёвку старомодного ручного стартера. Мотор чихнул и затарахтел. Мигель настороженно прислушался, а затем хлопнул Карла по плечу:

— Ну, парень, ты крут! Я-то думал, что этой железке теперь ржаветь, пока не прилетят колонисты и не наладят переработку металлолома. А она у тебя опять крутится. У вас на Земле все такие продвинутые?

— Нет, — отшутился Карл. — Только те, кто решился оттуда улететь.

После обеда работы на ГЭС продолжились. Теперь на плотине работали только космонавты, а местные жители трактором таскали из леса бревна, распиливали упавшие деревья, восстанавливали столбы.

Карл с удивлением отмечал про себя, как это делается на неосвоенных планетах. Вот трактор тащит свежеспиленное дерево с наскоро обрубленными сучьями. Вот два парня простыми железными скобелями, как в средневековье, вручную ошкуривают бревно, вот его протаскивают по козлам над большим костром и мажут разогретое дерево какой-то пропиткой. Все древесные отходы летят в тот же костёр.

Наверное, если бы здесь уже была колония и приличная плотность населения, рубка леса бы как-нибудь регулировалась, но когда на всю планету два десятка человек, деревья можно рубить где попало и как попало. Хотя оставить обрезки гнить на земле эти ребята, похоже, были органически не способны — все, что не пошло в костёр, грузилось в тракторный прицеп и, видимо, должно было попасть в ферментер.

Уже стемнело, когда начальник станции торжественно перебросил рубильник и подал в сеть посёлка энергию от ГЭС.

Джилли, как начальник аварийной партии, больше других вкалывавший на ремонте, испарился нести вахту на «Марианне» как раз тогда, когда можно было пожинать плоды успе-

ха, а вместо него под большим навесом в центре посёлка, где горели яркие лампы и стояли столы, появились капитан и Лада в сопровождении всех юнг.

Лада быстро перезнакомилась со всеми аборигенами и уже выясняла у ботаника станции:

— Эжен, а какую траву тут можно есть?

— А тебе зачем?

— Да вот, есть такой ритуал: когда космонавт в первый раз в жизни попадает на другую планету, он должен выпить стакан воды из местного ручья или родника и сжевать местную травинку.

— Ну раз ритуал, тогда да... — Эжен потянул из висящих на поясе ножен здоровенный охотничий нож и скрылся в темноте за домом. Через несколько минут он вернулся, держа в руках несколько стеблей в человеческий рост.

— Кто тут собрался пастись на нашей траве?

Лада указала на Карла.

— Держи.

Карл с сомнением разглядывал вручённый ему толстый стебель. Попробовал на зуб — и расплылся в широкой улыбке. А затем вгрызся в стебель с энтузиазмом, какого, наверное, не испытывал с детских лет.

— А нам?! — дружно завопили юнги, посмотрев на его лицо.

Эжен, улыбаясь, нарубил остальные стебли на полуметровые куски и раздал всей молодёжи, включая Ладу. Персонал биостанции переглядывался, сдерживая смех.

Видя недоуменные выражения на лицах старших членов экипажа «Марианны», Эжен пояснил:

— Это культурный сахарный тростник. Он у нас тут хорошо прижился. Получается даже слаще, чем под Бетой.

После окончания торжественного ужина, посвящённого прибытию корабля и восстановлению ГЭС, вдруг оказалось, что «Марианне» уже нечего делать на планете. Пока аварийная партия возилась с ГЭС, остальные члены экипажа успели разгрузить то, ради чего корабль и зашёл в эту систему,

перелить из компьютеров биостанции отчёты и письма, которые следовало передать в обитаемую часть Галактики, и даже заполнить речной водой баки для рабочего тела. Осталось вернуться на корабль да упаковать надувные лодки и всякое аварийное снаряжение.

Естественно, ни о каком бордингаузе на экобиостанции речи не шло, потому ночевать пришлось в спартанских условиях — в противоперегрузочных креслах маленького салона в основном корпусе «Марианны», предназначенного для размещения людей при взлёте и посадке. Салон был рассчитан человек на пятьдесят, полную пассажирскую загрузку, а сейчас вместе с пассажирами не набиралось и двадцати, поэтому разместились достаточно свободно.

Лада, правда, предлагала немедленно взлететь, развернуть жилую палубу и уж отдыхать так отдыхать. Но капитан шикнул на нее: мол, все пилоты и механики устали, какой тут взлёт. А уж на аврале все точно попадают. Да и расположение планет неправильное. Вот завтра в полдень взлетим — и сразу на параболу, ведущую прямо к точке скачка.

Ночью Карл вдруг проснулся от того, что в соседнем кресле всхлипывала Лада. Он нежно обнял ее и почувствовал, что девушку буквально бьёт дрожь.

— Лада, милая, что с тобой? — он осторожно потряс ее за плечо.

— Мне страшно, — девушка открыла глаза. — Не обращай внимания, это реакция.

— Как не обращать внимания?!

— Так... Все равно ничего с этим сделать нельзя. Пройдёт.

— А чего боишься-то?

— Сегодняшней посадки. Ты не представляешь, какой это был риск. На гиперболической скорости в атмосферу, причём здесь, где она не больно-то изучена, да ещё метеослужба не отвечает. Все на интуиции, на кончиках пальцев, на вестибулярке. Я такое делаю в первый раз.

— Но тебя же кэп страховал.

— Ну и что? Все равно страшно. Пока летели, не до того было, пока вы там что-то героически чинили, тоже не до того. А сейчас отпускает. Не обращай внимания, пройдёт.

Карл притянул её к себе и покрепче обнял.

— У тебя в объятиях так хорошо, тепло, страх отпускает, — сонным голосом прошептала Лада. — Но ты же сам так не заснёшь.

— Значит, будем спать по очереди.

Когда небо за иллюминаторами салона посветлело, Карл аккуратно переложил Ладу на соседнее кресло, встал, потянулся и зачем-то решил выбраться на крышу фюзеляжа. К его удивлению, там обнаружился капитан с чашкой кофе в руках, любующийся берегами реки под рассветными лучами Сигмы Дракона.

Карл рассказал ему про ночные события.

— А, не бери в голову, — ответил капитан. — Это абсолютно нормально. Такие кошмары — неизбежный этап взросления пилота. И я, и Джилли тоже в свое время не раз просыпались в холодном поту, переживая катастрофы, которых не случилось в реальности. Девочке ещё повезло, что рядом оказался большой теплый парень, в которого можно уткнуться носом и согреться в его тепле. А большинству приходится переживать такие ночи самостоятельно. И только утром можно прийти к учителю, чтобы объяснил и успокоил.

Порыв ветра сорвал мелкие брызги с короткой волны с барашками и добросил их до людей, стоявших на пятиметровой высоте над уровнем воды. Свет чужой звезды, река, запах свежести, лёгкое покачивание огромного корпуса звездолета на короткой речной волне, свежая зелень листвы, песчаные обрывы... Карлу показалось, что до сих пор у него никогда не было таких ярких впечатлений от жизни, как в последние сутки.

— Это потому, что первая чужая планета? — спросил он у капитана.

Тот задумался:

— Да пожалуй, нет. Это всегда так. Может быть, это и есть

то, ради чего мы терпим месяцы заключения в надувных кевларовых мешках. Зато когда попадаешь на планету — не важно, в первый раз ты на ней или она тебе знакома как родная — то дышишь ею полной грудью.

— Дикая планета, — поднял Карл другую тему. — Три домика, силуминовый фаббер в сарае, бутаноловый ферментер на заднем дворе… Даже трудно представить, как это будет, когда начнётся колонизация.

— Как-как, — отозвался капитан. — Как оно и бывает обычно. Построят в Сильверхавне кораблик тысяч на десять тонн, набьют его всякими металлургическими печами, линиями разливки и роботами-сборщиками, добавят немного карьерных самосвалов с экскаваторами и отправят под Сигму Дракона. Здесь его посадят где-нибудь неподалёку. Обычно экобиостанцию ставят на месте, которое по данным разведки лучше всего подходит для первого города, то есть рядом основные полезные ископаемые. Потом на пассажирских кораблях, временно снятых с регулярных линий между густонаселёнными мирами, привезут тысяч десять, а то и двадцать колонистов. За год-другой они тут возделают землю в радиусе километров пятьдесят вокруг корабля-завода, а вокруг него построят город. Потом постепенно группки людей будут отделяться от основной колонии и создавать анклавы вблизи месторождений чего-нибудь ценного и прочих интересных природных объектов. Лет через двадцать уже будут дороги, газеты, морское судоходство и рейсовая авиация.

На крышу фюзеляжа выбрался Каямура и, увидев Карла, раздражённо спросил:

— Зачем ты вчера натравил на меня этого Мигеля? За ужином он меня замучил, выясняя, что именно не так с вашей Землёй!

— Так я же хитрый злобный землянин, — ответил Карл, ухмыляясь во весь рот. — А любимое развлечение хитрых злобных землян — подстраивать, чтобы вместо них неприятную работу делали другие. Вот с шияарами вместо нас двадцать лет

назад сражались арктурианцы... а объяснять тёмному архидцу, что не так с Землёй, лучше предоставить харанцу.

— Ага, как движок чинить или там бревна на плотине ворочать, так своими руками...

Карл на секунду задумался:

— Положим, движок чинил робот. А что касается брёвен на плотине, то хитрые злобные земляне настолько беспринципны, что иногда под настроение нарушают даже принцип делать работу чужими руками. Вот!

* * *

Через несколько дней после старта, когда до точки скачка осталось всего ничего, Синтия, встретив Карла в кают-компании, поделилась свежей новостью:

— Знаешь, а Мигель такой отчёт забабахал в diy.repair.motor.4stroke про твой ремонт генератора!

Карл не понял, о чем речь, и засыпал её вопросами. Оказалось, что в колониях процветает древняя-древняя технология обмена новостями, почти вымершая на Земле в начале XXI века, под названием Usenet.

Карл докопался в справочной системе корабельного сервера до основополагающих документов, называвшихся на заре интернета Request For Comments и датированных вторым тысячелетием от Рождества Христова. Спейсианина, наверное, скорее впечатлила бы трёхзначная цифра 566 мегасекунд от «начала эпохи». Но Карл-то был землянином. Для него цифра 1987 была намного понятнее и внушительнее.

Эта система новостей совершенно не зависела от транспорта и могла работать хоть по синхронным каналам IPv6, хоть по асинхронным межпланетным DTN/BP, хоть путем перевозки архивов на кораблях. Она была рассчитана на то, что несколько копий одного и того же сообщения придут в конкретную точку сети разными путями с интервалом хоть в несколько месяцев.

Иерархия групп новостей здесь была совершенно не такой, какую Карл помнил по лекциям истории компьютерных сетей в родном TUW. Здесь была почти незаметной иерархия alt, зато колоссально разрослась sci, работавшая, по-видимому, заменой нормальных научных журналов.

Была крайне странная иерархия star, с подразделами по именам всех обитаемых систем, почти пустыми. Какие-то сообщения были только в star.toliman, star.sirius и star.sol. Видимо, это были локальные объявления, никому за пределами системы не интересные. Поэтому что-то, попадало туда только во время пребывания корабля в соответствующей системе, и содержимое star.arkturus уже успело почиститься, как устаревшее.

Ещё на верхний уровень вылезли такие вещи, как sky, sea, space, forest и agro. Ну и упомянутая Синтией иерархия diy, состоящая в основном из описаний, как что-то сделать, не имея под рукой подходящего профессионального оборудования. О том, как что-то делать, имея профессиональное оборудование, писали в иерархиях dev, eng и craft.

Почему ремонт моторного генератора с помощью универсального космического ремонтного робота попал в diy.repair, а не в eng.repair.robotic или space.repair.landing-equipment, Карл, в общем, не понял. Но, наверное, механику экобиостанции, с детства пользующемуся этой системой, было виднее.

Отчёт был хорош. В отличие от древнего земного usenet-а, процветавшего в эпоху алфавитно-цифровых дисплеев, здесь не стеснялись использовать иллюстрации, способ упаковки которых в письмо описывался RFC уже из третьей тысячи, датированным началом XXI века. А Карл по просьбе Мигеля слил ему полный видеопротокол ремонта, записанный роботом.

На Земле из такого, пожалуй, смонтировали бы видео с голосовыми комментариями, а здесь это почему-то был письменный текст с фотографиями и схемами, явно нарисованными в каком-то достаточно серьёзном CAD.

Глава 27

Игра в драконов

Где носит Ринку? В Порт-Шамбале выяснить этот вопрос не просто, а очень просто — данные системы позиционирования не заслуживают статуса приватной информации. Ага, подростковый развлекательный центр, который рядом со школой, сектор компьютерных игр, кабинет номер 28.

Джек осторожно заглянул в дверь небольшой комнатки. Рина сосредоточено прыгала перед большим экраном, играя в какую-то компьютерную игру с управлением жестами. Судя по наличию на экране какого-то старика в балахоне и с жезлом, игра относилась к популярному на Земле жанру фэнтези.

Но вот экран залился красным цветом, а потом появилась заставка с симпатичной драконьей мордочкой. Похоже, её там убили, значит, можно отвлечь.

— Ринка, привет. Во что режешься?

— А-а, привет. Это «Последний драконлорд». Играл?

— Нет. Она же всего пару месяцев как вышла, а мне в последнее время и симуляторов по программе во-о-т так хватает, — Джек вздохнул, вспоминая, насколько легка и беззаботна жизнь подмастерья, пусть даже юнги в военном флоте, по сравнению с жизнью курсанта Военно-Космической Академии.

— Жалко. Думала, ты мне поможешь. А то я тут никак не могу пройти один эпизод, — Рина загрузила файл сохра-

нения. — Смотри, вот этот гад запер меня в драконьем теле в узкой пещере. Ни хвостом размахнуться, ни зубами его уцепить. А дунуть огнём в замкнутом пространстве — сама себя сожжёшь, да и всё равно у гада иммунитет против огненной атаки.

— В узкой пещере, говоришь? — Джек на секунду задумался. — В драконьем теле, покрытом пуленепробиваемой чешуёй? Знаешь, а потрись-ка ты просто плечиком о стенку, где он стоит.

Рина попробовала. Из динамиков раздался сдавленный хрип и хруст ломающихся костей. Она немного сместилась и посмотрела на плечо. На экране раздвоенный драконий язык потянулся к неаппетитному красному пятну на чешуе.

— Я б не стал языком, — прокомментировал Джек. — А вдруг он ядовитый?

— Фигня, драконы ядов не боятся, — девочка нажала на кнопку сохранения, вытащила парня из угла, куда он отступил, чтобы не попасть в поле зрения камер, отслеживающих жесты игрока, и несколько раз прокрутила его в ритме вальса, а потом звучно чмокнула в щеку: — Получилось, получилось, получилось! Но как ты догадался?

— Три года юнгой на «Нельсоне», — с чувством гордости собой произнёс Джек. — Про лазанье по узким трубам и колодцам я знаю все, что про это стоит знать.

— Интересно, какой рейтинг у этого безобразия? — раздался вдруг голос от двери. Ребята оглянулись и увидели в дверях Мару.

— А что такое рейтинг?

— Когда игру запускала, на заставке был код из пары букв и цифр?

— Был. NC-16. А что это значит?

— А это значит, что вам в эту игру играть ещё рано, и даже мне только неделю как можно. Расшифровывается как «not for children before 16».

— И что теперь? — настороженно спросила Рина.

— Да ничего. Можно подумать, вас касаются глупые предрассудки землян насчёт возраста. Ты ведь уже не раз ассистировала на полостной операции, значит, видом кишок тебя даже вживую не удивить, не то что на экране. А скорее всего рейтинг выставили из-за таких реалистичных сцен, вроде этого размазанного по стенке. Чем ты его, кстати?

— Плечом. Драконьим.

— Хотя, конечно, там ещё могут быть какие-то сексуальные сцены. . .

— Пока не было. Судя по тому, что пишут на форуме, в конце есть какой-то принц, с которым можно целоваться, но это максимум. Ну и в самом начале была какая-то банда наёмников. Я даже не сообразила, что они могли целиться не только на кошелёк, как уже всех положила.

— Ладно, если увидишь что непонятное, придёшь спросишь. А я тебе вот что хотела сказать: тут в систему вошёл транспортник из-под Арктура, который после Солнечной системы идёт сразу под Бету. Подумай: если ты собираешься поступать в БМА, ещё раз такой удобной оказии не будет. Под Бету от нас обычно попадают с пересадкой либо под Толиманом, либо под Арктуром. Поговори со своим мастером — может, имеет смысл добрать стаж подмастерья под патронажем судового врача этого транспортника.

Глава 28

Рукопись, найденная в ноутбуке

Циркуляционный насос второй гидропонной секции регенерации воздуха уже третий день мотал нервы всей механической команде «Марианны». Алина клятвенно обещала его сменить на первой же цивилизованной планете. Но до этой планеты надо было ещё добраться.

Всю вахту Карл сидел, кося взглядом на панель мониторинга СЖО, а проклятый насос водил его за нос, дожидаясь пока он отвлечётся. Не дождался. Принимая у Карла вахту, Алина сказала:

— Слушай, ноутбук Торвальдыча же у тебя. Поройся там в его файлах, у него там были какие-то личные заметки, может быть, что-то и про этот насос было.

Карл отправился в свою каюту и включил ноутбук. Напряжённое ожидание аварии в течении 20 килосекунд полностью вымотало его эмоционально, поэтому он очень скоро перестал искать что-то целенаправленно, а стал бессмысленно проглядывать файлы в домашнем каталоге Торвальдыча. Надо было бы бросить это безнадёжное дело и пойти в спортзал, а лучше в бассейн. Но не было никаких моральных сил.

Вдруг на глаза ему попался текстовый файл с именем

«Jarð endurminningar föður»[1]. Несмотря на исландское название, внутри оказался текст на вполне удобочитаемом немецком.

Гуннар, я оставляю эти записки тебе. Сам я так и не решился их опубликовать. Отношения колоний с Землёй и так достаточно натянуты, чтобы подливать масла в огонь. Может быть, когда-нибудь ситуация изменится, и ты сочтёшь нужным предать это гласности. Почему тебе, а не другим моим детям? Ты — космонавт, твой мир — это вся Ойкумена человечества. А твои братья и сестры — фермеры или механики. Они мыслят категориями своего городка, региона, в лучшем случае планеты.

Идея отправиться на Землю свалилась на нашу семью внезапно. До этого в течение года папа был занят по уши, появляясь домой только спать, да и то не каждый день. Как он потом объяснил мне, это была оценка запасов месторождения, вокруг которого потом вырос город Лег-Энд.

В те времена Лег-Энд был маленьким посёлком. Геологи, биостанция, медпункт, где работала мама, и ремонтная мастерская, в которой я был подмастерьем.

И вот в один прекрасный день папа вернулся из Лерны, куда он ездил сдавать запасы. И рассказал, что за эту работу получил бонус в сто тысяч беталеров. По тем временам это была совершенно огромная сумма. Больше того, что папа с мамой вдвоём зарабатывали за год. Наш, бетанский год.

Куда это девать, было совершенно непонятно. Дом у нас уже был. Менять профессию и заводить собственное дело вроде никто не собирался. Поменять старенький папин конвертоплан на что-нибудь более новое и мощное? Но на это нужно тысяч десять.

И тут мама предложила съездить в отпуск на Землю. Пожалуй, если бы мы поехали всей семьёй, папиного бонуса ещё бы и не хватило. Но Хильда уже была замужем и ждала ребёнка, Лейф ещё не женился, но уже был близок к этому, и вообще у него близился к завершению его первый самосто-

[1]Земные записки отца (исл.)

ятельный проект. Даже Гудрун, которая училась на выпускном курсе колледжа, отказалась. В результате на Землю мы полетели втроём.

После Лемурийского Инцидента идея посетить Землю людям в голову приходила не так уж часто. Больно уж там общество по-ненормальному устроено. Но моя мама родилась на Земле. И под Бету прилетела перед самым Инцидентом. Поэтому ей могла прийти в голову мысль показать мужу и сыну свои родные места.

На Земле я внезапно узнал, что у меня есть бабушка. Это сейчас, если у ребёнка нет двух бабушек, то что-то не так. А в те времена, если у подростка в возрасте подмастерья была хотя бы одна бабушка, то он считался счастливчиком. Слишком много было детей колонистов в первом поколении, родители которых остались на Земле. Да и не все родители колонистов второго поколения дожили до внуков. Мой папа, например, рос без матери чуть ли не с дошкольного возраста.

Отношения моей мамы со своей матерью были какими-то странными. Её родители развелись, когда ей было лет семь (земных), и она росла с отцом. И в каком-то очень юном по земным меркам возрасте была им отпущена колонизировать Мир Беты Южной Гидры. С чем бабушка была категорически не согласна.

Наверное, за это время бабушка уже успела привыкнуть к тому, что дочери у неё нет. И тут эта дочь буквально с неба сваливается, причём с мужем и сыном.

По-моему, мама за семнадцать бетанских лет взрослой жизни позабыла, кто такая бабушка Элеонора. Во всяком случае, когда она отбирала фото и видео для показа бабушке, она ориентировалась на кого-то более спокойного и готового принять отличия в образе жизни.

Мама долго сидела у бабушкиного компьютера, показывая ей наши фотографии и рассказывая о своей жизни. Мы с папой сидели на диване, рассматривая старинные книги из бабушкиной библиотеки, и в разговор почти не вмешивались. Только

как-то раз мама попросила меня пересчитать возраст Гудрун в земные годы. Почему-то она считала, что у меня получится лучше всего, хотя за компьютером сидела она. Ну что, у меня коммуникатора в кармане, что ли, нет? Получилось 16 лет. Вместо наших десяти.

Подозреваю, что даже в этих фотографиях было что-то, что напугало бабушку до полусмерти. Но потом, вечером, папа с мамой отправились в Оперу на стоячие места, а меня оставили у бабушки. Тут-то я развернулся.

У меня в коммуникаторе была большая коллекция фотографий. Ну чем может гордиться подросток-подмастерье на самом что ни на есть глухом фронтире?

Вот я наступаю ногой на тушу первого мной заваленного сноутроттера. Вот я за штурвалом лёгкой авиетки.

Вот мы с Лейфом зимой ветряк чиним. Мне пришлось долго объяснять бабушке, что нет, упасть мы не могли, Лейф тогда уже на третьем курсе архитектурного колледжа учился, а в них технику страховки на высоте та-а-ак вбивают. И зачем я держу в зубах аккумуляторный фен Гудрун. Ну холодно же, двадцать градусов. А там мелкие гайки. Если не подогреть феном, руки примёрзнут.

Но больше всего бабушку почему-то потрясло, как я обнимаюсь с дельфином в гостях у Йоргенсонов. По-моему, совершенно естественная идея — на зимние каникулы поехать отдыхать на тёплое море. А тут у Хильды образовалась приятельница с систеда. И мы все вчетвером закатились к ним в гости. А дельфины — они же такие симпатичные и ласковые. Правда, конечно, рыбой воняют, но на фотографии же этого не видно. Я потом ещё много раз показывал это фото разным землянам, и все почему-то впадали в панику из-за того, что подросток вот так вот плескается в океане над глубиной в три тысячи метров и в паре сотен миль от ближайшего берега.

Между прочим, у нас в Лег-Энде в горных речках в метр глубиной и в десять шириной тонут гораздо больше, чем на

систедах. Потому что холодно и течение. Шарахнет макушкой о камень, и приплыл.

Конечно, я про всё это бабушке рассказывал. Ну откуда я мог знать, что на Земле идея самому заботиться о собственной безопасности кажется дикой.

Потом пришли из Оперы родители, и мы отправились ночевать в отель. На следующий день весь день гуляли по Вене, а через день должны были улететь в Париж. Но вечером в отеле нас ждали какие-то странные тётки из службы опеки вместе с полицейским в форме. Они долго беседовали с родителями, а потом потребовали, чтобы я пошёл с ними.

Папа мне сказал, чтобы я не волновался, это недоразумение, и оно обязательно быстро разрешится. Пока я должен вести себя хорошо и не злить сотрудников того заведения, куда меня отправят.

Заведение, куда меня привезли, было похоже на приличный колледж где-нибудь в Лерне. Большая, заросшая старыми деревьями территория, куча всяких площадок, трёхэтажное здание, которое частично занимали многоместные спальни, а частично учебные классы. В общем, не тюрьма и не каторга.

Принимал меня там пожилой дядька, который сразу предложил называть его «дядя Базиль». Потом я выяснил, что это был очень известный учитель и детский психолог. Не знаю уж, что ему про меня наговорили, но он вёл себя поначалу со мной так, как будто ему привезли дикого зверёнка из дикого леса.

Когда он выяснил, что я способен членораздельно разговаривать по-немецки и имею представление о том, что такое гигиена, он сильно успокоился.

Сначала они хотели меня переодеть в какую-то странную пижаму клоунской расцветки, но мне удалось уговорить их пока этого не делать. Когда я им начал шпарить чуть ли не цитатами из учебника по психологии, что вот я оторванный от семьи, в новой обстановке, нахожусь в состоянии стресса, а у этих вещей родной и знакомый запах, они быстро усту-

пили. Я же не знал тогда, что на Земле в начальной школе детей не учат психологии.

Ещё они заинтересовались содержимым моих карманов. Всего-то у меня в карманах было, что коммуникатор, бетанский, который с земными сетями связи не работает, складной нож и аттестат, который тогда ещё не называли бета-листом. Помня, что папа велел не идти зря на конфликты, я вынул всё это и показал.

Дядя Базиль сказал, что средства связи воспитанникам иметь не полагается. На что я сказал, что средством связи мой коммуникатор сейчас работать не может, и предложил ему набрать любой номер. Так что это просто электронная энциклопедия, калькулятор и так далее. Электронную книгу мне оставить разрешили. Хотя на самом деле я их немножко обманул. Связываться с торгфлотовскими кораблями на низкой орбите я, оказывается, мог. Но, во-первых, в тот момент я сам этого не знал, во-вторых, часто ли на околоземной орбите бывают торгфлотовские корабли?

Ещё вопросы вызвал ножик. Ну, можно подумать, я с нормальным охотничьим ножом ходил по Вене. Папа мне в Монако специально купил складной ножик с пятисантиметровым лезвием, чтобы землян не пугать.

— Зачем тебе нож? — спросил преподаватель.

— Ну как зачем? — удивился я. — У мальчишки обязательно должен быть складной нож. В восемнадцатом веке мальчики носили ножи. Про это написано в «Морском волчонке» у Майн Рида. В девятнадцатом веке мальчишки шагу ступить не могли без ножа. Про это написано у Марка Твена в «Томе Сойере». В XX веке мальчишки тоже постоянно что-то перочинными ножами вырезали. Про это написано у Крапивина в «Оруженосце Кашке». Значит, в XXII веке у мальчишки тоже должен быть нож.

Этот экскурс в историю детской литературы показался им убедительным.

— А почему у тебя нет спичек или зажигалки? — поин-

тересовалась тётка, до того остававшаяся на заднем плане.

— Ну я же не в лес пошёл, — ответил я. — Собирайся я в лес, были бы и спички, и топор, и ножик был бы не перочинный. А в городе всё равно костры везде разводить запрещено.

Ночью в спальне мальчишки со мной всячески знакомились. Я им рассказывал в основном про космические полёты, а про родную планету поначалу говорил, что она примерно такая же, как Земля. Тоже есть океаны, леса, города. Почему-то ни одной девчонки в этой спальне не было.

А вот на завтраке девчонок была почти половина. Странные у них порядки...

После завтрака меня опять забрал дядя Базиль и стал выяснять мой уровень знаний во всяких областях, которые считаются важными для 12-летнего ребёнка на Земле. Понятно, что я плавал в географии и истории. Мне всё время хотелось воспользоваться картой в коммуникаторе. Мои знания земной биологии тоже, пожалуй, должны были ему показаться однобокими — только культурные растения и домашние животные. А остальное — так, чтобы понимать, о чем в детских книжках пишут. А вот по физике и математике вопросы он задавал совершенно детские. Ну и по технике. Тут детям, по-моему, вообще к технике прикасаться не велят.

В конце концов он меня отпустил, как раз на обед, а после обеда была предусмотрена прогулка. Ребята тут же стали приставать ко мне, что если я весь такой из себя охотник из дикого леса, то чтобы я им поймал кошку, которая осторожно кралась вдоль забора.

Я велел им спрятаться на веранде и не шуметь. Ловить там было, по правде говоря, нечего. Обычная дворовая кошка, сытая, кстати, её, наверное, при кухне неплохо кормили. Орущих и топающих детей она, естественно, боялась и держалась подальше. Если ступать бесшумно, то к ней можно было подойти метра на три. На таком расстоянии я присел на корточки и стал с кошкой разговаривать. Не прошло и пяти минут, как она ко мне подошла и стала тереться мордой.

Кошка же. Они любят ласку.

Не успел я как следует почесать кошку за ушами, как заметил, что на веранде как-то сильно изменился звуковой фон. Я незаметно скосил туда глаз. Точно, среди детей там появился дядя Базиль и с интересом смотрел на нас с кошкой.

Я плавно, стараясь не напугать кошку, встал и вернулся к веранде.

— Ну что, засчитывается за поимку?

— А зачем ты её отпустил? Мы же тоже хотим её погладить.

— У кошки четыре ноги:
Вход, выход, земля и питание.
Ты трогать её не моги,
Получится замыкание, —

Продекламировал я, и продолжил:

— Вы лучше научитесь ходить, как я, без громкого топота, и не таскайте её за уши — сама придёт. Не надо обижать кошку, это полезное животное, она ловит нориков, которые бы иначе сожрали крупу, из которой нам кашу варят.

— Ты, наверное, хотел сказать «мышей»? — вмешался дядя Базиль.

— Ну да, конечно, под Солнцем эту нишу занимают мыши и крысы. А у нас, под Бетой — норики.

— . . . И праздник прошел бы совсем хорошо,
Но Тор-мышеглот на рассвете пришёл.
Летучие мыши укрылись под крышу,
Ходячие мыши попрятались в нишу. . . —

Пропела белокурая девочка. Я повернулся в её сторону и скорчил страшную рожу:

— Если я Тор, то я могучий и страшный бог грома. А ты — богохульствуешь. Вот метну в тебя свой верный Мйольнир!

Её это совершенно не напугало. А дядя Базиль смеялся от души.

Отсмеявшись, дядя Базиль потащил меня в спортивный зал. Зал у них был какой-то бедненький, хотя и большой, ну канаты, ну шведская стенка, ну брусья. Тренажёров никаких нет, даже велосипедного и гребного, бегущих дорожек тоже нет. Зато баскетбольные кольца и ворота то ли для мини-футбола, то ли для гандбола. Ну и волейбольную сетку есть где натянуть. В общем, заточено под командные виды спорта.

Там он сдал меня ещё одному преподавателю, представленному уже не как «дядя», а как «герр Клаус», и тот начал меня гонять по всяким упражнениям, проверяя качество моей физической подготовки. Мучил меня часа три, но вроде остался мной доволен. Когда он сказал «Можешь идти переодеваться», я поинтересовался, собирается ли он меня экзаменовать в тире и в бассейне. Оказалось, что ни того, ни другого в интернате не предусмотрено. В бассейн они раз в месяц водят детей в какой-то общественный, а стрелять, разжигать костёр и укладывать рюкзак вообще не учат. Впрочем, мою готовность сдавать эти предметы герр Клаус отметил.

Вечером я подловил ту девочку, которая дразнила меня стишком про мышиный праздник, и стал выяснять, сама она его сочинила, или откуда взяла. Оказалось, что Матильде (так её звали) этот стишок читала мама из какой-то старинной-старинной книжки. Вообще Матильда ещё полгода назад жила с родителями. Но родители погибли в какой-то катастрофе, и она попала в этот интернат. Возможно, именно поэтому с ней было гораздо интереснее, чем с другими интернатскими детьми, с которыми и поговорить-то не о чем.

На следующий день я почти весь день провёл в их компьютерном классе. Это жуть какая-то, а не компьютерный класс. Нельзя так издеваться над хорошими компьютерами. Средств программирования никаких нет, доступ в сеть только на небольшой список разрешённых сайтов, среди которых парочка энциклопедий, парочка совершенно детских онлайно-

вых игр и одна неплохая карта Земли со спутниковыми снимками и панорамами. Ну, не удалось погулять по земным городам, хоть так посмотрю.

Там меня поймала Матильда, сначала показывала на этих картах места, где она жила с родителями, а потом стала жаловаться что здесь почитать нечего. Даже «Джейн Эйр» нет. Далась ей эта «Джейн Эйр»! Я как-то заглянул Гудрун через плечо, когда она это читала. Ну занудство же полное и розовые сопли. Но девчонкам почему-то нравится.

— Хочешь, лучше дам «Сталки и Ко», — предложил ей я. — Это тоже про интернат. И тоже нет в этой как бы библиотеке. Наверное, потому что там кошек стреляют из мелкашки.

Почему-то её эта идея не воодушевила. Но у меня же, как и у любого спейсианина в коммуникаторе пара сотен гигабайт художественной литературы. Естественно, «Джейн Эйр» там тоже нашлась. Я отдал ей коммуникатор и она спряталась с ним в уголке игровой за кадкой с пальмой. А я продолжил изучать, что на Земле делают из нормальных компьютеров.

Через полчаса я услышал Матильдин писк: «Отдай!» Я выскочил в игровую. Там Лабан, мальчишка, который рос в приюте с самого детства, пытался отобрать у Матти мой коммуникатор. Думал, что легко справится с девчонкой. Но коммуникатор-то был мой. А я его на полголовы выше и в плечах шире. Не знаю, чему у них там в приюте на физкультуре учат, но точно не нормальной борьбе. В общем, пришлось мне ему немножко объяснить, что девчонок вообще трогать неправильно, а отбирать у девчонки вещь, которую ей дал попользоваться я — безумно непредусмотрительно.

Надо отдать Лабану должное, поднимать шум и вмешивать в наши дела взрослых он не стал.

После того, как я сделал ему достаточное внушение и отпустил, он стал пытаться объяснить мне, что неподконтрольный учителям компьютер — это круто, потому что на

нём можно смотреть порнуху. Я, надо признаться, не сразу понял что это такое. «Ну это где мужики тёток пялят,» — пытался объяснить он. Мне его даже жалко стало. Если с самого детства расти с таким ограниченным доступом к информации, то откуда ж набраться нормального словарного запаса.

Наконец до меня дошло, что всякие эвфемизмы земляне обычно используют, когда речь заходит о сексе. Не то чтобы я много общался с землянами, но в старых книгах оно всегда так. Этот процесс никогда не назовут прямо. Что забавно, Лабан это слово знал. Откуда-то, значит, у них информация берётся, кроме этой безжалостно прополотой библиотеки.

Я пожал плечами и посоветовал ему лучше начать интересоваться фильмами с боевыми искусствами. Может быть, это поможет ему в следующий раз не быть так легко побеждённым.

Он, косо на меня посмотрев, ушёл. И тут я увидел, что Матти смотрит на меня с ужасом.

— Ты чего?

— Ты так легко смог ему сделать больно?

— Я старался ему делать не очень больно. Только чтобы он почувствовал, что я сильнее.

— Все равно мне как-то не по себе. То ты добрый, шутишь насчёт бога Тора и даёшь книжку почитать, то вдруг мгновенно начинаешь бить.

— Ну, обстановка изменилась. Когда кого-нибудь защищаешь, так всегда. Пасёшь, скажем, коров, смотришь по сторонам, а сноутроттер как выскочит. . .

Вот так вот — сначала защищаешь и при этом пугаешь, а потом сам же успокаиваешь. Всё-таки ненормальное у них воспитание, даже в семьях. Наша бы девчонка ни за что не стала пугаться парня, который за неё вступился.

На следующий день меня потащили в суд. Оказывается, у них там так устроено — сначала отбирают ребёнка у родителей и помещают в приют, а потом этак дня через три

собирается суд и решает, стоило отбирать или нет.

На суде я увидел своих родителей. Но подойти к ним мне не дали. Не положено. Хотя, казалось бы, даже если родители такие, что меня надо от них спасать в сиротском приюте, здесь, где кругом полиция и всякие прочие судейские, мне ничего не грозит. Ну хоть ручкой друг другу помахали.

Какие-то тётки из службы опеки, или как там у них называется, утверждали, что меня содержат в недопустимых для ребёнка условиях. Потом опрашивали дядю Базиля по поводу того, что в результате этих ненадлежащих условий получилось. Он рассказал, что ему давно не приходилось видеть столь надлежащим образом воспитанного ребёнка. Что я веду себя на два, а то и на три года старше своих лет.

Потом выступал врач, который меня осматривал в первый день. Сказал, что да, конечно, есть следы заживших травм, шрамы, но видно, что ребёнок получал после травм надлежащее лечение. Ещё бы, мама-то у меня заведующая хирургическим отделением лег-эндской больницы. Она как возьмётся лечить, так не выпустит, пока совсем здоровый не станешь.

Я уже было понадеялся, что меня родителям отдадут. Но не тут-то было.

Докопались до того, что у родителей нет места постоянного жительства. На Земле, в смысле. Поэтому постановили их выслать с Земли по месту постоянного жительства (ну где логика), а меня оставить в приюте.

Вернувшись в приют, я вытащил свой коммуникатор, думая посмотреть фотографии, и увидел, что горит значок «Получено сообщение».

Смотрю, а оно от папы. Ура, да здравствуют наши колониальные телефоны, которые умеют передавать сообщения друг другу напрямую.

«Держись, мы тебя обязательно вытащим. Включи в мессенджере режим Space Direct. Пиши на earth!consul».

Я, конечно, полез этот режим включать. А потом полез

читать в малой энциклопедии, которая у меня, как и у всех мальчишек с фронтира, в коммуникаторе локальная, что это такое. Оказалось, что мой телефон может связываться не только со специальными спутниками СНМ, но и с любыми мимо пролетающими космическими кораблями, и передавать короткие сообщения.

Много на корабль не передашь — он слишком быстро проходит мимо. Но несколько страниц текста точно можно.

Я написал письмо, в котором указал местоположение того приюта, где меня держат. Конечно, спутниковый навигатор в моем коммуникаторе не работал — спутники здесь не той системы. Но с помощью Матти я сумел найти это место на карте. Когда её везли сюда, она запомнила адрес. Прессбаум, Фюнкгассе 43. Ещё я перечислил те онлайн-игры, к которым был доступ в компьютерном классе.

Теперь коммуникатор будет слушать, пока не услышит позывные какого-нибудь спейсианского корабля, проходящего над нами. Тогда он отправит на него это письмо, а тот уже переправит его консулу. Что может сделать консул против решения суда, я не знал. Но что у нас в колониях своих не бросают, я знал точно.

Матти всё это время крутилась вокруг меня. Ей очень хотелось продолжить читать про свою Джейн. Ну что она в этой скукоте находит? Тут мне пришла в голову забавная мысль. Я включил в своем коммуникаторе режим точки доступа, потом потыкался в настройки сети на одном из стационарных компьютеров в компьютерном классе, и, ура, он вместо ихней земной сети зацепился за мой коммуникатор. Тот добрый человек, который настраивал защиту детей от информации, естественно, все фильтры поставил где-то на сервере, за пределами компьютерного класса. Так что гулять по моей библиотеке теперь можно было свободно.

В результате всем стало хорошо. Матти читала свою любимую книгу, а я, пользуясь экраном и клавиатурой соседнего стационарного компьютера, пытался изобразить какие-

нибудь средства кросс-компиляции и собрать что-нибудь, что позволит попреодолевать защиту операционной системы.

На это занятие я убил часа три, но у меня ничего не получилось. Если бы я хотя бы подмастерьем в робототехнической фирме был! А то ведь я больше по транспортной технике. Но, во всяком случае, это было похоже на настоящую инженерную работу, а не на те дошкольные игры, которые тут считают достойным занятием для уже довольно взрослых подростков.

Ещё через пару дней дядя Базиль заловил Матильду за чтением «Джейн Эйр» в компьютерном классе. Я-то думал, что я за последние дни хорошо научился делать невинный вид. Но до неё мне далеко. Дело кончилось тем, что я клятвенно обещал не давать прочим воспитанникам читать по крайней мере «Анжелику», маркиза де Сада и Франсуазу Саган. Посмотрел — все перечисленные в моем коммуникаторе обнаружились.

В этот день, наконец, отправилось моё письмо через спейс-директ. Видимо, какой-то космический корабль то ли взлетал, то ли садился и проходил над Австрией. Что забавно, ответ пришёл уже через полтора часа, на следующем витке.

Как известно, для успеха любой авантюры в цивилизованном мире нужны три вещи — деньги, деньги и ещё раз деньги. Так-то из приюта убежать никаких проблем. Но надо же добраться до какого-нибудь места, где садятся корабли из колоний. Если идти пешком с мешком — поймают. Да и есть по дороге что-то надо, всё равно деньги нужны. А уж если на транспорте...

И вот теперь у меня деньги появились. Мне прямо через спейс-директ загрузили в телефон виртуальную кредитную карточку.

А для обсуждения дальнейших действий назначили встречу в глубине «Волшебного королевства». Это такая совсем детская сказочная игра. Пошёл в это королевство. Гоню пер-

сонажа по зелёным сказочным холмам и напеваю под нос:

Кто может сравниться с Матильдой моей[2]*,*
Сверкающей искрами чёрных очей,
Как на небе звезды осенних ночей!

Матти от своего компьютера оторвалась, заинтересовалась, что я такое пою. Вот, говорю, ты меня викингским богом обзываешь, а я про тебя песню петь буду.

Но вот я дошёл до уединённого пруда. Из него вылезает черепаха. Над ней надпись «Черепаха Тротила». Я называю пароль: «Тут крокодил Гексогена не проплывал?». И черепаха начинает мне давать типичный сказочный квест. Пойди туда, не знаю куда, на Чёрную гору, в портовый бар, только наоборот. Это, мол, от тебя на юг не так уж далеко.

Мне пришлось довольно долго лазить по карте, чтобы сообразить, что речь идёт о порте Бар в Черногории.

Но самый главный отрезок побега — это его начало. Если удастся не поднять тревогу сразу, выиграть хотя бы несколько часов, то потом ловить меня будет сложнее и сложнее.

Значит нужно выяснить все, что можно, про окрестности. Поэтому я стал расспрашивать Матти про то, какие магазины есть в Прессбауме, какие тропинки в соседнем лесу, и как выглядят трубы, по которым ручьи пересекают Автобан-Вест. Она, наверное, и не подозревала, что столько всего полезного помнит.

Через полчаса расспросов, когда план побега уже почти сложился в моей голове, я заметил, что у неё глаза на мокром месте.

Немного подумав, я понял, что я бесчувственный идиот. У девочки только пару месяцев назад погибли родители, а я тут, пользуясь всеми психологическими техниками, которые знаю, вызываю у неё воспоминания о том времени, когда они были живы. Причём в основном о всяких прогулках вместе с ними.

[2] Ария Роберта из оперы Чайковского «Иоланта»

Когда я попросил у неё за это прощения, она вообще разрыдалась, уткнувшись носом мне в плечо. Ну вот что можно сделать, чтобы её утешить?

— Хочешь, — предложил я, — убежим из этого приюта вместе?

— Куда? — всхлипнула она.

— Я убегаю к своим, то есть вообще с Земли. Думаю, что и для тебя у нас под Бетой найдётся место. Ты вроде мне почти ровесница, а значит, можешь устроиться куда-то подмастерьем. Немножко подучишься и будешь кормить себя сама. А там в и колледж поступать пора. Я как раз после возвращения собирался поступать в Ингварский инженерный на факультет наземного транспорта и строительной техники. У нас вообще народу не хватает, как и везде в колониях. Поэтому место для тебя найдётся.

План побега пришлось резко переделывать. Мой план строился на том, что у меня сохранилась нормальная одежда, и я надеялся, что воспитатели про это забыли, поскольку я давно уже сложил её в тумбочку, а ходил в приютской форме, как все. Но у Матильды одежды не было.

Поэтому на следующий день после обеда, когда все бегали по двору, и не попадаться на глаза воспитателям пару часов было абсолютно нормально, я переоделся, перелез через забор и отправился в супермаркет, про который Матти сказала, что там автоматические кассы, которые глупых вопросов покупателям не задают. Я купил ей футболку и джинсы. На всякий случай купил яркую футболку и себе. А то, может, дядя Базиль мою клетчатую ковбойку запомнил. Ещё я купил рюкзак, тоже яркий, спички, баночку зелёных чернил и жестяную банку консервированных ананасов.

Ананасы мы вечером поделили, угостив Лабана, который помог Матильде скрыть моё отсутствие, пару раз сказав воспитателям «Торвальд только что пошёл в туалет» или «Я его в компьютерном классе видел».

На самом деле я эти ананасы купил ради банки. Мне нужно

было из чего-то котелок сделать. Не мог же я отправляться в ночной поход через лес без котелка.

Обувь для Матильды я стащил в физкультурной раздевалке. Можно было бы, конечно, купить, но вдруг бы она в новой обуви натёрла ноги. Лучше взять разношенные кроссовки из раздевалки. Яркий рюкзак я выкрасил в зелёный цвет чернилами и спрятал вместе с вещами на дереве около забора.

Вечером мы тихо-мирно легли спать, а как только выключили свет и все заснули, приступили к делу. Сначала мы надули несколько воздушных шариков и засунули под свои одеяла. Издалека посмотреть, так вроде и под одеялом человек лежит.

После этого я оделся в свою одежду и выбрался из спальни через окно. Подойдя к окну девичьей спальни, я увидел, что Матильда уже меня там ждёт Я помог ей спуститься, и мы прокрались к забору. По заборам она лазить совершенно не умеет. Пришлось её подсаживать, а потом ловить снизу и всё это не поднимая шума.

Зато потом её знание города очень нам помогло. Мы добежали до остановки автобуса идущего в Вену, и там на остановке я достал из рюкзака полиэтиленовые бахилы, которые надевают поверх уличной обуви во всяких общественных учреждениях вроде больниц. В этих бахилах мы пробежали вдоль улицы до ручья. Топать через лес в мокрых ботинках мне совсем не улыбалось, но выхода другого не было. Ночью по каменистому руслу горного ручья я бы босиком не прошёл, тем более с Матти на закорках.

Пока мы передвигались по ручью, девочка вспомнила историю из какой-то детской книжки, как какой-то маленький зверёк говорит более крупному спутнику:

— Давай я возьму рюкзак, а ты понесёшь меня.

Сейчас мы были как те сказочные персонажи — Матти несёт рюкзак, а я её.

Наконец мы прошли по бетонной трубе под автобаном, и я с облегчением высадил её на берег. Теперь можно было вытря-

сти воду из ботинок и надеть сухие носки. Поскольку поход по ручью был запланирован, я запасся в супермаркете специальной нетканой тряпочкой, хорошо впитывающей воду.

Теперь мы предприняли марш-бросок через ночной Венский Лес, перевалили хребет и вышли к дороге. По дороге мы топали всю ночь, периодически устраивая привалы. Я думаю, что Матти вряд ли дошла бы не свалившись от усталости, если бы я периодически не поил её чаем, который варил из воды горных ручьёв в той самой банке из-под ананасов.

Я, конечно, опять что-то не так посчитал. Физически Матти вполне могла выдержать такой маршрут, тем более с нормальным чередованием привалов и переходов. Но мне и в голову не могло прийти, что девчонка возраста подмастерья будет бояться ночного леса. Приходилось её всячески подбадривать, петь ей арию Роберта и всякие другие песни.

Начав наш маршрут около десяти вечера, к 6 утра мы вышли к станции Баден, где как раз успели на утренний поезд до Сараево. Поезда у них на Земле ходят быстро, и уже к 10 утра мы прибыли в этот город. Если нас уже и хватились, то вряд ли будут ещё искать так далеко.

В Сараево мы опять нашли супермаркет с автоматическими кассами и купили себе футболки совсем другого цвета и тёмные очки. Потом купили билеты на автобус до Бара.

Автобус — это совсем не поезд. Поэтому тряслись мы по горным дорогам целых шесть часов и прибыли в Бар уже на закате. Вернее, в Бар мы не прибыли, а вышли, не доезжая пары остановок до него, около какой-то небольшой гостиницы. Вот чего я не запомнил, так это её название. Черепаха Тротила в игре советовала: «в портовый бар не ходи, там могут быть злые стражники, выйди на пляж там, где будет видно корабль, и сигналь ему сам знаешь как». Вот я и нашёл эту остановку по карте, чтобы было гавань видно.

Мы вышли к берегу моря, и я сразу увидел через залив знакомый силуэт хвостового оперения космического корабля, стоящего в порту Бара.

Передав на него сигнал через спейс-директ, мы спустились на самый берег и спрятались в какой-то расщелине среди скал. Я полагал, что демонстративно устраивать тут пикник не стоит, потому что время уже вечернее, и кто-то может заподозрить неладное, увидев двоих подростков на берегу без взрослых.

Поэтому мы дождались, пока оранжевая надувная лодка с надписью краской на борту «ТКК Жозефина, Толиман» подойдёт уже метров на сто к берегу, прежде чем вылезать и махать теми футболками, которые мы сняли с себя в Сараево.

В лодке, кроме консула, который со мной договаривался под видом черепахи Тротилы, были капитан «Жозефины» и её судовой врач. Консул было стал ругаться на меня, что я притащил с собой Матильду, но выслушав мои сбивчивые объяснения, почему её никак нельзя было оставлять в приюте, капитан махнул рукой и сказал, что отвезёт её под Бету бесплатно.

«Жозефина» стартовала, как только наша лодка была поднята на борт. Это была уже глубокая ночь.

Когда мы поднялись на орбиту и оставались ещё в пределах досягаемости двусторонней голосовой связи, но уже за пределами досягаемости всяких земных полиций, капитан велел мне позвонить по видеофону дяде Базилю. Видеофон был какой-то корабельный — нормальные коммуникаторы в таких условиях не берут. Но связь держал вполне прилично.

Как выяснилось, наше исчезновение обнаружили только утром, за завтраком. Когда мы проехали уже полпути до Загреба. Когда прибыли полицейские с собакой и начали нас выслеживать, мы уже садились в барский автобус. Принятые мной меры маскировки их сбили с толку, и они решили что мы уехали утренним автобусом в Вену, то есть попасть на Зюдбанхоф могли не раньше восьми утра.

По-моему, дядя Базиль был жутко доволен, что я в конце концов вернулся к своим.

Для меня эта история кончилась воссоединением с семьёй. У Матильды тоже жизнь вполне сложилась. Помнишь, когда мы приезжали в твоём детстве в Лерну, мы останавливались у тёти Матильды, хозяйки ресторанчика «Дунай». Вот это та самая Матильда и есть. Она устроилась сначала подмастерьем-официанткой в какое-то кафе, потом закончила кулинарный колледж, а там и своё дело открыла. Я сначала затащил её к нам в Лег-Энд, но ей у нас не понравилось, и она перебралась в Лерну.

Окончив чтение, Карл обнаружил, что бесшумно подкравшаяся Лада стоит у него за плечом.

— Ага, — сказала она, заметив, что он обернулся. — Ты это нашёл. Ну что ты по этому поводу скажешь?

— А почему я должен по этому поводу что-то говорить? — поинтересовался Карл.

— Потому что история этой вещи такова: когда мы пришли на Землю, я пошла советоваться к Тордис Гуннардоттир, мариной бабушке. Во-первых, она дочь Торвальдыча, и как бы по наследству права на эту рукопись переходят к ней. Во-вторых, оказывается, она там у них в Порт-Шамбале курирует все гуманитарные исследования по интеграции земного и спейсианского социума. Так что, казалось бы, решать, что делать с этой рукописью, ей. И знаешь, что она мне сказала?

Карл выжидательно посмотрел на свою подругу.

— Вы, говорит, берете в экипаж землянина, — продолжила девушка. — Так пусть он, когда обживётся у вас, и решает, стоит это публиковать или нет. Так что решай.

Карл с минуту пытался прийти в себя, а потом решительно сказал:

— Публиковать. Вряд ли это испортит отношение спейсиан к Земле. А вот заставить задуматься кое-кого на Земле сможет.

Глава 29

Золото Рейна

День шестнадцатого января выдался в Вене довольно морозным. Анджей стоял около выхода со станции Карлсплац и задумчиво смотрел на темнеющее вечернее небо, с которого должен был свалиться флиттер с Келли и Марой.

Тут из подземки появилась Элен.

— Привет!

— Привет! — отозвался Анджей.

— Тебе не кажется, что мы ждём тут одних и тех же людей?

— Уже не ждёте, — воскликнула Мара, появляясь непонятно откуда и таща за собой Келли. Тот был одет так, как Анджей привык видеть одетой Мару: короткий чёрный суконный бушлат, суконные брюки, шерстяная шапка-подшлемник. Зимняя форма ВКФ. А вот Мара была одета в стёганое синтетическое пальто до щиколоток, да ещё подозрительно топорщившееся снизу. Пожалуй, даже у Элен пальто было заметно короче.

— Чего это ты так оделась? — удивился Анджей. — И как вылезала в этом из флиттера?

— Искусство требует жертв, — ухмыльнулась Мара. — Не могу же я пойти на премьеру оперы в форме, это как-то совсем неинтересно. А вообще идём, туда уже пускают, — она извлекла четыре контрамарки из опять же совершенно нетипичной для неё дамской сумочки.

В гардеробной Оперы Анджей принял у Мары пальто — и ахнул. Он уже привык к тому, что Мара — девушка в штанах, зачастую берущая на себя традиционно мужскую роль со словами «штатский из нас двоих ты». А тут было длинное вечернее платье с открытыми плечами, пышная многослойная юбка в стиле сороковых годов XIX века — почти кринолин, только не жёсткая, — тонкая золотая цепочка с александритовым кулоном на шее и никаких очков. В общем, если бы не привычная короткая причёска, почти неотличимая от причёски брата — совсем другая девушка.

— И где под этим помещается кобура? — не удержался от вопроса Анджей.

— Нигде. Чай, не гулять по портовым кварталам Роттердама собралась, а посещать Венскую Оперу. Поэтому никакой электроники, кроме маленькой гарнитуры на ухе. И совсем никакого оружия.

— В этом платье тебе нужен по крайней мере стек — поклонников разгонять, — пошутил Анджей.

— Для этой цели у меня есть ты, — ехидно улыбнулась она.

Нельзя сказать, что комплимент был совсем заслуженный — та же Элен смотрелась куда выигрышней, в основном за счёт привычки к платьям. В своей длинной юбке Мара двигалась хотя и правильно, но несколько неестественно, чувствовалось, что такая одежда ей мало знакома. Да и ее причёска не совсем гармонировала с нарядом.

Впрочем, образу Элен весьма способствовало наличие рядом подтянутого кавалера в офицерской форме. Надо признать, что в плане внешнего вида Анджей несколько проигрывал Келли.

В фойе по пути к своим местам Анджей с Марой мельком приветствовали Шварцвассера — как же ему тут не быть, если его лаборатория сделала добрую половину реквизита — и совершенно неожиданно столкнулись с Жозе Перейрой.

— Здравствуйте, дон Жозе! — приветствовал художника Анджей. — И вы тут, холодной европейской зимой?

— Я не мог пропустить этой премьеры, — художник церемонно чуть поклонился в ответ. — Всё-таки я как бы считаюсь патриархом стиля модерн-классик в живописи. А тут почти то же самое в оперном искусстве. Ну и конечно, глупо отказываться, если тебе прислали контрамарку и организовали транспорт.

— Но технологический мифореализм — это не совсем модерн-классик, — возразила Мара.

— О, это всё формальности. Основа та же самая — классический реализм современными средствами. Просто бумага стерпит всё, а холст очень многое, поэтому, если я начну рисовать анатомически достоверных драконов, никто не обратит на это внимания, кроме разве что палеонтологов. Я, кстати, пробовал — сделал для Лемюэля Фоссета серию реконструкций динозавров. Учебник Фоссета по мезозойской фауне считается классикой, но никто даже не заметил, что я был там иллюстратором. А когда Вессель выкатывает на сцену пятиметрового дракона, который только что не поёт, так все в восторге, потому что он реальный, и его можно пощупать.

Дракон, кстати, был тут как тут. Поскольку в «Золоте Рейна» Фафнир в драконьем облике не фигурирует, Вессель решил в первый день премьеры выставить дракона в фойе. Сейчас пятиметровый монстр лежал в углу, свернувшись кольцом, и настороженно посматривал на зрителей, обступивших его на почтительном расстоянии.

В антракте после первого акта Андреа Фаррани, тоже не занятая в сегодняшнем представлении, подвела к Келли какого-то пожилого мужчину в дорогом костюме, представив его как герра Шмидта, представителя фонда содействия фундаментальной медицине. В результате Келли, Шварцвассер и этот Шмидт что-то сосредоточенно обсуждали вполголоса в углу фойе, а Элен оказалась предоставлена самой себе и беседовала с Анджеем и Марой.

Вдруг к ним подошёл молодой человек типично малайской внешности, костюм которого, по не слишком компетентной оценке Мары, был в несколько раз дороже костюма того

типа из благотворительного фонда, и поздоровался с Анджеем как со старым знакомым.

— Знакомьтесь, девушки, — представил его Анджей. — Это Али, наследный принц Брунея. Это Мара, это Элен.

— О, Элен, как вы прекрасны! — расплылся в улыбке Али. — Совсем как ваша тёзка из «Илиады». Я бы с удовольствием вас похитил.

— Прежде чем устраивать ролевую игру по «Илиаде», я бы на вашем месте сначала поинтересовалась, кто претендует на роль Менелая, — ответила Элен ледяным тоном.

Мара и Анджей обменялись ухмылками.

— А мне что, Агамемнона играть? — театрально возмутилась Мара. — Не люблю кросспол.

— Раз не любишь, отдадим Агамемнона Киму, — рассмеялся Анджей. — А ты можешь играть Ифигению. Кстати, не понимаю, почему тебя так возмущает идея играть мужскую роль. Вроде бы роль офицера космического флота тоже воспринимается как вполне мужская.

— Офицера ВКФ я не играю, я им являюсь. Ну или буду являться, когда сдам выпускные экзамены. И именно потому, что у нас нет устойчивых гендерных ролей, было бы интересно оказаться именно в женской роли, если мы играем в эпоху, где есть деление на мужское и женское.

— Это вы про что? — нагнувшись к уху Анджея, шёпотом спросил Али, слушавший этот странный разговор с немалым недоумением.

— Понимаешь ли, Али, если на сегодняшней Земле кто-то и может выставить некоторое количество крутобоких кораблей, то это комендант базы Порт-Шамбала, старший лейтенант Келли Лависко-четвёртый, у которого ты только что собрался похищать возлюбленную. Кстати, Мара, сколько кораблей вы можете сейчас выставить?

— Дай посчитаю... «Орельяна» и «Маринеско» уже сданы. Плюс старина «Сюркуф». Так что три корвета — часа через четыре. Плюс ещё десяток пинасс, сделанных для новых крей-

серов и «Переслегина». А если подождать недельку, то будут сданы по крайней мере «Камимура», «Истомин» и «Дулитл». Так что два крейсера, фрегат и три корвета. Это не считая всякой мелочёвки вроде полуатмосферных истребителей. Дольше ждать не имеет смысла — на подходе там ещё добрый десяток кораблей, включая линкор, но на них мы сейчас попросту не наберём экипаж.

— Мрачные у вас шутки, — огорчённо проворчал Али. — А я-то всего лишь хотел сделать даме комплимент.

Перейра, скромно прислонившийся к стене в нескольких метрах от наших героев, что-то быстро черкал в своём знаменитом блокноте. Закончив набросок, он подошёл к Маре и молча показал ей страничку.

Мара зашипела совершенно по-кошачьи, хотя было заметно, что она не обижена, а именно играет обиду и возмущение.

— О, так тоже неплохо! — живо отозвался художник и, перевернув страницу блокнота, за несколько секунд ещё что-то изобразил.

— Сюда нужна подпись, — заявила Мара и отобрала у Перейры блокнот и карандаш. После этого она наконец позволила Анджею и Элен взглянуть на наброски.

На первом листке, том самом, который вызвал шипение, Мара была изображена в роли Ифигении в Тавриде, окружённая змеями. На втором была обычная пушистая кошка, выгнувшая спину и вцепившаяся в загривок змее, причём в кошке безошибочно узнавалась Мара — змея же, без всякого сомнения, переползла сюда с предыдущей картинки. На этой странице Мара написала кириллицей «Кошь-Мара».

— Что означает эта подпись? — спросил Перейра, не знавший славянских языков.

Анджей задумался, как передать получившийся каламбур.

Глава 30

Скачок в цивилизованный космос

Скачок в цивилизованную систему разительно отличается от скачков по задворкам Галактики, где «Марианну» носило раньше. И в системе Сириуса, и в системе Сигмы Дракона после скачка не происходило ничего особенного. А тут буквально через двадцать минут, когда позывные корабля были приняты на обитаемой планете, на «Марианну» обрушилась лавина писем.

Даже Карл получил парочку: одно от Мишеля Карсака, который рассказывал об успешных испытаниях корветов «Маринеско» и «Орельяна» и благодарил за замечательные корабли. Повод для законной гордости — Карл действительно приложил немало труда к проектированию этих кораблей.

Второе письмо было от Миранду. Тот рассказывал о постановке в Венской Опере и передавал приветы от Рута и Фафнира. Карл напрягся и пересчитал время. Получалось, что премьера была буквально две недели назад. Когда же письмо успело дойти до Беты Южной Гидры?

В течение целых суток, космических, стокилосекундных, члены экипажа, встречаясь на рабочих местах, в кают-компании и в коридоре у жилых кают, обменивались полученными новостями со всей Галактики.

Корабль просто гудел от радостного возбуждения, вызванного возвращением в цивилизованную часть Космоса и включением в информационный поток цивилизации. Для Карла, до самого полёта ни разу не выпадавшего из куда более плотных информационных потоков Земли, это было совершенно новым впечатлением.

Вечером он заглянул в каюту к Ладе. Та сидела перед настенным экраном и изучала какое-то руководство по уходу за детьми первого полугода жизни.

— Чего это ты вдруг?

— Да вот решила, как придём в порт, досдать последний зачёт в бета-листе.

На лице у Карла отобразилась сложная гамма чувств. Когда девушка, с которой ты фактически живёшь, задумывается о сдаче экзамена на право растить детей, это может означать либо то, что она собралась заводить ребёнка от тебя — а к такой постановке вопроса Карл был не готов, — либо что у неё где-то есть другой парень. Последнее было вероятнее, поскольку неспроста она взялась за этот учебник сразу после получения писем из внешнего мира.

Лада легко прочитала все эти мысли по выражению лица Карла.

— Не угадал, с двух раз не угадал! — рассмеялась она. — Третий раз гадать будешь, или сразу рассказать?

— Не понял, что именно не угадал, — попытался отвертеться Карл. — Так что рассказывай.

— Не угадал, зачем мне экзамен на родительство. Признайся, сначала ты подумал, что я от тебя залетела. А потом — что у меня где-то есть другой парень, раз желание сдать экзамен совпало с получением писем.

— Ну да... — был вынужден согласиться он.

— На самом деле я действительно получила письмо. Но не от парня, а от девчонки двенадцати толиманских лет от роду. Это моя двоюродная племянница, она скоро кончает школу и просится к нам в юнги. А мне хочется не поручать ее кому-

то из старших членов экипажа, а самой стать её мастером. Но чтобы официально взять себе подмастерье, нужно иметь право на родительство.

Внезапно ее улыбка погасла:

— А вообще девушка из нектона не может залететь. Это на планете некоторые безответственные личности могут оставить на волю случая, заводить ребёнка или нет, а в космосе так нельзя. В середине XXI века человечество на весьма болезненном опыте выяснило, что вынашивать и рожать детей надо при гравитации не менее чем 3 м/с^2. Почему лунные города у вас в Солнечной системе были заброшены? Да именно потому, что там нельзя жить. Для жизни необходим как минимум Марс, а на Луну можно только в командировки прилетать. Точно так же и у нас: хочешь завести ребёнка — списывайся с корабля и оседай на планете минимум года на три-четыре. Обычно — на шесть, пока ребёнок не пойдёт в школу. Поэтому все, кто не нектон, делятся на планктон и бентос. Бентос — те, кто на тверди. А планктон — те, кому, чтобы выносить ребёнка, надо на время расстаться со своим образом жизни.

* * *

Карл вплыл в пилотскую рубку за пятнадцать минут до конца вахты Лады. В иллюминаторах был обычный вид звёздного неба. Если приглядеться, можно даже опознать знакомые созвездия. На расстоянии в двадцать пять световых лет их очертания не слишком сильно отличаются от привычных.

На экране навигационного компьютера космос выглядел совершенно по-другому — исчерченный траекториями десятков кораблей, как уходивших от обитаемой планеты в сторону зоны скачка, так и, наоборот, подлетавших к планете. Вокруг самой планеты был нарисован жгут траекторий, живо напомнивший Карлу потроха какого-нибудь кабельного колодца.

— И как вы во всем этом разбираетесь?

— Почти никак, — ответила Лада. — Сейчас рядом нет кораблей в опасной близости, ближе гигаметра. А подойдём к

планете поближе — будем запрашивать слот у диспетчеров.

Глава 31

Луна с неба

— Анджей, привет, хочешь Луну с неба? — раздался в трубке весёлый голос Мары.

Для Анджея было несколько рановато, семь утра. Но он прекрасно понимал, что девушке, живущей за шесть часовых поясов, сложно дождаться момента, когда в Вене наступит утро.

— Как-то неправильно, — сонно пробурчал он. — Это я должен дарить тебе луну с неба.

— Уж извини, так получилось, что у меня такая возможность есть, а у тебя нет. Короче, тут одна странная компания собралась расконсервировать купол Клавиуса. И везти их Келли, разумеется, припряг меня. Могу прихватить с собой ещё и корреспондента. Заодно побываешь у Вагабова на Лунной базе, которая на самом деле Четвёртый малый купол Клавиуса. В общем, завтра, примерно в это же время, я подбираю европейскую часть компании в венском аэропорту. Приходи и слушай, когда объявят чартерный рейс на Клавиус. Да, это мероприятие примерно на неделю.

Приехав на такси в аэропорт Швехат, почти пустой в это время суток, Анджей столкнулся там со Шварцвассером. Впрочем, нельзя сказать, чтобы это было неожиданно. Рядом с профессором отирался нескладный парень ростом под метр девя-

носто, которого Анджей, кажется, видел в лаборатории раз-другой, и невысокая рыжая девушка с двумя косичками, которую журналист точно встречал впервые. Парень был представлен ему как Мориц, аспирант Шварцвассера, а девушка — как Линда, представитель заказчика.

— Ганс, вы решили лично поучаствовать в авантюре с Клавиусом? — поинтересовался Анджей.

— А что делать? — вздохнул тот. — У Морица пока недостаточно опыта, чтобы сделать эту работу самостоятельно. Может быть, куда-нибудь в Японию я бы и решился его отправить. Но Клавиус... Почти три секунды задержки радиосигнала, по видеофону уже не поговоришь. Ох, надрать бы Маре уши за эту выходку с Карлом...

— Представляете, герр Краковски, звоню я парню, — вклинилась в разговор Линда. — Допустим, за пару месяцев до того я его послала куда подальше, но всё равно. А мне отвечает механический голос: «Абонент отсутствует в этом мире.» Я в панике. Хорошо, вспомнила фамилию научного руководителя Карла, позвонила герру профессору. Хотя бы выяснила, что «в этом мире» значит не «в живых», а всего лишь «на этой планете». Нет бы она просто послала этого парня, как сделала я. Он в общем-то нормальный, и будучи послан, не навязывается. Но она же пристроила его на какой-то инопланетянский корабль!

— Под крылышко к своей подруге детства, — добавил Анджей. — Кстати, тоже рыжей.

— Что?!! — подскочила Линда. Пришлось Анджею рассказать, как они с Марой провожали «Марианну» в Порт-Шамбале.

— Ну вот, теперь все эти сто мегасекунд буду ревновать, — насупилась Линда.

— Лучше сразу решить, что эта ниточка обрезана, — усмехнулся Анджей. — Бывшие юнги с «Лиддел-Гарта» таких шансов не упускают.

— Вообще они там у себя в Порт-Шамбале какие-то дикие, — наконец удалось вклиниться в беседу Шварцвассеру. —

Например, Мара предлагала мне ждать её на берегу Дуная, на Треппельвег, чуть выше Нордбрюкке. Сажать пинассу на Дунай?! Причем выше города там близко подходят горы, а ниже Нордбрюкке — сплошные мосты. Да и вообще пинасса — это вам не флиттер, звуки при полете издаёт довольно громкие. Пока я не напомнил, ей даже не пришло в голову, что пинассу можно сажать и на бетон, а не только на воду. Хотя мы вроде бы собираемся на Луну, а там водоёмов уж точно нет.

В этот момент раздалось объявление по громкой связи: «Пассажирам, вылетающим чартерным рейсом на Клавиус, Луна, просьба подойти к двенадцатой стойке регистрации».

Кроме Шварцвассера, Морица и Линды, на этот рейс собралась садиться пара молодых людей в похожих на форменные куртках с эмблемами Международного института Солнечной системы — видимо, сотрудники Вагабова, решившие воспользоваться внеочередной оказией. И ещё некая бизнес-леди лет пятидесяти, представленная Анджею как миссис Флинт, перед которой Шварцвассер раскланялся с преувеличенным уважением, а Линда вообще постаралась изобразить пай-девочку.

Пассажиров рейса быстро загрузили в автобус и повезли куда-то к далёкой площадке, на которой стоял их сегодняшний транспорт. Больше всего пинасса была похожа на сверхзвуковой бомбардировщик конца XX века: остроносый самолёт со стреловидным крылом, размером вполне соизмеримый с четырёхмоторными аккумуляторными лайнерами, основными обитателями аэропорта. Нижняя часть ее корпуса имела лодочные обводы, но сейчас машина стояла, опираясь на бетон самолётными шасси.

К открытой в борту двери был подан обычный аэродромный трап, на верхней ступеньке которого стоял парнишка в форме ВКА.

— Добро пожаловать на борт пинассы ВКФ Н-229, — приветствовал он пассажиров. — Я второй пилот Джек Летайр.

Внутри помещение, в которое вела дверь, выглядело странно — это был совершенно пустой цилиндрический отсек диа-

метром с весь фюзеляж, то есть метра четыре, и длиной метра три. У его задней стенки на полу располагались три надувных кресла, и ещё три — на небольшом балкончике, куда вела металлическая лестница.

Когда пассажиры разместились, Джек по очереди подошёл к каждому, проверил, как тот уселся, и, повернув какой-то клапан, поддул внутреннюю часть кресла, чтобы та плотно обхватила человека, после чего скрылся в пилотской кабине.

Сначала Анджей недоумевал, почему кресла так странно размещены, но уже через несколько минут после взлёта понял — когда двигатели включились на полную мощность, и перегрузка вдавила пассажиров в кресла, задняя стенка превратилась в пол. Перегрузка была довольно умеренной и не мешала пассажирам разговаривать.

Миссис Флинт, которая, по мнению Анджея, сохранила бы способность к активному передвижению и при втрое большей перегрузке, поинтересовалась у Шварцвассера, почему салон данного транспортного средства оборудован с такими странными представлениями о комфорте.

— Понимаете ли, в данный момент в системе нет пассажирских разъездных яхт, — ответил профессор. — Поэтому нам предоставили наиболее скоростное судно из тех, которые способны обеспечить воздухом нужное количество пассажиров. Это пинасса, маленький боевой корабль, не способный к самостоятельным межзвёздным скачкам. Он предназначен для сопровождения роёв боевых беспилотников, и в норме его экипаж составляют два человека — пилот и оператор роя. С таким экипажем пинасса способна на многомесячные автономные перелёты. Тогда жилой отсек оборудуется совсем по-другому и к тому же раскручивается, чтобы было хоть какое-то подобие силы тяжести. Но из-за того, что пинасса способна идти с ускорением в течение чуть ли не недели, и в этом случае сила тяжести направлена в хвост, всё это оборудование легко снимаемое и переконфигурируемое.

— А зачем оператору сопровождать рой? — поинтересова-

лась Линда. — Разве нельзя управлять им по радио?

— Нельзя. Те расстояния от эскадры, на которых обычно действуют пинассы, радиосигнал проходит за десятки минут. За это время тактическая обстановка успевает измениться. Поэтому оператор должен быть не слишком далеко от роя, чтобы руководить им с задержкой не более чем в несколько секунд.

Когда перегрузка кончилась, Анджей выбрался из своего кресла и решил добраться до пилотской кабины, чтобы оказаться рядом с Марой. К его удивлению, невесомости не было, ускорение, хотя и более слабое, чем земная тяжесть, прижимало его ноги к тому, что на аэродроме казалось задней стенкой отсека, а вход в пилотскую кабину маячил где-то над головой. Впрочем, на стенке были вполне удобные скобы.

Проникнув в пилотскую кабину через то, что сейчас можно было назвать люком в полу, Анджей увидел, что Мара и Джек сидят в креслах, куда более хитрых, чем пассажирские. Кресло Джека сохраняло форму противоперегрузочного, голова парня была обращена вверх, к лобовому стеклу кабины, а руки лежали на каких-то манипуляторах, вмонтированных в подлокотники. Мара же подняла спинку своего кресла, так что оно стало больше похоже на обычное, опустила перед собой здоровенный компьютерный дисплей и чего-то на нём делала, напевая себе под нос:

Зелёное море бушует окрест.[1]
В нём мины гальвано-ударные.
Призывно пылает Южный Крест,
Мерцает звезда Полярная.

— Мара, тебя можно отвлечь?

— Лучше не надо, — бросила она, не отрываясь от дисплея. — Пояс от тысячи до 36 тысяч километров — самое неприятное место в Солнечной системе. Хуже колец Сатурна. Здесь

[1]Мара безбожно перевирает песню Городницкого. Не было у Александра Моисеивича ничего про гальвано-ударные мины.

всё, что было запущено со времён Королёва, не падает и не сгорает в атмосфере, а продолжает летать и ждёт незадачливого навигатора. Поэтому на данном отрезке я не могу полностью доверить пинассу Джеку. Две пары глаз лучше одной. Вот через часик уйдём туда, где мало спутников, будет немножко легче. Да, к сожалению, третье место в кабине не предусмотрено. Поэтому, если не хочешь возвращаться в жилой отсек, садись на пол, иначе закроешь Джеку обзор.

Сидеть на полу и бессмысленно пялиться в звёздный купол над головой Анджею не хотелось, и он спрыгнул в люк. На глазах у изумлённой публики он медленно и торжественно проплыл три метра, успешно приземлился на ноги, сорвав аплодисменты вагабовских ребят, и плюхнулся в своё кресло, сам слегка обалдев от случившегося.

— Где это вы наловчились так двигаться при низкой гравитации? — спросил его Шварцвассер.

— Да нигде. Попробовал — получается.

— Я бы не решился прыгать с такой высоты.

— Положим, с такой высоты я прыгал и на Земле. Но для меня было большой неожиданностью, что всё будет происходить так медленно. Еле успел взять себя в руки. Это лунная гравитация?

— Вряд ли. Скорее всего, Мара выжимает из двигателей всё, что они могут дать в режиме малой тяги. А на пинассах данной серии это два метра на секунду в квадрате. То есть побольше, чем лунные один и шесть десятых.

— И долго может длиться такой режим?

— Намного дольше, чем нам надо. Обычно межпланетные корабли способны лететь в режиме малой тяги не менее суток при разгоне и столько же при торможении. А до Луны по такой траектории часов пять-шесть.

— И что вас понесло на Луну всей компанией? — поинтересовался Анджей.

— Ты для собственного интереса или интервью берёшь?

— Пока для собственного. Мара сказала, что мероприятие

на неделю, так что взять интервью у всех вас я ещё успею.

— Тогда рассказываю. Линда — вирусолог из команды Герхарда Вейсмана. Они там придумали что-то такое, что обещает переворот в борьбе с гриппом и ещё в некоторых областях медицины. Но, как обычно, ничто не даётся даром. Короче, испытывать эту штуку внутри биосферы, где живут десять миллиардов людей, Вейсман не решается. Даже на крысах. Поэтому возникла идея работать с этим делом на Луне в изолированном куполе. Вот мы сейчас и хотим разобраться, какие на Луне имеются купола, насколько они изолированы и какие там есть строительные мощности, если вдруг придётся строить специальный купол для испытаний. А миссис Флинт — представительница Фонда Джулио Раске, который готов вложить в эти исследования весьма немалые деньги.

На участии представителя фонда в первой рекогносцировке, как ни странно, настоял Келли Лависко. Сначала он натравил на Вейсмана одного из своих медиков, довольно молодую даму монголоидной внешности, которая, не ограничившись видеофоном, лично прилетела к нему в лабораторию и два часа выжимала его как лимон, выясняя перспективы применения этой технологии в ситуациях, о которых он и помыслить не мог. Потом Келли заявил, что вообще-то, на его взгляд, фонд вкладывает в этот проект такие копейки, что если хочет реального участия в прибылях, пусть участвует не абстрактными деньгами, а живой организаторской работой.

* * *

Минут через сорок Мара спрыгнула из пилотской кабины в жилой отсек, выдвинула непонятно откуда кухонный столик с разнообразной посудой и занялась приготовлением кофе, напевая:

Но он не вписался в пролив Гибралтар —
Тот случай мы не позабудем.
В Скалу он влетел и навек там застрял,
Сломав два старинных орудия.

— Мара, ты что-то задумала, — заметил Анджей. — У тебя даже спина выражает коварство и ехидство.

— Ага, — полуобернулась к нему от кофемолки Мара. — Я задумала посадить эту штуку на Луну, не включая большой тяги. Тут малая больше лунного g.

— Ты точно ничего не сожжёшь Вагабову с такой посадкой? — засомневался Шварцвассер.

— А то я не тренировалась ходить в ордере и не знаю, какой длины факел плазменного выхлопа у Р-26Е. Тут есть маршрут захода, по которому на пути ничего нет.

— А почему на малой тяге больше опасность что-то сжечь, чем на большой? — удивился Анджей.

— На большой тяге у двухрежимного ТЯРД рабочее тело просто нагревается и ускоряется за счёт теплового расширения, — пояснил Шварцвассер. — Поэтому температура выхлопа может быть достаточно невелика. А на малой тяге выбрасывается плазма, разогнанная магнитным полем до ста километров в секунду. Это требует намного больше энергии, но зато очень небольшого расхода вещества. Поэтому на малой тяге можно разгоняться сутками.

— Значит, задача — всего лишь сэкономить несколько тонн воды? — спросил журналист.

— Кстати, вода тоже лишней не будет, — энергично кивнула Мара. — На Луне это не такой распространённый минерал, как на Земле, тем более, что большая часть шахт по её добыче законсервирована. Но вообще в кои-то веки мне в руки попала такая забавная игрушка, как Р-26Е. Хочется поиграться всласть.

— А Келли тебе уши не оторвёт за такие игры?

— Если мне не оторвёт их Вагабов сразу после посадки, то Келли потом простит.

— А что, Вагабов имеет право драть уши курсантам ВКА?

— Ну ты прям как антиспейсовцы, — рассмеялась Мара. — Можно подумать, мы здесь на самом деле злобные космические оккупанты. Вагабов — начальник Лунной базы и, по факту,

всей Луны, потому что других поселений на ней нет. А я всего лишь командир корабля, совершающий посадку на его планету.

— Ладно, — махнул рукой Шварцвассер. — Если что, я как разработчик данной машинки тебя прикрою. Скажу, что это были натурные испытания. Только ты уж постарайся, чтоб не вышло так, как в третьем куплете твоей песенки.

— А что было в третьем куплете? — Анджей продолжал чувствовать, что у Мары и Шварцвассера есть какая-то общая жизнь, куда он не допущен. Ревновать девушку к профессору втрое старше её? Когда сам старше всего лишь вдвое?

— А в третьем куплете там как раз был Клавиус, — сказала Мара и пропела:

Но он не вписался в орбиту Луны —
Я быть не хочу в его шкуре:
На Клавиусе он оставил штаны,
А кепочку на Байконуре.

Не прерывая разговора, Мара сняла с плитки сразу три джезвы, разлила кофе по чашкам и предложила всем присутствующим.

— А почему такой низкотехнологичный способ приготовления кофе? — поинтересовался Мориц. — Я думал, тут будет какой-нибудь хитрый автомат.

— Во-первых, мне кажется, так вкуснее, — ответила Мара. — Во-вторых, это новая пинасса, у которой пока нет постоянного экипажа. Поэтому тут есть только то, что входит в стандартный комплект оборудования, и то, что притащила на борт я. Естественно, тащить громоздкую кофеварку-автомат мне было лень. Но вообще обычно экипажи соревнуются, у кого более хитрая система для приготовления кофе. Потому кофеварка и не входит в типовой комплект — всё равно пилоты притащат что-нибудь вычурное и нестандартное.

* * *

Часа через два Мара поднялась в пилотскую кабину, а в жилой отсек спрыгнул Джек. Тем временем Шварцвассер рассказывал Морицу и заинтересованно прислушивавшимся Анджею и Линде про особенности вооружения пинассы.

— На протяжении всей военной истории метательное оружие поражает цель той энергией, которая предназначена для его движения. Даже во второй половине XX века, когда особенно увлекались сверхмощными боеголовками, был случай, когда аргентинцы поразили английский эсминец ракетой воздушного базирования, и та не взорвалась. Однако эсминцу это совершенно не помогло — невыработанного топлива маршевого движка ему вполне хватило, чтобы загореться и утонуть. Как бишь та ракета называлась? «Экосекс»? Или «Экстрасенс»?

— «Экосекс» — это не в XX веке, а в XXI, — вмешался в разговор Джек. — Были тогда, между первой и второй космической эрой, такие чудики, которые занимались публичным сексом во всяких музеях и церквях якобы для пропаганды охраны природы, которую тогда зачем-то называли «экология». А как называлась ракета, надо спросить у Мары. Мы на первом курсе по истории военного искусства ещё не дошли до Фолклендского конфликта.

Линда, уже имевшая опыт общения с миссис Флинт, заметила, как напряглась та, услышав, что тринадцатилетний подросток рассуждает о публичном сексе, и решила всех отвлечь:

— Между первой и второй космической эрой? Джек, а расскажи, как вы вообще делите новейшую историю?

— Новейшую — это после братьев Райт? — Джек ненадолго задумался. — Предупреждаю: всеобщую историю в Академии я ещё не учил, она в конце второго курса. Поэтому буду рассказывать по курсу для младшей школы. Значит так, XX век. Сначала был позднеколониальный период. Куча мелких войн — англо-бурская, русско-японская, балканская. Он же вторая техническая революция — телефон, самолёты, автомобили, массовая химическая промышленность. С 1914 года — Первая Мировая война. Ютландский бой. Последнее эскадрен-

ное сражение артиллерийских кораблей, он же последний бой, в котором участвовал наследник престола... английского. С 1918 — межвоенный период, двадцатилетнее перемирие по Фошу. В тридцатые — работы Урванцева и Ушакова на Северной Земле. Гражданская война в Испании, первая массированная бомбардировка города. В сороковые — Вторая Мировая. На европейском театре — глубокие прорывы механизированных частей, активное применение фронтовых бомбардировщиков и штурмовой авиации. Критский и арнемский десанты. На азиатском — авианосцы. В конце войны — массовое уничтожение городов стратегической авиацией на обоих театрах. С 1945 по 1961 — холодная война. В процессе развития средств доставки ядерных зарядов создаются космические ракеты. С 1961 по 1972 — первая космическая эра. Первая высадка на Луну. Начало Эпохи, в смысле системы учёта времени, не привязанной к планетам. С 1972 до конца века — Малое Средневековье. Развиваются в основном средства управления людьми, пропаганда, маркетинг и всё такое, и поддерживающие их технологии — компьютерные сети, мобильная связь. Дальше XXI век. Малое Средневековье кончилось в двадцатые годы, когда наконец развились технологии машинного зрения и ориентирования в сложной среде. Началась эпоха обезлюдения промышленности. К середине века она закончилась, и случился кризис безлюдности производств. С 2049 года, когда был основан город Клавиус, куда мы сейчас летим, началась вторая космическая эра, освоение Солнечной системы. Следующий период — Экспансия. Начался в 2074 году со второй межзвёздной экспедиции Игоря Венёва и основания постоянного базового лагеря археологов на Лемурии. Толиманцы могут сколько угодно доказывать, что их систему Венёв посетил первой, но высадка на Мир Толимана состоялась позже, чем на Лемурию. Концом Экспансии считается 2098 год, когда правительство США попыталось установить свою администрацию в системе Арктура. Непонятно, правда, почему США — иранцев и шведов там тогда было куда больше, чем американцев, экспедиция была от

упсальского университета, а корабль Венёва приписан к украинскому порту Николаев. Но в любом случае у них не выгорело. С этого момента история колоний и история Земли пошли разными путями... — неожиданно Джек запнулся. — В младшей школе историю Земли от Лемурийского инцидента до Антверпенского договора совсем не учат. А в истории колоний не так уж много событий общегалактической значимости. Обычно выделяют период социальных экспериментов до 2125 года. За это время появилась бетанская система образования, принята Хартия Торгфлота, вообще сформировалась спейсианская культура, какой мы её знаем. Потом период экстенсивного роста до 2188 года, когда была осознана шияарская угроза и создан ВКФ. Потом — освобождение Осануэва, шияарский ультиматум Земле и Антверпенский договор. А дальше уже не история, дальше уже текущая политика, — Джек перевел дух, налил себе чашку чая и уселся на край чьего-то противоперегрузочного кресла.

В этот момент Мара объявила по громкой связи:

— Внимание, пассажиры! Через пять минут будут произведены маневры, сопровождающиеся исчезновением тяготения на жилой палубе. Просьба всем занять противоперегрузочные кресла и зафиксироваться.

Джек сделал вид, что данное объявление его не касается, поскольку он член экипажа, однако извлек откуда-то из ящика кухонного столика крышку и надел на свою чашку.

— Тогда, профессор, может быть, вы расскажете нам, что происходило с космонавтикой на Земле в последние сто лет? — спросила Линда Шварцвассера.

— Да ничего хорошего. Вся Вторая Космическая Эра была большим финансовым пузырем. К сожалению, у нас на Земле до сих пор основной критерий принятия решений — экономическая целесообразность. А освоение космоса не может быть экономически выгодным. Первую космическую эру двигали военные бюджеты двух противостоящих сверхдержав. Вторую — средства, освободившиеся после сворачивания военных бюдже-

тов. И если бы не открытие Карла Ангстрёма, сделавшее возможным колонизацию землеподобных планет в других звёздных системах, скорее всего, к настоящему моменту у Земли не было бы ни одного искусственного космического объекта.

— А научные проекты, вроде нашего? — запротестовала Линда.

— Заметь, мы летим на военном корабле. И научные станции по всей Солнечной системе последние восемнадцать лет снабжаются военным флотом. Мирное применение космоса, вроде спутниковой связи или вашего изолированного биосферного полигона, на Земле окупается только как побочный эффект от военного. Любая космическая колония должна быть самодостаточной, а возить материальные ценности между планетами можно только в виде курьёзов или предметов роскоши. Правда, окупается перевозка людей — в основном поучиться друг у друга. Или что-нибудь поисследовать, — профессор вздохнул. — Сдаётся мне, что без колоний в других звёздных системах вымерли бы не только лунные города, но и марсианская колония. В колониях целеполагание устроено как-то по-другому, там экономическая выгода рассматривается не как цель, а как граничное условие: деятельность не должна разорять. А цель этой деятельности — какая-то совсем нематериальная. Поэтому, имея регулярное сообщение с колониями, марсиане чувствовали себя частью Объединённого человечества, а не отщепенцами, брошенными матерью-Землёй на негостеприимной планете. Ну, чудаки, предпочитающие жить под куполом, а не под открытым небом. Но в колониях все посвоему чудаки. Там это нормально, — Шварцвассер снова невесело усмехнулся. — А база на Луне, куда мы сейчас летим, продолжает функционировать только потому, что Международный Институт Солнечной системы на протяжении XXII века дважды умудрился заменить свой единственный космический корабль на новый, купив его у арктурианцев на Марсе. Хотя, честно говоря, не могу понять, что мешало построить новый самим, пользуясь промышленными мощностями Клавиуса. В

первой половине прошлого века на этих заводах было произведено столько интересного оборудования для баз на спутниках планет-гигантов...

Внезапно сила тяжести исчезла, и Шварцвассер замолчал. Казалось, пинасса куда-то обрушивается. У не слишком опытных в космосе пассажиров закружилась голова, и они не обратили внимания на то, что пинасса развернулась на 180°.

Через несколько секунд двигатели вновь заработали, и Мара объявила по громкой связи, что можно выбраться из кресел.

* * *

Через пару часов Мара вызвала Джека в пилотскую кабину — предпосадочные маневры требовали работы обоих членов экипажа. Пассажиры опять заняли свои кресла. Шварцвассер сначала пытался понять, какую именно схему захода придумала Мара, но после пятого маневра с отключением двигателя и разворотом корабля на 90° сбился.

Внезапно ускорение настигло жилой отсек с необычной стороны — со стороны ног. Пинасса качнулась на амортизаторах шасси и встала.

— Вот мы и на Луне, — сказал профессор.

— Откуда вы знаете? — удивился Мориц. — Ускорение примерно такое же, как и при работе двигателя.

— Направление, — пояснил начинающему инженеру более опытный коллега. — Со стороны шасси у пинассы попросту нет двигателей, кроме ориентации. Поэтому, если мы чувствуем ускорение с этой стороны, значит, шасси упираются в планету.

Мара объявила, что можно покинуть кресла. В отсеке через дверь в переборке, которая теперь снова стала стеной, а не потолком, появился Джек уже в легком скафандре, извлёк откуда-то ещё стопку скафандров и стал помогать пассажирам их надевать. Анджей и Шварцвассер справились сами, более того, Шварцвассер даже помог облачиться своему ученику. Анджей хотел было помочь Линде, но пока он возился со своим

скафандром, вагабовские ребята уже успели упаковать обеих дам.

В отсек вышла Мара, тоже уже в скафандре, и после короткой проверки стала выпускать пассажиров по одному через присоединенную к двери складную шлюзовую камеру. Пока она проверяла скафандры, Джек уже успел пройти туда и спустить из двери складную лесенку. Через несколько минут все собрались на площадке рядом с кораблём

— А почему нас никто не встречает? — поинтересовалась миссис Флинт.

— Здесь не любят без нужды выходить под открытое небо, — ответила Мара. — Сами доберёмся как-нибудь.

На площадке рядом с пинассой высился огромный трамп-тысячетонник, скособочившись на обломленную левую стойку основного шасси. В районе машинного отделения в его обшивке зияла огромная дыра с торчащими кусками металла, а в передней части фюзеляж был испещрён маленькими дырочками.

— Что это? — спросила Линда.

— Знакомьтесь, это «Индевор», — ответил один из планетологов. — Последний космический корабль, принадлежавший Институту. Стоит здесь с 2208, когда его мимоходом расстреляли шияары.

— Но это же старинный арктурианский межзвёздный торговец! — удивился Мориц. — Вон в пробоину даже видно кусок полюса Ангстрёма.

— Я же только что рассказывал вам, как Институт покупал корабли у арктурианцев, — напомнил Шварцвассер. — Естественно, это скачковый корабль — как бы иначе его пригнали сюда с Авалона?

Глава 32

Встреча старых друзей

От стояночной площадки до шлюза, ведущего в купол, было рукой подать. Пожалуй, здешняя шлюзовая камера была способна вместить грузовик средних размеров, не то что девять человек. Около внутренней двери прилетевших встречал грузный высокий мужчина с наголо выбритой головой. Даже не поздоровавшись с пассажирами, он с ходу принялся отчитывать Мару:

— Что это за маневры? У тебя сколько воды на борту?

— Двадцать пять тонн.

— И чего тогда выпендриваешься? Садилась бы по-человечески.

— Тимур, оставь, — вмешался Шварцвассер. — Считай, что это были испытания предела возможностей новой машины. Я как разработчик одобрил.

— Привет, Ганс, рад тебя тут видеть. Вот уж не думал, не гадал, что ты когда-нибудь выберешься сюда. Но всё же зря ты так потакаешь этой девушке. Помнится, с её братом намучились и я, и Стивенс. Впрочем, с ним ты тоже знаком. . .

— Я и с их родителями знаком, и даже с дедом. Давай лучше представлю тебя остальным членам нашей команды. Анджея Краковски ты вроде уже знаешь. Это Линда Раштен, сотрудница Вейссмана, из-за которого и заварилась вся эта каша.

Это Алисия Флинт, менеджер из фонда Джулио Раске, это Мориц, мой аспирант. А это, — обернулся он к своим спутникам, — Тимур Вагабов, начальник Лунной базы.

— Так, ребята, вы знаете, что делать, — обратился Вагабов к своим новоприбывшим сотрудникам. — Только не забудьте сдать скафандры экипажу, они ВКФ-овские. А остальным я предлагаю пока разместиться, — он указал рукой на длинное двухэтажное строение, пересекавшее купол по диаметру. — В три часа по Гринвичу жду вас у себя в кабинете. Мара, настоятельно рекомендую тебе поспать хотя бы два часа. Ганс, а ты небось уже успел проголодаться? Пошли, что ли, напою тебя чаем. У нас тут ещё только десять утра, а обед по расписанию с двух.

Шварцвассер и Вагабов разместились в кабинете начальника Лунной базы. Эти двое знали друг друга давно — ещё до 2208 года аспирант Венского Технологического Ганс Шварцвассер рвался конструировать космическую технику, а аспирант Международного Института Солнечной Системы Тимур Вагабов отчаянно нуждался в этой технике.

— Что там случилось у вас на Земле, и почему вдруг кого-то заинтересовали наши богом забытые купола? — спросил планетолог.

— По-моему, младшее поколение Лависко, воспользовавшись отсутствием родителей и попустительством Тадеуша, решило организовать на Земле третью космическую эру, — усмехнулся Шварцвассер. — То моего лучшего аспиранта сманят младшим механиком на арктурианский трамп, то арктурианскую певицу пристроят в Венскую оперу. Теперь вот посоветовали молекулярным биологам Вейссмана использовать в качестве полигона Луну. Причём это уже Келли.

— Что забавно, не только они. Моих ребят уже два раза приглашали на общечеловеческие конференции по планетологии. И эта самая Фаррани появилась на Земле отнюдь не по приглашению Келли Лависко.

— И как твои ребята?

— Ты знаешь, довольно неплохо. Они там у себя в колониях мало работают со спутниками планет-гигантов, все силы уходят на планеты, пригодные для колонизации. Поэтому МИСС в Галактике котируется чуть ли не наравне со Станцией Сириус. Единственно что — сложно искать оказии. К нам в Солнечную систему заходит не так уж много кораблей.

— А почему у тебя нет своих?

— Откуда? Мне режут финансирование каждые четыре года. У меня весь внутрисистемный транспорт — исключительно за счёт практики студентов ВКФ, а вся программа исследования Ганимеда идёт на те средства, которые Порт-Шамбала выделяет на ганимедскую станцию мониторинга скачковой зоны.

— У тебя же Луна есть. Ты сидишь в Клавиусе, как собака на сене, а у тебя за стенкой, — Шварцвассер указал в сторону главного купола, — можно сказать, промышленные мощности целой планеты. В своё время здесь была построена примерно половина технологических кораблей, из которых раскручивалась промышленность колоний. Только после Лемурийского инцидента их начали строить на Авалоне. А до того — все здесь.

— Допустим, запущу я заводы. Но нужна хотя бы парочка инженеров, чтобы за ними приглядывать. А где я их возьму?

— Не проблема. Только свистни, от меня сбегут последние аспиранты. Любой инженер, работающий с космической техникой, втайне мечтает побывать на других планетах. Ты можешь сразу предложить ему Луну, а будет хорошо себя вести, так и всю остальную Солнечную систему. Но вообще, если мы сейчас начнём расконсервировать это дело для вейссмановского проекта, будут у тебя инженеры.

— А проекты?

— Да у меня куча этих проектов. Сильверхавн, Лерна и прочие колониальные верфи в обмен на мои разработки для ВКФ регулярно шлют разработки для Торгфлота. Мне они совершенно не нужны, но не зажимать же свои военные разработки

из-за такой ерунды.

— Хорошо, построили мы с тобой пару трампов, — продолжал рассуждать Вагабов. — А экипажи к ним где брать?

— А где брали экипажи для «Индевора», а ещё раньше для «Челленджера»? Думаешь, я не знаю? Улетал человек на два года на дежурство на базе «Япет-орбитальный», а потом почему-то оказывался в толиманской космоходке. Но это тогда. Сейчас всё проще: звонишь Тадеушу Лависко и просишь принять учеников на курсы смены специальности при ВКА. И лететь никуда не надо.

— Мне бы твой оптимизм. «Возьмем, расконсервируем, настроим для Вейссмана изолированных куполов»... — Вагабов скривился. — Беда в том, что Клавиус никто не консервировал. Он медленно пустел, забрасывался, деградировал... А потом сбрендивший компьютер объявил боевую тревогу, которую не смогли отменить нигде, кроме этого маленького купола, и заблокировал все проходы. Разумеется, тревогу было с чего объявлять — вон на стоянке до сих пор останки «Индевора» валяются. Но как вы будете добираться до главного купола, не представляю.

— На это у меня есть двое курсантов ВКА. Может быть, их учили штурмовать вражеские купольные города, — задумчиво произнёс Шварцвассер. — А если не учили, так они сами под куполом росли, может, знают что интересное...

Глава 33

Мертвый город Клавиус

В три часа по Гринвичу в кабинете Вагабова собрались все прилетевшие.

— Проблема в том, — начал Вагабов, — что почти двадцать лет никто даже не пытался проникнуть в Большой купол. Когда включилась то ли боевая, то ли метеоритная тревога при обстреле Клавиуса шияарами, все шлюзы между куполами были перекрыты. Разблокировать наши шлюзы мы смогли, потому что у нас на центральном пульте купола дежурил человек, который был авторизован как администратор систем жизнеобеспечения и имел полномочия отменить тревогу. Тогда ещё действовала связь с компьютерными системами главного купола. Но лет десять назад что-то случилось с кабелями, и мы лишились доступа даже к мониторингу климата в центральном куполе.

— Но воздухообмен-то работает, — возразила Мара.

— Почему ты так думаешь?

— Сколько у вас человек на базе? Восемнадцать, не считая нас. Площадь этого купола — около гектара. Зелёные насаждения занимают не более четверти от этой площади. Причём это не высокоэффективные псевдоджунгли, а декоративные газоны и кустарник. Фоточерепицы с водорослями тут тоже не видно. Так что здесь вряд ли хватило бы кислорода больше чем

на десятерых, не будь подпитки воздухом из соседних куполов.

Вагабов не считал себя специалистом по замкнутым системам жизнеобеспечения. То, что купола Клавиуса обеспечивают кислородом столько народу, сколько надо, он всегда принимал как данность.

— Действительно, в подвале есть какая-то труба с решётками, из которой дует воздух, — вспомнил он. — Но я всегда полагал, что она ведёт к какой-то регенерационной машине, а не в соседний купол.

Шварцвассер призадумался:

— Не помню никаких регенерационных машин. С самого начала, когда в пятидесятых годах позапрошлого века появились замкнутые системы жизнеобеспечения, они были основаны на том, что Мара называет фоточерепицей — прозрачных пластиковых кассетах со специально сконструированными штаммами водорослей. Там, где половину времени можно освещать фоточерепицу естественным светом, никто не будет закапывать её под грунт.

Вагабов достал из нижнего ящика стола огромную связку ключей, и они отправились в подвал. Увидев, что за Шварцвассером следует Мориц, Джек тоже попросился в разведку, и Мара не увидела причин ему отказывать.

В задней стене длинного здания, единственного строения под куполом, имелась неприметная металлическая дверь. За ней оказалась верхушка винтовой лестницы, уходившей вниз. На глубине метров десяти лестница окончилась на полу длинного коридора, выкрашенного белилами, по сторонам которого темнели другие металлические двери. Здесь было холодно, намного холоднее, чем под куполом, и ощущалось явственное движение воздуха. Под потолком проходили два прямоугольных жестяных короба, ниже вдоль стены был протянут десяток разномастных кабелей. Все это тускло освещалось несколькими старинными светодиодными лампами непривычно синеватого цвета. С одной стороны коридор упирался в стену, с другой — уходил куда-то в темноту, в которой угадывались полу-

раскрытые стальные двери.

— В принципе, этот коридор ведёт туда, куда нам надо, то есть в Большой купол, — сообщил Вагабов. — Но с той стороны гермодвери закрыты, и мы понятия не имеем, как снаружи подать сигнал на их открывание.

— А плазменной горелкой? — поинтересовалась Мара.

— Вот что известно абсолютно точно, так это то, что при попытке вскрыть двери силой, не отключив предварительно защитные системы, происходит подрыв коридора на протяжении нескольких десятков метров. А горнопроходческой техники у нас тут нет. Она вся там, за этими дверями.

— Значит, придётся лезть, — сделала вывод Мара и обратилась к самому высокому из членов группы: — Мориц, подсадика меня.

Встав ему на плечи, девушка дотянулась до вентиляционных решёток и, вытащив из кармана какую-то ленточку, стала исследовать воздушный поток, вырывающийся из трубы.

— А теперь перейди к противоположной стене.

— А не свалишься?

— Постараюсь.

Долговязый аспирант медленно, аккуратными шажками пересёк коридор. Как Мара и предполагала, эта труба всасывала воздух, а не нагнетала его.

— Держись, прыгаю, — она легко соскочила с плеч Морица.

— Ну что там? — спросил начальник базы.

— Всё понятно. Надо лезть в Большой купол, найти там пульт и отключить состояние тревоги. А если не получится, найти в тоннеле кабели, ведущие к подрывным патронам и механизмам открывания дверей, и перерезать, после чего открывать двери вручную. Там должен быть аварийный ручной привод.

— И кто туда полезет?

— Я! — тут же вызвался Джек. — Все-таки, Мара, я у́же тебя на пять сантиметров. А короба там такие, что даже я впритык пролезу.

Мара задумалась. В предложении Джека был резон. Но четыре года в академии её учили, что подчинённых надо вести за собой, а не посылать вперёд себя в опасные рейды. К тому же ей самой безумно хотелось первой ступить на землю Большого Купола, где уже сотню лет не бывало людей.

— Пошли готовиться, — после непродолжительного размышления сказала она.

Через несколько минут Линда и миссис Флинт с удивлением наблюдали процесс подготовки экспедиции по вентиляционному коробу. Мара сбегала в пинассу и приволокла оттуда ящик всякого инструмента. После возвращения она не стала снимать легкий скафандр, а только откинула на спину мягкий шлем-капюшон. Джек тоже был засунут в скафандр, несмотря на слабые возражения, однако аргумент «извозишься в пыли, сам будешь форму отстирывать, робохимчистки тут нет» оказался для него достаточно убедительным. Поверх скафандра на одно его плечо была надета подмышечная кобура с пистолетом, а на второе — катушка с тонким оптоволоконным кабелем. Миссис Флинт понимающе кивнула, увидев, что Мара не рассчитывает на прохождение радиоволн по подлунным лабиринтам. В наплечную сумку был отобран набор инструментов. Сама Мара экипировалась почти так же, готовая в случае чего идти выручать своего подчинённого.

Вагабов оглядел обоих курсантов:

— Ну что, вроде нормально собрались. Никаких упущений не вижу. Только, Мара, не вздумай всё время сидеть на подстраховке там, в подвале. Отправишь — поднимайся наверх и жди здесь. И я бы на твоём месте пока что снял скафандр. Пару минут на одевание ты легко компенсируешь тем, что будешь более свежая.

— Угу, — буркнула Мара, проверяя работоспособность небольшого ноутбука, в который был воткнут конец кабеля из катушки на боку у Джека.

Втроем с Морицем они снова спустились в подвал, на этот раз прихватив с собой стремянку. Мара аккуратно отвинтила

решётку на вентиляционном коробе, и Джек приготовился забраться в отверстие.

— Контрольный срок — семь часов по Гринвичу, — сказала девушка на прощание. — Если к половине шестого не доберёшься до открытого пространства под большим куполом, возвращайся.

Джек скрылся в коробе, а Мара и Мориц вернулись наверх, под малый купол. Там вокруг ноутбука, оставленного Марой на стоявшем на улице столике, уже собрались не только участники экспедиции по расконсервации, но и добрая половина персонала Лунной базы. Хотя пока смотреть, в общем-то, было не на что: камеры очков Джека передавали изображение длинного тоннеля, освещённого налобным фонарём, а в углу экрана медленно сменялись цифры длины кабеля, вытравленного с катушки.

Минут через сорок впереди показалась металлическая решётка. Посмотрев на неё, Джек решил поискать обходные пути. Он обстучал все четыре стороны короба, потом вытащил из набора универсальный электроинструмент и включил в режим дрели. Экран потемнел — парень приник глазом к просверленной дырке, не заботясь о том, попадёт ли что-нибудь в поле зрение камеры, смещённой от оси зрачка сантиметра на три. Затем он включил инструмент в режим лобзика и вставил в него полотно по металлу. Спустя пять минут в стене короба образовалось отверстие, вполне достаточное для того, чтобы подросток мог пролезть. Теперь и оставшиеся в малом куполе увидели тёмное помещение с железной лестницей в углу, освещённое только налобным фонарём

Джек сбросил вниз верёвочную лестницу, закрепив её за решётку, перегораживавшую вентиляционный канал, спустился на пол, потом поднялся по лестнице, открыл люк, который был не заперт — и в глаза ему ударил дневной свет. Если в малом куполе подвал находился на глубине около десяти метров, то под Большим куполом всё было гораздо ближе к поверхности.

Выбравшись из люка, Джек оказался на тротуаре, иду-

щем вдоль неширокого проезда, покрытого потрескавшимся асфальтом, сквозь который пробивалась трава. Кругом зеленели кусты и деревья, сквозь которые просвечивали разнообразные постройки. С одной стороны высилась грубая стена из естественного камня, на высоте примерно третьего этажа переходящая в прозрачную крышу купола.

Буквально в двух шагах за невысоким бруствером асфальтированная дорога спускалась вниз — видимо, к тому переходу, который предстояло открыть.

— Здесь очень жарко, — отрапортовал Джек. — Включаю охлаждение скафандра.

На сохранившихся планах, которые Мара и Джек изучили, прежде чем начинать эту экспедицию, диспетчерская находилась в паре кварталов от того места, где Джек выбрался из трубы. Туда он и направился.

Он пересёк довольно широкую дорогу, по середине которой проходили трамвайные рельсы. Ни Джек, ни наблюдавшие за его действиями на экране не обратили внимания на то, что рельсы не покрыты ржавчиной. Тонкая линия оптоволоконного кабеля пересекла рельсы и потянулась дальше, отмечая путь первого человека под этим куполом за сто лет.

Но не успел Джек дойти до следующего перекрёстка, как из-за поворота, негромко постукивая на стыках рельсов, выехал роботизированный трамвай, который уже полтораста лет регулярно проезжал тут по своему кольцевому маршруту.

Внезапно картинка на экране ноутбука исчезла. Мара мгновенно дёрнулась к скафандру.

— Подожди, — остановил её Вагабов. — Если пропала связь, это не значит, что человека надо немедленно спасать.

— Но что-то случилось. . .

— Судя по тому, что мы ничего не увидели и не услышали, случился обрыв кабеля. Мог захлопнуться люк, мог сработать какой-нибудь воздушный шлюз, которых Джек явно преодолел не меньше двух. А ещё, судя по обилию зелени, там вполне могут водиться крысы, которые решили попробовать кабель на

зуб. Ты приказала ему немедленно возвращаться после обрыва связи?

— Нет...

— А контрольный срок определила?

— Конечно. Семь часов.

— Вот до семи часов сиди и делай вид, что всё идёт по плану.

— Но...

— Ты в первый раз отправляешь подчинённого куда-то, где нет связи?

— Ага...

— Привыкай. Такое случится ещё не раз: будешь командовать каким-нибудь крейсером, будут у тебя пинассы уходить за несколько световых часов. Ты сама-то уже попадала в такие ситуации, как Джек сейчас? Когда исчезает связь с начальством?

— Нет...

— Тогда, конечно, сложнее. Ты сейчас сидишь и думаешь: «А вдруг он там запаникует?» Но представь на его месте себя: ты бы спокойно продолжала выполнять задание. И он так поступит. Сколько руководящих указаний ты дала ему за предыдущий час?

— Ни одного...

— Вот видишь, он прекрасно действует самостоятельно. И волнуется по поводу обрыва связи куда меньше, чем ты. Подозреваю, даже несколько меньше, чем оно того стоит.

Однако Вагабов недооценил Джека — тот вовремя заметил исчезновение связи и, оглянувшись, увидел мелькнувшую корму трамвайного вагона. Аппарата для сварки оптоволокна у него с собой не было, так что оставалось продолжать путь в надежде, что удастся найти что-то подходящее или хотя бы другой канал связи в диспетчерской.

Диспетчерская представляла собой трёхэтажную башню с балконами, соединёнными лестницами. Поднявшись на балкон третьего этажа, Джек огляделся по сторонам. Сейчас он уже поднялся из ямы, в которой располагался город, и оказался на

уровне лунной поверхности, прекрасно различимой через прозрачный купол. Вот на западе клонящееся к закату Солнце, вот на севере, над самым горизонтом, серп Земли. А вокруг неё — тысячи спутников связи. Но далековато, далековато... А вот тут прекрасно видно малый купол. А у его подножия торчит киль пинассы. Ну-ка, наверняка же она слушает на стандартных частотах боевой сети!

И действительно, удалось зацепиться за полевой интерфейс пинассы. Сигнал был очень слабый, но можно передавать хотя бы текстовые сообщения.

Мара, сидевшая на лужайке около бесполезного ноутбука и пытавшаяся выглядеть спокойной, подскочила на месте, когда ей на очки через пинассу пришло сообщение от Джека: «Кабель переехан роботом-трамваем. С балкона диспетчерской доступна боевая сеть пинассы, но с очень низким качеством. Продолжаю действовать по плану.» Потянувшись, она с облегчением вздохнула.

— Какие-то новости? — спросил Анджей, до того молча сидевший рядом.

— Да. Джеку удалось зацепиться за беспроводную сеть пинассы. Действительно, просто повреждён кабель. Всё идёт по плану.

Ещё через полчаса через пинассу пришло очередное сообщение от Джека: «Малый шлюз на переходе в 4-й купол разблокирован. Встречайте.»

— Пойдём, встретим, — попросила Мара Анджея.

— А Вагабова, Шварцвассера и миссис Флинт звать не будем?

— Не будем. Зачем? Потом, после ужина, Джек доложит им о своих открытиях в спокойной обстановке.

* * *

На следующий день в Главный купол Клавиуса отправилась многочисленная экспедиция. В дополнение к прилетевшим Вагабов отправил туда двоих своих аспирантов, заметив,

что ребятам неплохо бы поучиться действовать на неизвестной местности с биосферой.

За сто лет деревья и кусты, посаженные когда-то на газонах Клавиуса, разрослись, и теперь, стоило отойти с главных улиц в жилые кварталы, путешественники попадали в причудливые джунгли. Все они выглядели слегка необычно — стволы и ветки были намного тоньше, чем на Земле, но очень длинными. Видимо, растения приспособились к слабой гравитации и практическому отсутствию ветра.

Линда, забыв про свою биохимическую специализацию, начала с энтузиазмом изучать местную растительность. К удивлению Мары и Анджея, миссис Флинт довольно квалифицированно помогала ей. Вагабовские ребята тоже пытались, но проку от них вышло довольно мало: было видно, что эти люди привыкли работать на планетах без биосферы, а описаниями растительности если когда и занимались в студенческой юности, то давно это забыли.

Через некоторое время экспедиция вышла на покрытую плиткой большую площадь, в центре которой согласно плану, притащенному Джеком из диспетчерской, должен был находиться бассейн. Однако вместо бассейна внутри парапета оказалась пышная зелёная лужайка, в центре которой, видимо, на месте фонтана, рос огромный клубок вьющихся лиан, украшенных нежно-фиолетовыми цветами.

— Вот чудеса! — воскликнула Линда и вскочила на парапет, чтобы добраться до удивительных цветов.

Мара с некоторым запозданием сообразила, что к чему, и бросилась за ней с криком: «Стой!» Но было поздно: Линда сделала широкий шаг на лужайку и провалилась по грудь в мокрую липкую грязь.

Сорвав с пояса моток шнура, Мара обвязалась им и бросила бухту планетологам: «Страхуйте!» — после чего аккуратно растянулась на парапете всем телом и осторожно, хотя и быстро, поползла в сторону Линды.

— Тяните! — крикнула она, ухватив её под мышки. — Мориц

и профессор — за ноги, а вы — за верёвку.

Приложив немалые усилия, четверо мужчин выволокли обеих девушек на берег. Мара, фыркнув, стащила с себя скафандр и подняла его за ноги, вытрясая воду. Тельняшка у неё на груди была мокрая.

— Говорила мне мама, — проворчала она, — не ходи по болоту в незагерметизированном скафандре — зачерпнёшь. И кто только учил тебя физической географии? — обратилась она к Линде. — Очевидно же, что если на карте столетней давности нарисовано озеро, а на местности наблюдается зелёная травка, значит, там низинное болото. Ты же биолог. Если не ландшафтоведению, то биогеоценологии вас должны были учить.

Линда уже стащила с себя всю одежду и растерянно огляделась по сторонам в поисках того, чем можно вытереться.

— Джек, у тебя есть мысли, чем бы заменить полотенце? — спросил Мориц у Летайра.

— У меня нет мыслей, у меня есть полотенце, — ответил подросток, расстёгивая уже сброшенный со спины небольшой рюкзачок.

— Коммуникатор-то у тебя не подмок? — вдруг спросила у Линды миссис Флинт.

Вся молодёжь дружно повернулась к ней, удивлённо вытаращив глаза.

— А что ему сделается?

Шварцвассер рассмеялся:

— Алисия, скажите, какое хобби на открытом воздухе было у вас лет тридцать назад?

— Волонтёрила с экологами мэдисонского университета. А как вы догадались?

— Привычка первым делом спасать телефон при попадании в воду или в болото. Видите, молодёжь вас не понимает. Они выросли уже в эпоху Терранета, когда телефонов, не способных выдержать погружение в воду на метр, просто не делают. А кто занимался какими-нибудь делами на свежем воздухе до появления на Земле спейсиан, приобрел привычку при попада-

нии телефона в воду сразу же вытаскивать аккумулятор.

Мара уже извлекла из рюкзака запасную тельняшку и переоделась. Система жизнеобеспечения скафандра как-то справилась с водой, которую не удалось вытрясти, и она была готова продолжать путь. Однако с Линдой было сложнее — даже если собрать запасную одежду со всей экспедиции, полноценно экипировать её не получалось.

Джек предложил попробовать вторгнуться в какое-нибудь жильё — вдруг там найдётся работающий водопровод, и можно будет по крайней мере отполоскать грязь.

Первая же дверь квартиры в первом же подъезде оказалась не заперта, просто плотно закрыта. На полу лежал внушительный слой пыли. Всё-таки в куполе Клавиуса хватало открытой земли и растений, чтобы пыль летела почти как на Земле. Линда заглянула в полутемную ванную и попробовала открыть кран. Ничего. Шварцвассер сунулся в соседний туалет, открыл дверь стенного шкафа за унитазом и повернул какой-то вентиль. Раздался тяжёлый вздох, потом продолжительное гудение, и из крана потекла тонкая струйка воды.

Тем временем Мара, Джек и Мориц занялись обследованием остальной квартиры. Было видно, что жилье оставляли в спешке, но аккуратно — вся мебель была на месте, шкафы закрыты. Со спинки стула в спальне свисало несколько предметов одежды вместе с плечиками — похоже, обитатель квартиры выбирал, что взять с собой, а что оставить.

Застеклённые книжные шкафы были полны книг. Видимо, библиотеку оставили целиком. На столе лежал журнал, обложка которого выцвела до неразборчивости. Мара аккуратно взяла его в руки и начала листать.

— Вы только посмотрите! — вдруг воскликнула она.

Мориц и Джек заглянули ей через плечо с разных сторон. На фоне голубого купола посреди красной пустыни по журнальной странице шли яркие буквы: «Почему Земля не Марс».

— И ведь они писали это на полном серьёзе! — восхитилась Мара.

На этот возглас в комнату собрались все остальные. Даже Линда с недостиранными штанами в руках.

— Вот, смотрите, — начала Мара. — Некий деятель в 2095 году без всякой иронии доказывал, что марсианские колонисты просто обязаны быть зажиточнее, свободнее и счастливее землян. Во-первых, на Марсе меньше гравитация, что приводит к значительному удешевлению поверхностных перевозок. Во-вторых, на Марсе менее плотная атмосфера, поэтому нет ни разрушительных ураганов, ни дождей, ни снегопадов. В-третьих, на Марсе нет гидросферы, а значит, риска катастрофических наводнений. В-четвёртых, на Марсе нет активной тектоники, поэтому нет необходимости в сейсмостойком строительстве. В-пятых, месторождения полезных ископаемых не выработаны на протяжении многотысячелетней истории человечества. В-шестых, все люди на Земле жалуются, что двадцати четырёх часов в сутках мало, а у жителей Марса есть дополнительные тридцать семь минут.

— И что здесь не так? — спросила Линда. — Вроде вполне разумная аргументация.

— Да всё не так. На тот момент существовал по меньшей мере десяток колоний на планетах земного типа, и было уже вполне известно, что при наличии выбора люди предпочитают селиться там, где есть почти все перечисленные факторы, кроме пятого. А на Лемурии и Авалоне даже пятый есть.

* * *

Составив представление о состоянии жилой части купола, экспедиция засела в диспетчерской. Шварцвассер копался в компьютерной системе, а Мара и Джек методично просматривали папки и бумажные журналы на стеллажах. Мара работала молча, а Джек мурлыкал себе под нос:

Мир для парня очень прост —
В мире сорок восемь звёзд.
Где прикажут, там воюй,

А помрёшь, так не горюй.

И разносит песню ветер
По всему аэродрому,
Ах, как ярко Солнце светит
У меня в Кентукки дома!

— А действительно, сколько всего звёзд? — вдруг спросила Линда, которая, как и миссис Флинт, сразу не смогла найти себе дела в непривычной обстановке.

— Что самое смешное, — ответила Мара, не поднимая головы от какой-то пыльной бумаги, — звёзд, вокруг которых крутятся обитаемые миры, действительно сорок восемь. А миров — пятьдесят, не считая Земли. Потому что в системе Арктура три мира, а в Солнечной Системе, кроме Земли, есть Марс.

— За то я и люблю эту песенку, — добавил Джек. — В ней фактически всё правильно: и звёзд сколько надо, и родина — в Кентукки.

— А ты-то тут при чем? Ты же из Порт-Шамбалы.

— Я приёмный. А родился я в Кентукки.

— Так ты — сын Эллы Спондж?! — в мозгах у Алисии Флинт что-то щёлкнуло, и она поняла, почему Джек Летайр всё это время кого-то ей смутно напоминал.

— А вы были знакомы с моей мамой? — Джек выпрямился, повернулся к миссис Флинт и взглянул ей прямо в глаза.

— Была. Когда-то давно я волонтёрила в WWF, там и познакомилась с Эллой. Но если для меня это было так, хобби, отдых по выходным, то для неё — дело жизни. Потом она вышла замуж за Давида, тот вообще был профессионал, биолог из Мэдисона, и они уехали в Танзанию. И там вроде бы погибли в авиакатастрофе.

— В катастрофе, — фыркнула Мара. — Всё равно что сказать, что они умерли естественной смертью. Нет ничего естественнее смерти, если в голову попала крупнокалиберная пуля.

— Ты знаешь подробности?

— Их знает вся Порт-Шамбала. Мой папа тогда командовал «Нельсоном», с которого отправлялась десантная группа.

А Лаура Джоунс, старшая дочь приёмных родителей Джека, учится со мной в одной группе. Дело было так: терранетовская система анализа спутниковых снимков засекла стрельбу из крупнокалиберного пулемёта, и почти одновременно пришёл звонок на тревожный номер. Звонок-то пришёл, а никто ничего не говорит — только тяжёлое прерывистое дыхание, свист ветра и детский плач. Эскадра в тот момент как раз проходила над Луандой по низкой орбите, так что десантный флиттер и звено дронов-перехватчиков были на месте минут через семь. Перехватчики туда отправили потому, что, пока десантники грузились во флиттер, аналитики соотнесли точку звонка и цель того пулемёта. Прилетели, видят посреди саванны лёгкую авиетку. Мотор пробит, винт заклинен, в кабине дырки от пуль. Пассажирка убита наповал, пилот прожил ровно столько, сколько было надо, чтобы посадить машину. Как он это сделал с такими ранениями, непонятно. А на втором ряду сидений пристёгнуто ремнём детское кресло с годовалым ребёнком. Десантной группой командовал Джоунс-третий, а его жена тогда как раз сидела в декрете, собиралась рожать вторую дочку. Так он сразу сказал, что, если что, в приют этого парнишку не отдаст. «Если что» и получилось.

— А пулемётчики?

— А что пулемётчики? Попытались пострелять по дронам. Дроны разнесли им пулемёт и барражировали на бреющем, не давая подняться, пока десантники не разобрались с жертвами теракта и не взяли исполнителей тёпленькими.

* * *

В Малом куполе Клавиуса был большой зал, который называли каминным. Не то чтобы в нем рисковали зажигать настоящий огонь, но там стоял электронагреватель, стилизованный под камин, даже с неплохой имитацией горящих углей, и обычно царила полутьма даже в разгар лунного дня.

Вечером в этом зале собрались миссис Флинт, Шварцвассер, Линда и Мориц. В уголке сидел Джек Летайр и что-то

делал на планшетном компьютере.

Мару и Анджея в последний раз видели в тренажерном зале. Мара полагала, что экскурсии в Большой купол — явно недостаточная физическая нагрузка, и чтобы из костей не вымывался кальций, при лунной гравитации необходимо регулярно заниматься упражнениями. Поэтому она добросовестно обучала всех штатских из экспедиции.

Джек поднял голову от планшета и обнаружил, что Мары всё ещё нет, Шварцвассер о чём-то беседует с миссис Флинт и Линдой, а Мориц как-то остался в стороне.

— Мориц, ты ведь инженер-кораблестроитель? — обратился он к аспиранту. — Не можешь мне помочь? А то у меня задачка не получается...

Аспирант подошёл к мальчику и поглядел на его планшет. На экране был схематический чертёж корвета с обозначенными повреждениями.

— Это по какому же предмету?

— Боевое пилотирование. Вот список повреждений и задача совершить манёвр, который выводит в эту точку, — картинка на экране сменилась, появились астероиды и линии траектории. — Тут есть замечательный манёвр, который делает ровно то, что надо. Но нужна двадцатисекундная коррекция на 20 м/с^2. Воды-то в баках по условию хватит, и вроде при таких повреждениях набор должен выдержать. Но это же не бой, а учебная задачка. Мне надо доказать преподавателю, что набор выдержит.

— А если не доказывать, а воспользоваться вот этой траекторией? — Мориц ткнул пальцем в линию на планшете, которая изгибалась более плавно.

— Тогда это максимум девять баллов. За перестраховочные решения у нас двенадцать не ставят.

Мориц задумался. Потом отобрал у Джека планшет и стал выписывать формулы для эпюры напряжений в повреждённом стрингере. У планшета была достаточная вычислительная мощность, и брать интегралы в символическом виде он явно

умел, но чтобы такое требовалось от первокурсника... Даже от восемнадцатилетнего первокурсника в Венском Технологическом, не то что от двенадцатилетнего первокурсника ВКА.

— Мориц, чему ты учишь ребёнка? — раздался над его плечом ехидный голос Мары через пять минут, когда он уже был близок к решению. — В бою у него не будет времени рисовать все эти эпюры, тем более, что положения дырок от снарядов в балке никто не вымерял микрометром. Нужно взять таблицу. Считать эпюры нас учат только на четвёртом курсе, и то не для свежих повреждений, а для результатов текущего ремонта. Когда у тебя есть время послать сварщиков и возможность сделать томограмму результатов их работы, тогда можно и посчитать, сколько будет держать балка после ремонта. А здесь у него другая задача. Её надо решать на скорость.

Мара уселась рядом с Джеком и стала помогать ему разобраться в задачках.

Тем временем Линда рассказывала миссис Флинт, Шварцвассеру и присоединившемуся к ним Анджею историю своего проекта:

— Понимаете, пока этот вирус не собран, нет никакой возможности доказать, существует опасность выхода из-под контроля или нет. Шеф как-то сравнил эту проблему с чайником Рассела. Есть там чайник или нет, науке неизвестно...

— Вот уж в чем нет смысла сомневаться, так это в существовании чайника Рассела, — оторвалась от задачек Мара. — Я его лично в руках держала.

Она встала и подошла к компании, не выпуская из рук планшет Джека.

— Глядите, — на экране планшета появилась фотография человека в среднем скафандре, висящего в невесомости на фоне звёздного неба с фарфоровым заварочным чайником в руках. — Это, правда, не я, а Ким. Чайник запустили к двухсотлетию со дня рождения Рассела. Говорят, это сделал лично Игорь Венёв, который в том же году совершил первый межзвёздный полёт. А у нас на третьем курсе этот чайник служит

постоянным учебным пособием по курсу «перехват пассивных объектов в космосе». В смысле — догнать, поймать, погладить и отпустить, пусть дальше летает.

Глава 34

Кусок системной платы

Ещё три месяца назад Алекс Оттерван даже предполагать не мог, что увлечётся игрой в «Галактические Империи». Но после достопамятных посиделок в приюте Хохшваб ему стало интересно время от времени перекинуться парой фраз с этими ребятами из ВКА. Внутриигровой чат в «Империях» давал такую возможность, при этом не вынуждая Алекса думать, что он специально идёт на контакт с «оккупантами». Поэтому небольшое королевство Тролльхейм, возглавляемое жутко деспотичным Альпийским Троллем, вот уже два месяца тихо процветало в уголке Галактики, не особо влезая в большую политику, но и не давая себя в обиду.

```
<alpentroll> demiurg22: Ким, ты интересовался, когда я
... соберусь в Бордо.
<demiurg22> alpentroll: Да, было дело.
<alpentroll> Ну вот, я собрался. В понедельник должен
... быть там с утра.
<demiurg22> Билет уже взял?
<alpentroll> Нет ещё.
<demiurg22> И не бери. Давай я подкину тебя туда в
... понедельник утром, а ты меня там познакомишь с
... Айзеком Бро-как-его-там.
<alpentroll> Почему как-его-там?
```

```
<demiurg22> Потому что это у вас на форуме он
... Бромберг, а по жизни Бромптон.
<alpentroll> У вас, оккупантов, вообще существует
... понятие privacy?! Взял и нарыл где-то настоящее
... имя владельца псевдонима...
<demiurg22> Где-где - в биллинговой базе Терранета.
... Так подкинуть тебя  в Бордо?
<alpentroll> Подкинь. Когда и где?
<demiurg22> В понедельник, в десять перед твоим
... подъездом.
<alpentroll> Мне в десять уже надо быть там.
<demiurg22> Так там время Гринвичское, а у вас -
... среднеевропейское. Целый час в запасе.
<alpentroll> В Бордо среднеевропейское время, как и во
... всей Франции.
<demiurg22> Секунду, где у меня тут карта часовых
... поясов? Точно. Я подумал, что раз Бордо почти
... точно на нулевом меридиане, там должно быть
... Гринвичское время, а у вас часовые пояса проводят
... по административным границам. Извини, тогда в
... девять.
<alpentroll> А что это Мары в игре не видно?
<demiurg22> Она на Луне, вместе с вашей Линдой Раштен.
... Оттуда не помодерируешь - слишком большие задержки.
```

Благодаря Киму Алекс смог провести дома лишнюю ночь. А в Бордо, вернее над Бордо, оказался даже на полчаса раньше назначенного времени.

— Тебе куда надо? Университет Бордо I? Ох, чёрт возьми, куда же здесь садиться? — Ким разглядывал из флиттера, зависшего на высоте максимум в сотню метров, плотную старинную застройку окрестности площади Ле Берлан. — А тут они ещё эти колокольни влепили...

Башни собора Сент-Андре были уже фактически на уровне флиттера.

— Ага, вот здесь у них парковка, и даже место есть.

Флиттер скользнул в узкое ущелье между домами, называющееся улицей Командан Арну, и встал на опоры, втиснувшись между двумя компактными машинками. Ким откинул фонарь и вытер пот со лба.

— Уфф! В ваши европейские города пока сядешь...

Он было направился к площади Ле Берлан, но Алекс остановил его и подвёл к неприметной деревянной двери к стене. Как оказалось, в университет можно проникнуть и с этой стороны.

Внутри здание представляло собой лабиринт узких коридоров и винтовых лестниц, но Алекс уверенно направился куда-то. Пройдя несколько коридоров, они заглянули в довольно большую комнату с широкими окнами, выходящими на внутренний двор.

У входа за столом сидела невысокая темноволосая девушка. Типичная француженка, может быть, с небольшой примесью алжирской или корсиканской крови.

— Старина Байк уже на месте? — спросил Алекс.

— Да, вон там за шкафом переодевается.

— Почему Байк? — шёпотом спросил Ким у своего провожатого.

— Есть такая популярная фирма по производству велосипедов — Бромптон. Потому студенты и прозвали профессора Бромптона «дядя Байк».

Тут из-за шкафа показался сам предмет разговора. Профессор Исаак Бромптон был мужчиной среднего роста и средних лет, с довольно заметным пузом и намечающейся лысиной. Одет он был в свободный свитер грубой вязки и какие-то совершенно неприметные брюки.

— Знакомьтесь, Айзек, это Ким Лэнсер, курсант ВКА, — сказал Алекс. — А это, соответственно, профессор Айзек Бромптон. А я побежал по своим делам.

— И что же вас так заинтересовало в моей скромной персоне, молодой человек? — спросил Бромптон, когда они уселись около стола в дальнем от входа углу.

— Ну разумеется, ваш анализ эволюции шияаров. У вас ещё в прошлом году были очень интересные соображения по этому поводу, а с тех пор мы выложили на ваш форум все видеоматериалы, какие смогли наскрести в наших архивах. Вы ведь работали с Эмилем Дюбуа?

— О да, имею честь считать себя его учеником.

— А ещё у вас очень интересные статьи по исследованию ископаемых остатков компьютерной техники СССР.

— Да, было такое.

— Так что... вот вам небольшой сувенир, — Ким вытащил из рюкзака, который давно уже держал на коленях, плоский пакет из лавсановой плёнки, а из него — компьютерную плату размером примерно 25 на 30 сантиметров, обломанную с одного края и оплавленную с другого.

— Что это? — удивился Бромптон.

— Насколько я понимаю, остатки центрального процессорного узла шияарского астероидного харвестера. Эту плату я нашёл за антенной радара ближнего обнаружения «Лиддел-Гарта» во время осмотра внешней обшивки после боя. Вообще подобных сувениров в Порт-Шамбале много. Правда, народ почему-то предпочитает коллекционировать приводы манипуляторов и маневровые движки. А из компьютерных деталей эта плата — чуть ли не самая хорошо сохранившаяся.

* * *

В ночь со вторника на среду Оттерван вернулся в Вену обычным скоростным поездом с пересадкой в Цюрихе. Едва он успел прийти в себя с дороги, как ему позвонил Бромптон и с ходу задал вопрос:

— Как ты думаешь, зачем твоему протеже Лэнсеру обманывать нас?

— Обманывать?

— Конечно. Вместо шияарской платы он подсунул изделие явно земного происхождения.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Даже если не рассматривать то, что архитектура процессора — не мировая константа, и только земная история знает десятки систем команд, есть такая забавная вещь, как шаг штырьков в разъёмах и толщина линий на плате. Эти размеры могут быть выбраны произвольно в достаточно широких пределах. И то, что эти размеры кратны десятым долям английского дюйма, свидетельствует, что без влияния земной электроники тут не обошлось. Изотопный состав я не проверял, да и мало ли на каком астероиде клепали эту штуку. Но её архитектура свидетельствует о том, что тот, кто её клепал, имеет отношение к людям.

— Ты технарь, — кивнул Оттерван. — Ты разбираешься в железяках, и если ты говоришь, что есть чёткие доказательства земного происхождения, я тебе верю. Но я — гуманитарий и немного разбираюсь в людях. Я вижу, что парень не врёт, когда говорит, что лично подобрал этот обломок на поле боя. А если и тот, и другой факт — правда, значит, мы узнали о шияарах кое-что крайне интересное.

Глава 35

А всё-таки полетим на Марс

Экспедиция работала в Большом куполе уже шестой день, и Анджей начал волноваться за Мару: вместе со Шварцвассером и Морицем она пропадала в диспетчерской купола по десять-двенадцать часов в сутки и приходила оттуда выжатая как лимон. Если бы не Джек, крайне довольный возможностью повоспитывать старшую по возрасту и званию, она бы, пожалуй, забросила даже занятия на тренажёрах. А так на выполнение обязательной программы её кое-как хватало. Однако после этого она падала в постель без сил и полночи ворочалась.

И вся эта самоотверженность не давала ни малейших результатов. Шварцвассеру так и не удавалось подчинить себе центральную компьютерную систему Большого купола, в частности, климат-контроль. Тем временем Солнце уже зашло, и температура в нём стремительно падала. Скоро должны были начать замерзать многочисленные бассейны.

Гораздо лучше чувствовали себя Джек и Линда. Вместе с парой аспирантов-планетологов, которых выделил Вагабов, а также Анджеем и миссис Флинт, которые присоединились к ним сами, они обследовали Большой купол и несколько малых, объединённых с ним вентиляционной системой, и изучали

своеобразную жизнь, развившуюся в них за сто лет.

Конечно, для целей Линды не подходил ни один из этих куполов, ей нужно было что-то более автономное. Поэтому нужно было запускать имеющиеся в куполе производственные мощности и строить отдельные купола с отдельными системами жизнеобеспечения. Но сделать это без центрального компьютера было нереально.

Однако изучать заброшенные дома, заросшие джунглями, развившимися из декоративных кустарников, и населённые одичавшими кошками, было безумно интересно. Участников этих авантюр медик базы официально освободил от тренажёров, считая, что те и так получают достаточную нагрузку. Впрочем, Джек и Анджей всё равно занимались, составляя компанию Маре.

Во вторник Анджей поделился с миссис Флинт своими опасениями относительно команды, работавшей в диспетчерской.

— Вы правы, — кивнула она. — Похоже, они упёрлись в тупик. Надо устроить мозговой штурм.

На следующее утро она отловила всю компанию прежде, чем те успели отправиться в Большой купол, и предложила устроить совещание.

— Ребята, похоже, вы во что-то упёрлись, — сказала она. — А насколько я знаю, если проблема не решается техническими методами, надо попробовать решить её менеджерским. Давайте подумаем, может быть, где-то можно найти экспертов по старинным купольным городам? Мара, у вас в Порт-Шамбале таких нет?

— Вот потому я и торчу в диспетчерской вместо того, чтобы обследовать купол вместе с вами, что у меня есть хоть какой-то опыт работы с системами жизнеобеспечения купольного города, — сквозь зубы бросила Мара. — Но у нас в Порт-Шамбале всё не так. У нас новый город, построенный с нуля по новейшим проционским технологиям. А тут что-то ещё времён до Экспансии. Это… не знаю, как будто современного яхтсмена заставили разбираться с каравеллой Колумба. Мне кажется,

тут нужны какие-нибудь археопрограммисты. Если не ксенотехнологи.

Ксенотехнологи... Капитан Гонсалес, читавший в Академии ксенотехнологию, в своё время сумел справиться с маткой шияаров, посаженной на Мир Осануэва. Но археопрограммисты здесь были бы лучше.

— Ганс, как у нас на Земле с археопрограммистами? — обратилась миссис Флинт к Шварцвассеру.

— По этому периоду — плохо. Вот по XX и первой половине XXI века, классическому периоду Computer Science, специалистов сколько угодно. В Цюрихском технологическом одно время была школа Базиля Шмидта, но лет двадцать назад ей срезали финансирование, самого Шмидта уволили, а учеников распихали по другим проектам. Шмидт обиделся и занялся изготовлением всякой нелегальной техники, вплоть до оружия для оргпреступности. Когда полиция накрыла его мастерскую, он погиб в перестрелке... Совсем ещё недавно был жив Эмиль Дюбуа. Вот он мог что-нибудь знать. Но он почти современник этого города и умер буквально пару месяцев назад.

— С археопрограммистами понятно. Мара, а что там про ксенотехнологов?

— Я тут связалась с дедушкой Тадеком, и он посоветовал поискать специалистов на Марсе, — отозвалась та. — Вроде революция в купольных технологиях под Процио́ном случилась в восьмидесятых годах, а на Марсе эти нововведения были внедрены ещё позже, значит, специалисты, имеющие опыт работы с системами предыдущего поколения, могут быть ещё живы. Официальный запрос на Марс за подписью Келли уже ушёл. Надеюсь, что через несколько часов нам ответят.

— Хорошо, тогда объявляем перерыв до получения ответа с Марса. И вообще выходной, днёвку, или как это называется в экспедициях, — подвела итог миссис Флинт.

Мара заговорщицки схватила Анджея под локоть.

— Куда ты меня тащишь? — поинтересовался он.

— Извиняться.

— Это как?

— Я опять неправильно веду себя с тобой. Настояла, чтобы мы поселились в одной комнате, как постоянные партнёры, а сама сорвалась в штопор с этим глупым допотопным компьютером и совсем не обращаю на тебя внимания...

* * *

К двум часам дня переписка с Марсом благополучно завершилась. Там и в самом деле нашёлся пенсионер, специалист по городскому хозяйству, который был не против слетать на Луну и повозиться со старинным компьютером.

Неожиданно Мара предложила Анджею лететь вместе с ней:

— Тут ты уже всё видел, а там живая купольная цивилизация. Там очень красиво.

— А у меня будет время рассматривать эти красоты?

— На месте разберёмся, — отмахнулась Мара.

Уже перед самым отлётом, когда Мара около шлюза проверяла надетый на Анджея скафандр, к ним подошёл Шварцвассер:

— Только не вздумай садиться на Марс на одной аэродинамике.

— Ну что вы, профессор, я же понимаю, что там за атмосфера. А главное, что там за диспетчеры. Буду аккуратно, всё по наставлению.

Как Маре удалось уговорить Джека остаться на Луне в качестве «полномочного представителя ВКФ», Анджей не видел, но в итоге они полетели только вдвоём.

Пять дней полёта пролетели как сон. Космический корабль, даже такой небольшой, как пинасса — это маленький самостоятельный мир, что бы там ни говорили отдельные снобы, не признающие миром даже Станцию Сириус. И оказаться в целом мире вдвоём с любимой девушкой — что-то необычайное. Анджей не помнил, занималась ли Мара в принципе управлением

пинассой с момента ухода с окололунной орбиты и до входа в зону контроля диспетчеров космопорта Офир-восточный.

Когда Мара отправилась в кабину выполнять посадку, а Анджей сел в противоперегрузочное кресло, ему внезапно пришло в голову, что такое чудо бывает раз в жизни, и чего-то подобного этому полёту повториться уже не может. А значит, что-то должно измениться, и вряд ли в лучшую сторону...

Пинасса коснулась колёсами бетона, начала тормозить и через некоторое время остановилась. Потом что-то ткнулось в обшивку, послышалось лёгкое гудение. Мара выбралась из кабины.

— Вылезай из кресла и пошли в порт.

— А скафандры?

— Зачем? Это же цивилизованный порт с траффиком больше, чем у нас в Порт-Шамбале. Здесь подают переходный тоннель.

Переходный тоннель, гармошка из прозрачного пластика, протянувшаяся от люка пинассы до не такого уж большого здания космовокзала, позволял обозреть окрестности. Рядом с пинассой на бетоне стоял грузный трамп-тысячетонник. К северу и востоку простиралась красная пустыня плато Офир. К югу на горизонте сияло что-то светло-бирюзовое.

— Что это там? — спросил Анджей.

— Это хандрамит Кандор. Была часма[1] — такой огромный каньон, её закрыли плёнкой, накачали воздухом — получился хандрамит, такой же, как Офир. Офир мы отсюда не видим, его здание загораживает, а Кандор — вот он. Вообще весь обитаемый Марс — это такие вот хандрамиты. Когда-то этот комплекс часм назывался «долины Маринера», так как их открыл межпланетный беспилотник «Маринер» в Первую космическую эру. Плохие межпланетные дроны наши общие предки научились делать раньше, чем хорошие телескопы.

Переходный тоннель кончился, и они оказались на неширо-

[1] часма (chasma) — название марсианских каньонов, принятое в современной астрономии

ком балконе, опоясывавшем главный зал космопорта. На противоположной стороне на стене висели плакаты: «Добро пожаловать на Туму» по-русски, «Welcome to Malacandra», «Happy visit to Barsoom» по-английски и ещё с десяток разных названий.

Термин «Малакандра» Анджей с некоторым трудом вспомнил — кажется, так назывался Марс в какой-то английской фантастике докосмической эпохи. Как бишь звали этого автора? Оружейная какая-то фамилия... Максим? Браунинг? Стэн? Мимоходом употреблённый Марой термин «хандрамит» тоже вроде происходил из этой книжки. А откуда взялись остальные названия, он припомнить не смог.

Внизу под балконом располагались столики кафе. За стойкой бара скучал бармен. Все столики пустовали, кроме одного, за которым сидело трое людей в торгфлотовской форме. Вокруг них крутился, подавая блюда, типичный уэллсовский марсианский треножник, правда, маленький, в рост человека.

— Это что, у них юмор такой? — спросил Анджей у Мары.

— Ага! Это же Марс. Планета человеческих фантазий. Тут у всей планеты пунктик: как на Лемурии все бредят Древними, так здесь все норовят припомнить какую-нибудь докосмическую фантастику, в которой был описан Марс. Какое кафе ни возьми, обязательно будет названо в честь какой-нибудь прекрасной марсианки, в которую влюблялся пришелец с Земли. Тут даже городам дают названия из фантастики. Скажем, тот человек, которого мы должны привезти в Клавиус, проживает в городе Корада. Это отсюда почти час на рейлере. Ладно, подожди меня в кафе, а я схожу выполню кое-какие формальности, — с этими словами Мара исчезла за явно служебной дверью.

Анджей спустился с балкона и подошёл к стойке кафе.

— Добро пожаловать! — приветствовал его бармен. — Первый раз у нас на Марсе?

Анджей кивнул.

— Тогда возьми буклет, — бармен ухватил со стенда в углу

стойки брошюру в глянцевой обложке и протянул Анджею. — Ты сам-то откуда? Смотрю, на такой фитюльке прилетел. Как только в неё воткнули двигатель Ангстрёма? Я был уверен, что таких маленьких скачковых кораблей не бывает.

— Не бывает, — подтвердил Анджей. — Это ВКФ-овская пинасса, а я прилетел на ней с Земли.

Бармен смерил Анджея взглядом:

— На офицера ты не похож. На экспедиционщика из МИСС тоже.

— А я и не тот, и не другой. Я журналист.

— Земной журналист? Который пишет во всякие земные издания? Не в National Geographic часом?

— И туда тоже. Может, видел в позапрошлом номере статью про Терранет?

— Ух ты! У нас тут добрых полсотни лет не было земных журналистов. А откуда ты на Земле?

— Из Вены. Это в Европе.

— Тогда давай сделаю тебе кофе по-венски за счёт заведения. Заодно скажешь мне, правильно ли я его готовлю.

Вооружившись чашечкой кофе по-венски, Анджей уселся за столиком и занялся изучением буклета-путеводителя. На первой странице было написано: «Марс — старейший из обитаемых миров». Анджей хмыкнул. «Хандрамиты долин Маринера — крупнейшие в Галактике искусственные сооружения». Здесь возразить было нечего — на более благоприятных для жизни планетах не строят перекрытий в десятки километров шириной и сотни длиной.

«Рейлер — самый быстроходный наповерхностный транспорт». В этом Анджей попробовал усомниться, вспомнив китайские дороги на магнитной подушке, но, вчитавшись, понял, что китайцам ничего не светит: рейлер, который был явным родственником тех дорог, ходил не только по хандрамитам, но и по поверхности плато к рудничным посёлкам, и вот на харрандре, где давление воздуха в сотню раз ниже, чем на Земле, он разгонялся до сверхзвуковых скоростей.

После этой краткой демонстрации достижений шла страница с описанием того, чего на Марсе стоит опасаться.

«Парциальное давление кислорода в воздухе хандрамитов значительно ниже, чем на большинстве обитаемых планет. При серьёзной физической нагрузке возможны одышка, головокружение и прочие неблагоприятные эффекты. Если в первые дни пребывания на Марсе у вас начнётся сухой кашель, немедленно обратитесь к врачу.»

«Сила тяжести на Марсе примерно в два-три раза меньше, чем на других обитаемых планетах. Вероятно, вы не ощущаете этого после космического перелёта, так как в космических кораблях обычно поддерживается ещё меньшая псевдотяжесть, однако будьте осторожны во время физических упражнений.»

«Содержание кислорода в воздухе хандрамитов достигает 45%. Будьте осторожны с открытым огнём».

Глава 36

Разлука, разлука

Из какой-то неприметной двери на первом этаже появилась Мара, подошла к столикам — и вдруг окликнула грузного пожилого человека в торгфлотовской форме:

— Кого я вижу! Дядя Захариос!

Тот, к кому она обращалась, обернулся, посмотрел на неё внимательно, а потом расплылся в широкой улыбке:

— Это же малышка Мара! Как ты выросла! — и встал из-за столика навстречу ей. Мара подбежала к нему, обняла, а потом взяла да и подкинула в воздух.

— Что ты творишь! Надорвёшься, я же тяжёлый! — завопил он, когда Мара поставила его на пол.

— Это же Марс, — ухмыльнулась Мара. — Тут всё в два с половиной раза легче.

— И давление кислорода тоже в два раза меньше. Задохнёшься.

— Ничего, я тренированная.

— Ну, рассказывай, — потребовал Захариос, немного придя в себя. — Как там Тадеуш, как Тордис, как твои родители, как Келли и Ким? Судя по тому, из какой двери ты вылезла, вы с Кимом уже можете говорить «Мы не ребята, мы капитаны», как балаклавские рыбаки царю.

— Мне бы мичмана получить, — с грустью сказала Мара. —

Четыре экзамена ещё не сданы, а я тут мотаюсь по всей Солнечной системе. Капитан, как же. Сам свой лоцман, сам свой боцман. Одна за весь экипаж, с одним пассажиром.

— С пассажиром-то хоть познакомишь?

— Да, конечно. Анджей, знакомься, это капитан Захариос Ставраки, транспортник «Ариадна», из-под Арктура. А это Анджей Краковски, журналист с Земли.

Тут же Анджея пересадили за столик, где сидели офицеры «Ариадны». Мара устроилась там же.

— Анджей – тот самый человек, который может показать землянам, что Вселенная не ограничивается их маленьким шариком, — похвасталась она. — В сентябре я показала ему, как обслуживают спутники СНМ, так он такой репортаж сделал в National Geographic о нашем «Терранете»! А теперь Клавиус. Но это всё-таки немного не то. Клавиус — вообще какая-то техноархеология, город, заброшенный сто лет назад. А теперь вот притащила Анджея на Марс. Жаль, нет времени как следует тут погулять и посмотреть — надо срочно возвращаться, потому что мы прилетели за ценным специалистом для Клавиуса, а расположение планет ухудшается с каждым часом.

— А у тебя самого есть время? — поинтересовался капитан Ставраки у Анджея.

— Да я вообще-то фрилансер. Ради хорошего репортажа можно потратить и месяц, и два.

— Так послушай, парень, зачем тебе с ней возвращаться? Давай лучше с нами под Арктур. У нас стартовое окно только через семь дней, ещё успеешь тут нагуляться. И пойдёт у тебя по нарастающей: Луна, теперь Марс, а потом уже и под другой звездой побываешь. Человека, о котором так отзывается Мара, свезу бесплатно.

Мара ткнула Анджея локтем в бок: мол, соглашайся, пока предлагают.

— Э, и как же мои марсианские впечатления доберутся до читателей? — растерялся Анджей.

— Мы же будем идти к точке скачка целых две мегасекун-

ды, — пояснил капитан Ставраки. — Успеешь сделать из своих впечатлений статьи, видеосюжеты или что у вас там полагается, и отправить по е-мейлу на Землю, пока мы будем в этой системе. А там разберёшься. Последнее время корабли что-то зачастили в Солнечную систему, так что больших задержек в доставке писем из-под Арктура не будет.

— А ты? — спросил Анджей у Мары.

— Что ж, если ты примешь предложение дяди Захариоса, попробую вызвонить мастера Брукмана прямо сейчас и попросить его приехать ближайшим рейлером. Чтобы улететь в течение двух часов, пока ещё возможен гравитационный манёвр около Венеры.

С этими словами Мара извлекла из кармана кителя обыкновенное зеркальце и начала говорить, держа его перед лицом.

— Зачем тебе зеркало? — удивлённо спросил Анджей, когда разговор был закончен.

— Неужели за время нашего знакомства я при тебе ни разу не общалась по видеофону? Это же очень просто — у меня камеры в очках, смотрят вперёд. А люди привыкли видеть лицо собеседника, поэтому во время разговора приходится держать перед собой зеркало.

По громкой связи раздалось:

— Прибывает местный рейс 144, Ноктис-третий — Офир. Высадка пассажиров будет производиться через второй шлюз первого этажа.

Анджей повернулся в сторону лётного поля и увидел, как два маленьких робота-буксировщика волокут к самому космовокзалу тяжёлый флиттер размером с автобус. Потом там что-то опустилось, зашипел выпускаемый воздух, и двери открылись. Из флиттера в зал повалила толпа радостно галдящих, преимущественно молодых людей в одинаковых ярких куртках и дружно направилась к стойке.

— Шеф! По рюмке можжевеловки каждому! — закричал на весь зал идущий впереди. — Мы сделали это!

— Что сделали?

— Первая очередь Ноктис-Лабиринта встала под закачку воздухом. Компрессоры уже третий час как пыхтят.

Новоприбывшие столпились у стойки, и Анджей разглядел на их куртках надпись готическим шрифтом «LebensRaum».

— Местные терраформисты, — каким-то бесцветным голосом пояснила Мара. — Что-то там доделали и радуются.

— И что, на Марсе все так бурно выражают эмоции? Больший процент кислорода в атмосфере, что ли, влияет?

— Почему все? Вот мы с тобой... Только что решили, что через два часа расстаёмся. Не знаю, на сколько. Может, навсегда...

— Ну хочешь, полечу с тобой обратно? — Анджей осторожно опустил руку ей на плечо.

— Не хочу, — отрезала Мара. — Не хочу, чтобы из-за меня ты изменял себе. Я же видела, как вспыхнули у тебя глаза, когда дядя Захариос предложил тебе пассажирское место. Мы с тобой уже говорили об этом. Помнишь — тогда, когда провожали «Марианну»?

Анджей прекрасно помнил тот разговор. Для него это было абстрактное сожаление о несбывшемся, загадывание желания на звёздочку, карабкающуюся вверх по небосводу. А теперь — вот, стоит за стеклянной стеной тысячетонная туша «Ариадны». А для Мары, значит, тот разговор был столь же конкретен, как и этот. . .

— Помнишь песню, которая тогда звучала в кафе? Где механик смеётся, а пламя в топке бьётся?

— Ты лучше вспомни третий куплет, — ответила она. —

И кто-то вновь вернётся,
Полсвета исходив,
Волна на берег рвётся,
Припасть к его груди.
На берег, на берег,
В который свято верят,
Который, как надежда,
Синеет впереди

Последующие два часа запомнились Анджею как-то сумбурно. Вот так внезапно и случается, что у вас остаётся ровно два часа до разлуки, и даже эти два часа вам не принадлежат. Зарезервировать слот в стартовой очереди, проследить за заправкой пинассы, рассчитать траекторию и убедиться, что манёвр у Венеры получится… да мало ли дел у межпланетного пилота-одиночки за два часа до вылета! Человеку, который не может помочь, лучше отойти и не мешать.

Анджей вспомнил старинное стихотворение:

> …Я помню, как мы друзей провожали[1]
> Куда-нибудь в летние отпуска;
> Как были щедры мы, как долго держали
> Их руки в своих до второго звонка.
> Но как прощаться, когда по тревоге
> Машина уходит в небо винтом?
> И, руки раскинув, расставив ноги,
> В степи остаёшься стоять крестом.

И тут механик, подумал он. Там — смеётся, тут — молча ложится лицом в траву.

Но вот эти мучительные два часа прошли. Они стоят на перроне в подвале космовокзала, а из туннеля медленно и бесшумно втягивается на станцию рейлер.

Двери поезда открылись, и из них вышел один-единственный человек — невысокий, сухонький, абсолютно седой старик с небольшим чемоданчиком в руке.

— Мастер Брукман, я ваш пилот, — обратилась к нему Мара. — Подождите минутку, я только попрощаюсь.

Весёлая толпа терраформистов уже начала втягиваться в вагон. Мара положила руки на плечи Анджею:

— Спасибо за всё, что между нами было. Ты открыл мне Землю.

— Спасибо и тебе. Ты открыла мне Галактику.

---

[1] К. Симонов, «Механик»

Они поцеловались. Однако поцелуй продолжался не так уж долго. Губы Мары оторвались от губ Анджея, и она прошептала:

— Давай. А то как в балладе — планета с траектории уходит.

Анджей зашёл в вагон и оттуда бросил взгляд на перрон. Мара не глядела ему вслед — она уже поднималась по лестнице рядом с мастером Брукманом. Там, где рейлер должен был исчезнуть из поля её зрения, загороженный потолком станции, она обернулась и помахала рукой. Рейлер беззвучно тронулся и погрузился в тоннель.

Анджей вытащил из кармана наладонник и попытался найти, какую именно балладу имела в виду Мара. Как ни странно, терранетовский модуль связи, встроенный в наладонник, запросто включился в марсианскую сеть, и вместо привычной поисковой странички Watson Alpha на экран вылезла какая-то Pavonis inform.

Впрочем, поисковые системы на всех планетах работают одинаково, и на запрос «Баллада. Планета с траектории уходит» нашёлся такой текст:

Где-то в мире голубая есть планета,
Не могу никак забыть о ней.
Хоть её на звёздных картах нету,
Там живёт полтысячи людей.

А над площадкой там то ливни, то метели.
Да, погодка, что ни говори.
Если там без приключений сели,
То, пилот, судьбу благодари.

Баллада, описывающая любовь пилота и случайно встреченной в молодой колонии девушки, была длинная, как межпланетный рейс. И где-то ближе к концу были строки:

Игорёк к нам с нею вдруг подходит:
Вам вдвоём, конечно, хорошо,
Но планета с траектории уходит,

Ты как хочешь, друг, а я пошёл.

Над площадкой в эту ночь мели метели,
Да, погодка, что ни говори.
Но без приключений мы взлетели
И в молчании на курс легли.

Глава 37

Старейший из обитаемых миров

Рейлер вырвался из туннеля под открытое небо. Ну, относительно открытое — плёночное небо хандрамита Офир. До неба было рукой подать, ведь космопорт располагался на одном уровне с плёночной крышей хандрамита. В окно ударили лучи маленького марсианского солнца.

Анджей оторвал взгляд от наладонника и осмотрелся вокруг. Он ехал в первом вагоне поезда, довольно близко к лобовому стеклу, наклонному, как у спортивной машины. Никаких признаков кабины машиниста у рейлера не было, и пассажиры могли свободно смотреть вперёд.

Дорога полого спускалась по грандиозному склону. Таких огромных ровных склонов на Земле не увидишь. Разве что где-нибудь на океанском дне, и то вряд ли — наверняка какие-нибудь придонные течения нароют поперёк склона подводных каньонов.

Слева простиралась широкая долина, частично закрытая облаками. В просветы между ними виднелись скопления игрушечных домиков, тонкие ниточки дорог, прямоугольники возделанных полей. Чем-то это напоминало полёт на самолёте, если бы справа так стремительно не нёсся мимо склон.

Анджей взглянул под потолок вагона, где у земных скоростных поездов обычно вешают табло со скоростью. Табло там действительно было, на нем светилось название следующей станции — Fisherdome — и какие-то странные цифры времени прибытия — 14 часов 87 минут. Выше бежали цифры текущего времени. Оно было более-менее нормальным — 14:52, но почему-то отсчёт секунд начинался заново слишком быстро, где-то между 30 и 40. Анджей внимательно разглядывал часы до 14:55, но так и не смог определить продолжительность марсианской минуты.

По сторонам табло были несколько циферблатов со стрелками разных цветов. Возможно, марсиане с детства знали наизусть эти цветовые коды, но Анджею пришлось встать и подойти поближе, чтобы разобрать написанные мелкими буквами единицы измерения.

Вот скорость. Светящаяся зелёная стрелка на чёрном фоне над серединой табло. Торчит чуть левее вертикального положения. И это — 500 километров в час.

А почему два жёлтых и два синих циферблата справа и слева от табло? Ага, синий — это термометр, а жёлтый — барометр. Слева — -20° и 12кПа, справа +18° и 26кПа. Понятно, слева то, что за бортом, справа — то, что внутри. А вот справа ещё странная конструкция с несколькими цветными стрелками.

Приглядевшись, Анджей сообразил, что этот прибор показывает состав атмосферы в салоне. Голубая кислородная стрелка торчала в районе 45%, черно-коричневая азотная показывала 33% и серо-зелёная аргоновая — 22%. Черно-жёлтая стрелка углекислоты на отдельной шкале колебалась в районе десятой доли процента.

Пока Анджей рассматривал приборы, показания левого барометра увеличились уже до 16кПа, а на склоне за бортом между красноватых камней стали появляться серо-зелёные пятна какой-то растительности.

Анджей достал буклет, выданный ему портовым барменом,

и углубился в чтение. Через некоторое время сосед сзади потрогал его за плечо. Анджей обернулся. Это был тот терраформист, который угощал всех можжевеловкой и успел перезнакомиться и с экипажем «Ариадны», и с Анджеем, и даже сказать пару сомнительных комплиментов Маре.

— Эй, журналист! Оторвись от книжки и посмотри вперёд, это надо видеть.

Анджей взглянул в ветровое стекло. Рейлер уже преодолел большую часть спуска и скользил по эстакаде над склоном, заросшим низкорослыми хвойными не то деревьями, не то кустами. Лёгкие кучевые облака плыли на одном уровне с ним, в отдалении от склона. А прямо впереди, на фоне довольно большого выступа, вторгавшегося в долину, как нос старинного броненосца, эстакада отделялась от склона и уходила куда-то вглубь долины, поднимаясь над поверхностью на невыразимо изящных металлических арках.

Через несколько секунд рейлер описал пологую дугу и выехал на эту эстакаду. Прямо впереди через лёгкую дымку воздуха проступили яркие крыши города в обрамлении зелени и огромный купол посередине. Зрелище действительно заслуживало того, чтобы наблюдать его воочию.

Ещё несколько минут, и рейлер затормозил около вокзала Фишердома. Если платформа Космодром напоминала станции метро, то здесь всё было больше похоже на станции электричек. Правда, над головой высилась эстакада главного пути, а для остановки рейлер съехал на ответвление, лежавшее почти на поверхности.

Большая часть терраформистов покинула вагон на этой станции, сменившись каким-то обычным народом. Тут были явные пенсионеры, фермеры, ездившие в город за покупками, школьники, возвращающиеся с занятий. В общем, нормальный народ из пригородной электрички во второй половине буднего дня.

На следующем отрезке пути рейлер делал множество остановок, что не могло не сказаться на его скорости. Дорога про-

ходила по эстакаде на высоте где-то десяти метров над поверхностью. Путь для движения в противоположном направлении пролегал по отдельной эстакаде метрах в пятидесяти, поэтому можно было прекрасно разглядеть, как та устроена.

На Земле Анджей никогда не видел таких тонконогих металлических арок. Вероятно, всё-таки тут играл роль не только архитектурный стиль, но и маленькая гравитация Марса. Вокруг располагались возделанные поля, под эстакаду то и дело подныривали узкие сельские дороги, виднелись домики и даже перелески. Иногда рейлер проскальзывал над довольно широкими речками.

Наконец после очередной остановки на табло появилась надпись «Korad 16:18».

Два часа назад бармен в порту договорился с каким-то местным журналистом, что тот возьмёт на себя сопровождение землянина по Марсу. Этот журналист должен был встречать четырёхчасовой рейлер из космопорта на вокзале Корады.

Выйдя из рейлера, Анджей сразу же увидел спортивного мужчину лет сорока, прислонившегося к ограждению платформы и держащего в руках половинку карты полушарий Земли.

— Добрый день, вы Эрнест Карпентер?

— Я. А вы Анджей Краковски?

— Да.

— Что ж, будем знакомы.

— Интересно, Эрнест, а почему вы вызвались быть моим Вергилием?

— Обижаете, Анджей! Не хотите же вы сказать, что моя родина похожа на ад? Я не ваш Вергилий, я ваш Дерсу Узала. Тем более что, насколько я знаю ваше творчество, ваш круг интересов ближе к Арсеньеву, чем к Данте.

— Значит, считать, что ваша родина похожа на дикую тайгу, не обидно?

— Конечно, нет. Вы у себя на Земле, и если уж на то пошло, почти все остальные люди в Галактике, совершенно не цените

свою тайгу, влажные дождевые леса или что там у вас растёт. Оно дикое, оно само выросло, его надо окультурить и цивилизовать. И только мы — ну, может, ещё проционцы — понимаем, насколько сложно сделать ландшафт, который будет жить самостоятельно, не требуя непрерывного приложения человеческих рук, — Эрнест мимолётно улыбнулся уголками рта. — Надеюсь, у нас хватит времени посмотреть О'Фир. Мы считаем его чудом — это лес, который выращивали на протяжении восьмидесяти лет. Первый кусок территории, который основатели колонии когда-то отвели не под использование, а под нечто вроде природного парка. Сейчас там стоят, как это называлось в старинных книгах, вековые ели.

— Но вроде ваша колония в два раза старше?

— Это у вас на Земле год в два раза короче. А у нас через месяц с небольшим будут праздновать восемьдесят пять лет перекрытия Офира. Потом ещё сколько-то времени заняло создание атмосферы, и как раз где-то лет восемьдесят назад стало можно сажать в открытый грунт не только лишайники.

— Кстати, о годах: я тут обратил внимание, что минуты и секунды вы считаете не так, как мы. Просветили бы меня на эту тему, а то буду везде опаздывать.

— Странно. Обычно визитёры с других планет ещё до посадки выясняют, какой календарь на планете назначения.

— Мне до сих пор даже в голову не приходило, что на разных планетах используются разные календари. На Луне, кстати, живут по земному календарю.

— Луна все-таки не совсем планета, — заметил Эрнест. — Вообще-то, по-хорошему, и наш Марс многие не считают планетой. Всё-таки мы тут живём не под открытым небом, и вся растительность привезена и выращена людьми. Но для календаря важнее другое — иметь сутки приемлемой длины и не слишком продолжительный год. Под Арктуром, насколько я знаю, на всех трёх планетах пользуются местными сутками и земными годами. У нас, кстати, осмысленнее было бы ввести год от равноденствия до равноденствия, то есть на тридцать

дней меньше земного, а не почти вдвое длиннее. Все равно вся жизнь сосредоточена на экваторе, и сельскохозяйственный цикл привязан к переходам Солнца через экватор, так что было бы проще. А так вас, возможно, шокирует, что вчера было 56 сентября.

— Меня куда больше шокирует, что здесь у вас октябрь, а не февраль, — усмехнулся Анджей.

— Но ведь естественно, что на планетах с разными орбитами времена года наступают не одновременно! У вас, правда, насколько я помню, год из-за какой-то странной традиции начинается не с зимнего солнцестояния, а на неделю позже. А у нас первое января совпадает с зимним солнцестоянием. Но вообще календарь такая штука — один раз введёшь, потом уже не поменяешь. У вас календарь не менялся с эпохи Великих Географических открытий. А у нас — с начала освоения планеты, и он чуть ли не самый запутанный на всех обитаемых мирах, потому что был первым. Те же толиманцы учли наш опыт, и у них получилось гораздо лучше. Например, они не стали брать земные названия месяцев, а воспользовались каким-то забытым французским проектом. А что касается времени на часах, то сутки и час у нас почти как ваши, разница в пару-тройку процентов. Но делить час на шестьдесят раз по шестьдесят не получается. Секунды пришлось оставить как на Земле, иначе поехала бы вся физика. В результате у нас в часе примерно три тысячи семьсот секунд, поэтому мы делим его на сто частей по тридцать семь секунд. На самом деле всё ещё чуточку сложнее, потому что не совсем точно три тысячи семьсот. Но это пусть компьютеры разбираются, у них мозги электронные, а для бытовых целей достаточно знать про сто и тридцать семь. Так что просто переключите свой телефон или коммуникатор на местное время, и всё будет в порядке, — Эрнест сделал паузу, переводя дух после длинного объяснения. — К счастью, система долин Маринера достаточно мала, чтобы в них не приходилось вводить часовые пояса. Вот Олимпия и Уллис, те живут по своему времени, но туда мы с вами вряд ли доберёмся. Впро-

чем, вы видели Клавиус, а говорят, кто видел один купольный город, видел их все, так что в наших рудничных посёлках за пределами хандрамитов нет ничего интересного. Но вообще... что это я тут лекцию читаю? Вы обедали?

— Нет, по-моему. Тут как-то не разберёшь, где утро, а где вечер. В общем, с момента посадки, а это было часов пять тому назад, я только выпил чашечку кофе, заботливо предложенную барменом в порту.

— Тогда пойдёмте перекусим.

Эрнест решительно отправился к выходу со станции, и Анджею оставалось лишь последовать за ним.

Выйдя со станции, они попали на узенькую улочку, застроенную двухэтажными домиками с черепичными крышами. Между первым и вторым этажом тянулась сплошная цепочка вывесок, иногда взрывавшаяся какой-нибудь фигурой в полэтажа размером.

— Говорят, на любой планете есть своя сеть правильных забегаловок, в которую и нужно ходить. Вот у нас на Марсе, если надо именно оперативно поесть, ищи «Аэлиту». Совершенно не элитное заведение. Простенько, но быстро и качественно. И везде есть. А вот и она, — Эрнест указал на вывеску, изображавшую девушку в тёмном платье и остроконечной шляпе, похожей на те, в которых принято рисовать звездочётов. — Ориентируйтесь на этот характерный колпак, не промахнётесь.

Внутри «Аэлита» представляла собой типичное кафе самообслуживания. Длинная стойка с дорожкой для подносов, изгибающаяся прихотливой дугой, огромные подносы с горячими блюдами и чаны с супами. Анджей набрал себе еды и внезапно задумался о том, чем расплачиваться. Всё-таки другая планета, и онлайн-связи с земным банком здесь, скорее всего, нет. Посмотрев вперёд по ходу очереди, он увидел, что большая часть людей подносит к кассе телефон или коммуникатор, и решил попробовать. Если нет, придётся просить Эрнеста заплатить за него...

Коммуникатор пискнул и выбросил обычное окошко авто-

ризации платежа на сумму 3 тускуба 65 тарсов. Анджей нажал OK и задумался, надолго ли хватит денег на счету сотового оператора.

Подтащив поднос к столику, он занялся выяснением этого вопроса. На счету оператора, где он обычно не держал больше пары сотен уорлдо, лежала сумма в тысячу тускубов, а во входящих имелось сообщение от Мары: «Я тебе бросила на счёт небольшую сумму. Надеюсь, хватит до тех пор, пока ты разберёшься, как тут зарабатывать.» Судя по цене обеда, сумма была не то чтобы небольшая.

— Насколько это у вас много — тысяча тускубов? — поинтересовался Анджей у Эрнеста.

— Прилично. Когда мой старший закончил колледж, он устроился на работу как раз с окладом тысяча в месяц и считал, что ему повезло. Конечно, семью на это не прокормить, поэтому о ребёнке они с Ниной задумались только тогда, когда он стал получать две тысячи.

— Интересно, откуда у курсанта такая сумма? — вслух пробормотал землянин.

Эрнест заинтересовался вопросом, и Анджей рассказал ему про то, как именно он оказался на Марсе и кто такая Мара.

— А, не бери в голову, — усмехнулся Эрнест. — Командир корабля, даже такого маленького, как пинасса, всегда найдёт, как добыть карманные деньги для экипажа. Просто продать в порту пару ящиков продуктов, взятых за гроши в предыдущем порту захода. Там это еда, тут — инопланетная экзотика.

— И что, интересно, считается экзотикой на Марсе?

— Да всё, что у вас растёт только в тропиках. У нас тут вечное лето, потому что экватор, но лето примерно южной Швеции или Финляндии. Поэтому для нас экзотика даже то, что вы называете белым хлебом. Ну и виноградное вино. Подозреваю, что за пару бутылок чего-нибудь, этикетки чего последние полгода мелькали в земных телесериалах, можно как раз примерно тысячу и выручить.

— А как же чайный куст? — Анджей отхлебнул местного

чая. Не то чтобы это был чай высокого класса, к которому Мара приучила его за последнее время, но вполне на уровне того, что пьёт большинство европейцев. — Вроде это куда более тропическая культура, чем виноград.

— Какой куст? — удивился Эрнест. — Чай делают из травы. Такая высокая, по пояс, с темно-розовыми цветами и узенькими листочками по всей длине. Называется кипрей или willowherb. Растёт по всем обочинам дорог. Там ведь дело не в траве, а в правильной обработке.

— Такая красивая страница истории земного мореплавания! — вздохнул Анджей. — Чайные клипера, парусные гонки от Шанхая до Лондона, приз капитану, который первым доставит в Англию чай нового урожая, — а оказывается, всё дело в правильной обработке. В Англии Rosebay willowherb растёт по всем обочинам дорог, и не надо рисковать, неся верхние брамсели в штормовую погоду. Всё дело в правильной обработке... — ещё раз повторил он с усмешкой.

— Англичан XIX века пускали в китайские порты, — почти обиделся марсианин. — А нас на Землю? Опять же Марс немного маловат для того, чтобы строить свои космические корабли. Обычно этим начинают заниматься, когда население колонии перерастает за семь-восемь миллионов. А у нас нет стольких неперекрытых часм, чтобы мы могли удвоить население. И вообще, пожалуй, дешевле было бы оборудовать целый хандрамит под оранжерею с климатом земных тропиков и выращивать там всё, что надо, чем возить через космос. Говорят, арктурианцы ухитряются вести более-менее серьёзный межпланетный товарообмен. Но у них три планеты фактически на одной орбите, совершенно идеальные астронавигационные условия, и на каждой есть океан, так что можно летать на тяжёлых кораблях. А у нас под Солнцем что-то такое получится, только если хоть как-то выгорит проект «Twin Sister».

— Какая ещё сестра-близняшка?

— Вы чуть ли не больше всех на Земле работаете с космической темой и не слышали про самый амбициозный проект

времён перед Экспансией?

— Мы там, на Земле, всё забыли, — с иронией произнёс Анджей. — Пока не пришёл ВКФ со своим Антверпенским договором, мы как-то даже не задумывались о том, есть ли жизнь на Марсе.

— Это лет девяносто назад, почти одновременно с основанием нашей колонии, был начат проект терраформирования Венеры. Причём не как у нас тут, отдельными кусочками, а целиком. Но этот проект рассчитан на сотни лет. Глобальные преобразования быстрыми не бывают. Туда забросили псевдорастения-аэропланктон, они там размножаются и потихоньку преобразуют атмосферу. Поэтому, когда пятьдесят лет назад Земля свернула космические программы, проект продолжился. Земляне из Института Солнечной системы немножко контролируют то, что там происходит, Марс периодически выпускает новую партию машин, которые поднимают с поверхности питательные вещества для аэропланктона, и фрахтует попутный транспортник, чтобы он их туда забросил. Жалко бросать, столько труда вложено. Хотя если и получится, заселять Венеру будут, скорее всего, земляне. Для нас там и гравитация высоковата, и температура.

* * *

— Что теперь будем делать? — спросил Эрнест, когда они вышли из кафе. — Уже вечер, шестой час. Через час стемнеет, а ты, наверное, устал от всех этих перелётов, смен календаря и прочего. Предлагаю поехать ко мне. У меня в доме есть свободная комната — старший сын недавно отделился, а младший до неё ещё не дорос. Посмотришь на быт обычной марсианской деревни.

В сторону Соацеры и Меласа рейлеры ходили каждые двадцать минут. Они вышли на тихой платформе, не доезжая пары остановок до Соацеры. Вместе с ними вышли ещё два человека, похоже, старшие школьники, поздоровались с Эрнестом и убежали куда-то на другую сторону путей, под эстакаду.

Узенькая дорожка, по которой они шли, почти сразу вывела на берег то ли речушки, то ли канала, обсаженного по обеим сторонам довольно высокими деревьями, и пошла параллельно воде. В воде плескалась какая-то рыба, в ветвях деревьев пели птицы. Такая вот пасторальная идиллия — на другой планете, в огромном каньоне, перекрытом плёнкой...

Минут через пятнадцать прогулки, когда Солнце уже коснулось близкого марсианского горизонта, они дошли до деревни, утопающей в садах. На краю деревни располагался гараж весьма приличных размеров с несколькими воротами, перед которым было припарковано несколько тракторов, грузовичков, косилок и прочей сельскохозяйственной техники.

— Сейчас заберу оттуда младшего, — сказал Эрнест. — Наверняка он после школы завис в гараже дядюшки Клауса с его подмастерьями.

Он исчез в гараже и через минуту вернулся, таща за руку мальчишку, который на ходу сыпал вопросами:

— Папа, а город Гелиум называется в честь топлива для тиэни[1], или это топливо назвали в честь города, где его добывают?

— Газ гелий был известен людям задолго до того, как заселили Марс. Но всё ещё интереснее: за много лет до того, как люди научились летать в космос, один писатель написал книжку про принцессу Марса, и там был город Гелиум. Поэтому город, где добывают гелий, и назвали Гелиум, а не, скажем, Гелиополис. Знакомься, Бэзил, это дядя Анджей, он с Земли.

Мальчик, скромно потупив глаза, поздоровался, но через секунду уже обратился с вопросом к Анджею:

— А правда, что на Земле есть рыцарские замки?

— Правда, — сказал Анджей, вспомнив замок Лихтенштейн буквально в одной остановке электрички от своего дома.

— А рыцари там живут?

---

[1] ти-эн-и, TNE, termonuclear engine, так у спейсиан называются малогабаритные термоядерные энергоустановки для тяжёлой транспортной техники

— Нет. Но иногда люди собираются, надевают рыцарские доспехи и устраивают там рыцарский турнир.

— А где-нибудь ещё рыцари на Земле живут?

— В Англии. Там, если король хочет кого-то наградить — учёного, писателя или даже певца – то иногда присваивает человеку звание рыцаря. Скакать на коне и махать копьём от такого рыцаря не требуется, но все окружающие его уважают, потому что король отметил его заслуги.

Пройдя метров двести по деревенской улице, они остановились перед коттеджем, который ничем не выделялся из окружающих домов. Эрнест откинул чисто символический крючок и распахнул калитку. Когда они зашли во двор, над крыльцом зажёгся мощный фонарь, дверь открылась, и на двор выглянула девушка с длинной пшеничной косой.

— Это Труди, моя средняя дочь, — представил её Эрнест. — Она у нас сейчас за хозяйку, потому что супруга уехала в Кандор, к нашему старшему. Там намечается прибавление семейства.

Он провёл Анджея в гостевую комнату и оставил, предоставив устраиваться.

Анджей начал распаковывать сумку и обнаружил там несколько подарков, которые Мара впихнула ему в последний момент, именно с прицелом на то, чтобы дарить местным жителям. Среди этих подарков была и полупрозрачная пластиковая коробочка с чем-то тёмным и шуршащим. Анджей открыл её и понюхал. Да, это был не просто чай, а тот самый чай ручной работы из-под Симлы, которым Мара полгода назад потрясла всех у Рандью.

Анджей взял коробочку и спустился на кухню. Там возилась с ужином Труди.

— Вот небольшой подарок. Земной чай. Индийский.

— Ух ты! А как его заваривают?

— Вообще есть какой-то специальный способ, но я всегда заваривал просто — наливал в нагретый чайник крутой кипяток и давал естественно остыть.

— Крутой кипяток на Земле — это сто по Цельсию? — уточнила Труди.

— Да. А у вас иначе?

— У нас тут вода кипит при шестидесяти пяти. Поэтому заварочные чайники устроены вот так, — она протянула Анджею что-то вроде маленькой скороварки с краном, как у русского самовара. На предохранительном клапане была нанесена шкала с цифрами от 65 до 120. — Вот здесь выставляется температура, потом сюда засыпается заварка, наливается вода и ставится на огонь. Когда температура достигнет нужной величины, клапан откроется и отпустит вот этот стопор. Заварка высыпается в воду. Потом ждём сколько надо, выключаем огонь, ждём, когда температура упадёт до безопасной — тогда поднимется вот этот флажок. И можно наливать.

Анджей вспомнил где-то читанную статью про правильное заваривание чая и решительно выставил клапан на 85°.

Результат вполне соответствовал его ожиданиям. Конечно, у Мары получалось лучше, но Эрнест, попробовав чай, заметил:

— Вполне понимаю англичан XIX века. За таким стоит устраивать гонки через полпланеты.

— Эх, жалко, что идея возить чай с Земли на Марс через космос, которую мы обсуждали в Кораде, не окупается...

— А надо настроить космических чайных клиперов с солнечными парусами, — влез в разговор Бэзил. — Из той плёнки, которой хандрамиты перекрывают. И устраивать между ними гонки, как в старину.

Труди откинулась на спинку стула и поглядела в потолок, словно увидела там парочку обгоняющих друг друга солнечных парусников.

В конце ужина Анджей спросил у Эрнеста:

— А тут есть где-нибудь место, где можно покачать мышцы? А то тут у вас всё-таки гравитация послабее, чем на большинстве планет, а мне скоро улетать на Лемурию.

— Вообще говорят, что у нас гости быстро не растренировы-

ваются. Не Луна всё-таки. Но, конечно, есть. Труди, ты сегодня собираешься в бассейн? — обратился он к дочке, уже закончившей загружать посудомоечную машину.

— Да, только ужин переварю. Через часик.

— Покажи тогда Анджею, где там что.

Через марсианский час Анджей, переодевшись в спортивный костюм с эмблемами Лунной базы МИСС, выданный ему вагабовским завхозом для упражнений на Луне, вместе с Труди, одетой в халатик типа короткого кимоно и пляжные тапочки, отправился куда-то в центр деревни.

На хандрамит Офир уже опустилась глубокая тропическая ночь. В небе сияли звёзды, яркие, как где-нибудь в горах, а почти в зените медленно плыл маленький, раза в два с половиной меньше земной Луны, неровный кружок Фобоса.

Уличного освещения тут не было. Улицу освещали только огромные окна гостиных на первых этажах домов, лишённые всяких признаков занавесок. Впрочем, этого было вполне достаточно для ориентировки.

Впереди показался кусок мохнатой темноты — участок, заросший деревьями, что-то вроде местного парка. Чуть дальше деревья были подсвечены снизу странным голубоватым светом.

— Вот мы и пришли, — сказала девушка, когда они подошли к этим деревьям.

Оказалось, что тут был открытый бассейн, выложенный голубой плиткой и подсвеченный подводными лампами. Рядом под лёгким навесом располагались скамейки и вешалки для одежды. Стена у этой импровизированной раздевалки была только с одной стороны и переходила в высокую, в полтора человеческих роста, живую изгородь.

— Вот там душевые и сауна, — Труди указала на дверь в стене, — а за этой изгородью тренажёрная площадка. А я поплыла, а то все наши уже в воде.

В бассейне действительно плескалось человек восемь молодёжи. Труди скинула с себя кимоно, бросив его на лавочку, и с разбегу прыгнула рыбкой в бассейн. Как и в Порт-Шамбале,

мысли о таких вещах, как купальники и плавки, здесь никому не приходили в голову.

Анджей прошёл сквозь арку в живой изгороди и оказался на достаточно хорошо освещённой площадке, хотя снаружи было почти незаметно, что здесь есть какой-то свет. Тренажёры здесь были точно такие же, как на Лунной базе, комплекс упражнений он уже успел хорошо выучить. Правда, в этот раз он начал задыхаться, не сделав и четверти обычного комплекса. Пришлось снизить нагрузку.

Кроме него, на площадке занимался ещё один мужчина – сухощавый, чуть ниже среднего роста, абсолютно седой, с аккуратно подстриженной бородкой.

Когда они одновременно закончили очередной подход и переводили дух, абориген вдруг обратился к Анджею:

— Добрый вечер. Вы здесь новенький?

— Я тут, можно сказать, в гостях. Я Анджей Краковски, журналист с Земли.

— А я Герберт Штайер, можно просто Берт, профессор геологии в отставке. Вижу, вы только что прилетели и ещё толком не акклиматизировались, так что не напрягайтесь зря. За несколько дней мышцы не успеют потерять тонус, а дыхалка постепенно адаптируется.

Профессор Штайер оказался необычайно словоохотливым, как это часто бывает у пожилых людей, а главное, вызывал полное и безоговорочное доверие и желание поделиться своими проблемами. Очень скоро Анджей рассказал ему про те планы, которые они с Эрнестом составили для знакомства с Марсом.

— Ну нет, тут Эрнест, пожалуй, неправ, — откомментировал этот проект Штайер. — Марс — это не только хандрамиты. Нельзя почувствовать, что такое Марс, не постояв посреди харрандры, да так, чтобы рейлер в поле зрения не попадал. Но это легко исправить. Сейчас позвоню кому-нибудь из своих учеников, и организуем вам экскурсию в какую-нибудь полевую партию. Сейчас это просто. Вот лет двадцать назад («сорок земных», — подумал Анджей) мы уходили в экспедицию,

как какие-нибудь конквистадоры. Флиттеров тогда не было, тиэни тоже не было — тогда ещё не умели делать термоядерных реакторов размером меньше ангара. Летать за пределами терраформированных участков можно было только на безумно дорогих химических ракетах, поэтому ездили на вездеходах на топливных элементах. Уходили на пару месяцев, почти без шансов вживую увидеть посторонних людей. То есть зашвырнуть килограммов сто запчастей беспилотной ракетой ещё могли, если сильно прижмёт, но в остальном совсем без поддержки с неба. Радиосвязь тоже то ли есть, то ли нет. Как поднимет ветром железистую пыль, так и приехали.

Через некоторое время они закончили комплекс упражнений и приняли душ. Профессор засобирался домой, а Анджей решил ещё искупаться в бассейне. Труди со своей компанией всё ещё была там.

— Смотрю, дядя Анджей, вы уже познакомились с дедушкой Бертом, — вынырнула она под самым носом у журналиста. — Это самый классный дед в нашей деревне. Правда, не самый старший — есть ещё дедушка Зигфрид, тому вообще шестьдесят лет. Вы долго плавать будете? А то я уже почти наплавалась.

Анджей не имел никакого желания плавать долго, поэтому минут через пятнадцать выбрался из воды. Труди как раз успела подсушить свои роскошные волосы большим стационарным феном.

Глава 38

Как беззаконная комета

From: n-299-sol!lavisko5
To: mars!visitors!andzejk
Subject: Re 1000 тускубов

> Мара!
> Спасибо тебе за ту сумму, которую ты кинула
> мне на счёт, но не кажется ли тебе, что 1000
> тускубов - это как-то многовато? Давай я тебе со
> своего счёта на Земле переведу. Это ведь можно
> сделать по межпланетному E-mail.

Анджей!

Не переживай. Я не свою стипендию за три месяца отдала и не свинью-копилку распотрошила. Это твоя законная доля навара от маленьких торговых операций. Во-первых, у меня на борту была 20-литровая фляга молодого австрийского вина, которое я закупила в Швехате. Думала - домой, но придётся ещё раз. Во-вторых, в бортовой запас провизии входило два ящика пшеничных галет. В-третьих, собираясь на Марс, я выцыганила у завхоза лунной базы ящик кофе и два ящика чая, обещав

отдать взамен ящик марсианской можжевеловки и 20 литров эля. У Вагабова есть ценители марсианских напитков.

За всё это добро я выручила 3500 тускубов в Офире-восточном. Полторы тысячи ушло на обслуживание пинассы и 50 тонн воды - вода на Марсе дорогая. Остальное я честно поделила пополам.

Кстати, рекомендую минимум за сутки до отлёта поговорить с кэпом Ставраки насчёт остатка тускубов на твоём счёте. За пределами Марса тускубы тебе ни к чему, а капитан потом поменяет их тебе на лемурики.

Целую, Мара.

Мара ткнула пальцем в кнопку «отправить» и бросила планшет на тумбочку с кофеваркой. Сейчас тумбочка была обращена ножками к борту пинассы. Двигатели не работали, и сила тяжести создавалась только вращением бытового отсека, а бытовой отсек пинассы — это не жилая палуба крупного корабля.

Мастер Брукман поднял глаза от своего планшета, с которого что-то читал.

— Ты что так волнуешься? — озабоченно поинтересовался он.

— А, не обращайте внимания... Проблемы в личной жизни.

— Сколько тебе лет? Восемь, девять? В этом возрасте у всех проблемы. Вот доживёшь до пятидесяти...

Мара чуть было не обиделась. Восемь лет?! Он что, издевается, совсем за несмышлёную школьницу её держит? Но тут же сообразила, что восемь марсианских лет — это пятнадцать земных, то есть с точки зрения Брукмана ей как раз где-то восемь с половиной и есть.

— Чтобы дожить до пятидесяти марсианских лет, у меня профессия неподходящая, — с усмешкой бросила девушка.

— Всё равно расскажи, что за проблемы. Может, полегчает.

— Да вот, переживаю, что парнями разбрасываюсь. Так разбрасываюсь, что по всей Галактике разлетаются. Как Юпитер кометами. Сначала был Этьен... Ну, Этьен ладно — это не роман, а детская дружба. Вместе служили юнгами на одном корабле. У всех отношения как отношения, вот Лаура с Мишелем до сих пор вместе. Ладу с Кимом жизнь раскидала, но у обоих тоже всё хорошо. А Этьен... Мне ведь пришлось протискиваться по разгерметизированному кабельному каналу, вдавливая в стенку его тело, ещё тёплое, и сращивать кабели, залитые его пузырящейся кровью. Потому что сначала нужно было подать ток в четвёртый плутонг, и только потом вытаскивать тело. Спасать было уже некого. Только постоять в почётном карауле в машинном отделении, когда тело отправляли в сопло.

— И ты после этого пошла в этот ваш военно-космический колледж?

— В Академию. Пошла. А что? Я из Порт-Шамбалы, у нас весь город такой. Мы привыкли, что это нормально, в рейде иногда убивают, а иногда попадаешь в регванну.

— М-да-а... Думал, у наших геологов профессия весёлая, а оказывается, бывает и веселее.

— Ваши геологи, наверное, как Торгфлот. Ну вакуум кругом, ну ошибка может стоить жизни всему экипажу — но, по крайней мере, никто не пытается убить их целенаправленно. Или там у вас в харрандре водится что-то хищное?

— А серони его знают, водится или не водится, — вздохнул мастер. — Легенд рассказывают много, а шкур под купол никто не притаскивал.

Мара улыбнулась. Если вспомнить ту книгу, откуда колонисты Марса позаимствовали термин «харрандра», именно на ней серони и обитали, так что и правда, кроме них, знать некому.

— Потом Стью, — продолжила она свой рассказ. — Однокашник старшего брата, блестящий лейтенант. А мне так хотелось почувствовать себя взрослой! Тем более в это время у

лучшей подруги отношения с другом детства дошли до закономерной кульминации, не могла же я отстать. Случился короткий, но бурный роман. Примерно неделю я чувствовала себя героиней сентиментального фильма — прогулки под луной, букеты цветов, поцелуи в парке. Но буквально на следующий день после того, как мы с ним оказались в одной постели, эскадра ушла в рейд. И до сих пор оттуда не вернулась. Я не знаю, жив он или нет, и не знаю, нужен он мне или нет, и нужна ли ему я... — Мара устремила взгляд куда-то в пространство. — А потом несколько месяцев назад на меня почти одновременно положили глаз два парня-землянина. Один был инженер из Венского Технологического — такой смешной, в полтора раза старше меня, инженерный гений, преподаватель от бога, а сам зелёный-зелёный романтик. Иногда ну прямо дите дитем. По-моему, он любил не меня, а Космос. Моя ВКФ-овская форма была для него всего лишь олицетворением чего-то неземного. Кончилось тем, что я пристроила его младшим механиком на арктурианский трамп. Вроде он там прижился. А второй — тот, с кем я прощалась при вас на станции рейлера. Он экстремальный журналист. Вроде человек, добившийся всего, а вот приоткрылась дверка в Галактику — и фьюить... И почему только от меня все парни улетают?

— Но сейчас-то ты уже окончила эту вашу Академию?

— Нет ещё. Мне надо выпускные сдавать, а я вместо этого мотаюсь по Солнечной системе из-за этого несчастного Клавиуса.

— Значит, в следующий раз полетишь вместе со своим парнем. На Марсе, особенно в куполах, встречаются такие, как ты, которые сами не могут жить без простора и парней выбирают себе под стать. Обычно тоже поначалу страдают — то он здесь, а она там, то наоборот. А потом наконец находят возможность ездить в экспедиции вместе. А Космос или харрандра — какая разница? Главное, чтобы оба понимали это одинаково.

Мара помолчала, потом вытащила из нагрудного кармана очки, надела их и одним прыжком оказалась в люке ходовой

рубки.

— Пойду траекторию проконтролирую, — бросила она.

Контролировать траекторию не было никакой необходимости. Просто пинасса предоставляла не слишком много возможностей для уединения, и пилотское кресло было лучшим способом спрятаться от пассажира. Мара привычным движением пристегнула ремень и стала рыться в архиве видеозаписей. Вот прогулка с Анджеем в Шёнбрунне. Блин, что она тогда говорила ему про Стью? А как оно было на самом деле?

А вот и записи годичной давности. Конечно, по видеозаписи не отследишь, что она чувствовала, но видно, что она говорила и делала. И главное, видно, что говорил и делал он.

Ох, как же глупо она вела себя тогда! Заметил это Стью или нет? Вроде по его поведению этого нельзя понять. Анджей вот прямыми словами объяснил, что она не права, а Стью — поддался на провокацию. Но ведь за день до ухода в рейд, перед разлукой непонятно на сколько, а может, навсегда... Лишь бы он вернулся из рейда!

Глава 39

Мельдилорн

На следующее утро Анджея разбудил луч марсианского Солнца, прокравшийся в незанавешенное окно и упавший ему на нос.

Анджей открыл глаза. Солнце только-только поднялось над горизонтом, но в доме слышались какие-то шаги, звон посуды. Наверное, все уже встали. Он надел спортивный костюм и спустился в кухню. Действительно, Труди и Бэзил уже заканчивали завтракать, а Эрнест сидел на кухне с чашкой кофе и смотрел новости.

Бэзил схватил ранец и убежал. Труди вымыла посуду за собой и братом и тоже покинула кухню. Не успел Анджей налить себе чашку кофе, как она постучала в окно, прощаясь с отцом, а потом вскочила на велосипед и куда-то поехала.

— Она ещё учится? — спросил Анджей.

— Да, последний курс экотехнического колледжа. До Соацеры тут всего-то километров десять, поэтому Труди предпочитает ездить на велосипеде, а не связываться с рейлером.

— А экотехнический — это как?

— У вас — экология, изучение среды обитания, сформировавшейся естественным образом. А у нас — экотехника, то есть конструирование и обслуживание этой самой среды обитания. Сейчас, когда поедем на рейлере в Кандор, покажу в окошко

кое-что на эту тему.

— Мы же вроде собирались в Мельдилорн?

— Мельдилорн — это город, а Кандор — хандрамит, где он расположен. Поэтому, чтобы попасть в Мельдилорн, нужно приехать в Кандор и пересечь его почти весь. Мельдилорн — это почти граница Кандора с Меласом.

Они дошли до той же самой станции и дождались рейлера, идущего на юг. Над его ветровым стеклом светилась табличка «Герьонберг».

— Жаль, что не на Джеккеру, — заметил Эрнест. — Тесновато будет.

Впрочем, сидячих мест вполне хватало.

Буквально через минуту-другую после отправления рейлер затормозил на станции Соацера. В окошко можно было разглядеть разнообразные шпили и купола. Со стороны город производил впечатление чего-то технократически-футуристического.

А ещё через пять минут после отправления из Соацеры, когда горный хребет, сиявший где-то далеко на западе, приблизился вплотную к эстакаде, рельеф местности вдруг резко изменился. Сначала эстакада приблизилась к поверхности, потом вдруг воспарила вверх метров на тридцать над огромным обрывом и постепенно снизилась до обычной для рейлера высоты. Но теперь внизу была не гладкая равнина, заставлявшая вспомнить о голландских польдерах, а что-то холмистое, с торчащими по сторонам шоссейных дорог скальными обрывами, с бурными речками и блестящими в лучах солнца озёрами, с небольшими перелесками на холмах. Что-то вроде средней Швеции или, может, даже центральной России, хотя там вроде рельеф поплавнее...

Ещё через несколько остановок впереди сверкнула поверхность огромного озера, на другой стороне которого высился внушительный хребет. Эстакада рейлера уходила прямо в озеро, рассекая его прямой линией. Берега озера были изрезаны, вдоль них тянулась россыпь небольших островков, по водной

глади скользили многочисленные лодки и катера.

Преодолев прибрежные шхеры, рейлер пронёсся над несколькими километрами открытой воды и начал снижать скорость. Чуть левее эстакады впереди показался большой остров, заросший деревьями и застроенный домами.

— А вот и Мельдилорн, выходим, — сказал Эрнест.

Станция Мельдилорн располагалась не на острове, а прямо над озером. Станционные пути представляли собой такую же эстакаду, как главный ход, от них на берег вёл широкий мост, расположенный на пару метров ниже платформ. Видимо, этот же мост был заодно и озёрным вокзалом, поскольку от него спускались крутые лесенки к поперечным пирсам, к которым швартовались какие-то небольшие, закрытые сверху корабли.

В отличие от увиденной издалека Соацеры, Мельдилорн не особенно рвался ввысь. Хотя места на острове явно было не так уж много, дома здесь в основном не поднимались выше деревьев.

Пройдя буквально пару сотен метров, Анджей понял, что это не остров, а целый архипелаг. Тут и там улицы пересекались неширокими каналами, в которых у берегов были пришвартованы разные плавсредства. А вот колёсного транспорта в городе, похоже, вообще не было. Во всяком случае, все улицы имели вид чисто пешеходных.

Минут через десять прогулки они вышли на достаточно большую по меркам Мельдилорна треугольную площадь, большая часть которой была занята газоном, пересеченным прихотливым лабиринтом выложенных плиткой дорожек.

С одной стороны площади стоял прозрачный купол высотой этажей в пять, сквозь который просматривались то ли ярусы, то ли широкие балконы какого-то общественного здания, превращённые в висячие сады. С другой среди деревьев прятался двухэтажный особняк с колоннадой в классическом стиле, каких полно во всех европейских имперских столицах — хоть в Вене, хоть в Москве, хоть в Париже. С третьей стороны возвышалось некое конструктивистское сооружение, второй этаж

которого, поддерживаемый лёгкими арками, выступал над первым на добрый десяток метров.

Перед каждым из зданий посередине стороны треугольника возвышался памятник.

— Одна из наших достопримечательностей, Площадь Трёх Злодеев, — пояснил Эрнест. — Эти три памятника поставлены людям, которых на Земле редко вспоминают добром — но мы на Марсе вряд ли смогли бы построить свой уютный мир без того, что внесли эти люди в цивилизацию. Это, — он показал на сидящую фигуру человека перед куполом, — Ханс Эппингер, медик, занимавшийся опытами на узниках концлагерей времён Второй мировой. Неизвестно, рискнул бы Фишер, не имея его материалов, предложить тот состав и давление атмосферы, которым мы дышим в данный момент. А ведь даже сейчас, через восемьдесят лет, у нас нет технологий, которые позволяли бы удержать воздух вчетверо большего давления под перекрытиями таких размеров, как наши хандрамиты, — Эрнест повернулся к конструктивистскому зданию, перед которым возвышалась стоящая фигура человека с блокнотом в руках, слегка наклонившегося к какому-то растению, — А это Иоганн Эйхфельд, много лет возглавлявший Полярную опытную станцию русского института растениеводства. Позднее он предал своего учителя Вавилова и развалил созданный им институт. Тем не менее, на его хибинские работы опирается всё наше сельское хозяйство. И последний, — Эрнест указал на стоящую перед колоннадой фигуру в фуражке и с небольшой бородкой, — Эдуард Берзин, создатель треста «Дальстрой». Эта организация была не только системой каторги для жертв репрессий, но и уникальным проектом освоения практически незаселённой территории, климат которой чуть ли не столь же суров, как у нас в экваториальных областях харрандры.

— Интересная мысль — ставя кому-то памятник, показывать не только его заслуги, но и злодеяния, — подумал вслух Анджей. — А то у нас на Земле если ставят памятник какому-нибудь Карлу XII или Наполеону, то предпочитают замалчи-

вать те жертвы и разрушения, к которым привела его деятельность.

— Так то у вас на Земле. Там человек может существовать под открытым небом без плёнки над головой, а растения вырастают сами, без сложных мероприятий по подготовке субстрата, — Эрнест вздохнул. — К сожалению, сейчас негде показать вам этот процесс во всех деталях. Третью очередь Копрата собираются открывать через пару месяцев, а значит, там эти процессы уже закончены. А первую очередь Лабиринта Ночи только позавчера поставили под закачку. Там они ещё и не начинались.

Глава 40

Анджей Краковски и пески Марса

-— Сегодня с утра у вас самостоятельная программа? — спросил Эрнест Анджея на следующий день.

Анджей кивнул. Он уже успел договориться с учениками профессора Штайера, и к одиннадцати ему нужно было попасть в контору геологической экспедиции в Кораде. В принципе всё обсудили вчера вечером: надо было пообщаться с геологами и договориться о визите на нетерраформированную поверхность. А потом Эрнест обещал показать ему О'Фир, наиболее древний на Марсе лес. Но тут возникли непредвиденные обстоятельства.

— Вы не против, если я возьму с собой в лес Бэзила? — спросил Эрнест.

— Конечно, нет. А что произошло?

— Обычно после школы за ним приглядывает Труди. Но сегодня она вдруг позвонила уже из колледжа и сказала, что им с ребятами зачем-то срочно нужно в Гелиум. Это вахтовая станция на Фобосе, в принципе, довольно популярное место для экскурсий, но не могу представить, что они там забыли. Конечно, можно попросить кого-нибудь из родителей других школьников — Бэзил с удовольствием проведёт вторую поло-

вину дня у того же Клауса, к которому мы заходили позавчера. Но раз я всё равно до обеда дома, а потом могу взять его с собой в такое интересное место, как О'Фир...

— Что меня у вас удивляет, — заметил Анджей, — так это то, как много молодёжь возится с детьми. Что на Марсе, что в Порт-Шамбале. Когда Мара впервые появилась у Рандью, у неё тут же нашлось, о чём поговорить с их двенадцатилетним сыном. Вот и у вас в семье тоже...

— Никогда не замечал за моей Труди особой склонности к возне с малышами. Может быть, когда вырастет и заведёт своих, она у неё прорежется, а пока... Вот и сейчас опять усвистела куда-то с ровесниками, а чем будет заниматься младший брат, пусть решает кто-то другой.

Анджей понял, что разговора на эту тему не получится — у них с марсианином слишком разные представления о норме.

Штаб-квартира геологической экспедиции в Кораде, где назначили ему встречу ученики Штайна, показалась Анджею до боли знакомой: сочетание непрерывных сборов в дорогу с неуловимым ароматом высокой науки. То же самое можно было наблюдать у Хоббарта в парижском институте физики Земли, на базе американской антарктической программы в Крайстчерче, в Океанологическом институте в Монако и ещё в десятке других мест, куда заносила Анджея его журналистская муза.

Для того, чтобы отправиться в харрандру, пусть даже не в составе экспедиции, а в инспекционный облёт на флиттере, потребовалось сдать несколько зачётов — пользование скафандром, техника безопасности в баллистическом перелёте и ещё кое-что. Впрочем, для Анджея это не было в новинку — Мара уже научила его всему этому, причём как-то совершенно ненавязчиво.

Когда формальности закончились, Анджей встретился на станции с Эрнестом и Бэзилом, и его повели в О'Фир. Чуть раньше геологи, услышав, что он собирается в О'Фир, тоже предлагали себя в экскурсоводы. Такое впечатление, что для

жителей Офира этот лес был предметом национальной гордости — каждый в нём бывал, каждый мог что-то там показать и рассказать.

Поначалу парк не впечатлил Анджея. Обыкновенный еловый лес в умеренно пересеченной местности — долины ручьёв, обрывы, местами обрушившиеся поперёк ручья стволы вековых елей, аккуратно проложенные дорожки, бревенчатые мостики через ручьи, явно сделанные из стволов, срубленных в процессе чистки леса.

Анджей попытался представить, что полтораста лет назад на этом месте не было ни ручьёв, ни покрова сухой хвои, ни травы, ни деревьев. Только холмы из красноватого песка. Получалось с трудом.

Ещё немного подумав над этим, он вдруг осознал, что почти любой лес в Европе не намного старше О'Фира. Ну на сотню лет, ну на две... А до этого — войны, потребность в дереве для строительства домов и парусных флотов, топливо и бумага. Практически любой участок леса за последние несколько тысяч лет был не по одному разу вырублен и заново засажен деревьями.

На фоне этой мысли О'Фир смотрелся совершенно по-другому. Окружающие Анджея стволы вековых елей свидетельствовали о том, что людям удалось превратить кусочек мёртвой планеты в живой ландшафт ничем не хуже того, который окружает большинство землян. Среди полей и перелесков в окрестностях Соацеры это чувствовалось не так, на берегах Кандорского озера тоже. Но здесь, в тишине векового леса, среди величественных стволов, это ощущалось прямо-таки физически.

* * *

Вечером Анджей долго сидел за компьютером, наводя лоск на первый репортаж с Марса, который пора уже было отправлять. И где-то в районе полуночи хлопнула входная дверь — это Труди вернулась из Гелиума.

Анджей встал и, стараясь двигаться потише, выглянул в коридор посмотреть, что бывает на Марсе, если старшеклассница поздно возвращается домой. Как выяснилось, ничего особенного. Хотя, разумеется, Эрнест не спал, дожидаясь дочь.

— И что вас так внезапно понесло в Гелиум? — только и поинтересовался он.

— Кино снимали.

— Покажешь?

— Не сейчас. Надо же ещё смонтировать. А вообще обязательно вам покажу, пока мистер Краковски не уехал. Это же из вашего разговора про чайные клиперы идея родилась.

* * *

Флиттер медленно поднимался над утренним Марсом, как водится, повернувшись днищем к Солнцу. Внизу ярко-синими озёрами сияли плёночные крыши хандрамитов, окружённые широкой полосой чего-то серовато-голубого, которая лишь в нескольких сотнях километрах от хандрамитов переходила в красноватую пустыню, с детства привычную по астрономическим фильмам и книжкам. Когда Анджей подлетал к Марсу на пинассе, то не видел этого серо-голубого пятна — в жилом отсеке пинассы окон не предусмотрено, а в кабину он особенно не просился, чтобы не мешать Маре пилотировать.

— Это псевдолишайник, — пояснил спутник Анджею в ответ на его вопрос. — Такое сообщество простейших организмов, способное существовать на нетерраформированном Марсе. То, что мы сейчас видим — это противопыльная полоса. Сходите в Фишердоме в музей терраформирования, там всё можно увидеть в подробностях. В первые десятилетия колонизации, пока эта полоса не разрослась, крыши хандрамитов приходилось регулярно чистить от пыли, наносимой ветром. Теперь же вся пыль оседает на псевдолишайнике, и он ею питается, — он усмехнулся. — Потому, собственно, мы и тащим вас на другую сторону планеты. Есть партии, до которых можно доехать на

вездеходе от станции рейлера. Но там вы не увидите настоящего, желто-рыжего неба дикого Марса — вокруг хандрамитов оно уже тёмно-фиолетовое.

На другой стороне планеты, где флиттер совершил посадку, близился вечер. В первый момент небо действительно показалось Анджею желто-рыжим, но уже через несколько минут его глаза привыкли к здешним цветам, и небо стало белёсым, а почва в тех местах, где её не покрывал псевдолишайник, разросшийся вокруг куполов геологической экспедиции — скорее светло-коричневой, чем красной.

Купола были совершенно привычными для него — точно такие же ставили во временных лагерях в глубине Антарктиды. Тогда, ездя по Антарктиде на аэросанях, он задумывался, откуда взялись такие шлюзы и такая система поддува — в принципе, в Антарктиде можно было обойтись без всего этого. Оказалось, земные полярники освоили надувные палатки, разработанные в своё время для планетологов, изучающих планеты солнечной системы.

На горизонте возвышался скалистый горный хребет. Вот от него отделились две точки и прыжками двинулись к лагерю по лежащей у его подножия каменистой равнине. Через некоторое время из другой части хребта появились ещё две.

— Народ из маршрутов возвращается, — Жоан Андерс, начальник сектора экспедиции, вместе с которым Анджей прилетел в этот лагерь, достал бинокль из нагрудного кармана скафандра и протянул его журналисту.

В бинокль возвращающаяся маршрутная пара представляла довольно странное зрелище. Поверх серебристых скафандров на геологах была какая-то оранжевая конструкция из металлических труб, протянувшихся вдоль туловища и конечностей, и браслетов, охватывающих руки и ноги. Двигались они огромными прыжками, приседая чуть ли не на корточки и выстреливая себя вперёд метров на десять.

Анджей опустил бинокль, осмотрел Жоана, потом себя, но не увидел поверх скафандра ничего оранжевого.

— Это у них экзоскелеты, — заметил геолог его замешательство. — Очень полезная вещь для перемещения по пересечённой местности.

— А почему они так скачут?

— Потому что Марс. Скорость передвижения человека шагом обратно пропорциональна периоду колебания маятника размером с ногу. Значит, чем меньше сила тяжести, тем менее выгодно ходить пешком, выгоднее прыгать.

Возвращающиеся из маршрута геологи достигли лагеря, перешли с прыжков на шаг и подошли к большому негерметичному навесу. Под ним они сняли рюкзаки, потом экзоскелеты. Поставив их в ряд других, они подхватили рюкзаки и направились к шлюзу одной из палаток-куполов.

— А зачем они оставили экзоскелеты снаружи?

— Техника безопасности, — пояснил Жоан. — Считается неправильным втаскивать метаноловые топливные элементы внутрь помещений с пригодной для дыхания атмосферой. Только в хандрамит можно — он большой, там концентрация паров вряд ли достигнет опасной величины.

— Интересно было бы посмотреть на те места, откуда они пришли.

— К сожалению, это не очень реально — вы же не умеете быстро перемещаться по Марсу. Хотя... — Жоан ненадолго задумался. — Должна же пойти машина к буровой за кернами. Туда вполне можно пристроиться. Как раз к закату обернётесь.

И вот Анджей сидит рядом с водителем на открытом сиденье странного вездехода, катящегося по едва заметной колее на огромных колёсах. Оба в скафандрах, но это совершенно не мешает переговариваться.

Минут через десять машина нырнула в густую тень горного хребта. Разумеется, Марс не Луна, где в тени так же темно, как ночью, но всё равно тени на харрандре гораздо резче, чем в местах с пригодной для человека атмосферой.

Водитель оживился и начал, показывая руками в обе стороны, рассказывать, какие интересные здесь обнаружились гео-

логические структуры. Надо сказать, непосвящённому глазу было не видно ничего интересного — просто более-менее крутые обветренные скалы, примерно как в пустынях Аризоны или Невады. Даже привычных для земных гор обрывов, обнажающих глубинные пласты, тут практически не было — их создаёт текущая вода, а текущую воду в этих местах последний раз видели несколько миллиардов лет назад, если тогда было кому видеть.

Управлением машиной он не занимался. Зачем — не XX век на дворе, машина запомнит единожды пройденный маршрут и пройдёт его сама.

Наконец колея оборвалась у какой-то голенастой машины, которая стояла, уткнувшись своим хоботом в склон горы. Рядом лежала пачка пластиковых труб. Вездеход встал рядом с громоздкой гусеницей буровой машины, спутник Анджея взобрался на сиденье с ногами и легко перепрыгнул на её корпус. После того, как он что-то там осмотрел, пришла в движение механическая рука машины и начала перегружать в кузов вездехода узкие длинные ящики.

— Неплохо. Пятнадцать метров прошли за последние сутки, — с этими словами геолог вытащил из поясного чехла то ли большой коммуникатор, то ли маленький планшет и минуты три что-то туда записывал. — Поехали домой.

Дома пришлось вручную разгружать ящики под тот же навес, под которым хранились экзоскелеты. При этом экзоскелет никто не подумал надеть — не так уж и много весит ящик с метровым керном.

— А зачем был нужен человек в поездке за кернами? — спросил Анджей, когда они вошли в купол и сняли скафандры. — Вездеход прекрасно доехал бы до буровой сам, а буровая своим манипулятором перегрузит керны без участия человека.

— Э, нет, за машиной пригляд нужен! — возразил водитель. — Я ведь не просто так перегружал добытое, а сначала осмотрел машину, посмотрел на долото, на шарниры. Одна телеметрия всего не расскажет. А так, глазами или на ощупь,

можно заметить надвигающиеся неприятности раньше, чем они случатся. Опять же характер работы буровой скажет об этих породах кое-что, чего не заметишь на глаз. Поэтому хотя бы раз в сутки на буровую надо заглянуть живьём.

Ещё через полчаса Жоан засобирался. Здесь ночь уже вступала в свои права, и надо было дать людям отдохнуть, но в пятидесяти градусах долготы была ещё одна точка, которую требовалось посетить.

В Офир-западный они вернулись только через двенадцать часов, посетив четыре партии, раскиданные по разным углам планеты.

— Больше, чем по четыре точки, на один вылет я стараюсь не ставить, — рассказывал Жоан в последнем баллистическом полёте. — В конце концов, я тоже не железный. А перед каждой точкой нужно готовиться, вспоминать, кто там и что там.

В вагоне рейлера Офир-Западный — Мельдилорн Анджей сидел с закрытыми глазами, прокручивая перед внутренним взором калейдоскоп лиц, скал, кратеров. Ему и раньше приходилось сталкиваться с людьми, которые были безумно влюблены в какие-то совершенно бесчеловечные ландшафты вроде сухих долин Мак-Мёрдо или Долины Монументов, но здесь это воспринималось как-то по-другому. Особенно на фоне О'Фира и вообще хандрамитов.

Вот сухой, почти лишённый воздуха шарик, летящий в космосе. И вот люди, которые считают его своей родиной. Одни из них превращают маленькую бороздку вдоль экватора этого шарика в место, полное жизни, а другие изучают этот шарик таким, каким он был до прихода человека. Но и те, и другие по-своему любят этот мир.

Глава 41

Чайные гонки

На следующий день после того, как Анджей вернулся с харрандры, Труди наконец решила похвастаться своим фильмом. Очень вовремя, потому что отлёт «Ариадны» был назначен на следующий день.

Фильм получился короткий, около получаса. Оно и понятно — группа студентов колледжа сняла его меньше, чем за неделю. Сюжет был простым и непритязательным: на гонку солнечных парусников с грузом чая по маршруту Земля—Марс накладывался любовный треугольник, где два капитана-конкурента были влюблены в одну и ту же девушку.

Но сами съёмки... Во-первых, манёвры солнечных парусников в космосе на фоне планет — явная компьютерная анимация. Во-вторых, экипажи в кабинах: чувствовалось, что эти сцены ставил человек, который очень хорошо представляет, как ведут себя люди в микрогравитации. Юмор комических моментов, когда члены экипажа постоянно «забывали», что ускорение здесь всего несколько сантиметров в секунду за секунду, замечательно скрадывал банальность мелодраматического сюжета.

— Кто ставил сцены в кабине? — спросил Анджей.

— Я! — гордо ответила Труди. И пояснила: — Я почти год проработала подмастерьем в Гелиуме, поэтому знаю, как дви-

гаются люди в микрогравитации, — она перемотала фильм и пустила повтор сцены, где парусники маневрируют над покрытой облаками Землёй. — Вот было бы здорово, если бы этот фильм увидели не только у нас на Марсе, но и на Земле!

— А какие сложности? — удивился Анджей. Он уже пробовал смотреть с Марса кое-какие страницы в земном интернете, и вроде даже получалось, хотя, конечно, приходилось ждать минут по двадцать. — Что, отсюда нельзя зарегистрироваться на cinematron.org и выложить?

— Нельзя. У вас там очень маленький таймаут на ввод пароля. Пока сигнал бегает туда-сюда, оно уже отвалится.

— Но я-то сейчас тоже лечу не на Землю… — Анджей задумался. — Стоп, есть одна мысль!

Он достал наладонник и стал писать письмо Маре. Через полчаса пришёл ответ: «Я тоже пока не очень на Земле. Пусть напишет Киму.»

Глава 42

Бета Южной Гидры

В кают-компании за обедом капитан помогал Каямуре разобраться с дальнейшим маршрутом. Расчётное время прибытия «Марианны» в космопорт Лерна оказалось на три часа позже старта «Восхода Хары» — рейсового пакетбота, обслуживающего линию Бета–Хара. Все-таки, хотя обе системы были достаточно населены, Хара — это не Арктур и даже не Толиман, поэтому регулярные рейсы обслуживались всего двумя кораблями, и получался один рейс в две мегасекунды.

Конечно, Мир Беты — такое место, где в течение вынужденного трёхнедельного ожидания учёный найдёт, чем заняться. Но Каямуре очень хотелось домой.

— Нельзя ли немножко ускориться?

— Увы, не получится, — нахмурился капитан. — Мы и так идём по практически оптимальной траектории. А тормозиться об атмосферу, как под Сигмой Дракона, над цивилизованным миром нам никто не разрешит — мы должны честно выйти на круговую парковочную орбиту, дождаться своей очереди на посадку и всё такое. Всё-таки Лерна — хорошо посещаемый порт, здесь садится не меньше десятка кораблей в день. Хотя… — он наморщил лоб. — Есть одна мысль. Если старина Самурай согласится… Напишу-ка я ему письмо.

«Марианна» находилась ещё в сотне гигаметров от Мира

Беты — слишком далеко для интерактивной связи. Приходилось писать письма и ждать ответа.

Ответ был положительный. Капитан Такуда по прозвищу Самурай был однокашником капитана «Марианны», носившего в те годы прозвище Татарин. Не могло быть и речи, чтобы отказать бывшему сокурснику в такой мелочи, как принять у него пару пассажиров непосредственно перед уходом с околопланетной орбиты.

Правда, для «Марианны» это означало, что убрать жилую палубу придётся ещё до выхода на парковочную орбиту, а не перед сходом с неё. Десятитысячетонный пакетбот — это вам не километровая станция Сириус, стыковаться с ним, не убрав мешающего маневрам «бублика», было бы небезопасно.

* * *

Опять, как при подходе к Сигме Дракона-d, весь экипаж собрался в салоне. На экране на передней стенке показывалось примерно то же самое, что видели пилоты через окна рубки. Пол-экрана занимал огромный голубоватый шар Мира Беты, а над ним там и сям вспыхивали искорки проблесковых маяков различных космических аппаратов.

Вот один из аппаратов начал постепенно расти. По компоновке он более-менее напомнил Карлу крейсера серии «Нельсон» — те же короткие прямые крылья ближе к хвосту, вместо единого киля две шайбы по концам крыльев, жёсткое неубирающееся кольцо жилой палубы в одной плоскости с крыльями, способное работать как дополнительное крыло. И размеры, похоже, примерно такие же — десять тысяч тонн, не считая рабочего тела, четверть километра в длину. Правда, жилая палуба чуточку более громоздкая, чем у «Нельсонов». Впрочем, оно и понятно: основной груз этого корабля — пассажиры.

«Марианна» приблизилась к кораблю так, что его корпус занял почти весь экран, уравняла скорость и медленно-медленно заходила на стыковку. На киле Карл разглядел забавную

картинку — поджарую длинноногую собаку с четырёхлучевой звездой в зубах.

— Что это? — спросил он сидевшего рядом Герхарда.

— Опознавательный знак. Все торговые корабли несут на киле картинку, так или иначе символизирующую систему происхождения. У нас — стилизованное изображение древнего арктурианца. У толиманцев — просто две звезды. А это — Хара, Бета Гончих Псов, потому и нарисована гончая.

* * *

Киммоти Такуда, капитан «Восхода Хары», разглядывал в бинокль маленький треугольник арктурианского трампа, запросившего стыковку.

Сейчас этот кораблик можно было принять за орбитальный шаттл. А на самом деле это трамп-тысячетонник класса «Красотка», самый маленький из кораблей, способных самостоятельно совершать межзвёздные скачки. Тысяча тонн снаряжённой массы без рабочего тела, колёсное шасси, которое лучше, конечно, использовать на планетах не более чем с пятью метрами на секунду в квадрате, надувная жилая палуба, обеспечивающая комфорт, вполне достаточный для таких маленьких размеров.

Вот такой мелюзге и достаётся всё самое интересное в Космосе — планетологические экспедиции, снабжение экобиостанций и научных станций, визиты на Старую Землю. А шикарный десятитысячетонный пакетбот, к командованию которым капитан Такуда шёл так долго — это мотание в треугольнике Бета–Арктур–Хара. Разве что ещё под Толиман иногда попадёшь.

Тем временем корабль за окнами рубки уже приблизился на расстояние, сравнимое с собственным размером, и начал маневрировать. Характерный какой-то почерк — гасить поперечную составляющую скорости одновременным включением носовых и кормовых двигателей ориентации. Ни один выпускник лемурийской космоходки никогда так не сделает. И под-

чёркнуто чёткие фазы маневров. Явно человек с небольшой практикой. Однако при этом — странно плавные. Обычно самоуверенность, помогающая не фиксировать фазы столь чётко, приходит с опытом раньше, чем такая плавность.

Киммоти взял микрофон и вызвал капитана трампа:

— Руслан, откуда у тебя в пилотском кресле девчонка из Толиманской космоходки?

— А откуда? Оттуда, из-под Толимана. Мы туда заходили четыре скачка назад. Там мой старпом списался и улетел под Арктур принимать свой первый корабль, пришлось взять второго помощника из местных. А почему ты решил, что девчонка?

— Ну я же не первый час слушаю ваши переговоры с диспетчерами.

«Восход Хары» чуть заметно вздрогнул, на пульте перед его капитаном вспыхнул транспарант «есть касание, идёт стягивание».

— Передай ей, что она молодец. Очень мягкая стыковка. Она у неё первая?

— Нет, тут тебе не повезло. Первой у неё была станция Сириус.

— Для второго раза тоже очень неплохо.

— Киммоти, а давай я сейчас после отстыковки от тебя посадочными манипуляторами покрепче оттолкнусь?

— У меня тут сотня пассажиров и масса всего вдесятеро больше твоей.

— А что, ты не сумеешь парировать толчок двигателями ориентации? Зато меня по-быстрому откинет от тебя на безопасное расстояние, и ты сможешь сразу давать импульс. У тебя же остались считанные минуты до импульса.

— Ладно, давай.

Такуда набрал на контрольном мониторе несколько строк скрипта, завязывая импульсы двигателей малой тяги на показания акселерометра. На пульте тем временем погас транспарант открытого перехода.

— Есть герметизация, — доложил второй помощник, принимавший пассажиров. — Давай, Руслан, мы готовы.

Пассажиры на громоздкой жилой палубе «Восхода Хары» ничего не почувствовали. Только Каямура и подмастерье со станции Сириус заметили, что отстыковка сопровождалась более резким толчком, чем обычно.

«Марианна» отлетела от «Восхода Хары», как мячик. Лада с некоторым трудом погасила желание корабля покувыркаться в космосе, вызванное тем, что посадочные манипуляторы дают толчок не точно по оси. Да и вообще они не слишком рассчитаны на подобные операции — это скорее интеллектуальные швартовы, которыми севший на воду корабль хватается за причальные палы.

* * *

Лерна — это вам не какая-нибудь Порт-Шамбала, где от причала до бордингауза можно дойти пешком, а крупный порт, причалы которого растянулись на километры. Поэтому экипаж «Марианны» собрался около выхода на набережную с короткого пирса, к которому пришвартовался корабль, и ждал заказанного автобуса.

Пока тот не подошёл, Карл, опершись на ограждение пирса, смотрел вниз. Между водой и гранитной облицовкой набережной был песчаный пляжик шириной метров пять, на который с лёгким шипением набегали мелкие волны.

Почти под самым пирсом волны нанесли и сложили кучку водорослей и прочего мусора, в которой сосредоточенно копалась поджарая серо-полосатая кошка. Время от времени ей удавалось добыть оттуда что-то съедобное, вроде креветки, и она с аппетитом этим хрустела и облизывалась.

Вдруг кошка резко подобралась, сдвинув вместе все четыре лапы, выгнула спину и одним прыжком очутилась у ног Карла. Через секунду на пляжик накатила крупная волна, поднятая пакетботом-трёхтысячником, швартующимся к соседнему пирсу, и с грозным шипением залила его весь, разбившись о гранит

набережной. Счастливо избежавшая купания кошка повернулась в сторону пакетбота, подняла хвост и сердито промявкала все, что имела сказать в адрес пилотов, которые так швартуются. После чего успокоилась и улеглась на нагретых Бетой досках ждать, пока пляж подсохнет настолько, чтобы можно было возобновить охоту за креветками.

Наконец подошёл автобус, в котором уже разместился экипаж какого-то другого корабля, подобрал людей с «Марианны» и повёз вдоль берега лагуны. Сначала по левую сторону дороги мелькали десятки, если не сотни, огромных межзвёздных кораблей, пришвартованных у многочисленных пирсов, а по другую стояла стена леса. Потом она кончилась, сменившись пакгаузами и кранами, а места у причалов заняли разнообразные морские суда.

Затем автобус въехал на небольшой подъём, и справа поднялся редкий ряд небоскрёбов, похожих на раскрытые книги. А слева, казалось, прямо от парапета набережной начиналась гладь лагуны, сияющая в закатных лучах Беты.

Автобус затормозил у второго из небоскрёбов.

— Интересно, сколько народу живёт в этом городе, если тут такая набережная? — вслух поинтересовался Карл.

— Лерна — один из крупнейших городов в Галактике, так что, наверное, тысяч пятьдесят, а то и семьдесят, — ответил капитан. — И раза в три больше приезжих.

— Тут пятьдесят тысяч разместится в одних этих небоскрёбах, — прикинул Карл.

— Да, это они размахнулись. Кто-то из основателей колонии впечатлился видом набережной какого-то земного города, Гаваны, что ли, и решил завести здесь такое же. Построить это при современной технике, в общем-то, было не так дорого. А потом уже стали думать, как это использовать, — капитан усмехнулся. — Получился единственный порт в Галактике, где в бордингаузе номера из трёх комнат.

Глава 43

Прогулки по Лерне

На входе в бордингауз висела огромная аляповатая афиша. Лада внимательно посмотрела на неё, потом на часы, которые у неё уже показывали местное время в дополнение к общегалактическим секундам.

— Блин! Завтра же здесь Калябра! Карл, давай быстрее обустраивайся, и дуем в город.

— Почему?

— Ты вроде хотел здесь чем-то закупиться. А завтра Калябра. Это такой местный праздник, будут всякие карнавалы и прочие народные гулянья, но никто не будет ничего продавать. В Калябру от полуночи до полуночи ни одна монетка не должна сменить владельца.

— Интересный обычай. А есть мы завтра что будем?

— Это как раз не проблема — сегодня кэп заранее договорится о пансионе для всего экипажа, только и всего. Здесь все так делают. Но если мы хотим что-то купить, это надо сделать сегодня или отложить до послезавтра.

— А мы успеем? Вроде здесь уже закат.

— Ну так завтра же Калябра. А сегодня... Слушай, как у вас правильно называется сегодняшний вечер? — обратилась она к портье.

— Ночь Большого Отлива. Только на самом деле в этот раз

Отлив будет уже после рассвета.

— Сегодня у них Ночь Большого Отлива. Так что все магазины работают ровно до полуночи.

Буквально через десять минут, получив ключи от номеров и закинув вещи, Карл и Лада бросились в город, как бросаются в воду рыбкой с пирса.

Бета уже успела закатиться, и на Лерну обрушились стремительные тропические сумерки. Город восстал против нахлынувшей тьмы, залив свои улицы огнями витрин и светящихся вывесок. В их ярком свете терялись не слишком многочисленные уличные фонари.

По улицам, в которые они окунулись, как только свернули с набережной, текли достаточно плотные ручейки прохожих. Если б не слова капитана, Карл ни за что бы не подумал, что здесь всего пятьдесят с чем-то тысяч народу. Такое впечатление, что Ночь Большого Отлива выгнала на улицы всех обитателей города, да к тому же собрала в нем многочисленных приезжих.

Не успев отойти пары кварталов от набережной, Карл вдруг резко затормозил перед огромной витриной. На ней среди каких-то экзотических кустов вились спирали Бруно, стояли крупнокалиберные пулемёты на треногах, были прихотливо разложены ранцевые огнемёты и гранатомёты, а под потолком висели небольшие, но достаточно грозные самолёты-беспилотники. В углу чернели гусеницы маленькой танкетки, оборудованной бульдозерным отвалом.

— Идём-идём, — потянула его за рукав Лада. — Зачем тебе снаряжение для колонистов из дикого леса?

— Оно, что, настоящее? — вышел из ступора Карл.

— Ну не игрушечное же! Посуди сам, населения на планете всего несколько десятков миллионов человек, причём это Мир Беты, так что надо ещё вычеркнуть тех, кто живёт в океане. А суши тут не меньше, чем на Земле. Поэтому стоит отойти от города на пару сотен километров, как начинается фронтир с дикими зверями. Приходится обносить хлев колючкой, а на

башнях ограды держать пулемёты. Ну, а огнемёты и танкетки — это для освоителей новых земель. Пошли, там дальше будут магазины для систедеров и шельферов, и где-то тут вроде ещё был авиасалон.

— Авиасалон — это как?

— Это где продают самолёты и автожиры. У вас на Земле почему-то малопопулярна частная авиация, а здесь, как и во всех колониях, её полно. Но вообще-то мы вроде собирались покупать ноутбук, — Лада окинула взглядом ближайшие вывески. — Кстати, вот и магазин электронной техники, идём!

В магазине под малогабаритные ноутбуки была отведена весьма немаленькая витрина. Карл начал внимательно разглядывать их.

— Ну что, выбрал? — потеребила его Лада.

— Никак не могу, — вскинул голову Карл. — Вот если бы клавиатуру от этого, да тачпад от этого, да вот к такому, но чтобы ещё портов как у вон того...

— И это называется «не можешь»? Эй, хозяин, — помахала она рукой молодому человеку в белой форменной рубашке, которому до владения магазином было явно дальше, чем фотону отсюда до Солнечной системы. — Примите заказ: берём за основу вот эту модель, клавиатуру отсюда, тачпад вот такой, портов не меньше четырёх, радиоинтерфейсы... — она перечислила все, что могло пригодиться на корабле, даже не спрашивая Карла.

— Корпус какой? — поинтересовался продавец, делая пометки стилом на экране своего планшета.

— В каком смысле?

— Пластмасса, металл, красное дерево?

— Металл.

— Магниевый сплав, хромировка, воронение?

— Магниевый сплав.

— Аккумуляторы побольше или ультратонкие?

Карл вопросительно посмотрел на Ладу.

— Я-то ношу ультратонкий, — постучала она пальцами по

своей пилотской планшетке. — Но мне с ним по трубам за ведроидами не ползать. Возьми средневысокой ёмкости.

— Средневысокой ёмкости, — послушно повторил Карл.

— Семьдесят шесть беталеров, — подвёл итог продавец.

Лада присвистнула.

— Что, дорого? — спросил Карл. О покупательной способности беталера он имел крайне смутное представление, но тысяч пять у него в кармане было.

— У нас самое высокое качество под Бетой, — гордо заявил продавец.

— А как насчёт предпраздничной скидки? — поинтересовалась Лада.

Продавец задумчиво потыкал стилом в экран своего планшета:

— Ну ладно, семьдесят два.

— Берём! — хлопнула в ладоши Лада.

— Хорошо, присаживайтесь. Сборка и тестирование займут примерно полчаса. Хотите кофе?

— Тут что, собирают ноутбуки на заказ? — удивлённо спросил Карл, когда они с Ладой уселись за небольшим столиком у самой витрины, а продавец начал общаться с какими-то другими покупателями.

— А как иначе? Тут же не десять миллиардов населения, как у вас. Не получится заранее нашлёпать любых конфигураций и надеяться, что все раскупят.

Наконец продавец притащил новенький ноутбук, поставил его на стол перед Карлом и предложил сконфигурировать дерево доверия.

Карл слегка озадачился. Вообще-то он знал, что в системе Оникс все программы обязательно должны быть подписаны электронной подписью, но до сих пор как-то не задумывался, кто и как решает, чьим подписям доверять. Его разработки для ВКФ в Вене подписывались ключом лаборатории, а при поступлении на «Марианну» Синтия выдала ему сертификат, который признавали все компьютеры и роботы на борту, в том

числе ноутбук Торвальдыча.

Теперь же вдруг выяснилось, что когда человек становится владельцем компьютера, то он и только он решает, чьим подписям доверять. Конечно, было бы глупо не доверять подписям производителя операционной системы. Но главный, корневой сертификат, который прошивается в специальную область памяти, и на котором проверяются все прочие — это сертификат владельца компьютера. Для того, чтобы его прошить, нужно не просто загрузиться со специального брелока, а ещё и установить специальную перемычку под небольшой крышкой на нижней стороне корпуса. После того, как была произведена эта операция, продавец залил легкоплавким пластиком разъём, из которого извлекли перемычку, и оттиснул на нем печать.

Кроме этого, имелась специальная область памяти, куда прописывались доверенные сертификаты, подписанные на корневом, чтобы можно было протянуть цепочку доверия от корневого до того, на котором подписано ядро системы.

Несмотря на то, что эти сертификаты были защищены подписью, запись в эту область была возможна только при загрузке с того же самого брелока, на котором лежал свежесозданный корневой ключ — а там была специальная версия системы с полностью удалёнными сетевыми возможностями. То есть сделать что-то с деревом доверия можно было, только держа ноутбук в руках.

В принципе, достаточно было иметь в дереве всего два сертификата: производителя операционной системы, который обеспечивал доверие не только программам, включённым в состав этой системы, но и некоторым сторонним приложениям, за качество которых ручался производитель системы — и системного администратора корабля, поскольку в Торгфлоте было принято, что корабельный сисадмин имеет кое-какие права в том числе и на личных ноутбуках экипажа. Но Лада посоветовала Карлу сразу же поместить туда ещё и собственный сертификат разработчика, ключом от которого можно было пользоваться без перезагрузки со специального носителя.

Идея, что компьютер действительно принадлежит ему, была для Карла довольно необычной, и он долго крутил её в голове, пока Лада чуть ли не на буксире волокла его от магазина электроники к следующим намеченным целям. До сих пор Карл никогда не был полновластным хозяином на компьютере, где работал. Поставщик операционной системы, родители, системные администраторы школы и университета, операторы сети связи, заказчики... Все они всегда оставляли за собой право что-то требовать от компьютера, на котором когда-либо работал Карл, и расценивали вторжение в свою область как нарушение — либо условий договора, либо просто как злостное компьютерное хулиганство. Поэтому ноутбук Торвальдыча Карл тоже воспринимал как какую-то вещь в себе. Вот завела Лада ему логин, вот принимает этот компьютер сертификат ключа Карла для подписи программ, выданный Синтией — больше вроде ничего и не надо... Потребовалось улететь от родной системы на двадцать пять световых лет, чтобы наконец завести компьютер, которому он является полновластным хозяином.

На прощание продавец вручил Карлу и Ладе по пластмассовому игрушечному пистолету:

— Подарок от фирмы.

— Это ещё зачем? — удивился Карл.

— Так завтра же Калябра.

Лада понимающе кивнула:

— Спасибо, а то я как-то не сообразила запастись, — и, обращаясь к Карлу: — Завтра увидишь, зачем на Калябре водяные пистолеты.

* * *

На следующий день Карл проснулся поздно. Все-таки бетанские сутки несколько короче стандартных космических ста килосекунд, да и спешить было особенно некуда. «Старики» — кэп, Афанасьич, Алина и Герхард — в этот день расписали стояночные вахты между собой под лозунгом: «Что мы, Калябры

в Лерне не видели?» Каких-либо дел тоже быть не могло — в такой праздник никто не будет ни проводить грузовых операций, ни корректировать карты, ни ремонтировать механизмы. Поэтому молодое поколение экипажа могло наслаждаться праздником.

Судя по доносившимся в окна бордингауза звукам музыки, праздник уже был в разгаре. Быстро позавтракав со шведского стола, оплаченного накануне, и одевшись в парадную форму, Карл и Лада направились в город по вчерашнему маршруту.

Народу на улицах было гораздо больше, чем вчера. Если накануне основное внимание Карла было привлечено к витринам магазинов, то сегодня было интереснее смотреть на прохожих — магазины всё равно закрыты.

Было заметно, что уличная толпа состоит из почти не смешивающихся между собой разных страт или типов людей. Мелькала и светло-голубая парадная форма Торгфлота, но космонавтов было мало. В конце концов, в гавани Лерны стояло всего несколько десятков космических кораблей с общей численностью экипажей меньше тысячи человек. Гораздо больше было людей в похожей по покрою, но белой форме — моряков местного торгового флота. Но и их давили количеством три другие группы людей — загорелые коренастые ребята в рубахах с короткими рукавами и шортах и их девушки в коротких платьях с открытыми плечами; люди, которых Карл сначала принял за фольклорных дикарей — идеально сложенные, стройные, одетые лишь во что-то, что для пояса было чуточку широковато, а для юбочки — явно узковато; наконец, люди с относительно светлой кожей, с ног до головы закутанные в полупрозрачную ткань и с широкополыми шляпами на головах.

Карл не мог удержаться от того, чтобы провожать взглядом выставленные напоказ прелести девушек, обходившихся минимумом одежды. Через несколько минут Лада больно ущипнула его за руку:

— Ты чего это всё на систедерских девушек зыркаешь? Да-

вай я, что ли, тоже по-систедерски оденусь, у меня грудь не хуже.

Карл слегка смутился, но потом нашёлся с ответом:

— А не боишься обгореть на местном солнце? Эти вон какие загорелые.

— Боюсь, — вздохнула Лада. — Я все-таки не торчала последние несколько месяцев на открытой всем ветрам плавучей платформе. Вот по-шельферски можно было бы одеться — они у себя под водой не слишком привычные к звёздным лучам и берегут шкуру. Но их накидки надо уметь носить.

— Тогда не ревнуй зря. Мало ли, что они доставляют мне эстетическое удовольствие. Ты всё равно лучше. А если ты обгоришь, то у нас с тобой будут проблемы не с эстетическими, а с кинестетическими удовольствиями.

На перекрёстках то тут, то там возникали импровизированные танцплощадки, причём на каждом перекрёстке играли какие-то свои танцы — где-то вальсы и танго, где-то самбу. На одном из перекрёстков Лада и Карл задержались в толпе зрителей, наблюдая за тем, как команда из нескольких моряков и портовых рабочих весьма профессионально танцует брейк.

Вдруг Карла кто-то окликнул по имени. Он обернулся и увидел девочку-парамедика из Порт-Шамбалы, которая после каждой смены на «Сюркуфе» старательно проверяла здоровье всех там работавших.

— Рина? — удивился Карл. — Что ты здесь делаешь?

— Поступаю в Медакадемию, — горделиво ответила она. — А ты зашёл сюда со своим кораблём? Здорово, хоть один старый знакомый на всю планету!

Рина моментально познакомилась с Ладой и вызвала у той те покровительственные чувства, которые всегда вызывает старший подмастерье или младшекурсник у недавнего выпускника старшей школы. Впрочем, сами подмастерья так же реагируют на старшеклассников.

Ещё немного, и она уже тащила обоих космонавтов куда-то, где, по её словам, «сегодня всех мороженым за так кормят».

Действительно, это было что-то вроде летнего кафе. Вернее, само кафе по случаю Калябры было закрыто, но на улицу выкатили тележку-холодильник, из которой пожилой грузный мужчина, возможно, сам хозяин, раздавал эскимо. Вокруг нескольких сдвинутых столиков расселась молодёжная компания, наполовину состоявшая из студентов-старшекурсников с эмблемами медицинской академии на белых нарукавных повязках, а на вторую половину — из систедеров в их чисто символической одежде.

— Слушай, кнопка, ты сегодня здесь уже была! — попытался возмутиться мороженщик, когда Рина подтащила к тележке своих новых приятелей. — Точно не простудишься? Парень, — обратился он к Карлу, — проследи, что ли, за её состоянием здоровья.

— Нда… — медленно произнёс в пространство Карл. — Когда четыре месяца назад я учился вакуумным работам, это она контролировала моё состояние здоровья.

— Как-то не похож ты, парень, на свежего выпускника космоходки, — скептически заметил мороженщик. — Тебе на вид уж явно не меньше пятнадцати лет.

Таким молодым Карла давно не называли. Он нерешительно оглянулся на Ладу.

— Ага, — улыбнулась та. — здесь год 50 мегасекунд. Мне всего десять местных лет, а Ринке и восьми не наберётся.

— Я на бортмеханика недавно переучился, — пояснил Карл, уже привыкший к тому, что с первого взгляда его не воспринимают как новичка в текущей специальности. — А до этого был инженером-судостроителем.

— И где ж это при обучении вакуумным работам подмастерье сажают контролировать курсантов? — влезла в разговор девушка вполне взрослого по спейсианским понятиям вида, с эмблемой на рукаве в виде красной чаши, обвитой змеёй.

— Под Солнцем, в Порт-Шамбале.

— С ума сойти! Что, хотя бы студента-медика найти не смогли?

— Не смогли, — ответил Карл. — Порт-Шамбала — маленькая военная база. Нет там студентов-медиков, вон Рина сюда поступать прилетела. А когда вся эскадра в походе, персонала в госпитале остаётся в обрез.

— Раз так, имеешь право на дополнительную порцию, — подвёл итог мороженщик.

Запасшись мороженым, наши герои переместились за столик, где сидели студенты. Вроде как уже и познакомились.

Карл разговорился с парочкой систедеров. Ему было очень интересно, что это за странные люди, которых все в Лерне воспринимают как должное. До сих пор все встречавшиеся ему спейсиане, окажись они вдруг летом на улицах Вены, вряд ли выделялись бы в толпе. Их одежда была вполне в рамках европейских приличий. А вот систедеры в городе почему-то одевались так, как не на всяком пляже позволительно.

Систедеров звали Ниссе и Оссэ. Ниссе, как и полагается носителю такого имени, был высоким светловолосым парнем, правда, загоревшим почти дочерна. Его обнажённый торс демонстрировал хорошо развитую мускулатуру, но не подчёркнуто бугристые мышцы бодибилдера или тяжеловеса, а гармоничное сложение пловца.

Оссэ рядом с ним смотрелась миниатюрной — но только рядом с ним. Рядом с Карлом она бы уже такой не показалась, будучи почти того же роста, что и он. Определить её расовый тип он затруднился: что-то европейское, что-то восточное, какие-то черты — словно с картин Гогена. Впрочем, в наше время и на Земле-то не каждый может назвать расы своих предков, а в колониях процесс смешения явно был ещё интенсивнее.

Выяснилось, что систедом на Бете называется плавучая платформа в открытом море, обычно при китовой или рыбной ферме. Люди, которые там живут, постоянно то ныряют в воду, то вылезают на платформу или какую-нибудь лодку, то заплескиваются волной. В тропическом климате в таких условиях плавки — наиболее удобная форма одежды.

— А почему вы живёте на этих платформах? Насколько я

знаю, здесь полно места на суше.

— А почему ты живёшь в титановой трубе? Тебе нравится каждые два месяца выходить под новую звезду и видеть новое небо. А нам нравится, когда кругом волны до горизонта и киты поют.

— Только не в титановой трубе, а в кевларовом мешке, — поправила Лада. — Мы с трампа-тысячетонника. Это гораздо интереснее, чем здоровые пакетботы, всю жизнь ходящие по одному маршруту.

— Вы в первый раз у нас на планете? — вдруг сменила тему Оссэ.

— Карл в первый, а я во второй, — ответила Лада. — Правда, в прошлый раз я ещё юнгой была.

— О, Ниссе, а давай покажем ребятам город, — предложила систедерка. — Это гораздо интереснее, чем просто слоняться по нему без цели.

— А можно мне с вами? — влезла Ринка.

— Легко.

— Ринка, а водяной пистолет у тебя есть? — поинтересовалась Лада.

— Мне не положено, я медик, — ответила девочка. — У меня — вот, — она извлекла из-под халата огромный шприц миллилитров на двести.

У Ниссе и Оссэ Лада спрашивать не стала, хотя Карл окинул систедеров несколько подозрительным взглядом. По его мнению, одежды на них было настолько мало, что спрятать в ней водяной пистолет или ещё какую-нибудь брызгалку было совершенно невозможно.

— До пика прилива ещё пять часов, — заметил Ниссе. — Пойдём пока посмотрим центр города. А прилив лучше встречать в Дельте. Все доели? Тогда встали и пошли.

Хотя город Лерна не такой уж большой, бродить по нему можно было довольно долго. В самых неожиданных местах посреди самых обычных коттеджей и таунхаусов вдруг открывалась обширная площадь, часто с фонтанами, на которой воз-

вышались какие-то интересные общественные здания.

— Это музей истории Колонии, — объяснял Ниссе. — Но давайте мы туда не пойдём. Он совершенно тенденциозный, про нас и шельферов там почти ничего нет. Можно подумать, что вся Колония — это исключительно суша. Конечно, он сегодня бесплатный, как и все остальные, потому что Калябра, но не настолько там дорого, чтобы экономить на этом с такой высокооплачиваемой профессией, как космонавт. А некоторых бедных студентов туда всё равно сводят по ходу курса истории. А это художественный музей. Почти вся коллекция — наши бетанские художники, но есть один раритет — картина кисти героя Первой космической эры Алексея Леонова. Говорят, когда-то давно земляне выменяли на неё целый космический корабль. А вот как она попала к нам с Авалона, я уже не помню.

Вдоль длинной, украшенной колоннами стены художественного музея они вышли к набережной. Здесь Лерна-ривер ещё текла единым потоком шириной примерно с километр. Чуть ниже она уже начинала дробиться на рукава, образуя Дельту, острова которой были связаны десятками мостов. Выше реку пересекал только один огромный арочный безопорный мост, поднимавшийся над фарватером так высоко, что любой крупный корабль, способный протиснуться через Дельту по Большой протоке, мог пройти под ним без помех.

На набережной собралась толпа народа, наблюдавшая за происходившими на реке катаниями на водных лыжах и парапланах, взлетающих на буксире у маленьких катеров-роботов. Постояв и полюбовавшись на это действо, наши герои спустились вдоль Большой протоки к лагуне.

Там у последнего из серии небоскрёбов, украшавших парадную набережную, происходила какая-то возня. На воде бултыхался огромный, диаметром с трёхэтажный дом, шар из прозрачного пластика, в котором со всех шести сторон были проделаны отверстия с высоким бортиком, как будто врезаны куски трубы, поэтому, даже если шар поворачивался каким-то из

отверстий вниз, вода в него не заливалась. В шар забрались несколько человек и пытались заставить его куда-то катиться, переступая по внутренней поверхности. Снаружи ещё несколько человек рвались внутрь.

Рядом к пирсу был пришвартован катамаран с высокой вышкой на корме — или скорее на носу? С вышки прыгали в воду купальщики. За штурвалом скучал моряк, голый по пояс.

— Постоим, подождём, пока они его утопят? — предложил Ниссе.

— Да ну его, — возразила Оссэ. — Он почти сухой, они полчаса бултыхаться будут, не меньше.

— Его — это кого? — поинтересовалась Ринка.

— Шар. Когда заплескивает волна, когда кто-то лезет внутрь, или ещё при каких эволюциях, в шар попадает немного воды. Постепенно он тяжелеет, и если при том внутрь набьётся слишком много народу, вода переливается через порог нижнего входа, и шар начинает тонуть. Тогда народу нужно успеть вовремя повыскакивать. А кто не успеет, будет торчать в воздушном пузыре около верхнего выхода. Тогда вот тот мужик заведёт свой плавучий кран, зацепит шар манипулятором за ближайший к поверхности выход и поднимет, чтобы вода стекла.

— А мне туда можно?

— У тебя подводное плавание в бета-листе есть?

— Только без дыхательного аппарата.

— В принципе, этого достаточно. Но вообще подобное развлечение не для девочек-подростков. Видишь, какие там мускулистые ребята? Ты точно хочешь у них под ногами болтаться? Затоптать, конечно, не затопчут, но если свалишься, обратно встать на ноги в скользком мокром шаре весьма непросто.

Ещё минуты три посмотрев на то, как развлекаются обитатели шара, девочка передумала туда лезть. А вот спрыгнуть пару раз со стрелы плавучего крана, пока он ещё стоит у пирса и изображает вышку для прыжков в воду, не упустил шанса никто из пятерых. Тут Карл как раз не беспокоился за Рин-

ку — он прекрасно знал, что в аквапарке Порт-Шамбалы есть вышки примерно такой же высоты, и Ринка не раз прыгала с них. Сам он чувствовал себя несколько менее уверенно — но если Лада, и даже Ринка не боятся, взрослому мужику уж никак нельзя уступить. Впрочем, всё получилось вполне грамотно.

Когда все напрыгались, Оссэ поглядела на часы:

— Идёмте. Мы же хотели встречать Прилив на краю Дельты, а ещё надо перебраться через Большую протоку.

Под Большой протокой в самом её устье был проложен пешеходный тоннель, куда нужно было спускаться по винтовой лестнице на глубину в два десятка метров. Видимо, по случаю Калябры туннель был освещён разноцветными переливающимися огоньками, но вообще в нём было темновато. Минут через пятнадцать они быстрым шагом дошли до следующей лестницы и выбрались наверх.

Острова Дельты представляли собой довольно странное место: вроде жилые кварталы, застроенные обычными коттеджами, утопающими в зелени, как и вся Лерна, но почти к каждому дому примыкает причал, куда пришвартована яхта или катер, и буквально каждый второй перекрёсток представляет собой мостик через протоку.

Миновав несколько таких островков, они вышли к острову побольше, занятому парком. Парк плавно переходил в пляж, который сейчас, в ходе надвигающегося прилива, стремительно пожирался волнами, но ещё имел метров сто в ширину. Он представлял собой мыс, довольно далеко выдающийся в лагуну, с которого можно было увидеть всю набережную с небоскрёбами. Точно напротив мыса был проход в косе, отделяющей лагуну от моря. По обеим сторонам прохода возвышались какие-то сооружения — высокие башни над ними, очевидно, были маяками, но этим функция сооружений явно не ограничивалась. Слева ниже башни возвышался параболический купол, справа — длинная арочная кровля.

— То, что с куполом — местный Храм Космоса, — заметила Лада. — Я в нём уже была, когда мы улетали отсюда по

тревоге. Тревога тревогой, но все равно не повод пропускать предотлётную церемонию.

— А справа — Храм Океана, — добавил Ниссе. — Там устраивают церемонии моряки, ну и мы с шельферами тоже.

От Храма Космоса уходила куда-то за горизонт узкая песчаная коса. С другой стороны она была короткой и быстро упиралась в берег бухты, где высились какие-то огромные сооружения, а на самом берегу стояли две гигантские колонны, украшенные чем-то вроде корабельных носов.

— Ростральные колонны местного ремзавода, — продолжил свою лекцию систедер. — В нижней половине — носовые части морских судов, когда-либо производившихся здесь, а в верхней — воздушных и космических.

Лада вытащила из планшетки маленький, но мощный бинокль и стала внимательно разглядывать колонны.

— На что спорим, что шияарский астероидный харверстер на этом заводе никогда не производился? Вон, на левой колонне, самый верхний справа, — она передала бинокль систедерам, а те, полюбовавшись, Карлу. И правда, самый верхний космический аппарат на левой колонне был совершенно нечеловеческим по дизайну.

— Течение замедляется, — заметила Оссэ. — Скоро пик прилива.

— Минут пятнадцать осталось, — посмотрел на часы Ниссе и огляделся по сторонам. — О, вон там какой-то народ. Пошли.

— Куда? — удивился Карл.

— Тут сейчас начнётся, — объяснила Ринка. — Когда наступает пик прилива, в Храме Океана стреляют из пушки, и начинается водяная война — все начинают обливать друг друга из водяных пистолетов и всяких прочих брызгалок. Но не друг друга же нам обливать, это неинтересно. Вот Ниссе и высматривает, где побольше народу.

Они подошли к парковой лужайке на берегу протоки, в которой был рассыпан десяток мелких островков, соединённых пешеходными мостиками.

— О, ребята, вижу, вы тоже с моря, значит, свои! — тут же подбежал к ним парень помоложе Карла и Ниссе, но постарше Лады. — Мы рыбаки, забились тут с виноградарями устроить большое сражение — а у «Золотой Макрели» проблемы с движком, и «Палтус» тащит её на буксире. В результате целых два экипажа к Калябре не добрались до Лерны, и в команде не хватает шести человек. Вас тут пятеро? Девчонка из Медицинской Академии?

Ринка предъявила свой шприц.

— Ну, тоже ничего.

Он потащил наших героев к своей команде. В общей сложности соединённая команда Моря и Космоса составила двадцать три человека. Возглавлял её коренастый рыбак Анри, примерно ровесник Карла.

Осмотрев театр предстоящих военных действий, Лада долго шепталась с ним о чём-то. В результате команда была поделена на три отряда, во главе одного из которых встала она, а во главе другого внезапно обнаружил себя Карл, получивший чёткие инструкции:

— Gliese 556 помнишь? Тут примерно то же самое. Проходишь вон те три островка, потом атакуешь противника с тыла. Да, не забывай, что события могут пойти, как во второй битве за Осануэва или Кси Волопаса. И следи за сигналами.

Согласно правилам, пользоваться какими-либо техническими средствами, кроме собственно водяных пистолетов и прочих брызгалок, запрещалось. Но для флажного семафора технические средства не нужны. А Карл после того, как столкнулся с этим не столь уж древним видом связи на планете Сигмы Дракона, не поленился и выучил семафорную азбуку. Рыбаки тоже ею владели. Именно на этом была основана их уверенность, что они смогут справиться с куда более многочисленной, человек в тридцать пять, командой виноградарей.

Впрочем, это было бы несколько самонадеянным, если бы в команду в последний момент не влились двое космонавтов, имевших некоторое отношение к военному флоту.

Тактический план Лады увенчался блестящим успехом. Пока центральный отряд во главе с Анри, усиленный Ниссе и Оссэ в качестве тяжёлой артиллерии — у систедеров были не водяные пистолеты, а бурдюки из шкуры рыбы-шара, вмещавшие добрых три литра воды и выдававшие струю метров на десять, — удерживал переходные мостики с двух островов, два других отряда во главе с Ладой и Карлом совершили глубокий фланговый обход и устроили противнику Канны, Сталинград и Мидуэй одновременно.

Всё сражение не заняло и получаса, после чего Ладу, как автора великой победы, увенчали венком из листьев, содранных с ближайшего дерева, и торжественно понесли на руках куда-то во двор коттеджа, прятавшегося среди деревьев на соседнем острове. Там уже горела огромная жаровня для барбекю и была заготовлена уйма всякой еды.

Через некоторое время явились побеждённые виноградари с «контрибуцией» в виде нескольких двадцатилитровых бутылей молодого вина и ведра виноградного сока — Ринка была не единственным подмастерьем, участвовавшим в битве, так что о питье для подростков тоже позаботились.

— Ребята, как вы ухитрились заманить в команду двух офицеров ВКФ? — спросил капитан команды виноградарей.

— Да мы так, мимо проходили, — пожала плечами Лада. — И вообще мы Торгфлот.

— Что, совсем-совсем Торгфлот? Вы что там, в своих рейсах, вместо лётных симуляторов в тактические непрерывно режетесь?

— Ну… — Лада изобразила наигранное смущение, — вообще-то я служила юнгой в ВКФ, но это было давно. А Карл программировал боевые дроны. Это не совсем ВКФ, но рядом.

Примерно через час наши герои покинули гостеприимный островок в Дельте, оставив рыбаков и виноградарей продолжать праздновать Калябру. Оссэ почему-то вздумалось, что гостям планеты надо обязательно показать Морской сад.

До Морского сада от Дельты было от силы двадцать минут

ходу. Как и все музеи, в Калябру он был открыт бесплатно. Тут даже выдавали очки для подводного плавания. Карл попытался было заикнуться насчёт купальных костюмов, но был абсолютно не понят: «Зачем здесь защитные костюмы? Вся опасная фауна в вольерах, не укусит и не ужалит.»

Посмотреть в Морском саду было на что — здесь был и кусочек мангров, и кусочек кораллового рифа, и заросли каких-то длинных водорослей. В общем, по кусочку всех шельфовых ландшафтов, которые встречаются под Бетой, кроме разве что приполярных. Однако уже через полтора часа плавания Ринка вдруг решительно сказала Ладе: «Тебе пора одеться, сгоришь.» Пришлось досрочно свернуть программу осмотра подводных достопримечательностей.

— Жаль, не добрались до пелагической части, — вздохнула Лада, которая уже ознакомилась с проспектами Морского сада и представляла, что здесь можно увидеть.

— Пелагическая часть тут бледновата, — успокоила её Оссэ. — Лучше наведайтесь к нам в гости. Вот у нас вокруг систеда самая настоящая пелагиаль. А какая здесь, в лагуне, пелагиаль — так, литораль обнаглевшая.

* * *

Вечером все пятеро сидели в баре бордингауза. Поскольку обед Карл с Ладой прогуляли, бармен согласился пустить Ниссе и Оссэ на ужин без дополнительных расчётов. Ну а по поводу Ринки вообще не возникло никаких вопросов — где четверо взрослых, там и один подросток.

Все немного устали, поэтому беседа текла плавно и неспешно.

— Колония Бета, — вдруг задумался вслух Карл. — Читал я когда-то книжку, вроде ещё докосмической эпохи, и там была Колония Бета. Помнится, там ещё было нечто под названием «Сфера Неземных Наслаждений».

— Сфера Неземных Наслаждений? — переспросила Лада. — Да, есть тут такая. Собственно, вон торчит, — она показала

рукой в окно, где на фоне закатного неба действительно светилось какое-то круглое здание. — Когда меня последний раз заносило на Бету, разумеется, я была ещё слишком мала, чтобы туда попасть. Но девчонки из экипажа говорили, что это нечто вроде аквапарка, совмещённого с варьете. Ничего интересного. Не понимаю людей, которые, попав к бетанскому океану, идут купаться в какой-то крытый аквапарк. Тут, между прочим, десятки километров открытых пляжей. И Морской парк, — она потянулась, вспоминая приятно проведённое послеобеденное время. — А если тебе хочется организованной индустрии развлечений, давай лучше слетаем в Иль дю Ша Боттэ. Ринку вон можно свозить, пока она ещё считается подмастерьем. Это вроде как детский парк, и к подмастерьям там сильно другое отношение, чем к студентам. Возьмём завтра напрокат какой-нибудь гидроплан и слетаем. Тут всего-то километров пятьсот.

— А что, рейсовый транспорт туда не ходит?

— Ходит, конечно, но, во-первых, это много дольше — типичные аэродилижансы делают на такой дистанции минимум пару промежуточных посадок. А во-вторых, знаешь, как мне хочется нормально полетать? Не удерживать на глиссаде этот тысячетонный утюг, когда метр вверх, метр вниз считается аварийной ситуацией, а полетать в своё удовольствие.

— Погоди-погоди, — вдруг перебила Ладу Оссэ. — Вы ведь недавно заходили на Землю. Может быть, кто-нибудь из вас объяснит мне, что такое «Земные наслаждения»? Что показывают в Сфере, я знаю. Было дело, я там даже как-то подрабатывала в подтанцовке на каникулах. А вот что имели в виду отцы-основатели, когда называли это «Неземными наслаждениями»?

— Мы стояли на Земле недолго, так что из всех земных наслаждений я пробовала только тамошнее молодое вино, — Лада ухмыльнулась. — Ничего, кстати. Рин, а ты что скажешь?

— У этих землян все наслаждения для взрослых, а взрослыми там считают старше шестисот мегасекунд. Так что я могу рассказать только про компьютерные игры. В них у нас в

Порт-Шамбале играют, не обращая внимания на землянские предрассудки про возраст. Но разве их к вам не завозят?

— А ты, Карл?

— Я вырос на Земле. Поэтому не могу сказать, какие из наслаждений чисто земные, а какие доступны во всем Объединённом человечестве.

Рина позвонила своему нынешнему мастеру. Сейчас её опекуном был преподаватель из медакадемии, на которого свалили целую кучу абитуриентов с других континентов и планет, так что идея, что кто-то хотя бы на один день готов взять на себя заботу о его подопечной, пришлась ему по вкусу. Но где один, там и несколько, поэтому он тут же воззвал к Ринкиному чувству социальной справедливости, заявив, что она тут не одна такая, кто ни разу в жизни не был на Острове Кота в Сапогах. В общем, Карлу с Ладой было предложено, раз такое дело, взять на себя пятерых подростков.

— Тогда надо бы взять и наших юнг, — подумал вслух Карл. — Они тоже, наверное, ещё не бывали на Острове.

— Блин, — грустно сказала Лада. — Я-то хотела что-нибудь лёгкое, чтобы чувствовать под крыльями каждый восходящий поток. А тут десять человек. Автобус с крыльями надо.

— Возьми Polar Shark-17, — посоветовала Оссэ.

— А что, у вас их уже делают? — оживилась Лада.

— Ага, в прошлом году появились. Классная штука для дальней рыбной разведки. А ты эту машину знаешь?

— Это же толиманская модель. У нас в Нью-Бостоне рядом с космоходкой училище гражданской авиации, у них половина лётной практики была на ней. А у нас с ними постоянные подколки, кто лучше летает, так я на семнашке однажды на спор кобру сделала.

— Кобру? На винтовой летающей лодке? — систедеры дружно повернулись к Ладе.

— Если из семнашки выгрузить весь тот хлам, который там обычно возит экипаж, слить почти всё горючее, которого там на сутки, и посадить одного не слишком тяжёлого пилота, то

тяговооружённость будет больше единицы.

— А рулить чем? — поинтересовался Ниссе.

— О, это секретное ноу-хау толиманской космоходки. Мне потом пришлось целую презентацию рисовать, чтобы доказать на разборе, что неприемлемого риска не было. Хочешь, скину? — она смерила взглядом довольно высокого и ширококостного систедера. — Только если будешь пробовать, больше пятидесяти литров топлива не заливай.

— Соберётесь, залетайте к нам в гости, — пригласила Оссэ. — Наша платформа сейчас дрейфует всего в полутора сотнях миль от Иль дю Ша Ботте.

— Да, кстати, сколько метров у вас тут в морской миле? — поинтересовалась Лада.

— А что, разве на других планетах мили не по 1873 метра? — удивился Ниссе.

— Разумеется. Морская миля — это минута дуги меридиана. А все планеты немножко разные по диаметру, поэтому на Земле — 1852, у нас в Мире Толимана — 1824, а на Хельмуте, четвёртой планете Тау Кита — вообще больше трёх километров.

Глава 44

Остров Кота-в-Сапогах

Утром Карл вместе с Ладой отправился в пункт проката гидросамолётов за заказанной заранее машиной.

— Ребята, а может, вместо PS-17 возьмёте PS-17TNE? — спросил клерк, посмотрев на заказчиков. — Вы ведь космонавты, значит, имели дело с термоядерными движками. Всего на двадцать беталеров в сутки дороже, зато как удобно, горючку заливать не надо!

— Ну уж нет! — решительно возразила Лада. — Давайте обычную, с поршневыми движками, как договаривались. Знаю я эти тиэни — у них маневр мощностью тупо-о-ой, и вес всё время как на полной заправке.

Самолёт Карлу понравился — белоснежный, стройный, с крылом, середина которого поднималась от фюзеляжа вверх до моторов и там уже переходила в горизонтальные плоскости, вроде крыла чайки. Вооружившись картой «молитвы», выкачанной из сети, Карл быстро облазил всю машину, принимая её, как и положено бортмеханику.

— Ох, у вас, космонавтов, не забалуешь, — вздохнул клерк, когда приёмка самолёта была окончена.

После этого Лада перегнала машину к набережной у бордингауза. Стоянка частных самолётов у центральной набережной Лерны не разрешалась, но подогнать машину, чтобы при-

нять пассажиров, было допустимо.

На набережной их ждала компания подростков. Абитуриенты-медики уже успели перезнакомиться с юнгами «Марианны».

— Лада, пустишь в правое кресло? — сразу поинтересовался Майк, оказавшись на борту самолёта.

— Пущу, куда ж от тебя деваться, — нарочито ворчливо отозвалась Лада. — Но у тебя ещё нету допуска на машины больше пяти тонн, так что не особенно рвись рулить.

Подростки быстро распределились по грузовому отсеку самолёта. Назвать это салоном было бы затруднительно: узкое пространство, поуже типичного автобуса, откидные скамейки вдоль бортов, хотя и оборудованные привязными ремнями, пол примерно на уровне ватерлинии. Сбоку — дверь, сзади — створки грузового люка. Спереди примерно на середине высоты отсека располагался пол пилотской кабины, накрытой сверху прозрачным фонарём. Под этим полом можно было пролезть в самый нос, где в полупрозрачном полусферическом блистере было расположено место наблюдателя. Рядом с лестницей в пилотскую кабину на небольшом столике был закреплён в карданном подвесе примус и привинчены ещё какие-то кухонные приспособления. Как только самолёт поднялся в воздух, и Лада по громкой связи объявила, что можно отстегнуть ремни, Лючия моментально оккупировала этот кухонный столик, занявшись приготовлением кофе, а Пит вместе с кем-то из медиков полез в блистер наблюдателя.

Правда, примус вызвал у Лючии замешательство. Она вопросительно поглядела на Карла: мол, не электроплитка, как это включать?

Карл тоже не слишком разбирался в примусах. Конечно, понять, как это устроено, вполне можно, где-то когда-то что-то на эту тему он читал, а с паяльной лампой даже как-то имел дело. Но тут же полный самолёт бетанских детишек, которые, возможно, куда лучше знакомы с этой техникой...

— Ребята, кто из вас умеет обращаться с бутаноловым при-

мусом? — обратился он к медикам. — А то у нас в космосе не применяются нагревательные приборы на открытом огне.

Один из мальчишек немедленно подскочил к столику.

— Переносной термоядерный реактор умеешь заводить? — спросил он у Лючии.

— Угу.

Ещё бы она не умела — после Сигмы Дракона все юнги «Марианны» проявили интерес к аварийному оборудованию, и Карл лично принимал у всех троих зачёт по работе с генератором.

— Так тут гораздо проще. Смотри, четыре шага. Прокачка, — он выполнил несколько энергичных движений встроенным в примус насосиком. — Продувка, — чуть-чуть приоткрыв вентиль, он спустил несколько капель топлива на поддон под горелкой. — Прогрев, — чиркнув спичкой из лежащего рядом коробка, он поджёг эти несколько капель. — И, наконец, старт, — дождавшись, пока прогорит бутанол под горелкой, он открыл вентиль и поднёс к нему ещё одну спичку. Загудело ровное голубое пламя. — В инструкции написано, что топливо для прогрева надо наливать из баночки, но все всегда спускают через горелку из бака.

— А как ты познакомился с переносными термоядерными реакторами? — спросил Карл у паренька.

— У нас в госпитале они были аварийным питанием. А кого в случае чего пошлют раскочегаривать аварийный генератор? Правильно, подмастерьев. Поэтому у нас в Лег-эндском госпитале всех новичков учили заводить этот агрегат даже раньше, чем делать уколы.

— И зачем вам термоядерный генератор? — удивилась девочка из медиков. — У нас как-то обходились обычным бутаноловым движком. Зато с электростартером, сам запускался.

— Ну так Лег-Энд — это же целых пятьдесят пять градусов южной широты. У нас там сельского хозяйства почти нет, город горнорудный, а леса вокруг — сплошная вагаршакия. Ты же знаешь, что на синем дереве бутанольные микробоценозы не

растут. Поэтому бутанола у нас дефицит, у нас и подвижная-то техника вся либо на аккумуляторах, либо тоже на тиэни. А потом у нас там бывает холодно, поэтому нужно не только запитывать аппаратуру, но и отапливать.

* * *

Через два часа самолёт пошёл на посадку. Проглиссировав через проход в барьерном рифе, окружавшем покрытый зеленью гористый островок, он ткнулся носом в пирс. Ещё немного, и он был надёжно закреплён, а пассажиры и экипаж выбрались на берег.

На берегу их встречал Кот в Сапогах — здоровенный, почти по грудь Карлу, стоящий на задних лапах серый котище в ботфортах и шляпе с пером. Он поклонился, подметая пером со шляпы прибрежный песок, и промурлыкал:

— Добррро пожаловать на мой остррров!

Голос этому роботу явно делал какой-то большой мастер. А вот с пластикой было заметно хуже: кланяясь, он перегибался в пояснице, оставляя спину абсолютно прямой, а хвост вообще болтался как-то неестественно.

Ребятня мгновенно разбежалась по дорожкам, посыпанным белым коралловым песком, и исчезла из виду.

— А это нормально, что они тут так разбежались? — поинтересовался Карл у Лады.

— Конечно, нормально. Остров для того и сделан, чтобы подростки могли развлекаться самостоятельно. Тут есть кому присмотреть. К тому же они уже большие, карманные деньги у всех есть. Пошли, выпьем вон в том кафе по молочному коктейлю.

Они поднялись по крутой лестнице-серпантину к кафе, прилепившемуся к нависающей над гаванью скале подобно ласточкиному гнезду. Над входом в кафе имелось изображение кошачьей морды с мышью в зубах, а рядом висела вывеска «Лучшие мыши на острове». Карл и Лада взяли по бокалу коктейля и

уселись прямо у широкого парапета, заменявшего здесь стену, обращённую к морю.

— Пять лет мечтала опять сюда попасть, — протянула Лада. — В прошлый раз, когда сюда заходила Солярная эскадра, а я была юнгой, мы не успели погулять здесь и двух часов, как нас сорвали по тревоге. Я только успела во вкус войти... А сейчас попала, и как-то мне ничего и не надо. Вон теперь мои игрушки, — она показала рукой вниз, где у пирса покачивалась семнашка, окружённая более мелкими гидропланами, как утка утятами.

— Это нормально, — утешил её Карл. — Так часто бывает: когда добиваешься того, о чем мечтал долгие годы, оно уже вроде как и не нужно. Пока стремился, сам изменился, и мечта уже не по размеру. Но давай ты все-таки покажешь мне этот остров. Я-то тут в первый раз.

Они спустились вниз и отправились бродить по острову. Его опоясывала довольно широкая спиральная дорога, покрытая тем же белым песком, поперёк и наискосок от неё отходили тропинки, срезавшие путь к каким-то объектам витком выше или ниже. Почти на каждой развилке стоял какой-нибудь робот-информатор — где пластиковая ворона на невысокой ветке, где говорящий камень на распутье, где стимпанковский железный робот, сделанный, похоже, из кусков железа, найденных на свалке.

Хотя остров и имел круглую форму, но для того, чтобы выдержать более-менее ровную спираль, строителям дороги пришлось устраивать мосты через долины ручьёв. Все они были очень разными — сначала Карл с Ладой прошли по добротной каменной арке в римском стиле, следующую долину пересекли по высокотехнологичному висячему мосту из лёгких сплавов, потом встретилась ферма, похожая на железнодорожные мосты XX века.

Витке на втором Карл наконец понял принцип, по которому была устроена эта архитектура: каждая долина имела свой облик. Долина античная, долина средневековo-европей-

ская, долина средневековоо-китайско-японская, долина времён индустриальной революции... Вдоль дороги располагались домики в соответствующем стиле, среди которых были мастерские с сообразными эпохе ремёслами. Можно было покачать мехи в средневековой кузнице, посмотреть, как ткётся гобелен. А в соседней долине тем временем собирали на заклёпках скоростной катер из листов какого-то лёгкого сплава.

Помимо мастерских здесь были и какие-то другие заведения, вроде кукольных театров. Были и сады, благо тропический климат позволял непрерывно собирать урожай с плодовых деревьев.

Кроме пешеходов, по дороге ездили трехколёсные грузовые велосипеды, которыми управляли подростки, на взгляд Карла, уже переросшие возраст подмастерья. Пешеходов на дороге было не так уж много, причём в основном это были взрослые, пожалуй, даже постарше Карла. Дети же, моментально осваиваясь с роботами-информаторами, носились по крутым тропкам, выбирая короткую дорогу.

Карл и Лада уже поднялись на третий виток и имели возможность посмотреть на «Лучших мышей острова» сверху вниз. Прибрежная скала была довольно невысока, и ресторан, горделиво возвышавшийся над причалами, сейчас блестел крышей где-то внизу. И в этот момент на них сверху, с поперечной тропинки, выскочила слегка запыхавшаяся Ринка:

— Карл, ты знаком с Миранду?

— Да, — ответил тот, удивляясь сначала тому, откуда девочка из Порт-Шамбалы знает про Миранду, а потом тому, зачем это понадобилось здесь.

— Понимаешь, тут местные робототехники закачали софт для дракона, сделанный Миранду, в своего дракона, а он как-то неправильно себя повёл. Может, ты им что-то подскажешь?

— Что ж, идём, посмотрим.

Девочка потащила Карла вверх по довольно крутой тропинке сначала на четвёртый виток, а потом и на пятый. Там, почти на самой вершине острова, стояло сооружение из дикого

камня, слегка стилизованное под средневековый замок. Может быть, современные бетанские дети, никогда не видевшие сооружений старше ста лет, и согласились бы с тем, что это замок, но Карл-то вырос в Австрии, где полным-полно бережно охраняемых памятников архитектуры. Над воротами сооружения была прибита доска с криво выжженной надписью: «Here be dragons».

Ворота замка были закрыты, но в них имелась маленькая калитка. Ринка нырнула туда, и Карл последовал за ней.

На замковом дворе ему открылось совершенно жуткое зрелище: крупный золотой дракон, размером раза в полтора больше Фафнира, лежал в совершенно неестественной позе, как будто его скрючила страшная судорога. Шкура на его спине была прорвана, и оттуда торчало разлохмаченное на изломе бревно. Вокруг дракона кружком стояла молодёжь от студенческого возраста до ровесников Карла.

— Вот, привела! — переводя дух, заявила Ринка, обращаясь к девушке лет двадцати пяти, щеголявшей роскошной золотистой косой.

— Лера, — представилась она. — Руковожу тут робототехническим кружком.

— Карл, третий механик трампа «Марианна». А что у нас тут происходит?

— Понимаете, был у нас дракон. Очень ценный зверь и в сказочно-европейском, и в сказочно-китайском секторе. Но пластика движений у него была плоховата, не очень реалистичная. А тут Джонни недавно выловил в сети управляющую программу для робота-дракона, написанную неким Миранду для спектакля в Венской опере — ну и попробовал залить её в нашего дракона. Ребята два дня разбирались, соответствуют ли псевдомышцы нашего робота тому, что требуется для этой программы. Хотели мне сюрприз сделать. Вот, получился сюрприз... — она чуть не плакала.

— А это что за бревно?

— А это его позвоночник... был, — ответил один из ребят. —

Дракон сделан на базе стандартных буратин. Три комплекта на него пошло.

— С этого места поподробнее. На Земле мне не приходилось сталкиваться с робототехническим термином «стандартный буратино», в космосе тоже.

— Ещё бы, — ответила уже немножко взявшая себя в руки Лера. — Буратины — это технология для сельскохозяйственных планет, богатых лесом. Продаётся набор шарниров и псевдомышц, плюс блок процессора и движок. Фермер покупает, потом рубит за огородом жердей и делает из них скелетные элементы. Хочешь — собирай себе человекоподобного робота, хочешь — робопони.

— Хочешь — Кота в Сапогах, — продолжил Карл.

— Ну да.

— То-то я смотрю, он у вас движется совершенно не покошачьи. А тут такое дело: Миранду писал эту программу вовсе не для оперы. Изначально он сочинил её для робота, которого они с приятелем сделали знакомой девочке в качестве домашнего любимца. У её мамы была аллергия на кошек, пришлось делать такую замену. Поэтому он старался сделать пластику движений дракона похожей на кошачью. У вас на острове нормальные кошки водятся?

— Конечно! Вон на брезенте Муська на солнышке греется.

— Давайте её сюда.

Нельзя сказать, чтобы Карл был большим специалистам по разговорам с животными, однако кошка, привычная к тисканью со стороны незнакомых, но доброжелательных гостей, продемонстрировала в его руках все возможности кошачьей спины и хвоста.

— Надо сделать дракону хребет, который будет работать так же. Тогда он будет вести себя естественно.

— А как?

— Проще всего смоделировать природу. Нарезать позвонков из чего-нибудь твёрдого, хотя бы из того же дерева, проложить между ними упругие прокладки из пористой резины или вспе-

ненного пластика, и вперёд. Можно даже сделать в середине дырку и пустить там жгут проводов в качестве спинного мозга.

Ребята тут же вытащили из какого-то помещения большой графический планшет и стали проектировать новый позвоночник для дракона.

Карл подозвал Ринку:

— Ты уже немножко разбираешься в анатомии, проконсультируй их.

Впрочем, среди студентов-робототехников попались двое из фермерских семей, которые, по крайней мере, видели, как устроен внутри позвоночник у коровы и овцы. В общем, работа закипела. Лера отошла в сторонку, чтобы не мешать своим подопечным, и пока что предложила Карлу и Ладе по чашечке кофе.

Кофеварка в привратницкой драконьего замка явно представляла собой чьё-то творчество: агрегат был сделан из стекла и металлических трубок, блистал всяческими оковками, но весь процесс кипения и варки кофе был на виду. Кроме того, агрегат был оборудован термометром, манометром и вольтметром.

Карл и Лера достаточно быстро нашли общий язык. То, что делали руководители кружков на Острове, и то, что делал Карл в лаборатории Шварцвассера, было в принципе очень похоже. Правда, контингент был немножко другой: там — студенты-младшекурсники, здесь... ну, тоже студенты-младшекурсники, вот только земной первокурсник в норме старше бетанского выпускника.

К удивлению Карла, Лада внимательно слушала и даже принимала участие в разговоре. Ах да, она же собирается на днях сдавать зачёт на родительство, соответственно, беседа парочки педагогов, пусть и достаточно специфичных, имеет отношение к делу. Особенно если вспомнить, что она собралась брать себе подмастерье, а от технического кружка до юнги на космическом корабле вообще два шага. Кстати, Пит явно тоже вертится где-то здесь.

Наконец радостный вопль со двора возвестил о том, что

новый позвоночник собран, и дракон готов к испытаниям. Все местные робототехники пришли в восхищение, видя, как грациозно изгибается шея, как дракон, потягиваясь, выгибает спину, как метёт хвостом по булыжнику двора.

— Эх, — тяжело вздохнул Джонни. — Если бы он ещё и летал. . .

— По энергетике не потянет, — возразил ему парень постарше.

— Ну есть же зачем-то в программе блок равновесия в полёте.

— Карл же сказал, что первый образец был размером с кошку.

— Ребята, — неожиданно вмешалась в разговор Лада, — у вас же не живой организм, у вас робот. Какие ограничения по энергетике? Поставьте ему в брюхо движок от семнашки, и мощности хватит на что угодно.

— Да? — вступил в разговор Карл. — А нагрузка на крыло какая будет? Из чего перепонку делать? А каркас?

Лада потащила из планшетки ноутбук и углубилась в расчёты.

— Вот! — протянула она экран Карлу через пять минут. — Если взять тот кевлар, из которого сделана наша жилая палуба, а на каркас пустить трубки из магниевого сплава, которые идут в каркасы тепловых дирижаблей, прочности хватит.

— Они ведь сделают, — тяжело вздохнул Карл. — И захотят покататься. А центровку полёта с всадником Миранду наверняка не предусмотрел. Так что, Лера, последи за ними. Пусть сначала напишут симулятор аэродинамики и отработают полёт с всадником на нем.

Глава 45

В гостях у Оссэ и Ниссе

Бета ещё стояла высоко над горизонтом, когда подростки начали стягиваться к самолёту. Было видно, что все они прилично устали. Майк, правда, решительно полез в кресло второго пилота, но остальные, рассевшись на откидном сиденье, похоже, были готовы заснуть прямо тут, невзирая на неудобство.

— Может, заскочим в гости к Ниссе и Оссэ? — спросила Лада у Карла. — Время ещё есть, самолёт наш на сутки, до утра. А их платформа дрейфует не очень далеко отсюда.

— Можно, — парочка систедеров была симпатична Карлу. Но насколько здесь принято сваливаться на голову вот так, почти без объявления войны, он не был уверен.

— Звони Ниссе, а я пока запрошу разрешение на взлёт.

Карл вытащил из поясного чехла свой телефон. Земной терранетовский аппарат прекрасно включился в бетанскую сеть и даже отзывался здесь на тот же номер.

— Ниссе, привет, это Карл. Помнишь двух космонавтов, которым ты позавчера показывал Лерну? Мы тут недалеко от вас, на Иль дю Ша Боттэ, и думаем, не заглянуть ли в гости.

— Заглядывайте, конечно. Только Оссэ нет дома, и я не знаю, когда она доберётся. Ветер, понимаешь ли, убился, а она усвистела на серфе миль за двадцать от дома. О, слушай, вы же на гидроплане? Может, вы её подберёте? — Ниссе назвал

координаты.

— Подберём, конечно, — энергично кивнула Лада, когда Карл передал ей просьбу. — Майк, выставь на навигаторе точку отслеживания телефона Оссэ с систеда Йоргенсонов.

Карл было приготовился диктовать номер, но оказалось проще найти в его в базе данных по имени.

* * *

Зеркально гладкий океан еле-еле ворочался пологой зыбью в лучах послеполуденной Беты. Парус почти не ловил ветер. Оссэ давно уже хотелось бросить парус в воду, сесть, а то и лечь на доску и немного отдохнуть. Но всё-таки какое-то подобие ветра было, и каждая минута хоть на несколько метров, но приближала её к дому.

В небе появилась крупная белая птица, до девушки донеслось гудение мотора. «Вот кому хорошо, — подумала она. — Для полётов погода самая идеальная.»

Гидроплан снизился, сделал круг, и тут в наушниках гарнитуры послышался сигнал вызова. Оторвав одну руку от гика, она нажала кнопку «ответить».

— Привет, это мы, космонавты с Калябры. Мы тут решили к вам в гости заглянуть, а говорят, хозяйки дома нет. Готовься, сейчас мы сядем и подберём тебя.

PS-17 с грацией хорошо наевшегося пеликана плюхнулся в воду и заскользил по направлению к серфу.

— Карл, Пит, на выход на носовую палубу, — скомандовала Лада. — Штормтрап и буксирный конец.

— Может, через задний люк погрузим? — усомнился Карл, уже поднявшийся в пилотскую кабину. Приказы командира корабля сначала выполняются, потом оспариваются.

— Мне немного страшно открывать этот люк в открытом море, а не у пирса. Давай лучше через пилотскую кабину.

Между креслами первого и второго пилота в семнашке был довольно широкий проход, а в остеклении кабины — прозрачная дверь. Выбравшись в неё, Карл и Пит оказались на палубе,

довольно высоко поднимавшейся над водой. Когда гидроплан подрулил к Оссэ, её голова оказалась на уровне ботинок Карла.

Пока Лада маневрировала, чтобы подойти к серфу, полностью погасив скорость, Оссэ успела что-то сделать со своим парусом и теперь вместо огромного треугольника подала на самолёт палку с накрученной тканью. Потом она подняла с кормы серфа какой-то ящик и с большой осторожностью передала Карлу:

— Аккуратнее, это результаты моей дневной работы.

Закрепив на носу доски буксирный канат, она легко взлетела по штормтрапу. Карл и Пит с некоторым усилием выволокли серф на нос самолёта.

Серф оказался несколько больше тех, с которыми Карл когда-то имел дело на Нойезидлерзее, точнее, был сравним с самыми новичковыми моделями, в которых скорость приносилась в жертву устойчивости. Впрочем, судя по всему, Оссэ тут отнюдь не ставила спортивные рекорды, а занималась делом. Ящик с «делом» был довольно увесистый.

Девушка исчезла в недрах самолёта вместе со своим ящиком, оставив парням затаскивать доску через довольно узкую дверь. Впрочем, это много времени не заняло. Как только хвост доски вместе с держащимся за него Питом оказался в грузовом отсеке, Майк захлопнул дверь, а Лада завела моторы и начала разбег.

Оссэ уже сидела на скамейке со здоровенной кружкой чая в руках.

— Как здорово, что у вас есть горячий чай! Вот так болтаешься в море, думаешь, что раньше полуночи до дома не доберёшься, и тут на тебя сваливается с неба закрытое помещение с сиденьем и горячим чаем.

«Закрытое помещение» тем временем набрало высоту около тысячи метров. Забираться выше для такого короткого отрезка пути Лада не видела смысла.

— А может, у вас ещё и массаж умеют делать? Тогда это точно передвижной рай для усталых серферов.

— Массаж — это к нам! — дружно завопили будущие врачи, уже начавшие слегка завидовать юнгам, что те работают, проявляя свои профессиональные навыки, а им, медикам, приходится только развлекаться, как мелким школьникам.

Поскольку скамейки в грузовом отсеке семнашки слишком узкие, а на решетчатых стланях палубы грузового отсека лежать неудобно, Оссэ разложили на доске её же собственного серфа, и сразу две девчонки — Рина и белобрысая Аннет откуда-то с северного континента Беты — начали массировать ей спину с двух сторон.

Но не успели они толком начать этот процесс, как самолёт заложил крутой вираж. Все свободные от дел, включая Карла, прилипли к иллюминаторам.

Самолёт закладывал предпосадочный круг над систедом Йоргенсонов. Картина была впечатляющая: сияющее в закатных лучах штилевое море превратилось во что-то вроде ухоженной фермы. Вот ряды каких-то круглых поплавков, под которыми зелёные полосы вроде грядок, вот какая-то небольшая лодочка загоняет в огороженный бонами загон стадо китов, и над всем этим высится, как феодальный замок, почти квадратная платформа, поднимающаяся из воды на толстых колоннах. Сходство с замком усиливала пара небольших башенок с сигнальными мачтами по углам.

На её верхней палубе стояли какие-то небольшие летательные аппараты, и была размечена небольшая, явно не для семнашки, взлётная полоса, по бокам на шлюпбалках висели разнообразные плавсредства, а с одной, похоже, более короткой стороны в воду до половины опускалась огромная, шириной с всю платформу, оранжевая конструкция вроде бульдозерного отвала, образуя что-то наподобие пляжа.

— Карл, Пит, давайте сюда, будем швартовать машину, — объявила по громкой связи Лада.

Пит полез на носовую палубу. Карл выбрался через другой люк сзади от пилотской кабины и направился к хвосту.

В это время на самолёт упала тень платформы. Карл оки-

нул её взглядом: на четырёх уходящих в воду огромных, примерно пятиметрового диаметра, колоннах стоял целый замок. Начинался он метрах в пяти над водой. Нижняя его часть представляла собой сплошную бетонную стену длиной метров в пятьдесят с двумя рядами иллюминаторов, выше были два яруса с широкими балконами, а далее над морем слегка нависала верхняя часть платформы.

Под водой, куда уходили колонны, темнели какие-то огромные тени.

Лада подвела машину носом к одной из колонн. С небольшого балкончика, окружавшего верхнюю часть колонны, Питу подали трос, затем из-под другой колонны прямо под ноги Карлу выстрелом из линемёта послали тонкий линь с легостью на конце. Легость перелетела фюзеляж около самого киля и плюхнулась в воду с другого борта.

— Выбирай! — заорал кто-то с балкончика.

Карл схватился за линь и потащил его к себе, укладывая кольцами на крышу фюзеляжа. Через некоторое время он выволок из воды привязанный к линю синтетический трос сантиметров трёх в диаметре, с крюком на конце, и закрепил крюк на кормовом кольце, предназначенном для подъёма самолёта из воды.

— Закрепил? — спросил тот же голос. И, после утвердительного ответа: — Обтягиваю.

Трос натянулся и довольно споро потащил хвост самолёта ко второй колонне. Видимо, там стояла достаточно мощная лебёдка. И вот самолёт уже стоит точно под краем платформы, растянутый двумя тросами за нос и корму.

Карл вернулся к кабине. В этот момент от платформы отделилась лестница и опустилась на нос самолёта.

— Парадный трап подан, — прокомментировала Лада.

Пассажиры-подмастерья рванулись вверх по трапу. Вместе с ними Лада отправила Майка и Лючию, а Пит и Карл занялись вытаскиванием серфа Оссэ. К счастью, тащить его по трапу не пришлось — сверху спустили трос небольшого крана,

и наверх уехала сначала доска, а потом и парус. Однако свой ящик Оссэ крану не доверила — потащила по трапу сама.

— Что там у тебя? — поинтересовалась Лада, поднимаясь следом за ней.

— Пробы планктона в западном секторе. Весь день собирала.

— А чего ты пошла на серфе, а не на катере?

— Катер шумит. А когда идёшь изучать естественную жизнь океана, шум мешает. Планктон, конечно, не убежит, но всё-таки. Конечно, можно было бы взять швертбот, там ходишь сидя, а не стоя, но он точно так же застрял бы в штиль. А теперь прикинь, как бы мы грузили в ваш самолёт вот это, — она указала на пятиметровый стеклопластиковый бот, стоящий на балконе третьего яруса.

— А что-нибудь летающее у вас тут есть?

— Это на верхней палубе. Пусть Ниссе покажет вам платформу, а я пока отнесу пробы в лабораторию и приму пресный душ.

Верхняя палуба платформы представляла собой довольно странное зрелище. По двум противоположным углам были расположены небольшие надстройки с антеннами и мачтой для сигнальных флагов, а по диагонали между ними проходила явная взлётная полоса, правда, длиной всего метров восемьдесят. У подножия одной из надстроек стояла парочка автожиров, около другой — парочка небольших самолётов-амфибий со сложенными крыльями.

— И что, вы с этого взлетаете? — удивлённо спросила Лада.

— И даже садимся, — откровенно похвастался Ниссе. — Для старта тут тележка вроде катапульты, которую разгоняет линейный электродвигатель под полосой. А для торможения — обыкновенный тросовый аэрофинишер.

Юнги с «Марианны» вместе с медиками сбились в кучку рядом с Ладой и Карлом. Ниссе окинул их внимательным взглядом:

— По-моему, молодёжь надо отправить купаться.

— Э-э, — засомневалась Лада. — У вас тут, насколько я видела при посадке, вместо пляжа какая-то железная пластина, до половины погруженная в воду. Три шага сделал, а дальше глубина... сколько, кстати?

— Полчаса назад было 3256, — с ухмылкой отрапортовал Ниссе.

— Не уверена, что все ребята умеют плавать настолько хорошо, чтобы пускать их туда без контроля.

— Я сейчас свистну пару дельфинов, — предложил Ниссе. — В истории неизвестны случаи, чтобы человек утонул в присутствии дельфина. Юхан, — подозвал он пробегавшего мимо парнишку в возрасте подмастерья, — покажи гостям пляж и познакомь с дельфинами.

— Идёмте, ребята, — Юхан повёл гостей к подъёмнику.

— А почему у вас пляж приделан на таких штуковинах? — спросил его Пит, разглядывая громоздкие рычаги и мощные гидроцилиндры, соединявшие оранжевый щит с платформой.

— Во-первых, если шторм, его можно поднять, и он не будет создавать лишнего сопротивления. А во-вторых, вообще-то это не пляж, а китоподъемник. Но китоподъемником он работает раза четыре в год, когда мы их забиваем. В остальное время здесь можно купаться, причаливать на серфах или лёгких ботах, чесать дельфинам пузо. А когда забой, сюда загоняют китов и потом забивают их пикой с высоковольтным разрядником. Это безболезненно и крови в воде почти нет, так что следующие киты не пугаются. Потом гидроцилиндры поднимают платформу к вон тем воротам, — он указал на огромные металлические створки, украшавшие бетонный борт платформы, — и втаскивают туши лебёдкой в разделочный цех.

Подростки разделись и полезли в воду.

— А акул здесь нет? — поинтересовалась Ринка.

— Говорят, когда-то, лет сто назад, — тоном скальда начал Юхан, — жили в этом океане такие глупые акулы, которые не боялись заплыть в самую середину систеда и даже подплыть к платформе. Но это было давно. Мой дедушка такого уже

не помнит. Этих глупых акул съели ещё при первых поселенцах. Видишь вот этого зверя? — он одним прыжком преодолел десяток метров, отделявших платформу от подплывшего дельфина, и, оседлав того, продолжал: — Он называется дельфин. У него скорость в полтора раза больше, чем у акулы, мозгов в полтора раза больше, чем у человека, и зубы, как положено хищному млекопитающему. К тому же он стайный, а акулы — одиночки. Поэтому теперь, если вдруг захочется супа из акульих плавников, приходится сначала долго гонять дроны над акваторией, выслеживая, где тут есть акулы, а потом идти туда на паруснике. Звука мотора они научились бояться просто замечательно. Поэтому прилететь на гидроплане, сесть и сразу загарпунить не получится.

После этой лекции никто уже не боялся лезть в воду. Но почему-то вместо того, чтобы бултыхаться в своё удовольствие в прозрачной пелагической воде, все облепили дельфинов. Впрочем, те не возражали. Ручные дельфины на систедах не имеют ничего против того, чтобы их гладили, чесали пузо, садились верхом.

Тем временем на верхней палубе Карл и Лада расспрашивали Ниссе о тех объектах, которые были видны в окружающем море.

— Что это за круглые штуки? — спросила Лада, указывая на уходящий к горизонту ряд круглых поплавков диаметром метра три.

— Апвеллы. Можно сказать, основа всего нашего бизнеса, — пояснил Ниссе. — Там под каждым поплавком труба почти до дна. Волна качает поплавок, и он работает как обыкновенный поршневой насос, качая воду из придонных слоев. Она богата питательными веществами, поэтому, как только мы поднимаем её к свету, на этом начинают бурно расти разнообразные водоросли.

— А что это за зелёные полосы?

— Грядки. То есть это сетка, подвешенная под поплавками на глубине где-то в пять-десять метров. На ней закрепляются

и растут крупные водоросли. А на них в основном и пасутся рыбы. То есть те виды, которые не едят планктон.

— Десятки ваших апвеллов — это сотня километров труб, — прикинул Карл. — Сетки, как я погляжу — квадратные километры. Ещё и боновые заграждения, за которыми вы держите китов. Да и сама платформа... Я чувствую, систед — крайне недешёвое удовольствие.

— Не дороже ваших космических кораблей, — парировал Ниссе. — Но, конечно, на одного человека у нас приходится раз в сто больше всякого барахла, чем на наземных фермах. Дядя Пер отделился от семьи лет десять назад, и только в прошлом году оба систеда, старый и новый, наконец выплатили кредиты на строительство новой платформы и новой морской фермы.

Карла слегка передёрнуло. На Земле считалось, что кредиты под проценты — это мрачные страницы древней истории, вроде рабства или кровавых жертвоприношений языческим богам. Если кому-то не хватало капитала для раскручивания дела, проблема решалась выпуском акций или привлечением венчурного фонда, кредиты же рассматривались как грандиозная экономическая афера, приведшая к серии кризисов в начале XXI века. А тут вполне симпатичные люди спокойно говорят о том, что на целых десять лет заложили своё жильё.

Пытаться уточнять это вопрос прямо сейчас он не решился. Показывать свою чуждость? Лучше спросить у кого-то, кто более-менее разбирается в отличиях землян от колонистов. А ближайший специалист по этому вопросу — пожалуй, Каямура. Кстати, «Восход Хары» ещё пару недель будет в этой системе, можно написать ему письмо...

— Но мы возим то, что никаким образом не достанешь на месте. Ценность нашего груза перекрывает дороговизну перевозки. А что окупает систеды? И почему их практически нет под Толиманом? — тем временем продолжала спрашивать Лада.

— Тут такое дело: есть в земле нашей планеты что-то, что отличает её от Старой Земли. Поэтому нужны либо геномоди-

фицированые люди, либо много морепродуктов в рационе. Геномодифицироваться наши предки не очень хотели, хотя сейчас фермерская молодёжь уже практически адаптирована к нашей геохимии. А добывать морепродукты рыболовством не получалось — практически вся местная морская фауна несъедобна для человека. Поэтому требовалась марикультура, нужно было разводить земные виды. Причём марикультура пелагическая, потому что местные крабы со страшной силой жрут любые плантации. Поэтому шельферы у нас занимаются либо ракушками, либо полезными ископаемыми.

— А что тогда делают те рыбаки, с которыми мы вчера вместе выигрывали эпическую битву на водяных пистолетах?

— Помнишь из истории, что в момент прихода европейцев в Новый Свет там не водилось крупных непарнокопытных? А к XIX веку развелись мустанги, дикие лошади, и их отловом и отстрелом кормилась куча народу. Вот и с нашими рыбаками вышла аналогичная история — за девяносто лет существования пелагической марикультуры много какая рыба разбежалась. А для технических нужд, вроде производства смазочных масел, годится и местная.

— Вы что, ещё тут прохлаждаетесь? — на верхнюю палубу выскочила Оссэ. — Я уже даже на стол накрыть успела, а вы всё окрестностями любуетесь! Пошли жрать!

Стол был накрыт палубой ниже вертолётной площадки. Здесь закрытую часть надстройки опоясывал широкий пояс открытой палубы, вроде балкона, накрытый сверху вместо навеса вертолётной площадкой. Тут, с видом на закатное море и китовый вольер, и разместился стол.

Кроме Оссэ и Ниссе, здесь было ещё человек шесть молодёжи, примерно ровесников. Половину из них Ниссе представил как своих братьев и сестёр, а остальных — как их супругов или супруг.

— Сколько же вас живет на этой платформе? — спросил Карл.

— Пятьдесят шесть, — почти без запинки ответил Ниссе.

— И все — одна семья?

— Можно сказать и так — братья, сестры, кузены. Кто-то приводит себе жён с других платформ, кто-то, наоборот, уходит.

— И если тебе будут говорить, что систедеры патрилокальные, как какие-то первобытные племена, ты не слушай, — вмешалась Туве, двоюродная сестра Ниссе. — Вот я, наоборот, перетащила Хуана на наш систед. Все зависит от кучи причин. К примеру, у нас сейчас после разделения некоторый избыток свободного места, а у Консоларго наоборот, избыток народу, на разделение они ещё не накопили. Или вопрос в том, какие специальности где больше нужны.

Ниссе взялся за бутылку с прозрачной желтоватой жидкостью и начал разливать её по рюмкам. Однако Лада накрыла свою рюмку рукой.

— Ты не любишь настойку на трепангах? — удивилась Туве.

— Мне ещё в Лерну лететь и самолёт в прокат сдавать.

— Но у тебя же есть этот парень в правом кресле, Майк, — встряла Оссэ. — Он не сидит с нами за столом, а тискает дельфинов с малышнёй. Значит, будет трезвый.

— Во-первых, у него нет допуска на этот класс машин. Во-вторых, он ещё не сдал экономическую самостоятельность, значит, не может в одиночку сдать машину в прокат. В любом случае ответственность на мне. Поэтому лучше уж я не буду пить.

— А вечером Калябры, когда вы с Карлом угощали нас в кабаке на набережной, ты вроде не стеснялась?

— Так то в бордингаузе. Это единственное место, где космонавт может спокойно пить, зная, что его даже на аврал внезапно не поднимут. Корабль стоит, надёжно привязанный к пирсу, стояночные вахты расписаны на неделю вперёд, можно расслабиться.

— Ладно, если такое дело, дадим Ладе с собой, — вмешался Хуан. — В Галактике не должно быть человека, который бывал на систеде Йоргенсонов и не пробовал нашей фирменной

настойки на трепангах.

Через некоторое время большая часть систедеров разбежалась по своим делам, остались только Ниссе и Оссэ. Посуда со стола уже была нагружена на роботележку-сервировочный столик и увезена куда-то, куда следует. Карл и Ниссе стояли у лееров, Ниссе продолжал рассказ об устройстве морской фермы, а девушки сидели на диванчике в самой глубине балкона и вполголоса обсуждали что-то, что, вероятно, было совсем ни к чему знать парням.

Вдруг Карл заметил в их разговоре какое-то изменение тона. Он подошёл к Ладе, обнял её за плечи и спросил на ухо:

— Вы тут не ссоритесь?

— Нет, что ты, — беззаботным тоном произнесла Лада, поднимаясь с дивана и буксируя парня в сторону лееров подальше от Ниссе. — Просто маленькое несовпадение обычаев. Оссэ тут свинг предложила.

— Это как? — не понял Карл.

— Ну, парнями поменяться. В смысле ей заняться любовью с тобой, а мне с Ниссе.

— А ты?

— А я подумала, что тебе будет неприятно, если я на твоих глазах буду обниматься с Ниссе. Но если я сошлюсь на тебя, начнётся выяснение, какие на Земле сексуальные обычаи. Поэтому я сказала: «Знаешь, я ведь из-под Толимана, из Нью-Бостона. У нас там как-то не принято меняться парнями.» Пуритане из Нью-Бостона — это понятно, привычно и неинтересно.

— Спасибо тебе, — тихо сказал Карл, целуя Ладу в висок. И после паузы поинтересовался: — А по галактическим меркам это вообще нормально — вот так парнями меняться?

— Ну, — замялась Лада, — вообще-то в плане секса систедеры отличаются несколько большей непосредственностью, чем большинство жителей портовых городов или нектон.

— А парней при этом спрашивать, что, не принято?

— Когда девчонки договорятся, можно и спросить. Но обыч-

но девчонке самой видно, хочет её парень или нет.

Тем временем Оссэ встала с диванчика, потянулась и громко, чтобы слышали все, сказала:

— Пошли искупаемся, что ли. Скидывайте эти тряпки, и прыгаем прямо отсюда.

Карл взглянул вниз. Тут, пожалуй, было даже пониже, чем та стрела плавучего крана, откуда он прыгал в Лерне, да и длинные крылья семнашки вроде из-под платформы не торчали. Поэтому он принял предложение.

Через несколько минут они выбрались на тёплый металл пляжа-китоподъемника и разлеглись на нём в лучах заходящей Беты.

— А где детишки? — спросил Карл. Кроме них четверых, на пляже никого не были.

— Либо лазают по платформе, либо поплыли куда-нибудь с дельфинами, — сказал Ниссе. — Юхан — парень ответственный и проследит, чтобы они никуда особо не впутались.

Оссэ нажала несколько кнопок на своей гарнитуре, которая продолжала висеть у неё на голове даже в процессе прыжка с десятиметровой высоты в воду, и поинтересовалась у Юхана, где они. Подростки оказались в лодочном ангаре, где юный систедер показывал новым приятелям разнообразные плавательные средства.

— А что, им уже пора? — с грустью в голосе поинтересовался он.

Оссэ взглянула на Карла с Ладой:

— Сколько ещё времени вы им дадите?

— Полчаса, — ответила Лада. — А Майку, если он хочет рулить на взлёте, двадцать минут.

Глава 46

Гертруда Марсианская

From: <Gertrude Carpenter> mars!scret.edu!gtrcarp
To: earth!lancer
Subject: Помощь с cinematron.org
Attachment: sailrace.mov

Здравствуй, Ким!

Мне тут сказали, что ты можешь помочь мне с заливкой фильма с cinematron.org. Дело в том, что у ваших земных сайтов очень маленькие таймауты на регистрацию, и залогиниться на синематрон с Марса совершенно невозможно: пока сигнал идёт туда-сюда, оно уже отваливается. А мне хочется, чтобы этот ролик увидели не только у нас на Марсе.

Меня зовут Труди Карпентер, мне восемь с половиной лет, я учусь на последнем курсе экотехнического колледжа в Соацере. Хобби - 3d-анимация в стиле гиперреализма.

Заранее спасибо, Труди

* * *

```
From: earth!lancer
To: mars!scret.edu!gtrcarp
Subject: Re: Помощь с cinematron.org
Attachment: pubkey.gpg

Здравствуй, Труди!

Твой ролик я залил. Завёл тебе там аккаунт "Gertrude
of Mars".  Пароль пришлю отдельно, если ты пришлёшь
мне свой открытый ключ шифрования.

Если не лень качать странички по межпланетной связи,
можешь посмотреть на

http://www.cinematron.org/gertrude_of_mars/
+sailrace.html

Там вроде уже пошло активное обсуждение.

Меня зовут Ким Лэнсер, мне 16 лет (земных,
естественно, по-вашему это те же 8,5). Я учусь на
последнем курсе Военно-Космической Академии в
Порт-Шамбале. Хобби?..

Хм, до этого твоего письма я и не задумывался, что у
человека должно быть хобби. Тогда, наверное,
ксенотехнология, поскольку последнее время я только и
делаю, что мотаюсь по всяким земным
археотехнологическими экспертам с обломками шияаров.

Искренне твой, Ким
```

Труди с удивлением посмотрела, во что превратился её адрес gtrcarp@scret.edu, пройдя через межпланетную систему электронной почты , и села писать ответ.

From: mars!scret.edu!gtrcarp
To: earth!lancer
Subject: Re: Помощь с cinematron.org
Attachment: pubkey.gpg
Attachment: me.mov

Здравствуй, Ким!

Спасибо за помощь. А теперь расскажи, кто ты такой? Почему у тебя адрес - планета и сразу имя, без почтового домена (у меня scret.edu)? Почему твой ключ у меня импортировался как доверенный, оказавшись подписан Центральной диспетчерской космопорта Офир, которая, в свою очередь, подписана как заслуживающий доверия удостоверяющий центр главным марсианским провайдером?

Я думала, что мистер Краковски просто дал мне контакты какого-то своего знакомого. А ты, получается, человек, которого знает вся Солнечная система?

P.S. А я видела, как ты выглядишь, а ты меня нет! Потому что мистер Краковски показывал видеоролики со всякими спортивными занятиями в вашей Академии, и ты там был. Поэтому посылаю тебе видео со своим изображением.

Труди

From: earth!lancer
To: mars!scret.edu!gtrcarp
Subject: Re: Помощь с cinematron.org

----- BEGIN ENCRYPTED MESSAGE -----

```
Твой пароль: iujW1xuT

Кто я такой? Ну я же  тебе писал - курсант выпускного
курса ВКА.  Мы тут, начиная с третьего курса, несём
диспетчерские вахты по Солнечной системе, поэтому
естественно, что марсианская диспетчерская всех нас
знает.

И адрес такой тоже поэтому. Ты ведь тоже пишешь мне с
адреса колледжа, а не с домашнего.  В ролике ты
выглядишь просто восхитительно. Если вдруг у нас в
ближайшее время что-то пойдёт в сторону Марса,
постараюсь пристроиться туда хоть штурманом, хоть
радистом,  но попасть на Марс и познакомиться с тобой
вживую.


                  Ким

----- END ENCRYPTED MESSAGE -----
```

* * *

Ким прочитал очередное письмо от Труди, потом вытащил на передний план болтавшееся где-то в углу экрана окно «Галактических Империй». Империя Миранду активно перегруппировывала свои флоты, прикрывая фланги союзной Талассократии. Ким открыл внутриигровой чат.

```
demiurg22> mirandu: Ты Мишель или его искин?
mirandu> demiurg22: Искин, конечно. Мишель в это время
... в школе.
demurg22> А ты не в курсе, он сегодня к Шварцвассеру
... собирался?
mirandu> Вроде да.
```

```
demiurg22> Когда он заглянет в игру, передай ему, что
... с ним хотел связаться Ким Лэнсер.
mirandu> Уроки у него кончаются в 13:30 по
... среднеевропейскому.
```

Появиться в Вене в этот день никак не получалось. И так из-за того, что Мара застряла между Марсом и Луной, группа несла терранетовскую вахту в ослабленном составе. Но позвонить — можно выкроить время.

— Привет, Мишель! Мне тут нужен твой искин.

— Странный ты. Сначала пристаёшь к искину «где Мишель», а потом добираешься до меня и требуешь искин.

— А что, он у тебя так просто может породить копию себя?

— Так тебе нужен мой искин или искин для другого человека?

— А есть разница?

— Конечно, есть. Я свой искин полгода тренировал, чтобы он вёл себя так же, как я.

— Да-а-а, сложности. Понимаешь, есть на Марсе хорошая девчонка Труди. Она очень хочет, чтобы её фильмы увидели на Земле. Но на межпланетной связи такие задержки, что что-то интерактивное делать невозможно. А у нас вся тусовка аниматоров почему-то сидит в чатах. Вот я и подумал: что, если сделать ей на базе твоего искина как бы представителя в земной сети?

— Погоди, это та Гертруда с Марса, которая нарисовала гонки солнечных парусников?

— Она.

— Вся тусовка «Галактических Империй» на ушах от этой вещи. И Лаборатория, кстати, тоже. Шварцвассер только вчера с Луны прилетел. Я думал, он будет рассказывать про Клавиус, а он вместо этого весь вечер разбирал этот фильм.

— Кстати, запись разбора у тебя есть? Скинь мне, я её на Марс отправлю.

— Познакомь, что ли. Возьму у неё автограф на распечатке кадра из фильма. А то автографом Перейры на карандашном

рисунке Фафнира перед ребятами не похвастаешься.

— Но как? Она же на Марсе. Я сам её видел только в видеоролике, который она на днях прислала мне в письме. Впрочем, если что-то пойдёт с Марса на Землю, попробую договориться, чтобы доставили конвертик. Ну так как насчёт её аватара в земной сети?

— Спрашиваешь! Конечно, сделаю. Только придётся одну копию отправить ей на Марс, чтобы сидела в её чат-клиенте и накапливала её реакции. А вторая пусть сидит здесь и читает форумы. Сейчас придумаю, как сделать синхронизацию.

* * *

Труди читала вытащенную через межпланетную связь ленту комментариев к своему фильму. Среди прочих попался такой:

«Любопытно, каким образом смоделированы движения экипажа солнечного парусника? Как-то необычно правдоподобно. Жозе Перейра»

«Интересно, — подумала она, — это тот самый Перейра, который художник, или просто достаточно распространённая португальская фамилия?» Но в любом случае вопрос заслуживал ответа.

Залогиниться на синематрон под своим именем она попрежнему не могла. Ким обещал ей какого-то искина-аватара, но это был явно не быстрый процесс. Пока что он устроил ей простейшего почтового робота.

```
From: mars!scret.ecu!gtrcarp
To: earth!lancer+robot4
Subject: Reply to comment #3269467

----- BEGIN SIGNED MESSAGE -----

http://www.cinematron.org/GertrudeOfMars/
+sailrace.html#3269467
```

Это не моделирование, это игровая съёмка. Снималось в Гелиуме на Фобосе. Там гравитация как раз примерно такая, какое ускорение должно быть у солнечного парусника. Так что всё по-настоящему, за исключением того, что персонажи привыкли к микрогравитации за несколько месяцев рейса, а мы прилетели с Марса, быстренько отсняли нужные эпизоды и в тот же день улетели.

Труди

----- END SIGNED MESSAGE -----

Глава 47

Возвращение в Клавиус

Когда пинасса Н-229, на этот раз без эквилибристики с малой тягой, прилунилась в порту Клавиуса, у шлюзовой камеры Мару и Брукмана уже встречали.

Естественно, Мара уже была в курсе, что задержаться в Клавиусе ей не придётся — слишком много времени было потрачено на полёт с Марса. Что поделать, такое положение планет... Поэтому буквально через полчаса, взяв на борт Шварцвассера, Джека и миссис Флинт, пинасса вылетела на Землю.

Когда кораблик лёг на курс к Земле, но до опасного пояса ниже геостационарной орбиты было ещё далеко, Мара воспользовалась парой относительно свободных часов и с интересом начала выяснять у Шварцвассера и Джека, как продвигалось исследование Клавиуса за тот почти месяц, пока её не было.

Джек пожаловался на то, что исследовать подземелья Клавиуса — крайне неприятное занятие: постоянно оказывается, что лезешь по трубе, а труба вдруг открывается в огромное помещение, да метрах в пяти над входом.

Шварцвассер согласился, что это сильно осложняет разведку. Людей не хватает, к тому же из всех имеющихся людей во многие трубы пролезал только Джек, а роботы категорически не справляются с подобными сложностями.

— А помните Рута, профессор? — вдруг спросила Мара.

— Какого Рута?

— Маленького золотого дракончика, которого приносил в лабораторию Мишель Рандью.

— А это мысль, — задумался Шварцвассер. — Возможно, программу придётся доработать, но Мишель справится. А его приятеля Ганса посадим рисовать технологическую карту для серийного производства. Ему будет полезно узнать, как от сделанного вручную прототипа переходят к конвейеру.

— А он справится?

— Я ему придам парочку старшекурсников. Они все неплохо сработались на проекте для Оперы и Ганса уважают, несмотря на юный возраст. Только надо будет попросить Келли, чтобы он командировал Джека в качестве тестировщика. Сейчас никто лучше него не знает, с чем можно столкнуться в клавиусских подземельях.

* * *

Пинасса совершила посадку непосредственно в Порт-Шамбале. У Шварцвассера имелись тут какие-то дела по судостроительной программе, а Маре и Джеку давно пора было возвращаться в Академию.

Как только Мара сдала пинассу и направилась к выходу с причала, к ней навстречу метнулся Джек:

— Ты знаешь, что этот марсианский дедушка уже справился с компьютером Клавиуса? Шварцвассер только что смотрел свою почту, так Мориц ему уже написал!

Глава 48

Текущий ремонт

Каямура не слишком задержался с ответом, и уже на следующее утро Карл читал письмо:

```
From: rise+of+chara-cha!kayamura
To: marianna-ark!kkrop
Subject: Re: Кредиты

Карл!

Большое спасибо за высокую оценку моих знаний об
особенностях твоей цивилизации. Но в данном случае я
действительно могу попробовать ответить на твой
вопрос:

> Профессор!

> Я тут с удивлением обнаружил,  что в Мире Беты
> применяется такой вид человеческой деятельности, как
> кредиты под процент.  В детстве меня учили, что
> кредиты - это такое тёмное пятно на древней истории
> Земли, наподобие рабства или человеческих
> жертвоприношений.  И тут я обнаруживаю, что вполне
> симпатичные люди совершенно спокойно рассказывают,
```

> как их семья брала кредит и с большим трудом по нему
> расплатилась. Похоже, я чего-то не понимаю.

Есть одна хорошая эвристика, Карл: если ты считаешь, что что-то является абсолютным злом, постарайся вспомнить, кто тебе это внушил, и разобраться, каким образом это помогло ему запустить лапу в твой кошелёк. Как правило, не бывает таких вещей, которые были бы совсем уж абсолютным злом. Любые явления надо рассматривать не сами по себе, а вместе с их историей и контекстом.

Нынешнее отношение к кредитам сложилось на Земле после серии финансовых кризисов середины XXI века. Эти кризисы происходили на фоне стабилизировавшегося или даже слегка уменьшавшегося населения, более-менее стабильной экономики. В таких условиях кредиты, особенно потребительские, действительно являются не слишком полезной вещью, дестабилизирующей валюту. Поэтому примерно тогда же, когда военные расходы у вас заменились космическими, стала происходить постепенная замена кредитов на сукуки. Собственно, космическая экспансия на государственные деньги, куда пошло то, что раньше расходовалось на военные нужды - накопление совершенно бесполезных арсеналов, - как раз и была нужна для того, чтобы сделать переход менее болезненным. Сукук с его негарантированным доходом, в отличие от кредита, который должник обязан выплатить вне зависимости от успеха своего предприятия, способствует более осторожному вложению средств и снижает социальную напряжённость. Но - и тормозит развитие.

```
Однако в колониях экономика энергично развивается.
Идёт активное освоение новых земель, растёт население.
В этих случаях кредиты, особенно производственные -
вполне оправданное явление.

                    Каямура
```

* * *

Очередная стояночная вахта кончилась. Карл выбрался на набережную и, прислонившись к парапету, ожидал Ладу, которая немного задержалась, сдавая кэпу проделанную за время вахты работу по корректировке лоций.

На набережной почти напротив пирса «Марианны» стоял небольшой фургон, видимо, развозящий по кораблям всякие мелкие предметы снабжения, около которого стояли двое дочерна загорелых парней лет примерно двадцати или двадцати двух с биноклями на шее.

Карл прислушался к их разговору.

— Ну что мы здесь торчим? Видишь, на киле клювастая морда? Это арктурианский корабль. Под Арктуром все девки — такие же уродины, как и птицечеловеки, которые там жили до людей.

— Нет, посмотри, вполне себе ничего, — второй парень указал взглядом на Ладу, как раз вышедшую из корабля на пирс.

— На что спорим, что это не арктурианка? — возразил первый. — Это либо Толиман, либо Ахирд. Такая девица могла вырасти только под двойной звездой.

Карл решительно взял под руку подошедшую Ладу, и они направились к пристани рейсовых катеров, расположенной в нескольких минутах ходьбы от стоянки «Марианны».

По дороге Карл рассказал ей, как парень у фургона чётко определил её происхождение.

— Ох уж эти лернейские стивидоры! — возмутилась Лада. — У них излюбленное занятие — наблюдать в бинокль, как девушки из экипажа загорают на крыльях или купаются с их кормо-

вой кромки. Вот занесёт нас как-нибудь под Мирфак[1], куплю тамошнего ракопаука и буду выгуливать на крыле в крупных портах. Пусть стивидоры посмотрят на него в бинокль, глядишь, пить бросят.

— А что, правда, есть какие-то характерные признаки, по которым можно опознать человека, выросшего под двойной звездой?

— Не знаю, — бросила Лада ещё более недовольно. — Я же не стивидор, я не занимаюсь тем, что постоянно вглядываюсь в бинокль в людей с разных планет. Вот арктурианский сероватый загар — это да, любому понятно. Эх, кончился для нас отдых в Лерне! — резко сменила она тему. — Мастер сказал, что завтра освобождается место на площадке ремзавода. Затащат нашу птичку на слип, и будешь ты дневать и ночевать на ремзаводе вместе с Алиной, Педро и Афанасьичем. А я — ходить с мастером по конторам фрахтовщиков.

Карл попытался представить Ладу рядом с Русланом в традиционной ролевой схеме «босс и секретарша». Не получилось. Вот в схему «рыцарь и оруженосец» или «боевой офицер и ординарец» Лада в идеально пригнанной парадной торгфлотовской форме с планшеткой на плече ещё как-то укладывалась.

Впрочем, наверное, фрахтовщики к такому привычные. У половины капитанов младшие помощники — парни. На следующее утро на «Марианне» собрался весь экипаж. Был запущен в холостом режиме реактор, отстыкованы портовые кабели, и корабль чего-то ждал, вцепившись в палы швартовочными манипуляторами.

Карл сидел в правом кресле машинного отделения, поглядывая на монитор. В левое уселся Педро, а Алина нетерпеливо ходила от одного иллюминатора к другому.

— Наконец-то, — сказала она, увидев что-то в иллюминаторе.

Карл вытянул шею и постарался заглянуть туда. К хвосту космического корабля, негромко урча мощным бутаноловым

[1]Мирфак, иногда Марфак — μ Кассиопеи, G5V, 24,6 св лет от Солнца

движком, подходил чумазый портовый буксир.

«Марианна» оттолкнулась манипуляторами от пирса и, свистя ретирадными двигателями малой тяги, стала сдавать назад. Вид из иллюминаторов машинного отделения загородили струи пара из двигателей, смонтированных поближе к реактору.

Буксирчик подошёл почти вплотную к носу «Марианны» и свесил с кормы петлю толстого троса, за которую тут же ухватились швартовые манипуляторы. Ещё через несколько минут мягкий толчок засвидетельствовал, что капитан буксира счёл нужную длину троса достигнутой, и космический корабль сдвинулся с места.

— Идите в салон, мальчики, — сказала подчинённым Алина. — Хоть на город с воды посмотрите. Ни к чему усиленная вахта, когда корабль тащится на буксире.

Через некоторое время буксир подтащил «Марианну» к пирсу судоремонтного завода, и начался аврал. Выгружали на заводские склады весь груз, не разгруженный на Мире Беты, надувные лодки, аварийный генератор и вообще все содержимое трюма. Открыли ранее не замеченные Карлом люки, соединявшие с трюмом каптёрку Афанасьича и склад личных вещей экипажа, и также выгрузили всё в заботливо поданный на пирс контейнер. Сдали на какой-то ассенизационный кораблик активный ил из системы жизнеобеспечения, откачали из баков всю воду до капли. В общем, снижали вес корабля, насколько возможно.

Потом наконец выпустили шасси, ухватились за трос швартовыми манипуляторами, и лебёдка медленно-медленно поволокла огромную тушу «Марианны» по бетонированному наклонному слипу. Карл помнил, что шасси «Марианны» рассчитаны на планеты «до 5 м/с^2» — но это на посадку, с её неизбежными ударами и скоростью больше двухсот километров в час, а при медленном и осторожном вытаскивании лебёдкой из воды они вполне должны были перенести и десять.

Наконец «Марианна» оказалась на ровной площадке, и тяжеловесный многоколесный робот-буксировщик столь же медленно потащил её к свободному месту в ряду из нескольких подобных кораблей. По другую сторону от дорожки, по которой тащили корабль, стоял на каких-то поддерживающих тележках-кильблоках пятитысячетонный пакетбот.

Не прошло и часа, как к «Марианне» подогнали самоходную тележку с краном. Сначала та запустила на верхнюю поверхность крыльев несколько маленьких роботов-шлифовальщиков, потом сама вооружила свою стрелу шлифовальной машинкой и принялась обрабатывать нижнюю сторону крыльев. Началась самая неприятная часть регулярного техобслуживания космического корабля — сошлифовка верхнего слоя старой теплоизоляции.

Тем временем Афанасьич открыл днищевой люк, створки которого опустились почти до земли, и с помощью двух погрузчиков-роботов стал выгружать противосолнечные щиты. Почти такой же расходный материал, как теплоизолирующая обмазка корпуса, только обмазка выгорает во время маневров в атмосфере на гиперзвуковых скоростях (а уж что там Лада вытворяла около Сигмы Дракона-d!), а щиты — вблизи точки скачка. Внешний щит делается из вольфрама, поскольку его рабочая температура выше 3000°, и сто́ит чуть ли не как обмотка реактора, поэтому во время текущего ремонта всегда тщательно проверяли дефектоскопом, не истончился ли он ниже допустимого предела.

Педро отправился помогать Афанасьичу с диагностикой щитов, а Карл занялся руководством механиками верфи, которые проверяли двигатели. Ему уже приходилось заниматься чем-то подобным на кораблях Солярной эскадры, правда, со стороны верфи, а не экипажа.

Впрочем, в состоянии двигателей вся механическая команда «Марианны» была более чем уверена, поэтому Алина спихнула их на новичка, а сама занялась системой жизнеобеспечения. Мир Беты считался главным в Галактике центром био-

логических и медицинских наук, и самые лучшие новейшие штаммы водорослей для биологических поглотителей углекислоты можно было купить именно здесь. Но здесь также было легко нарваться на не вполне проверенный экспериментальный штамм, который очень много обещал в лабораторных условиях, но обладал каким-нибудь недостатком, очень неприятным в реальном корабле.

Диагностировать облицовку сопла и лопатки компрессоров под непрерывный визг шлифовальных машин по крыльям — то ещё развлечение. Но почему-то на судоремонтных заводах всегда аврал, всегда спешка, и как можно больше работ делается параллельно. Даже на Земле, где помимо эскадры нет никакого флота, и то её возвращение из рейда, как правило, превращалось в судоремонтный аврал — правда, потом сменявшийся многомесячным затишьем.

Здесь же, под Бетой, аврал, похоже, был нормой жизни. Торгфлотовский траффик был более-менее постоянным, да ещё регулярные рейсы пакетботов к другим крупным колониям. А капитан корабля, который хотя бы каждые восемь-десять посадок не подмазывает теплоизоляцию и каждые десять-двенадцать скачков не проверяет износ противосолнечных щитов — самоубийца.

Глава 49

Бой Терри с драконом

Ганс Пфельце появился во дворе дома с бронзовым дракончиком на плече. Эльза, куда-то бежавшая с Рутом в такой же позиции, резко затормозила и подошла к нему.

— Ты решил и себе завести дракончика? Ой, бронзовый! Как его зовут?

— Это предсерийный образец. Мы с Рандью сейчас готовим большую партию для Клавиуса, но сначала сделали опытную серию из пяти бронзовых. У меня Бертран, Мишель сейчас тестирует новый софт на Адаме, а с Чарли, Давидом и Элвисом играются студенты в Технологическом. Немножко доведём кинематику и поставим на конвейер основную серию. Они будут красными.

— Почему? На Перне же не бывает красных огненных ящериц.

— Так наши вроде и не огненные, — усмехнулся Ганс. — Зато красные драконы есть на Кринне и ещё много где. А для разведробота красный цвет практичнее, чем зелёный или коричневый. Заметнее.

— Мне всегда нравилось думать, что моя Рут — королева пернских огненных ящериц. А тут ещё ты завёл себе бронзового... Я ведь замечаю, что Рут не то чтобы растёт, но как-то взрослеет. Хотела ещё спросить — когда твой Бертран повзрос-

леет достаточно, чтобы подняться в брачный полёт?

Ганс покраснел до корней волос. Маккефри он читал и был в курсе, чем кончается любовь огненных ящериц для их хозяев. То, что весь класс за спиной называет их с Эльзой «жених и невеста», он тоже знал. Однако факт, что романтическая дружба с девочкой и то, про что мальчишки рассказывают друг другу сальные анекдоты, имеют между собой что-то общее, не очень укладывался у него в голове.

— Но это же роботы! Откуда у них сексуальные инстинкты?

— Ты их делал, тебе виднее.

— Софт все-таки делал Мишель. И если он что-то такое туда заложил, я его точно поколочу! — Ганс вздохнул. — Только ведь он отвертится. Скажет что-нибудь вроде того, что секс и агрессия неразрывно связаны, а без здоровой агрессии дракона в Клавиусе одичавшие кошки съедят.

— Робота?! Кошки?!

— Кошка охотится на всё, что шевелится. Хочешь, покажу видео про бой тигра с драконом? — Ганс вытащил из сумки на боку планшет в металлическом корпусе, покрытом тёмно-зелёной эмалью, и в несколько движений отыскал видеоролик. На песчаной дорожке крупный, очень пушистый рыжий кот атаковал бронзового дракончика, точно такого же, как сидящий на плече у Ганса Бертран. Дракон, полураскрыв крылья и угрожающе шипя, вытягивал шею и пытался цапнуть кота. Тот прыгал, уворачивался, но не отступал. В конце концов дракон всё же оттеснил кота с дорожки, и тот ловким прыжком покинул поле боя.

— И что, Рут тоже так умеет?

— Так пока даже Адам не умеет. В этом ролике драконом дистанционно управлял один парень. Но даже он, как видишь, не сразу справился с Терри. А Терри — это не дикие кошки Клавиуса, а обычный домашний сибиряк. Так что Мишелю ещё дорабатывать и дорабатывать этот софт.

— А почему он Адам? Вроде первой была Рут, а потом ещё Фафнир.

— Вообще-то ещё есть дракон на острове Кота-в-Сапогах под Бетой. Там механика совсем другая, но он тоже работает на Мишелевом софте. А назвали так потому, что эта серия делается для Луны, поэтому первый лунный робот называется Адам Селен, как у Хайнлайна.

* * *

Вся эта история началась неделю назад, когда Мишель Рандью, уверенный, что его доработки управляющей программы для дракона, прекрасно отработавшие в симуляторе, совершенно безупречны, притащил дракончика из пилотной серии на сдаточные испытания в Порт-Шамбалу. Всё-таки купольный город, хотя и более новый технологически, больше похож на будущее место работы, чем любой полигон, который можно устроить в Вене.

И в каком-то лабиринте подземных коллекторов Адам, вполне успешно выполнявший программу, неожиданно попался на глаза серо-полосатой мадам Алоизе, кошке семейства Карсаков. Неожиданный прыжок с трубы — и в длинную шею дракончика впились острые кошачьи клыки. Неизвестно, каких вкусовых качеств ожидала кошка от необычной добычи, но результат охоты ей явно не понравился. В результате лезть в коллектор за повреждённым дракончиком пришлось Джеку Летайру.

Дальше встал вопрос, что с этим делать. Одичавшие кошки Клавиуса были ничуть не менее опасны, чем мирная домашняя мадам Алоиза, которая, правда, была типичной представительницей породы боотисская норная, специализирующейся на отлове лемурийских нелетающих птиц.

Сначала Мишель попытался раздобыть симулятор охотящейся кошки. Но, как выяснилось, такого не имелось ни в Венском Технологическом, ни в Венском Университете, ни в Университете Бордо. Стало ясно, что тренироваться придётся на кошках Порт-Шамбалы, а за все ошибки Адаму предстоит расплачиваться своей бронзовой шкуркой.

Но Мишелю было даже непонятно, с какой стороны подойти к задаче. Какую тактику выбрать против четверолапого хищника?

Тут Джеку пришла в голову мысль:

— А ты можешь приделать к дракону прямое дистанционное управление?

— Никаких проблем. Но как ты сможешь управлять им достаточно быстро?

— А сделай управление от приставки для распознавания жестов, как в игрушке «Последний драконлорд».

За полдня Мишель решил эту задачу. Поскольку сейчас в распоряжении экспериментаторов были куда большие возможности, чем во время создания Рут, в дракона воткнули терранетовский модем с отдельной симкой. Так что, несмотря на дистанционное управление, дракон имел неограниченный радиус действия.

Полдня Джек в образе дракончика летал и лазил по всему городу. Даже разговаривал со своими приятелями, благо эта модель была оборудована средствами воспроизведения звука. Кое-кто из первокурсников даже клюнул на рассказанную им душещипательную историю, как злой волшебник Миранду превратил Джека в дракона.

Как ни странно, эти развлечения оказались совсем не бесполезными. Лучший пилот первого курса летал немножко не так, как это делала программа Мишеля, отработанная в основном на симуляторах.

Наконец Джек высмотрел с воздуха Терри, сидевшего, как обычно, на воротах дома Лависко, и предложил Мишелю отправиться туда с видеокамерой. Так и появился тот ролик, который Ганс потом показал Эльзе.

Когда Мишель вернулся в подростковый развлекательный центр, аппаратуру которого Джек использовал для управления драконом, тот уже почти перевёл дух.

— Эх, жаль, Ринка под Бету улетела, — только и смог он выговорить.

— Кто такая Ринка? — удивился Мишель.

— Была у нас тут девчонка, подмастерье-медик, но несколько месяцев назад улетела поступать в Бетанскую медицинскую академию. Вот кто специалист по всяким компьютерным играм. А для меня эта схема управления не слишком привычна, у Ринки лучше получилось бы, — неожиданно он скорчил рожу. — Но вообще с точки зрения дракончика Терри смотрится жутким монстром.

Потребовалась ещё неделя работы и несколько спаррингов с Терри, прежде чем управляющая программа для драконов обзавелась модулем драки с кошками. Однако на сдаточных испытаниях Маре уже через минуту захотелось броситься спасать любимого зверя от бронзово-чешуйчатого стремительного монстра, который хотя и уступал в размерах сибирскому коту, но брал скоростью движений и умением летать.

— Зачем моего Терри мучаешь? — ворчала она на Джека. — Что, в доме Джоунсов своего кошака нет?

Джек уже успел познакомить Мишеля с тем кошаком. Домашний кот Джоунсов был чистокровным тагарцем, представителем породы, выведенной на Лемурии для замены пастушеских собак, которые там не прижились. Будучи внешне похож на обыкновенного серо-полосатого беспородного кота, Леон весил килограммов сорок. Пожалуй, большая часть рысей предпочла бы уступить ему дорогу, а ирбисихи с окрестных гор, доведись им проникнуть под купол Порт-Шамбалы, сочли бы его достойным внимания кавалером. Поэтому на роль спарринг-партнёра для дракончика он не подходил по весовой категории.

* * *

Придя в лабораторию после разговора с Эльзой, Ганс был в полнейшей растерянности. Ему надо было с кем-то посоветоваться, но с кем? Тема была слишком интимной, чтобы довериться шапочно знакомым студентам.

Подождать до дома и обсудить с мамой? С тех пор, как ей вылечили руку, отношения у них стали какими-то другими... почти равноправными. Но всё же это не та тема.

В лаборатории он застал Мару. Конечно, Ганс общался с нею куда меньше, чем Мишель, но уже успел понять, что у неё нет привычки отвечать на вопросы «Вырастешь, узнаешь». И он решился.

— Я никогда не видела твою Эльзу, — сказала Мара, выслушав его сбивчивый рассказ. — У тебя есть сегодняшняя запись глазами Бертрана?

— Есть, конечно.

— Понятно, — сделала вывод Мара, посмотрев запись. — В вашем возрасте девочки созревают немного быстрее, чем мальчики. По фигуре Эльзы видно, что она из девочки превращается в девушку. Поэтому её уже интересуют темы, которые тебе ещё кажутся безумно далёкими от тебя. Года через два догонишь.

— А сейчас мне что делать? Она не будет воспринимать меня как мелюзгу?

— А ничего особенного. В европейской культуре есть куча всяких ограничений и табу вокруг секса и любви, так что если парень не форсирует события, это, скорее всего, будет воспринято как плюс. Главное, не высмеивай то, что ей кажется серьёзным и важным. А вообще возьми, что ли, наш учебник для подготовки к зачёту на сексуальную взрослость и почитай.

Глава 50

Пироги бабушки Тордис

Мара заглянула в комнату Кима. Названый брат сидел на диване в расстёгнутом кителе и мучил гитару. Гитара была явно не его — наверное, у Келли утащил.

Весёлая любовь моя,[1]
Зелёная и белая,
Где ж ты живёшь, в каких краях,
Что ж без меня ты делаешь?

Кто там стоит в тени берёз,
В том пиджачке вельветовом?
Чьи это клятвы произнёс
Ветер хмельной под ветками?

Где-то вдали, совсем вдали,
Над проливными ивами
Ходят высокие корабли
В эту страну счастливую...

— Чего это ты взялся за Лаурин репертуар? — спросила Мара, дослушав.

— Просто эта песня очень подходит к моему настроению.

— И в каких же она, собственно, краях?

[1] песня Ю. Визбора

— Лиддел-виллидж, Соацерский округ, хандрамит Офир.

— Та-а-ак, хватит тут предаваться сплину. Откладывай гитару и пошли к бабушке Тордис есть пироги с треской. Там будет обсуждаться вопрос доставки с Марса народа для Клавиуса, так что имеешь шанс подсуетиться и слетать туда.

Гитара и хандра были моментально отставлены в сторону, форма приведена в порядок, и младшие представители семьи Лависко отправились в дом старшего поколения.

По сравнению с достаточно большим бревенчатым домом Лависко-третьего с отдельными спальнями для каждого из троих детей и огромным адмиральским кабинетом, которым сейчас беззастенчиво пользовался Келли, домик ректора ВКА казался игрушечным. Он был выполнен в северонемецком стиле, с оштукатуренными щитовыми стенами и красной черепичной крышей, и в нём была всего одна комната и кухня-прихожая. Работать Тадеуш Лависко предпочитал в здании Академии.

Стол, украшавший середину комнаты, был раздвинут, а вокруг него расставлен десяток стульев (Мара вспомнила, как в детстве её всегда интересовало, где дедушка с бабушкой прячут две трети этих стульев, когда в доме нет застолья). За столом сидели дедушка Тадек, бабушка Тордис, капитан Гонсалес, Келли и Джек Летайр. Вот уж кого Мара не ожидала здесь увидеть.

— О, а вот и молодёжь! — приветствовал дедушка Мару и Кима.

Келли больше всего интересовало, где взять людей для работы в Клавиусе. У четверокурсников Академии было не слишком много времени — выпускные экзамены на носу. Младшие курсы тоже вроде не стоит отвлекать от занятий. Шварцвассер мог выделить ещё от силы трёх-четырёх студентов. У фонда Джулио Раске тоже было тяжеловато с людьми подходящих профессий. Тогда Брукман, который, собственно, и поставил в присланном с Луны письме вопрос о том, что в Клавиусе не хватает людей, предложил пригласить дипломников из экотех-

нического колледжа Соацеры.

Экотехники в проекте были нужны — и для восстановления Клавиуса, и для настройки экосистемы в изолированных куполах, которые предстояло построить. Но положение планет было исключительно неблагоприятным.

И тут Ким предложил отправить за марсианскими участниками проекта не пинассу, а корвет, конкретно «Маринеско». Конечно, тот имеет меньший запас скорости, чем пинасса, но это скачковый корабль, а значит, оборудован противосолнечными щитами, позволяющими подойти к Солнцу ближе миллиона километров, что открывает ряд интересных перспектив. Опять же, если размещать в пинассе десяток человек, то им пришлось бы сидеть на головах друг у друга...

— А экипаж? — поинтересовался Келли.

— Много не надо. Мне же не воевать, вахта в плутонгах не нужна. Дайте одного третьекурсника старшим офицером и парочку второкурсников в БЧ-5.

— Чела, а почему ты так уверен, что полетишь на Марс ты? — спросил Кима дедушка.

Ким на секунду замялся.

— Потому что у него остался один экзамен, и этот экзамен — пилотирование крупных кораблей, — ответила Мара за названого брата. — Вообще не понимаю, почему вы не зачли за экзамен ходовые испытания «Орельяны» и «Дулитла». Но уж полёт на Марс и обратно оверсаном точно можно засчитать.

— А кого ты порекомендуешь старшим офицером? — спросил Келли.

— Диану Кэмпбелл, — ответила Мара. — Почему-то у человека есть мечта побывать в кабаре «Красная пустыня».

Глава 51

Алые паруса

Однажды, проверяя почту после конца занятий, Труди Карпентер увидела письмо:

```
From: earth!lancer
To: mars!scret.edu!gtrcarp
Date: Mar  12, 2227 16:30 +0800
Subject: Ура!

Любимая!

Я поднимаю алые паруса на своём корвете и лечу к тебе.

Р.В.П. Офир-Восточный 8117,0 Мс, то есть по вашему
календарю 33 Октября.

Кстати, у тебя есть возможность пару месяцев
поработать рядом со мной.  В ваш колледж уже должна
была прийти заявка на шестерых дипломников на практику
в Клавиус, Луна. Если у вас там конкурс, могу
попробовать устроить тебе именное приглашение.

                                Целую, Ким
```

Она немедленно отправилась выяснять насчёт заявки и через десять минут уже писала ответ.

```
From: Gertrude Carpenter <mars!scret.edu!gtrcarp>
To: earth!lancer
Date: Oct 23, 94 14:74
Subject: Re: Ура!

Жду с нетерпением!

Я уже заглянула в деканат и записалась в Клавиус.
Желающих что-то не видно. Ладно, поговорю ещё кое с
кем.

> Я поднимаю алые паруса на своём корвете и лечу к
> тебе.

А корвет и алые паруса - это романтическая аллегория?

              Твоя Труди
```

Ответа на это письмо Труди пришлось ждать куда дольше, чем требуется радиосигналу, чтобы дойти до Земли и обратно, даже через Лагранж-Вечер. Но наконец он пришёл.

```
From: marinesko-sol2!lancer
To: mars!scret.edu!gtrcarp
Date: 8116,2.840
Subject: Re: Ура!

Любимая, прости за задержку с ответом.
Пока не сдал вахту Диане, не было никакой возможности
отвечать на личную почту.

>> Я поднимаю алые паруса на своём корвете и лечу к
>> тебе.
```

> А корвет и алые паруса - это романтическая аллегория?

Увы, корвет - это полторы тысячи тонн клапанов, трубопроводов, кабелей, процессоров и всякого прочего добра, вместе составляющего космический корабль. И нас на нём всего четверо.

А насчёт алых парусов на обратном пути увидишь.

Твой Ким

Глава 52

Прогулка под Фобосом

Когда корвет «Александр Маринеско» замер на расстоянии длины переходного тоннеля от здания космопорта Офир-Восточный, Ким опустил руки на подлокотники пилотского кресла и несколько секунд сидел неподвижно.

Сажать тяжёлые корабли на планету почти без атмосферы, но с ускорением свободного падения в 4 м/с^2 — чуть ли не самое сложное занятие, какое есть в освоенной Галактике. Говорят, правда, ещё про тиссинскую глиссаду, но там хотя бы внизу безграничный океан, и промахнуться мимо полосы невозможно. Впрочем, тот, кто учился пилотировать в Порт-Шамбале, мимо полосы не промахивается.

Ким вытер пот со лба и выбрался из кресла. У капитана корабля, совершившего посадку, есть уйма дел. А если в экипаже четыре человека, то и передоверить их некому.

Впрочем, через два часа основная суета была позади. Ким принял душ, переоделся в чистую форму и стоял на платформе, ожидая рейлера на Соацеру.

Конечно, его немножко грыз червячок сомнения: правильно ли он поступает, поделив стояночные вахты между второкурсниками-механиками и не только смывшись в увольнение на всё время стоянки, но и отпустив Диану? С другой стороны — а что увидят второкурсники ночью на незнакомой планете? Им

и треножников-официантов пока за глаза хватит. А если события будут развиваться так, как они вроде пошли, до окончания Академии они побывают на Марсе ещё не раз и не два.

За полтора часа поездки он сумел успокоиться и выпихнуть из головы рабочие мысли. Этому в Академии тоже учат.

Вот и неприметный полустанок за две остановки до Соацеры. И на платформе стоит она...

Не прошло и двух секунд после того, как Ким вышел из вагона, а они уже оказались друг у друга в объятиях.

— Идём, — сказал Ким, когда завершился первый долгий поцелуй.

— Куда? — удивилась Труди.

— Тебе виднее, куда. Это твой мир, и у нас есть всего несколько часов, чтобы погулять по нему вместе. Наверняка тут есть что-то, чем ты хотела бы поделиться со мной.

Солнце уже коснулось вершин гор на западе, а навстречу ему на небосклон торопливо карабкался Фобос.

— Знаешь, это для меня как-то неожиданно, — задумалась Труди. — Я думала, мы встретимся, и нам, кроме друг друга, будет ничего не надо.

— Но твой мир — это тоже ты. Теперь мы с тобой будем рядом весь полёт и ещё кусочек времени на Луне. А с Марса мы улетим завтра утром.

— Ким, я никак не могу понять: вроде ты мой ровесник, а иногда вдруг начинаешь вести себя, как будто лет на десять старше.

— Знаешь, мне как-то попалось забавное утверждение: «страшно не то, что мы — взрослые, страшно то, что взрослые — это мы». Вот со мной и всем нашим курсом полгода назад случилось именно это. Эскадра ушла в рейд, во всей Порт-Шамбале остался один строевой офицер — мой названый братец Келли, да преподаватели-отставники Академии. А на Порт-Шамбале, кроме Терранета и эпизодических спасательных операций в разных уголках Земли, ещё и диспетчерское обеспечение всей Солнечной системы. Правда, без эс-

кадры тут приходится рулить только одним-двумя случайными транспортниками, идущими к вам. В результате полгода назад мы и оказались взрослыми де-факто. И я уже почти привык.

Глава 53

Оверсан

— Ты давно спал в последний раз? — спросила Диана у Кима, в очередной раз сдавая ему вахту.

— Ну… вроде только что из койки.

— Я тебя спрашиваю не о том, когда ты последний раз тискал свою Труди, а когда последний раз спал! — слегка разозлилась Диана. — По-моему, это было ещё до посадки на Марс. Понимаю, ты нашёл себе замечательную девчонку, но в конце концов, ты здесь капитан. Сдавая тебе вахту, я доверяю тебе свою шкуру и, кстати, её шкуру тоже. А ты тут клюёшь носом.

* * *

В кают-компании «Маринеско» ужинали пассажиры. Во главе стола сидел только что сменившийся с вахты Ким и сосредоточенно поглощал суп, радуясь, что на извечную капитанскую обязанность развлекать пассажиров можно забить — пассажиры с успехом развлекали себя сами.

Между тем Труди рассказывала про интересные технические решения, которые обнаружила, изучая систему жизнеобеспечения корвета. И тут вдруг Ким услышал, как Минни, её однокурсница, обронила:

— Хорошо быть любовницей капитана — всюду пускают, никто не останавливает.

Это был чистейшей воды поклёп. При четырёх человеках в экипаже и несении вахт в ходовой рубке и машинном отделении у космонавтов абсолютно не было времени на то, чтобы следить за пассажирами. Поэтому второкурсники-механики очень ловко распорядились интересом Труди к системе жизнеобеспечения, фактически сложив с себя контроль за ней. А Минни попросту плохо переносила невесомость, поэтому носу не казала с жилой палубы. И в общем, вряд ли, проучившись вместе четыре года, Труди стала бы обижаться на Минни за такую невинную подколку.

Тем не менее Ким положил ложку и обвёл глазами собравшихся.

— Любовницей капитана быть тяжело. У нас в ВКФ это вообще почти официальная должность. Представьте себе нормальный рейд — не прогулочку от космопорта до космопорта в пределах одной системы, как сейчас у нас, а рейд с зачисткой астероидных поясов в паре необитаемых звёздных систем. Полгода, а то и год. С боями. Всё это время капитану приходится принимать какие-то невесёлые решения. Он круглые сутки на вахте и должен изображать перед всем экипажем абсолютную уверенность в себе. Даже еду ему носят в каюту, а в кают-компанию он может войти только с разрешения старшего офицера, чтобы не смущать тех, кто отдыхает там от службы. Не знаю, как это было во времена военно-морских флотов на Земле, но у нас в ВКФ на борту допускается одно-единственное исключение, с которым капитан может разделить свою неуверенность, при котором может позволить себе проявить слабость. Это как раз и есть любовница, или любовник, если капитан женского пола. Это груз, который можно взять на себя только добровольно. И отнюдь не каждому капитану достаётся такой подарок. У кого-то возлюбленная слишком амбициозна и предпочитает командовать собственным кораблём, кто-то ушёл в рейд, оставив жену сидеть с ребёнком, кто-то дослужился до капитанства, а подруги себе ещё не нашёл.

* * *

Труди сидела в кресле второго пилота в ходовой рубке, пристегнувшись ремнём.

«Всё-таки сокращённый экипаж имеет свои преимущества, — подумал Ким. — Набери мы полный штат в БЧ-1 и БЧ-5, Диана сейчас точно разворчалась бы, что я таскаю пассажиров в рубку.»

— Помнишь, я говорил про алые паруса? — спросил он вслух. — Вот, смотри.

В той стороне, куда он указал, на небе широкой полосой густела какая-то чёрная тень, внутри которой не было видно ни одной звезды, окружённая темно-красной и ослепительно белой каёмками.

— Что это? — спросила Труди. — И почему не видно Солнца?

— А потому и не видно, что оно закрыто нашими противосолнечными щитами. Внутренний достаточно холодный и поэтому тёмный, следующий раскалён докрасна, а внешний — до белого каления, как спираль старинной электролампочки. Второй щит вполне похож на алый парус. Смотри, сейчас запущу робота, всё равно нелишне их осмотреть.

Мягкий толчок сжатого воздуха выпихнул орбитально-монтажного робота из бронированной шахты в корпусе корвета, и перед Труди на экране появилась картинка с его видеокамер. Робот покрутился вокруг своей оси, оглядывая освещённый слабым звёздным светом корпус «Маринеско», подплыл к тёмному внутреннему щиту, осветив его прожектором, затем обогнул его край и оказался как будто внутри металлургической печи — с одной стороны раскалённая докрасна изнанка второго щита, с другой зеркальная рабочая поверхность третьего, отбрасывающая большую часть излучения, полученного от второго, куда-то вбок, в сторону от корвета.

— Между первым и вторым не полезу, — прокомментировал Ким. — Там для этого робота слишком жарко. Он и здесь-то за полчаса перегреется, так что пора гнать его обратно. Ну, как тебе наш алый парус?

— А зачем такое нужно?

— Чтобы можно было подойти к Солнцу на гигаметр, а то и ближе. Чем ближе к звезде, тем легче совершить скачок. А что до нас, то сейчас просто относительное положение Земли и Марса такое, что лететь очень неудобно. Но если подойти к Солнцу почти в скачковую зону и обогнуть его на гиперболической скорости, можно очень неплохо сэкономить время. Вообще, загоню-ка я уже этого монтажника под крышку и буду считать коррекцию. У нас тут должна быть ещё пара коррекций, чтобы выйти на курс к Земле-Луне, причём именно тут, в гигаметре от Солнца.

* * *

Когда окрестности Солнца были позади, и корабль отделяло от звезды добрые сто сорок гигаметров, Ким получил приказ от Келли:

```
To: marinesko-sol2!lancer
From: earth!lavisko4
Reply-To: earth!lavisko4, earth!lavisko1
Subject: Дальнейшие действия

Курсант Лэнсер!

Одновременно с «Маринеско» в Клавиус прибудет пинасса
Н-229 под командованием Лависко-5 с пассажирами -
сотрудниками проекта «Клавиус-вирус» с Земли.

Приказываю: сдать командование корветом Кэмпбелл-5 и
принять у Лависко-5 пинассу Н-229. После этого корвет
отправится на низкую околоземную орбиту для сдачи
курсантами 4 курса экзамена по пилотированию крупных
кораблей в атмосфере. Пинасса остаётся в Клавиусе в
качестве стационера, а вы прикомандировываетесь к
рабочей группе проекта в качестве военного
```

представителя.

P.S. Поздравляю с успешной сдачей экзамена по пилотированию крупных кораблей в атмосфере во время посадки в Офир-Восточный.

Комендант базы Порт-Шамбала Лависко-4

Глава 54

Атмосферное давление

В пинассе Н-229 на Луну прибыла куча пассажиров. Тут была Алисия Флинт, вернувшаяся в Клавиус после небольшого перерыва, Мишель Рандью и Ганс Пфельце, а к ним в придачу Барбара Леннарт — единственная из врачей госпиталя Порт-Шамбалы, никогда не служившая на боевых кораблях и не имевшая офицерского звания. Просто когда-то давно, лет двадцать назад, лейтенант Мейер-второй встретил на набережной Лерны девушку-выпускницу Бетанской медицинской академии, так же как Келли Лависко встретил в Пратере Элен Арети, и некоторое время спустя она перебралась в Порт-Шамбалу.

По специальности Барбара была детским врачом, поэтому появление её в Клавиусе было несколько странным. С другой стороны, не Илайджа Вертера же было сюда отправлять и не Хань Сяо. Тем более, что благодаря сугубо мирной профессии Барбары Ким оставался старшим по званию офицером ВКФ на Луне, и это очень грело его самолюбие.

Не успели все прибывшие на «Маринеско» и пинассе бросить свои вещи в выделенных им комнатах, как мастер Брукман собрал своих дипломников-экотехников в каминном зале и стал ставить им задачу.

Ким тихо просочился в каминный зал и притащил с собой

шварцвассеровских мальчишек. Мориц и Линда почему-то не сочли нужным присутствовать.

Брукман рассказывал про разрабатываемый вирус и необходимость обеспечить полную изоляцию испытательного полигона от обитаемых куполов. На большом экране на стене была выведена система куполов Клавиуса, объединённых общей вентиляционной системой, а также обозначены подлунные цеха заводов.

— Вероятно, для этого придётся строить новые купола, — заключил он.

Выслушав описание проблемы, Труди задала вопрос:

— Мастер, а при каком давлении в этой вентиляционной системе происходит отсечка по разгерметизации?

— Стандартно — восемьдесят процентов номинального давления.

— А номинал здесь сколько? — Труди втянула носом воздух, как будто пытаясь на нюх определить его плотность. — Стандартные земные 100КПа? А если снизить давление в одном из малых куполов, скажем, до 50?

— Та-а-ак, — протянул Брукман.

— Смотрите, что получается, — продолжила Труди. — Жить в таком куполе вполне можно. Особенно если сделать состав атмосферы как у нас, тогда парциальное давление кислорода будет как на Земле. Но защитная автоматика вентиляционной системы обеспечит изоляцию купола. А даже если где-то произойдёт утечка, то воздух будет течь только из большого купола в малый, при таком перепаде-то. И тогда в малом куполе можно будет искать течь по повышенному содержанию азота.

— Интересно, почему до этого до сих пор никто не додумался? — пробурчал мастер.

«Почему-почему, — подумала девушка. — Да потому, что никто из вас не был в Гелиуме во время метеоритного инцидента девяносто первого года. А я была.»

На подготовку первого малого купола к сбросу давления

ушло три дня. За это время Мориц даже с помощью Ганса и Мишеля никак не мог запустить изготовление телеуправляемых роботов, которых нужно было оставить в куполе с тем, чтобы людям уже никогда не пришлось там появляться. Однако в багаже Труди оказался новенький лёгкий экзоскелет с нагрузкой до 750 ньютонов. На Земле такая модель выдержала бы саму Труди и от силы килограммов двадцать груза, но на Луне она, пожалуй, могла бы жонглировать Морицем и Вагабовым — двумя самыми тяжёлыми людьми в Клавиусе. Такие экзоскелеты были рассчитаны на использование в качестве машины телеприсутствия и могли управляться как со второго экзоскелета, так и с компьютерной приставки для управления жестами. Приставка же нашлась у Мишеля и Ганса, которые привезли её с собой для экспериментов с дракончиками.

Поэтому через четыре дня Линда Раштен наконец смогла приступить к той работе, ради которой уже два месяца отиралась в Клавиусе, занимаясь вместо молекулярной биологии странной смесью геоботаники с археологией. Когда она начала жестикулировать перед приставкой, распределяя подопытных мышей по клеткам в изолированном куполе, мастер Брукман объявил своим экотехникам выходной.

Труди устроилась на газоне перед зданием планетологической экспедиции с планшетным компьютером. Последние несколько дней ей было совершенно некогда следить за тем, что творится вокруг её фильма в земной, да и в марсианской Сети, и что вытворяют там две копии её аватара. Но не успела она открыть страничку дискуссии на Синематроне, как из тоннеля, ведущего в большой купол, вылезли двое земных мальчишек, над которыми почему-то шефствовал Ким, со своими дракончиками. Сегодня, кроме обычных двух бронзовых, они волокли с собой целую охапку красных.

— Труди, привет! — поздоровался Ганс. — Хочешь персонального дракона?

— А что, вы их так просто раздаёте?

— Ну да! Сегодня конвейер запустили. Теперь красных дра-

кончиков будет много.

— А они все будут одного цвета?

— Можно было заложить разные цвета, но смысл? Пусть уж бронзовые и золотой останутся уникальными.

— А разве золотые не девочки? — Труди уже выбрала время и поинтересовалась той книгой, к которой возводила происхождение первого дракончика рассказанная Кимом легенда.

— Золотой есть только один — Рут. Эльза, его хозяйка, очень хочет, чтобы это была девочка. Но ничего женственного в его движениях нет, вся пластика такая же, как у бронзовых.

— Погоди-погоди, — Труди вытащила стилус из кармашка своего планшета, сделала несколько набросков, потом аппроксимировала их формулами и показала Мишелю. — У тебя ведь шея движется вот так, а лапы — вот так. А если сделать вот так?

Мишель вытащил свой планшетный компьютер — заметно меньше, чем у Труди, зато военного образца, ударопрочный и водонепроницаемый, — полез в исходные тексты контроллера движений дракона и минут пятнадцать возился там, периодически спрашивая совета у Труди, не отрывавшей взгляд от его экрана. Потом выбрал одного из красных дракончиков, у которого на передней лапке было алюминиевое колечко с цифрой «9», и залил в него — вернее, теперь уже в неё — новую программу.

— Её будут звать Джейнайн. Потому что девятый номер. А десятый будет с японским именем Кайтен, — сообщил он, после чего снял с плеча бронзового Адама и пустил их гулять рядом.

Разница в пластике прямо-таки бросалась в глаза: красная драконочка кокетливо изгибала шею и плыла по газону, слегка покачивая бёдрами задних лап, в то время как бронзовый увалень топал за ней вразвалочку.

— Ура! — завопил Ганс. — Труди, ты лучший 4D-художник в Галактике!

— Разве что в Клавиусе, — улыбнулась девушка. — И то по-

тому, что здесь других нет. У нас на Марсе, например, в Мельдилорне есть Джулия Джойнер, так я рядом с нею что плотник супротив столяра. А на Земле у вас есть Жозе Перейра.

— Но Перейра же обыкновенный, двухмерный художник, — робко возразил Миранду.

— Перейра великий художник, он сколько надо измерений, столько и может, — отрезала Труди. — Статуя Христа, которую он реставрировал — это три измерения. А я уже только из обсуждения с ним моего фильма столько почерпнула...

Тут из двери, ведущей в тоннель, появился Ким в рабочем комбинезоне, на ходу вытирая руки ветошью.

— О, они у вас теперь разнополые, — оживился он, увидев дракончиков. — А брачный полёт ты уже запрограммировал?

Вопрос был задан Мишелю, но почему-то, услышав его, краской залился Ганс.

— Откуда мне знать, какие реакции должны быть у драконов во время брачного полёта? — кинулся Мишель на защиту друга. — Давай, что ли, я на вас с Труди навешаю датчиков на ночь, чтобы иметь исходный материал!

Теперь смутился Ким.

— Не помогут тебе никакие датчики, — происходящее откровенно развеселило Труди. — Я про романтическую любовь вон сколько книг читала и фильмов смотрела, но пока ко мне самой не явился прекрасный капитан на своём корвете, не представляла себе ничего похожего на то, как оно на самом деле. Так что, Ким, придётся тебе самому программировать брачный полёт у дракончиков. Так и быть, помогу тебе в том, что касается женской особи.

Глава 55

В университете Бордо

Капитан II ранга Мигель Гонсалес-первый, кряхтя, выбрался из флиттера, припаркованного на улице Командан Арну в Бордо. Давно прошли времена, когда механик торгового флота Мигель Гонсалес мог спокойно лазать по скобтрапам корабля на глиссаде при двойной перегрузке. Да и те, когда старший лейтенант свежеобразованного Военно-Космического Флота Гонсалес облазил с видеокамерой и инерциальным датчиком всю матку шияров на только что воссоединённой с человечеством планете под Осануэва. Как сейчас выясняется, именно это и было делом всей жизни, за которое Мигеля Гонсалеса будут помнить века спустя, если будут.

А теперь даже флиттер не попилотируешь. Хорошо хоть внучка Лаура разыскала где-то сумасшедших биологов — вроде тех самых, которые сейчас возятся в Клавиусе — и не менее сумасшедшего мальчишку-программиста, и они все вместе сочинили алгоритм для автопилота флиттера, который разгонял и тормозил машину так, чтобы старик Мигель не терял сознание. А то сидеть бы ему в Порт-Шамбале, словно в тюрьме, как предыдущие пять лет. Теперь хоть в Бордо можно выбраться.

Нет, кто-нибудь из курсантов, конечно, отвёз бы. Правда, Ким, который глубже всех влез в проект по изучению шияров, торчит на Луне, но здесь есть Лаура. Да и у малыша Джека

уже открыта категория «F» в лётных правах. Но одно дело, когда летаешь сам, пусть с автопилотом, пусть преодолевая боль, и совсем другое — когда тебя везут, и ты по дороге теряешь сознание. Потом ещё с Хань Сяо пришлось бы ругаться.

Впрочем, внешнему наблюдателю было бы невдомёк, что подтянутый, совершенно седой офицер — практически инвалид, не способный к самостоятельному передвижению даже в пределах планеты. Ходить пешком здоровье ему ещё вполне позволяло. Профессор Бромптон, встречавший Гонсалеса у малозаметной боковой двери университета в своём неизменном растянутом свитере, выглядел куда менее физически крепким.

— Добрый день, Айзек! Ну, как у вас тут дела?

— Вашими молитвами. Никогда не думал, что со мной будут раскланиваться в коридоре не только ректор и проректор по хозчасти, но даже завкафедрой египтологии. Техноархеология у нас всегда была в загоне, а уж на моё увлечение темой космической войны вообще смотрели как на политическую фронду. А тут ваш грант, плюс мешок обломков шияаров. Признайтесь, вы распотрошили все личные коллекции офицеров эскадры? Да ещё эта странная машинка для неразрушающей масс-спектрометрии. Теперь ко мне стоит очередь из археологов, работающих с дотехническими культурами. Всем хочется узнать технологию изготовления всяких ценных металлических украшений, а только ваша машинка даёт достаточно детальную информацию.

Гонсалес улыбнулся.

— Да, нам *моя* машинка в своё время тоже очень помогла. Я ведь выдумал её, потому что припёрло разбираться с потенциально взрывоопасными захваченными роботами. Както неохота, чтобы ты ткнул в него отвёрткой, а он от этого рванул тонн на пятьсот тротилового эквивалента. А потом её у меня оторвали с руками арктурианские археологи. У них те же проблемы — никогда не знаешь, не остался ли взрывоопасным артефакт технической цивилизации, провалявшийся миллион лет в наносах. Но ведь это было сорок лет назад. Сорок лет

все CAD/CAM файлы лежат в открытом доступе. Неужели у вас никому не пришло в голову начать это тиражировать? Ну ладно сорок — восемнадцать лет назад, когда мы начали строить свои корабли на ваших заводах. У нас эта машинка сейчас входит в аварийный комплект даже на торговых судах — мало ли на что в космосе наткнёшься.

За этим разговором они добрались до рабочего места Бромптона.

— Так вы действительно полностью уверены, что архитектура электроники шияаров имеет земное происхождение? — спросил спейсианин.

— Готов поклясться в этом на «Искусстве программирования» Кнута, — Бромптон протянул руку к полке над столом и вытащил некогда белый, пожелтевший от времени том. Гонсалес с трудом сдержал восхищённый вздох: это было очень древнее, прижизненное издание, одно из тех, где задача «доказать Великую Теорему Ферма» ещё имела сложность 50[1].

— Если так, то следы происхождения шияаров надо искать на человеческих космических верфях. Насколько я понимаю, мы оба уже начали копать этот вопрос. Как у вас успехи в этом деле?

— Покойный Дюбуа в своё время, уж не знаю, на какие шиши, но сумел выкупить в архивы университета полную бухгалтерскую документацию космических верфей Земли конца позапрошлого века. Поэтому мы можем точно сказать, где и когда строились на Земле все корабли массой более пятисот тонн. Насколько я понимаю, первая матка шияаров должна быть больше, ведь нижний предел размера скачкового корабля — тысяча тонн сухой массы.

— Шестьсот пятьдесят, — уточнил Гонсалес. — Такой тоннаж имел самый маленький из известных скачковых кораблей. Но это был межзвёздный курьер, у которого обитаемость была как у пинассы, а полезного груза влезало не более пары тонн.

[1]После того, как теорема Ферма была доказана, в третьем издании Кнут снизил сложность этой задачи до 45.

Матка же шияаров должна была нести на себе завод-автомат, способный воспроизвести её самоё, а это не менее пяти тысяч. И то, по-моему, пять тысяч — это перспективные проекты для безгравитационной среды. Для Япета вроде планировали такой. А хотя бы один взлёт и посадка на атмосферную планету дают не менее семи тысяч.

— Мы точно можем сказать, что корабли-заводы такого тоннажа на Земле не строились, а судьбу всех кораблей, которые могли быть переоборудованы, мы можем проследить. Без вести пропадали в основном тысячетонники.

— То же самое я могу сказать по Толиману, Арктуру и Бете. Можно проследить судьбу каждого корабля-завода, построенного на Авалоне после 2098 года. Один сгорел под Осануэва, остальные все на месте. Был ещё корабль-завод, потерянный вместе с первой колонией на Тау Кита-е, он клавиусской постройки, но колонисты второй волны уже раскопали его и даже задействовали часть оборудования. По Харе данных пока нет, но под ней вроде никогда и не строили кораблей-заводов. Значит, остаётся Клавиус. Там пока ещё бьются с приручением компьютера коммерческого отдела верфей, но вот, взгляните, — Гонсалес достал из кармана запаянный пакет с блоком старинной твердотельной памяти. — Мы изъяли оттуда бэкап за 29 июня 2106 года. Есть основания полагать, что после этого момента Клавиус уже не принимал заказов на строительство кораблей.

— Хочется схватить эту штуку и бежать в подвал. Там у нас есть кое-какое оборудование, способное прочитать носители столетней давности, — Бромптон аж подпрыгнул на стуле. — Но есть ещё один вопрос к вам, капитан. Вы предоставили подробнейший видеоотчет об исследовании матки шияаров. У вас там явно работало несколько специалистов. При этом вас интересовало не столько то, какие боевые роботы могут там производиться, сколько то, как приспособить эту штуку к производству техники, совместимой с человеческим программным обеспечением. Почему?

— Понимаете ли, в чём дело, — старый капитан вздохнул. — Колонизация новой планеты выглядит так: собираются около десяти тысяч человек, небедно живущих на приличной промышленно развитой планете, продают всё, что нажили за свою жизнь, и покупают три вещи: корабль-завод, проспект колонизации и билеты в один конец. Из всего этого стоимость корабля-завода составляет процентов шестьдесят. То есть его цена равна цене всей собственности примерно двух-трёх тысяч небедных семей. Дарить такой подарок системе Осануэва не может себе позволить ни одна промышленно развитая система в Галактике. Свой же корабль-завод, с которого началась цивилизация в Мире Осануэва, был уничтожен шияарами. У них уже появились вне его кое-какие металлургические мощности, которые им удалось сохранить, но ни электроники, ни тонкой биохимии всё ещё не было. То есть они по-прежнему оставались бы без надёжной связи, медицинской техники и лекарств. Купить необходимое оборудование россыпью? Наверное, это было бы возможно. Но там было всего три миллиона населения, да и вообще практически не существует товаров, которые на развитые системы выгоднее ввозить, чем производить на месте. Так что эта история могла тянуться и по сей день, и до сих пор у них там не хватало бы спутниковых терминалов, антибиотиков и томографов. И от этого умирали бы люди. Поэтому мы решили заставить захваченную матку шияаров отрабатывать, восстанавливая те разрушения, которые причинило её потомство.

Глава 56

Последний житель Клавиуса

Ким подловил Линду Раштен в каминном зале.

— Слушай, ты тут вроде единственный представитель antispace.org?

— Ну... — замялась девушка. — Была когда-то. А что?

— Да есть тут одно дело. Бромптон-таки установил, кто именно заказывал того реплицирующегося робота, потомки которого известны нам как шияары. И этот человек родился, жил и умер в Клавиусе.

— На Луне же запрещено вынашивать и рожать детей. Слишком мала гравитация.

— Так прежде, чем появился запрет, кто-то должен был попробовать. Вот Эндрю Таннер как раз и есть результат одной из таких попыток. Удалось выяснить адрес его квартиры в Большом куполе. И вот теперь я хочу её посетить и приглашаю тебя участвовать в этом как представителя антиспейса.

— Но ведь это незаконное проникновение в чужое жилище.

— В Большом куполе уже сто лет никто не живёт, так что это не грабёж, а археология. Но если тебя это так волнует, могу попросить Келли выписать формальный ордер на обыск. Будешь понятой.

Линда наконец сообразила, что имеет дело с «космическим оккупантом», который только на днях исполнял в этом самом зале старинную песню со словами: «Нам пропишут синоптики, словно лекарство, погоду, а погоду на море, пожалуй что, делаем мы[1].» Эти люди привыкли прогибать под себя не то что человеческие законы, но и погоду, гравитационное поле, расположение планет и чуть ли не циклы активности звёзд.

— А кто ещё пойдёт?

— Само собой, Труди Карпентер. Если я отправлюсь куда-то в обществе другой девушки, а её не возьму, она будет ревновать. Хотел взять ещё Мишеля Рандью, но, прочитав вот это, засомневался, — Ким вытащил из планшетки распечатку из журнала планетологической станции Клавиус-4.

Линда прочла:

> 12.11.2126 11:00 GMT. Сегодня не вышел на связь дедушка Энди, персонаж непонятного гражданства, проживающий в Большом куполе и иногда поставлявший экспедиции свежие овощи в обмен на муку и запасные части к бытовой технике. Попросил Айвена и Олега съездить к нему и проверить — может быть, он заболел.
>
> 15:00 GMT. Вернулись из Большого купола Айвен и Олег. Доложили, что старик Энди сидит в кресле перед своим компьютером, холодный и окоченевший. Предложили врачу экспедиции доктору Сарно освидетельствовать труп, после чего организовать похороны.
>
> 18:00 GMT. После консультаций с Землёй по E-Mail доктор Сарно заявил, что Эндрю Таннер не значится ни в каких базах данных, так что выписать свидетельство о смерти не представляется возможным. Поэтому он предлагает не отвлекать персонал экспедиции на организацию похорон. Обсудив

[1] Ю. Визбор, «Якоря не бросать»

> с ним этот вопрос, я наложил запрет на посещение членами экспедиции 4-го квартала Юго-Восточного сектора Большого купола сроком на один год. Через год тело должно мумифицироваться и перестать представлять эпидемическую опасность.

— Н-да, — только и смогла сказать Линда.

— Теперь понимаешь, почему я не хочу тащить туда мальчишку тринадцати лет от роду, выросшего в том же городе, что и ты? Вот нашего первокурсника я бы взял. Так что пойдём втроём.

Труди, которую они вытащили из спортзала (Линда вообще не очень понимала, почему эта девушка после достаточно тяжёлой физической работы в малых куполах ещё и так упахивается в спортзале — куда больше, чем её однокашники-марсиане, и даже куда больше, чем земляне), пришла в состояние какого-то неумеренного энтузиазма:

— Так там сто лет лежит непогребённый труп создателя шияаров? А может, его призрак чахнет там над чертежами астероидного харвестера?

Линда попыталась урезонить молодую коллегу: мол, нехорошо глумиться над покойниками.

— Скажи спасибо, что здесь нет никого из-под Осануэва, — заметил на это Ким. — Вот уж кто поглумился бы. Узнай они, что сохранился труп создателя шияаров, они бы точно тем или иным способом вытребовали его себе, залили в пластик, чтоб не развалился, и повесили на вечные времена где-нибудь около входа в Парк Памяти в Нуэва-Картахена.

Девушки быстро переоделись в рабочую одежду, и все трое спустились в тоннель, ведущий в Большой купол. Когда они добрались до трамвайных рельсов, Ким предложил подождать трамвая. Через несколько минут к остановке подъехал робо-трамвай, ходивший тут ещё при жизни Эндрю Таннера и, обнаружив ожидающих людей, остановился и открыл двери.

Когда вагон тронулся, Труди вдруг задумчиво произнесла:

— Ким, а ведь если бы не он, мы бы с тобой никогда не встретились.

— Хуже. Если бы шиаяры не атаковали Землю, а арктурианцы, отбив их, не основали Порт-Шамбалу, я бы, скорее всего, вообще не стал тем, кто я есть. Сидел бы, как в тюрьме, в сиротском приюте где-нибудь в Дублине и считался умственно отсталым асоциальным злобным типом. Поэтому предлагаю, если мы действительно найдём труп, кремировать его по-человечески, пока до него не добрались осануэвцы.

— Ты же вполне взрослый парень, — удивилась Линда. — Из приютов вроде выпускают после достижения совершеннолетия.

— Это по нашим спейсианским понятиям я взрослый. А по вашим земным шестнадцать лет — ещё несовершеннолетний.

Линда ещё раз оглядела парня и задумалась. Рослый, на полголовы выше неё, мускулы слегка выпирают через идеально сидящую рабочую форму ВКФ, всегда спокойный, уверенный в себе. С того самого момента, как на пороге альпийского приюта в клубах тумана возникли четверо в камуфляже и касках, она подсознательно воспринимала Кима как ровесника. Мара и Лаура всё же выглядели помоложе, курс этак на второй-третий земного университета. Мишель как-то прошёл мимо её внимания. А Ким вёл себя совершенно по-взрослому. И когда он возился с ней, обучая её разбирать-собирать гауссовку, и здесь на Луне, когда в спортзале курировал марсиан и этих двух подростков из шварцвассеровской лаборатории, было видно, что преподаванием он занимается не впервые в жизни. Ну никак он не тянул меньше, чем на аспиранта.

— А почему асоциальным и злобным? — тем временем поинтересовалась Труди.

— Потому что земные приюты всех стригут под одну гребёнку. А я под эту гребёнку категорически не подхожу. На Земле уже лет двести нет приютов, которые готовят офицеров. В каком-нибудь кадетском корпусе XIX века, может, я и вписался бы в образ жизни. А тут... Но вообще в семье со мной возились

даже больше, чем с родными детьми. На Мару могли и прикрикнуть, чтобы не капризничала, а со мной всегда старались разобраться, что не так. Ну а Келли — он вообще старший, если что, на нём вся ответственность. Пока он в юнги не ушёл.

Ким ещё долго вспоминал своё детство в Порт-Шамбале и в юнгах. С точки зрения Труди это было детство как детство. Кому-то достаётся менее интересная работа в подмастерьях, кому-то более. Пожалуй, она не променяла бы свою работу на его, хотя успела побывать только на двух планетах — родном Марсе и Фобосе, а не на десятке, которые успела посетить Солярная эскадра за те три года, пока Ким служил в юнгах. Зато она видела и хандрамиты, и купола рудничных посёлков, и Гелиум — и не так, как видит их отпущенный в увольнение космонавт, а изнутри, можно сказать, с самой изнанки. А вот для Линды это всё было совершенно не похоже на тот мир, который знала она.

Трамвай подъехал к нужной остановке, и Ким мгновенно переменился. Вместо парня, флиртующего с двумя девушками одновременно, появился рейнджер, сопровождающий гражданских лиц через малознакомое опасное место.

А место и правда было странноватым. Когда-то здесь был сельскохозяйственный пригород Клавиус-сити, маленькие домики, разбросанные среди полей. Но за сотню безлюдных лет заброшенные поля заросли кустарником и тем самым тонкоствольным клавиусским лесом, поэтому домик Таннера было не так просто найти. Киму даже пришлось кое-где прорубать дорогу.

Наконец они добрались до домика. Рядом с ним был мощёный дворик, который сумел устоять против наплыва вездесущей клавиусской флоры. Под дряхлым пластиковым навесом в углу стояли несколько насквозь проржавевших квадроциклов, и лежала куча всяких сельхозорудий. На двери домика по-прежнему болталась на стекловолоконном шнурке пластиковая печать Лунной Планетологической базы.

Ким решительно сорвал печать и шагнул внутрь. Миновав

небольшую террасу, он распахнул дверь в комнату, окна которой закрывали жалюзи. В ней в полутьме перед выключенным компьютером сидел... На первый взгляд им показалось, что просто невысокий и очень худой старик. Со второго взгляда стало понятно, что это высохшая мумия.

— Труди, собери каких-нибудь сухих веток на дрова, — скомандовал Ким. — А ты, Линда, помоги мне его вытащить.

Вдвоём они выволокли почти невесомый труп на двор и аккуратно положили его на брусчатку, потом натаскали довольно большую кучу хвороста. Ким вытащил из рюкзака бутылку с какой-то жидкостью и обильно полил этот хворост. Они аккуратно положили труп на костёр, сложив ему руки на груди, и Ким, встав у изголовья, сказал короткое прощальное слово. Затем он вытащил из кармана небольшой предмет, что-то дёрнул и бросил его в дрова. Те моментально вспыхнули по всей длине костра, и через несколько минут на брусчатке остался только пепел и несколько угольков.

— Всё, печальный долг выполнен, — сказал курсант. — Теперь можно спокойно заняться сбором информации.

Глава 57

Дневник трансгуманиста

На столе рядом с клавиатурой лежала тетрадь в клеёнчатом переплёте. Линда тут же цапнула её и начала листать.

— Поосторожнее, — проворчал Ким, пытавшийся оживить компьютер Таннера с помощью притащенного с собой аккумуляторного блока питания размером с хороший кирпич. — Вдруг оно рассыплется в пыль у тебя в руках.

— А, — беззаботно отмахнулась она, — в XXI веке умели делать бумагу. Это далеко не первый бумажный документ, который мы находим в главном куполе, и ещё ни один не рассыпался. Смотрите-ка, это его дневник. Почему-то самые важные события жизни он писал не в компьютер, а в эту тетрадь.

— Правильно делал, — ответил Ким. — Всего сто лет прошло, а толку с того компьютера... Сейчас сниму блоки постоянной памяти, так придётся везти их на Землю, в Бордо к дяде Байку, который у вас на форуме Айзек Бромберг. Может, он сумеет что-нибудь оттуда выковырять.

— Первая запись тут сделана в 2067 году...

«14 сентября 2067 года. Сегодня окончательно выяснилось, что на Землю мне нельзя. С мечтой поступить в MIT придётся распрощаться. Надо что-то придумывать. К сожалению, все программы дистанционного образования на Земле

рассчитаны на пинг меньше 50 миллисекунд. Такой интернет там есть даже в самой глуши. А до нас — две с половиной секунды.»

«2 ноября 2067 года. Вернулся с собрания. Наконец-то хотя бы часть из нас — тех, кто родился здесь между пятидесятым и пятьдесят пятым годом, когда ввели запрет на роды на Луне — осознала, что у нас есть общие интересы, и надо объединяться.»

«12 июля 2071 года. Энн, подруга Макса, попыталась обратиться к врачу по поводу беременности. Сначала её чуть было не запихнули в ракету для отправки на Землю, как в таких случаях поступают с земнорождёнными женщинами. Но ей всё-таки удалось донести до врачей, что ей нельзя на Землю согласно справке, выданной ими же самими. Разбирательство тянулось три часа. В конце концов решили, что запрет на вынашивание детей на Луне главнее прав рождённых здесь. Энн сделали аборт по жизненным показаниям. Поскольку пребывание на Земле опасно для её жизни, а вынашивать ребёнка можно только на Земле, значит, с точки зрения официальной медицины детей она иметь не может.»

«3 августа 2071 года. Обсудили на собрании лунноpождённых идею отделиться от земной колонии. Увы, не тянем. Любое стационарное поселение будет немедленно принуждено к повиновению военными средствами, а жить номадами здесь не получится. Для того, чтобы выжить на Луне, человеку нужны многогектарные купола с растительностью, а также рудники и заводы, чтобы обеспечивать всё это запчастями и техникой.»

«12 мая 2073 года. Только что по всем новостным каналам пробежало сообщение, что в Солнечную систему вернулся корабль Игоря Венёва, первого из людей, побывавшего в соседней звёздной системе. Какой-то новый физический принцип — и звёзды стали ближе. Открыта землеподобная планета в системе α Центавра. Это явно должно как-то сказаться на нас, живущих на Клавиусе. Вопрос в том, как именно.»

«20 ноября 2074. Лина хочет завести ребёнка, невзирая на запрет. Это значит, что на протяжении всей беременности ей придётся скрываться. Мне страшно. Штудирую онлайн-курсы по акушерству, но без практики толку от них никакого. А практика возможна только на Земле.»

«20 июля 2075. Уговариваю Лину сдаться врачам, хотя бы когда начнутся схватки. Пусть на Луне и нет акушеров, но есть врачи, у которых это было в образовании, есть аппаратура для переливания крови, хирургические инструменты, да мало ли что ещё...»

«3 августа 2075. Лина умерла родами. Ребёнок тоже не выжил. Меня арестовали прямо у её постели и будут судить за неоказание помощи. Мне уже всё равно. Что они могут мне сделать? В худшем случае — убить под гуманным предлогом „отправлен отбывать наказание на Землю".»

«15 сентября 2075. Приговорили к двум годам исправительных работ. Суд принял во внимание то, что везти меня на Землю нельзя, а в Клавиусе не предусмотрено мест лишения свободы.»

«19 января 2076. Джейк, идиот, решил, что наказать лунноpождённых нельзя, и стал готовить самый натуральный заговор с целью отделения от Земли. Естественно, его повязали и отправили сидеть на Землю.»

«3 июля 2076. Джейк умер в тюрьме. Значит, и вправду путь на Землю нам заказан. В мире стало на одного лунноpождённого меньше.»

«20 октября 2077. Официально отбыл наказание. И в качестве подарка на моё освобождение мэр Клавиуса взял и официально запретил наш Союз Лунноpождённых.»

«15 апреля 2082. Интересно, скоро ли состоится первая межзвёздная война? Колонисты под другими звёздами явно ведут себя так, как будто Земли с её правительствами и законами вообще не существует.»

«30 ноября 2082. Наш Клавиус всё меньше и меньше походит на город и всё больше — на какую-то вахтовую научную

станцию. Если наши родители прилетали сюда жить, если ещё 10 лет назад никого не удивляло то, что я прожил в Клавиусе всю жизнь и не собираюсь его покидать, то сейчас у вновь прилетающих все мысли о том, куда они поедут отдыхать после того, как отработают здесь несколько месяцев и получат отпуск. Даже дома у них не дома, а что-то вроде гостиничных номеров.»

«5 января 2085. Во время выхода на поверхность Луны погиб Макс. Нас, луннорождённых, теперь всего 19 человек. Бедняжка Энн осталась вдовой. Как бы она руки на себя не наложила.»

«15 февраля 2085. Прямо на сороковинах Макса сделал предложение Энн. К моему удивлению, она сразу же согласилась. Говорит, так теплее. Все сорок дней она просидела на транквилизаторах. Надеюсь, мне удастся её оттаять.»

«15 марта 2085. Когда меня увидели на улице под руку с Энн, то пригласили в HR-департамент мэрии и заявили, что тесные контакты с другими луннорождёнными будут рассматриваться как проявление нелояльности, что несовместимо с работой с жизненно важными системами купола. Энн рассказала, что ей втирали то же самое, только про секретные документы. Откуда, кстати, у нас в Клавиусе взялись секретные документы? От кого таиться?»

«24 марта 2085. Уволились с Энн с муниципальной службы и купили домик с фермой в сельскохозяйственном секторе Большого купола. Это максимум независимости от властей, которую может позволить себе человек в Клавиусе. До нас эту ферму держал одинокий холостяк, который жил здесь с момента заселения Большого купола. И вот теперь врачи настоятельно рекомендуют ему вернуться на Землю, пока в организме не возникли необратимые изменения, делающие это невозможным. Естественно, отдавать свою ферму вахтовикам он не хотел, и мы оказались весьма кстати. Случился забавный торг: он хотел взять с нас поменьше, понимая, что другого шанса получить постоянных жителей на созданную

им ферму у него не будет, а мы хотели дать ему побольше — ведь на Земле ему придётся сначала долго адаптироваться, а потом ещё как-то устраиваться. Пенсия же в ближайшие десять лет ему вряд ли светит — он ни дня в жизни не проработал на крупные корпорации, всегда был независимым фермером, значит, только государственная, по возрасту.»

«1 ноября 2085. Познакомился с космонавтом, работающим на колонизационных линиях. Посидели, пообщались. До чего же нечеловеческая психика у тех, кто называет себя „нектон". Неужели мы, луннорождённые, со стороны выглядим так же необычно? Прихожу к мысли, что если нельзя калечить людей жизнью при 1,6м/с^2, то также нельзя калечить и работой межзвёздными перевозчиками. Кстати, у них на жилых палубах кораблей сила тяжести вполне сравнима с нашей лунной. Наверное, должна быть специальная раса, которая занимается перевозками, точно так же, как специальная раса, живущая на планетах, подобных Луне или Марсу.»

«15 января 2086. Устроился инженером на верфь, а Энн туда же в отдел продаж. Оказывается, в Клавиусе настоящий кораблестроительный бум. Никого на верфи не волнует ни моя неблагонадёжность, ни филькина грамота, которая у меня вместо диплома. Строятся в основном тяжёлые транспорты с двигателями Ангстрёма.»

«7 октября 2087. На верфь принесли заказ на самовоспроизводящийся робозавод для разработки ресурсов в поясе астероидов. Удивительно, как они рассчитывают найти инвесторов. Сейчас все с ума посходили от землеподобных планет. Но для целей создания косможивущей расы проект подходит идеально. Только оборудовать матку-завод двигателями Ангстрёма и переписать софт. На всякий случай скопировал всю проектную документацию.»

«20 мая 2089. Неожиданно набрёл в сети на тусовку единомышленников. В смысле — людей, которые считают, что для освоения космоса нужно создавать искусственные разум-

ные расы. Они (или уже мы) называют себя трансгуманистами. Я, как живая редкость, луннорождённый, обрёл в их среде довольно большую популярность. Узнал, что, оказывается, марсианская колония сумела преодолеть тот барьер, который в своё время помешал лунной колонии стать настоящим поселением. Марсиан не остановила высокая детская смертность, и там не запретили вынашивать и рожать детей. Может быть, потому, что Марс — это слишком далеко, и отправлять беременную женщину оттуда на Землю — значит подвергать её большой опасности. Сейчас у них там перекрытые каньоны в сотни километров длиной и десятки шириной. Целая страна, не то что наш купол, которым в своё время так гордились мои родители.»

«30 мая 2089. На трансгуманистском форуме подсказали, где можно взять основу для личностной составляющей софта моих роботов. Есть такая игра „Социотехническая лига", там действует множество NPC, которые уже не один десяток лет конкурируют и эволюционируют.»

«14 июня 2089. Заказал на верфи несколько квадроциклов-сельхозроботов. Попробую вселить в них бессмертную душу на основе искинов из „Социотехнической лиги". А то с этим валом заказов нам с Энн совершенно некогда заниматься фермой.»

«8 октября 2090. Эксперимент с роботами для фермы можно считать удачным. Мы с Энн обрели даже не слуг — товарищей. Единственное «но»: это не полноценные существа, они не умеют воспроизводить себя. Начал сбор средств в трансгуманистской тусовке на реализацию проекта астероидного корабля-завода-улья. По вечерам потихоньку довожу проект до рабочих чертежей.»

«12 июня 2092. Организуется колония на спутнике водного гиганта в системе Проциона. Планетка размером с Марс, но на водном гиганте нашли какую-то жизнь, некоторые даже утверждают, что разумную. Хотя другие говорят, будто это что-то вроде земных бобров, только стайные. Почти

все наши луннорождённые записались в колонисты. Нас тут останется четверо — кроме нас с Энн только Феликс и Джесси.»

«20 декабря 2096. На верфь поступил очень странный заказ: серия из трёх огромных кораблей, оснащённых большим количеством малых аппаратов, способных входить в атмосферу. Похоже, арктурианские колонисты скоро дождутся своего Брендивайна[1].»

«26 августа 2098. Боевая эскадра, которую в марте с такой помпой провожали из Клавиуса, с позором вернулась в Солнечную систему. Хорошо хоть, никого не убили. По полученным сообщениям, колонисты угрожали уничтожить корабли с помощью какой-то восстановленной древнеарктурианской штуковины. Я бы на месте их адмирала тоже не сомневался в том, что древнеарктурианские штуковины бывают. За последние пятнадцать лет мы здесь в Клавиусе построили для колоний не меньше трёх десятков кораблей-заводов, которые просто набиты арктурианскими технологиями.»

«18 июля 2099. Удивительно, как быстро опустел Клавиус после разрыва с колониями. Оказывается, все мы тут существовали только за счёт обеспечения перевозок колонистов. Больше половины мощностей верфи простаивает, количество вахтовиков сократилось раз в десять. Надо попробовать уговорить начальство на строительство астероидного завода-робота. При нынешних ценах денег, собранных трансгуманистами, может и хватить. Тем более, что инженерную проработку за прошедшие десять лет я сделал практически полностью.»

«20 февраля 2101. Ура, оно улетело! Корабль строился полтора года, и это при неполной загрузке верфей. Начали давать сбои рудники — всё-таки они рассчитаны на управление людьми, а людей в Клавиусе становится всё меньше и меньше. В качестве цели полёта я обозначил 78 Большой Медведицы.

---

[1] Сражение при Брендивайне произошло во время Войны за Независимость английских колоний в Северной Америке.

Это правда. Все пилотируемые экспедиции пока что работали не дальше 50 световых лет от Солнца, а тут 83. Прежде чем жадные люди успеют добраться до этой системы, мои творения размножатся и, может быть, даже начнут свою Экспансию. Благо для их обитания пригодно гораздо больше звёздных систем, чем для людей.»

«21 марта 2108. Сегодня мэр официально заявил нам с Энн, что Клавиус эвакуируется. Перед теми, кто остаётся, земное человечество не несёт никакой ответственности. Хорошо так нас списали. Нас тут осталось двое. Впрочем, в одном из малых куполов продолжает действовать научная экспедиция Института Солнечной системы, так что совсем без общения с людьми мы не останемся.»

«28 сентября 2116. Умерла Энн. Я остался один со своими роботами. Для планетологов я — сумасшедший старик-фермер из Главного купола. Они с удовольствием покупают у меня свежие продукты, привозят мне необходимые запчасти, но отношения как-то не сложились.»

На этом записи в дневнике кончались. Из журнала планетологической станции наши герои знали, что Энди Таннер прожил ещё десять лет, но, видимо, за эти годы не случилось никаких достаточно важных событий, которые заслужили бы занесения на бумагу.

— Бедняга, — сказала Труди. — Он прожил тут больше семидесяти земных лет. За это время он мог бы стать родоначальником целого народа. А ему не дали. Результат — одинокая смерть в пустом городе, и даже не похоронили.

— Мне иногда стыдно за то, что я землянин по крови, — опустив глаза, пробормотал Ким.

— Ребята, вы что? — удивилась Линда. — Уже по его поколению было видно, что из пяти детей, родившихся на Луне, выживает один. И этот один потом не сможет вернуться на Землю.

— Линда, кому ты это говоришь? — внезапно распалилась

Труди. — Я, между прочим, марсианка и прекрасно знаю, какая цена заплачена за то, чтобы вот такая я могла родиться и вырасти под плёнкой хандрамита Офир. У нас в первые десятилетия колонизации детская смертность была как в грёбаном XVIII веке. Только к тридцатым годам научились делать правильную генокорекцию детям, которые родились неприспособленными к марсианским условиям. До этого было непонятно, в какую сторону корректировать.

— Тридцатым годам какого века? — не поняла Линда.

— Нашего, марсианского. У нас он пока первый и единственный. По нашему календарю сейчас девяносто четвёртый год Колонизации, — пояснила марсианка и продолжила: — Хочешь, спроси у мастера Брукмана. Он из третьего поколения и ещё помнит живыми тех героинь, которые рожали по двенадцать-пятнадцать детей, а до взрослого возраста доживали трое-четверо, да и из тех кто-то погибал в экспедициях или на строительстве хандрамитов, не успев обзавестись своим потомством. У нас только три года назад — я уже подмастерьем была — торжественно праздновали день, когда марсиан, имевших детей, за всю историю Марса стало больше, чем умерших бездетными.

— Но ты-то собираешься на Землю.

— Собираюсь. Мы были вынуждены отработать систему подготовки к визитам на планеты с 10 м/с^2, потому что техническая цивилизация в четыре миллиона человек не может быть жизнеспособна сама по себе. Без контактов с другими колониями нам бы не выжить. А все остальные обитаемые миры — разве что кроме Сиэсса, но там ещё меньше народу, — почему-то планеты с кислородной атмосферой не меньше 100кПа и гравитацией в 8-12 м/с^2. Я думаю, и потомки Таннера что-нибудь придумали бы. Вообще, ему надо было сбегать со своей девушкой к нам. В наши десятые годы, когда им тут запретили иметь детей, между Марсом и Землёй летали достаточно регулярно. Но, видимо, тогда у них не было денег на билет. А потом, когда он набрал денег на целый корабль-завод, уже и рейсов почти

не было, и незачем стало, наверное.

Пока Линда с Труди обсуждали возможные альтернативные варианты судьбы Таннера, Ким стоял, прислонившись к косяку, и по его шее стекали капли холодного пота. До этого ему как-то не приходило в голову, что такое перебраться с Марса на Землю. Что сила тяжести, привычная для него с детства, для его Труди — двух-с-половиной-кратная перегрузка. Ким знал, что такое двух-с-половиной-кратная перегрузка — нельзя три года прослужить юнгой на военном корабле и не знать этого. Но «Лиддел-Гарт» мог развивать такое ускорение от силы несколько минут. А чтобы месяцами и годами?

Глава 58

На краю бассейна

Набросив халат на голое тело, Линда вышла из душевой к бассейну. С появлением в Клавиусе марсианской молодёжи, совершенно лишённой стеснительности, бассейн малого купола окончательно превратился в нудистское заведение. Вот и сейчас молодёжная компания азартно играла в водное поло.

Линда попыталась посчитать их по головам, однако они слишком быстро двигались. Но дело явно не ограничилось практикантами-экотехниками. Несомненно, Ким тоже участвует, хотя марсиане и ворчат, что, мол, курсанта ВКФ с его уровнем физподготовки ни в коем случае не следует подпускать к командным играм. И всё равно их там явно больше. Они что, шварцвассеровских подростков в игру затащили? Могли. А Мориц не там? Если его с его ростом выпустить против Кима, пожалуй, преимущества будут скомпенсированы. А вот вагабовские ребята почему-то подчёркнуто дистанцируются от экотехников...

Двое аспирантов-планетологов, Харальд и Джефф, те самые, которые в первой вылазке в Большой купол помогали Маре тащить Линду из болота, сидели на краю бассейна в шезлонгах и наблюдали за игрой, потягивая что-то из больших пластиковых стаканов.

— Привет. Что это вы пьёте?

— Марсианский сидр. Ким привёз целый контейнер вкусняшек. Присоединяйся, — жестом фокусника Джефф извлёк из-под шезлонга здоровенную, литров на восемь, пластиковую бутыль с этикеткой «Сады Герьона»[1] и стопку полулитровых пластиковых стаканчиков.

Линда взяла стакан, бросила взгляд на светящее через прозрачный купол Солнце, потом на бассейн, где явно не получится спокойно, в неспешном темпе поплавать, пока там не прекратится эта куча мала, потом решительно скинула халат и расположилась в шезлонге, стоящем боком к тем, на которых сидели планетологи. Ребята старательно сделали вид, что не смотрят в её сторону, хотя сами были одеты так же.

— А не обгоришь? — спросил Джефф.

— Не-а, главное — не увлекаться. Минут пятнадцать я сейчас могу позагорать.

— Слушай, Линда, — продолжил Джефф, — вроде ты имеешь дело с этими ребятами куда больше, чем мы. Может, ты понимаешь, почему они такие?

— Какие «такие»? Не такие, как мы? Ну чего же ты хочешь — это другая культура, уже чуть ли не десять поколений живут в других условиях. А так для пятнадцати-шестнадцатилетних ребят, увлечённых какой-нибудь наукой — вполне нормальные.

— Пятнадцатилетних? — ахнул Харальд.

— Да я тут на днях сама чуть не села на пол, когда Ким сказал, что ему шестнадцать. Я думала, уж двадцать-двадцать два ему точно есть. А если ты спросишь марсиан, сколько им, они ответят «восемь». Восемь марсианских это как раз примерно пятнадцать земных. Они тут все на практике старшего курса колледжа, даже если у кого-то он называется Военно-Космической Академией. Так что вполне нормальные мальчишки-девчонки. Купаются, видишь, в мячик играют, влюбляются друг в друга. В свободное от практики время. Мы, что ли, на младших курсах были не такие?

[1] Горы Герьон — горный хребет на дне каньона Ио.

— Ну, насчёт влюбляться... Мы в их возрасте прилюдно целовались, ходили в обнимку у всех на виду. А они какие-то асексуальные. Вот бултыхаются сейчас в воде безо всего, хватают друг друга за руки-за ноги — и ничего.

— Не знаю... У нас в этом возрасте был какой-то привкус запретности, надо было урвать, ухватить кусочек чувственного удовольствия, пока старшие не осудили. А они уверены, что им можно. Это вообще ключевая идея их воспитания. Именно для этого нужны их пресловутые бета-листы с длинным перечнем экзаменов. Не потому, что нельзя тому, кто не сдал, а потому, что можно тому, кто сдал. Вот гуляет ребёнок лет четырёх-пяти по городу один. Естественно, взрослые поинтересуются, не заблудился ли он — а он покажет бета-лист с правом на свободное передвижение по городу. Всё, полицейский отдаёт честь, и маленький человек идёт куда-то по своим делам. К четырнадцати-пятнадцати годам они настолько привыкают, что можно всё, только получи галочку в бета-лист, что мысль заняться сексом, не сдав соответствующего экзамена, у них просто не возникает. А если галочка есть, то вопросов у окружающих по поводу «куда это ты поволокла парня» бывает примерно столько же, сколько у нас таких вопросов к молодожёнам. Если приглядеться к ним поближе, будет видно, что они все уже разбились на парочки и оказывают друг другу не меньше мелких знаков нежности, чем влюблённые у нас. Это не так бросается в глаза, но когда мы тут втроём с Кимом и его девушкой разбирались с наследством Таннера, мне периодически казалось — они прилагают явные усилия, чтобы я не почувствовала себя третьей лишней.

— С трудом могу себе представить, как наши подростки прилагают какие-то усилия, чтобы какая-то посторонняя тётка на десять лет старше не чувствовала себя третьей лишней.

— Естественно. Если всю твою жизнь взрослые ставили тебя на место, то как только у тебя появляется возможность их игнорировать, ты будешь это делать. И даже слегка демонстративно. К тому же для Кима я не посторонняя тётка, а «та

девушка из антиспейса, которая не побоялась взять в руки настоящую гауссовку». Этакий забавный любимец, вроде дикой кошки, которая иногда берёт еду из рук и даже позволяет себя погладить, если есть настроение. Всё-таки Земля для них немножко зоопарк, — на миг лицо Линды омрачилось, но тут же снова разгладилось. — А вообще из них так и прёт позитивная энергия. Такое впечатление, что они непоколебимо уверены, что мир принадлежит им. Труди показывала мне один ролик про ландшафтный дизайн в Мире Осануэва, так там фоном шла такая песня про Белую землю...

— Это где «варится суп с консервами»? — перебил Джефф.

— Ну да. И ещё там альбом с гравюрами.

— Знаю я эту песню, — он дотянулся до коммуникатора, лежавшего на стопке вещей рядом с шезлонгом, и несколько раз ткнул пальцем в экран. Из аппарата раздались гитарные аккорды:

На самый край белой земли, на краешек[2]
Мы добрались, долгой тоской намаявшись.
Сердцем пойми эти снега, пожалуйста,
Вот тебе мир, делай его, не жалуйся.

— Она? — спросил планетолог, поставив запись на паузу.

— Она, — кивнула Линда. — Ключевая фраза уже прозвучала: «Вот тебе мир, делай его, не жалуйся.» Если у тебя есть мир, который можно делать своими руками, то можно вытерпеть всё, что угодно. Когда Труди под впечатлением от дневника Таннера рассказывала о первых годах марсианской колонии, я сначала не поняла, как можно было терпеть такое в XXI веке. У них там поначалу была просто жуткая детская смертность. Но потом я поняла, что если у тебя есть мир, и твои выжившие потомки его унаследуют, можно пережить даже это. Вот и эти ребята... тут важно даже не то, что у них теперь есть Клавиус. Важно то, что они росли в среде, где мир принадлежит им.

[2] песня Ю. Визбора

У нас на Земле мир сделан кем-то, причём настолько давно, что мы забыли этого кого-то и объявили его богом. В лучшем случае легендарным отцом-основателем, почти тотемом. А они — ученики Марселя Брукмана, который в их возрасте ещё застал живого Генри Фишера, человека, создавшего само понятие «хандрамит».

— Ну и что? — удивился Харальд. — Какая разница, десять или тысячу поколений назад жили те, кто построил города? Ведь города уже всё равно построены.

— Может, дело и не в числе поколений. Вон под Арктуром, говорят, до сих пор стоят города, построенные миллион лет назад совсем другой расой. Но у нас, как правило, подросткам говорят «не трогай то, не трогай сё, испортишь, опасно». А им — можно. Можно летать, можно возиться с сельскохозяйственными роботами и станками, и никто не будет особенно придираться к испорченным заготовкам. В этой строчке важно не только «вот тебе мир», но и «делай его». Вот когда я осознала смысл того, что Труди отдала мне в первый купол в качестве теледубля свой личный экзоскелет...

— А зачем он ей на Луне-то? — не понял Харальд.

— Она на Землю хочет. Дело даже не в том, что у неё парень с Земли, а в том, что есть предлог посмотреть ещё один мир. А она росла на Марсе. Представь себе — она росла при четырёх метрах в секунду за секунду, а попадёт в мир, где десять. Вот тебя на Юпитер пустить без экзоскелета...

— Когда рейс? — хором выдохнули ребята. А потом Джефф продолжил: — Линда, не забывай, что мы планетологи. Поэтому, если нам дать шанс попасть в совсем новый мир, мы наплюём и на двухсполовинную силу тяжести, и на всё, что угодно. Справимся как-нибудь.

— И вы ещё зачем-то спрашиваете меня, какие они! Да в зеркало посмотрите. Такие же, как вы. Только вы привыкли считать себя чем-то особенным — Международный Институт Солнечной системы, передовой отряд человечества. А у них вся планета такая.

— Нет, мы всё же не такие. Они совсем без комплексов. Сама же говоришь, что если им нравится девушка, то они подходят и прямо говорят об этом. Словами через рот. А я вот второй месяц не могу это сказать...

Линда на секунду задумалась, затем внимательно посмотрела на залитые краской щёки Джеффа.

— Но сейчас-то сказал?

— Ну... — попытался ещё немного позаминаться тот, но всё же решился: — Давай считать, что сказал.

— Тогда я пошла плавать, — Линда встала с шезлонга. — А то ребята уже наигрались и вылезают.

Проходя мимо Джеффа, она мимоходом взъерошила ему волосы. И эта короткая ласка сказала им обоим больше, чем много-много сбивчивых объяснений.

Глава 59

Сделка века

Линда сидела в полутёмном каминном зале рядом с Джеффом. Вот так просто сидеть, смотреть на огонь, касаться руки рукой и ни о чём не говорить. Всё и так понятно.

В противоположном углу почти так же сидели Ким и Труди. У тех, правда, в руках были планшеты, и они что-то на них делали, каждый своё. Но тоже рядом, касаясь друг друга.

— Ой, — вдруг воскликнула на весь зал марсианка. — Это как понимать? Ким, взгляни…

Тот заглянул ей через плечо и пропел на мотив «Белой земли»:

> Тлеет костёр, варится суп с нахалами,
> Скажут про нас: мало, ребята, мало вам…

— Пойду притащу сюда этого великого хакера, — прибавил Ким, исчезая в коридоре, ведущем к спортзалу. Через пару минут он вернулся обратно в сопровождении Мишеля Рандью, одетого в футболку и спортивные трусы.

— Вот, смотри! И как это называется?

— Протокол о намерениях это называется. А что ты хотел? Чтобы искин, написанный для стратегической игры, не попытался самостоятельно заключить сделку на фрахт космических кораблей?

Линду разобрало любопытство, и она подошла к молодёжной компании.

— Что у вас тут такое интересное?

— Да вот, понимаешь, в своё время я написал искусственный интеллект — аватара, чтобы он общался в земных чатах вместо Труди, которая на Марсе не могла сидеть в чатах из-за времени прохождения сигнала. Пока Труди возилась тут с малым куполом, она за ним не следила. А он взял да заключил с каким-то китайцем договор о поставке на Марс земных деликатесов, — сообщил Миранду.

— Если бы с «каким-то»! — добавил Ким. — А то ведь с Ли Чангом, одним из боссов малайской мафии! Это его подручные осенью занимались морским пиратством, а Келли Лависко с Мишелем Карсаком их топили. Помнишь, Мишель показывал вам запись в Хохшвабе?

— И что вы теперь будете делать?

— Консультироваться. По крайней мере, Келли точно надо поставить в известность. Но, может, гуру тоже что-нибудь подскажет. И бабушка Тордис.

— А гуру — это кто?

— Дедушка Тадек, то есть адмирал Лависко-первый. Это такая внутрисемейная игра, что я его чела, а он мой гуру.

Ответ от бабушки Тордис не заставил себя ждать.

```
From: earth!gunnardottir
To: moon!klavius!lancer
Subject: Re: Мафиозные прожекты

Ким!

А вы с Труди не тушуйтесь, а попробуйте реализовать
это предложение.  Конечно, допускать, чтобы Ли Чанг
владел долей в каких-то космических кораблях, не
стоит. Но Труди явно положен бонус за то, что она
придумала, как обойтись без строительства новых
куполов в проекте Вейссмана.
```

Поэтому производственными мощностями Клавиуса вы можете пользоваться вполне свободно.

Возьмите в долю того, кто там сейчас работает из шварцвассеровских аспирантов, пусть он вам сделает технологическую проработку под местное производство - это процентов 15, не больше.

Если команда Ли Чанга будет только обеспечивать логистику, а корабли формально принадлежат Труди, то всё в порядке: Труди как гражданка Марса попадает под Антверпенский договор, и парусная линия Земля-Марс существует примерно на тех же правах, что и Терранет.

В общем, подумайте.

Тордис

P.S. А парнишка, который написал искин, способный на такие сделки, явно заслуживает галочки на экономическую самостоятельность в бета-листе.

Кроме Морица, Ким привлёк к этой операции Ганса Пфельце, и очень быстро нарисовался состав будущего торгового флота линии Земля-Марс. Предполагалось, что в него войдут четыре солнечных парусника-робота, которые будут на автомате ходить между околоземной орбитой и Фобосом, шаттл-лэндер для Марса и шаттл для Земли.

Помимо этого, был предусмотрен корабль для перевозки туристов, поскольку Киму было очевидно, что тускубы, которые можно выручить, продавая на Марсе земные деликатесы, Ли Чангу низачем не сдались. Их нужно как-то обратить в земные деньги. А поскольку на Марсе нет почти никакой экзотики, которую можно взять и положить в контейнер, но зато полно экзотики, которую можно ощутить, прилетев туда, наиболее перспективным способом заработать уорлдо, потратив туску-

бы, была организация туризма. Из десяти миллиардов землян почти наверняка найдётся несколько тысяч, желающих слетать в отпуск на Марс и готовых это оплатить.

Конечно, можно было бы возить туристов ещё и на Луну — и ближе, и дешевле. Но, посовещавшись с Тордис и адмиралом Лависко, Ким и Труди решили этого не делать. Вот когда в Клавиусе потихоньку, по мере восстановления его промышленного потенциала, появится кое-какое население, готовое взять на себя обслуживание отелей, тогда другое дело. А пока весь обслуживающий персонал, завезённый специально под этот проект, окажется людьми Ли Чанга. Кому это надо?

Глава 60

Экскурсия в Мадуродам

Пинасса приземлилась в Швехате около полудня. К тому моменту, когда Ганс и Мишель добрались до дома, занятия в школе уже кончились, и Ганс отправился разыскивать Эльзу.

Та сидела на скамейке и сосредоточенно о чём-то грустила. Рут прыгал вокруг и пытался как-то развеселить её, но у него ничего не получалось.

— Привет. Ты чего такая грустная? — спросил Ганс.

— Поездка в Мадуродам накрылась.

— Какой такой Мадуродам? — удивился мальчик.

— Ты прямо с как Луны свалился! Нам уже две недели как обещали устроить поездку всем классом в Мадуродам — это в Голландии, говорят, круче Диснейленда. А сегодня я помогала маме в лавке, и тут зашла фрау Ирмгард и, пока покупала, рассказала, что в департаменте образования случилась нехватка... Да ты не слушаешь!

— А что, это так заметно? — мысли Ганса и в самом деле были о чём-то другом.

— Что «это»?

— Что я только что с Луны. Барбара обещала, что если я буду выполнять все упражнения на тренажёрах, то никто и не заметит, что я провёл на Луне две недели. А тут я прилетаю, и ты с первого же взгляда...

— Не расстраивайся, я это просто так сказала. Поговорка такая… А ты что, действительно был на Луне?!

— Ну, был. И Мишель Рандью тоже. Там вообще сейчас работает пол-лаборатории, а ещё курсанты военно-космической академии и несколько марсианских экотехников.

На следующий день Ганс подловил фрау Ирмгард в коридоре, когда этого не видел никто из школьников, и спросил, можно ли что-то сделать… скажем — подкинуть денег.

— Что, так хочется в Мадуродам? — удивилась учительница.

— Да не мне. Мне-то что — если я захочу побывать в Мадуродаме, то могу подойти в лаборатории к Маре или Киму, или кто там будет военпредом сидеть, и попросить. На флиттере до Гааги минут пятнадцать. Что, мне откажут, что ли? И даже Эльзу позволят собой взять. А то можно позвонить кому-нибудь из знакомых с первого курса ВКА — они мне почти ровесники, зато у всех них уже открыта категория «лёгкий флиттер» на всю Землю. Но весь класс я с собой взять не смогу. Обидно, что пострадают ребята, которые пока что ещё не оценили, насколько маленькая у нас Европа, и насколько легко по ней перемещаться.

— Но это довольно большая сумма. Ты же живёшь вдвоём с матерью, и у тебя, наверное, нет лишних денег.

— А, ещё заработаю! Вы же наверняка видели моего Фафнира. А это не последний мой дракон.

Фрау Ирмгард задумалась. Что-то за последнее время её ученики Ганс Пфельце и Мишель Рандью начали стремительно и неожиданно меняться. Наверное, уже можно попытаться объяснить мальчику устройство мира.

— Понимаешь, деньги, на которые можно устроить школьную экскурсию, не могут взяться откуда попало. Они должны быть официально проведены по счетам департамента образования, чтобы можно было оформить командировку сопровождающему учителю. А без командировки нельзя куда-то ехать с целым классом чужих детей.

— У-у-у, — грустно протянул Ганс, — земная бюрократия... Понятно. Попробую выяснить, какие ещё могут быть варианты, — и потащил из кармана телефон.

Мара заявила, что ВКФ по этому поводу ничего предпринимать не будет, потому что это не инвалида с дистрофией Шарко спасать. Но вот в Технологическом Университете есть какая-то программа содействия научному просвещению школьников, и экскурсия в Мадуродам туда вполне подходит. Только звонить надо не Шварцвассеру, у которого и других дел хватает, а Лотте, секретарю лаборатории.

Лотту Ганс слегка побаивался. Строгая сорокалетняя дама не то что его с Мишелем — студентов считала за несмышлёных детей, которых надо водить строем. Но он преодолел себя и позвонил. Оказалось, что проблема действительно решается таким образом. Уже через несколько минут, оказавшись в классе перед самым звонком, он подошёл к учительскому столу и показал фрау Ирмгард экран своего телефона с письмом от Лотты.

Фрау Ирмгард вздохнула. С одной стороны, она была безумно рада, что не придётся расстраивать детей, которые уже предвкушают поездку. С другой — то, как решает проблемы Ганс, несколько пугало её. И это странное письмо из Технологического Университета об освобождении от занятий на две недели...

Глава 61

Дым отечества

За окнами аудитории ярко голубело предвесеннее небо, Лучи нежаркой зимней Осануэва играли на торосах Зехтерзее, вспыхивали блёстками на снегу, подсвечивали пар над огромной полыньёй гидроаэродрома, не замерзавшей даже в самые сильные морозы.

В такую погоду крайне непросто заставить четырнадцатилетних студентов думать не о лыжных прогулках и игре в снежки, а о дифференциальных уравнениях. Но Петеру Найгелю до поры до времени это удавалось.

Вдруг в аудиторию ворвался низкий гул, который нечасто услышишь над Айзенгратом. Все ребята оторвали глаза от экранов и уставились в окно. На посадку на гидроаэродром заходил межзвёздный транспорт-тысячетонник. Он медленно плыл над торосами, отбрасывая на них видимую даже в яркий солнечный день сетку лучей лазерного высотомера. Казалось, огромная машина неподвижно висит в воздухе, как дирижабль.

— Не волнуйтесь, никуда «Марианна» от вас не убежит, — сообщил Найгель ученикам. — Послезавтра пойдём туда на экскурсию, облазаете эту машину от реданов до киля. Пока что это незнакомый для вас класс техники, но, надеюсь, кому-нибудь из вас доведётся строить у нас под Осануэва примерно такие же.

— А чего нам не хватает для того, чтобы их строить? — спросил белобрысый парень с задней парты.

— Говорят, что населения. Обычно колония начинает обзаводиться собственным космическим флотом, когда её население превышает десять миллионов человек. Сейчас у нас пять — и швабов, и спано вместе взятых. Но у нас промышленные мощности на душу населения вдвое больше, чем в среднем по Галактике. После Воссоединения мы позаботились, чтобы любая технология имелась по меньшей мере в двух местах.

— А почему на этот корабль будет экскурсия, а на предыдущий не было? — поинтересовалась одна из студенток.

— Потому что на этом стармехом моя старая подруга, с которой мы вместе гайки крутили в подмастерьях на Лораверкен.

* * *

Руслану Ахметдинову крайне не нравилась идея посадки в зимнем Айзенграте. Мало того, что это озеро с глубинами не более четырёх-пяти метров само по себе отнюдь не подарочек, так оно ещё и покрыто льдом, только узкая трёхкилометровая полоса оттаяна с помощью проложенных по дну труб от термальных источников.

Однако фрахт был уж больно вкусным. Полная загрузка пассажирских кают — осануэвские выпускники трёх известных на всю Галактику бетанских школ, возвращающиеся домой, парочка специалистов-медиков по контракту и пятеро учёных, собравшихся изучать мегафауну приледниковой тундростепи. И всем надо в Айзенграт. Да ещё дюжина контейнеров какой-то бетанской биологической гадости, за которые почему-то полагалась очень большая неустойка в случае форсмажорной доставки в Нуэва Картахена вместо Айзенграта. Ради них пришлось распродать в Колонии Бета пару лишних контейнеров земных деликатесов. Впрочем, Бета ещё три раза столько выпьет и не поморщится.

Конечно, на такой рискованной посадке Руслан сам сел за штурвал, а в правое кресло посадил Джилли. Девочка, конеч-

но, молодец и прекрасно справилась под Сигмой Дракона, но тут уж лучше старые проверенные пилоты.

«Марианна» коснулась воды у самого края полыньи, проглиссировала, окутавшись паром из дюз реверса, и замерла почти у самого причала. Знай наших. Теперь ухватиться манипуляторами за палы, и в порт.

Что вы, какой пилотский час? Пока Джилли прощается с пассажирами, а Лада с Афанасьичем разгружают контейнеры, надо успеть поговорить с местными поставщиками груза. Сейчас конец зимы, и в Айзенграте должны скопиться прямо-таки залежи известных всей Галактике местных самоцветов. Капитан специально договорился с фрахтовщиком на сто процентов оплаты в порту прибытия, в отличие от обычного 50 на 50. Впрочем, фрахтовщик оказался только за — он был из-под Осануэва, и его бетанские ресурсы крепко подорвала закупка этой биологической дряни. Да и вообще беталер — это вам не местная валюта, именуемая «пфотэ» в Айзенграте или «пата» в Нуэва-Картахена, что в переводе означает «лапа». На разменной монете здесь чеканят когтистый медвежий след.

Сейчас на корабельном счету окажется достаточно этих самых пфотэ, чтобы набить весь трюм продукцией местных копей. Даже предварительная договорённость имеется. Но только предварительная — в этих мелких колониях, с их неторопливой жизнью, не любят заключать сделки по почте. Здесь надо посидеть с контрагентом за столом, выпить чего-нибудь. К счастью, в Айзенграте варят вполне приличное пиво, не хуже, чем на Марсе, да и нуэво-картахенские вина весьма неплохи.

* * *

Карл был командирован Алиной на разгрузку:

— Иди, помоги Афанасьичу контейнеры стропить. Заодно поддержишь морально Ладу. У неё это первый опыт в роли грузового помощника, Сигма Дракона не в счёт.

— А поить будут? — поинтересовался Карл, уже зная, что в Торгфлоте успешное достижение очередного профессиональ-

ного рубежа обычно отмечается ритуальной порцией какого-нибудь напитка.

— Могу сегодня вечером взять вас обоих с собой на встречу с одним старым другом. Попробуете хорошего местного пива.

Разгрузка дюжины контейнеров при наличии на причале портального крана много времени не занимает. Потом кинуть вещи в бордингауз — и вот Карл и Лада вместе с Алиной стоят в полупустом слабо освещённом зале ожидания гидроаэропорта Айзенграт, а за стеклянной стеной, выходящей на городскую площадь, сгущаются зимние сумерки.

С лёгким шипением раздвинулась автоматическая дверь, и с площади в зал почти вбежал худощавый невысокий человек в свитере грубой вязки, без шапки, с короткими светло-русыми волосами и окладистой бородой, превращающей его лицо в почти идеальный круг.

Карл поёжился, глядя на него. Торгфлотовские бушлаты довольно тёплые, но пока он возился в открытом трюме, местный морозец ощутимо пощипывал его всюду, куда доставал. А абориген ходит не только без куртки, но и без шапки.

— Peter, sie haben wude so geachtet![1] — воскликнула Алина.

— Sie sind immer noch leichtfertige, kleine Alina[2], — ответил тот, и они крепко обнялись.

Карлу потребовалось сделать над собой некоторое усилие, чтобы осознать, что они говорят на его родном языке.

— Знакомьтесь, ребята, это и есть тот самый парень, который когда-то подарил мне ту самую логарифмическую линейку, — сказала Алина Карлу и Ладе. — Его зовут профессор Петер Найгель. Это Карл, это Лада.

— Случайно не твоя дочь? — спросил Петер, указывая глазами на Ладу.

— Нет, это наш второй помощник капитана. Кончала ту же космоходку, что и я, но на тридцать толиманских лет позже. Там короткие годы. Какое-то внешнее сходство есть, я знаю, но

[1] Петер, ты стал таким солидным! (нем.)

[2] Ты осталась такой же несерьёзной, малютка Алина. (нем.)

это, наверное, этническое — Ладины предки тоже из России.

— Пошли, — скомандовал Петер, и они вышли на площадь. Их окружили темно-синие морозные сумерки, приправленные кисловатым угольным дымком. Внезапно Алина остановилась, глубоко втянула носом воздух, подняла лицо к небу и, казалось, пошатнулась.

— Что с тобой? — Петер немедленно подхватил её под локоть.

— Воздух... Нигде во всех пятидесяти мирах нет такого воздуха, колючего, чуть с кислинкой. Только в Айзенграте. Запах детства...

Мгновение сентиментальности прошло, и они двинулись дальше. Около стены аэропорта было припарковано штук пять разных машин, Петер решительно повёл гостей ко второй от входа.

Машина была странная. Карл остановился, пытаясь понять, что это такое, и видел ли он когда-нибудь что-то похожее. Капота у машины не было, с переднего конца вертикально вверх поднимались две половинки ветрового стекла, соединённые под тупым углом. Зато ниже днище полого уходило вниз, как корпус лодки. С каждого бока имелось по четыре огромных, почти по пояс, колеса, занимавших почти весь борт, а спереди висели в воздухе колёсики поменьше. Сверху всё это хозяйство было прикрыто общим крылом, прямым как полка. Дверь начиналась только над этим крылом и была крайне невысокой, продолжаясь в виде люка в потолке. Открывалась она вверх, складываясь с этим люком.

Спереди, рядом с водительским местом, над крышей торчала метровая труба, из которой вился лёгкий дымок, а внутри просматривалось что-то внушительное.

— Здесь должны быть гусеницы! — наконец сообразил Карл.

— Совершенно верно, молодой человек, — кивнул Петер, который уже открыл дверь, спустил из неё небольшую лесенку и помогал Алине и Ладе забраться внутрь. — Это колёсно-

гусеничный вездеход. Обычно гусеницы в снятом виде крепятся на эту полку. Только сегодня я их не взял, поскольку не собирался никуда выезжать из города.

Карл забрался в машину. Петер последовал за ним в салон, закрыл дверь и пробрался на водительское сиденье, протиснувшись между ним и стоящей справа конструкцией, напоминавшей печку. В процессе он коснулся каких-то рычагов, и послышалось гудение огня.

Внутри салон напоминал не легковую машину, а скорее микроавтобус какой-нибудь ремонтной службы. Один длинный диванчик был расположен вдоль левого борта от спинки водительского сиденья, второй вдоль заднего, и ещё одно сиденье — спереди от входной двери, не доходя до топки. Судя по размерам, сзади было нечто вроде крытого кузова, куда вела дверь, полускрытая за спинкой заднего сиденья.

Со странным пыхтением вездеход тронулся с места задним ходом, выезжая из ряда припаркованных машин. Потом Петер сделал что-то, совершенно не похожее на вращение рулём, отчего машина лихо развернулась на месте, рванула так, как будто в ней был двигатель от флиттера, и бодро покатилась по утоптанному снегу.

— Оно что, паровое? — выдохнул Карл.

— Ага, — улыбнулся Петер, на долю секунды обернувшись к пассажирам. — Сверхкритический прямоточный котёл на твёрдом топливе и две машины Добла, каждая на свой борт. Никаких трансмиссий, всё управление клапанами подачи пара. У нас тут, под Осануэва, мир непобеждённого стимпанка.

— Почему непобеждённого?

— Потому что шияры так и не смогли заставить нас одичать и превратиться в кочевых мамонтовых пастухов. Когда они лишили нас возможности делать технически продвинутые машины, мы стали строить вот такие паровики. Но миром победившего стимпанка нас, увы, назвать нельзя. Алина, может, сводим твоих ребят в Dampfmaschinenmuseum?

— А это что? — удивилась Алина. — В моё время такого не

было.

— Само собой, не было. Ты же усвистела с планеты сразу после Воссоединения. А музей организовали чуть позже, когда наладили производство высокотехнологичной техники, и кое-какие машинки времён нашего детства стали выходить из употребления. Это в Миллербахе, там у Ахтенмейлебергверк был огромный ангар. Вот в нём это дело и собрали. Зимой оно вообще-то не очень работает, но я постоянно таскаю туда студентов, так что меня все знают, договорюсь.

С этими словами Петер затормозил около огромного навеса, из-под которого вырывались клубы пара.

— Это Паузетка, лучший в городе хайзесбад.

— Что, уже совсем никто не помнит, что правильно говорить не Паузетка, а Паужетка? — удивилась Алина.

Петер что-то сделал с заслонками на топке котла и полез из машины наружу через водительскую дверь.

— А вода в котле не замёрзнет, пока мы будем там сидеть? — поинтересовался Карл, выбравшись из машины.

— Не замёрзнет. Я сейчас переключил топку в экономичный режим. В нем она на одной закладке угля часов двенадцать поддерживает в кабине плюсовую температуру.

Они вошли в стеклянные двери и оказались между двумя стеклянными стенками. За той, что внутри, блестели два ряда круглых бассейнов. В большинстве из них сидели люди, а посредине плавал круглый плотик, на котором стояли тарелки и бокалы.

— Снимайте с себя всё прямо здесь, и бегом туда, — пояснил Петер инопланетянам. — Здесь не слишком жарко, но там внутри очень влажно, и одежда сразу отсыреет, в чём нет ничего хорошего. Наш бассейн двенадцатый, единственный пустой.

Внутри и правда было тепло — не так, как в бане, но всё же. Однако, потрогав ногой воду в бассейне, Карл предпочёл пока остаться снаружи.

— Что такое? — спросил подошедший Петер. — А, воду перегрели? Ничего, сейчас мы это поправим, — он протянул руку

к заслонкам, торчавшим на краю бассейна. Через пару минут в воду действительно можно было влезать.

Горячая расслабляющая ванна — как раз то, что нужно после возни с контейнерами на морозе. Вода в бассейне была солоновата на вкус и слегка пузырилась. Карл и Лада уселись на дно, прислонившись к стенке, и расслабились, почти потеряв представление о времени. Более привычные к такому времяпрепровождению Петер и Алина вели неспешную беседу.

— Ну как, ты нашла свою пылинку дальних стран?

— Ты про что?

— Помнишь свои любимые стихи детства?

Ты помнишь, в нашей бухте сонной[3]
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Зашли военные суда.

Четыре серых, и вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг суда уплыли прочь.
Нам было видно, все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал.

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, и тебе, и мне,
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном

[3] стихи А. Блока

Найди пылинку дальних стран,
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.

Вот ты тогда решилась вырваться из нашего захолустья — и как оно?

— Не жалею, это уж точно. Хотя на самом деле большой разницы нет. Для фермера мир — это его огород, для таксиста город, для лётчика — планета. А для меня сейчас мир — это пять десятков планет. Ну и что? Подними глаза в небо, и ты увидишь миллиарды звёзд, до которых нам ещё тянуться и тянуться. Отдать эти пятьдесят миров обратно я не хочу — пробовала уже, когда с Максимом сидела. За пять лет совершенно извелась каждый день видеть на небе одно и то же солнце. Но я прекрасно понимаю, что между одним и пятьюдесятью разница небольшая.

— А что с мечтой о военной карьере?

— Сначала не хватило умения пилотировать. Потом пошла в торговый флот, надеясь, что рано или поздно случится набор добровольцев из Торгфлота. Такое в ВКФ иногда бывает, когда где-нибудь сдают много новых кораблей, и на их укомплектование не хватает выпускников академий. Но один раз такой набор случился, когда я сидела с ребёнком. А второй раз, года три назад, меня отговорил Торвальдыч. Я уже была вторым механиком на «Марианне», а он — стармехом, и хотел передать корабль мне. И передал — четыре скачка назад. А ты тут как?

— Учу студентов помаленьку и мечтаю начать строить здесь свои корабли. Ты мечтала о Пространстве для себя, и ты его получила. А я хочу Пространства для своего мира. Но пока не получается.

— Пространство... как иронично это звучит! Нет другой профессии, где приходится столько времени проводить в тесном помещении без возможности выйти. Зато каждые два месяца — новый мир. Но зачем тебе Пространство для мира? Ради тех цветных кружочков, в которые превращаются три точки

на небосводе, которые мы в детстве разглядывали в телескоп? Боюсь, ты вряд ли их достигнешь. Ни в одном из пятидесяти миров не занимаются активным исследованием внешних планет, не то что их освоением. Даже под Арктуром, где от Древних нам достались два пригодных для жизни спутника Супера, этот самый Супер — не более чем большой зелёный круг в небе Двух А, то есть Атлантиса и Авалона. Только в Солнечной системе немножко занимаются изучением своих внешних планет. Но их там десять миллиардов, они могут себе это позволить. А мы — взлетели с планеты, подошли поближе к звезде, в скачковую зону, перепрыгнули к другой звезде — и скорей обратно, под кислородную атмосферу. Я тут под Сириусом смотрела фильм, снятый землянами из МИСС про историю исследования спутников Юпитера и Сатурна. Удивительно красивые миры. И таких под каждой звездой по несколько штук рядом с обитаемой планетой. Но человек там жить не может, — Алина невесело усмехнулась. — А вот шияары бы смогли. Чем больше я узнаю про то, как устроена Вселенная, тем меньше их понимаю. Мы с ними прекрасно ужились бы в этой системе, не стремись они лишить нас возможности летать. Сейчас все эксперты убеждены, что нашу промышленность они уничтожили по ошибке. Колония была молодая и просто не успела создать себе других промышленных мощностей, кроме того корабля-завода, который пригнали с Авалона при её основании. А его уничтожили не потому, что он завод, а потому, что он корабль. Когда они атаковали Землю, то ограничились уничтожением исследовательского корабля на космодроме Лунной базы.

— Заметь, ты опять сводишь всё к «летать». Попытка помешать летать в твоих глазах оправдывает войну на уничтожение против целой расы. А когда я говорю, что хочу, чтобы здесь строилось что-то летающее, ты спрашиваешь — «зачем?»

— А чего ты хотел? Любая свобода — она в первую очередь «для», а не «от». Что дадут Миру Осануэва собственные космические корабли, чего не дают сейчас регулярно заходящие корабли Торгфлота? Все знания Галактики мы к вам во-

зим. Если кто захочет отправиться в другие миры набираться ума-разума, он может это сделать. Если кому-то невтерпёж летать самому, как когда-то мне, это тоже не слишком большая проблема. Даже всякую ерунду вроде земных деликатесов, и то регулярно привозим. Во всей Галактике нет такого понятия, как «свои корабли» какого-то мира. Сильверхавн и Лерна строят корабли не для Авалона и Беты, а для Торгфлота или ВКФ. Зачем миру свои корабли, если любой подросток в этом мире может пристроиться юнгой на приходящий корабль? А миры и сами неплохо умеют летать по своей орбите, — Алина протянула руку к стакану, стоящему на столике-плоте, и сделала пару глотков из него. — Лучше бы ты организовал здесь производство флиттеров. При здешнем климате это крайне полезная вещь. Это и пассажирские рейсы в Нуэва Картахена за двадцать минут, и спасательные операции в такую погоду, когда ни один самолёт не оторвётся от полосы, и обслуживание спутниковых сетей.

— А откуда ты знаешь, что у нас нет флиттеров?

— На планетах, где есть флиттеры, проходящим кораблям не предлагают разовых контрактов на замену спутников СНМ.

Глава 62

Абитуриенты

Жанна Рандью нажала на телефоне кнопку «ответить», поднесла аппарат к уху и услышала взволнованный женский голос:

— Здравствуйте, вы мама Мишеля Рандью?

— Да, а что случилось?

Мишель ещё пять минут назад спокойно сидел в своей комнате за компьютером и, как обычно, делал что-то абсолютно непостижимое для родителей.

— Вы понимаете, я мама Ганса Пфельце, вместе с которым ваш Мишель подрабатывает в Технологическом Университете. И вот сегодня он тут выдумал такое... такое...

Жанна поняла, что по телефону от фрау Пфельце толку не добиться.

— Лучше приходите ко мне. Я вас напою чаем, а вы всё расскажете мне с глазу на глаз. По телефону явно не получается.

Через пять минут Эмилия, наспех накинув куртку на домашний халат, позвонила в дверь Рандью. Ещё минут через десять, после второй чашки марсианского иван-чая, притащенного Мишелем из Клавиуса, Эмилия наконец смогла описать, что произошло.

— Вы знаете, Ганс сегодня заявил, что хочет поступить в инопланетный колледж. Ваш Мишель ничего подобного не

предлагал?

— Мишель, — позвала Жанна. — Иди сюда.

Когда её сын появился на кухне, она спросила:

— Ты в курсе, что Ганс собирается поступать в какой-то инопланетный колледж?

— Конечно. В Корадский технологический. Я тоже хотел обсудить с вами такую идею, но всё как-то повода не появлялось.

— Та-а-ак... И какие у тебя аргументы?

— Мама, а какой мне смысл ещё пять лет таскаться в земную общеобразовательную школу, если за это время я вполне могу получить специальность, совершенно не потеряв в качестве образования? Ты же знаешь Мару и представляешь себе, какой уровень общеобразовательной подготовки даёт ВКА. Приличные инженерные колледжи в этом плане не хуже.

— А почему именно в этот?

— Ким вообще предлагал отправиться в Сильверхавнский судостроительный. Он говорит, что это лучшая инженерная школа в Галактике. Но Сильверхавн под Арктуром, значит, писать письма домой можно только с попутным кораблём. А Корада — это Марс. Письмо идёт от десяти до сорока минут, и писать можно в любой момент. Опять же, на Марсе у меня знакомые.

— Какие знакомые?

— Ребята из Соацерского экотехнического, которые работали с нами в Клавиусе. Они почти все возвращаются на Марс, когда у них кончится практика. Только Труди остаётся на Земле, потому что любит Кима. Она как раз обещала поговорить со своими родителями, чтобы мы с Гансом пожили у них, а то ещё полтора года назад там было трое детей, а теперь её старший брат женился и уехал куда-то в Копрат, и сама Труди тоже фактически вышла замуж. Остался только её младший братик.

— А позвонить этим самым родителям можно?

— Ты что, это же Марс! Как ты будешь звонить, когда

сейчас задержка сигнала полчаса? Можно разве что написать письмо по E-Mail.

Эмилия взяла со стола ярко раскрашенную алюминиевую коробочку и стала машинально вертеть её в руках. Точно такую же коробочку привёз с Луны Ганс. Марсианский чай. Только на том был портрет какого-то грузного мужчины на фоне книжных полок и надпись довольно удобочитаемой кириллицей XX века «Иван Ефремов», а здесь был явно в какой-то народной художественной традиции изображён парень в средневековой одежде верхом на волке, а надпись была таким старинным шрифтом, что глаза сломаешь.

— Это «Иван-царевич», в переводе с русского «принц Иван» — традиционный герой русских сказок, вроде как у нас странствующий рыцарь, — заметил Мишель её затруднения. — Вообще у них очень любят рисовать на пачках чая каких-нибудь русских Иванов, потому что по-русски та трава, из которой делают марсианский чай, называется «иван-чай». А поскольку кириллицы на Марсе толком не знает никто, кроме пролетающих мимо космонавтов, то шрифт выбирают лишь бы покрасивше, на удобство чтения не смотрят.

— А сколько лет этой вашей Труди? — поинтересовалась фрау Пфельце, отставляя чайную коробочку.

— Марсианских что-то в районе девяти. То есть по нашему счету лет шестнадцать, как и Киму с Марой.

— И в этом возрасте она выходит замуж на другую планету?

— А что? Специальность есть, работа для экотехника по купольным городам в Порт-Шамбале найдётся. Всё, что надо для самостоятельной жизни, у неё в бета-листе сдано.

Жанна вспомнила беседу с Келли про систему экзаменов в бета-листе.

— А у вас-то с Гансом сдано то, что надо?

— А как же! Как марсиане в Клавиусе узнали, что у нас с Гансом нет бета-листов, они насели на Кима, как на военного коменданта, то есть вообще единственную спейсианскую власть на Луне, что это непорядок. Пришлось ему организо-

вать нам сдачу экзаменов. У меня даже экономическая самостоятельность проставлена, хотя вообще-то в тринадцать лет она мало у кого бывает сдана. Но после того, как написанный мной для Труди искин отличился на почве предпринимательства, мне эту галочку поставили автоматом. Хотя для того, чтобы учиться в колледже, экономическая самостоятельность не обязательна. Назначат опекуна, который будет присматривать, чтобы правильно тратил стипендию и приработки. Можно вот родителей Труди попросить.

— Так назначат или можно попросить? — не поняла Эмилия.

— Ну, если приходишь вместе со взрослым и говоришь «это мой опекун», никто не будет от добра добра искать. А так назначат кого-нибудь.

— Вот что с ты с ними будешь делать? — вздохнула Эмилия.

— Что делать, что делать? Отпустить, — не менее тяжело вздохнула Жанна. — Всё равно ведь вылетят из гнезда. Не сейчас, так через пять лет, не через пять, так через десять.

— Вам хорошо, вас всё равно двое. А я с кем останусь?

— Так, Мишель, иди в свою комнату, — сказала Жанна. — Тут у нас начинается слишком взрослый разговор.

— В смысле, для тех, у кого сдано родительство? — нахально поинтересовался подросток уже в дверях. — Но у вас же тут не останется ни одного эксперта по спейсианским обычаям. Шварцвассеру, что ли, позвоните.

— Вот, вырастила эксперта на свою голову, — вздохнула Рандью, когда дверь за её сыном закрылась.

— Мой такой же. Они как-то внезапно выросли. Когда Ганс приволок ту страховку, я ещё не понимала, что весь мой мир переворачивается. А теперь... Была мать-одиночка, инвалид, а теперь превратилась в какого-то совсем другого человека. И это всё сделал Ганс.

— Но ведь мир для тебя перевернулся с головы на ноги. Ты теперь молодая, здоровая женщина, которую ничто не связывает. Можно начинать жизнь заново. Может, тебе тоже посту-

пить в какой-нибудь марсианский колледж? У них там вроде берут взрослых, желающих получить новую специальность, и переобучают за год-два.

— Это как-то уже слишком. Вроде мои старые навыки ещё не совсем заржавели. Но что же это получается — родной сын выступил по отношению ко мне с позиции старшего, родителя?

Жанна охнула, но тут же взяла себя в руки:

— Кстати, это ещё одна причина его отпустить. Насколько я помню курс психологии, нет ничего хорошего в том, чтобы в таком возрасте брать на себя роль родителя. Потом это может плохо сказаться на его отношениях со сверстниками. Так что лучше пусть поживёт отдельно.

Глава 63

Ильма Линдсней, профессор этнографии

За столом в кают-компании «Ариадны» собрался весь экипаж, за исключением двоих вахтенных. Это был, вероятно, последний обед в этом рейсе. Через несколько часов корабль ляжет на орбиту вокруг Лемурии, надо будет сворачивать жилую палубу и садиться.

Члены экипажа уже испытывали радостное возбуждение от предстоящей встречи с родной планетой. И тут капитан Захариос задался вопросом: а как быть с пассажиром? Всё же хочется показать землянину-журналисту свою родину во всей красе.

— А может быть, попросим Ильму? — спросил радист. — Ей, наверное, самой интересно будет.

— Да она небось сидит в какой-нибудь очередной глуши, — отозвался старпом.

— А ты ей напиши. Может, успеет ответить до посадки.

— Кто такая Ильма? — заинтересовался Анджей, поскольку речь шла о его дальнейших планах.

— Ильма Линдсней, двоюродная сестра жены Серго, — капитан показал на старпома. — Она профессор этнографии в Университете и постоянно мотается по всей планете, да и по

Двум «А» тоже. Если кто и знает на Му все места, которые стоит посмотреть, то это она.

— А мы все с нею знакомы, — добавил радист. — Нектон она тоже изучает, и мы как-то ей попались в качестве подопытных кроликов. Вот это женщина...

Ильма ответила на письмо довольно быстро. Как оказалось, она была дома, в Хиппе, университетском городке в трёх часах езды на мотриссе от космопорта Му-сити, и в ближайшие три-четыре дня никуда в экспедицию не собиралась. В часовом поясе Му-сити в это время был вечер, поэтому она так быстро отреагировала на письмо — сидела за компьютером в момент его прихода.

Когда корабль совершил посадку, по корабельным часам был поздний вечер. А над бухтой Венёва, на берегах которой была расположена столица Лемурии, восходил Арктур.

Менять часовой пояс таким способом — отгулял целый день, и тут опять утро — Анджей любил меньше всего. Тем более, что поспать в космическом корабле перед посадкой совершенно нереально — аврал, сворачивают жилую палубу, через салон то и дело проскальзывают члены экипажа, радиообмен с диспетчерами выведен на громкую связь. Потом атмосфера, перегрузки.

В какой-то довольно низкокачественной арктурианской книжке про первые межзвёздные перелёты, которую Анджей нашёл у боцмана и от нечего делать читал во время полёта, была такая фраза: «Когда расстояние до планеты превращается в высоту, и её атмосфера наваливается на грудь всей миллионнотонной тяжестью...» Сейчас Анджей имел возможность испытать это самое ощущение.

В общем, когда «Ариадна» уцепилась манипуляторами за палы пирса в порту Му-сити, он был готов к чему угодно, но только не к подвигам. А весь экипаж, похоже, почему-то ожидал от него именно этого.

В результате ему пришлось не ждать автобуса, везущего к бордингаузу, как всем, а топать между штабелями контейнеров

к каким-то боковым воротам порта, где прямо рядом с забором была пассажирская железнодорожная станция. Ему даже посмотрели в Сети расписание и любезно сообщили, что ближайшая мотрисса до Университета отходит всего через пятнадцать минут.

Мотрисса оказалась здоровенным четырёхвагонным сооружением, которое в Нижней Австрии вполне заслужило бы название поезда. Устроившись на мягком бархатном сиденье, Анджей поставил будильник в наладоннике на момент за пять минут до прибытия и заснул.

Проснувшись, он почувствовал себя несколько бодрее, но и обстановка вокруг изменилась. Вместо бодрящей предрассветной прохлады в безоблачном небе висел огромный шар Арктура, раза этак в два с половиной больше привычного Солнца, и заливал платформу станции своими ослепительно белыми лучами. То есть, конечно, лучи Арктура должны быть чуть желтее и чуть прохладнее солнечных, но глаза уже привыкли, и разница была незаметной. А тепла их вполне хватало на то, чтобы питать буйную субтропическую растительность вокруг.

Анджей сверился с планом на экране своего наладонника и решительно направился по узкой, посыпанной щебнем дорожке, петлявшей под кронами редких деревьев среди аккуратно подстриженного газона.

Стоило ему отойти немного от станции, как среди деревьев начали мелькать небольшие домики. Даже по сравнению со старинными европейскими Лемурийский Университет в Хиппе производил впечатление какого-то игрушечного — возможно, потому, что маленькие корпуса не теснились вокруг узеньких средневековых улочек, а были рассеяны по огромному пространству, покрытому редкими деревьями.

На газоне, как это водится в таких местах, располагалось множество народу — кто читал новости, кто работал, кто общался, усевшись в тесный кружок, кто играл в мяч. Правда, если на газоне вблизи венского университета обычно можно увидеть лишь студентов, то здесь возможностью рассесться или

улечься на открытом воздухе пользовались люди всех возрастов.

Вот наконец и двухэтажный корпус с индексом GG4. Вот комната 112 — небольшая семинарская аудитория, наполовину заваленная всяким экспедиционным снаряжением. За столом сидела девушка в платье с открытыми плечами и читала новости на огромном экране, висящем на стене вместо доски.

— Доброе утро. Где я могу увидеть профессора Линдсней?

Девушка повернулась к нему. У неё был слегка продолговатый овал лица, наводящий на мысли о примеси восточной крови, персидской или бухарской, кожа светлая, хотя и загорелая, а иссиня-черные волосы были собраны в две тонких косы, спускающиеся на грудь.

— Вы Анджей Краковски? Очень приятно. Ильма Линдсней — это я.

Ещё несколько ничего не значащих реплик, и Ильма развила бурную деятельность. Сумка Анджея была отправлена в кучу экспедиционного барахла, на двери появилась стандартная рельефная табличка, отпечатанная на термопластовом фаббере «профессор завтракает у Джошуа», и преподавательница потащила своего гостя куда-то через газон. Не прошло и пяти минут, как они приземлились в небольшом кафе.

— Джошуа, подай нам чашечку обычного капуччино и кружку предзащитного кофе! — скомандовала профессор Линдсней.

Заказ появился на столике почти мгновенно. Бармен, видимо, был неплохим физиономистом — изящную фарфоровую чашечку он поставил перед Ильмой, а огромную керамическую кружку перед Анджеем, глаза которого опять начинали слипаться.

— Пей, это местный фирменный рецепт, — Ильма перешла на «ты» уже на третьей реплике. — Тут часто бывает, когда человек претендует на бакалавра, магистра или доктора, что за три дня до защиты ещё ничего не готово, и надо вкалывать круглые сутки. Вот для этой цели Джошуа варит свой фир-

менный кофе. Выпьешь, и двенадцать часов как новенький. Главное, не ездить на таком горючем больше трёх суток, а то может плохо кончиться.

Тут в кафе появилась высокая крепкая мулатка, почему-то с рыжими волосами.

— Ильма, я вас нашла, — воскликнула она.

— Знакомьтесь: это Урсула, моя магистрантка, а это Анджей. Давай, Урсула, быстро определи, откуда он.

— Ну... — задумалась девушка. — Наверное, «откуда» должно начинаться с предлога «из-под».

— Уже неплохо.

— Он горожанин. На планете есть ярко выраженная смена сезонов, причём его город явно находится в умеренном поясе. Последних несколько месяцев там была зима. А это уже раз-два и обчёлся. Ой, чёрт, неужели Старая Земля?!

— Угадала, — кивнул Анджей. — Земля, Вена, примерно сорок восемь градусов северной широты. Но как?

— Насчёт Земли — это была гипотеза на грани фола. У вас на футболке портрет Эллери Релгарта в роли Голана Тревайза. Это четвёртый сезон телесериала «Основание». Майка не новая, причём заношена не от того, что её непрерывно носили не меняя. Значит, куплена не менее нескольких месяцев назад. Добавляем время космического перелёта, добавляем зиму, которая почти однозначно определяется по отсутствию загара, и получаем не менее полугода назад. У нас на Лемурии четвёртый сезон начали показывать только два месяца назад, и, насколько я знаю, из всех крупных миров — первыми. А значит, полгода назад майки с его персонажами могли продаваться только на Земле.

— Смотри, какие у меня ученицы, — просто лучилась гордостью Ильма. — Земля — это практически самый невероятный вариант ответа на вопрос, откуда может быть человек, сидящий за столиком кафе в Хиппе, но в течение буквально минуты все остальные варианты были исключены, а оставшийся стал основной рабочей гипотезой, каким бы невероятным он ни яв-

лялся.

«Интересная наука — этнография колоний,» — подумал Анджей.

Магистрантка достала планшетный компьютер и начала что-то обсуждать со своей руководительницей. Анджей тем временем пил принесённый ему напиток. По вкусу это было нечто странное: кофе там, несомненно, присутствовал, но кроме него явно были какие-то травы и, может быть, даже фрукты.

Выпив чашку, он почувствовал, что сонливость куда-то делась. Тем временем Ильма закончила беседу со своей студенткой, и та убежала, размахивая планшетом.

— Вроде на сегодня у меня больше встреч не намечено, — сказала Ильма. — А если буду кому-то срочно нужна, пусть вызванивают. Так что могу устроить экскурсию по Сити. Сейчас только зайдём, уберём табличку, что я в кафе, и захватим твою сумку.

Пройдя буквально пару сотен метров от факультетского корпуса, они оказались перед увитым виноградными лозами таунхаусом, перед одним из подъездов которого был припаркован небольшой яйцевидный аппарат.

— Кидай сумку за сиденье и помоги раскрыть несущий винт, — скомандовала Ильма, откинув ветровое стекло — нечто среднее между дверцей и фонарём самолётной кабины.

Через несколько секунд лопасти несущего винта щелчком встали на место, и машина была готова к полёту. Персональный транспорт Ильмы оказался двухместным автожиром. Развивать скорость больше автомобильной он не мог, но зато и топлива потреблял не намного больше, чем автомобиль.

Ильма заложила круг над университетским городком. Городок Хипп располагался на пологих холмах, окружённый перелесками, полями и деревнями. В десятке километров к северу от него холмистая равнина неожиданно обрывалась прямым тридцатиметровым обрывом, за которым по широкой долине извивалась огромная река. Километрах в тридцати она впа-

дала в море, образуя огромную дельту, на островах которой сверкал темно-фиолетовыми крышами-солнечными батареями и зеленел бульварами город.

В воздухе над долиной двигались во всех направлениях разнообразные летательные аппараты — от двухместных автожиров вроде того, в котором летели они, до четырёхмоторных грузопассажирских самолётов.

Ильма щёлкнула тумблером и убрала руки со штурвала.

— Над городом всегда такое движение, что пилотам-любителям лучше положиться на автоматику. Так что пускай пилотирует железяка кремниевая, а мы можем спокойно разговаривать. Ты, как я понимаю, не хочешь ограничиться однодневной экскурсией по Му-Сити?

Анджей согласно кивнул.

— Я послезавтра собираюсь отправиться в небольшую экспедицию. Примерно на месяц. Нужно посетить десяток точек на скэттере. В принципе, ничто не мешает спланировать маршрут так, чтобы по дороге попасть в наиболее интересные места гэзера и побывать на фронтире.

— Что такое фронтир, я более-менее понимаю. Но скэттер и гэзер?

— Это наша лемурийская терминология, но и в других старых колониях, по-моему, тоже её используют. А в не-старых нет скэттера, и альтернатива фронтиру рассматривается как нечто единое, кантрисайд. А у нас есть гэзер. Это что-то вроде того, что под нами — освоенная сельская местность, человек этак двадцать-пятьдесят на квадратный километр, поля почти смыкаются. Люди, живущие в гэзере, ощущают себя единым обществом. Ездят в город на ярмарку чуть ли не еженедельно, в свободное время торчат в тех же чатах, что и горожане, смотрят те же видеоканалы. В общем, местность, абсолютно неинтересная с этнографической точки зрения. Космонавты или моряки и то интереснее, — Ильма заложила за ухо прядку, выбившуюся из косы. — А вот скэттер — дело другое. Это люди, предки которых полтораста лет назад, до Инцидента, прилетели под

Арктур с целью построить мир по своему вкусу. Они забивались куда-то в труднодоступные места — в горы, в глубины лесов, даже в болота, и создавали там небольшие изолированные поселения. Ведь тогда, до Инцидента, не было очевидно, что земные государства не смогут подчинить себе новозаселённые планеты. Говорят они там на смеси какого-нибудь старинного земного языка с кучей Древних терминов, описывающих окружающую их жизнь. Нет, они не порвали с цивилизацией окончательно, пользуются современной медициной, их дети учатся в школе по общим программам, а часть детей, подрастая, уходят в города или на фронтир. Но те, кто остаются, ведут своеобычное хозяйство и живут по собственным традициям. Вот их-то мы в основном и изучаем.

Пока она говорила, глаза Анджея разгорались и разгорались, и он прекрасно знал, что Ильма это замечает.

— Так что вот. Могу предложить оклад рабочего в двести лемуриков в месяц, не считая билетов на общественный транспорт, место в палатке, которую ты сам же и потащишь, и много-много тяжёлой экспедиционной работы.

— Где расписываться? И кстати, чего это оклад такой маленький?

— Ну так этнографы и экологи — самые бедные из полевиков. От нас, в отличие от геологов и ботаников, никакого прибытка ни бизнесу, ни муниципальным властям, одно беспокойство — то не тронь, это сохрани. Потому и гранты у нас маленькие. На должность рабочего обычно берётся студент, соискатель степени бакалавра или в крайнем случае магистра, которому лишь бы на еду хватало, а работает он за интерес. Впрочем, я полагаю, у тебя тот же случай? — она ехидно улыбнулась и подмигнула.

Автожир закладывал пологую дугу над городом. С высоты птичьего полёта Ильма показывала Анджею достопримечательности:

— Вот с этого места начиналась наша колония. Вон тот каменный шатёр стоит на месте первого лагеря археологической

экспедиции Сильмы Типпельберг. А вон та колонна — на месте раскопа, где впервые удалось отрыть артефакты Древних. Вот этот замок в стиле рококо с башенками — Опера. А мы сейчас пойдём на посадку возле Приморского рынка. Там большая парковка.

Вдруг в поясной сумочке у Ильмы зазвонил телефон. Она вытащила аппарат, поднесла к уху:

— Да, конечно. Я сейчас в городе. Башмитианин? Это я тебе сходу не скажу. Мне нужно время на подготовку. Давай через два часа в «Перепёлке»?

Она нажала кнопку отбоя, убрала аппарат и обратилась к Анджею:

— У меня тут возникло срочное дело. Нужна консультация по теме, по которой я без подготовки много не скажу. Придётся освежить кое-что в памяти. Всё равно мы собирались в музей Планеты — вот он стоит, походи там без меня, там и так всё расскажут. А потом подходи вот в это кафе, — она показала рукой на навес с несколькими столиками около двухэтажного дома из дикого камня.

* * *

Анджей направился в музей, который занимал довольно большое трёхэтажное здание и делился на три отдела: «Геологическая история», «Дочеловеческая история» и «История колонизации». Разумеется, больше всего его интересовала дочеловеческая история. Но тут он столкнулся с небольшим затруднением: надписи древнеарктурианским алфавитным письмом, как правило, не сопровождались переводом, примерно так же, как надписи латиницей где-нибудь в Сербии. Видимо, считалось, что уж этот-то алфавит знает каждый образованный человек. Пришлось взять напрокат аудиогид.

В отделе истории колонизации Анджей обратил внимание на скэттер. Тут были описаны десятки разных народов с разными обычаями. В общем и целом это напомнило ему средневековую историю Земли: какие-то примитивные племена с

разными специфическими традициями земледелия и скотоводства, а некоторые даже охотничье-собирательские. И всё это люди, предки которых пересекли космос, а до этого жили в земных высокотехнологических городах?

Выйдя из музея, Анджей направился к кафе. Однако, подойдя к столику, он был вынужден остановиться и протереть глаза. «Что же они добавляют в этот свой диссертационный кофе?» — ошарашенно подумал он.

За столиком сидели две Ильмы и оживлённо о чём-то спорили, тыча пальцами в экран планшетного компьютера. Одинаковые чёрные волосы, заплетённые в две косы, одинаковые черты лица, одинаковые фигуры, даже платья одинаковые. Только цвет кожи слегка разный: одна явно европеоидной расы, но хорошо загорелая, вторая похожа на мулатку или квартеронку.

Наконец та, что посветлее, подняла голову:

— О, Анджей! Знакомься, это моя дочь, Тайка Линдсней. Тайка, оторвись от экрана. Это Анджей Краковски, журналист с Земли.

Вторая женщина подняла голову. Анджей ещё раз посмотрел на них и подумал, что не может с ходу сказать, какая моложе, какая старше.

— Ильма, извини за нескромный вопрос, сколько вам обеим лет?

— А что, у вас на Земле это до сих пор считается нескромным вопросом? Мне — сорок два, Тайке — двадцать три.

* * *

Ильма открыла дверь, и они вошли в её секцию таунхауса. Анджей и представить себе не мог, что существуют такие узкие дома. Коридорчик шириной около метра вёл от парадной двери до выхода во двор. Вбок из него вели двери в гостиную, шириной не более двух с половиной метров, зато длиной добрых пять, и маленькую кухоньку. Между гостиной и кухней была крутая лестница наверх, ведущая в спальню и ванную, расположенные над гостиной. Широкая площадка над лестницей, с

выходом на балкон, служила Ильме кабинетом. В общем, по фасаду вся эта конструкция занимала не более трёх с половиной метров. Соседние отсеки, похоже, были гораздо больше.

Ильма провела гостя во внутренний дворик, такой же маленький, как и сама секция таунхауса, и кончавшийся живой изгородью — вернее, двумя живыми изгородями параллельно друг другу, образующими зигзагообразный проход. Этот проход выводил на берег довольно длинного то ли пруда, то ли бассейна, протянувшегося вдоль всего таунхауса, вернее, между двумя таунхаусами. Похоже, этот бассейн был общим для пары десятков секций.

Рядом с выходом с её двора на краю бассейна стояла пара выцветших пластиковых кресел и круглый столик. Арктур уже опустился довольно низко, и тёплый вечерний свет не вызывал желания спрятаться в тень.

Лемурийка поставила на столик запотевший мельхиоровый кувшин, неизвестно откуда взявшийся в её руках, а на спинку одного из кресел бросила большое мохнатое полотенце.

— По-моему, после всех этих экскурсий самое время искупаться.

Она сбросила одежду и прыгнула в воду. Анджей последовал её примеру.

Энергично проплыв несколько раз вдоль бассейна туда и обратно, профессор выбралась на берег и, не одеваясь, уселась в шезлонг, налив себе что-то из кувшина в высокий стеклянный бокал на тонкой ножке. Журналист сделал то же самое.

В обнажённом виде Ильма вела себя совсем не так, как Мара или, скажем, Труди Карпентер. Те просто не обращали внимания на то, что на них кто-то смотрит. Им было удобно и естественно без одежды, и они естественно двигались. Пока Ильма плавала в бассейне, она делала то же самое — её тело нуждалось в большем количестве движения, чем предоставила городская прогулка. Но теперь, когда потребность в движении была удовлетворена, и она села за стол рядом с гостем, чувствовалось — она осознает, что является объектом эроти-

чески окрашенного мужского внимания, и наслаждается этим. Впрочем, это совершенно не мешало им обоим вести светскую беседу.

— Почему мой дом такой маленький? А куда мне больше? Вполне хватает, чтобы кинуть рюкзак между экспедициями. Дети выросли, у Тайки свой дом в Сити, а Дар где-то мореходствует, обслуживает китовые фермы. Когда он бывает в городе, то скорее у сестры остановится, чем у меня.

— А их отец?

— О, история моей личной жизни — это такая баллада! Я обязательно рассказываю её студентам в курсе методики полевых исследований. Чтобы знали, как не надо заниматься этнографией, — Ильма усмехнулась, но как-то не совсем весело. — Любить объект своего исследования нужно. Любить народ, его культуру, может быть, даже его обычаи. Спать со случайно встретившимися в скэттере симпатичными знакомыми можно. Если знать обычаи и делать это так, чтобы ничьей чести не было урона. Но упаси вас боги Древних влюбиться в объект исследования и пытаться создать семью! А со мной случилось именно это. Давно-давно, когда я была ещё только бакалавром и отправилась в Тагарские горы собирать материал для магистерской диссертации. Там очень интересная культура горных пастухов. Леон влюбился в меня с первого взгляда, я выдерживала его ухаживания дня три, а потом сдалась. Мы прожили вместе шесть лет, я родила от него двоих детей и набрала по окрестным скэттерным поселениям материала не только на магистерскую, но и на докторскую диссертацию. Там в предгорьях довольно близко сходятся несколько разных культур, и, оставаясь примерной супругой горного пастуха, можно изучать не только своё племя, — она машинально намотала на палец кончик одной из кос и вздохнула. — А потом я не выдержала и сбежала. Не по мне это — в течение двух тысяч дней просыпаться и видеть на горизонте одну и ту же гору. Правда, сначала я сбежала не совсем. Каждые несколько месяцев я появлялась там на недельку, и каждый мой приезд был

феерией любви. Мы всё никак не могли поверить, что у нас слишком мало общего, и мы не можем ужиться вместе. Охлаждение началось, когда подросли дети. Сначала Дар пошёл в юнги на торговое судно. Тогда Леону стало ясно, что он весь в меня, такой же бродяга, и не останется на его любимых яйлах. Но окончательный разрыв случился, когда Тайка выбрала себе специализацию после медицинского училища. Надо сказать, что и я сама была почти шокирована, когда она выбрала секс-суррогатную психотерапию.

— Что, это такое шарлатанство?

— Нет, вполне научно обоснованная методика. Но она подразумевает интимные контакты терапевта с клиентами. Я, конечно, иногда сплю с представителями изучаемых народов — но чтобы делать секс неотъемлемой частью работы?! Леон обвинил в этом меня и, наверное, в чём-то был прав — когда Тайка была подмастерьем, она ездила со мной коллектором по скэттеру и насмотрелась на то, насколько разными бывают людские представления о приличиях и нравственности. Поэтому у неё не было причин счесть этот род занятий безнравственным или неприличным. Она считает себя горожанкой, а горожане принимают любое поведение, которые считает приличным хоть кто-нибудь. В общем, последние лет пять в гости к тагарским родственникам появляется только Дар. Он, конечно, непоседа, перекати-поле, и вообще по его примеру уже пятеро подростков сбежали в моряки, но он хотя бы остаётся в рамках приличий.

— Знаешь, Ильма, — вдруг перебил собеседницу Анджей, — тот коктейль, которым с утра с твоей подачи напоил меня Джошуа, уже прекращает своё действие. Ещё немного, и я засну прямо в шезлонге.

— И правда будет непорядок, — согласилась она. — Хватай своё барахло в охапку и пойдём, покажу тебе кровать.

Почему-то обыкновенная кровать с довольно жёстким тонким матрасом, да при нормальной гравитации, показалась Анджею безумно привлекательной по сравнению с надувным мат-

расом при минимальной тяжести в каюте «Ариадны». Едва успев натянуть на себя одеяло, он заснул, хотя до заката оставалось ещё не меньше часа.

Сознание вновь вернулось к нему в предрассветных сумерках, когда небо уже начало светлеть, но Арктур ещё не поднялся над горизонтом. Проснулся он свежий и бодрый — и вдруг обнаружил, что в кровати он не один.

Ильма спала чутким сном опытного путешественника, поэтому, как только проснулся сосед по кровати, проснулась и она. И не говоря ни слова притянула его к себе.

Позднее, когда рассветные лучи Арктура уже проникли в окно, а наши герои просто лежали рядом друг с другом, Анджей наконец спросил:

— Ну и зачем было это делать в первую же ночь под одной крышей?

— Знаешь, Анджей, вчера мы согласились отправиться вдвоём в достаточно длительную экспедицию. Это подразумевает несколько больший уровень взаимного доверия, чем случайный секс. А то, что мы симпатичны друг другу в этом смысле, стало видно сразу. И есть ещё одна тонкость. Я, конечно, не такой профессиональный психолог, как Тайка, но кое-что понимаю в этом деле. У тебя вчера чувствовался комплекс нового мира. Ты оказался в новом месте, где всё для тебя новое, чужое. А рядом я, которая прожила тут всю жизнь. Если бы мы не стали любовниками, то ты запросто мог бы в общении со мной занять позицию младшего, ученика рядом с учителем, если не сына-подростка рядом с матерью. А вот этого мне совершенно не надо. Если бы мне нужен был младший спутник, я всегда могла бы взять подмастерье-коллектора, а раз уж беру в напарники взрослого мужика, он нужен мне в позиции равного. А женщину, которая занимается с тобой любовью, ты будешь воспринимать как равную независимо от каких-то знаний и умений в конкретных областях.

— Но у меня могли быть какие-то обязательства перед оставшимися в Солнечной системе.

— Ой, ладно, вчера ты уже успел мне всё рассказать. У тебя была девушка из старинной нектонной семьи.

— Да, она говорила про себя «нэви в третьем поколении, космонавт в седьмом».

— Ого, уже и третье поколение бывает? Как быстро летит время. Впрочем, мои дети тоже уже выросли, а я училась вместе с детьми первого поколения, которые ещё не стали вторым. Вспомни, как ты расставался с ней на Марсе — наверняка она отпустила тебя. В таких семьях прекрасно понимают, что это такое, когда людей разделяет межзвёздное расстояние, а у каждого из них свой путь. И даже если ваши пути когда-нибудь снова пересекутся, я уверена, что она не поставит этого утра в вину ни тебе, ни мне.

Глава 64

Dumpfmaschinenmuseum

— Алина, ты точно уверена, что вам надо ехать за двести километров на этом плоде извращённой любви локомобиля XIX века с танком начала XX? — поинтересовался капитан. — Вот эта хрень на свежих спутниковых снимках мне крайне не нравится, — он ткнул пальцем в похожее на осьминога облачное образование, наползавшее на Айзенграт с запада.

— А что ты переживаешь? Ну, посыпется снежок немножко — что с нами сделается на оживлённой трассе в самом обжитом месте на планете? Вот если бы мы самолёт взяли... Нелётная погода от этого облачка запросто может быть. Ты ещё учти, что я родилась и выросла именно здесь, Карл происходит из местности, где горы ещё выше и снег зимой тоже лежит, да и у Лады в бета-листе отмечены путешествия по зимней тайге.

— Так вы ещё Пита с собой тащите.

— Кстати, ему было бы неплохо сдать здесь этот зачёт. Но, пожалуй, не успеем. Это неделю только подготовки, а ты вроде не собирался столько здесь рассиживаться.

В общем, отговорить Алину от путешествия в Dumpfmaschinenmuseum капитану не удалось. Когда будущие путешественники вышли из капитанского номера в бордингаузе, Карл спросил Ладу:

— Откуда у тебя зачёт по выживанию в зимней тайге?

— С Солярной эскадры. Имея такое прикольное место всего в трёх тысячах километров к северу от базы, грех не дать подмастерьям поприключаться там.

— Ну, под Бетой вон есть Лег-энд, но что-то я не заметил у тамошней малышни поголовного умения выживать в зимнем лесу.

— Ты же не общался с юнгами Бетанской эскадры. Там наверняка тоже у всех. Просто люди из ВКФ намного мобильнее, чем даже торгфлотовцы. Для нас отдых на планете — это пара часов на самолёте от космопорта, а в ВКФ для досуга пользуются флиттером.

Выезд был назначен на два часа до рассвета. Всё-таки двести километров по заснеженным дорогам — это много.

Около выхода из аэровокзала их ожидал уже знакомый паровик. На этот раз на полках крыльев были аккуратно закреплены металлическими защёлками ленты нешироких гусениц. Петер кивнул своим пассажирам и тут же резко рванул с места.

В салоне обнаружилась парочка девушек-подростков.

— Это студентки нашего Техникума, — пояснил Петер. — Они родом из Миллербаха, а съездить домой на один выходной общественным транспортом у них не получается. Расписание автобусов у нас заточено не под студентов, а под фермеров, желающих попасть в город на рынок. Поэтому, раз уж мы едем в их родной посёлок, грех не подвезти.

Как только деревянные домики окраин Айзенграта остались позади, он резко прибавил скорость. Карл с удивлением увидел, что неуклюжая на вид машина прекрасно держит 80 километров в час на снегу, укатанном до твёрдости асфальта.

Несмотря на то, что был выходной день, и Осануэва ещё не взошла, на дороге было не слишком пустынно. То Петер обгонял грузовики и трактора, в основном чадящие угольными трубами (однако попалась и парочка совершенно огромных монстров, ехавших совсем без дыма, видимо, на тиэни), то, на-

оборот, его вездеход обгоняли блестящие разноцветной эмалью джипы, явно разработанные инженерами с других планет.

Когда ночь сменилась синими предрассветными сумерками, на дороге попалось нечто совсем уникальное: огромный холм рыжей шерсти, неторопливой трусцой тащивший сани. В зеркале заднего вида мелькнули длинные клыки и хобот.

— Это мамонт, — пояснила Алина. — Тут к северу от Айзенграта километров на триста, до самого ледника, тундростепь, а в ней пасутся разные звери вроде этого. Можно потом в зоопарк сходить, посмотреть вблизи. Вроде на Земле двадцать тысяч лет назад тоже такое было, но когда ледники растаяли, этот ландшафт исчез, и звери повымерли.

Сначала Карлу казалось, что дорога прямо от окраин Айзенграта идёт через сплошной лес. Потом он понял, что это всего лишь довольно неширокие полоски деревьев вдоль дороги, а так в стороне за ними поля и деревеньки, к которым ведут регулярные съезды вправо и влево.

Постепенно местность становилась всё пересечённее. Горы, которые можно было увидеть на горизонте из Айзенграта — собственно, тот самый Железный хребет, который и дал название городу — всё приближались, и дорога уже начала карабкаться по крутым холмам предгорий.

Алина и Петер продолжали вчерашний разговор про необходимость строительства под Осануэва собственного космического флота — не слишком серьёзно, скорее в порядке дружеской пикировки. Вдруг Петер решил расширить круг участников разговора:

— Карл, ты ведь вроде судостроитель по основной профессии? Может, останешься тут, займёмся с тобой этим делом?

— Я бы, может, и остался, — попытался отшутиться Карл. — Но как же Лада?

— А вы заведите ребёнка, — предложила Алина. — Ребёнок — это минимум пять лет перерыва в дальних полётах. За это время ты построишь здесь Петеру его любимый флот, а Лада наладит куда более полезную для мира спасательную служ-

бу на флиттерах и обслуживание спутниковой группировки.

— Не, — неожиданно серьёзно ответила Лада. — Я ещё не налеталась. Вот через сотню мегасекунд...

Впереди показался арочный мостик, пересекающий дорогу. По мостику электровоз тащил длинный состав думпкаров.

— О, к Шварцвадеру подъезжаем, — отвлёкся от разговора Петер. — Здесь самая дешёвая бункеровка на всей трассе.

Прямо за железной дорогой начинался городок. Выглядел он примерно так же, как Айзенграт: бревенчатые срубы, крытые черепицей, узорчатые металлические заборы палисадников, засыпанных снегом по самые окна домов. Шоссе обходило городок по самому краю, делая широкую петлю.

В конце этой петли Петер затормозил и свернул под знак, изображающий кучу угля с воткнутой лопатой. Вездеход въехал под широкий бункер, поднятый над землёй наподобие крыши, от которого вниз спускались широкие прямоугольные трубы. Петер выскочил из машины, открыл довольно большой люк в правом борту где-то в районе заднего сиденья и вставил туда отогнутый в сторону конец трубы, после чего обернулся в сторону небольшого домика-кассы и показал два пальца. Лязгнула какая-то заслонка, и по трубе в бункер вездехода посыпался уголь. Петер наблюдал за процессом, вооружившись извлечённой непонятно откуда совковой лопатой. Дождавшись, пока всё высыплется, он вынул трубу из люка, слегка разровнял уголь в бункере, убрал лопату и пошёл расплачиваться.

Когда он вернулся, Лада поинтересовалась:

— А что значит два пальца?

— «Насыпь мне два центнера угля.» Поскольку меньше центнера никто не берет, а больше тонны берут редко, тут все на пальцах показывают.

Как только вездеход отъехал от Шварцвадера, в ветровые стекла начали биться снежинки. Ещё через полчаса на дороге, пересекавшей широкую и почти безлесную речную долину, стали появляться перемёты, перед которыми Петер снижал скорость.

Вдруг Петер съехал с дороги куда-то вбок и остановил машину.

— Пора гусеницы надевать. Карл, пошли, поможешь.

Карл и Пит выбрались из машины. За ними было сунулась Лада, но Петер остановил её:

— Сиди, у нас патриархальная планета. Если мы можем избавить девушку от ворочанья тяжёлых железяк, мы это делаем.

Машина стояла на расчищенной площадке рядом с отходящим от дороги ответвлением, уходящим в узкую долину, прорезающую горы. Здесь была будка, больше похожая на избушку, чем на навес, на которой висело автобусное расписание. Рядом была сложена поленница дров. Из избушки торчала железная печная труба.

Стащить с полок гусеничные ленты, довольно тяжёлые, хотя и сделанные из какого-то лёгкого сплава, и расстелить их сзади машины параллельно друг другу — для этого требовалась грубая мужская сила. Зато потом вездеход вдруг двинулся с места и заехал на эти ленты всеми восемью колёсами. Оказалось, что Агата, белокурая девочка-студентка со смешными косичками, вполне в состоянии справиться с профессорской машиной.

Потом Петер произвёл ещё какие-то хитрые манипуляции с тросами и снова дал отмашку Агате. Машина опять двинулась назад и втащила половину гусеничных лент на верхнюю сторону колёс. Осталось забить пальцы, скрепляющие гусеницы в кольцо, и проехать на корпус вперёд, чтобы освободить тросы, намотанные на ведущие катки.

В целом вся операция заняла минут двадцать. После этого вездеход свернул на боковую дорогу, которую никто не чистил как минимум с начала снегопада.

Естественно, на гусеницах машина передвигалась намного медленнее, да и дорога стала более узкой и извилистой. Прошёл почти час, прежде чем сжавшие дорогу горные склоны расступились, и впереди блеснули черепичными крышами до-

мики Миллербаха.

Петер подъехал к одному из домиков и остановился. На шум на крыльцо вышел старик. Пока Петер чего-то с ним выяснял, Алина выбралась из машины, внимательно вгляделась в него и воскликнула:

— Мастер Михель, это вы?

Старик наморщил лоб, припоминая.

— Я же всех своих учеников помню, — пробормотал он. — А, двадцать три года[1] назад. Лина, Каролина… нет, Алина. Помню ещё!

Он вытащил из дома пару канистр, которые Петер помог ему закинуть в машину, и забрался в салон сам. Тем временем Агата и Лотта уже выбрались из машины и собрались разбежаться по домам.

— Не забудьте, сегодня моя мама приглашает всех вас на обед, — сказала Лотта на прощание.

По дороге, которую этой зимой явно чистили, но не после последнего снегопада, они выехали из посёлка и подъехали к огромному сооружению, стоявшему у самого склона гор. Мастер Михель отпер ворота и набросил привязанный к ним трос на буксировочный крюк в носовой части вездехода. Петер сдал назад, и створка ворот открылась, отгребая снег. Медленно двинувшись вперёд, вездеход въехал в ангар, после чего ворота закрыли уже руками.

— Пошли запускать систему отопления, — сказал Петер Карлу, вытаскивая канистры из кабины. Когда Карл подхватил переданную ему канистру, та была ощутимо горячей.

— Что это?

— Котельная вода. Сейчас нам раскочегаривать промороженный котёл, который крутит вентиляторы, а его лучше заливать горячей водой, — с этими словами Петер нырнул обратно в кабину и выбрался оттуда с совком горячих углей.

---

[1] Год в Мире Осануэва примерно на четверть длиннее земного, 37,2 мегасекунды.

Скоро в топке отопительно-вентиляционной системы весело пылал огонь, а стрелка манометра уверенно ползла вверх. Здесь был примерно такой же сверхкритический водотрубный котёл, как у Петера в вездеходе, только топка побольше, а над котлом был смонтирован огромный теплообменник с вентиляторами. К тому моменту, как давление поднялось до рабочего, он уже раскалился почти докрасна, и когда вентиляторы завертелись, то начали разносить по всему помещению потоки тёплого воздуха. Петер отставил в сторону лопату и включил шнековый углеподатчик.

— Вылезайте, пойдёмте смотреть, — позвал он Ладу и Алину, всё ещё сидевших в кабине вездехода. — Пока будем ходить, оно постепенно согреется. Вот это самая старая из сохранившихся паровых машин, — начал он экскурсию, показывая на джип-багги, у которого котёл был смонтирован на месте правого пассажирского сиденья. — Переделка из двигателя внутреннего сгорания, сделанного ещё до шияарского нашествия. Исходно двигатель, видимо, был инжекторный, поэтому вся система парораспределения кустарная, сделанная чуть ли не в деревенской кузнице. Автоматической топливоподачи нет. Машина требовала кочегара.

Потом пошли машины уже специальной постройки, в основном тяжёлая карьерная и лесозаготовительная техника.

Около очередного грузовоза стоял большой стенд, изображающий устройство топки.

— Первая машина с необслуживаемым котлом, — пояснил Петер. — Эта разработка была сделана в первые годы Изоляции. Если бы не она, мы, возможно, вернулись бы к двигателям внутреннего сгорания. Но появление необслуживаемых котлов привело к тому, что паровики сравнялись с карбюраторными двигателями по эргономике. Поэтому их мелкие преимущества вроде простоты запуска в мороз привели к тому, что здесь, на Севере, они до сих пор широко применяются, хотя сейчас нам доступны все современные технологии.

Карл внимательно изучил плакат и окончательно осознал,

что утверждение, будто шиярры вбомбили Мир Осануэва в XIX век, следует считать художественным преувеличением. Конструкция вращающейся колосниковой решётки, которая обеспечивала равномерное горение угля, была крайне простой и базировалась на примитивных физических эффектах. Но чтобы её создать, требовался уровень инженерии конца XXII века, то есть явно не без привлечения опыта древних арктурианцев, да к тому же немаленькие объёмы компьютерного моделирования. Зато тиражировать раз изобретённую форму можно было и в деревенской кузнице.

После этого изобретения в ряду помимо карьерной техники появились более компактные сельскохозяйственные трактора и вездеходы-микроавтобусы, вроде машины Петера. Ещё один стенд показывал, как местные инженеры уменьшали размеры котла и конденсатора, делая возможными не только огромные бульдозеры, но и легковые машины или малогабаритные погрузчики вроде того, который сейчас раскочегарил мастер Михель. Эта машинка явно была построена после Воссоединения, поскольку обладала роботизированной системой управления и теперь, пока старик сидел около тепловентиляторного агрегата и пил чай, полностью самостоятельно натаскивала гору снега в какое-то огромное корыто, где этот снег довольно быстро таял, подогреваясь топочным дымом.

А в дальнем углу Ладу ждал сюрприз. Там стояли два самолёта — одновинтовой биплан и довольно большой двухмоторный моноплан, размером примерно с PS-17, но не летающая лодка, а обыкновенный сухопутный самолёт с нижним расположением крыла и лыжным шасси.

— Что, и это тоже паровое? — удивилась она.

— Да, — подтвердил Петер. — Только оно всё же на жидком топливе. Все-таки у твердотопливных котлов КПД низковат. Биплан — с двигателем Добла, а моноплан — с турбинами.

— Ух ты! Интересно было бы попробовать...

— Увы, погода сегодня нелётная. А так охотоведы в тундростепи до сих пор используют такие машины для учёта Боль-

шой Дичи. Они гораздо тише бутанольных и меньше распугивают зверей. Аккумуляторные, конечно, ещё тише, но их у нас почему-то не любят.

— И даже симулятора тут нет?

— Нет. На симуляторе разница почти незаметна. Это не наповерхностные машины, у которых с двигателем Добла на малых скоростях совершенно другая динамика, чем с двигателем внутреннего сгорания. Здесь разве что поведение на большой высоте — нечто среднее между аккумуляторным и поршневым.

Тем временем мастер Михель возился с двумя машинами, стоявшими справа от входа — огромным бульдозером на трёхметровых железных колёсах и странной приземистой машиной на таком же шасси, как вездеход Петера. Эта машина куда больше походила на оригинальную задумку виргинца Кристи, чем мирный вездеход-микроавтобус — в её передней части была смонтирована рубка, сваренная из толстых железных листов, из которой вперёд торчал длинный ствол.

— А это что ещё за танк? — удивлённо поинтересовался Карл.

— Противолавинная пушка, — объяснил Петер. — Иногда для того, чтобы обезопасить дорогу, бывает нужно спустить снег, накопившийся в лавиносборе. Расстрелять лавину из пушки безопаснее, чем посылать туда людей закладывать подрывные заряды. А вот этим здоровым бульдозером расчищают дороги, засыпанные лавиной. А вообще... — он нахмурился. — Не нравится мне, что Михель сейчас приводит эти машины в боевую готовность. Полсуток снегопада вполне могут создать лавиноопасную обстановку, и дорогу закроют для проезда.

Глава 65

Мозаика летнего полдня

Они вошли в тот же дом, из которого утром забирали мастера Михеля. Входная дверь вела на большую застеклённую веранду, на которой было не сильно теплее, чем на улице. Летом здесь, возможно, собиралась вся семья, а сейчас было что-то вроде холодного склада. Следующая дверь привела их в полутёмный коридор с несколькими дверями слева, одной справа и лестницей в мансарду. Здесь уже было гораздо теплее.

— Это типичный осануэвский дом, — пояснил Петер. — Слева мастерские, гараж и скотина, справа — жилые помещения.

Карл принюхался, но не обнаружил никаких признаков того, что вплотную к коридору примыкает коровник или там мамонтятник. Вообще осануэвские двери внушали уважение: тяжёлые, в толстых коробках, врезанных в бревенчатые стены, они закрывались настолько плотно, что, кажется, могли бы использоваться в шлюзовых камерах космических кораблей, а открывались совершенно бесшумно.

Гости повесили верхнюю одежду на обширную вешалку, занимавшую почти всю правую стену, поставили под ней обувь, надев в изобилии валявшиеся под вешалкой войлочные тапочки, и через ещё одну столь же внушительную дверь вошли в жилую часть дома.

Первое, что их там встретило — огромная печь, излучаю-

щая тепло. Ее стенка, обращённая к входной двери, была превращена в большую картину, которую Карл сначала принял за витраж, но потом оказалось, что это мозаика, сложенная из идеально подогнанных друг к другу кусочков полупрозрачных поделочных камней.

На картине была изображена зеленеющая, слегка пожелтевшая от зноя степь. С белёсого неба ярко сияла Осануэва, на фоне далёких темно-зелёных гор прогуливались несколько мамонтов и носорогов, а полосатый саблезубый тигр крался за большерогим оленем. Всё это, казалось, источает жар летнего полдня.

— Моя работа, — похвасталась Лотта, выскочившая откуда-то встречать гостей и обнаружившая их интерес к картине.

— А почему она прямо светится изнутри? — поинтересовалась Лада.

— Так я в Техникуме учусь или где? Лампа подсветки от старого монитора — и ура, картина сияет как настоящий летний день. Она тут специально такая, для борьбы с зимней меланхолией.

— Вот тебе типичный пример тех самых осануэвских самоцветов, которыми Руслан мечтает набить полный трюм, — заметила Алина. — Так-то поделочные камни не стоят того, чтобы возить их с планеты на планету. Но осануэвская техника мозаики очень ценится в Галактике.

— А у тебя ещё есть? — поинтересовалась Лада.

— Пошли, покажу, — Лотта потянула третьего пилота «Марианны» в один из многочисленных небольших закутков, на которые было разгорожено отапливаемое печкой пространство. В этом закутке стояла двухэтажная кровать и небольшой столик со стационарным монитором и клавиатурой. Нырнув под кровать, девочка вытащила оттуда громоздкий деревянный ящик, в котором, аккуратно переложенная толстым картоном, лежала пачка мозаик в рамах из тонкой рейки.

— Вот это наш Миллербах весной, — комментировала Лотта. — А это рододендроны цветут на альпийских лугах. Вот, —

она показала пейзаж явно субтропического вида, — морской берег под Нуэва-Картахена. Мы туда ездили отдыхать два года назад. А это коралловые рыбки там же. А это сказочный сюжет: Зигфрид, побеждающий дракона.

— И здесь Фафнир, — усмехнулся Карл.

— А где ещё? — заинтересовалась Лотта.

— А это парочка моих учеников, вернее, учеников моего учителя, делала Фафнира для постановки в Венской опере как раз перед тем, как я ушёл в космонавты. Хочешь, скину запись?

— Хочу.

Лада тем временем рассматривала мозаики.

— А почему у тебя сплошные весенние и летние пейзажи? Совсем нет зимы...

— Потому что мозаика — это зимнее занятие. А зимой хочется помечтать о тепле, о лете — вот и сидишь перед камнерезным кругом, подбирая тёплые тона. А ещё почему-то мозаики с зимними пейзажами очень хорошо покупают. За летние дают куда меньше.

— А ты делаешь это по памяти? — спросил Карл.

— Нет, конечно. У меня уйма фотографий, — Лотта села за компьютер, на который уже переливались с наладонника Карла записи «Кольца Нибелунгов», вытащила на экран фотоархив и очень быстро нашла среди множества фотографий прототипы своих картин, комментируя их фразами вроде: «Правда, вот это дерево не отсюда, а вот оттуда».

— Слушай, — спросила Лада, постоянно переводившая взгляд с экрана на мозаики и обратно, — у тебя тут везде рисунок травы, или водяных струй, или облаков, передан натуральной фактурой камня. Как ты это делаешь? Это ж сколько камней надо разрезать, чтобы получился подходящий рисунок?

— Есть такая машинка, которая делает трёхмерную модель камня по рентгеноструктурному анализу. Все камни, которые добываются, попадают в неё, и на сайте рудника выставляются модели. Их там можно покрутить как угодно, порассекать

любыми разрезами и, если понравилось, заказать именно этот камень. Разве что кто-то другой успеет раньше. Поэтому сначала набираешь рисунок из срезов моделей на компьютере и только потом уже делаешь из настоящего камня. Это как машина. Та ведь тоже сначала рождается в воображении, потом в чертежах на экране и только потом обрастает железом.

— Лотта, куда ты дела гостей? — раздался громкий женский голос. — Все уже за столом, идите сюда.

Когда молодёжь присоединилась к остальным за столом, Лада спросила:

— Слушай, Лотта, а почему ты с такими талантами пошла в Техникум, а не в художественный колледж?

Девочка замялась.

— Понимаешь, Лада, — ответил за неё Петер, — невозможно жить под одной крышей с мастером Михелем и не проникнуться поэзией Горячего железа. Поэтому, когда умерла бабушка Грета, и мастер Михель переехал в дом своего внука Хельмута, судьба детей Хельмута была решена. Все они либо уже попали, либо скоро попадут ко мне на факультет паросиловых установок. Элен Гоозе из Художественного до сих пор дуется на меня за то, что для Лотты мозаика была и будет на втором месте после конструирования машин. Как будто я могу тут что-то изменить.

Глава 66

Лавинная опасность

У выезда из Миллербаха вездеход уткнулся в небольшую очередь грузовиков — штук пять машин стояли прямо на дороге и чего-то ждали.

— Что, опять лавинщики перекрыли дорогу? — поинтересовался Петер, высунувшись из кабины.

— Да, — коротко бросил один из водителей, столпившихся кружком.

— Странно, — вслух подумал Петер. — Вроде снегопад был небольшой и уже почти кончился… Пошли, что ли, посмотрим, — обратился он к своим пассажирам.

Карл и Лада, которым здесь было интересно абсолютно всё, последовали за ним. Алина осталась в машине, студентки тоже.

На самом краю посёлка, рядом с опущенным шлагбаумом, перекрывавшим дорогу, стоял небольшой домик. В нем перед пятидесятичетырехдюймовым монитором, на котором светилась карта долины, сидел довольно молодой, чуть постарше Карла, человек с рыжей бородой.

— Что, Курт, будешь спускать что-нибудь? — поинтересовался Петер.

— Не знаю ещё. В принципе снега выпало не очень много, но в последний час температура резко поднялась. Это меня и настораживает. Надо бы посмотреть, что на лавиносборе чет-

вёртой, да дрон пилотировать некому. У нас тут в Миллербахе два приличных пилота — Макс да я. Но Макс застрял где-то за Айзенгратом из-за нелётной погоды, а я… — он показал висящую на перевязи левую руку. — Позавчера возвращался с осмотра лавиносборов и неудачно упал.

— А спутник что показывает?

— Что он покажет в такую погоду? Облака слоистые он показывает. Клаус обещал помочь, но сначала, конечно, облетит свои лавиносборы.

— Значит, — внезапно влезла в разговор Лада, — в операторы рекогносцировочного дрона нужен профессиональный пилот? Такая квалификация пойдёт? — она протянула Курту свои судоводительские права.

— Толиманская космоходка, Лада Пантелеева… Слушай, ты, что ли, и есть та самая девчонка, которая делала кобру на винтовом гидросамолёте? В sky.pilotage писали в прошлом году…

— Ну, я, — смутилась Лада.

— Позволь пожать твою героическую лапу! — Курт протянул здоровую руку. — Что ж, тогда пошли выкатывать дрон.

Дрон оказался обычным радиоуправляемым самолётиком примерно двухметровой длины, с бутаноловым движком. Завели мотор, проверили управление, проверили какие-то приборы с антеннами под днищем и вернулись в домик, чтобы взлететь. Управление было организовано довольно стандартным способом — штурвал, педали, огромный экран, куда выводилось изображение курсовой камеры и показания приборов.

— А что он у тебя летает с ручным пилотированием? — спросил Карл. — Поставил бы автономную систему управления, будет возить тебе снимки по расписанию.

— Горы. Тем более летать обычно приходится в пакостную погоду. В хорошую я его пускаю на автопилоте, а в такую робот не справляется.

Тем временем Лада вывела дрон к нужному лавиносбору. Облака в этом месте почти касались гор, и изображение на

экране ощутимо покачивалось. Но как только Курт включил локатор, и на соседнем экране появились расплывчатые картины, чем-то похожие на данные УЗИ, самолётик пошёл как по струнке. Хотя Карл заметил, как на лбу у Лады выступили капли пота.

Они прошли лавиносбор на высоте не больше пятнадцати метров вдоль, потом поперёк, затем ещё раз поперёк, но уже пониже.

— Порядок, лети на базу, — скомандовал Курт. — Можно открывать дорогу — реструктуризация снега ещё не дошла до опасного предела.

Он потянулся к кнопке, открывающей шлагбаум. С улицы донеслось нестройное «урааа!», потом в дверь просунулся один из водителей грузовиков:

— Кого качать?

— Обожди минут пятнадцать, — остановил его Курт. — Надо ещё привести дрон назад.

— Тогда мы поехали, — водитель послал Ладиной спине воздушный поцелуй и скрылся за дверью.

Через несколько минут в дверях появилась Алина:

— Чего вы тут застряли? Все уже разъехались, один твой вездеход стоит как сиротинушка.

— Погоди, пусть Лада доведёт беспилотник обратно.

Тем временем стремительно сгущались серые сумерки. Снег стал сыпать чуточку чаще, огни посёлка на экране перед Ладой стали мигать и пропадать.

— Куда тут, если что, на запасной уходить? — бесцветным голосом поинтересовалась девушка.

— Какой запасной? — удивился Курт. — Это же беспилотник. Не такой у него радиус, чтобы долететь до места, где заметно другая погода. Если что, роняй в глубокий снег: вытащим — починим.

— Полосу бы подсветить.

Петер вытащил из кармана телефон и позвонил Агате. Через пару секунд загорелись дальним светом фары вездехода,

освещая дорогу на добрую сотню метров.

— О, спасибо, уже что-то, — бросила Лада, не отрываясь от пилотирования.

За окном уже был слышен стрекот движка беспилотника. Карл быстро надел бушлат и выскочил на улицу. Почему-то он почувствовал себя механиком этого борта, который обязан его встретить, принять от пилота и загнать в ангар.

Через несколько секунд после того, как остановился воздушный винт, Лада появилась в дверях домика в расстёгнутом бушлате и с кружкой чего-то дымящегося в руке. Она явно чувствовала рейс незаконченным, пока машина не водворена на штатное место, и вылезла проконтролировать этот процесс. Впрочем, уборка машины в сарай, где помимо неё стояли несколько снегоходов, десяток пар лыж, всякие ручные буры и прочее снаряжение, не заняла много времени.

Вернувшись в домик, Карл застал середину довольно жаркого диалога.

— ... Что с девочкой сделали, ироды? — патетически вопрошала Алина. — Она аж вся серая.

— Это метеоусловия такие, — вступилась Лада за ни в чём не повинных мужчин. — Почти как тиссинская глиссада.

Слово «тиссинский» Карлу доводилось слышать уже неоднократно. В основном в устойчивых идиоматических выражениях. «Тиссинская миля» значила что-то очень большое, расстояние, уже не слишком подходящее для пешей прогулки. А вот «ростом в тиссинскую сажень» — это было что-то вроде «лилипут, вообразивший себя если не великаном, то гренадёром». Теперь вот ещё «тиссинская глиссада». Карл дал себе обещание в процессе предстоящей долгой поездки разобраться, что значит это слово.

— Но на Тиссинэ же есть робоавиация, — вдруг заявила Алина. — Как сейчас помню, мегасекунд семьдесят назад мы заходили под Процион с каким-то крупногабаритным грузом, поэтому садились не на космодром, где там обычно садятся трампы, а как раз на тот, откуда работают дроны мониторинга

Тиссинэ. Небольшие такие, вроде ВКФ-овских полуатмосферных истребителей. Они летают с Сиэсса, проходят ту самую глиссаду, которой так любят мучить курсантов преподаватели космоходок, несколько дней патрулируют в нижних слоях атмосферы Тиссинэ, потом где-то в укромном месте приводняются, набирают воды в качестве рабочего тела и уходят на Сиэсс на техобслуживание.

— Обрати внимание, Курт: где-то в распоряжении человечества есть робопилоты, способные работать в таких условиях, — пояснил Петер. — Поищи информацию по тиссинским дронам. Скорее всего, она будет не в sky-что-то-там, а в space.pilotage.athmosphere или где-нибудь в этом роде. Может, и нароешь там себе код, который избавит тебя от необходимости пилотировать лично.

Пустив эту парфянскую стрелу, Петер покинул домик и полез на водительское место вездехода, который Агата подогнала к самым дверям. Остальные тоже поспешили занять место в машине. Лада свернулась клубочком на сиденье, положив голову на колени Карлу, и тихо приходила в себя.

Карл тем временем занялся информационным поиском. Он так и не перенял у своей подруги привычку всегда и везде таскать с собой ноутбук, но почитать статьи из глобопедии можно и на коммуникаторе.

«Тиссинэ — вторая планета Процион, класс тёплый водный гигант, диаметр 50 тысяч километров, ускорение свободного падения 12 м/с^2. Единственная известная планета, на которой в настоящее время обитает отличная от людей разумная раса, называемая тиссинцами. Название взято из одного из распространённых местных языков. Уровень развития наиболее высокоразвитых народов, по мнению разных исследователей, соответствует то ли античности, то ли эпохе Великих Географических открытий. Имеет 12 спутников. На крупнейшем из них, Сиэссе (см.) основана человеческая колония, обитатели которой занимаются в основном изучением Тиссинэ.»

Про милю стало понятно. Про глиссаду — не очень. С дру-

гой стороны, планеты-гиганты Солнечной системы отличаются зверскими ветрами. Помнится, даже песня была с такими словами: «Я ракеты сажал на Сатурне, мне плевать на земные ветра». Может быть, тёплым гигантам это тоже свойственно. К тому же очень кстати Карл вспомнил про такую вещь, как барометрическая ступень.

Однако ясности по поводу происхождения выражения «ростом в тиссинскую сажень» это не прибавило. Пришлось продолжить изыскания.

«Тиссинцы — автохтонные обитатели планеты Тиссинэ. Относятся к классу млекопитающих, по размерам и форме тела похожи на бобров, но чешуёй у них покрыт не только хвост, но и всё тело, как у панголинов. Обитают на биогенных плавучих островах, плавающих в океане, которым покрыта вся поверхность Тиссинэ. Некоторые народы обладают весьма высокой культурой обработки различных биогенных материалов. С металлами тиссинцы познакомились только в ходе контактов с людьми, поскольку твёрдое ядро планеты находится на глубине не менее нескольких тысяч километров, и заниматься разработкой полезных ископаемых у них нет возможности.»

Тем временем Алина с Петером продолжали спор, начатый в «Паузетке».

— Вот именно для этого и нужны космические полёты, — напористо объясняла Алина. — Перекрёстное опыление идеями. Как иначе свести в одной беседе Курта, которому нужен робот, умеющий летать над горами в мерзкую погоду, Ладу, которая сравнила этот полёт с посадкой на Тиссинэ, и меня, знающую, что на Тиссинэ способны работать дроны? Перекрёстное опыление идеями — единственный смысл, ради которого Галактика содержит Торгфлот.

Вездеход выбрался из узкой горной долины на трассу, и Петер остановил машину, чтобы снять гусеницы. В окнах избушки на автобусной остановке сверкали отблески пламени от топящейся печи, из трубы валил дым. Петер сунул нос в дверь:

— Ребята, вам куда? Мы до Айзенграта.

— Троих возьмёте? Прекрасно. А то рейсового три часа ждать, — автостопщики оперативно затушили печку, помогли прикрутить на крылья гусеничные ленты и полезли в салон. Это были три крепких бородатых мужика среднего возраста с ружьями и короткими лыжами, подбитыми мехом. В салоне сразу стало тесно.

— Ну как зверьё? — спросил Петер, выезжая на дорогу.

— Зверьё нормально, — ответил один из мужиков. — Сильных оттепелей не было, наста нет, олени нормально докапываются до чего надо, мелкие хищники мышкуют, медведи спокойно спят. Хотя мы на этом маршруте всего две берлоги посетили. Но в целом идиллия. Можно было не ходить в эти горы. Но в степь на учёт крупного зверя в ближайшее время не полететь — погода... У вас, кстати, есть кипяток? А то мы не успели почаёвничать на остановке.

Чем хороша паровая техника, так это тем, что даже из сверхкритического водотрубного котла с рабочим давлением в пятьдесят атмосфер всегда можно сцедить пару кружек кипятка. Тем временем Лада, видимо, немного отдохнула, а может, просто учуяла запах свежезаваренного чая, поскольку приняла нормальное сидячее положение.

Услышав рассказ Алины о сегодняшних приключениях девушки, один из охотоведов полез куда-то в карман рюкзака и вытащил мешочек, откуда вытряхнул горсть розоватых ягод с примесью хвои и тающего снега.

— Угощаю! Сегодня выследили, где олени её копают, и набрали себе немного.

— А что это?

— Лосеника, — объяснила Алина. — Бери, пока дают. Под Осануэва не найти лучшего тонизирующего средства, чем лосеника из-под снега, собранная в районе весеннего равноденствия. Раздави ягоды в чай.

Отпив пару глотков чая с лосеникой, Лада вдруг обвела взглядом всех пассажиров и спросила:

— А скажите, откуда вообще взялось всё это?

— Что это?

— Вот этот ваш северный очаг цивилизации. На всех нормальных планетах люди живут в основном в субтропиках, где растения растут круглый год. Даже на Марсе вся цивилизация сосредоточена в экваториальных каньонах. Тепла мало, но оно равномерное. Если где-то и строят город там, где зимой лежит снег, вроде Лег-энда под Бетой, то это рудничный посёлок, который обслуживается чуть ли не вахтовым методом. А у вас тут крупный город, который великоват даже для столицы планеты с пятимиллионым населением. Огромный гидроаэропорт, искусственно очищаемый от льда с помощью труб с горячей водой, десятки рейсов в день, тысячетонник посадить можно, хотя и стрёмно. В городе инженерный колледж, художественный колледж, горно-геологический колледж, а наличие старшей школы — верный признак того, что люди пришли сюда жить. Отъезжаем от города — фермы, поля, сани, запряжённые местной зверюгой. Ста километров не проехали — ещё один крупный город. Тут вот музей... В общем, если под Бетой Лег-энд существует только для того, чтобы снабжать Лерну и окрестности редкоземельными металлами, то у вас тут, по-моему, Нуэва Картахена существует для того, чтобы снабжать Айзенграт чайным листом и виноградным вином.

— Круто! — выдохнул охотовед помоложе.

— Я бы поставил зачёт по экономической географии, — пробурчал Петер с водительского места.

— Что ж, фройляйн, если вы и вправду тут только три дня, у вас хорошие способности к экономическому анализу, — подвёл итог старший из охотоведов.

— Вообще-то в космоходке этому учат, — Лада скромно потупила глазки.

— В общем, — начал рассказ старший охотовед, — в этой странной ситуации виноваты звери. Та самая мегафауна приледниковой тундростепи, представитель которой попался вам на дороге. Как и любая другая, колония на Осануэва начиналась поселением в субтропической зоне, первой её столицей бы-

ла Нуэва Картахена. Однако в душе многих североевропейцев почему-то живет неистребимая любовь к мамонтам, шерстистым носорогам, махайродам и пещерным медведям. Видимо, сказываются неандертальские гены. Поэтому через некоторое время после того, как выяснилось, что на этой планете обитают животные, очень похожие на тех, которые вымерли на Земле в конце последнего ледникового периода, образовалась куча желающих поселиться как раз в окрестностях их мест обитания. Договорились с мэром Нуэва Картахена, который справедливо полагал, что ближайшие несколько веков его людям эти места не понадобятся, и высадились. Правда, за двенадцать лет спано не больно-то развили промышленность, занимаясь в основном сельским хозяйством и пользуясь мощностями корабля-завода. Поэтому в первые годы существования Айзенграта между двумя колониями даже возникали трения по поводу использования ограниченных мощностей высокотехнологичных производств. Но поскольку у нас тут весьма неплохие залежи всяких полезных ископаемых, мы начали потихоньку наращивать собственные промышленные мощности. К моменту, когда шияары объявили нам о своём прибытии в систему, расстреляв с орбиты корабль-завод, у нас не было только производства полупроводников, высокотехнологичных аккумуляторов и продвинутой фармацевтики. Но гораздо хуже было то, что почти вся технологическая информация не была растиражирована за пределы дата-центра корабля-завода, поэтому изобретать технологии пришлось заново. Так что за одиннадцать лет, пока шияары контролировали систему, мы не так уж далеко продвинулись — слишком мало людей могли выделить на это дело. В молодых колониях всегда не хватает рук и голов.

Глава 67

Там, в маленьком кафе

Над Веной светило яркое весеннее солнце. Пожалуй, было ещё слишком прохладно, чтобы наслаждаться времяпрепровождением в летнем кафе, но троих мужчин, оккупировавших столик на только что открывшейся после зимы веранде на Роттентурмштрассе, это не смущало. Тем более все трое были одеты по погоде: один — в офицерский китель ВКФ с погонами капитана второго ранга, второй — в тёплый свитер из исландской шерсти, третий — в строгий костюм.

— Ваши ребята очень хорошо поработали, Айзек, — сказал капитан, обращаясь к человеку в свитере. — Выводите их на защиту, я готов взять на себя оппонирование... наверное, у троих. Больше мне не потянуть, у меня ещё свои курсанты есть.

— Скажите спасибо Гансу, — ответил тот. — Если бы его аспирант не догадался, что диспетчерская Клавиуса прямо-таки набита работоспособным оборудованием, совместимым с модулями памяти из компьютера Таннера, вряд ли мы сумели бы решить эту задачу так быстро — пока бы ваш курсант привёз это на Землю, пока бы мы тут его прочитали...

— Но ведь большая часть материалов взята не оттуда, а из архивов земной Сети, — возразил самый молодой из участников встречи, одетый в костюм. — Так что не надо переоцени-

вать роль Морица.

— Там было самое главное, мсье Шварцвассер, — возразил Бромптон. — Таннер очень аккуратно вёл список своих публикаций. Так что почти всё, что нашлось на Земле, мы искали по ссылкам, обнаруженным на Луне.

— Выводить на защиту, — задумчиво пробормотал себе под нос Шварцвассер. — А для защиты обитаемых миров от творений Таннера выйдет какая-то польза от этой находки?

— Увы, — разочаровал его Гонсалес. — Всё, что можно было узнать о шияарах из материалов Таннера, мы и так уже знали, изучая их как абсолютно чуждую внеземную форму жизни.

— Но почему они получились такими враждебными? Вроде бы Таннер задумывал их как симбионтов человека.

— Так иначе и не могло быть. Понятно, какую пользу могут принести людям существа, обитающие в открытом космосе, но непонятно, что они могут получить от людей взамен. А если за основу взять модели интеллекта, выжившие в стратегической игре, они неизбежно получатся параноиками. Отсюда это их «обезьяна должна сидеть на дереве».

— Забавно другое, — сменил тему Бромптон. — Доступ к исходным текстам шияаров ничего не дал нам в плане развития робототехники. Оказалось, всё, что могло быть полезным, Таннер уже опубликовал, и эти его статьи сейчас считаются классикой.

— Кстати, Мигель, а откуда тогда взялись тиэни? — спросил Шварцвассер. — Все материалы, связанные с термоядерными генераторами весом меньше двадцати тонн, восходят к вашему осануэвскому отчёту, но у Таннера ничего похожего нет. У него все внутрикорабельные роботы — аккумуляторные.

— Наверное, шияары сами их изобрели, — пожал плечами Гонсалес. — Как мы сейчас знаем, окрестности красных карликов обычно очень бедны литием. Соответственно, в системе Gliese 556 и ещё много в каких заселённых ими системах шияары испытывали явный дефицит литий-ионных аккумуляторов. Вот и исхитрились втиснуть тиэни в габариты

мобильного внутрикорабельного робота. Правда, их варианты были увешаны процессорами — так же, как у высших животных всё пронизано нервами, у шияаров в каждой подсистеме торчат процессоры и датчики. Поэтому современные аварийные тиэни, которые весят полцентнера и почти лишены электроники — это уже человеческая разработка. Причём арктурианская, на базе древнеарктурианских банков физэффектов. Можно сказать, это совместное творчество всех известных разумных рас, поскольку форма акустического резонатора, создающего в плазме стабильную стоячую волну, была слизана с тиссинского музыкального инструмента.

— Так значит, вы считаете шияаров разумной расой?

— Конечно. Потому мы и называемся Военно-Космическим флотом, а не какой-нибудь бригадой зачистки космической нежити. Они — вполне разумная раса, но, к сожалению, состоящая из абсолютно независимых роёв. Нету у них центрального правительства, с которым можно было бы заключить мир. Поэтому приходится чистить от них систему за системой.

Обсудив ещё ряд менее животрепещущих вопросов, преподаватели собрались расходиться.

— Прогуляйтесь до лаборатории Ганса, — посоветовал Гонсалес Бромптону. — Там наверняка сидит Мара, она подкинет вас в Бордо. А я уже староват работать баллистическим извозчиком. Эх, когда же у вас появится нормальная малая авиация?

— Будто вы, Мигель, сами не знаете, когда, — буркнул тот. — Когда вы бросите цацкаться с нашими так называемыми правительствами и завоюете нас по-человечески.

— Ну уж нет, — невесело усмехнулся старый капитан. — Мы, конечно, не столь меркантильны, как шияары, но на такой альтруизм не способны. Взваливать себе на шею администрирование десяти миллиардов людей, которые привыкли к патерналистским правительствам... В своё время наши предки предпочли покинуть Землю и искать новую родину, а не пытаться переустроить старую. Впрочем, и сейчас никто не ме-

шает вам это делать. В наличии есть не менее десятка запаркованных планет — в смысле уже исследованных, пригодных для колонизации, на которые пока не набралось колонистов. А если выкупить патенты колонизации на этот десяток, у планетологов прибавится денег, и они за пару лет разведают ещё столько же. Но расшевелить вашу инертную массу... За последний год желание отправиться в Галактику изъявили лишь пятеро землян: Карл Кроппке, Анджей Краковски, Сильвио Джанелли, Мишель Рандью и Ганс Пфельце.

— Погодите-погодите, — перебил его Шварцвассер. — Трое из перечисленных — мои сотрудники. Анджея я тоже знаю. Но кто такой Джанелли?

— Преподаватель вокала из Милана. Как только он узнал от Андреа Фаррани, что на Лемурии нет ни одного преподавателя итальянской школы, так сразу собрал чемодан и купил билет на первый же корабль под Арктур. Видимо, быть первым в Му-Сити лучше, чем вторым в Риме, точнее, в Милане.

— Интересно, а сколько спейсиан за это время посетило Землю?

— По большому счету, одна Фаррани, — вздохнул Гонсалес.

— А эта девочка-аниматор, Гертруда Марсианская?

— Труди не в счёт. Она прилетела не на Землю, а конкретно в Порт- Шамбалу. Ну влюбилась девушка в бравого курсанта и променяла довольно крупный город на военную базу, это случается сплошь и рядом. Но, кстати, как раз спейсианскому туризму на Землю земные законы сильно мешают. Фаррани жаловалась мне, что как-то неудобно прикрываться Антверпенским договором, если люди, с которыми ты общаешься, не имеют подобной защиты.

Глава 68

Хчыагнул

Второй день пребывания Анджея на Лемурии прошёл в сборах. А на третий день с утра пораньше они с Ильмой взвалили на спины не слишком тяжёлые рюкзаки и отправились на станцию мотриссы.

Анджей удивился, почему они не воспользовались автожиром, но Ильма объяснила, что парковка около аэровокзала дорогая, а гонять машины этого класса совсем без людей в кабине не разрешается. Поэтому пусть машина постоит около дома.

На станции, несмотря на раннее утро, было многолюдно. Группа молодёжи, одетая более-менее одинаково в немаркие костюмы, напоминавшие полевую форму какой-нибудь армии, окружила кучу рюкзаков и ящиков. Вторым кругом стояла ещё одна группа людей, одетых куда более разнообразно — вероятно, провожающие. В руках у одного из них была гитара. Как раз когда Ильма и Анджей вошли на платформу, вся толпа дружно подхватила припев:

Далеко, далеко, далеко[1]
Уезжают хорошие люди.
Снова встретятся люди с тайгой,
Что-то будет, чего-то не будет.

[1] песня Ю. Кукина

Нелегко, нелегко, нелегко
Расставаться, так редко встречаясь.
Не беда, что нам снится покой.
Очень редко спокойно ночами.

— Технологи археологов провожают, — заметила Ильма. — В отличие от нас, этнографов, археологи ездят в экспедиции большими командами. А технологи постоянно работают вместе с археологами, разгадывая загадки всяких артефактов Древних, а то и применяя в современной промышленности найденные Древними рецепты. Поэтому отношения очень тесные. Естественно, возникают дружеские связи, романы. Вот сейчас отряд археологов куда-то отправляется. О, это команда Свантессона, значит, в Затагарье, а ребята пришли их проводить.

К остановке подошла мотрисса. Команда археологов загрузилась в вагон, а вслед за ними и Ильма с Анджеем. Ехать было не слишком далеко.

То, что здесь называли аэровокзалом, оказалось намного ближе к Хиппу, чем морской порт, где швартовались космические корабли. Справа от здания аэровокзала стояли более-менее привычные Анджею по земным аэропортам винтовые двух- и четырёхмоторные самолёты, а слева парковались флиттеры размером с автобус.

До посадки в нужный флиттер оставалось ещё несколько минут, и Анджей попытался разобраться, куда и на чём здесь летают. Самолёты обслуживали в основном линии средней дальности, где слишком далеко для машины или автожира, который садится прямо в городе, но ещё недостаточно далеко для того, чтобы использовать флиттер. Впрочем, в некоторые города можно было долететь за четверть часа на флиттере или за два часа на самолёте, при этом самолёт стоил чуточку дороже. Видимо, не все пассажиры хорошо переносили суборбитальный полёт.

Однако в Хчыагнул летали только флиттеры, причём, судя по времени в пути, расстояние было примерно как от Вены до Порт-Шамбалы. Похоже, маршрут был достаточно попу-

лярным, во всяком случае, рейсы в расписании стояли каждые пятнадцать минут.

Анджей ещё никогда не летал в тяжёлых флиттерах размером с автобус. Но Мара достаточно много катала его в «легковом» флиттере, поэтому ничего необычного в суборбитальном полёте он не заметил.

Флиттер приземлился в широкой долине, по обеим сторонам которой поднимались заснеженные горные хребты, сияющие в свете солнечного дня. Здесь тоже был большой аэропорт, практически такой же, как в Му-Сити, только почти без самолётов. Ту часть порта, где не было флиттеров, оккупировали вертолёты и автожиры.

Пассажиры потянулись к зданию аэропорта, но Ильма направилась куда-то вбок, к полосе густого кустарника, огораживающего стоянку флиттеров. Там оказалась натоптанная тропинка, ведущая вниз по довольно крутому склону. Десятком метров ниже огромной речной террасы, на которой был расположен аэропорт, пролегала неширокая дорога с твёрдым покрытием, а на небольшом столбике висело расписание автобусов.

— Автобусы из аэропорта — для туристов, — пояснила лемурийка. — Кто не знает, что тут к чему, переплачивает примерно втрое. Да и толкучка там. А мы сейчас дождёмся местного пригородного автобуса и спокойно доедем на нём до Нового города.

Не прошло и десяти минут, как из-за поворота показался небольшой, мест на тридцать-сорок, обшарпанный автобус, негромко тарахтящий двигателем внутреннего сгорания. Билет в нём стоил двадцать пять центов — действительно недорого, а за рюкзак отдельных денег не требовали. Правда, свободных сидячих мест не было, и нашим героям пришлось усесться на собственные рюкзаки, поставленные в проход.

Автобус обогнул по дуге аэропорт, следуя вдоль русла весело скачущей по камням реки, углубился в светлый редкий лес, состоящий из деревьев, похожих на сосны, потом опять

выскочил на открытое место, почти полностью покрытое возделанными полями. Здесь горы заметно сблизились, сжимая речную долину.

Вдруг впереди долину перегородил земляной вал, покрытый густой зелёной травой, вершина которого была украшена внушительной крепостной стеной с башнями из тёмного, почти чёрного камня. Река вырывалась из большой арки у подножия этого вала, сложенной из огромных камней. В другую такую же арку, ощетинившуюся по верху коваными зубцами опускной решётки, уходила дорога.

Автобус нырнул в тоннель, освещённый развешенными по стенам фонарями, стилизованными под факелы, и начал с натугой взбираться вверх по довольно крутому подъёму. Примерно через километр тоннель превратился в выемку, а там и выбрался на поверхность.

Внезапно автобус оказался на улицах города с совершенно необычной архитектурой: первые этажи зданий были образованы рядами стройных, немножко заострённых к верхней части арок, вторые заметно выступали над улицей, третьи — ещё сильнее, а выше дома отступали обратно, и пятый этаж был не больше первого. Узкие, часто расположенные окна, застеклённые синеватыми стёклами, придавали домам вид огранённых сапфиров.

— Здесь застройка позднеимперского периода, — пояснила Ильма. — От того города, по которому ходила Харисса, пожалуй, уцелела только крепостная стена. А эти дома — современники Ри Сагыха, того композитора, который её воспел.

— Сколько же лет назад это было?

— Около миллиона. По сравнению с тем миллионом лет, который прошёл со времён Перемещения, те жалкие века, которые разделяли Хариссу и Ри Сагыха, или их обоих и Ираха Хыкага, архитектора Перемещения, — такая мелочь, погрешность в третьем знаке после запятой.

— Удивляюсь, как всё это могло сохраниться.

— Во времена Перемещения город уже давно был музеем

под открытым небом, и для консервации зданий были использованы технологии, намного превосходящие те, которые сейчас доступны людям. Технологии расы, умеющей двигать планеты. То, что удалось раскопать нашим археологам — пока лишь крупицы того, что умели Древние. Чем больше развивались технологии, тем более совершенными делались процедуры повторного использования. Если от строителей вот этих домов остались громадные свалки, где временами можно найти вполне исправные технические устройства, то те, кто жил на тристачетыреста земных лет позже, не оставили почти ничего. Кроме разве что того, что они специально хотели сделать вечным.

Тем временем древнеарктурианские здания по бокам улицы кончились, и после неширокой полосы парка автобус въехал в район, застроенный явно человеческими двух-трёхэтажными домами. На очередных остановках народ стал массово выходить из автобуса, пришлось вставать, пропуская его. Наконец Ильма тоже засобиралась к выходу.

Когда они выбрались из автобуса, вокруг расстилалось какое-то промышленное предместье — глухие заборы, огромные площадки, заставленные грузовиками. Ильма решительно направилась к бензоколонке, за которой возвышалось трёхэтажное здание с черепичной крышей и мансардами.

— Это шофёрская гостиница, — пояснила она. — Сейчас мы кинем здесь рюкзаки и пойдём смотреть Старый город. Потом здесь переночуем, а утром поймаем попутку, потому что автобусы в Порт-Маккавити ходят только раз в неделю, и ждать три дня нет никакого резона.

— Макавити? Это же кот из известного мюзикла про кошек?

— Ну да, тот самый, который «breaks the law of gravity». Ещё первая экспедиция обнаружила там на берегу моря удивительную выветренную скалу, похожую на кошку, выгнувшую спину, которая, как кажется, стоит вопреки притяжению планеты. Вот её и прозвали именем чудо-кота, нарушающего законы гравитации. А потом там образовался город, который назвали Порт-Маккавити. Кстати, в сам порт флиттеры летают

четыре раза в день. Но нам нужно не туда, мы сойдём примерно на полдороге.

Они быстро сняли номер, бросили рюкзаки, и Ильма энергичным шагом двинулась куда-то в сторону центра. Анджей еле поспевал за ней. Свернув с главной улицы, она решительно направилась через какие-то кварталы двухэтажных таунхаусов, утопающих в зелени деревьев, прошла пару кварталов и позвонила в калитку одного из блоков.

Дверь открыла женщина — на взгляд Анджея, моложе Ильмы. Впрочем, с определением возраста спейсианских женщин на глаз он откровенно путался — шестнадцатилетняя выпускница профессиональной школы могла выглядеть вполне взрослой, а Ильма казалась не старше своей дочери. Одета она была в идеально подогнанный по фигуре камуфляжный комбинезон с разнообразными нашивками.

— О, госпожа полковник! — приветствовала её Ильма. — Ещё не на службе?

— О, госпожа профессор! — в тон ответила та. — Наконец-то ты добралась до нашего захолустья.

— Знакомьтесь, — представила хозяйку и своего спутника «госпожа профессор». — Это Анджей Краковски, журналист с Земли, которая под Солнцем. А это Сесилия Инедрис, начальник следственного отдела региональной полиции. А Джерри дома?

— Дома, кофе пьёт, — ответила «госпожа полковник». — Ты же знаешь — учёные, в отличие от нас, полицейских, имеют возможность вести размеренный образ жизни.

— Ну, я, как видишь, уже давно на ногах.

— Так у вас в Хиппе Арктур встаёт на шесть часов раньше. Вы, небось, уже проголодаться успели. Пошли в дом, накормлю завтраком и вас заодно.

Она провела гостей на маленькую кухню, где за столом с чашкой кофе в руках сидел бородатый мужчина в застиранной футболке. Он тоже обрадовался появлению Ильмы, как старой знакомой. Сесилия быстро метнула на стол ещё две тарелки и

навалила в них какого-то овощного рагу с мясом. Вкусно, но совершенно непонятно, из чего сделано.

За едой Ильма выспрашивала у Сесилии новости из жизни каких-то общих знакомых, судя по всему, не известных не только Анджею, но и Джерри.

— А Майк как поживает?

— Подался в планетарные силы быстрого реагирования. Теперь водит там что-то среднее между флиттером и пинассой. Смылся от нас в Порт-Лобофф.

— А Руслан?

— Погиб в феврале в поисково-спасательной операции. Был большой циклон. . .

— Пер?

— Теперь моя правая рука. Женился на Бетси — помнишь эту светленькую девочку-диспетчера? Мы думали, чуточку солиднее станет, а он ничуть не изменился. Но к майору его не представлю, пока не остепенится. Пусть в капитанах походит.

— А у вас в музее как дела? — переключилась Ильма на Джерри.

— Да как всегда. Интересных находок уйма, денег не хватает, археологи вечно норовят увезти всё самое интересное в Музей планеты в Му-Сити, приходится костьми ложиться, чтобы поделить хотя бы поровну. А у них гранты от муниципалитета Му-Сити на пополнение Музея. И что я могу сделать? У нас небогатый горный район, наш регион не может выделять таких субсидий. А поступлений от билетов еле-еле хватает на поддержание музея и реставрацию тех экспонатов, которые уже есть в коллекции.

— А что, разве музей финансирует не государство? — удивился Анджей.

— А государство-то тут при чём? — не в меньшей степени удивился Джерри. — Государство — оно в Бootисе, на другом берегу Картайского моря. Нет, конечно, король Аслан II не чужд меценатства и благотворительности, но у него свои краеведы и археологи, с какого перепуга он будет вкидывать

деньги в Хчыагнул?

— Ничего не понимаю, — растерялся Анджей. — Я, видимо, как-то забыл ознакомиться с политическим устройством Лемурии.

— Очень просто, — сказала Сесилия. — Как и во всех мирах. Есть локальные муниципалитеты, которые собирают налоги, содержат медицину, полицию и т.п. Часть налогов отстёгивают в регион, он содержит следственную полицию, высокотехнологический медицинский центр и кое-какую транспортную инфраструктуру. Регионы отстёгивают часть налогов в планетарную полицию, которая занимается в основном контролем крупных компаний и реагированием на чрезвычайные ситуации вроде планетотрясений. Ну и, естественно, планетарная полиция следит за региональной, региональная за муниципальной и наоборот. Науку же финансируют в основном неправительственные фонды, которым понемногу отстёгивают и муниципалитеты, и регионы, а в основном — частные пожертвования.

— А при чем здесь какой-то король?

— А при том, что на Лемурии всё есть. Если ты спросишь про государство под Бетой или Толиманом, да даже и на Атлантисе, то собеседники сделают большие круглые глаза и скажут, что когда их предки улетали с Земли, то государство прихватить с собой забыли. А у нас вот не забыли. Нашёлся тип, который объявил себя королём всего созвездия Волопаса. Управлял он на самом деле довольно неплохо, и вокруг его дворца постепенно вырос процветающий город и здоровенный кусок густонаселённой сельскохозяйственной местности. Вот к нему и приклеилось название Боотис[2]. Потому что король именуется Rex Bootis, а значит, то, чем он реально правит, Боотис и есть.

— Кстати, это мысль, — сказала Ильма. — По плану после Агнульского хребта мне всё равно надо посетить долину Далии. А от Боотиса туда добираться ничем не хуже, чем от

[2]Bootis — Волопас (лат.)

Вакрахамнена.

— А ты, кстати, знакома с королём? — поинтересовалась Сесилия.

— Не хуже, чем с тобой. У него в королевстве тоже полно скэттера, и в моих консультациях он нуждается не меньше, чем хчыагнульская региональная полиция.

— А религиозные фундаменталисты у вас на Лемурии есть? — поинтересовался Анджей. По результатам посещения Музея планеты он составил впечатление, что скэттер в основном слишком близок к природе, чтобы представлять собой сколько-нибудь организованные религиозные общины, а про гэзер Ильма прямо сказала, что тот варится в одном информационном супе со спейсианскими городами.

— А как же! — гордо ответила Сесилия. — У меня в регионе целых две общины — пастафарианцы и джайны. А у короля есть даже эти, исповедующие софизм... нет, суфизм.

Дальше непонятным образом мужчины были выпихнуты на экскурсию по древнему городу, а Сесилия с Ильмой остались обсуждать какие-то проблемы хчыагнульской региональной полиции, связанные с этнографией скэттера.

Теперь Анджей получил возможность рассмотреть строения позднеимперского Хчыагнула не из окна автобуса, а вблизи. Почему-то они напомнили ему не имперские столицы Земли, в одной из которых он вырос, а скорее внезапно разбогатевшие на нефтяном буме конца XX–начала XXI веков бедуинские монархии Аравии или, может быть, Москву, которую в начале XXI века точно так же изуродовало нефтяное богатство, свалившееся в постсоветский период.

Всё-таки обычно древние города куда более гармонично сочетают застройку разных эпох. Даже Лелистад и Бразилиа, возникшие на чистом месте в середине XX века, три столетия спустя приобрели определённый шарм древности. А здесь вся застройка относилась к одному периоду. И никаких следов того, что раньше или позже этого периода здесь тоже жили.

Как объяснил Джерри, примерно за поколение до Ри Са-

хыга город был начисто уничтожен землетрясением и селевым потоком. Уцелела только крепостная стена. При этом Империя была настолько богатой, что восстановила город по последнему на тот момент слову архитектурного искусства на то число жителей, которое он имел до катастрофы. Таким образом, потребности в новом строительстве в городе так и не возникло вплоть до того момента, как планета была перемещена на новую орбиту, и население стало куда-то исчезать. В результате получился очень забавный контраст между величественной, но застывшей древнеарктурианской архитектурой, покой которой нарушался только достаточно почтительными экскурсантами, и живым, зелёным, но эфемерным человеческим городом, полукольцом охватившим исторический центр.

По этому поводу Джерри на память процитировал эссе современного литератора Питера кхе-Чьоля. Анджей восхитился безупречным слогом и ядовитостью сарказма и поинтересовался, кто это вообще такой.

— Никто толком не знает, кто это и где он живёт, — пожал плечами Джерри. — Только в Сети периодически появляются тексты с однозначно узнаваемым стилем. Нет ни одного события, вызвавшего резонанс в блогосфере, на которое он бы не откликнулся. Даже по вашему сериалу «Основание» уже успел проехаться, — Джерри ткнул пальцем в портрет на майке Анджея.

(Вечером в гостинице Анджей нашёл в Сети эту рецензию и прочитал. Чувствовалось, что автор успел не только посмотреть сам сериал, но и прочесть книгу-первоисточник, и скорее полемизировал с идеями Азимова, чем критиковал игру актёров и работу сценариста. От лежащей в основе эпопеи идеи погружения в варварство при распаде централизованной власти он вообще не оставлял камня на камне.)

Обедать археолог повёл гостя в кафе, приютившееся на самом краю исторической части, мотивировав тем, что побывать в Хчыагнуле и не попробовать древнеарктурианскую кухню — это просто упустить всё на свете.

Обстановка в кафе была совершенно необычной — сиденья подвешены к потолку на манер качелей, а вместо вилки подавалось нечто, похожее на большой пинцет. Фирменное блюдо представляло собой что-то вроде спагетти, перемешанных с тонкими колбасками, по толщине сравнимыми с макаронами. Все это предлагалось наматывать на пинцет и отправлять в рот. В общем, при необычности формы это блюдо имело довольно банальное содержание. Зато напитки показались Анджею куда интереснее. До сих пор на Лемурии он пил в основном обычные земные чай и кофе, в крайнем случае сидр, а тут подавались настои из каких-то типично лемурийских трав.

Глава 69

Лемурийские горы

Машина притормозила у незаметного перекрёстка, где в лес, поднимающийся по склону, уходила малонаезженная колея. Ильма легко спрыгнула из кабины, Анджей подал ей оба рюкзака и выбрался следом. Водитель крикнул на прощание что-то неразборчивое и рванул с места, оставляя шлейф пыли.

Ильма взглянула на наручные часы, потом на небо, где сиял оранжевый диск Арктура, и шёпотом выругалась.

— Придётся поторопиться, — пояснила она. — Уже почти полдень, а до хыгра Айол не меньше двадцати километров. Хорошо бы дойти до темноты. А мы ещё и не акклиматизированные.

До заката оставалось ещё минимум часов семь. Вроде рано начинать волноваться, но неизвестно, какая там дорога.

Ильма распределила груз по рюкзакам так, что оба весили почти одинаково, килограммов по пятнадцать. В принципе, за свою жизнь Анджей таскал и не такое. Он вскинул рюкзак на плечи и пристроился вслед за Ильмой, стараясь поддерживать выбранный ею темп.

Первое время идти было легко. Дорога вилась под сенью высоких деревьев, поднимаясь по покрытому лесом склону. Минут через сорок хода рядом с дорогой показалась полянка со скамейкой под дощатым навесом и кострищем, выложенным

камнем. Рядом из скалы бил небольшой родник, и маленький ручеёк журчал по камням, пересекая дорогу. Здесь Ильма объявила привал.

Сбросив рюкзак и потянувшись, Анджей обнаружил, что слегка запыхался, но вовремя вспомнил дыхательные упражнения, которым научил его бармен в Офире-восточном. Там это была стандартная практика, помогавшая пришельцам с планет с нормальным атмосферным давлением привыкнуть к разрежённому воздуху хандрамитов.

— Интересная медитативная техника, — прислушалась к его дыханию Ильма. — Это где на Земле практикуют такое? Памир, Непал, Кунь-Лунь, Анды?

— На Марсе научился, — ответил Анджей, завершив комплекс. — У них там давление по каким-то техническим причинам в четыре раза ниже нормального, хотя процент кислорода выше. Поэтому там уже привыкли адаптировать прилетающих.

После этого обмена репликами они замолчали. Просто сидели под навесом и впитывали в себя окружающую красоту, чистый горный воздух, звуки леса. Анджей не был в горах, наверное, уже года полтора. Он заметил, что Ильма тоже наслаждается окружающей обстановкой, как после долгого перерыва.

Вдруг у неё в голове как будто будильник сработал.

— Время, — бросила она, поднеся часы к глазам. — Встали и пошли.

Вскоре после перевала от дороги ответвилась неширокая тропинка, уходившая почти строго вверх по склону. Около развилки стоял столб, к которому была прибита доска с вырезанной ножом надписью «Айольский перевал».

Анджей поглядел под ноги. Отметок краски на камнях, распространённых в австрийских Альпах, здесь не было. Зато между камнями в земле попадались следы подков.

Подъём по этой тропе дался намного тяжелее, чем движение по дороге. Пришлось сделать ещё один привал до перевала.

Здесь тоже было оборудовано место с очагом, правда, скамейка была сделана из слегка подтёсанного камня, выступающего из земли, а вместо родника в паре метров от места привала журчал стекающий по склону ручей. Здесь деревья уже не росли — начались альпийские луга.

Следующая остановка была уже на перевале, откуда открывался совершенно шикарный вид в обе стороны. Назад — широкая долина, покрытая лесом, где-то далеко внизу синеют озёра и вьётся река, в другую сторону — нагромождение ущелий и хребтов.

Через полчаса после перевала тропа упёрлась в колоссальный скальный обрыв, поднимавшийся над тропой не меньше, чем на пару сотен метров, и простиравшийся вниз куда-то совсем далеко. Около конца тропы стояло странное сооружение, напомнившее Анджею старинную телефонную будку: врытый в землю столб, накрытый небольшой двускатной крышей из грубых досок, а под крышей к столбу прибит прямоугольный металлический ящик с прорезью, в верхней части которой торчал десяток металлических палочек. Далее прорезь спускалась на несколько сантиметров вниз и, повернув на 90°, выходила на боковую стенку аппарата. Ильма нажала кнопку, подёргала нижнюю палочку, но та не шелохнулась.

— Придётся подождать, — бросила лемурийка. — Перегон занят.

— Это как?

— Тут дальше очень узкая тропа. Даже не тропа, а овринг. Разминуться на ней практически невозможно, особенно если кто с вьючной лошадью или ослом, поэтому поставлены такие аппараты, как на старинных железных дорогах. Выйти на овринг можно, только взяв жезл из аппарата. А аппарат отдаст его только в случае, если никто не вышел на участок тропы с жезлом из аппарата с той стороны. Будь жезл у человека, идущего в ту же сторону, что и мы, после нажатия вот этой кнопки аппарат бы отдал жезл и нам. В общем, развьючивайся, ждём встречного.

Скинув рюкзак, Анджей подошёл к началу овринга. Всё-таки Лемурия — это не древний Памир, чувствовалась технологическая цивилизация. Овринг держался не на кривых сучьях можжевельника, вбитых в трещину в скале, а на вполне приличных балках из литого базальта, дырки под которые явно высверливались в камне каким-то механизированным инструментом. Да и сам настил тоже был из вполне приличных досок. И тем не менее это был овринг — узкая полоска шириной не больше письменного стола, без всяких перил, висящая над пропастью глубиной во много сотен метров.

Анджей проследил цепочку серых досок, тянувшихся вдоль светло-розовой скалы, и увидел, что вдалеке, там, где дорожка уходит за изгиб скалы, появилось какое-то бурое пятно.

— Вроде уже кто-то виден.

Ильма вгляделась.

— Ну да, мужик с вьючной лошадью. Хорошо, значит, ждать не больше двадцати минут.

— Интересно, какие у вас есть способы проверить остроту зрения? — полюбопытствовал Анджей. — Ты ведь не пользовалась никаким оптическим прибором, а до того поворота явно не меньше километра.

— Ну, увидеть Алькор отдельно от Мицара — задача где-то такой же сложности, как на Земле. Можно ещё попытаться разглядеть невооружённым глазом Авалон или Атлантис. Примерно то же самое, что увидеть с Земли спутники Юпитера. Или фазы Асты.

— И как?

— Что как?

— Тебе удаётся разглядеть Алькор невооружённым глазом?

— Удаётся.

Через некоторое время встречный путник выбрался с овринга на место привала. Все-таки Ильма ошиблась: это был не мужик, а женщина, ведшая в поводу гнедую лошадь с довольно лёгкими вьюками. Определить на глаз её возраст Анджей бы не взялся. Если жить на открытом воздухе и не злоупо-

треблять защитной косметикой, такое морщинистое обветренное лицо может быть и в двадцать пять лет. С другой стороны, такая стройная фигура и уверенная походка при регулярных прогулках по этой дороге могут быть и в шестьдесят.

Она протянула руку под навес и воткнула в щель сверху аппарата небольшую металлическую палочку. Раздался громкий щелчок, и другая палочка упала по щели вниз, повиснув в точке изгиба.

Ильма приветствовала случайную встречную достаточно витиеватой фразой. Анджей просто сказал: «Добрый день». После этого женщина несколько минут делилась с Ильмой какими-то новостями про совершенно неизвестные ему местные события и пыталась выяснить, что происходит в деревеньке по другую сторону перевала. В этом ни Анджей, ни Ильма ей помочь не могли, потому что просто не заходили туда.

Потом она спросила:

— У вас оружие есть?

— Духовушка, — ответила Ильма. — А что?

— Там за двести метров от следующего пикета нигароч свил гнездо в расщелине. Еле удержала лошадь от прыжка в пропасть, когда он оттуда заухал. Будете мимо проходить, шлёпни его, что ли, а то так и человек от неожиданности может улететь.

Наконец фонтан красноречия встречной иссяк, она вскочила на лошадь поверх вьюков и поехала вверх по тропе.

— Ух, я уже и забыла, каково встречаться здесь на дороге с местными, — картинно вздохнула Ильма, вытаскивая жезл из аппарата. — Обязательно надо обсудить все местные новости. Скэттер...

Она сунула жезл в кожаный кошелёк, висящий на верёвочке у неё на груди и, прежде чем вскинуть на плечи рюкзак, извлекла оттуда несколько металлических частей и собрала их в короткое ружьё с полым металлическим прикладом.

— Подкачай раз двести, — она протянула эту конструкцию Анджею. — Нигароч — это серьёзно, лучше действительно

иметь оружие наготове.

Это была забавная магазинная конструкция, стреляющая восьмимиллиметровой картечью. Воздушного резервуара в прикладе хватало на несколько десятков выстрелов.

Густая тень от противоположного склона уже поднялась по скале почти до уровня оврингa. Если впереди ещё километров десять такой дороги, следовало поторопиться.

Уже через несколько минут Анджей сумел заставить себя смотреть не в пропасть, а на скалу и под ноги. После этого двигаться по оврингу было ничуть не сложнее, чем по городскому тротуару.

Через пару километров скалу рассекала небольшая расщелина. Ильма жестом приказала Анджею остановиться, сняла с плеча ружьё и, не снимая рюкзака, стала бесшумно подкрадываться к расщелине. Хлопнул выстрел, потом ещё один, потом ещё. После этого Ильма засунула руку в расщелину и вытащила оттуда довольно здоровую птицу, похожую то ли на большого сыча, то ли на ястреба.

Ещё через пару сотен метров в скале обнаружилась расщелина пошире. Около края она была расширена, явно с использованием взрывчатки, отчего образовалась небольшая площадка, где можно было поставить пару лошадей. В нише на скале висели два жезловых аппарата. Ильма воткнула жезл в левый и нажала кнопку на правом. С щелчком вывалился новый жезл.

— Ну что, пройдём следующий блок-участок без привала? — спросила она.

— Пройдём.

Ильма прикрепила тушку нигароча, которую до того тащила в руках, к рюкзаку Анджея, и они двинулись дальше.

Ближе к концу участка Анджей пожалел о том, что отказался от привала: эта чёртова птица весила почти столько же, сколько остальной рюкзак. Его уже начало слегка покачивать, а идти по оврингу в таком состоянии явно не рекомендуется. Но тут как раз скала превратилась в чуточку более пологий

склон, а овринг перешёл в тропу, идущую по полке, местами вырытой в склоне, а местами явно проложенной взрывами.

— А что, это тут так запросто — взять и застрелить представителя местной фауны? — спросил Анджей во время очередного привала.

— Эта тварь создавала реальную опасность для путников. Это где-нибудь в городах возможны споры, что важнее — человеческая деятельность или какая- нибудь редкая экосистема. А когда у нас выбор между человеческой жизнью и жизнью какой-нибудь птицы, тут без вариантов. К тому же нигароч совершенно не редкая птица, его мясо — регулярное блюдо в меню местных жителей. Конечно, в любом другом месте никто не стал бы убивать самку на кладке. Но здесь при попытке защитить своё гнездо она действительно могла скинуть кого-нибудь с овринга.

— Удивительно, что люди довольствуются такой узкой тропой, даже без перил. Сейчас-то ладно, а зимой каково?

— Зима здесь последний раз была миллион лет назад, — рассмеялась Ильма. — Тогда эти горы были много ниже, а река ещё не прорезала ущелья. Со времён Перемещения смены сезонов на Лемурии нет, поскольку теперь оборот планеты вокруг Арктура длится тридцать лет, и жизнь, привыкшая к продолжительности года, сравнимой с земной, вряд ли приспособилась бы к таким условиям. Именно поэтому мы здесь можем позволить себе такие технические решения, на которые ни за что не решились бы под Толиманом, под Бетой и тем более под Осануэва.

То ли тропа спустилась глубже в ущелье, то ли Арктур опустился по небосводу, но тень противоположного склона уже затопила тропу, и только где-то высоко над головой сияли освещённые вершины.

В конце следующего перехода узкое ущелье внезапно распахнулось, влившись в огромную широкую долину, идущую с запада на восток. На одном уровне с тропой на склоне оказался пологий уступ, на который и повернула тропа. Лучи за-

ходящего Арктура отбрасывали длинные тени перед идущими путниками.

— Это Большой Трог, — откомментировала Ильма.

Ещё немного, и вдруг справа открылась полукруглая долина с плоским дном на уровне тропы. На дне среди ярко-зелёного луга белели несколько домиков.

Глава 70

Хыгр Айол

— Вот мы и пришли, — выдохнула лемурийка.

Посреди долины в довольно широком каменистом русле бежал узкий ручеёк и срывался водопадом вниз, в глубину Большого Трога. Тропа немного отклонялась вверх, в сторону домиков, и пересекала ручеёк по плотине, сложенной из дикого камня, выше которой голубело в наступающих сумерках небольшое озеро.

Перейдя плотину, Ильма спустилась к самой воде по пологому каменистому пляжу, сняла рюкзак, немного порылась в нём и, сбросив с себя футболку и шорты, резко прыгнула в воду. Буквально через несколько секунд она выскочила из воды как ошпаренная и принялась растираться приготовленным полотенцем.

Анджей последовал её примеру. Вода действительно была ледяная, но усталость длинного перехода смыло начисто. Надев чистую одежду, они были готовы встречаться с местными жителями.

Деревня, казалось, уже заснула — только гуси в нескольких ближайших дворах подняли гогот при появлении чужаков. Через несколько минут на этот гогот из крайнего дома выглянула пожилая женщина в чём-то типа халата, с волосами, закрытыми платком. Ильма перекинулась с ней несколькими фразами

на совершенно непонятном языке, та указала куда-то рукой.

Спутница Анджея сбросила с себя рюкзак на краю ровной лужайки и жестом поманила его сделать то же самое.

— Ставь палатку, а я пока добегу до местного башкани.

Палатка у Ильмы была весьма недешёвая. Сделанная из чего-то типа плёнки марсианских хандрамитов, она весила не больше килограмма вместе с кольями и насосом, но при накачивании превращалась в трёхкомнатное сооружение размером чуть ли не больше, чем квартирка Ильмы в университетском кампусе.

Анджей внимательно осмотрел лужайку, убедился, что острых камней на ней нет, потом аккуратно вбил восемь достаточно длинных кольев, растянув дно, и взялся за насос. Небольшим недостатком этой палатки было то, что она рассчитывалась на туристов, имеющих моторизованное средство транспорта и пользующихся электрическим компрессором, а тут приходилось качать ножным насосом, тем же самым, каким у овринга он накачивал резервуар духового ружья. Так что к моменту, когда Ильма вернулась с довольно-таки длительных переговоров с местным начальством, Анджей только-только успел накачать палатку до рабочего давления.

Они быстро втащили рюкзаки в первую комнату, игравшую роль гостиной или Ильминого кабинета, расстелили спальники во второй и оборудовали кухню в третьей. Быстренько вскипятили чай, перекусили практически молча, и Анджей отправился спать. Количество впечатлений за этот день было для него каким-то запредельным. Ещё утром — нечеловеческие постройки древнеарктурианского Хчыагнула; потом горы, какими они, наверное, были здесь задолго до того, как первый птицечеловек поставил один камень на другой, и будут после того, как уйдут потомки землян; и вот теперь — эта деревня, как провал в земное прошлое.

Ильма ещё что-то делала. Он и не заметил, когда она улеглась рядом с ним.

Проснулся Анджей рано. Арктур только-только позолотил

вершины первыми лучами, а в долине лежала глубокая тень. Ильма ещё спала, совершенно безмятежно посапывая. Он тихо, чтобы не потревожить её, выбрался из спального отсека палатки, оделся и вышел прогуляться по деревне.

Заборов здесь не признавали. Вокруг домиков торчали шпалеры, по которым вился виноград, а кое-где даже висели грозди, зеленели грядки и стояли широкие, примерно три на три метра, не то лежанки, не то столы высотой от силы по колено. На лавочке около одного из домиков сидел старик. Анджей вежливо поздоровался с ним по-английски, старик что-то ответил на непонятном языке.

— I don't understand you, sir! — только и смог сказать Анджей.

Старик поднялся и быстро исчез в доме. «Неужели я нарушил какой-то местный этикет?» — подумал журналист, но тут старик вернулся с планшетным компьютером в руках. Корпус компьютера был из розового пластика с цветочками.

— Извини, я давно забыл эту вашу городскую речь, — перевёл компьютер ответ старика. — Вот, приходится пользоваться железякой. И то что-то сослепу свой планшет не могу найти, взял правнучкин.

В этот момент кто-то потёрся о ногу Анджея где-то на уровне середины бедра. Анджей обернулся и увидел кота белочёрной мраморной расцветки размером с хорошую лайку. Пушистый хвост трубой поднимался где-то до уровня плеча Анджея. Неподготовленного человека такая зверюшка с дюймовыми клыками могла бы напугать, но Мара в своё время познакомила Анджея с котом семейства Джоунсов в Порт-Шамбале, поэтому журналист уже имел представление о том, что такое тагарская пастушья кошка.

Он почесал кота за ухом. Тот милостиво подставил щёку, но до мурлыканья не снизошёл.

— Ну что, Анмар, познакомился с новым человеком? — спросил кота старик. — Теперь, пожалуй, и на работу пора. — Он перевёл взгляд на Анджея: — Если интересно, приходи на

пастбище. Оно тут недалеко, километра два выше деревни. Только захвати какой-нибудь переводящий компьютер. Пасти отару — работа нехитрая, время на поговорить остаётся.

Старик отложил планшет на лавочку, взял прислонённый к стене длинный посох с кривым концом и отправился выгонять овец из овчарни.

В этот момент из дома выскочила девушка — или девочка? — нет, всё-таки девушка старшего студенческого по спейсианским меркам возраста, в футболке и шортах:

— Дедушка Парвиз, ты зачем уволок мой планшет?

Планшет послушно перевёл эти слова на понятный Анджею язык. Девушка сделала стойку, обернулась на синтезированный голос и схватила лежащий на лавочке аппарат.

— Он тебе больше не нужен? Давай я лучше твой найду.

Старик что-то буркнул в ответ, махнув рукой. Поскольку он был уже слишком далеко от планшета, тот не счёл нужным это переводить.

— А вы новый аспирант доктора Линдсней? — обратилась девушка к Анджею на вполне чистом городском диалекте, смеси европейских языков, на которой говорили в Му-Сити. — Меня зовут Нэсрин. Вообще-то я учусь в Хчыагнуле, в горном техникуме, а к родичам приехала на каникулы.

— Анджей, — представился тот. — И я не аспирант, а журналист. Прилетел тут посмотреть, как живут люди в системе Арктура, и мне посоветовали пристроиться в экспедицию к доктору Линдсней.

— Тогда вам точно надо подкатить к дедушке Парвизу, чтобы он порассказывал вам своих историй. Анмара не бойтесь, он добрый. А то я ещё могу наш рудник показать. Подходите часа через два, как раз вертолёт придёт за недельной добычей.

— Спасибо за предложение. Пожалуй, я пойду, а то Ильма, наверное, скоро проснётся, хочу сварить ей кофе.

— Ой, — воскликнула Нэсрин, — подождите секундочку!

Она исчезла в доме и через минуту выскочила обратно, таща полбуханки ещё горячего хлеба, кусок овечьего сыра и ма-

ленькую пластиковую бутылочку с чем- то белым.

— Вот вам с Ильмой на завтрак. Ей очень нравится мой хлеб.

Когда Анджей вернулся в палатку, Ильма ещё безмятежно спала. Раскочегаривая примус и ставя на него джезву, он то и дело поднимал глаза, чтобы полюбоваться её лицом, по-детски беззащитным во сне. Однако запах свежесваренного кофе моментально разбудил её, и через несколько секунд она уже была на ногах.

Ильма быстро сбегала к водохранилищу искупаться, и к тому моменту, когда её спутник нарезал принесённый хлеб, уже устраивалась за импровизированным столом, распустив по плечам мокрые волосы.

— О, ты уже познакомился с Нэсрин, — заметила она, принюхавшись к хлебу.

— А что, здесь у каждой хозяйки неповторимый уникальный рецепт?

— Не у каждой. Но Нэсрин — отдельное явление, она ещё в возрасте подмастерья обожала кулинарные эксперименты. А поскольку она не совсем скэттерлинг, то не особенно чувствует себя связанной традициями.

— А кто тогда она, если не совсем скэттерлинг? Вроде дом, типичнейший для Агнульских гор, и типичнейший традиционный прадедушка-пастух.

— На самом деле все Агнульские горы — не совсем скэттер. Тут что ни хыгр, то какая-то нетрадиционная связь с внешним миром. Ихран, например — горный перевал, дорожная служба. Вайкен — вообще наполовину театрализованная деревня, аттракцион для туристов. Кермак — контора природного резервата. А Айол — рудник редкоземельных элементов. Этого практически не видно — бактериальное выщелачивание не та технология, которая требует огромных горных разработок и кучи народу, весь рудник обслуживают три-четыре семьи, но на самом деле родственники Нэсрин — горнопромышленники, а вовсе не пастухи или фермеры. Потому она и учится на гор-

ного инженера.

— Она обещала показать мне рудник.

— Так сходи, посмотри. Я тут буду заниматься совершенно скучными и неинтересными опросами, а ты лучше погуляй по окрестностям. К Нэсрин на рудник сходи, к старому Павризу на пастбище.

— Ты тут всех знаешь?

— А то! Я тут уже скоро пятнадцать лет веду ежегодный мониторинг.

В назначенный момент Анджей подошёл к дому дедушки Павриза. Нэсрин уже была готова к походу на рудник и ждала на завалинке. Теперь она была одета не в футболку и шорты, как утром, а в брюки и куртку, вызывавшие представление о какой-то форме. На рукав была нашита эмблема, изображавшая гору, усеянную разнообразными химическими символами, с надписью «Ayol sällsynta jordartsmetaller gruvor». Офицерская планшетка, висевшая через плечо, замечательно дополняла этот почти милитаристский образ.

По горам Нэсрин бегала с такой скоростью, что к тому моменту, когда они поднялись по узкой тропинке к руднику, Анджей совершенно запыхался. Рудник представлял собой довольно большую пещеру, закрытую металлическими воротами, перед которой располагалась вертолётная площадка. Девушка открыла маленькую дверцу в воротах и пригласила гостя внутрь.

Внутри оказалось более-менее обычное индустриальное помещение. Грубые стены со следами камнерезного инструмента, ровный бетонный пол. Вдоль стены тянулся ряд каких-то странных аппаратов, связанных системой разноцветных труб, уходивших куда-то вглубь горы по узким штрекам. Посреди пещеры стоял автопогрузчик, а у противоположной стены — невысокие штабеля металлических слитков на паллетах.

Нэсрин пробежалась вдоль аппаратов, извлекла из трёх из них по слитку размером с кирпич и бросила их на соответствующие штабеля, потом вытащила из сумки планшетный ком-

пьютер и, видимо, внесла эти слитки в какие-то ведомости.

Тем временем за воротами уже раздавалось гудение вертолёта. Когда оно изменило тональность, свидетельствуя о том, что машина прочно угнездилась на площадке, девушка вытащила засовы и жестом попросила Анджея помочь открыть ворота.

Хвостом к воротам стоял весьма немаленький вертолёт. Открытые створки кормового люка открывали салон размером примерно с автобус. Нэсрин подошла к пилоту, стоявшему у люка, и стала с ним что-то обсуждать. Тем временем автопогрузчик совершенно самостоятельно подцепил штабель слитков и потащил его к люку, потом следующий, потом ещё один.

— Да, привёз, — расслышал Анджей реплику пилота через шум винта, работавшего на холостых оборотах. — Нет, ты же сказала, что полная загрузка. Поэтому сюда — в последнюю очередь.

Когда погрузчик затолкал в брюхо вертолёта четвёртый штабель, пилот вдруг воскликнул:

— Ох, моя центровка! — и, прервав разговор на полуслове, полез в салон переставлять груз по каким-то своим соображениям.

Минут через десять погрузка была закончена. Пилот закрыл задние двери, уселся на своё место в кабине и, помахав рукой Нэсрин, прибавил оборотов.

— Бежим в пещеру, а то сейчас нас нафиг сдует! — девушка схватила Анджея за руку и поволокла в чёрную дыру на боку горы.

Прикрыв большие створки ворот, они наблюдали через маленькую дверцу, как потяжелевшая машина грузно оторвалась от площадки и поплыла к Большому Трогу над самой землёй, несколько даже теряя высоту.

— Ну всё, здесь больше делать нечего, — подвела итог Нэсрин. — А если интересно, какое здесь геологическое строение, я лучше дома на профиле покажу. Пошли обратно в деревню.

За обедом Анджей спросил у Ильмы:

— А зачем мы добирались сюда таким сложным путём — на попутке, потом пешком целый ходовой день? Могли бы дождаться этого вертолёта и прилететь из Хчыагнула за час.

— Ну и кем бы мы здесь были? Ты заметил, как Нэсрин вела себя с пилотом? Как будто они люди совершенно разных даже не социальных слоёв, а чуть ли не биологических видов, и кроме торговли редкоземельными металлами, между ними нет ничего общего. Но уверяю тебя, встреть она этого же самого пилота на дискотеке в Хчыагнуле, у них бы был совсем другой разговор. Просто здесь и сейчас пилот — пришлый, городской, а она деревенская, — Ильма ненадолго замялась, словно подбирая слова. — Ты обратил внимание, что перед отлётом с планеты космонавты идут в Храм космоса? Им просто необходимо сбросить с себя планетарное настроение и настроиться на полётное. Точно так же и мне необходимо переключиться из режима университетского профессора и эксперта-этнографа в режим полевого наблюдателя, человека, который здесь для всех свой. Вот овринг Айольского перевала и служит мне вместо Храма скэттера.

Глава 71

Маяк на краю Агнула

Анджей только начал втягиваться в этот странный ритм — день в деревне, где Ильма ведёт какие-то беседы с местным населением, совмещая свои профессиональные задачи с ранней медицинской диагностикой, несложной психотерапией или ещё чем-то в этом роде, день перехода до следующей деревни, — как Агнульские горы кончились. С очередного перевала перед путешественниками открылась безбрежная синь океана.

Вдоль берега, круто обрывавшегося в море, тянулась вьючная тропа, пробитая в скалах в нескольких десятках метров над волнами. Пройдя по ней добрый десяток километров, что было несравненно легче, чем лазить по горам вверх и вниз, они оказались на мысу, заметно выдававшемся в море. Впереди на причудливо обточенной ветром и волнами скале поднималась полосатая башенка маяка.

У подножья склона, прикрытая скалами от волн, располагалась небольшая гавань, где к дощатому пирсу были пришвартованы довольно солидный полунадувной катер и маленький одномоторный гидросамолёт. А справа от дороги, где склон отступал от берега амфитеатром, в зелени каких-то явно культурных растений прятался домик.

— Это дом смотрителя маяка, — объяснила Ильма. — Тут мы сделаем дневку и будем ловить попутку.

— Какую попутку? — удивился Анджей, не видевший ни малейших признаков дороги.

— Лучше летающую. Впрочем, на худой конец устроит и плавающая. Смотри, — она достала коммуникатор, вывела на экран карту и ткнула куда-то пальцем. — Я отмечаю на карте желаемый пункт назначения. Пункт отправления он пометит сам. И все, кто едет или летит мимо, будут знать, что здесь есть два пассажира в Боотис. А теперь пошли здороваться со смотрителем маяка.

Впрочем, смотритель уже сам появился в проёме своей живой изгороди. Это был худощавый невысокий человек, одетый только в полинялые шорты и сандалии. По расе он был, похоже, европеоид, но настолько дочерна загорелый, что так сразу и не скажешь. Судя по морщинам на лице, лет ему было не меньше пятидесяти. С Ильмой он обнялся и расцеловался в обе щёки, как со старой приятельницей, Анджею же крепко пожал руку и представился:

— Тим.

Какие корни скрывались под этим кратким именем — англосакс Тимоти, славянин Тимофей или тюрк Тимур — определить было решительно невозможно.

Через несколько часов общения Анджей понял, что и не нужно. Маяк на мысу Алуг явно относился не к скэттеру, где национальные традиции предков-колонистов ещё могли играть какую-то роль, а к фронтиру. За чашкой зелёного чая, замечательно утолившей жажду в такую жару, здесь обсуждались не только и не столько виды на урожай и состояние горных перевалов, сколько последние постановки оперы в Му-Сити, начало разработки месторождения железно-никелевых руд в Хьоктере (руду из которого, впрочем, собирались возить по морю в Боотис) и поведение глобальной системы течений.

Образ жизни смотрителя и архитектура его дома казались компиляцией всех возможных субтропических культур Земли — что-то от Испании, что-то от Италии, что-то от Средней Азии, а что-то и от Китая.

На следующее утро Ильма попросила Тима устроить Анджею мастер-класс по управлению лодкой с шестом и одиночным веслом. Зачем ей это понадобилось, ни учитель, ни ученик не поинтересовались, но прекрасно провели время, маневрируя по узким проливам между скалами.

Глава 72

Аэростоп

Арктур клонился к западу, заливая ярким светом с безоблачного неба покрытое лёгкой зыбью море. Анджей окинул взглядом горизонт, потом глянул во двор домика смотрителя маяка. Ильма сидела на дастархане в тени виноградной лозы, сложив ноги по-турецки, и делала на ноутбуке что-то жутко научное — то ли писала отчёт о состоянии скэттерных поселений Агнульских гор, то ли рецензировала работу какой-то из своих учениц, то ли сочиняла статью. Во всяком случае, она была увлечена этим процессом на все сто процентов.

Самому Анджею заняться было нечем. Репортажи про Хчыагнул и скэттер ещё вчера ушли по межпланетному E-Mail непонятно куда. Наверное, за время, прошедшее с момента отправки, систему Арктура покинуло не меньше пяти кораблей, и каждый из них увозил копию его репортажей в надежде, что на другом конце скачка окажется корабль, собирающийся под Солнце.

Так работает межпланетная почта: каждое письмо расползается во всех возможных направлениях, пока одна из копий не достигнет системы назначения. Тогда точно так же начинает расползаться квитанция, что такое-то сообщение доставлено. Любой межзвёздный корабль носит в своих компьютерах сотни миллионов таких квитанций, которые устареют только

через триста гигасекунд.

Анджей развернулся и пошёл в дом. Домик смотрителя маяка представлял собой трёхэтажную башенку. На первом этаже гостиная и кухня, на втором личное жильё смотрителя, а на третьем — большая застеклённая комната, служившая чем-то вроде диспетчерской локального воздушного и морского траффика. Как раз там сейчас и находился хозяин. Анджей тихо устроился на диванчике в углу, чтобы не мешать.

На большом экране светилась карта окрестностей мыса Алуг, где небольшими значками изображались кораблики и самолётики. Время от времени хозяин брал микрофон и перебрасывался несколькими фразами с пилотом или судоводителем. Ответы были слышны через динамики — возможно, потому, что сидеть в наушниках в такую погоду было жарко.

— Джон, привет, — услышал один из таких разговоров Анджей. — Ты что это летишь, не залогинившись на ridesharing.org?

— Да лень что-то с попутчиками связываться.

— А Дара Линдснея ты знаешь?

— Кто ж не знает Рыцаря Весёлого Безобразия! Говорят, ему на днях снабженец дают. Два года назад был самый молодой старпом, теперь будет самый молодой шкипер во всём оффшорном флоте.

— Прикинь, у меня третий день сидит его мама с ассистентом и ждёт попутки в Боотис. А ты тут рассекаешь с выключенным райдшерингом.

— Погоди-погоди, Дар же откуда-то из Тагара. Что тагарская скэттерная тётка забыла в Боотисе?

— Тёмный ты, и не следишь за новостями социальных наук. Дарова мама не просто тётка из скэттера, а профессор этнографии, ведущий эксперт по этому самому скэттеру в Университете. У меня она появляется не реже раза в год с тех пор, когда ещё Дарова старшая сестра ездила с ней подмастерьем- коллектором. В общем, тыкай уже в иконку на своём терминале и заворачивай ко мне. Айольского кумыса налью.

— Откуда у тебя айольский кумыс? Айол — это же рудник на полпути между Хчыагнулом и Порт-Маккавити.

— Так доктор Линдсней и притащила. Она ж от самого Айола досюда через все скэттерные поселения шла.

— Ладно, конец связи.

Через несколько минут в диспетчерскую вбежала Ильма, размахивая закрытым ноутбуком:

— Анджей, собирайся. Нашёлся нам попутный рейс, через полчаса сядет. Райдшерская этика — нельзя заставлять транспорт ждать.

Она просто сияла от радости. Маяк на мысу Алуг, конечно, прекрасное место для отдыха, но третий день ждать у моря погоды, когда столько всего в планах... Смотритель, полуотвернувшись от карты, смотрел на неё и исподтишка ухмылялся в усы, подмигивая Анджею.

И вот уже к маленькому пирсу у дома смотрителя подруливает двухмоторный винтовой гидросамолёт довольно внушительных размеров. Из стеклянного фонаря кабины на носовую палубу, поднимавшуюся над водой почти на высоту человеческого роста, выскочил молодой парень в рубашке и форменных пилотских брюках и подал на пирс швартов, после чего критически оглядел короткий пирс и волны, набегавшие на пляж у его начала.

— Не, до пирса дверь салона не дотянем, — сделал он вывод. — Залезайте по штормтрапу через кабину.

— А я и не обратил внимания, Джон, что ты отхватил себе PS-17, — вместо приветствия сказал смотритель маяка. — Стал ещё большим пижоном, чем был. Раньше только пилотской формой пижонил при любых обстоятельствах, а теперь уже и самолётом.

— Ну, дядя Тим, таким самолётом через полгода никого не удивишь. Сейчас все, кто как-то связан с дальними перелётами, всеми правдами и неправдами копят на семнашку. Всё экспертное сообщество в панике. Семнашка продаётся тысячами экземпляров, а все другие модели больше шести и меньше

шестидесяти мест вообще никто не берёт. Почему-то снижение разнообразия парка самолётов пугает авиаэкспертов.

Продолжая непрерывно болтать, Джон принял у Анджея оба рюкзака, а потом скинул на пирс верёвочную лестницу, по которой наши герои поднялись на борт.

— Хельга, заводи! — крикнул он, как только нога Анджея ступила на металл самолёта, и принялся выбирать швартов. Так что когда журналист, пригнувшись, вошёл в кабину через дверь между пилотскими креслами, машина уже сдавала назад, отходя от пирса.

В правом кресле сидела поглощённая управлением девушка с длинными русыми волосами, собранными в две косы, похожие на те, что носила Ильма. На левом боку, обращённом к проходу, у неё на ремне форменных пилотских штанов висели весьма внушительные ножны, из которых торчала вычурная костяная рукоятка.

— Мой второй пилот, Хельга Сильвер, — представил её Джон, захлопывая дверь. Повернувшись, он взглянул на Ильму, которая ещё не успела спуститься в салон: — А вы правда мама Дара Линднея? Тогда понятно, почему он всё время клеится к Хельге — она на вас похожа. Унаследованная от отца генетическая программа, наверное. А ещё у нас в экипаже есть Жерар Сомнер, штурман-наблюдатель. Он сейчас в салоне обед готовит. Но метод Сомнера не он изобрёл. В общем, садитесь там в салоне на лавку и пристёгивайтесь, Хельга уже почти вырулила на взлёт.

С этими словами словоохотливый командир корабля плюхнулся в своё кресло.

Жерар Сомнер являл собой весьма упитанный экземпляр то ли полинезийца, то ли карибского мулата. Как только самолёт оторвался от воды, он отстегнулся от сиденья и начал орудовать у маленького кухонного столика, напевая:

Забей заряд и вставь-ка фитиля,[1]

[1] Леонид Сергеев. «В тавернах припортовых. . . »

Купчина лезет прямо на рожон,
За тесаки, ребята, помолясь —
Ведь с нами бог и шкипер дядя Джон!

Тесаки в этом самолёте наблюдались — один висел на боку у второго пилота, вторым штурман сейчас нарезал на кусочки какую-то довольно крупную рыбину. Шкипер Джон — тоже. «О боже, куда я попал?» — подумал Анджей.

Впрочем, понятно, куда, так что эту шутку даже не стоило высказывать вслух. Обыкновенный разведчик рыбы, попутно доставляющий грузы и людей на рыболовные суда.

Глава 73

Король, он и голый — король

Самолёт описал круг над полукруглой бухтой, берег которой обрывался в океан довольно крутым откосом. Вероятно, когда-то это была кальдера вулкана, но потом половина её откололась и затонула.

Весь склон был усеян темно-фиолетовыми блёстками крыш, просвечивающих через зелень садов, и переплетён ниточками улиц. Внизу белая полоска прибоя протянулась по краю жёлтой полоски пляжа, упираясь в тёмно-серые волнорезы порта, обросшие, как осенними листьями, разноцветными лепестками разнообразных судов.

Таким впервые предстал Боотис перед глазами Анджея.

Самолёт коснулся лазурной воды бухты, пробежал, подпрыгивая на пологой зыби, и медленно подполз к пирсу между двумя такими же. Анджей и Ильма попрощались с экипажем, подхватили свои рюкзаки и направились вдоль набережной.

Ильма ещё из самолёта позвонила каким-то знакомым и договорилась о ночлеге, но от гидроаэропорта туда нужно было топать почти через весь город. Впрочем, Анджей был не прочь размять ноги после почти трёхчасового перелёта.

Они шли по набережной, отделённой от пляжа белокамен-

ным парапетом, регулярно прерывавшимся довольно широкими лесенками из тёмного камня. Несмотря на будний день, на пляже было много народу. Видимо, эта бухта привлекала отпускников.

Вдруг один из отдыхающих, полулежавший в шезлонге, надвинув на глаза широкополую шляпу, и, казалось, не замечающий ничего вокруг, сорвал эту шляпу с головы.

— Профессор Линдсней! Ильма! — закричал он, размахивая ею.

Ильма обернулась на зов:

— Вот так встреча! Ваше величество! — и, обращаясь к Анджею: — Пошли, с королём познакомлю.

Король оказался весьма упитанным мужчиной в полном расцвете сил. Расы он был, несомненно, европеоидной, но что-то в его внешности заставляло отнести родину его предков куда-нибудь в Юго-Западную, а то и Южную Азию. Из одежды на нём наблюдалась только уже упомянутая шляпа.

— Где ты остановилась?

— У Сейбертов.

— Которые боотисских норных разводят?

— Ну да.

— Это хорошо. Будет повод заглянуть туда вечерком не то чтобы инкогнито, но без больших церемоний. Как же — кошки, имеют право посмотреть на короля. А то есть парочка вопросов, которые я хотел бы обсудить с тобой без лишнего шума и лишних ушей.

— Давай сюда свои вопросы, — Ильма моментально извлекла планшетный компьютер из полевой сумки, которую она никогда не убирала в рюкзак и носила на боку даже под рюкзаком. — А то знаю я вас, регионалов — к ответу на каждый ваш вопрос по два часа надо готовиться. Тем более, что ни на Ортеговское плато, ни в джунгли Арланы я не собиралась, поэтому не освежала эти общины в памяти. А у тебя, по-моему, больше никого и нет.

— А куда же ты собиралась? Не верю, что ты появилась в

Боотисе исключительно для того, чтобы искупаться в нашей лагуне и потрепаться с Эмили Сейберт.

— Да думала сесть в мотриссу до Вакрахамнена и доехать в ней до Далийского моста.

— Ишь куда тебя понесло! Хотя... Журналисту надо показать товар лицом. А долина Далии — всем скэттерам скэттер. Ладно, вот мои вопросы.

Анджей не стал вслушиваться в те задачи, которые ставит Ильме король. Он уже знал, что если кто-то, будь то полиция или психотерапевт вроде Тайки, обращается за консультацией к специалисту по этнографии, значит, имеется проблема с какой-то конкретной судьбой, человеком, обычаи которого вступили в конфликт со средой, в которой он решил поселиться. Любая консультация Ильмы — проникновение в чью-то личную тайну.

— А теперь давайте быстренько искупнёмся, да мне уже пора, — сказал король, когда Ильма убрала свой планшет. — Скоро дневной развод караула, надо обязательно присутствовать. У меня в регионе две достопримечательности, привлекающие туристов, и дворцовые церемонии — одна из них.

Когда король, надев вполне обычные джинсы с футболкой и опустив шляпу на глаза, скрылся где-то в лабиринтах узких переулков-лестниц, ведущих вверх по склону, наши герои продолжили свой путь по набережной.

— И вот так у него всегда, — вздохнула Ильма. — Приезжаешь в Хчыагнул или там Вакрахамнен — там начальник региональной полиции просто начальник полиции. А здесь он и начальник полиции, и играет главную роль в театрализованных представлениях для туристов, и ещё возглавляет какой-то совет экономического развития региона. А тут ещё тиссинцев на него скинули.

— Каких тиссинцев?

— Чешуйчатых. Тут за сто с лишним лет изучения Тиссинэ в первый раз удалось уговорить её обитателей отправить что-то вроде посольства в другую звёздную систему. А тиссинцы —

ребята простые, уровень развития у них, как везде написано, соответствует то ли античности, то ли эпохе Великих Географических открытий. В общем, высадились они в Му-Сити и заявляют: «Хотим быть представленными ко двору вашего государя.» А двор и государь — только здесь, в Боотисе.

Глава 74

Via de Catta

Улица в Боотисе, по большому счету, была всего одна, и шла она плавным зигзагом, серпантином взбираясь по склону кальдеры. Однако для пешеходов существовали переулки, зачастую представлявшие собой лестницы.

Пройдя по набережной почти через весь город, Ильма и Анджей поднялись по таким лестницам на два витка серпантина и оказались в довольно необычном районе. Здесь, как и везде в городе, тротуар был отделён от дороги рядом довольно внушительных раскидистых деревьев. Но если в остальном городе по другую сторону тротуара стояли почти символические заборчики из дикого камня в половину человеческого роста или живые изгороди, то здесь возвышались заборы из прозрачного пластика в два человеческих роста.

За первым же забором Анджей увидел лужайку, ярко освещённую лучами Арктура. Деревья росли только в глубине сада и были аккуратно подстрижены, чтобы их ветви располагались не ближе пяти метров от забора.

А на траве лужайки расположился прайд. Добрый десяток котов и кошек всех расцветок — рыжих, серо-полосатых, мраморных. Присмотревшись, Анджей по пропорциям понял, что это примерно трёхмесячные котята. Размерами они могли поспорить с крупным обычным котом, но это были тагарцы. На

огромном валуне, видимо, специально поставленном для этой цели посреди участка, гордо возлежала кошка-мама размером с хорошую лайку.

На следующем дворе кошки были уже обычного размера. Но тоже прозрачный высокий забор и лужайка с кошками перед домом.

— Это Via de Catta, Улица кошек, — обратила внимание Ильма на удивление своего спутника. — Здесь почти в каждом доме cattery, то есть кошачий питомник. Разводят кошек на продажу — охотничьих, пастушеских, сторожевых. А такие заборы, во-первых, чтобы кошки не бегали налево, а то наплодятся тут гибриды тагарской пастушеской с кантольской мышеловной, во-вторых, живая вывеска, поскольку на лужайке всё время ошиваются хоть какие-то звери.

С этими словами Ильма нажала на кнопку звонка, установленную рядом с калиткой прямо на прозрачном заборе. Кошек с лужайки как ветром сдуло. Какие-то из них залезли на деревья, какие-то попрятались в подпол, какие-то в домики-вольеры, прикреплённые к стене дома на разных уровнях.

— Почему-то они всегда принимают меня за ветеринара, — ухмыльнулась Ильма.

Тут прямо в прозрачной панели забора над кнопкой звонка появилось изображение хозяйки. Технология совмещения окна с экраном была известна чуть ли не с XX века, но использовать её для домофона...

— Привет, Ильма. Заходи, пока брось вещи на террасе, да проходи на задний двор к дастархану. Мы там как раз обедаем.

На заднем дворе, под решёткой, увитой виноградной лозой, располагался уже привычный Анджею дастархан, застеленный ковром. На нём разместились хозяева дома, примерно ровесники Ильмы, и десяток кошек. Котят здесь практически не было — только солидные кошачьи матроны и парочка столь же солидных котов. Вели они себя исключительно прилично и в тарелки носами не лезли.

Хозяева накормили гостей обедом, после чего Ильма взя-

лась за подготовку ответов на королевские вопросы, а Анджей отправился в одиночестве гулять по Боотису.

Очень скоро он добрался до королевского дворца. На дневной развод караулов он, конечно же, опоздал — тот состоялся, пока они обедали у Сейбертов, — но вот вечерний королевский приём, по случаю хорошей погоды проводившийся в дворцовом парке, увидел во всей красе.

Не знай он, что тот человек, с которым они общались на пляже, и есть король, вряд ли ему пришло бы в голову отождествить типа в соломенной шляпе и совершенно простецкой одежде с повелителем Волопаса, восседающим на троне в короне и мантии. Вокруг него стояли гвардейцы в парадной форме, а за спинкой трона две полуобнажённые девушки приводили в движение опахала. В общем, картина представляла собой абсолютно эклектичную коллекцию наиболее зрелищных атрибутов монархии, собранных по всей земной истории.

Наверное, на туристов из других углов Лемурии это должно было действовать ошеломляюще, ведь там никогда не видели даже живого губернатора. Как объяснила в своё время Сесилия, спейсиане не видели необходимости избирать человека, который отвечает за всё сразу и ни за что конкретно, и на региональном уровне власти существовали только начальник полиции, главный врач и главный дорожный инженер.

На Анджея, которому уже приходилось иметь дело с земными королевскими домами, причём с принцем Брунея он был довольно коротко знаком, приём в Боотисе тоже произвёл огромное впечатление, но иное. Всё-таки на Земле самые что ни на есть природные короли относятся к своей должности как к анахронизму, этакой ролевой игре-переростку. Король же Боотиса был абсолютно серьёзен в своей роли. Более того, все остальные участники церемониала — и гвардейцы-телохранители, и девушки с опахалами, и герольд, объявлявший имена посетителей — не демонстрировали ни малейшей наигранности. Они участвовали в церемонии абсолютно искренне.

Когда на тронной лужайке появились тиссинцы, похожие на

золотистые еловые шишки ростом по пояс взрослому человеку (хотя, приглядевшись, скорее можно было сказать, что они похожи на бобра, нарядившегося в шкуру панголина), одежда которых состояла в основном из разноцветных лент, они тоже как-то ухитрились совершенно естественно вписаться в церемонию. Пожалуй, если бы сюда вдруг припёрся наглый серополосатый тагарский кот размером с хорошую пуму, уселся посреди лужайки и начал гипнотизировать короля взглядом, никто бы и бровью не повёл. Кошка? Кошка. Значит, имеет право.

Но боотисские кошки, вероятно, тоже были мастерами этикета. Поэтому ни одна из них не нарушила праздника, видимо, терпеливо дожидаясь, пока король соблаговолит посетить её родную cattery.

Полюбовавшись на королевский приём, Анджей двинулся дальше.

Королевский дворец находился на самой бровке склона кальдеры. Если ниже дворца располагался типичный курортный городок, тихий и зелёный, единственной серьёзной индустрией в котором было кошководство, то на поверхности плато совсем уже маленькие домики плавно сменились огромными индустриальными комплексами, хотя тенистые деревья вдоль тротуаров никуда не делись.

Вдруг на воротах огромного пакгауза журналист обнаружил яркую афишу, изображавшую кошку с мышью в зубах. Текст гласил «Соревнования по котелковому мышеловству, открытый старт» и был помечен сегодняшней датой. Он заглянул в открытые ворота. Во дворе толпилось некоторое количество зрителей, при этом толпа была необычайно тихой.

У ворот склада стояли в ряд два десятка небольших, примерно литровых котелков с номерами. Время от времени из темноты склада появлялся кошачий силуэт, подбегал к одному из котелков и исчезал обратно во тьму. Рядом с воротами Анджей обнаружил огромный плакат, где были перечислены участники этих странных соревнований.

Открытый старт, видимо, означал, что к соревнованиям допускаются кошки разных пород. Журналист шёпотом попросил одного из зрителей объяснить, что к чему. Тот несколько удивился, но потом понял, что видит перед собой инопланетянина, и рассказал правила, видимо, известные каждому лемурийцу с детских лет. Полем соревнований является большой продовольственный склад или ещё какое-нибудь помещение, где в большом количестве развелись грызуны. Победителем становится кот, который первым сумеет наполнить добычей стандартный котелок. За попытку подраться ради добычи дисквалифицируются оба участника драки.

Собеседник Анджея рассказал про некую кантольскую кэттери, которая выставила котов с номерами 8 и 14, будто бы один из котов у них борется за победу, а задача второго — вовремя устроить драку с фаворитом и таким образом избавить своего сопрайдника от опасного конкурента. Но пока оба кота честно работали и не пытались устроить драку.

Вдруг толпа болельщиков, до того сосредоточенно соблюдавшая тишину, разразилась аплодисментами. К котелкам выбежала девочка лет двенадцати и подхватила на руки серополосатую пушистую кошку, которая на этот раз не стала убегать за следующей добычей, а осталась у котелка.

— Первое место заняла кошка Стелла, кэттери Сейбертов, Боотис. Порода — боотисская норная, — объявил в микрофон судья. — Лоиса Сейберт приглашается к судейскому столу.

Услышав знакомую фамилию, Анджей вгляделся в лицо девочки, которая с кошкой на плече подошла за призом. Действительно, она была похожа на Эмили Сейберт, парой часов раньше угощавшую Анджея и Ильму обедом на дастархане в окружении точно таких же кошек, как победительница.

Призов было два: хозяйке полагался диплом, а кошке — что-то похожее на сосиску. Стелла немедленно ухватила этот предмет зубами и начала с урчанием грызть. Обычная сосиска вряд ли вызвала бы такой энтузиазм.

Анджей подошёл к девочке и представился как земной жур-

налист Краковски.

— А, вы тот самый журналист, который должен приехать к нам в гости вместе с тётей Ильмой? — ничуть не удивившись, спросила Лоиса. — Найдёте дорогу до нашего дома, или вас проводить?

Естественно, Анджей выбрал «проводить» и за полчаса неторопливой прогулки до дома Сейбертов, задавая наводящие вопросы, узнал уйму ценной информации о жизни Виа де Катта вообще и семейства Сейбертов в частности. В том числе то, что Лоиса совершенно серьёзно намерена унаследовать родительскую кэттери, потому что её старший брат подался в полевые экологи, а сестра учится в колледже дизайна и тоже вряд ли свяжет свою судьбу с кошководством. На Земле, пожалуй, подобная открытость со стороны девочки-подростка была бы несколько безответственной, но здесь... Почему-то Анджей был уверен, что у такого короля маньякам-педофилам уж точно не разгуляться.

— А что это за приз был выдан кошке? Это ведь не сосиска.

— Это специальная угрызательная колбаска с кошачьей мятой. Она теперь часа три будет её грызть, — Лоиса оживилась. — А вообще у нас теперь замечательная реклама. Боотисская норная ведь не чисто мышеловная порода, она в основном для охоты на пернатую живность. Но многие сельские жители берут породистую кошку как универсальную — и амбар от крыс охранять, и за птичками в лес ходить. Поэтому котят боотисской норной, которая в котелковом турнире обошла восемь кантольских мышеловных, оторвут с руками. А у Стеллы как раз котята доросли до возраста продажи. Она их уже всему научила, и про мышей, и про птиц.

Тут они как раз дошли до ворот дома Сейбертов. Лоиса ткнула пальцем в папиллярный датчик на заборе, и калитка открылась. Сейберты сидели на лавочке перед домом, при этом на лужайке почему-то не было ни одного зверя.

— А где кошки? — удивился Анджей.

— Вокруг дастархана, на короля смотрят, — ответила хо-

зяйка и повернулась к дочери: — Лоиса, ты пока не ходи на задний двор. Там тётя Ильма обсуждает с Его Величеством какие-то секретные вопросы.

Девочка спустила с плеча кошку, и та моментально удрала куда-то по лесенкам и балкам, приделанным к стене дома — видимо, на какую-то высоко расположенную площадку, где можно было без помех догрызть приз. Король Стеллу сегодня явно не интересовал. Сама же Лоиса торжественно вручила родителям диплом и исчезла в доме.

Старшие Сейберты обсуждали какие-то местные новости. Анджей уселся рядом, не особо вмешиваясь в разговор, поскольку не имел никакого представления об обсуждаемых проблемах. Но вот в разговоре всплыло имя Питера кхе-Чьоля, который, оказывается, недавно опубликовал эссе с критикой традиционных правил кошачьих соревнований. Причём, хотя Сейберты были профессиональными кэттерами, и их кошка только что выиграла подобный турнир, они не могли не признать определённой логической красоты за его аргументами.

Глава 75

Люди и собаки болота

Мотрисса оторвалась от насыпи и почти бесшумно заскользила по эстакаде, заставившей Анджея вспомнить марсианский рейлер. Провалившаяся вниз поверхность планеты из саванны с редкими деревьями и кустами превратилась в сплошной густой темно-зелёный лес, в котором изредка мелькали небольшие озёра и расчищенные поля. Потом чуть ли не в сотне метров внизу блеснула синева довольно широкой реки. Мотрисса начала плавно сбавлять ход.

— Пошли на выход, — скомандовала Ильма. — Здесь очень короткая остановка.

Они едва успели дотащить рюкзаки до тамбура, когда мотрисса затормозила окончательно. Ильма нажала светящуюся зелёную кнопку, и двери открылись, а часть пола тамбура уехала куда-то внутрь, открывая крутую лесенку. По ней наши герои спустились на низкий перрон — пространство, огороженное каменными плитами и засыпанное щебёнкой, которое поднималось выше уровня рельсов от силы на десять сантиметров.

Чуть дальше от рельсов стоял маленький домик с вывеской «Bro på Dalia[1]». Около домика их ждал мотоцикл с коляской, за рулём которого сидел, как сначала подумал Анджей, мальчик-подросток примерно курса второго старшей школы.

[1]швед. Мост на Далии

Однако, присмотревшись, он понял, что это девушка и, видимо, всё же несколько постарше.

— Здравствуй, Тири! А я думала, ты загонишь сюда глайдер, — поприветствовала её Ильма.

Девушка задумалась.

— Знаешь, пожалуй, глайдер вполне пройдёт по этой дороге. Но проще было одолжить мотоцикл у деда Ниссе, тем более груза у вас не так много.

Ехать вниз по долине пришлось довольно долго. Если железная дорога пересекала долину по прямой, то колёсная, очень неплохого качества, отсыпанная гравием, прихотливо извивалась между опор эстакады, иногда отклоняясь от неё чуть ли не на километр в сторону. В конце концов мотоцикл прогрохотал по деревянному мосту почти стометровой длины и въехал в деревню, расположенную на довольно крутом откосе над рекой.

— Зачем такой длинный мост? — спросил Анджей. — Вроде я не видел под ним никакой реки. Только парочка озёр внизу.

— Это сейчас там нет никакой реки, — пояснила водительница мотоцикла. — А как пройдут дожди, Далия поднимется метра на три, и будет широченная протока.

Они поставили мотоцикл около одного из домов. Тири постучала в окошко, перекинулась парой слов с хозяином (видимо, не только дома, но и мотоцикла), а потом все трое спустились по крутому откосу к реке, где на покрытом травой пологом бережку стоял… нет, лежал… нет, всё-таки стоял широкий плоский катер с воздушным винтом в кольцевом обтекателе на корме.

Анджей подумал, что сейчас ему придётся взять на себя основную часть работы по спихиванию этой штуковины на воду. Но Тири жестом предложила размещаться, и Ильма решительно полезла в катер вместе с рюкзаком. Журналист последовал её примеру. Когда они устроились, хозяйка катера завела мотор, и судно с лёгким гудением приподнялось над травой, а потом плавно тронулось с места и съехало в реку.

Река была внушительной. С железнодорожного моста она не производила такого впечатления, но вблизи оказалась не меньше Дуная в Вене. Да и текла, кстати, ничуть не медленнее, хотя местность, которую они пересекли по железной дороге, производила впечатление равнинной. Впрочем, равнинность её оказалась довольно относительной: через пару часов движения вверх по течению долина сузилась, берега ощетинились скалами, и река превратилась в довольно бурный поток. Глайдер взбирался по быстрине, почти не снижая скорости, поскольку скользил над водой, а не по воде. Водоизмещающему судну пришлось бы гораздо туже.

Но вот быстрина кончилась, и глайдер вплыл в безбрежное море высокого тростника, торчащего из воды выше человеческого роста. Через это огромное болото пролегали открытые протоки. Разумеется, ширина каждой из них была несравнима с шириной русла ниже порогов.

— Это болото называется Ованфорсар, «Над порогами», — сказала Ильма. — Здесь живет весьма необычный народ.

Тири сбавила скорость, поскольку теперь приходилось петлять по извилистым протокам. Арктур уже перевалил зенит, когда в просвете среди зеленеющих тростников вдруг мелькнули жёлтые хижины. В спину Анджею ударил поток воздуха от включённого на реверс воздушного винта, и глайдер, плавно развернувшись, ткнулся во что-то вроде очень толстой циновки, изображавшее здесь набережную.

Стоило Анджею ступить на эту, если можно так выразиться, шаткую почву, как раздался почти забытый им звук — откуда-то из-под хижин выметнулись несколько мелких лопоухих собак и начали с лаем прыгать вокруг пришельцев. Анджей присел на корточки и протянул руки к собакам, и через минуту они, отталкивая друг друга, уже напрашивались на ласку. Все собаки были вислоухие, похожие на спаниелей или мелких сеттеров.

На лай собак из хижины появился старик с длинной бородой, одетый в рубаху и шорты из какого-то странного матери-

ала.

— А ты, парень, их не боишься, — с уважением сказал он. — Но у нас в болотах ты никогда не бывал. Где же ты с ними познакомился?

— Я с Земли. Которая под Солнцем, — уже привычно уточнил землянин. — А там у нас собак больше, чем у вас на Лемурии кошек. Меня как раз удивляло, что здесь у вас стада пасут кошки и добычу охотникам таскают тоже кошки.

— Тут на суше растёт такая травка, называется хундесдод. Собака не может удержаться, чтобы её не съесть, и после этого быстро умирает. Эта травка не растёт только у нас в болотах, поэтому мы и можем держать собак. А кошки? Пф-ф-ф. Не любят они сырости, не любят.

Тем временем Ильма прощалась с водительницей глайдера:

— Примерно в пятницу мне будет нужен транспорт из Ованфорсар вверх по течению.

— Скорее всего, в следующий раз я пойду вверх в четверг. А потом в следующий понедельник. Так что, если в четверг к этому времени завершишь тут свои дела, звони.

Глайдер задним ходом отошёл от тростникового мата, развернулся и, набирая скорость, скрылся за поворотом протоки. Ильма повернулась к Анджею, вокруг которого, кроме собак и деда, уже столпилась куча местного народу.

— Ага, человек с суши, который умеет разговаривать с собаками, здесь — событие.

— А где мы тут будем ставить палатку? — спросил её Анджей, отрываясь от собак.

С местом для палатки и в самом деле были проблемы: деревня располагалась на плоту из связок тростника, и тростниковые хижины занимали почти всё место на нем.

— Увы, здесь негде, — ответила Ильма. — Придётся пользоваться гостеприимством местного населения. Кстати, помни, что я говорила тебе про обычаи гостеприимства в таких общинах.

Анджей помнил. Поэтому его совершенно не удивило, что

в качестве проводника к нему приставили девушку по имени Лив, на глаз лет этак двадцати. Вместе с ней Анджей облазил всю деревню, а также насыпной песчаный островок, на котором располагалась кузница и загон для скота.

В отличие от хыгра Айол, где горцы, живущие в саклях совершенно средневекового вида, пользовались компьютерами, электрохлебопечками и водопроводом, здесь царил самый настоящий примитивизм. Коммуникатор был один на всю деревню. Солнечных батарей и светодиодов — несколько больше, но всё равно наличие электричества в каждом доме здесь не считалось необходимым. Пластмассы не было вовсе. Правда, из болотной руды тут делались весьма совершенные железные изделия, гончарное дело тоже было на высоте. Поделочную древесину местные жители, видимо, добывали где-то за пределами болота, но и деревянных вещей у них хватало. Но что действительно поразило Анджея, так это количество разных мелких бытовых автоматов — приспособлений из дерева, рыбьей кожи и гончарной глины, которые делали такие вещи, для которых цивилизованному человеку понадобился бы как минимум процессор.

Обитатели болота питались рыбной ловлей, сбором какого-то дикорастущего зерна с растения, похожего на рис, и разведением длиннорогих коров, которые с удовольствием возились в болотной грязи, переплывали протоки и ели тростник. Перемещались жители болота на связанных из тростника лодках, а одевались в одежду, сшитую из чего-то вроде папируса.

Единственное, что было непонятно Анджею — как эта первобытность сочетается с современным уровнем медицины. Впрочем, почти тут же он увидел, как именно. Когда они с Лив осматривали гончарную мастерскую, снаружи донёсся голос Ильмы, сердито кого-то отчитывающей:

— Что? Почему она ещё здесь? Ты же два месяца назад определила, что беременность у неё протекает ненормально. Тебе врач что говорила? Отправляй её в Боотисский госпиталь на сохранение. Тогда это было совсем без риска, сейчас

уже есть некоторый риск, но пока ещё можно. Завтра вернётся Тири, сажай её к ней в глайдер, и через сутки она уже будет в Боотисе. Да, я знаю, что её придётся три месяца содержать в городе. Да, я знаю, сколько стоит билет на мотриссу, сама его вчера покупала. Но если что пойдёт не так, санрейс флиттера с реанимационной бригадой встанет в пять раз дороже. И за санрейс потом придётся расплачиваться вашей общине. А сейчас мы что-нибудь придумаем. За содержание скеттерлинга в госпитале заплатит король, у него есть благотворительная программа на эту тему. Потому Ванесса и рекомендовала отправлять её в Боотис, хотя вы и не из его региона. А вовсе не только потому, что с Карбазом у вас нет прямого сообщения, нужно выходить из мотриссы в Лертёнгарте и дальше лететь самолётом. В принципе, Лертёнгартский госпиталь тоже вполне нормально оборудован для таких случаев, но в Боотисе проще получить субсидию. С Тири вы договоритесь как-нибудь, а денег на мотриссу я вам дам.

— Что у вас здесь за шум? — спросил Анджей, выйдя из хижины и обняв Ильму за плечи.

— Понимаешь, Анджей, тут такая ситуация: обычно оплата медицинских услуг — дело муниципальной общины. Экстренные вызовы и санрейсы тоже, кстати, надо оплачивать. Но здесь скэттер, муниципальной власти как таковой нет, а местная община — вот эти три хижины, да ещё пяток таких же деревень, которые нам нужно объехать завтра-послезавтра. Денег у них практически нет, они живут натуральным хозяйством. Даже билет на мотриссу до Боотиса — это сумма, которую вся община зарабатывает хорошо если за год. Медицинской страховки тоже никакой нет, так как страховые компании работают только с теми скэттерными поселениями, у которых есть хоть какие-то регулярные доходы. Поэтому местные жители тут постоянно норовят пустить дело на самотёк. Лечат местными травами и не более того. Правда, Эва, — Ильма указала на пожилую женщину, к которой и была обращена её тирада, — умеет пользоваться всякими медицинскими датчиками к ком-

муникатору, и с её помощью Ванесса Райше, врач, отвечающий за этот район, может удалённо ставить диагнозы. Обычно все специалисты, кто здесь более-менее регулярно появляется — я, экологи, Ванесса, — обязательно устраивают всем местным жителям что-то вроде диспансеризации. Чтобы не запускали. А тут девочка с патологией беременности. Уже седьмой месяц, между прочим. Её надо было отправлять в госпиталь ещё два месяца назад. Но эта девочка всю жизнь прожила в Ованфорсар, у неё даже коммуникатора нет. Наверное, у Ванессы есть какая-нибудь её биометрия или даже сиквенс генома, но это и всё. Для цивилизованной бюрократии человек не существует. Поэтому доставка её в госпиталь будет той ещё операцией. Кто-то, скорее всего Тири, должен довезти её до станции Далийский Мост и посадить в мотриссу, сдав на руки проводнику и купив ей билет. Кто-то должен встретить её на вокзале в Боотисе и довезти до госпиталя. Кто-то должен оформить всё, что необходимо, чтобы её содержание в госпитале оплачивалось из благотворительного фонда, — неожиданно она ухмыльнулась. — Хотя я знаю, кто это, скорее всего, будет. Лиззи Меретикс, которая на церемониях обычно держательница правого опахала, или Виола Паччиоли, которая держательница левого. Если гвардейцы Аслана — на самом деле отряд спасателей быстрого реагирования, то прочие придворные как раз бегают по всяким таким делам. Вернее, на придворные должности он приглашает наиболее отличившихся волонтёров. Это и отличие, и возможность посвящать благотворительным делам большую часть времени, получая за это вполне достаточную зарплату.

— Это как? — удивился Анджей. — У вас же тут есть какое-то обязательное образование. Мара что-то рассказывала про экзамены на разные гражданские права, в частности, на право заводить детей. Если человек не существует для цивилизованной бюрократии, у неё не отберут ребёнка?

— Отобрать ребёнка у матери?! — хором ужаснулись Ильма и Эва. — У вас что, на Земле до сих пор бывает такое?

— Проблемы у неё, конечно, будут, — пояснила этнограф. — У неё не сдан экзамен на право свободного перемещения в городе, который горожане обычно сдают в дошкольном возрасте. Равно как не сдан экзамен по обращению со скафандром, который твоя Мара, наверное, сдала ещё до того, как поступила в юнги, экзамен на самостоятельное передвижение в зимней тайге, который на Лемурии вообще мало у кого есть, потому что не бывает зимы, нет прав на управление никаким летательным аппаратом и много чего ещё. Поэтому ей и нужны сопровождающие, чтобы добраться до госпиталя, и кто-то, кто возьмёт на себя всякие бумажки. Но здесь, в болотах, она вполне дееспособна. Вообще на эту тему лучше пообщайся с Лив, у неё примерно такой же бэкграунд. А у меня тут ещё полно народу, который специально отложил свои дела, чтобы поговорить. А завтра с рассветом я хочу уже отплыть отсюда в соседнюю деревню.

Естественно, Лив всё это слышала. Вообще скрыть что-либо на этом маленьком тростниковом плоту было невозможно. На надувной жилой палубе трампа-тысячетонника и то раз в сто больше приватности.

— Ты умеешь грести? — вдруг спросила она, когда Анджей повернулся к ней. Журналист кивнул. — Тогда поедем, настреляем уток к ужину. Сидя в деревне, болота не поймёшь.

Она вытащила из хижины лук со стрелами, отвязала узенькую тростниковую лодку и свистнула одной из собак. Та привычно прыгнула в лодку и устроилась на носу.

— Ты садись на корму и греби, а я буду стрелять, — скомандовала девушка. Впрочем, поначалу она тоже вооружилась коротким однолопастным веслом. В два весла они быстро отплыли от деревни, и та скрылась за зарослями тростника.

— У вас тут учатся в школе? — первым делом спросил журналист.

— Конечно. Только школа не в нашей деревне, а в Сивской Стрелке. Полчаса на лодке. Там плот больше, и вообще там у нас центр общественной жизни. Туда народ собирается на

всякие праздники, на танцы, там же и школа. Вы с Ильмой, наверное, завтра туда поплывёте. Или послезавтра.

— Меня просто поразило, что вы обходитесь одним коммуникатором на всю деревню.

— А зачем больше? Кино смотреть? Так я лучше в Сивскую Стрелку сплаваю и на большом экране посмотрю. Там можно смотреть кино в компании, а потом ещё поболтать. Какой смысл смотреть кино в одиночку?

— Книжки читать, искать всякие полезные рецепты и советы.

— Наше болото уникально, второго такого нет. Поэтому советы и рецепты из другого места вряд ли окажутся для нас полезными. Правда, дядя Юхан, кузнец, так не считает. Вон его кузница, — Лив показала на насыпной островок в болоте, на котором стояло сооружение, на первый взгляд производившее впечатление монолитного бетона, а при более внимательном рассмотрении оказавшееся глинобитным. — У него там есть большой планшет, и он постоянно что-то обсуждает с кузнецами из других общин.

В этот момент собака, до того спокойно лежавшая на тростниковой палубе перед девушкой, вскочила, опершись передними лапами на высоко задранный форштевень лодки, и начала принюхиваться.

— Тс-с-с, — скомандовала Лив, отложила весло и начала жестами указывать, куда следует вести лодку.

Анджей грёб, стараясь шуметь как можно меньше. Однако получалось плохо — грести он учился на мысу Алуг, где всё время гулял океанский ветер, и даже в укромных проходах между скалами била о берег какая-никакая волна, поэтому Тим не придавал никакого значения соблюдению тишины.

При очередном гребке весло громко плеснуло — и тут же из зарослей тростника поднялась стая уток. Лив спустила тетиву, потом ещё раз, выхватила третью стрелу, но тут же опустила лук — птицы уже улетели очень далеко. Собака прыгнула в воду и поплыла туда, где в заросли упала пробитая стрелой

утка. Через несколько минут она вернулась, таща добычу в зубах, и поплыла за второй.

— Двух нам, пожалуй, мало, — сказала охотница. — Поищем ещё стаю.

Она опять вооружилась веслом, и Анджей понял это как возможность продолжить разговор.

— А бывает так, что люди уходят от вас куда-то в другие места?

— Конечно, сплошь и рядом. Вот мой младший братишка сразу после школы сбежал. Сейчас работает на железной дороге помощником машиниста. Нашёл себе девушку из городских, купили домик в Вакрахамнене. Приезжал как-то с ней сюда, показывал, как охотятся на уток с собакой. Хорошая девочка, и стреляет неплохо. Правда, не из лука, а из пневматики, но для горожанки и так сойдёт. А вот наоборот — ни одного случая не помню. Чтобы нравилось жить на болоте, надо на болоте родиться.

— А чего вы не пользуетесь пневматикой? Ведь, как я погляжу, ваши кузнецы в состоянии её не только починить, но, пожалуй, и сделать.

— Покупать надо. Конечно, пороховое ружье обошлось бы дороже, чем пневматика, но всё равно надо покупать и ружье, и пули — ну негде у нас тут свинец взять, — и всякие прокладки, которые изнашиваются. А значит, нужны деньги. А для того, чтобы появились деньги, надо что-нибудь продать. Сейчас мы продаём немного лекарственных трав, и этого хватает на оплату связи и тех немногих коммуникаторов, которые у нас есть. Это нормально — платить деньгами Большого мира за то, что используется для связи с Большим миром. А платить деньгами за то, что используется для добычи уток на болоте... Уток на болоте надо добывать тем, что даёт болото.

— А как твой брат устроился во внешнем мире, если у него не было документов?

— Обыкновенно. Все же знают, что такое скэттер. Приходит парнишка в Подмостье и говорит: я, мол, из Ованфорсар,

хочу устроиться подмастерьем в Большом мире. Ему говорят: давай, сдавай экзамены на бета-лист. Он сдаёт и получает бета-лист. А пока сдаёт, кто-нибудь в деревне даст ему место в доме. С Норой то же самое будет — пока она там лежит в госпитале, три раза успеет сдать всё, что надо. А здесь у нас община маленькая, все и так знают, кто на что способен. Зачем бумажки разводить?

Когда была выслежена ещё одна стая уток, и ещё три птицы заняли своё место на палубе лодки, Анджей спросил:

— А тебя не удивляет, что я вот так выспрашиваю всякие мелкие подробности вашей жизни?

Ответ Лив слегка шокировал его:

— Но ты же сегодня ночью оставишь во мне своё семя. Ты имеешь право знать, как будет расти твой ребёнок, если он получится.

Анджей подумал, что такое серьёзное отношение к обычаю спать с гостями с целью прилива свежей крови, как и принцип «дары болота надо добывать тем, что даёт болото» — что-то вроде местной религии. На следующее утро, когда они с Ильмой на такой же тростниковой лодочке перебирались в соседнюю деревню, он спросил об этом свою спутницу.

— В чём-то ты, конечно, прав, — ответила она. — Эти принципы — краеугольный камень местной культуры. Но я бы не стала называть это религией, культура совершенно не обязательно бывает основана именно на ней. На культуру, основанную на религии, мы посмотрим в четверг. А это очень прагматичное сообщество, чем-то похожее на земных европейцев конца XX — начала XXI века. У тех тоже были исходно вполне практичные принципы — демократия, свободный рынок, правовое государство. Но они возвели их в абсолют, что в конце концов привело к очень неприятным вещам.

Глава 76

Охотники на киллинхенов

В четверг, посетив за три дня ещё шесть поселений на тростниковых плотах, наши герои примерно в два часа пополудни вернулись в исходную точку. Но не успели они перевести дух, как в протоке послышалось гудение глайдерного мотора.

На преодоление болота глайдеру потребовалось ещё три часа. Наконец бесконечные заросли камыша вокруг извилистых проток сменились широколиственными лесами на склонах не слишком широкой долины, а многочисленные протоки превратились в одно широкое русло.

Тири сразу увеличила ход. Впереди было около ста километров до поселения, которое было целью Ильмы, и не менее трёхсот до того посёлка, где кончался почтовый маршрут по реке от Далийского моста. Поэтому, когда глайдер выехал на песчаный пляж, Ильма и Анджей постарались покинуть его побыстрее, чтобы не задерживать развозку почты.

Деревня, в которой они высадились, напомнила Анджею картинки из учебника истории: бревенчатые избы, крытые соломой, изгороди из жердей, пасущиеся коровы и козы, журавль колодца.

Как оказалось, это было поселение религиозных фундаменталистов, русских староверов. Их несказанно обрадовало то, что у гостей имеется своя посуда, поскольку по их представле-

ниям, вполне здравым с точки зрения гигиены, есть из одной посуды с чужаком было недопустимо.

Здесь тоже жили практически натуральным хозяйством, хотя наличие во всех домах ружей свидетельствовало о более тесных хозяйственных связях с окружающим миром. Население здесь было небольшое, и Ильма быстро закончила все свои дела.

На следующее утро она подняла Анджея на рассвете.

— Сегодня нам предстоит большой переход.

Сначала они шли по тропинке, вьющейся между огромных деревьев, мимо озёр, заросших всякой водной растительностью, постепенно, как по гигантским ступеням, поднимаясь по террасам речной долины. Наконец террасы кончились, а вместе с ними кончился и лес. Впереди до самого горизонта простиралось пространство саванны, поросшее высокой травой и в беспорядке усеянное серовато-зелёными группами деревьев.

Перед началом перехода по равнине они сделали привал. Ильма достала из своего рюкзака две коробки, одну из них отдала Анджею, а за другую взялась сама:

— Собирай. Там внутри есть инструкция.

Внутри оказалось что-то вроде базуки калибром миллиметров в двадцать. Труба с пистолетной рукояткой, конец которой надо класть на плечо, двухдюймовый жидкокристаллический экранчик системы наведения, небольшие, но грозные на вид гранаты.

— Это ещё зачем? — удивился Анджей, зная, что даже свою пневматику Ильма обычно таскает в рюкзаке в разобранном виде.

— Здесь водятся киллинхены.

— А это кто?

— Птица такая. Не летает, но здорово бегает. Ростом метра под три, клюв больше метра, ест всё, что может догнать, а бегает со скоростью мотриссы. Если увидишь, что она на тебя бежит, не раздумывая, лепи в корпус осколочно-фугасной гранатой. Впрочем, никаких других я и не взяла. Но, может,

обойдётся. Они вообще не очень нападают на людей.

— А почему оно так называется? «Убивающая курица», причём по-английски, хотя английский здесь, как я погляжу, не слишком популярен — то фарси, то шведский, то вообще латынь. Наверняка у этой твари есть родное древнеарктурианское название.

— На самом деле народная этимология. Тот парень, который открыл эту птицу, назвал её келенкеном в честь кого-то подобного, кто обитал на Земле несколько миллионов лет назад. Но разве может удержаться подобное название в устах охотников, фермеров и изыскателей? Вот и трансформировалось в более понятное «киллинхен». А древнеарктурианских названий этой милой птички существует восемь, на разных языках, и все труднопроизносимы для людей. Ну, закончил сборку? Тогда встали и пошли. Только убери коробку в рюкзак — не бросать же её посреди саванны.

Идти по саванне оказалось неожиданно легко, трава была не слишком высокой. Если выкинуть из головы мысль, что здесь водятся хищники, от которых предлагается отбиваться из гранатомёта, то это была бы очень приятная прогулка.

На протяжении нескольких часов пути им попалось на глаза несколько стад крупных нелетающих птиц. Были длинношеие вроде страусов, которые паслись вокруг куп деревьев, объедая листья с веток, были больше похожие на огромных кур, питавшиеся травой или чем-то, прячущимся в траве.

Неожиданно Ильма сделала жест, призывающий остановиться. Анджей замер. Впереди примерно в полукилометре паслось стадо травоядных птиц. А из-за высокого куста за ним наблюдала большая, раза в два повыше, птица с огромным клювом.

Вдруг она сделала рывок. Стадо кинулось врассыпную, вероятно, издавая какие-то звуки, но на таком расстоянии их было не слышно. Здоровенная птица настигла одну из травоядных и мощным ударом клюва сбила её с ног.

— Вот это и есть киллинхен, — прокомментировала Иль-

ма. — Впрочем, данный конкретный для нас не опасен — он уже добыл себе пропитание и ближайшие сутки вряд ли захочет нападать на кого-то ещё.

Отойдя от места охоты километров на шесть, путешественники наскоро перекусили всухомятку, запивая галеты водой из фляг, и двинулись дальше. Анджей, хотя и считал себя в неплохой форме, особенно после прогулки про Агнульским горам, уже начал уставать, когда Ильма показала рукой вперёд:

— Смотри, видишь дымок? Вот это и есть наша сегодняшняя цель.

Дымок журналист скорее вообразил, чем разглядел. Но узнать, что бесконечный переход по саванне близится к концу, было приятно.

Ещё через полчаса, когда до дымка оставалось километра три, и уже можно было, приглядевшись, различить что-то вроде хижин, Ильма сказала:

— Ну вот, нас заметили. И, наверное, узнали.

Когда они вошли то ли в деревню, то ли в лагерь, который был их сегодняшней целью, до заката оставалось часа два.

Это была круговая изгородь из колючего кустарника, внутри которой размещалось несколько примитивных навесов, сплетённых из веток, и горел один общий костёр. Снаружи от изгороди имелась небольшая низина, выделявшаяся яркой зеленью влаголюбивой травы. Видимо, там была вода.

— А почему источник воды за пределами ограды? — шёпотом поинтересовался Анджей.

— Потому что он единственный на пару десятков километров вокруг. Киллинхены тоже имеют право на водопой.

Анджей с интересом осматривал быт этого поселения. Если болотные жители Ованфорсар вызывали впечатление средневековья или античности, то здесь царила первобытность до изобретения земледелия и обработки металла. Впрочем, металлические ножи, топоры и наконечники стрел и копий здесь имелись, но явно как плоды меновой торговли с какими-то другими людьми.

Из-под одного из навесов выбрался пожилой мужчина — темнокожий, но совершенно седой, одетый, как и ожидал Анджей, только во что-то вроде набедренной повязки из крупных перьев и бусы на шее.

— Знакомьтесь, — сказала Ильма. — Это Анджей Краковски, журналист с Земли и рабочий в этнографической экспедиции. А это Питер кхе-Чьоль, литератор и кочевой охотник в саванне.

Поговорить по душам с кхе-Чьолем Анджею удалось сильно не сразу. Только после общего ужина, на котором была съедена какая-то охотничья добыча, когда они сидели у догорающего костра, и Анджей судорожно вспоминал, как это — брать интервью.

— А почему вы поселились в этом лагере кочевых охотников?

— Вообще-то я здесь родился и вырос. Скорее нужно спрашивать, почему я не довольствуюсь плясками у костра и сочинением сказаний, как мои соплеменники, а пишу что-то, что читают за пределами саванны. Но я, пожалуй, уже не вспомню, как это произошло. Наверное, дело в том, что я слишком ленив. Многие мои сверстники, которым было интересно, что происходит там, где кончается саванна, уходили куда-то в Большой мир, устраивались в подмастерья к геологам или транспортникам, и в итоге теперь и не заметишь, что они родились в саванне. А мне всегда хватало рассматривания картинок на экране и общения с иными людьми через Сеть. Поэтому я остался в родном племени.

— А как у вас хватает времени совмещать жизнь охотника с литературной деятельностью?

— Любому из нас так или иначе приходится совмещать жизнь, добычу пропитания и то, что делается для души. Я бы сказал, что мне даже проще, чем большинству других. Любой земледелец или горожанин тратит на возделывание земли или зарабатывание денег куда больше времени, чем тратит на добычу пропитания первобытный охотник. А ещё у вас всех есть

дома, сады, которые требуют ухода, социальные связи, которые надо поддерживать, политика, которой надо заниматься, чтобы она не занялась тобой. У нас же в саванне всё гораздо проще. Все социальные связи, вся политика — вот, — он обвёл рукой бивак, обнесённый изгородью из колючих кустов. — А вместо дома лёгкий навес, который можно выбросить и построить заново.

— Интересно, почему же тогда люди всё-таки изобрели земледелие, цивилизацию, политику? — усмехнулся Анджей.

— Насколько я понимаю, потому что сильно размножились. У нас тут на каждый лагерь охотников приходится примерно тысяча квадратных километров саванны, и население практически не растёт. Слишком многие дети сбегают в Большой мир. А на первобытной Земле сбегать было некуда. Поэтому довольно давно людям стало тесно на планете, начались войны за охотничьи угодья. И тот, кто первым придумал отказаться от образа жизни охотника, который охотится только тогда, когда нуждается в пище, и перейти к изнурительному труду земледельца, смог прокормить в сто раз больше народу на той же территории и получил огромное численное преимущество для войны, — кхе-Чьоль пошевелил палкой в костре, головешка рассыпалась искрами. — А у нас здесь целая планета, на которой людей гораздо меньше, чем было их на Земле в палеолите. Плюс к тому большая часть людей по привычке предпочитает жить в городах или обрабатывать землю. Поэтому ещё лет двести-триста у нас должна оставаться возможность свободно кочевать по саванне.

— А как же риск неудачи, голода?

— Это бывает только в условиях избытка людей. А когда избыток территории, то всегда можно найти менее вкусную, но достаточную для пропитания альтернативу. В саванне обитают десятки видов дичи и сотни видов съедобных растений.

— А хищники?

— Разумеется, меня может поймать на охоте киллинхен. Но разве у вас в жизни нет своих рисков? У вас может взорваться в

руках батарейка или газовый баллон, вас может сбить машина на оживлённой улице, может отказать мотор самолёта...

Глава 77

Лейтенант Фицрой

— Эскадра вернулась! — такова была первая новость, которой встретили Мару с порога, когда пинасса приводнилась в Порт-Шамбале, и девушка появилась в диспетчерской. По поводу такого события, кроме дежурной смены, там торчали Келли, Хань Сяо и даже дедушка Тадек.

Впрочем, «вернулась» — понятие относительное. Эскадра в Солнечной системе, электронные письма ходят туда-обратно за двадцать минут, но ещё добрых три недели пройдут до того, как корабли начнут садиться на озеро.

— Список потерь уже передали? — тихо спросила Мара, подойдя к Келли.

— Передали. С родителями тоже всё в порядке.

— Почему «тоже»?

— Потому что я знаю, что на самом деле тебя интересует Королевский Ублюдок.

— Всё бы тебе над моим парнем прикалываться, — скривилась Мара.

— Вообще-то это ещё и мой однокурсник. Мы называли его так ещё тогда, когда ты драила медяшку на «Лиддел-Гарте» и не помышляла о мальчиках. Ну что я могу сделать, если фамилия Фицрой действительно означает «королевский бастард», а данный конкретный Фицрой к тому же действительно пото-

мок незаконнорожденного сына Карла II, а заодно и создателя британской метеослужбы.

* * *

На причале собралось, похоже, всё население Порт-Шамбалы, кроме диспетчерской вахты. Один за другим корабли эскадры появлялись в небе над озером, выполняли положенные манёвры, садились, тормозились и причаливали. Конечно, кому-то не повезло — тот же «Лиддел-Гарт», как слишком большой, остался на орбите. Ещё несколько кораблей имели повреждения, не позволявшие посадить их на Землю без ремонта. Они пока тоже были на орбите, и на них оставалась минимальная вахта.

Но Мара точно знала, что «Казарский» будет садиться. И даже выяснила у диспетчеров, к какому выходу надо пристроиться оператором. Поэтому, когда лейтенант Фицрой вышел из переходного тоннеля, на него как будто налетел небольшой вихрь. Стью слегка пошатнулся, но устоял на ногах. Впрочем, никого на причале это не удивило — таких встреч после почти годичной разлуки здесь были сотни.

— Мара, ты меня ждала. А я по тебе скучал.

— А я делала глупости, искала себя.

— Нашла?

— Да. Потому и встречаю тебя сейчас.

— А где погоны? Я думал, когда мы вернёмся, ты уже будешь мичманом.

— Уже почти. Все экзамены сданы, осталось торжественное вручение погон. Но его решили отложить до возвращения эскадры. Так что завтра имеешь шанс его увидеть.

* * *

Через день после того, как Мара получила мичманские погоны, Стью на очередном свидании вдруг сказал:

— А мне корвет дают. Пойдёшь ко мне начальником БЧ-2?

— Сразу после выпуска — начальником БЧ-2? Конечно, пойду! А что за корвет?

— «Орельяна».

— А кто старшим офицером?

— Я хотел позвать Кима, но его Келли не отдаёт. Он идёт начальником БЧ-6 на «Истомин» и говорит, что Ким нужен ему там в качестве командира роя. Но есть у меня на примете один парень из-под Ахирда. Мы тут на Лемурии подобрали кучу народу с планет, где давно не было своих крупных судостроительных программ, да ещё и добровольцев из Торгфлота. Но всё равно у нас будет не больше пятнадцати человек, из которых только десять из военно-космических академий.

Глава 78

Опера «Экспансия»

— Вот поездил я по Лемурии, посмотрел, как тут живут разные люди, — задумчиво произнёс Анджей. — Однако так и не понял, почему вы спокойно относитесь к королям, диким племенам собирателей, религиозным фанатикам, но на протяжении сотни лет фактически бойкотировали Землю.

— Чтобы понять нас, лемурийцев, нужно хотя бы один раз услышать «Экспансию», — отозвалась Ильма. — Причём лучше на хорошей аппаратуре. К сожалению, живого исполнения не было уже лет семьдесят. Если хочешь, могу поставить прямо сейчас.

Анджей промолчал, и это молчание было воспринято как знак согласия. Ильма засуетилась по комнате, задёргивая шторы, подключая огромные колонки, которые обычно стояли незадействованными, включая настенный пятидесятичетырехдюймовый экран.

Из колонок раздались звуки музыки...

Акт первый. Картина первая.

Упсальский университет. Студентка Ширин Ансари (сопрано), изучая снимки с разных спутниковых телескопов, открывает загадочную планету около Арктура. Она мечтает о том, что, может быть, эта планета станет местом, где

люди смогут быть счастливее, чем на Земле. Но, увы, мечты о звёздах пока остаются мечтами. Человечество заперто в Солнечной системе.

В это время Карл Ангстрём (баритон) теоретически открывает возможность прокола пространства. Он держит в руках ключ, который может открыть человечеству путь к звёздам, но не имеет возможности проверить свою правоту. Провести experimentum crucis можно только в гравитационном поле звезды. Нужно приблизиться к Солнцу не далее чем на миллион километров. Однако кто даст космический корабль скромному физику?

Появляется Юрген Шлоссер (тенор) и начинает хвастаться, что его тема — изучение солнечной активности — оказалась настолько важной, что ему готовы предоставить корабль для изучения Солнца вблизи. Карл просит о возможности присоединиться к экспедиции.

Картина вторая.

Борт космического корабля. В иллюминаторе огромный шар Солнца.

Ширин и Юрген работают с какой-то аппаратурой. Капитан Венёв (бас) стоит за пультом управления кораблём и поёт о том, что возить астрономов — самая скучная работа в Солнечной системе. Появляется Ангстрём. Обращаясь к Венёву, он рассказывает о том, к чему может привести эксперимент с его установкой. Венёв воодушевляется: наконец-то появилось дело, достойное романтика-первооткрывателя. Он выводит корабль на линию, соединяющую центр Солнца с центром альфы Центавра, и нажимает кнопку.

Картина третья.

Там же, но в иллюминаторе редкие звезды.

«Что случилось? Куда исчезло Солнце?» — спрашивает Ширин. Ангстрём объясняет, что Солнце никуда не делось: вот та маленькая звёздочка — это оно и есть. Просто до него теперь четыре световых года. Юрген и Ширин хором заявляют, что это глупая шутка. Но сравнение спектра маленькой

звёздочки и огромной звезды по другому борту, а также третьей близкой звезды, видной неподалёку, убеждает их в том, что они в самом деле попали в систему Альфы Центавра. Венёв предлагает поискать планеты, которых не видно с Земли.

Картина четвёртая.

Борт корабля. В иллюминатор виден огромный голубовато-белый шар планеты.

Юрген поёт что-то очень напыщенное про то, что они здесь первопроходцы, и перед ними планета, пригодная для жизни, на которую надо немедленно высадиться. Капитан отвечает, что просто так посадить корабль слишком рискованно: нет привода, неизвестно давление, внизу нет подходящего аэродрома. Надо вернуться на Землю и прийти сюда более подготовленными.

Ширин поёт грустную арию о том, как она всю жизнь мечтала о других планетах, и вот теперь, когда до мечты рукой подать, приходится отступать, добавляя, что она мечтала о совсем иной планете. Ангстрём спрашивает, о какой. Ширин рассказывает о загадочной планете в системе Арктура, которая никак не могла образоваться естественным путём, и где, наверное, можно встретить мудрых инопланетян. Она спрашивает, позволяет ли изобретение Ангстрёма достичь Арктура. Карл отвечает, что летать к звёздам-гигантам сложно, это на пределе возможностей его аппаратуры, но ради прекрасной мечты и прекрасных глаз Ширин он готов рискнуть.

После этого капитан, Ширин и Ангстрём уходят за кулисы. На сцене остаётся Юрген и поёт о том, какую змею пригрел на своей груди в лице Ангстрёма. Мало того, что тот уволок корабль непонятно куда, и вместо солнечной астрономии они тут занимаются изучением планет, так ещё и девушку пытается отбить.

Акт второй. Картина первая.

На заднике сцены изображён огромный космопорт. На самоходном трапе стоят наши герои и хором поют: «Люди, мы

принесли вам звёзды!» Хор славит их как триумфаторов.

Картина вторая.

На фоне того же задника стоит около стойки бара капитан Венёв со стаканом в руке и поёт грустную арию о том, что эпохальные открытия — это, конечно, хорошо, но денег за них не платят. Входит Сильма Типпельберг (меццо) и сообщает о том, что нашлись спонсоры для экспедиции на Арктур за следами внеземной цивилизации.

Картина третья.

Борт корабля. За иллюминатором — бело-голубой шар Лемурии и астероид Ланькова с развалинами необычных построек. Ширин поёт грустную арию о том, что она так мечтала о встрече с жителями иного мира, но видит только развалины. Карл отвечает ей, что зато в их распоряжении есть сам мир и множество тайн и загадок древней цивилизации.

Картина четвёртая.

Берег моря. Где-то в глубине задника к берегу пришвартован космический корабль. На берегу видны сборные домики лагеря экспедиции и развалины древнеарктурианских построек, которые частично представляют собой объёмные декорации. Из одной такой постройки появляется Сильма Типпельберг и рассказывает, что удалось оживить что-то из древней техники, и теперь экспедиция независима от поставок с Земли. Из-за кулис навстречу друг другу выходят Ширин и Карл и поют: «Это наш мир, мы останемся здесь жить».

Акт третий. Картина первая.

Тот же космопорт, что в начале второго акта. На трапе стоит капитан Венёв, у его подножия — хор. Венёв сообщает, что всё готово к отлёту колонизационной экспедиции на альфу Центавра. Из толпы хористов выходит Дарья Корябова (сопрано) и предлагает называть звезду Толиманом — негоже светилу, вокруг которого будет крутиться обитаемый мир, называться буквой в созвездии.

Картина вторая.

Лагерь экспедиции, вернее, уже колония на Лемурии.

Карл Ангстрём возится с каким-то механизмом. Раздаются странные звуки двадцатидвухтональной древнеарктурианской музыки. Под эти звуки из-за кулис появляется Ширин и поёт: «Наши дети играют с оставшейся от Древних электроникой и говорят на языке Древних. Мне страшно, что древняя культура поглотит нас, и мы забудем о том, что мы земляне.» Карл под вполне земную мелодию отвечает: «Оглянись вокруг — это наш мир. Зачем тебе душные города Земли? Какая разница, на каком языке говорить?»

Картина третья.

Земля, какой-то кабинет. За овальным столом сидят люди в военной форме и строгих костюмах. Перед столом стоит Юрген и поёт о том, что колонисты Лемурии не считают земные правительства и корпорации достойными права получать древнеарктурианские технологии, а вместо этого снабжают ими группы маргиналов, отправляющиеся к Толиману, Харе и Бете.

Встаёт один из строгих костюмов, Президент (тенор), и поёт о том, что с этим сепаратизмом надо кончать. Следом вскакивает Генерал (тенор) и, держа руку у козырька, поёт, что готов выполнить любой приказ Родины и будет беспощаден к предателям человечества.

Картина четвёртая

Одна половина сцены представляет собой домик в лемурийской колонии. В окно виден пейзаж, знакомый по предыдущему акту. Перед экраном дальней связи стоит Ангстрём.

Вторая половина — рубка космического корабля, в иллюминаторе Лемурия и астероид Ланькова. В рубке перед экраном стоит Генерал.

Генерал исполняет ультиматум. Ангстрём под двадцатидвухтональную арктурианскую музыку отвечает — это наш мир, и мы сами будем решать, с какими мирами хотим торговать, а с какими нет. А если вдруг это кого-то не устраивает, то от Древних у нас осталось много разных интересных штучек. Генерал поёт что-то на тему: «Мы, конечно, уйдём,

но скоро вы сами пожалеете, что отвергли нас.»

Эпилог.

Сцена разбита на много разных кусков, освещённых лучами разных цветов, символизирующих разные звёзды, и украшенной разной растительностью. Хор, распределённый по этим разным планетам, поёт славу Человечеству, вышедшему из колыбели.

— Вот эти события, причём именно в таком мифологическом изложении, и определили наше отношение к Земле, — подвела итог Ильма, когда экран погас. — Мы в очень большой степени готовы уважать право общины строить жизнь по тем законам, которые ей нравятся, за исключением двух абсолютных «нельзя»: нельзя закрывать доступ к информации о том, что другие люди живут по-другому, и нельзя запрещать людям покидать общину. Община, которая нарушает эти правила, скорее всего, будет экскоммуницирована, а это очень серьёзное наказание. Именно это случилось с первой попыткой колонизации под Тау Кита. После нескольких инцидентов на картах Торгфлота появилась пометка «сюда не летать, здесь создают проблемы» — и когда через полвека кто-то всё же решил посмотреть, что там творится, он не обнаружил ни одного живого колониста, — Ильма опустила глаза. — Собственно, на Земле тоже поставили такую пометку примерно сто лет назад. Однако Земля — не малочисленная колония, а цивилизация, в пятьдесят раз превосходящая по численности все пятьдесят миров, поэтому она не вымерла без обмена информацией с другими мирами, — она снова подняла взгляд на Анджея. — Но вот почему так мало людей на Земле воспользовалось информацией о наличии других миров тогда, когда её стало можно взять, я понять не могу. Любая скэттерная община теряет до тридцати процентов молодёжи, которая уходит в большой мир. Кстати, не будь этого фактора, у многих общин образовались бы проблемы с истощением окружающей среды. Хотя скэттерные технологии заметно отличаются от первобытных, тем не

менее они могут прокормить очень мало народу.

Эпилог

Анджей шёл по улице портового района Му-сити, возвращаясь с переговоров в редакции местного новостного канала, когда его вдруг кто-то окликнул по имени. Обернувшись, он увидел парня и девушку в торгфлотовской форме.

Парня он узнал сразу — Карл Кроппке, бывший аспирант Шварцвассера. Девушка тоже показалась смутно знакомой. Ах да, это же та самая Лада, подруга детства Мары, с которой та знакомила его полгода назад.

Встретить земляка на расстоянии тридцати семи световых лет от дома всегда приятно. Поэтому не прошло и пяти минут, как Анджей, Карл и Лада разместились за столиком какого-то небольшого кафе и стали обсуждать, у кого есть какие новости с Земли.

— Мара и Ким наконец закончили свою академию, — похвасталась Лада. — А то прямо обидно — у меня уже шестой скачок в роли полноправного штурмана, а они всё ещё числятся курсантами. Буквально вчера пришло письмо: Мара теперь старший артиллерист на «Орельяне», а Ким — командир роя на «Истомине». Представьте себе, Ким замутил роман по переписке с одной девчонкой с Марса, потом вытащил её в Клавиус, а в итоге, похоже, в Порт-Шамбале появился штатский экотехник.

— Эту девчонку, случайно, не Труди зовут? — поинтересовался Анджей.

— Мара пишет — Гертруда Карпентер. И что она аниматор-

любитель и сняла фильм про солнечные парусники, который наделал на Земле куда больше шуму, чем пение Андреа Фаррани в Венской опере. А теперь там закрутилась какая-то странная и экономически необъяснимая история с тем, чтобы реализовать эти парусники в металле.

— Повесть о том, как одна вовремя выпитая чашка чаю может изменить историю двух планет, — рассмеялся Анджей. — Но лучше я не буду её писать, а то ещё скажут, что я хочу приписать себе все заслуги Труди, Кима, и кто там ещё участвовал в этой эпопее. А про себя Мара что пишет, кроме должности?

— У неё вроде всё в порядке. Ещё до ухода эскадры у неё был роман с лейтенантом Фицроем, который теперь командир «Орельяны», и, по-моему, они продолжили с того места, на котором остановились, — Лада хихикнула. — Только не думаю, что ей будет легко. Вон Карл знает — хотя я всего лишь третий пилот, ему уже приходилось вытаскивать меня из кошмара. А у командира боевого корабля куда больше ситуаций, после которых с криком просыпаешься по ночам.

Анджей стиснул зубы и постарался не показать, что эта новость его задела. В конце концов, Мара с самого начала предупредила, что не может обещать долгосрочных отношений. Да и сам он тоже не хранил ей верность. Ладно девушки из скэттера — но Ильма...

А Лада ничего не замечала и смотрела только на Карла. Для неё проблемы любви внутри экипажа были своим личным вопросом, а Мара — всего лишь примером, на котором их можно обсудить. К счастью, Карл был более внимателен и сменил тему:

— А ты надолго здесь? Или ещё куда собираешься?

— По-хорошему, мне пора возвращаться на Землю.

— Давай к нам. Мы тут не успели войти в систему, как нам стали предлагать фрахт на Землю. Но свободные пассажирские места пока есть.

— Беда в том, что мне ещё надо заработать денег на билет. Билет под другую звезду стоит примерно десять тысяч лему-

риков, а у меня на счету едва пятьсот.

— Твоими репортажами зачитывается и засматривается вся Земля, а у тебя нет денег? — удивился Карл. — Как так может быть?

— Так на Земле-то у меня деньги имеются. Но что толку от них здесь? Капитан Ставраки поменял мне на лемурики те тускубы, которыми меня щедро снабдила Мара на Марсе, ну а здесь весь мой доход — только месячная зарплата рабочего этнографической экспедиции. По ставке двести лемуриков.

— А что, бывают такие маленькие ставки? — ахнула Лада.

— Здесь ещё и не то бывает. В скэттере мне приходилось видеть целые общины, которые за год не зарабатывают и полсотни лемуриков на всех. Едят то, что сами выращивают, одеваются в то, что сами сделали, Сетью не пользуются.

— Как ты думаешь, Лада, возьмёт мастер пассажира с оплатой в порту прибытия? — спросил Карл.

— Конечно, возьмёт, — энергично кивнула Лада. — Тем более на Землю. Там же всю стоимость билета можно потратить на земную экзотику, которую потом с руками оторвут под любой из сорока семи других звёзд. А ремонт перед рейсом нам сейчас не нужен, два скачка назад ремонтировались.

Так определилась судьба Анджея на ближайший месяц. Предстояло возвращение на Землю. На ту самую Землю, которая ещё год назад была для него всем миром — а теперь стала лишь одним из миров.